Абхазский государственный университет

Кафедра истории, археологии и этнологии Абхазии

А.Н. Габелия

АБХАЗИЯ
в предантичную и античную эпохи

Сухум 2014

УДК 94(5)
ББК 63.3 (5 Абх) 32
Г 12

Научный редактор:
О.Х. Бгажба, академик АНА, доктор исторических наук, профессор.

Рецензент:
В.В. Бжания, кандидат исторических наук.

Утверждено РИС Абхазского государственного университета

Перевод 3-й части с русского на английский язык осуществили:
М.А. Аракелян, Г.А. Габелия, Джесси Роджер, Г.В. Джесси-Суворова, С.К. Назеретян

Габелия Алик Николаевич
Абхазия в предантичную и античную эпохи. – Сухум, 2014. – 505 с.

В данную книгу кандидата исторических наук, доцента Абхазского государственного университета А.Н. Габелия вошли его кандидатская диссертация «Поселения колхидской культуры (на материалах Абхазии)», монографическое исследование «Абхазия в раннеантичное время. Диоскуриада», «Диоскуриада» (на английском языке), доклады на международных научных конференциях, предварительные итоги археологических исследований в Сухумской крепости в 2000-2004 годах.

Книга предназначена для ученых, педагогов, студентов и широкого круга читателей.

©Габелия А.Н., 2014

Содержание

Предисловие 3
Часть первая. Поселения колхидской культуры
(на материалах Абхазии) 9
Введение 10
Глава I. История изучения памятников колхидской
культуры на территории Абхазии… 14
Глава II. Поселения Абхазии конца II – первой половины
I тыс. до н.э. (вопросы топографии, планировки,
техники и форм домостроительства)… 27
Глава III. Керамика поселений колхидской культуры
в Абхазии.. 51
Глава IV. К вопросу об относительной периодизации
поселений колхидской культуры в Абхазии и проблема
их хронологии… 91
Глава V. Основные виды хозяйственнолй деятельности
населения древней Абхазии… 106
Заключение… 130
Список литературы 133
Список сокращений… 143
Список таблиц. 144
Таблицы 146
Часть вторая. Абхазия в раннеантичное время… 191
Глава I. Древнегреческая колонизация и Абхазия. История
вопроса… 192
Глава II. Диоскуриада… 204
1. История исследования Диоскуриады… 210
2. Письменные источники о Диоскуриаде и вопрос о
времени ее основания… 215
3. Материальная культура Диоскуриады… 218
4. Диоскуриада в эллинистический период… 221
5. Экономическое положение Диоскуриады… 224
6. Диоскуриада в эпоху Митридатовых войн.. 223
Список литературы… 239
Список сокращений 241

Часть третья. Исследования, опубликованные за рубежом… 245
Глава I. Dioscuriados. *(Диоскуриада.)* 246
Глава II. Доклады на международных научных конференциях… 314
1.1. Dioscuriados – is the most ancient town of the Caucasian Slack *S*ea coast. (Abstracts). *(Диоскуриада – древнейший город Кавказского Причерноморья.)* 314
1.2. Miletusis the organizer of colonization of the Eastern Black Sea region. *(Милет – организатор колонизации Восточного Причерноморья.)* 319
1.3. Dioskuriados and the Pontic Kingdom. *(Диоскуриада и Понтийское царство.)* 336
1.4. Dioscuriados between II BC and II AD millennia (Abstracts). *(Диоскуриада во II веке до н.э. и II в. н.э.)* 346
1.5. To the issue of comparative periodization of the settlements of Colchic culture in Abkhazia and the problem of its chronology. *(К вопросу об относительной периодизации колхидской культуры и проблема ее хронологии.)* 350
1.6. Sukhum-Kale – a crossroads of history. *(Сухум-Кале – перекресток истории.)* 357
1.7. Sebastopolis – a fortification of the “Pontic Limes”. *(Себастополис – укрепление Понтийского лимеса.)* 367
1.8. New epigraphic monument from Sebastopolis. *(Новый эпиграфический памятник из Себастополиса.)* 378
1.9. The Greek colonization of Abkhazia in the light of new archaeological discoveries (palaeogeographic, ecological and demographic situationin Sukhum Bay). *(Греческая колонизация Абхазии в свете новых археологических открытий (вопросы палеогеографии, экологии и демографии.)* 388
Часть четвертая. Предварительные итоги археологических исследований в Сухумской крепости в 1999–2004 годах. 399

Глава I. Полевые изыскания (отчет о работах, проведенных в 1999–2007 гг.) 400
1. Исследования 1999 года 402
2. Исследования 2000 года 413
3. Исследования 2003 года 418
4. Исследования 2004 года 428
Глава II. Предварительный анализ и общая характеристика археологического материала 432
1. Пифосы 432
2. Амфоры. 433
3. Лутерии. 436
4. Поливная керамика 437
5. Краснолаковая керамика. 439
6. Строительная керамика 446
7. Граффити на керамике 450
8. Монеты 453
9. Греческая надпись 456
Список литературы 461
Список сокращений 463
Список таблиц. 446
Таблицы 466

Предисловие

Значение периода поздней бронзы и раннего железа, а также последовавшего за ним античного периода в истории человеческого общества трудно переоценить. Абхазия, где проживали в это время древние предки абхазов, не исключение, ибо, с одной стороны, она является одним из очагов древней металлургии (цветной и черной), а также одним из путей ее распространения по западно-закавказскому пути, или меото-колхидской дороге, из Малой Азии в Европу; с другой стороны, данная территория являлась частью античной Ойкумены.

Вещественные источники при скудности и противоречивости письменных приобретают первостепенное значение, поэтому их публикация, интерпретация и хронология весьма важны для достижения истины в существующей острой дискуссии по поводу колхидской и кобанской культур, или колхидско-кобанской культурно-исторической общности (появилась в последнее время и искусственно, на мой взгляд, сконструированная гипотеза кобано-колхидской культурно-исторической общности с превращением ее локальных вариантов в отдельные археологические культуры), а также в понимании проблем греческой колонизации античной Колхиды, в том числе и Абхазии.

В свете сказанного публикация исследования кандидата исторических наук Габелия Алика Николаевича заслуживает пристального внимания.

Работа состоит из четырех частей.

Первая часть – это фактически его кандидатская диссертация, защищенная в Институте археологии АН СССР (1985г.). Лично я не сторонник господствовавшей тогда гипотезы разделения колхидской и кобанской культур, которой придерживается А.Н. Габелия Вместе с тем ранее защищенная в том же году докторская диссертация Ю.Н. Воронова, объединившего названные культуры на уровне металлургической провинции и предложившего «узкую» их датировку, в отличие от существовавшей тогда «широкой», еще не были

приняты большинством специалистов. Между тем ценность кандидатской диссертации А.Н. Габелия, публикуемой хоть и с большим опозданием, прежде всего заключается в том, что в ней содержатся неизвестные материалы из стационарных жилых и временных промысловых (солеварных) поселений предантичной Абхазии: тарная, столовая и «текстильная» керамика, ее орнаментация; артефакты из бронзы (топоры и другие предметы вооружения, «сечки», украшения); литейные формы, тигли, льячки – атрибуты бронзолитейщика, и др. Своеобразие самих жилищ (наземных деревянных, обмазанных глиной, и полуземляночного типа) и сопутствующего археологического материала с учетом уже известных вещественных источников из колхидских погребений позволили А.Н. Габелия выделить в колхидской культуре ярко выраженный абхазский локальный вариант. Наши древние предки интенсивно занимались плужным земледелием, отгонным скотоводством; высоко были развиты керамическое производство, бронзовые добыча и литье, солеварение, ткачество и ряд других промыслов.

Вторая часть работы посвящена последующему периоду в истории Абхазии – раннеантичному. Касательно характера, времени и иных аспектов древнегреческой колонизации автор в основном придерживается мнений своих предшественников: М.М. Трапш, Ю.Н. Воронова, Г.К. Шамба Много внимания уделено Диоскуриаде.

В третьей части собраны работы, опубликованные в дальнем зарубежье. Они охватывают широкий временной континуум от поздней бронзы до позднего средневековья и посвящены колхидской культуре, греческой колонизации, митридатовским войнам на территории Абхазии, Диоскуриаде, Себастополису, Сухум-Кале и другим проблемам.

В четвертой части даны предварительные итоги стационарных археологических раскопок в Сухумской крепости четырех полевых сезонов, анализу найденных здесь археологических материалов. Впечатляют эпиграфическая надпись II в. н.э. на греческом языке, граффити на керамике, монеты и т.д.

Книга А.Н Габелия. заслуживает внимания, ибо послужит хорошим подспорьем для ученых, педагогов, студентов и всех тех, кого интересуют история и археология Абхазии предантичного и античного времен.

Академик АНА,
Доктор исторических наук РАН,
Профессор АГУ
О.Х. Бгажба

Часть первая

ПОСЕЛЕНИЯ КОЛХИДСКОЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛАХ АБХАЗИИ)

Введение

Эпоха поздней бронзы и раннего железа, или предантичная эпоха (конец II – первая половина I тыс. до н.э.), является одним из самых ярких и интересных периодов в культурно-историческом развитии Кавказа. С этой эпохой, ознаменованной рядом крупных достижений в социально-экономическом развитии общества, связаны расцвет бронзовой индустрии, возникновение и развитие самобытных археологических культур. На Кавказе в данный период, как известно, процветали такие археологические культуры, как кобанская, колхидская, прикубанская, каякентско-хорочоевская и другие.

Колхидская культура была распространена в основном на территории Западной Грузии и Абхазии. Территория Абхазии, по мнению ряда исследователей, явилась одним из центров формирования колхидской культуры. Здесь получил развитие один из локальных ее вариантов. В Абхазии колхидская культура представлена бытовыми памятниками (поселениями), могильниками, кладами, бронзолитейными мастерскими, рудниками.

Благодаря многолетней систематической работе ученых достигнуты определенные успехи в изучении колхидской культуры. Значителен вклад в изучение памятников и разработку проблемы данной культуры Б.А. Куфтина, Е.И. Крупнова, А.А. Иессена, О.М. Джапаридзе, М.М. Трапш, Д.Л. Коридзе, Т.К. Микеладзе и других ученых.

Несмотря на достигнутые успехи в изучении колхидской культуры, до сих пор остается нерешенным ряд важных вопросов, связанных с ее всесторонней характеристикой. Это объясняется главным образом тем, что вплоть до 60–70-х гг. вне поля зрения исследователей оказывались бытовые памятники – поселения колхидской культуры на такой значительной части ее ареала, какой является территория Абхазии. Как известно, колхидская культура на этой территории до начала 70-х годов была изучена главным образом по погребальным памятникам и кладам бронзовых изделий. Данное обстоятельство, естественно, ограничивало возможности широкой научной интерпретации как культуры Абхазии, так и культуры всей Колхиды эпохи поздней бронзы и раннего железа. Выполненные за последующий

период на территории Абхазии археологические исследования привели к резкому сдвигу в деле изучения здесь бытовых памятников конца II – первой половины I тыс. до н.э. Большая заслуга в этом принадлежит, прежде всего, Причерноморской экспедиции Института археологии АН СССР, руководимой В.В. Бжания. Эта экспедиция исследовала в Абхазии ряд поселений колхидской культуры. Среди последних следует особо выделить Бамборское и Тамышское поселения, подвергнутые широкомасштабным раскопкам и давшие большой археологический материал, главным образом, обширную коллекцию керамики.

Кроме того, на территории Абхазии выявлено и в разной степени обследовано более 20 других поселений колхидской культуры. Учитывая исключительно важное значение всех этих памятников с точки зрения глубокого и детального изучения древней истории и культуры Абхазии, мы поставили себе целью дать первую обобщенную характеристику поселений колхидской культуры на территории Абхазии, подвергнуть исследованию наиболее массовый и почти не изученный до сих материал из этих поселений – керамику, и на основе всего этого определить их относительную периодизацию и хронологию, установив тем самым их место в общем ряду памятников колхидской культуры.

При этом мы решили положить в основу исследования материалы Бамборского и Тамышского поселений как наиболее широко изученных бытовых памятников на территории Абхазии[1].

Поскольку в работе нет специального раздела, посвященного краткой физико-географической характеристике изучаемого края, мы приводим ее ниже, в этом же введении.

Абхазия расположена в западной части южного склона Главного Кавказского хребта и выходит в северо-восточному побережью Черного моря. Площадь современной территории Абхазии составляет 8,7 тыс. кв.км. По Главному Кавказскому хребту и реке Псоу проходят ее западная и северная границы (с Россией), а по Сакянскому хребту и реке Ингур – восточная граница (с Грузией).

[1] Считаю своим долгом выразить глубокую благодарность руководителю Причерноморской экспедиции ИА АН СССР к.и.н. В.В. Бжания, предоставившему мне возможность использовать в полной мере и ввести в научный оборот материалы из Бамборского и Тамышского поселений.

Большую часть территории Абхазии составляют горные и предгорные массивы (около 5,5 тыс. кв. км), меньшую занимают холмистая и низменная зоны (около 3,2 тыс. кв. км). Низменная зона представляет собой западную часть Колхидской низменности.

Для горной зоны характерно большое разнообразие высотных поясов: субтропический, горно-лесной, альпийский и пояс вечных снегов и ледников. Альпийские луга – сочные пастбища для отгонного скотоводства. Имеющиеся в горной зоне месторождения полезных ископаемых, в частности, медных руд[2], с древних времен использовались человеком.

Территория Абхазии пересечена густой речной сетью, принадлежащей бассейну Черного моря. Это несудоходные горные реки (Бзыбь, Кодор, Гумиста, Келасур и др.).

Край отличается редким для столь небольшой территории разнообразием климата. Основным фактором, влияющим на его формирование, является географическое положение территории Абхазии между Черным морем и Главным Кавказским хребтом.

Особенно благоприятны для жизни человека побережье и нижний лесной горный пояс с теплым климатом, богатыми фауной и флорой[3]. Этот пояс издавна служил местом активной деятельности человека, о чем свидетельствуют найденные в пещерах и других местах памятники каменного века[4]. Интенсивное заселение прибрежных равнин происходило во второй половине II тыс. – первой половине I тыс. до н.э. – в эпоху колхидской культуры.

Разнообразие рельефа и климата обуславливает и пестроту почв Абхазии: здесь встречаются болотные почвы, подзолы, красноземы, желтоземы и др.

Большая часть Абхазии занята лесами, представленными, в частности, такими ценными породами, как самшит, тис (красное дерево), каштан, дуб и др.

Разнообразна и фауна края. В горах и лесах Абхазии водятся

[2] **Семенов В.Г.** Полезные ископаемые и минеральные воды Абхазии. – ТАИ, т. IV, 1934.

[3] **Колаковский А.А.** Флора Абхазии. Сухуми, 1933.

[4] **Воронов Ю.Н.** Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, с. 13–17.

туры, олени, кабаны, косули, серны и другие виды диких животных. Многие представители фауны являлись объектами охоты в древности, в том числе в эпоху колхидской культуры. Существовали также условия для развития рыболовства: в горных реках ловили главным образом форель, на море камбалу; имела место и охота на дельфина.

Несомненно, благоприятные природные условия, существовавшие на территории Абхазии, способствовали раннему заселению ее человеком. Картографирование памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа свидетельствует, в частности, о том, насколько широко были освоены племенами колхидской культуры прибрежная и предгорная части Абхазии.

Глава I
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КОЛХИДСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ АБХАЗИИ

Начало археологическому изучению памятников колхидской культуры на территории Абхазии было положено более ста лет назад случайными работами путешественников, географов, историков.

В 1833г. в Абхазии побывал французский путешественник Ф. Дюбуа де Монпере, который дал описание многих памятников древностей края. В 1868г. А.Н. Введенским было предпринято исследование каменных гробниц в с. Хуап, в которых были найдены керамика, золотые и железные предметы, относящиеся, возможно, к эпохе раннего железного века[5].

С 1870г. сбором археологических материалов в окрестностях Сухума занимался краевед В.И. Чернявский. В собранной им коллекции важное место занимали материалы, датируемые концом II – началом I тыс. до н.э. В.И. Чернявский принял активное участие в работе V Археологического съезда в Тифлисе. Этот съезд, состоявшийся в 1881г., как известно, сыграл исключительную роль в историко-археологическом изучении Кавказа вообще и Абхазии в частности. В его трудах, кстати, были опубликованы первые сведения об археологических памятниках Абхазии[6].

В 1886г. В.И. Сизов, по поручению и на средства Московского археологического общества, предпринял первые научные археологические исследования в Сухуме. Сделанные им при этом некоторые заключения о древних памятниках Абхазии не лишены ошибок. В частности, он писал: «Вообще можно заметить, что характерные формы бронзовой культуры осетин кобанского типа не проникли в приморскую область»[7].

---

[5] **Введенский А.Н.** Замечания на записку В. Чернявского. – В кн.: Протоколы подготовительного комитета V Археологического съезда в Тифлисе. – М., 1879.

[6] **Чернявский В.И.** Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно. – В кн.: Протоколы подготовительного комитета … . – М., 1879, с. 25.

[7] **Сизов В.И.** Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. – МАК, вып. 2, М., 1889, с.10.

В 80-х годах XIX в. во время поездок по Кавказу П.С. Уварова обратила внимание на наличие археологических памятников эпохи поздней бронзы в Абхазии, подчеркнув, в частности, находку литейных форм для отливки топоров в с. Таглон[8].

В начале 90-х годов XIX в Абхазии работал ботаник Н.М. Альбов, который собрал попутно некоторые сведения об археологических находках в Абхазии[9]. Летом 1907г. по поручению Археологической комиссии А.А. Миллером были предприняты разведки по Кавказскому побережью Черного моря[10]. В своей информации он отметил, что исследованная часть побережья (Абхазское побережье) не однородна в археологическом отношении. Странным ему показалось полное отсутствие здесь древних могильников. Укажем и на то, что А.А. Миллер дал описание бронзовых изделий, обнаруженных в с. Ачандара.

Следует отметить, что древностями Абхазии интересовались в дореволюционный период и местные любители-археологи, но вся их деятельность также ограничивалась описанием отдельных памятников. К глубокому сожалению, научные учреждения России не провели ни одной организованной экспедиции по выявлению и изучению древних памятников Абхазии. Отсутствие соответствующих данных в области археологии и древней истории Абхазии, вызванное крайне слабой изученностью края, приводило ученых к ошибочным выводам. Так, П.С. Уварова писала, что в Абхазии о дольменах ничего неизвестно, «о них народ не имеет никаких представлений, чем несомненно доказывается, что их в крае никогда не существовало»[11]. Подобных заключений и предположений было высказано немало.

После победы Октябрьской революции и установления советской власти историко-археологическое изучение Абхазии, как и многих других областей нашей страны, принимает планомерный и организованный характер. Этому, в частности, спо-

[8] **Уварова П.С.** Могильники Северного Кавказа. – МАК, вып. 8, 1900, с. 336.

[9] **Альбов Н.М.** Этнографические наблюдения в Абхазии. «Живая старина». СПб., 1893, с. 324–329.

[10] **Миллер А.А.** Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 году. – МАК, вып. 33, 1909, с. 81–82.

[11] **Уварова П.С.** Несколько дополнительных сведений по вопросу о кавказских дольменах. – МАК, вып. 9, М., 1904, с. 175.

собствовали создание в 1922г. Абхазского научного общества и проведение в 1924г. в Сухуме I съезда деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа. К началу проведения съезда на территории Абхазии как раз были обнаружены первые находки колхидской культуры. Безусловно, создание АБНО и организация съезда краеведов дали толчок к развитию историко-археологического изучения Абхазии.

Летом 1925г. АБНО поручило проф. А.С. Башкирову произвести археологическое обследование северо-западного побережья Абхазии[12]. Работы экспедиции, в состав которой вошли также члены АБНО В.И. Стражев и А.Л. Лукин, были сосредоточены главным образом на территории Сухума, на Пицундском мысу и в Гудаутском районе и сводились лишь к описанию храмов и монументальных сооружений, не затрагивая памятники интересующей нас эпохи.

Начало систематического сбора и музейного хранения местного археологического материала было заложено в 1926г. В.И. Стражевым и М.М. Иващенко, работавшими постоянно в Сухуме до начала 30-х годов. Полагаю, можно с полным основанием сказать, что первую страницу в истории изучения памятников культуры эпохи бронзы на территории Абхазии открыл В.И. Стражев. По поручению Абхазского научного общества, он в 1926г. предпринял несколько поездок по районам Абхазии, по следам многочисленных сообщений о случайных находках бронзовых вещей. 11 мая состоялось заседание секции истории, археологии и этнографии АБНО, на котором В.И. Стражев сделал предварительный доклад о результатах поездки в с. Петропавловка, где был найден бронзовый инвентарь разрушенного погребения. На это же заседание по приглашению общества прибыл из Гудауты А.Л. Лукин, продемонстрировавший свою коллекцию находок бронзовых изделий из Гудаутского района. Дальнейшие поиски неутомимого краеведа В.И. Стражева были продолжены в селах Приморск, Лабра, Кодоры и в самом Сухуме.

Все обнаруженные находки, свидетельствующие о наличии в Абхазии памятников бронзовой культуры, идентичной кобан-

[12] **Башкиров А.С.** Археологические изыскания в Абхазии летом 1925г. – ИАБНО, вып. 4, 1926, с. 3–60.

ской, В.И. Стражев опубликовал в «Известиях АБНО»[13]. В том же выпуске, кстати, была напечатана заметка В.И. Стражева об открытии группы дольменов в с. Азанта[14], которая «сняла с Абхазии обвинение в бездольменности».

Значительна роль М.М. Иващенко в изучении археологических памятников Абхазии. С 1924 по 1931 гг., являясь членом АБНО и Комитета по охране памятников культуры и искусства Абхазской АССР, он участвовал в историко-археологических экспедициях и разведках в различных пунктах Абхазии. Им выявлено большое количество памятников главным образом эпохи бронзы и железа. В 1930г. М.М. Иващенко открыл и частично раскопал в с. Эшера дольменную группу, предварительно датировав ее вторым тысячелетием до н.э.[15] В том же году он обследовал и несколько погребений в урнах в с. Эшера. Погребения были обнаружены на восточном склоне небольшого хребта. Останки костяка и погребальный инвентарь находились в больших глиняных сосудах. В состав инвентаря входили бронзовые и железные изделия, характерные для колхидской культуры. Особо укажем на то, что в непосредственной близости от этих погребений М.М. Иващенко были зафиксированы два поселения исследуемой нами культуры.

Говоря о работах местных краеведов, следует сказать и о деятельности А.Л. Лукина. Начиная с 1904г., на протяжении 30 лет он собирал значительную коллекцию бронзовых изделий, представляющих собой в основном случайные находки. Они были систематизированы им и опубликованы[16]. В 1929г. на общем собрании АБНО А.Л. Лукин зачитал доклад «Об Аагстинском погребении». Данный комплекс вызвал большой научный интерес, так как он был первым бесспорным свидетельством наличия могильников бронзового века в Абхазии. Погребение случайно было обнаружено на склоне холма в местности Аагста местными крестьянами. Место находки доисследовал А.Л.

[13] **Стражев В.И.** Бронзовая культура в Абхазии. – ИАБНО, Сухуми, 1926, с. 105–123.

[14] **Там же.**

[15] **Иващенко М.М.** Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. – ИАБНО, Тифлис, 1935, с. 9–50.

[16] **Лукин А.Л.** Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. ТОИПКГЭ, т. I. Л., 1941, с. 29–35.

Лукин. В состав его инвентаря входили три бронзовых топора, шесть бляшек с фигурками животных на вершинах, бронзовые бусы, браслеты и т.д. А.Л. Лукин отнес погребение к типу захоронений со скорченным правосторонним положением костяка и еще раз подтвердил связь культур бронзового века Абхазии и Кобани.

Таким образом, в 20-е годы в Абхазии были сделаны первые и интересные открытия в области изучения памятников позднебронзовой культуры, получившей впоследствии наименование колхидской. Но эти открытия еще не являлись результатом целенаправленных и систематических исследований. Планомерное изучение археологических памятников Абхазии стало осуществляться в начале 30-х годов, когда в Сухуме был создан научный центр – Абхазский научно-исследовательский институт.

В 1934г. Абхазским НИИ была организована крупная археологическая экспедиция под руководством академика И.И. Мещанинова. Работа проходила в составе двух отрядов: по дородовому обществу (С.Н. Замятин, Л.Н. Соловьев) и по родовому и античному обществу (И.И. Мещанинов, М.М. Иващенко, А.Л. Лукин и проф. Б.А. Куфтин)[17]. Нас в данном случае интересуют результаты работ второго отряда, руководимого Б.А. Куфтиным и исследовавшего памятники эпохи бронзы. Собранные экспедицией материалы и материалы, хранившиеся в Абхазском музее и в коллекции краеведа А.Л. Лукина, позволили осветить некоторые важные вопросы развития культуры бронзового века на территории Абхазии.

Местом работ отряда был избран один из ближайших к Сухуму районов, точнее, окрестности с. Эшера, где М.М. Иващенко ранее исследовал случайно открытые погребения. Экспедиция обнаружила еще одно погребение в крупном глиняном сосуде, поставленном горлом вниз на каменную плиту и содержащем характерный инвентарь колхидской культуры. Материал этого погребения подтвердил предположение М.М. Иващенко о существовании в эпоху бронзы в Абхазии, наряду с ингумационным обрядом, и обряда вторичного захоронения. Б.А. Куфтин, опубликовавший позже итоги исследований руководимого им отряда с привлечением всего накопленного материала, при-

[17] **Куфтин Б.А.** Материалы к археологии Колхиды. Том I. Тб., 1949.

шел к выводу о тождественности бронзовых вещей из Абхазии и инвентаря из могильника Кобан в Северной Осетии и признал полную синхронность обеих культур, не отрицая в то же время и черты определенных различий данных комплексов[18].

В 1934г. Л.И. Соловьевым в нескольких пунктах на побережье Абхазии были открыты остатки селищ, которые хронологически можно отнести к интересующей нас эпохе, датировав их VIII–VIIвв. до н.э.[19] Он высказал предположение, что это были поселения промыслового характера, обитатели которых занимались выпариванием соли из морской воды.

Осенью 1935г. в Абхазии работала экспедиция ГАИМК, под руководством выдающегося кавказоведа А.А. Иессена, в которой принимали участие Б.Б. Пиотровский и Л.Н. Соловьев. Ими было обследовано несколько памятников колхидской культуры в Сухумском районе[20]. Пользуясь случаем, отметим, что в широко известном труде А.А. Иессена по древней металлургии Кавказа, опубликованном в 1935г., большое внимание уделено характеристике материалов эпохи поздней бронзы Абхазии[21].

В конце 40-х – начале 50-х годов возобновились прерванные Отечественной войной археологические работы в Абхазии, в результате чего были открыты новые памятники колхидской культуры.

В 1948–51 гг. М.М. Трапш исследовал могильник эпохи поздней бронзы и раннего железа в с. Куланурхва Гудаутского района.[22] Было вскрыто двенадцать погребений: одиннадцать человеческих и одно конское. Захоронения были совершены в простых грунтовых ямах без каких-либо каменных или других сооружений. Девять погребений содержали металлический инвентарь колхидской культуры, а остальные – типично скифский инвентарь. Куланурхвинский могильник подтвердил предположение о существовании древних грунтовых захоронений в Абхазии.

---

[18] **Куфтин Б.А.** Материалы к археологии Колхиды. Том II, с. 225–235.

[19] **Соловьев Л.Н.** Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии. – СА, XIV, М., 1950, с. 279.

[20] **Иессен А.А.** Сухумская экспедиция ГАИМК. – СА, №3, 1937, с. 251.

[21] **Иессен А.А.** К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. – Известия ГАИМК, вып. 120, 1935.

[22] **Трапш М.М.** Труды, том I. Сухуми, 1970, с. 98–167.

Изучение материалов Куланурхвинского могильника позволило М.М. Трапш сделать ряд выводов, в частности, о том, что могильник в целом датируется VIII–VI вв. до н.э., а культура, представленная им, соответствует в целом колхидской. Кроме того, что крайне важно и интересно, на основании отдельных комплексов могильника удается установить несомненные связи местного населения со скифами. Изучение Куланурхвинского могильника, таким образом, не только обогатило представления о местной позднебронзовой культуре, но и, самое главное, подтвердило наличие бесспорных контактов культуры со скифской.

Весной 1945г. на Сухумской горе, на участке, примыкающем к г. Сухум с северо-восточной стороны, были проведены небольшие археологические исследования под руководством А.Н. Каландадзе и М.М. Трапш[23]. Проведение этих работ было вызвано тем, что в самом начале того года здесь при земляных работах случайно был найден клад бронзовых вещей. В результате раскопок здесь вскрыт целый ряд погребений с инвентарем, типичным для колхидской культуры. По обряду захоронения погребения подразделялись на два типа. К первому типу относились округлые могильные ямы с полной кремацией покойников; в них найдены бронзовые пластинчатые браслеты, серебряные фибулы, колокольчики и т.д. Второй тип характеризовали захоронения в ямах удлиненной формы, в инвентарь которых входили три бронзовых топора колхидского типа, бронзовые браслеты и два небольших глиняных сосуда.

Соответствующие наблюдения с учетом всего обнаруженного в процессе раскопок материала позволили М.М. Трапш предположить возможность наличия на данном месте поселения рубежа II–I тыс. до н.э. медеплавильни.

На соседнем с Сухумской горой холме «Гуада» неутомимый исследователь древней культуры Абхазии М.М. Трапш в 1952–54 гг. раскопал также могильник «Гуадиху» с инвентарем колхидского типа, датированный им VIII–VI до н.э.[24] 32 погребения эпохи поздней бронзы и раннего железа по своему устройству подразделяются на два типа – погребения с полной кремацией

[23] **Каландадзе А.Н.** Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1954г.

[24] **Трапш М.М.** Труды, том II, Сухуми, 1969, с.17–78.

и с частичным сожжением. Особое место среди инвентаря занимает оружие. Оно представлено железными боевыми топорами-молотками, железным кинжалом, железными наконечниками копий. Предметы убора и украшения состоят из бронзовых браслетов, шейных гривен, пронизей, булавок, фибул и т.п. Многие из них покрыты орнаментом, мотивы которого широко представлены на различных образцах колхидской и кобанской бронзы.

Среди погребальных памятников колхидской культуры на территории Абхазии большой известностью пользуется также раскопанный в 1956–59 гг. М.М. Трапш Красномаяцкий могильник вблизи г. Сухум[25]. Здесь исследовано 152 погребения, из которых 104 относятся к эпохе поздней бронзы и раннего железа. Последние делятся на три типа: захоронения в могильных ямах удлиненной формы с вытянутым положением костяка на спине, могильные ямы округлой колодцеобразной формы с галечным подстилом и, наконец, погребения в больших богато орнаментированных глиняных сосудах с вторичным обрядом захоронения. Инвентарь погребений состоит из керамики, металлических, каменных, янтарных и пастовых предметов, характерных для позднего этапа колхидской культуры в Абхазии.

Для характеристики металлургии и металлообработки у племен колхидской культуры важна роль кладов, открытых на территории Абхазии[26]. Самым примечательным среди них является Лыхненский клад бронзовых топоров[27]. Он состоял из 35 массивных топоров колхидского и прикубанского типов. М.М. Трапш подразделил топоры на четыре типа. Ряд убедительных данных указывает на то, что все топоры изготовлены в одной мастерской. М.М. Трапш датировал клад в пределах середины и третьей четверти II тыс. до н.э.

В 1964г. В.В. Бжания провел первые археологические работы на поселении колхидской культуры в с. Тамыш Очамчирского района[28]. Забегая вперед, укажем, что исследования этого важного и

[25] **Там же.** С. 81–162.

[26] **Воронов Ю.Н.** Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, с. 17–43.

[27] **Трапш М.М.** Труды, том I, Сухуми, 1970, с. 174–183.

[28] **Бжания В.В.** Тамышское поселение эпохи поздней бронзы. Сборник научных работ аспирантов. Сухуми, 1967, с. 205–240.

интересного памятника в 1978г. продолжила экспедиция Института археологии АН СССР и Центра археологических исследований Института истории, археологии и этнографии АН Гр. ССР, которая вскрыла здесь значительную площадь и добыла разнообразный материал[29]. В том же году, кстати, данная экспедиция провела раскопки еще одного поселения колхидской культуры – Моква[30].

В 1969–71гг. местным археологом Ю.Н. Вороновым был собран подъемный материал на поверхности Куланурхвинского могильника эпохи поздней бронзы и раннего железа и прилегающего к нему холма[31]. Анализ собранной коллекции древних предметов свидетельствует, что здесь находилось синхронное могильнику многослойное поселение. На юго-восточном склоне холма было обнаружено также оссуарное погребение. Инвентарь погребения включал бронзовый кинжал с ритуальным разломом, два бронзовых браслета, биконическую бронзовую бусину и железный пинцет. По набору предметов погребение датировано второй половиной VIII в. до н.э.

Отметим здесь же, что в 1978г. Ю.Н. Воронов и М.М. Гунба опубликовали еще несколько комплексов колхидской культуры, открытых ими в различных пунктах Абхазии[32]. Это, правда, погребальные комплексы, в том числе ряд разрушенных оссуарных захоронений в г. Гагра. В инвентарь последних входил набор бронзовых предметов, позволивший датировать их IX – первой половиной VIII вв. до н.э. Из других изданных данными авторами памятников интересующей нас эпохи укажем также ряд захоронений в пос. Бешкардаш, с. Звандрипш и в с. Ачандара.

В 1979–80гг. отрядом совместной экспедиции Абхазского НИИ и Института археологии АН СССР под руководством В.В. Бжания были проведены раскопки на одном из участков Гагрского могильника[33]. В результате было исследовано 55 погребений колхидской культуры. К числу значительных достижений

[29] **Барамидзе М.В., Бжания В.В.** Археологические исследования на новостройках Гр. ССР. Тб., 1982, с. 91–93.

[30] **Там же**. С. 95–96.

[31] **Воронов Ю.Н., Вознюк А.С.** Новые археологические находки в Гудаутском районе Абх. АССР. – СА, №2, 1975, с. 265–274.

[32] **Воронов Ю.Н., Гунба М.М.** Новые памятники колхидской культуры в Абхазии. – СА, №2, 1978, с. 252–264.

[33] **Бжания Д.С.** Археологические открытия 1980г. в Абхазии. Тб., 1982, с.10.

указанной экспедиции следует отнести результаты раскопок на поселении Кистрик, начатые в 1979г. и продолжившиеся до 1983г. включительно[34].

Поселение Кистрик до начала этих работ было известно как неолитический памятник. Но новые исследования, начавшиеся здесь, показали, что неолитический слой на данном поселении перекрыт жилыми и другими культурными остатками эпохи поздней бронзы и раннего железа. Поэтому, чтобы не путать два разновременных объекта, поселение, относящееся к верхнему слою, мы называем не Кистрикским, а Бамборским – по месту своего расположения. Раскопки поселения проведены на обширных площадях, в результате чего получен громадный по количеству и разнообразию материал. Бамборское поселение – это в настоящее время одно из наиболее широко исследованных поселений колхидской культуры как на территории Абхазии, так и во всем ареале данной культуры. Оно является ныне спорным для изучения, во всяком случае, в пределах Абхазского Причерноморья. Поэтому характеристике его и всестороннему изучению представленного в нем материала мы уделяем большое внимание в настоящей работе.

Таким образом, более чем за 100-летний период изучения древностей Абхазии, и в особенности за советский период, усилиями ряда поколений исследователей, краеведов и просто любителей археологии собран значительный археологический материал, освещающий древнюю историю и культуру края. Но работы не ограничивались только сбором материалов; производились их систематизация, хронологическое определение, установление взаимосвязей и выяснение происхождения с попытками культурно-исторической интерпретации добытых источников.

Как отмечено выше, в 1926г. В.И. Стражев, опубликовав несколько комплексов и отдельных бронзовых предметов из Абхазии, интерпретировал их как «характернейшие предметы ближайших типов и полных аналогий бронзе древнего слоя Кобани»[35]. М.М. Иващенко определил бронзовый инвентарь

[34] **Бжания В.В.** Охранные раскопки Кистрика. – АО 1980г. в Абхазии. Тб., 1981, с. 397.

[35] **Стражев В.И.** Бронзовая культура... . С. 113.

погребений из с. Эшера как «находки кобанской бронзы в Абхазии», хотя им ошибочно выдвинута гипотеза об «одновременности существования в Абхазии «кобанской» культуры с культурой эллинской»[36]. В 1931г. в своей новой работе о бронзовой культуре Западной Грузии М.М. Иващенко первым высказал мнение, что предметов кобанской культуры на территории Западной Грузии, Сванетии и Абхазии количественно в несколько раз больше, чем в Осетии, что главными носителями кобанской бронзовой культуры были колхи и что эта культура должна считаться культурой древних колхов[37]. И.И. Мещанинов – руководитель Абхазской археологической экспедиции (1934г.), ознакомившись с материалами экспедиции, а также со случайными находками из разных мест Западной Грузии, высказал соображение, «что центр так называемой «кобанской культуры» должен находиться в Западной Грузии и эта культура должна быть названа колхидской культурой»[38].

Наиболее полную характеристику культура эпохи поздней бронзы в Абхазии получила в работах таких крупных кавказоведов-археологов, как Б.А. Куфтин, А.А. Иессен и Б.Б. Пиотровский. Б.А. Куфтин после многолетнего изучения памятников Западной Грузии и Абхазии приходит к выводу, что в Западной Грузии и в Кобани существовала совершенно однородная культура и называет ее «колхидско-кобанской» культурой[39]. Значение труда А.А. Иессена «К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе» для изучения ранних этапов развития металлургии в Абхазии мы отметили выше. Вопросы археологии позднебронзового этапа Колхиды были рассмотрены Б.Б. Пиотровским в книге «Археология Закавказья» (1949г.). В ней он, в частности, подчеркнул, что «колхидская культура распространяется за пределы СССР в Лазистан», а на севере захватывает район Северной Осетии»[40].

---

[36] **Иващенко М.М.** Исследование архаических памятников… . С. 68–78.

[37] **Иващенко М.М.** Материалы к изучению культуры колхов. – МИГК, вып. 2, Тб., 1941, с. 1–59.

[38] **Джапаридзе О.М.** Бронзовые топоры Западной Грузии. – СА, 1953, №18, с. 83.

[39] **Куфтин Б.А.** Археологические раскопки в Триалети. Тб., 1941, с. 16, 68; **он же.** К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. – ВГМГ, т. XII, Тб., 1942, с. 232.

[40] **Пиотровский Б.Б.** Археология Закавказья. Л., 1949, с. 60.

Особо следует подчеркнуть и труды О.М. Джапаридзе, посвященные памятникам колхидской культуры, в том числе и представленным на территории Абхазии. На основании тщательного анализа археологического материала им был сделан важный вывод о том, что колхидская и кобанская культуры, хотя и характеризуются некоторыми общими чертами, все же не тождественны и являются самостоятельными культурами[41]. Ныне этот вывод общепризнан.

Большого внимания, безусловно, заслуживают работы Д.Л. Коридзе, посвященные изучению «колхской» культуры. Исследовав почти все обнаруженные клады древних бронзовых изделий на территории Колхиды, он, в частности, установил, что на территории Абхазии в позднебронзовую эпоху существовал один из крупных очагов металлургического производства[42].

Велика заслуга в изучении древней истории и культуры Абхазии М.М. Трапш,– известного абхазского археолога, не раз обращавшегося в своих исследованиях к проблеме колхидской культуры в Абхазии. В его монографии и серии статей, посвященных данной теме, заложены основы для ее подлинно исторического освещения.

Отметим, что памятники колхидской культуры рассматриваются и получили характеристику в разной степени в докторских диссертациях Т.К. Микеладзе[43], О.Д. Лордкипанидзе[44], Б.В. Техова[45], в кандидатских диссертациях А.Т. Рамишвили[46], М.М. Трапш[47], Л.Н. Панцхава[48], Г.Т. Квирквелия[49].

---

[41] **Джапаридзе О.М.** Бронзовые топоры Западной Грузии. С. 281–30.

[42] **Коридзе Д.Л.** К истории колхской культуры. Тб., 1965.

[43] **Микеладзе Т.К.** Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья. Автореф. док. дисс. Тб., 1966.

[44] **Лордкипанидзе О.Д.** Античный мир и древняя Колхида. Автореф. док. дисс. Тбилиси, 1966.

[45] **Техов Б.В.** Центральный Кавказ в XVI–Хвв. до н.э. Автореф. док. дисс. Тб., 1977.

[46] **Рамишвили А.Т.** Юго-Восточное Причерноморье в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Автореф. канд. дисс. Тб., 1971.

[47] **Трапш М.М.** Куланурхвинский древний могильник. Автореф. док. дисс. Сухуми, 1951.

[48] **Панцхава Л.Н.** К истории художественного ремесла колхидской и кобанской культур. Автореф. канд. дисс. Тб., 1976.

[49] **Квирквелия Г.Т.** Материальная культура Северо-Западной Колхиды в VIII–V вв. до н.э. Автореф. канд. дисс. Тб., 1981.

Таким образом, за советский период и особенно за послевоенные годы были выполнены важные полевые и исследовательские работы, посвященные изучению древней истории и культуры Колхиды и Абхазии, в том числе так называемой колхидской культуры. Несмотря на это, ряд существенных вопросов, связанных с проблемой данной культуры, остается дискуссионным, не решенным до сих пор. К их числу, например, относятся вопросы взаимоотношений и синхронизации колхидской и кобанской культур, равно как и хронологизация их памятников. В настоящее время четко наметились две точки зрения по вопросу датировки этих культур: согласно одной из них они датируются XV–VIII вв. до н.э., а с другой – более поздним периодом (XI–VI вв. до н.э.). Выяснять, чем все это объясняется, не входит в нашу задачу сейчас. Укажу только, что данного вопроса мы коснемся отдельно выше. Однако отметим, что одной из причин этого является совершенно недостаточная изученность поселений колхидской культуры, отсутствие исследований по наиболее массовому материалу этой культуры – керамике.

Проведенный историографический обзор показывает, что на территории Абхазии к настоящему времени открыта и исследована значительная и разнообразная группа памятников колхидской культуры. Полученный материал позволяет сделать выводы о том, что на территории Абхазии существовал один из ярких локальных вариантов этой культуры. Его рассмотрение на базе исследования различных категорий материала (прежде всего, керамического), полученного на поселениях Абхазии, и предстоит нам далее.

Глава II
ПОСЕЛЕНИЯ АБХАЗИИ КОНЦА II – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. ДО Н.Э. (ВОПРОСЫ ТОПОГРАФИИ, ПЛАНИРОВКИ, ТЕХНИКИ И ФОРМ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА)

Для изучения жизни общества, хозяйства и быта древнего населения, особенностей развития его материальной культуры, а также ряда других проблем социально-экономического характера исключительно большое значение, как известно, имеют бытовые памятники, – прежде всего, древние поселения.

Однако именно эта категория памятников Абхазии долгое время оставалась вне регулярных исследований; основным же объектом изучения являлись могильники эпохи поздней бронзы и раннего железа. Но положение в данном отношении, как показано выше, существенно изменилось, начиная с 70-х годов двадцатого столетия, в особенности – за последние 20 лет. К настоящему времени на территории Абхазии выявлено уже более 30 пунктов с культурными слоями колхидской культуры. Многие из известных здесь поселений эпохи поздней бронзы и раннего железа изучены пока еще на ограниченных площадях. Однако крупномасштабные раскопки, проведенные на поселениях Бамбора и Тамыш, дают возможность сделать ряд обобщений и выводов относительно характера и особенностей бытовых памятников колхидской культуры на изучаемой территории. Настоящая глава специально посвящена характеристике этих поселений. При этом считаем необходимым дать, прежде всего, краткое описание наиболее изученных археологической наукой поселений колхидской культуры в Абхазии. Начнем обзор с поселений южных районов Абхазии.

В 1980г. Абхазская экспедиция Центра археологических исследований при Институте истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили АН Гр. ССР начала раскопки древнего поселения на территории поселка Пирвели Гали[50] (табл. 1,2). Поселение расположено на северной окраине поселка, на высоком естественном холме, восточный, западный и юж-

[50] **Барамидзе М.В., Чигошвили Т.Э., Квирквелия Г., Хубутия Г., Квициния В., Хвистани Р.** Краткий отчет работ 1980г. археологической экспедиции Абхазии. – В кн.: Археологические открытия 1980г. в Абхазии. Тб., 1982г., с. 44–46.

ный склоны которого образуют широкую террасу. С юга холм окаймляется неглубоким оврагом. На поселении зафиксировано несколько разновременных культурных слоев, содержащих обломки керамических сосудов, типичных для предантичной эпохи местной культуры. К изучаемой эпохе относится нижний слой с четырьмя горизонтами. Интересна специфика сооружений: обнаружено помещение, углубленное в скальном грунте, глубиной до 1,5м и шириной до 12м. О планировке поселения говорить до завершения его исследования трудно.

Другое поселение эпохи поздней бронзы и раннего железа, обследованное данной экспедицией, находится в пос. Приморск Гудавского сельсовета Очамчирского района (табл. 1). Это типичное дюнное поселение на берегу моря. Разведочный раскоп показал наличие здесь семи уровней обожженных прослоек общей мощностью около 3м, разделенных слоями морского песка. Весь материал – «текстильная» керамика, рогатые столбики – характерен для прибрежных поселений Западной Грузии и Абхазии.

Эта же экспедиция с 1980г. вела работы по изучению древнего поселения в с. Пичори Гальского района[51] (табл. 1,1). Поселение, условно названное Диха-Гудзуба, состоит из десяти холмов, расположенных в 400м от берега моря и окаймленных искусственными каналами. На поселении прослежено девять строительных горизонтов общей мощностью до 4м, относящихся ко времени от середины II тыс. до IV–III вв. до н.э. Выявлены остатки деревянных сооружений с глиняной обмазкой, обнаружены керамика и орудия труда, характерные для поселений колхидской культуры.

Остатки поселения эпохи поздней бронзы прослежены при раскопках церкви X–XI вв. на песчаном холме, на левом берегу р. Окум, в нескольких сотнях метров от побережья моря в окрестности с. Гудава Очамчирского района[52] (табл. 1,4). Здесь выявлен культурный слой, содержащий многочисленные фрагменты «текстильной» керамики и глиняных рогатых столбиков,

[51] **Барамидзе М.В.** Исследования в с. Пичори. – АО 1982г. М., 1984.

[52] **Закарая П.П., Леквинадзе В.А.** Предварительный отчет раскопок 1968–1969гг. в Чаквинджe и Гудаве. – В кн.: Археологические экспедиции Гос. музея Грузии. Тб., т. II, 1971, с. 106.

а также фрагменты чернолощеного сосуда и горшочек с ручкой, снабженной двумя роговидными выступами.

Жилой холм с «текстильной» керамикой и с рогатыми глиняными столбиками обнаружен в 10–12км к юго-востоку от г. Очамчира, у впадения р. Окум в море на левом берегу[53] (табл. 1,3).

«Второе» Очамчирское поселение, открытое в 1934г. Л.Н. Соловьевым, расположено в пределах самого города на берегу моря[54] (табл. 1,5). Поселение занимает полосу берегового вала шириною около 50м, длиной около 500м и высотой до 4м над уровнем моря. Культурный слой мощностью 40см обнаруживается как отдельными небольшими гнездами, так и более крупными участками. Прослежены жилые и производственные площади. Места производственной деятельности отмечены скоплением черепков, принадлежащих по преимуществу «текстильной» керамике и простирающихся сплошным слоем на 1–4м, как правило, в плоских углублениях.

«Жилые площади» характеризуются уплотненным песчаным грунтом, пропитанным гумусом, диаметром 3–4м, с небольшим скоплением керамики и каменного инвентаря. Встречаются также большие пятна культурного слоя (25 кв.м), где комбинируются и «жилые», и производственные площадки. Аналогичная картина наблюдается и на других прибрежных промысловых стоянках Западной Грузии и Абхазии.

Моквинское поселение, обследованное еще в 30-е годы Л.Н. Соловьевым, расположено на высоком естественном холме на правом берегу одноименной реки в 200м от побережья моря и в 5км к западу от г. Очамчира[55] (табл. 1,5). Оно занимает площадь около 1га. Раскопки, проведенные на памятнике в последние годы, позволили установить стратиграфию поселения. Зафикси-

[53] **Воронов Ю.Н.** Археологическая карта… . С. 41.

[54] **Соловьев Л.Н.** Селища … . С. 268; **Воронов Ю.Н.** Археологическая карта… . С. 40; **Куфтин А.Б.** Материалы … . Т. II, с. 274 (поселение в г. Очамчире названо «вторым» в отличие от «первого» поселения, расположенного в 3км от города и относящегося к эпохе энеолита и ранней бронзы).

[55] **Соловьев Л.Н.** Селища … . С. 267–268; **Барамидзе М.В., Бжания В.В., Пхакадзе Г.Г., Шамба Г.К., Квиркелия Г.Т., Чигошвили Т.Э.** Основные итоги исследования на строительных площадках Абхазии. – В кн.: Археологические исследования на новостройках Грузии. Тб., 1982, с. 95–96.

ровано три слоя. Первый слой мощностью до 20см представлял собой суглинок темноватого цвета, насыщенный обломками глиняных сосудов, каменными грузилами, зернотерками. Второй слой мощностью 15–20см – суглинок коричневого цвета с большим количеством кусков обожженной глиняной обмазки и фрагментов керамики. Самый нижний слой (толщина 20см) – суглинок темно-коричневого цвета с угольками – также содержал большое количество глиняных сосудов, включая фрагменты сосудов с отпечатками ткани. Керамика из всех трех горизонтов однородна по форме и технологии изготовления и аналогична материалам из поселений прибрежной Абхазии и Западной Грузии рассматриваемой эпохи.

На поселении найдено много подшлифованных орудий из морской гальки, кремневых поделок, зернотерок и других каменных орудий. Среди последних обращают на себя внимание заготовки каменного молота и терочники, которые, возможно, связаны с медеплавильным производством.

Кроме того, здесь открыты также остатки жилищ двух типов: наземные деревянные жилища, обмазанные глиной, и жилища полуземляночного типа, глубиной 0,80м. Размеры тех и других почти одинаковы: длина их 3–4м, ширина 2–2,5м.

Одним из наиболее исследованных бытовых памятников колхидской культуры на территории Абхазии является Тамышское поселение[56], открытое Ц.Н. Бжания в 1957г. Поселение расположено на западной окраине с. Тамыш Очамчирского района, в 300м к северу от моря и 200м к востоку от левого берега р. Тоумуш (табл. 1,7). Оно представляет собой поляну, возвышенную на 1м над окружающей территорией. Поляна прямоугольных очертаний занимает площадь 100х200м, ориентирована с северо-востока на юго-запад и окаймлена почти со всех сторон редким ольховым лесом, а с восточной – заболоченным протоком, возможно, служившим рвом. На площади поселения четко различимы три расплывчатых возвышения высотой не более 1м, представляющих собой остатки сооружений.

[56] **Бжания В.В.** Тамышское поселение эпохи поздней бронзы. – В кн.: Сборник научных работ аспирантов. Сухуми, 1967, с. 225–231; **Барамидзе М.В., Пхакадзе Г.Г., Бжания В.В.** Археологические исследования в Абхазии. – В кн.: Полевые археологические исследования в 1977г. Тб., 1980, с. 114–116.

В 1964г. В.В. Бжания провел на поселении первые исследования и установил существование культурного слоя, относящегося к первой половине I тысячелетия до н.э. В 1976–79гг. совместная экспедиция Института археологии АН СССР, Центра археологических исследований Грузии и Абхазского НИИ провела большие работы по исследованию памятника. В северо-восточной части поселения на одном из возвышений был заложен раскоп площадью 400 кв.м. В 1983г. экспедиция приступила к стационарным раскопкам памятника, заложив здесь два раскопа – один (размеры 12х24) на северо-восточном возвышении, а другой (25кв.м) в южной части поселения. В результате проведенных работ на поселении вскрыта площадь более 1000кв.м. и получен большой и разнообразный археологический материал.

Культурный слой поселения толщиной в среднем около 80см расположен на участках размещения жилых сооружений и ям; мощность его превышает 1м. В нем прослежены два горизонта. Материалы нижнего горизонта позволяют определить время возникновения поселения рубежом II и I тысячелетий до н.э. Верхней хронологической границей памятника можно считать VII в. до н.э.

Верхний горизонт представляет собой суглинок светло-коричневого цвета мощностью 10–30см. Он сильно потревожен в результате глубокой вспашки, содержит остатки предантичного периода вперемешку с предметами средневекового и современного периодов.

Нижний горизонт сравнительно лучшей сохранности, представляет собой суглинок серого цвета, в местах скопления древних находок и перегноя органических остатков принимает темную окраску. Мощность его от 30 до 50см, богат древними находками. На уровне нижнего горизонта вскрыты остатки полов древних жилищ, которые представляют собой сплошной пласт обожженной глины толщиной до 15см. Полы жилищ вспучены, по всей видимости, от действия огня, что подтверждается и их красным пережженным цветом.

Находки на полах и вблизи от них, а также на других участках поселения, кусков обмазки от стен жилищ, указывают на то, что жилища представляли собой постройки турлучного типа. Основу стен составляли деревянные прутья, которые были обмазаны

с обеих сторон глиной. Какова была форма их перекрытия, где находился дверной проем, а также некоторые другие особенности конструкции домов – осталось неустановленным. Ясно, что это жилые постройки наземного типа, имевшие прямоугольную форму, иногда с закругленными углами, площадью до 100кв.м. Хотя раскопки поселения проведены на сравнительно значительной площади, до сих пор не удалось выявить здесь, внутри этих жилищ или около них, очажных сооружений.

Наряду с наземными постройками прямоугольного плана на Тамышском поселении, в частности, на раннем этапе его существования, бытовали постройки иного типа. Это были полуземлянки округлой в плане формы, диаметром около 5м. Все они открыты в северо-восточной части поселения. Были углублены в материк на глубину до 1м[57]. В одной из них зафиксирована подстилка из мелкого галечника и расчищен круглый глиняный очаг диаметром до 30см и высотой 15см.

Таким образом, на Тамышском поселении сооружали постройки двух типов, но преобладали большие наземные прямоугольные постройки. Следы этих построек открыты почти на всех участках поселения, но какой-либо определенной планировки в их расположении не прослеживается. По всей видимости, четкой планировки и не было, дома были разбросаны по всему поселению.

Укажем еще на то, что на Тамышском поселении расчищено восемь хозяйственных ям. Все они находились в северо-восточной части поселения, около и между постройками полуземляночного типа, имели в плане округлую форму (диаметр их в среднем около 1м, а глубина 1,20м)[58]. Эти ямы служили для хозяйственных целей (в основном как хранилища продуктов).

Многочисленный материал, полученный на Тамышском поселении, представлен каменным, металлическим и керамическим инвентарем, который уверено связывается с материалами других поселений колхидской культуры.

Остатки поселения поздней бронзы и раннего железа обна-

[57] **Барамидзе М.В., Пхакадзе Г.Г., Бжания В.В., Шамба Г.К., Квирквелия Г.Т., Чигошвили Т.Э.** Основные итоги… . С. 91.

[58] **Барамидзе М.В., Пхакадзе Г.Г., Бжания В.В.. Шамба Г.К., Квирквелия Г.Т., Чигошвили Т.Э.** Основные итоги … . С. 92.

ружены в с. Царча в 15км к востоку от Сухума[59] (табл. 1,8). Здесь собран большой подъемный материал в виде фрагментов глиняных сосудов с орнаментом, типичным для керамики колхидской культуры, каменных грузил и других предметов.

Следы поселений эпохи поздней бронзы зафиксированы в различных пунктах Гульрипшского района[60]. В частности, на левом берегу р. Мачара (табл. 1, 9), на площади 0,5га собраны образцы глиняных сосудов. Этот памятник отмечен как поселение Мачара 2. Аналогичный материал происходит и из с. В. Лемса. Он был разбросан здесь на площади до 10 тыс.кв.м. Укажем также большой подъемный материал, относящийся к эпохе поздней бронзы и раннего железа и собранный в верховьях Алексеевского ущелья на холме недалеко от г. Сухум (табл. 1,13). Следы поселений эпохи колхидской культуры зафиксированы еще в семи пунктах в 6км от моря на обоих берегах р. Мачара.

Поселение эпохи поздней бронзы и раннего железа исследовано и на Сухумской горе[61] (табл. 1,10). Эта гора вплотную примыкает к г. Сухум с северо-восточной стороны, имеет две куполообразные вершины и глубокую седловину между ними. Северная вершина находится на отметке 190м от уровня моря, и поселение расположено у подножия этой вершины на северо-восточной части седловины. Один из раскопов (12), заложенный здесь, выявил два культурных слоя мощностью каждый от 10 до 50см. Первый – желто-бурый, каштанового оттенка; крупнозернистая глина с небольшим содержанием скатанной гальки, – относится к античной эпохе. С колхидской культурой связаны культурные остатки второго слоя, представляющего собой темно-серый суглинок.

В этом же раскопе, в северной его части, на глубине 1,0–1,10м от поверхности обнаружена площадка с более темным слоем, включающим крупные булыжники. Здесь найдены обломки глиняной посуды, внутренняя поверхность которых была закопчена и прожжена от соприкосновения с расплавленным металлом, а также куски обожженной глины. На одной стороне последних видны следы булыжника, а другая сторона их

[59] **Воронов Ю.Н.** Археологическая карта … . С. 41.

[60] **Там же.** С.17–41.

[61] **Каландадзе А.Н.** Археологические памятники … . С. 83–88.

сглажена, что свидетельствует о том, что глиной была обмазана каменная выкладка. Здесь найдены куски шлака и обломки бронзового слитка. По всей видимости, на данном участке поселения выявлены остатки медеплавильной печи рубежа II–I тыс. до н.э.

В 1953г. М.М. Трапш при изучении могильника эпох поздней бронзы и раннего железа на южном склоне холма Гуадиху, находящегося севернее Сухумской горы, на границе между г. Сухум и с. Бирцха, зафиксировал следы поселения того же времени[62] (табл. 1,11). Здесь исследованы остатки жилых помещений в виде кусков глиняной обмазки и большое количество обломков керамики эпохи колхидской культуры.

Сухумское поселение расположено на юго-западной окраине г. Сухум у пос. Красный Маяк и занимает 2 га; оно вытянуто вдоль берега[63] (табл. 1,2). Значительная часть поселения разрушена морем, а также траншеями в период войны. В настоящее время участок застроен домами. Поселение впервые было обследовано Л.Н. Соловьевым, который выдвинул гипотезу об его промысловом характере.

В 1956г. экспедиция Абхазского НИИ под руководством М.М. Трапш провела раскопки Сухумского поселения. Было заложено шесть раскопов, один из которых (раскоп № 5), площадью 25кв.м, дал наиболее интересный материал. На поселении прослежено два слоя. Верхний, под растительным слоем на глубине 15–20см, представлял собой светло-серый песок, содержащий обломки чернолаковой посуды и фрагменты привозной синопской черепицы. Нижний культурный слой относится к рассматриваемой эпохе. Он достигает 25–30см и представляет собой коричнево-серый песок, насыщенный местами перегноем органических остатков. На площади раскопа 5 в трех местах обнаружены следы кострищ, близ которых зафиксировано скопление фрагментов «текстильной» керамики и глиняных рога-

[62] **Трапш М.М.** Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951–53г.г. – СА, XXIII, 1955, с. 213–214.

[63] **Соловьев Л.Н.** Селища… . С. 268–278; **Трапш М.М.** Археологические раскопки в окрестностях Сухуми. – Труды АБНИИ, т. XXIX. Сухуми, 1956, с. 185–187; **Иессен А.А**. Сухумская экспедиция ГАИМК. – СА, т. III, 1937, с. 251; **Воронов Ю.Н.** Археологическая карта … . С. 30.

тых столбиков, т.е. материал, характерный для промысловых стоянок прибрежной Грузии и Абхазии[64].

Нижний слой поселения содержал значительный материал, главным образом, керамику, в том числе значительную коллекцию «текстильной» керамики и сопровождающие ее глиняные рогатые столбики, широко известные из поселений эпохи позднего этапа колхидской культуры в Западной Грузии.

Поселение Эшера I расположено на территории с. Эшера Сухумского района, в 2км к западу от г. Сухум, на холме, известном под названием «Дача Верещагина»[65] (табл. 1,14). Оно находится на вершине холма (на высоте 200м над уровнем моря), на восточном склоне которого расположен могильник эпохи поздней бронзы. Вся площадь поселения (не менее 3–4 га) густо покрыта фрагментами глиняной посуды. На поселении заложено два шурфа, в результате чего прослежен культурный слой мощностью 40–60см, содержащий большое количество фрагментов глиняной посуды и кости животных. Среди обломков посуды присутствуют фрагменты сосудов с отпечатками ткани, каннелированная керамика, обломки больших сосудов, аналогичных урнам, найденным в погребениях на восточном склоне холма.

Другое поселение – Эшера II, находится в 0,5ка к юго-востоку от первого (табл. 1,15) и занимает площадь не менее 2га. Расположено оно частью на склоне холма, частью на его вершине, которая немного ниже вершины первого холма. Работы здесь ограничились сбором подъемного материала. Вся поверхность поселения буквально покрыта фрагментами толстостенных сосудов, аналогичных по типу и орнаменту погребальным урнам и керамике с первого поселения. Кроме керамики обнаружены куски обожженной глины, вероятно, от стен жилищ, в небольшом количестве обломки бронзовых предметов, кости животных, шлак и угольки. Никаких сооружений бытового и производственного характера не открыто. Б.А. Куфтин, обсле-

[64] **Куфтин Б.А.** Материалы… . Т. I. Тб., 1955, с. 25–75; **Рамишвили А.Т.** Раскопки приморских стоянок в Пичвнари в 1960–1964г.г. – СА, №I, 1975, с. 136–152.
[65] **Иващенко М.М.** Исследования… . С. 64–66; **Соловьев Л.Н.** Селища… . С. 269; **Воронов Ю.Н.** Археологическая карта… . С. 27, 28; **Куфтин Б.А.** Материалы… . Т. II, с. 5–20.

довавший эти поселения, сопоставил их материал с инвентарем погребений на этих же холмах и датировал их эпохой поздней бронзы, в отличие от М.М. Иващенко, который отнес их к эпохе «эллинской колонизации восточного побережья Черного моря».

Поселение у р. Шицкуара, исследованное в 30-е годы Л.Н. Соловьевым, располагалось в 17 км к западу от г. Сухум, на размытой береговой полосе шириною 20–50м[66] (табл. 1,16). От поселения сохранились небольшие участки (площадки), где выявлен культурный слой, насыщенный обломками посуды, в особенности «текстильной» керамики, характерный для промысловых прибрежных стоянок Западной Грузии и Абхазии.

В 1945г. А.Л. Лукин обнаружил в восточной части пос. Новый Афон, на остатках четырехметровой береговой террасы, остатки древнего поселения в виде культурного слоя, представляющего собой темно-коричневый глинистый песок с обломками «текстильной» керамики и другими находками, совершенно аналогичными материалам поселений эпохи поздней бронзы и раннего железного века прибрежной Абхазии.

Поселение в устье р. Псырцха[67], открытое Л.Н. Соловьевым в 1939г., располагалось в 200м к северо-западу от устья реки на четырехметровой террасе, в 1,5км к западу от пос. Новый Афон (табл. 1,18). Площадь поселения составляет более 1500кв.м. В результате проведенных здесь работ установлена стратиграфия памятника и собран значительный материал. Из шести слоев (а, б, в, г, д, е) материал эпохи поздней бронзы содержал слой В. Последний представлял собой темно-коричневый песок, крупнозернистый, гумусированный, мощностью 1–1,2м. В слое найдены фрагменты глиняной посуды с отпечатками ткани и глиняные столбики с роговидными выступами.

Коллекция керамики в Абхазском государственном музее из с. Приморска указывает на то, что здесь, наряду с могильником эпохи поздней бронзы, находилось и синхронное ему поселе-

[66] **Соловьев Л.Н.** Селища … . С. 269–170; **Воронов Ю.Н.** Археологическая карта… . С. 27.

[67] **Соловьев Л.Н.** Селища… . С. 270; **Воронов Ю.Н.** Археологическая карта… . С. 26.

ние[68] (табл. 1,19.). Керамика представлена выразительными фрагментами толстостенных и каннелированных сосудов.

Куланурхвинское поселение[69] расположено в центральной части с. Куланурхва на холме, носящем название «Аджра» (табл. 1,20). На юго-восточном склоне «Аджры» М.М. Трапш в 1948–1952г.г. исследовал могильник эпохи позднего этапа колхидской культуры (VIII–VI вв. до н.э.). В 1969–71гг. на площади холма (2 га) была собрана значительная коллекция древних находок в виде фрагментов больших толстостенных сосудов (пифосов) со штампованным орнаментом, двурогих ручек, крышек от сосудов. Несомненно, что здесь находились синхронное могильнику поселение.

Поселение Аагста[70] расположено на склоне холма примерно в 50м над уровнем моря, в центре села Мугудзырхва Гудаутского района (табл. 1,22). Открыто в 1929г. Основной материал – обломки посуды, зернотерки, каменные грузила, характерные для эпохи поздней бронзы.

Самым же изученным в настоящее время поселением колхидской культуры на территории Абхазии является Бамборское поселение (табл. 1,21). Оно расположено на западной окраине г. Гудаута, на р. Кистрик. Поселение было открыто А.Л. Лукиным в 1940г., собравшим на распахиваемой площади поселения большой материал[71]. Первые раскопки на поселении проведены в 1960г. Л.Н. Соловьевым[72]. Затем, в 1963г. Л.Н. Соловьев и В.В. Бжания заложили на поселении разведочный раскоп (№1) для установления стратиграфии памятника. С 1970г. совместная экспедиция Института археологии АН СССР и Абхазского НИИ АН Гр. ССР под руководством В.В. Бжания приступили к

[68] **Стражев В.И.** Бронзовая культура… . С. 105–123; **Воронов Ю.Н.** Археологическая карта… С. 24.

[69] **Воронов Ю.Н., Вознюк А.С.** Новые археологические находки в Гудаутском районе Абхазской АССР. – СА, II, 1975, с. 268; **Воронов Ю.Н.** Археологическая карта… . С. 22.

[70] **Иващенко М.М.** Исследование … . С. 57; **Воронов Ю.Н.** Археологическая карта… . С. 18.

[71] **Лукин А.Л.** Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут. – СА, XII, 1950, с. 241.

[72] **Соловьев Л.Н.** Неолитические поселения Черноморского побережья Кавказа: Нижне-Шиловское и Кистрикское. – МАА, Тб., 1967, с. 22–30.

изучению этого интересного памятника[73]. С тех пор исследования поселения с некоторыми перерывами продолжались до 1984г. включительно. Общая раскопанная площадь поселения составляет 7000кв.м.

Исследования установили, прежде всего, что Бамборское поселение – памятник двухслойный.

Топография поселения. Поселение занимает возвышенную площадь на правом берегу р. Кистрик, протекающего по западной окраине г. Гудаута (табл. II). Поселение разрезается на две части проселочной дорогой, проходящей от моря. К западу от дороги находится та часть поселения, которая подвергалась наиболее широким исследованиям.

Высшая точка – около 3-х м от уровня моря – находится на северо-восточном участке, откуда вся площадь опускается по все стороны (табл. 3). На западе поселение окаймляет заболоченная низина. Площадь поселения составляет около 1 га. Следует отметить, что культурные остатки встречаются и в окрестностях поселения, особенно выше по течению р. Кистрик и вдоль берегового вала. Подъемный материал, собранный нами здесь, показал, что этот район в древности активно был заселен.

Характеристика культурного слоя. Стратиграфия. Культурный слой в среднем имел мощность около 1м. В местах древних построек он превышал 1м, а на некоторых участках составлял всего лишь 40см. Такая разница в мощности слоя объясняется значительными размерами площади поселения и разбросанностью жилых и хозяйственных построек. Нижний слой мощностью не более 20см относится, как известно, к неолиту. Как показали работы последних лет, остатки неолитической эпохи тяготеют к востоку, к берегу р. Кистрик. К западу же количество неолитических материалов резко сокращается, в некоторых местах, где сохранность культурного слоя более удовлетворительная, удалось зачистить непотревоженные участки и получить интересный неолитический материал. Но результаты исследования неолитического слоя составляют особую тему. Для нас первостепенное значение в данном случае имеет комплекс верхнего слоя (слой Б) поселения, характеризующего местную культуру эпохи поздней бронзы (рубежа II–I тыс. до н.э.). Слой

[73] **Бжания В.В.** Охранные раскопки Кистрика. Тб., 1982.

местами отчетливо выделен стратиграфически, но чаще всего принадлежность к конкретной эпохе определяется по комплексу находок. Отложения позднебронзовой эпохи почти полностью нарушили ранний культурный слой, но и сам верхний слой не избежал разрушения, так как площадь поселения постоянно подвергалась вспашке (в начале нынешнего столетия здесь возделывали табак, а в 30-е годы были заложены цитрусовый питомник и чайная плантация, чему предшествовала обработка поля плантажным плугом).

Остатки построек располагались разбросанно по всему поселению (табл. II). Несмотря на их плохую сохранность, они дают общее представление о планировке и приемах домостроительства на поселении. К сожалению, сохранность остатков построек такова, что крайне затруднительно судить о форме и некоторых особенностях самих жилищ. На поселении были выявлены остатки восьми помещений.

Жилище 1 (табл. III) располагалось в наиболее возвышенной северо-восточной части поселения (раскопы 10,11, 1979г.). Остатки жилища были обнаружены примерно в 20 см от поверхности. Грунт здесь был темный от обильного содержания органических остатков. Находки в виде обломков глиняных сосудов разных типов встречались по всей площади жилища. Здесь также обнаружено большее количество угольков, а в восточной части расчищен очаг. Он представлял собой яму, стены которой, возможно, были обложены валунами (в яме найдено много угля и камней со следами пребывания в огне). Нахождение здесь глиняной обмазки со следами тонких прутьев и больших валунов свидетельствует о том, что при сооружении стен постройки были использованы камни и прутья, а также глина, которой они были обмазаны. Пол, по всей видимости, представлял собой утрамбованную площадку. Жилище имело подпрямоугольную форму с закругленными углами. Длина (по оси «З–В») около 8м, ширина («Ю–С») примерно 5м. Таким образом, общая площадь жилища составляла около 40кв.м.

Жилище 2 (табл. IV) располагалось с западной части поселения (раскоп 12, 1979 г.). Оно тоже имело прямоугольную форму. Его пол был опущен ниже дневной поверхности на 60–70см, то есть это жилище было полуземляночного типа. Говорить о стро-

ительной технике в данном случае трудно. По всей видимости, при постройке жилища было использовано в основном дерево, которое не сохранилось. Жилище разрушено современной траншеей. Четко прослежены контуры восточной, южной и северной стенок. Длина жилища по восточной стенке около 8м. Заполнение углубленной части жилища состояло из темного вязкого суглинка, интенсивно пропитанного перегноем органических остатков. По всей площади его было рассыпано много угольков, но место очага или кострища зафиксировать не удалось. Найдено также большое количество обломков глиняных сосудов разных типов.

Жилище 3 (табл. V) было расположено в юго-восточной части поселения (раскопы 17 и 47, 1980г.) Темное пятно, связанное с этим жилищем, начало прослеживаться на глубине 20–25см от поверхности. Оно характеризовалось скоплением обломков глиняных сосудов и больших валунов. Заполнение темного пятна представляло собой почти черный суглинок. В центральной части жилища обнаружено скопление костей животных и валунов. По всей площади жилища отмечено большое количество угольков, костей животных, маленьких кусков бронзы и железа, а также скопление обломков больших глиняных сосудов. Пол, по всей видимости, представлял собой обожженную глиняную площадку. Размеры жилища: длина 10м, ширина около 6м.

Жилище 4 располагалось в пониженной заболоченной части поселения (раскоп 24, 1981г.), представляя собой западную окраину поселения (табл. VI). Остатки жилища были обнаружены в 15см от поверхности. В юго-восточном углу была расчищена хозяйственная яма. Грунт по всей площади черный, содержал в большом количестве обломки керамических сосудов. Обнаружено несколько развалов сосудов больших и малых размеров, костяное пряслице, бронзовая застежка и бусина. По всей площади разбросаны угольки и куски обожженной глины. В юго-западном углу из камня был выложен очаг в виде круга диаметром около 80см. Около очага обнаружено около пяти каменных зернотерок, а недалеко была расчищена хозяйственная яма (диаметром 1м, глубиной 0,8м), в заполнении которой находились кости животных.

Таким образом, это было жилище наземного типа прямоугольной формы, его общая площадь составляла более 100кв.м. (11х10м). Пол жилища представлял собой утрамбованную глину с мелкой морской галькой. В жилище находилось два открытых очага и две хозяйственные ямы. Можно предполагать, что в западной части жилища была сосредоточена площадка, связанная с хозяйственно-производственной деятельностью людей, о чем может свидетельствовать скопление здесь каменных орудий.

Жилище 5 было расчищено в центральной части поселения (раскопы 22 и 48, 1981г.) (табл. VII). Размеры постройки: длина около 15м, ширина 8м. На площади жилища отмечены: большое количество угольков, камней, куски глиняной обмазки, а также обломки, возможно, от глиняного очага, фрагменты керамики и каменных орудий.

В южной части жилища находилась округлая в плане галечная выкладка диаметром 2м. На ней обнаружено много зернотерок, терочников, грузил, крупных фрагментов глиняных сосудов, шаров для пращи и большое количество сколов камней. По всей видимости, это была производственная площадка по изготовлению каменных орудий.

Внутри жилища расчищены две хозяйственные ямы. Одна имела овальную форму (размеры 0,80–1,20м, глубина 1м) и находилась в южной половине жилища, другая вырыта у западной стенки жилища и имела прямоугольную форму (размеры 1,2–2м, глубина 1м). Ямы были заполнены грунтом темного цвета, среди которого встречено много костей животных, углей и обломков глиняных сосудов.

Жилище 6 располагалось рядом с жилищем 5, к северу от него. Оно имело форму неправильного прямоугольника с закругленными углами (табл. VIII). Вероятно, с западной стороны к нему было пристроено еще одно небольшое помещение для хозяйственных нужд. По всей площади жилища наблюдались скопления фрагментов глиняных сосудов. В юго-восточной части жилища расчищена хозяйственная яма овальной в плане формы. Размеры ее: длина 2м, ширина 1,5м, глубина 1,5м. В заполнении ямы встречены кости животных, фрагменты керамики и угольки. Под полом, который представлял собой утрам-

бованную глину с мелкой окатанной галькой, найдено несколько предметов из бронзы и железа. В западной части жилища зафиксировано скопление обожженной глины. Оно тянулось с севера на юг и выходило за пределы жилища, а также концентрировалось в его южной части. Сказать определенно, с чем связано это скопление, трудно. Правда, на отдельных кусках глины имелись следы прутьев, – возможно, это остатки стен постройки.

В жилище были устроены очаги. Один из них находился в северо-западной части помещения и представлял собой круг (диаметром 1м) из камней. Другой очаг был устроен в южной части помещения и представлял собой округлую в плане яму диаметром и глубиной 60см. Внутренняя прокаленная поверхность имела темно-бурый цвет. Заполнение ямы состояло из золы, угольков, обломков сосудов и костей животных. Большой интерес представляют остатки третьего очажного сооружения, также в виде округлой в плане ямы диаметром 125–140см и глубиной 1м, находившейся в западной части постройки. В ней также было много золы и углей. Вокруг этой очажной ямы прослежено скопление керамики, а в ее заполнении обнаружено большое количество фрагментов ошлакованных сосудов. Если бы эта очажная яма находилась вне жилого помещения, то можно было бы уверенно говорить о том, что перед нами остатки печи для обжига сосудов. Не исключено однако, что это действительно так, тем более, что к данной части помещения примыкала небольшая (2–2,5м) каменная постройка, остатки которой прослежены у западной стенки описанного жилища.

Таким образом, перед нами остатки крупной жилой постройки общей площадью около 150кв.м с двумя очагами, хозяйственной ямой и с очажной ямой для обжига керамики.

Остатки жилища 7, которые у края юго-восточной части поселения (раскоп 43, 1981г.), определяют как бы южную его границу (табл. IX). Сохранившаяся лучше остальных, эта постройка дает наиболее полное представление о формах, размерах и типах жилых помещений поселения. Форма ее подчетырехугольная, углы постройки закруглены (северо-восточный и юго-западный углы срезаны). Длина (по оси «З–В») 16м, ширина 10м.

На всей площади жилища были разбросаны кости животных, каменные зернотерки, терочники, шары для пращи. Кроме того, вся площадь была усеяна камнями малых и больших размеров. Хозяйственные ямы и очаги в жилище не прослежены. Но по всей площади было много угольков, а в центральной части на трех участках замечено их скопление; возможно, очаги были устроены в простых неглубоких ямах без какого-либо сооружения. На полу в различных частях жилища найдены и металлические вещи (около десятка обломков бронзовых предметов, железный кинжал, фигурный бронзовый браслет).

Жилище 8 расчищено в восточной части поселения (раскоп 56, 1982г.) Это сравнительно небольшое посещение прямоугольной формы с закругленными углами, вытянутое по линии «север–юг» на 7м и имевшее ширину 4м (табл. X). Пол жилища из утрамбованного суглинка был углублен на 40–60см. В 5м к северо-западу от жилища находилась хозяйственная яма округлой формы диаметром 2м и глубиной 1м, в которой найдены фрагменты глиняных сосудов.

Характерной особенностью Бамборского поселения является наличие здесь небольшого количества хозяйственных ям. По форме их можно разделить на три группы.

Первая группа (табл. XI) объединяет ямы овально-удлиненной в плане формы. Размеры их: длина от 2 до 3м, ширина от 0,4 до 1,5м, глубина 0,8м.

Вторая (табл. XI, 2), наиболее многочисленная, группа включает ямы округлой в плане формы диаметром от 0,8 до 1м и глубиной до 1м.

К третьей группе (табл. XI, 3) относятся ямы подпрямоугольной, неправильной в плане формы. Размеры их: длина 1,5 до 2,2м, ширина от 1 до 1,2м, глубина до 1м.

По заполнению ямы всех групп совершенно не различались между собой. Это были простые ямы, вырытые внутри помещения или недалеко от него. Исключением является яма, расчищенная недалеко от жилища 3. По всей видимости, дно и стены последней были обмазаны глиной темно-серого цвета. Глубина ям сравнительно большая (от 65 до 110см).

Характер заполнения свидетельствует о функциональном назначении ям. Большинство их, несомненно, служило для

хранения мясных продуктов: в них найдены скопления костей животных. Ямы, стены и пол которых обмазаны глиной, можно рассматривать как зернохранилища. Во многих ямах обнаружены скопления фрагментов глиняных сосудов, иногда встречены почти целые сосуды. Эти ямы, вероятно, также служили хранилищами продуктов.

Наряду с керамикой в ямах найдены бронзовые предметы и каменные орудия. Все эти материалы в основном, за исключением отдельных поделок, попавших случайно из неолитического слоя, относятся к колхидской культуре.

Укажем и на тот факт, что на площади Бамборского поселения выявлено несколько захоронений. Можно предполагать, что их здесь было значительно больше и они разрушились в результате вспашки площади, занятой поселением. Обнаруженные на этой площади в большом количестве бронзовые украшения представляют собой, по всей вероятности, остатки инвентаря погребений. Четко удалось зафиксировать три погребальных комплекса, содержащих большой набор бронзовых украшений, который перекликается с материалами самого поселения. Наличие захоронений на площади описанного поселения заслуживает внимания, поскольку это редкий случай, когда на поселениях колхидской культуры обнаруживаются одновременные им погребения. Данный обряд широко распространен на древнейших земледельческих поселениях Кавказа[74]. Правда, там часто встречаются погребения под полом или стенами жилищ и преимущественно детские захоронения.

Таким образом, обследованные на территории Абхазии поселения колхидской культуры, как правило, находятся в прибрежных районах. Они расположены на высоких естественных холмах, занимая вершины и склоны (Эшера I, Эшера II, Сухумская гора), на небольших возвышенностях (Куланурхва, Аагста), на невысоких плато, по берегам рек, недалеко от их устья (Моква, Бамбора, Тамыш, Мачара), или же они приурочены к морскому береговому валу (Очамчира, Сухумское, Шицкуара и т.д.).

Поселения колхидской культуры на территории Абхазии при всем разнообразии их с точки зрения топографии являются от-

[74] **Мунчаев Р.М.** Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. – МИА, №100, М., 1961, с.143.

крытыми, неукрепленными поселениями. Исключение, возможно, составляет Тамышское поселение, которое, по мнению некоторых исследователей, было укреплено рвом с восточной стороны[75]. Поселения различаются по размерам: они достигают по площади от одного до нескольких га.

Рассматриваемые бытовые памятники содержат важнейшие данные для изучения хозяйства и быта местных племен Абхазии в конце II – первой половине I тыс. до д.э. Результаты исследования древнеабхазских поселений свидетельствуют, прежде всего, об оседлости их обитателей. Но в то же время, исходя из топографии поселений и характера представленного в них материала, они разделяются на два типа поселений – постоянные, стационарные поселения и сезонные стоянки промыслового характера.

К числу первых относятся, например, Моква, Тамыш, Сухумская гора, Бамбора, Эшера I, Эшера II и т.д. Эти поселения характеризуются мощностью культурного слоя, компактностью жилых и хозяйственных сооружений, приуроченностью к устьям рек (Моква, Кистрик), расположением на холмах и на высоких плато. Они содержат многообразный и интересный археологический материал, характеризующий жизнь и быт местных племен в эпоху колхидской культуры.

К числу сезонных мы относим такие поселения, как Гудава, Приморск, Очамчира II, Сухумское, Новый Афон и т.д. Все эти стоянки расположены на разрушаемом морском береговом валу, занимая, как правило, полосу песочных накоплений. Культурный слой небольшой мощности (40см) не имеет непрерывного залегания, обнаруживается отдельными участками. Трудно устанавливаются места древних построек, которые характеризуются уплотненным песчаным грунтом. Археологический материал в основном представлен обломками «текстильной» керамики и сопровождающих ее глиняных столбиков.

Стоянки-селища промыслового характера выявлены по всему побережью исторической Колхиды вплоть до г. Сочи и убедительно связываются с солеварным промыслом[76]. Правда, не-

[75] **Барамидзе Г.Т., Чигошвили Т.Э.** Основные итоги… . С. 91.

[76] **Куфтин Б.А.** Материалы … . Т. II, с. 274–296; **Соловьев Л.Н.** Селища … . С. 269.

которые исследователи высказывают предположение, что эти стоянки имели отношение к железоплавильному производству, основанному на добыче железа из магнетитовых песков. При этом обнаруженная на этих селищах «текстильная» керамика рассматривается как тара для промывания магнетитового песка. Но отсутствие в прибрежной части Абхазии остатков древних жалезоплавильных мастерских, синхронных этим стоянкам, хрупкость «текстильной» керамики и ее форма и, наконец, приуроченность самих стоянок исключительно к морскому береговому валу дает основание считать данные памятники стоянками соледобывающего промысла.

Кроме того, на территории Абхазии выявлено одно поселение, расположенное, подобно западногрузинским, на искусственных холмах – поселение Диха-Гудзуба в с. Пичори[77]. Такие поселения для эпохи поздней бронзы Абхазии совершенно не характерны. Возможно, наличие этого поселения на изучаемой территории является результатом влияния соседней территории (Западная Грузия). Правда, в Абхазии выявлено два поселения эпохи ранней бронзы – Очамчирское и Гумистинское – на холмах.

К сожалению, многие вопросы, связанные с изучение планировки рассматриваемых поселений, остаются все еще нерешенными. Наличные данные будто свидетельствует об отсутствии какой-либо четкой планировки древнеабхазских поселений. Жилые и хозяйственные постройки были разбросаны на площади поселения без соблюдения определенных архитектурно-планировочных принципов.

Для территории Абхазии изучаемой эпохи характерны жилища двух типов: четырехугольные в плане наземные дома и слегка углубленные жилые постройки полуземляночного типа. Надо отметить, что на промысловых стоянках обнаружены следы только наземных построек. Существование этих двух типов жилищ известно довольно широко на поселениях изучаемой эпохи и не является результатом их разновременности[78]. Пол в таких жилищах представлял собой пласт хорошо отмученной

[77] **Барамидзе М.В.** Исследования в с. Пичори. АО 1982 г. – М., 1983, с. 420–421.

[78] **Крисс Х.И.** Кизил-кобинская культура. – САИ. М., 1981, с. 12–15.

обожженной глины мощностью до 15см (Тамыш, Бамбора). В ряде случаев зафиксированы фрагменты вымостки из мелкой морской гальки, представляющей собой остатки полов жилищ (Моква, Бамбора). Надо сказать, что подобная вымостка характерна для жилищ типа полуземлянок. Наземные четырехугольные дома – это легкие постройки так называемого турлучного типа. Основу их стен составляли ряды столбов и кольев, сплетенных прутьями и обмазанных глиной. В редких случаях в качестве фундамента применяли большие камни (Бамбора). Внутри жилищ сооружались открытые очаги в неглубоких ямах и хозяйственные ямы (Тамыш, Бамбора). Жилые постройки были разных размеров: большие (площадью более 100кв.м) и малые (до 30кв.м). О конструкциях перекрытия говорить что-либо конкретно трудно. Вероятно, это было легкие крыши с основой из жердей, четырехскатные либо двухскатные.

Что же касается строительной техники, то, несмотря на недостаточность соответствующих данных, позволяющих делать обоснованные выводы, можно утвердить сейчас, что она не отличалась большим разнообразием. По топографии (и другим данным) рассмотренные поселения Абхазии имеют много общего с поселениями остального ареала колхидской культуры (Западная Грузия). Вместе с тем по ряду черт они отличны друг от друга, а также от древних поселений тех областей Кавказа, где были распространены, в частности, синхронные ей кобанская и прикубанская культуры.

В Западной Грузии в связи с заболачиванием Колхидской низменности поселения сооружали, начиная с более раннего времени, на искусственных насыпях. Такими поселениями там являются, например, Диха-Гудзуба I, расположенное близ устья р. Ингур недалеко от г. Зугдиди, Нохваму и Носири по среднему течению р. Риони, Далба-Гоми в Самтредском районе и другие. Эти поселения устроены на искусственных холмах, возвышающихся над окружающей местностью более чем на 3–4м и окруженных концентрическими рвами[791]. Различия обнаруживаются и в приемах домостроительства; на западногрузинских памятниках, начиная с ранних этапов бронзового века, сооружали де-

[79] **Куфтин Б.А.** Материалы… . Т. II, 1950, с. 161–258; **Гогадзе Э.М.** Культура поселений Колхиды эпохи бронзы и раннего железа. Тб., 1982, с.86–95.

ревянные срубные помещения, пол которых представлял собой толстую глиняную платформу, нередко устланную хорошо обработанными досками[80]. Такие срубные сооружения доживают на этой территории вплоть до VI–V вв. до н.э.[81] А на территории Абхазии, как отмечено выше, большое распространение поучили жилища турлучного типа с обожженным глиняным полом.

Некоторые параллели в топографии и приемах домостроительства можно проследить и с поселениями кобанской культуры[82]. Для последних также не характерны укрепления искусственного характера, но в единичных случаях поселения возникли на естественно укрепленных участках. Иногда они располагались на участках высоких речных берегов, ограниченных оврагами (Бамутское, Несторовское, Ермоловское, Михайловское). Часто использовались вершины отрогов гор (Аллероевское, Ханкальское) или же высокие естественные холмы. Так, например, широко известные ныне Сержень-Юртовские поселения I и II в Чечено-Ингушетии располагались на двух холмах с крутыми склонами, поросшими густым лесом. Приемы домостроительства и формы построек на этих поселениях имеют немало общего с тем, что наблюдается на древних поселениях Абхазии. Здесь и там строили жилища турлучного типа с открытыми очагами и хозяйственными ямами.

К сожалению, до сих пор крайне слабо изучены поселения синхронной прикубанской культуры. Но то, что нам известно сейчас о них, свидетельствует об их определенной близости по ряду признаков к древнеабхазским поселениям. Последние

[80] **Микеладзе Т.К.** О некоторых результатах полевых исследований в зонах новостроек Колхидской низменности в десятой пятилетке. – Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тб., 1982, с. 75 (см. также ПАИ, 1976–1979).

[81] **Микеладзе Т.К., Барамидзе М.В., Мусхелашвили Д., Хахутаишвили Д.А.,** Полевые исследования Колхидской археологической экспедиции. – ПАИ, 1979, с. 103–108.

[82] **Крупнов Е.И.** Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 77–109; **Деопик Д.В., Крупнов Е.И**. Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Змейское поселение кобанской культуры. Орджоникидзе, 1961, с. 11–36; **Мерперт Н.Я.** Раскопки Сержень-Юртовского поселения. – КСИА, вып. 88, 1962, с. 33; **Козенкова В.И.** Кобанская культура (восточный вариант). – САИ, вып. 2–5, 1977; **Магомедов А.М.** Бамутское поселение – новый памятник кобанской культуры. – СА, №2, 1972, с. 110.

располагались по берегам небольших речек, отличались в общем небольшими размерами и представляли собой открытые неукрепленные поселения. Лишь позже (к середине I тыс. до н.э.) эти поселения начинают увеличиваться в размерах и укрепляться валами и рвами[83].

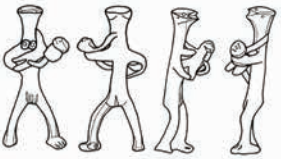
Подведем краткие итоги. На территории Абхазии обследована в настоящее время значительная группа поселений колхидской культуры, расположенных главным образом в прибрежной части края (табл. I, см. карту). Степень их изученности различна. Широким исследованиям подвергались два поселения – Тамышское и особенно Бамборское. Поселения колхидской культуры в Абхазии четко разделяются на два типа. Во-первых, здесь представлены обычные стационарные поселки. Наряду с ними, во-вторых, на побережье Абхазии, как и Западной Грузии, были распространены сезонные стоянки промыслового характера, такие, как Очамчирское, Сухумское и другие поселения.

Нам сейчас сравнительно хорошо известны топография древнеабхазских поселений, их размеры, способы домостроительства, формы жилых и хозяйственных сооружений, техника, прием их строительства и др. Вместе с тем до настоящего времени мы очень мало знаем о планировке рассмотренных поселений, равно как об отдельных конструктивных особенностях жилых и хозяйственных комплексов. Сравнительный анализ показывает близость по ряду признаков древнеабхазских поселений к соответствующим памятникам Западной Грузии, а также синхронным культурам Северного Кавказа (кобанской и прикубанской). Вместе с тем прослеживается и определенное различие между ними. Если в Западной Грузии, например, поселения располагаются в основном на искусственных холмах, то для Абхазии это не характерно. Далее, в Западной Грузии были распространены небольшие поселения – усадьбы, укрепленные рвами или валами, в то время как в Абхазии мы видим в основном сравнительно более крупные поселения открытого типа. Различие, как было подчеркнуто выше, наблюдается и в технике домостроительства – если для западногрузинских поселений обычны срубные дома с дощатыми полами, то для древнеабхазских – легкие постройки турлучного типа с глиняными обожженными

[83] **Анфимов Н.В.** Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953, с. 18–21.

полами. Отмеченные различия в топографии и технике домостроительства подчеркивают локальные особенности в развитии колхидской культуры на территории Абхазии.

Рассмотренные данные не позволяют решать вопросы датировки и относительной периодизации древнеабхазских поселений и тем самым определить хронологическое место последних в общем ряду памятников колхидской культуры. Это возможно сделать, в первую очередь, на основании изучения наиболее массового материала, представленного в раннеабхазских поселениях, – керамики, к описанию и анализу которой мы переходим.

Глава III
КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЙ КОЛХИДСКОЙ КУЛЬТУРЫ В АБХАЗИИ

Наиболее массовый материал, полученный в результате раскопок поселений колхидской культуры, в частности, на территории Абхазии, – это керамика. Общая коллекция ее в настоящее время включает около сотни целых сосудов и десятки тысяч фрагментов различных форм посуды. Однако этот многочисленный и исключительно важный и ценный материал, позволяющий поставить и в нередких случаях решить ряд существенных вопросов, оставался до последнего времени несистематизированным и, по сути дела, совершенно не изучен. Поэтому мы поставили одной из своих основных задач собрать всю керамику из поселений колхидской культуры в Абхазии, провести ее классификацию, реконструировать по возможности все формы посуды, детально рассмотреть орнаментацию сосудов, дать сравнительное исследование и, наконец, сделать общие и частные выводы, вытекающие из анализа всего керамического комплекса.

Приступая к изучению керамики колхидской культуры Абхазии, мы, согласно традиционному методу, расчленили все сосуды по их назначению на три категории:

– солеварная («текстильная») керамика;

– посуда тарно-хозяйственного назначения;

– столовая посуда.

Прежде всего, надо отметить, что вся керамика (кроме солеварной) сделана на гончарном кругу.

Каждая категория включает в себя несколько групп, которые в свою очередь делятся на типы. В отдельных случаях по некоторым признакам среди последних выделяются подтипы. Надо отметить, что иногда бывает трудно точно определить назначение некоторых типов посуды и поэтому при типологической классификации нашей керамики может быть замечена условность подразделения на категории.

В основу исследования мы положили, прежде всего, материалы из Бамборского и Тамышского поселений эпохи колхидской культуры как наиболее широко изученных на территории Абха-

зии памятников данной культуры. В связи с тем, что на этих поселениях представлено большое разнообразие форм сосудов, иногда не совместимых в единые группы или типы, мы решили представить типологическую классификацию отдельно по поселениям.

Керамика Бамборского поселения.

Категория I. Солеварная («текстильная») керамика. Она составляет в настоящее время наиболее крупную керамическую коллекцию из памятников колхидской культуры в Абхазии. Представлена в основном, как и на других поселениях, обломками разнообразной посуды, в том числе солеварной или т.н. «текстильной», тарно-хозяйственной и столовой. Мы начинаем характеристику с «текстильной» керамики, несмотря на то, что она составляет в общей коллекции керамики Бамборы всего 30% и характерна для более позднего этапа колхидской культуры. Но эта керамика весьма необычна, и вопрос о ее назначении до сих пор не может быть признан окончательно решенным.

Первые сведения об этой керамике были получены после открытия Л.Н. Соловьевым в 1934г. ряда промысловых стоянок на побережье Абхазии[84]. На этих стоянках были обнаружены фрагменты глиняных сосудов, неизвестных до того времени, четырехугольной или овальной формы, с отпечатками ткани на поверхности. Позже подобные стоянки с аналогичной керамикой были открыты и исследованы также на побережье юго-западной Грузии[85].

Данная категория керамики представлена в Бамборе, как, кстати, и в других поселениях колхидской культуры в Абхазии, в общем однотипными сосудами преимущественно красноватого цвета. Они изготовлены, в отличие от других категорий сосудов, без применения гончарного круга, с использованием при лепке ткани. Технология изготовления этой категории керамики была

[84] **Соловьев Л.Н.** Селища… . С. 256–286.

[85] **Хоштария Н.В.** Археологические исследования Уреки. Материалы по археологии Грузии и Кавказа. I. Тб., 1955г., с. 25 – 43; **она же.** Археологические исследования в с. Кулеви. Сообщения АН Гр. ССР. I. №1–2; 1946; с. 81–86; **Рамишивили А.Т.** О назначении «текстильной» керамики Восточного Причерноморья. – СА, №4. 1975.

предметом специального изучения и освещена в трудах ряда исследователей[86]. Сосуды сделаны, как правило, из жирной ожелезненной глины с включениями примесей песка, а иногда толченой ракушки и шамота. Они различаются между собой по размерам. При этом обращает на себя внимание тот факт, что сосуды меньших размеров характеризуются часто сравнительно лучшим качеством лепки и обжига. Нами восстановлено несколько сосудов из Бамборы и Тамыша. Они имеют продолговатую, овальную форму, в виде ванночек (табл. XII, 1–5). Верхний край сосуда утолщен всегда. Венчик массивен в отличие от стенки сосуда (толщина стенок в среднем 0,4–0,5см). Сосуды совершенно не орнаментированы и лишены ручек. Размеры их: длина от 25 до 40см, ширина 15–20см, глубина 10–15см.

В литературе высказано немало предположений о характере прибрежных поселений Колхиды с «текстильной» керамикой и, в частности, о функциональном назначении глиняных сосудов, найденных там[87].

Л.Н. Соловьев, принимая во внимание своеобразие инвентаря поселений и их приуроченность исключительно к морскому береговому валу, считал, что принадлежность их к древним солеварам неоспорима. И найденные здесь сосуды были предназначены для выпаривания из морской воды соли. Такого же мнения придерживался и Б.А. Куфтин.

Н.В. Хоштария предполагала, что эти стоянки населяли племена, основным занятием которых являлось железоделательное производство, и, соответственно, данные сосуды служили для промывки магнетитового песка.

М.М. Трапш, исследуя Сухумское поселение у пос. Красный Маяк, на берегу моря зафиксировал ямки со следами костров, в которых находились рогатые «столбики», характерные для подобных стоянок, вместе с черепками «текстильной» керамики, и считал их остатками соляного промысла.

---

[86] **Куфтин Б.А.** Материалы… . Т. II, с. 274–296.

[87] **Соловьев Л.Н.** Селища… . С. 265; **Хоштария Н.В.** Археологические исследования… . С. 25–40; **Куфтин Б.А.** Материалы… . Т. II, с. 274–295; **Трапш М.М.** Археологические раскопки в окрестностях Сухуми. Труды АБНИИ, т. XXIX, Сухуми, 1958, с. 185–187; **Кахидзе А.Ю.** К истории городов Восточного Причерноморья в античную эпоху. Автореф. канд. дисс., 1965, с. 8–10; **Рамишвили А.Т.** О назначении стоянок… . С.44.

А.Ю. Кахидзе в своих работах о Пичвнарских памятниках античности высказал предположение о том, что стоянки с «текстильной» керамикой служили «общеплеменным культовым местом, куда собиралось население ближайших поселений для совершения религиозных ритуалов».

Развивая мысли Н.В. Хоштария и используя при этом сведения античных авторов, А.Т. Рамишвили – исследователь прибрежных стоянок Грузии, связывает их с добычей сырья из магнетитоносных песков и соответственно относит сосуды к приспособлению для промывки песка.

Нам кажется более убедительным мнение Л.Н. Соловьева о связи этих поселений с добычей соли из морской воды. Данное мнение в свое время получило всеобщее признание. Основным доказательством в пользу его является приуроченность этих стоянок к морскому береговому валу. А нахождение «текстильной» керамики в слоях обычных поселений эпохи поздней бронзы и раннего железа (Бамбора, Тамыш), также приуроченных к берегу моря, не противоречит вышесказанному.

Непременной принадлежностью всех поселений с «текстильной» керамикой являются глиняные роговидные подставки. Последние встречены также на Бамборском поселении, как и на других колхидских поселениях, в комплексе с вышеописанными сосудами. Взаимосвязь этих двух групп глиняных изделий несомненна. Поэтому мы рассматриваем роговидные подставки в данном разделе.

Роговидные подставки изготовлены из такой же глины, как и сосуды; отличаются хорошим обжигом и имеют обычно красновато-коричневый цвет. По сечению ствола и форме роговидных выступов их можно разделить на два типа: прямоугольные, квадратные и круглые в сечении (табл. XII, 6–21). Последние заметно преобладают в количественном отношении.

Роговидные столбики с прямоугольным сечением массивнее остальных, рожки у них широко расставлены и заканчиваются клиновидным корпусом. Высота их от 15 до 30см (табл. XII, 1,10). А столбики с круглым сечением ствола сравнительно меньше по размерам и иногда заканчиваются слабо расширенным основанием (табл. XII, 11,13). Некоторые подставки были орнаментированы. На одной из них, например, с фасадной и

тыльной сторон имеются округлые вдавления; такие же вдавления нанесены в седловине между роговидными выступами (табл. XII, 8,19,20). Вопрос о функциональном назначении роговидных подставок не раз поднимался в связи с проблемой промысловых стоянок прибрежной Грузии и Абхазии. Некоторые исследователи (Ю.А. Кахидзе и др.) считают их ритуальными, другие (А.Т. Рамишвили) предполагают, что только орнаментированные столбики носили культовый характер, а остальные имели хозяйственное назначение, а третьи (Соловьев Л.Н. и др.) рассматривают их как имевшие чисто хозяйственное назначение. Нам представляется более убедительным мнение об использовании их при выпаривании соли. Поэтому необходимо решать вопрос о назначении роговидных подставок в прямой связи с проблемой назначения самих стоянок и текстильной керамики.

Категория II. Тарно-хозяйственная посуда

Группа I. Горшки. Эта группа сосудов является самой многочисленной и представлена в большом ассортименте. Нам удалось по профилирующим частям выделить среди них 10 типов со своими подтипами.

Тип I. Горшки баночной формы. По соотношению диаметра устья и его высоты и по некоторым морфологическим особенностям выделяются два подтипа.

I. Банка со слабо отогнутым венчиком, верхний край которого утоньшен и со сравнительно широким устьем (табл. XIII, I). Стенки почти прямо и плавно переходят в узкое плоское дно. Сосуд изготовлен из жирной глины с примесью песка, цвет внешней поверхности – темно-коричневый. Размеры: высота около 25см, диаметр по краю венчика 20,5см, диаметр тулова 19см, диаметр днища 11см. Судя по количеству фрагментов, такие банки представлены на поселении единичными экземплярами.

II. Баночный горшок вытянутых пропорций со слегка отогнутым венчиком, имеет высоко расположенные плечики, которые переходят в вытянутое, слегка выпуклое тулово. Шейка цилиндрическая и слабо выражена, днище плоское, значительно меньше устья (табл. XIII, 2). По составу глины и характеру обработки, цвету поверхности подобен

первому подтипу. Размеры: высота около 27см, диаметр по краю венчика 19см, диаметр тулова 19см, диаметр днища около 11см.

Тип II. Горшки приземистой формы. Выделяются два подтипа.

I. Уплощенной формы горшок с широким устьем, шейка не выражена или вообще отсутствует. Шаровидное тулово, не образуя плечиков, переходит в короткий отогнутый венчик, наружный край которого уплощен и образует четко выделенную закраину. Дно плоское и широкое, четко выделенное. Размеры: диаметр венчика 26см, диаметр тулова 16см, диаметр днища 14,5см, высота 18,5см (табл. XIII, 3).

II. Приземистый горшок меньших размеров, чем первый, и со своими особенностями. Слабо выпуклое тулово заканчивается как бы двойным ступенчатым венчиком, отогнутым наружу, с утолщенными и закругленными краями. Тулово, плавно сужаясь, переходит в узкое хорошо выделенное днище. Размеры: диаметр венчика 22,8см, диаметр тулова 17см, диаметр днища 23см, высота 12,6см (табл. XIII, 4).

Тип III. Широкогорлые горшки больших размеров. Тулово выпуклое с выделенными плечиками, украшенными прочерченными горизонтальными линиями. Диаметр устья 26см (табл. XIII, 5).

Тип IV. Это ширококруглые горшки больших размеров с бочонковидным корпусом, умеренно выпуклыми боками и с дуговидной слабо выраженной шейкой, заканчивающейся слегка утоньшенным краем. Единичные экземпляры говорят о слабом распространении этого типа горшков. Они орнаментированы также прочерченными горизонтальными линиями на плечиках. Диаметр устья 24см, диаметр тулова 30см (табл. XIII, 6).

Тип V. Горшки с дуговидной шейкой и плавно отогнутым наружу венчиком, горловина имеет вид раструба (табл. XIV, I). Длинная шейка плавно переходит в продолговатое слегка выпуклое тулово, которое заканчивается узким днищем. Поверхность слегка заглажена, черного цвета. Размеры: диаметр устья 15,5–20см, диаметр тулова 18–20см, диаметр дна около 10см, высота в среднем 22см. Под самым венчиком сосуд украшен крупными вдавленными ямками.

Тип VI. Горшки со значительно согнутой дуговидной шейкой. Тулово широкое, округлых очертаний, днище плоское (табл. XIV, 2–5). Украшен почти всегда по шейке рельефным и углубленным орнаментом. Размеры: высота 26см, диаметр тулова 25–35см, диаметр по краю венчика 22–36см, диаметр днища 12см.

Тип VII. Представлен сосудами яйцевидной формы с высокой дуговидной шейкой с сильно отогнутым наружу венчиком и с покатыми плечиками (табл. XIV, 6–7). Тулово несколько удлинено, диаметр его почти всегда равен диаметру устья, оно плавно переходит в узкое плоское днище. Стенки довольно тонкие, внешняя поверхность их сглажена, а иногда слабо залощена, черного или темно-серого цвета. На поселении найдено большое количество фрагментов от сосудов этого типа, что свидетельствует о большой распространенности подобных горшков. Размеры: высота 29,5см, диаметр по краю венчика 19–22см, диаметр тулова 20–22см, диаметр днища 12см.

Тип VIII. Представлен широкогорлыми сосудами с дуговидной, невысокой шейкой, сильно или слабо отогнутыми венчиками. По их форме среди них выделяются три подтипа.

1. Горшки с сильно отогнутыми венчиками. В одних случаях венчик имеет утолщение в верхней его части и снабжен свисающей закраиной (табл. XV). Шейка дуговидная. Внешняя поверхность сосудов тщательно заглажена. Изготовлены они из хорошо отмученной глины и отличаются хорошим обжигом, цвет – темно-коричневый. Орнаментировался венчик исключительно насечками, вдавлениями в виде елочного узора или оттисками шнура. Размеры: высота 30см, диаметр тулова от 22 до 30см, диаметр по краю венчика 25–33см.
2. Ко второму подтипу мы относим горшки с высокими дуговидными шейками, которые завершаются утолщенными венчиками, верхний край которых иногда нависает наружу (табл. XVI, 1–4). Покатые плечики переходят в слабо выпуклое, по всей вероятности, удлиненное тулово. Изготовлен из плохо отмученной глины с органическими примесями; черепок пористый. Цвет черный. Орнамент в виде оттисков веревки и наклоненных насечек наносил-

ся на венчик. Размеры: высота 15–16см, диаметр тулова 29–34см, диаметр по краю венчика 29–36см.

3. Горшки с широким устьем, которое почти всегда шире наиболее широкой части тулова (табл. XVII, 1,3,5,8). Сосуды снабжены дуговидной шейкой, переходящей в сильно отогнутый венчик, верхняя плоскость которого уплощена. Черепок пористый. Поверхность слабо защищена, черного цвета. Орнамент – наклонные косые насечки по венчику или прочерченные линии по плечикам. Размеры: высота до 30см, диаметр тулова 18–21см, диаметр по краю венчика 18–21см.

Тип IX. Горшки с широким устьем, сильно выпуклым туловом, с прямой шейкой, при переходе в стенку образующей угол, темно-серого цвета. Венчик утолщен, округлого или прямоугольного сечения, образует иногда закраину – выступ наружу и вовнутрь сосуда, тулово выпуклое (табл. XVIII, 1–3). Размеры: диаметр тулова 40–45см, диаметр по краю венчика 26–35см.

Тип X. Представлен горшками малых размеров с короткими дуговидными шейками с сильно отогнутым наружу венчиком (табл. XVIII, 2,4,6,7,9). Переход шейки в стенку хорошо выделен. Формы тулова разнообразные: от сильно выпуклых до яйцевидных. Поверхность сосудов слабо залощена, черного цвета. Как правило, они не орнаментированы, лишь на одном сосуде данного типа отмечен елочный орнамент, выполненный вдавлениями. Размеры: высота 15–20см, диаметр тулова 12–20см, диаметр по краю венчика 12–21см.

Группа II. Пифосы. Эта группа сосудов, предназначенных для хранения воды, молока и пр., а также зерна, встречена на поселении в большом количестве. Они представлены в виде фрагментов толстостенных сосудов черного или светло-коричневого цвета (толщина стенок 18–12мм), сделанных из хорошо отмученной глины, содержащей примеси песка и известняка, и отличающихся хорошим обжигом. На внешней и внутренней поверхности наблюдаются следы заглаженности гребенкой. По морфологическим особенностям и венчикам можно выделить два типа сосудов.

Тип I. Большие сосуды яйцевидной формы с высокой дуговидной шейкой, заканчивающейся отогнутым венчиком, верх-

ний край которого утолщен (табл. XXI). Покатые плечики переходят в удлиненное цилиндрическое тулово. Судя по некоторым фрагментам, а также по аналогиям из Эшеры, днище их очень узкое и неустойчивое[88]. По всей видимости, такие сосуды закапывались в полу жилища или хозяйственной постройки. Внешняя поверхность заглажена, светло-коричневого цвета. Размеры: высота 1м, диаметр тулова 38см, диаметр по краю венчика 23,5см, диаметр днища 20см.

Тип II. Широкогорлые толстостенные (18–20мм) сосуды больших размеров. Представлены фрагментами массивных венчиков и стенок (табл. XX, 4,5). Венчики резко отогнуты наружу, верхняя плоскость их уплощена. Внешняя поверхность слабо залощена, черного цвета. Размеры: высота около 1м, диаметр по краю венчика 30см, диаметр тулова 45см.

Группа III. Крупные кувшины. На поселении найдены фрагменты глиняных сосудов, внешняя поверхность некоторых хорошо залощена, серого цвета. Сосуды имели сильно вздутое шаровидное тулово и высокое узкое цилиндрическое горло (табл. XXI, 2). Они были снабжены двумя массивными ручками, располагавшимися на средней части тулова. Сосуды были украшены не характерным для хозяйственных сосудов изящным орнаментом. Горловину украшает пояс из нескольких горизонтально прочерченных линий, а плечико украшено двумя поясами, в которых заключены вдавлениями ямки. Такими же ямками украшена и ручка. Размеры: высота около 45см, диаметр тулова 34,5см, диаметр по краю венчика 15см. Днище, по всей видимости, узкое и составляло в диаметр около 13см.

Кроме того, на поселении представлены фрагменты жаровен – это глиняные изделия типа современных сковородок, сделанные из хорошо отмученной глины. Они имели чуть скошенный бортик с закругленным краем (табл. XXIII, 7). Размеры: высота 3см, диаметр по краю венчика 20см, диаметр днища около 16см. Здесь также найдены фрагменты сосудов со с сквозными отверстиями (0,5см). Это были, по-видимому, сосуды-цедилки – сита типа мисок с плоским днищем. Они, возможно, использовались в качестве сита при изготовлении

[88] **Куфтин Б.А.** Материалы… . Т. I, с. 188, табл. XIX.

молочных продуктов. Точную форму и размеры их трудно восстановить по тем невыразительным фрагментам, которые представлены в коллекции.

Категория III. Столовая посуда

Группа I. Миски. На поселении найдены профилирующие фрагменты данной группы керамики, позволяющие судить об ее типологии. Морфологически выделяются два типа.

Тип I. Маленькие невысокие миски с плоским днищем темно-серого цвета. Верхние края сосудов прямые, иногда с внутренней закраиной или прямо срезаны (табл. XXIII, 1,2). Миски изготовлены из плотной хорошо отмученной глины с естественной примесью мелкого песка или кварцита. Как правило, верхний край сосуда покрыт «елочкой», образованной насечками, вдавлениями.

Тип II. Миски с выпуклыми боками и плоским днищем. Верхний край венчика утолщен и горизонтально срезан, образует с внутренней и внешней стороны закраину – выступ (табл. XXIII, 3,4). Изготовлены они из плохо отмученной глины – плохой отделки, цвет темно-серый. Сосуды лишены орнаментации. Размеры: высота 7,5см, диаметр по краю венчика 17см, диаметр днища около 9см.

Группа II. Блюда. Выделяются два типа.

Тип I. Блюда овальной формы укороченных пропорций с прямым слегка вогнутым вовнутрь верхним краем (табл. XXII, 5). Изготовлены из хорошо отмученной глины, внешняя поверхность темно-серого цвета. Стенки плавно переходят в узкое округлое дно. Орнамент – насечки по венчику. Размеры: высота 5,1см, диаметр по краю сосуда 14,5см.

Тип II. Блюда овальной удлиненной формы с прямыми стенками, изготовленные из такого же теста и цвета поверхности, как у первого типа (табл. XXIII, 6). Верхний край блюда резко отогнут наружу и заканчивается свисающей закраиной. Размеры: высота около 4см, диаметр по краю сосуда 21см, диаметр днища 8см.

Группа III. Кувшины. Сосуды с высоким горлом и прямым или отогнутым наружу венчиком. Тулово, по всей видимости, округлое, расширенное; ручка петлевидная, иногда овальная или круглая в сечении. Внешняя поверхность, по-видимому, под-

вергалась дополнительной обработке – ангобированию, но не сохранилась, цвет – темно-серый. По форме горловины выделялось два типа кувшинов.

Тип I. Представлен узкогорлыми кувшинами. По аналогичным находкам из других поселений Абхазии можно предполагать, что они имели шаровидное тулово и округлое дно[89] (табл. XXI, 1,2). На горловине маленькая петлевидная ручка, целиком покрытая орнаментом в виде горизонтальных линий и вдавлений ямок. Диаметр горловины составляет 4,5–5см.

Тип II. Сосуды с расширенным туловом и высокой широкой шейкой. Петлевидная ручка одним концом прикреплена под венчиком, другим – у плечика сосуда (табл. XXII, 3). Диаметр горловины – 8см.

Группа IV. Кружки. Они представлены небольшим числом фрагментов, по которым трудно восстановить в деталях их форму. Это были одноручные сосуды различного размера с плоским донышком. Ручки в основном петельчатые, реже с роговидными выступами. Лишь отдельные из них были украшены. Частично восстановлена одна кружка (табл. XXII, 4). Она имеет слегка отогнутый венчик, слабо намеченную шейку, сужающиеся к донцу стенки. Размеры: высота около 10см, диаметр тулова 7см, диаметр по краю кружка 8см.

Группа V. Бокалы. Выделяются два типа бокалов. Первый оформлен в виде рюмки с удлиненной «столбчатой» ножкой. Судя по фрагментам, он отличался широкой емкостью, но, к сожалению, о размерах судить трудно. Другой тип представлен стаканообразными бокальчиками с цилиндрическими стенками, днища и стенки очень тонкие (0,5см) (табл. XXII, 5,6). Изготовлены бокалы из глины с примесью большого количества песка и слюды. Размеры: высота около 10см, диаметр днища 4см.

Группа VI. Крышки от сосудов. К отдельной группе мы отнесли и крышки от сосудов, представленные во фрагментах (табл. XXII, 7,8). Различаются два типа крышек. Один из них представляет собой глиняный диск со свисающим козырьком, выступающим за край горловины сосуда на 2,8см; выпуклая верхняя часть переходит, по-видимому, в ручку-выступ. Размеры: диа-

[89] **Каландадзе А.Н.** Археологические памятники… . Табл. XI, 7.

метр 11,4, толщина от 0,3 до 0,6см. Другой тип – в виде плоского диска с горизонтальным козырьком. Размеры: диаметр 14см, толщина 0,5см.

Таким образом, керамика Бамборского поселения отличается значительным разнообразием. Различен цвет сосудов – от черного до охристого, однако преобладают сосуды темно-серого, черного и коричневого оттенков. Что касается обработки поверхности сосудов, то большинство их было ангобировано, заглажено, но не залощено или очень плохо залощено. Лишь около 2% сосудов отличается тщательно лощеной до блеска внешней поверхностью. (Правда, установить точное соотношение между лощеной и нелощеной посудой не удается.) Большая часть керамики Кистрикского поселения орнаментирована. Остановимся подробнее на характеристике ее орнаментации.

Орнаментация керамики Бамборского поселения. Глиняная посуда Бамборского поселения дает большое многообразие орнаментированных мотивов, хотя и не отличатся пышностью и сложностью рисунков. Широкое распространение в орнаментации сосудов имели узоры, выполненные в нарезной, вдавленной, прочерченной и штампованной технике. Как правило, на сосудах орнаментом были покрыты в основном зоны венчика и шейки. К сожалению, фрагментированность многих сосудов не позволяет раскрыть в полной мере всю их орнаментальную композицию. При характеристике типов сосудов мы уже вскользь указывали на особенности орнамента отдельных групп Бамборской керамики. Отметим, прежде всего, что не все сосуды были украшены орнаментом. Как правило, орнаментированы почти все горшки IV–VIII типов. Богато украшенными выглядят кувшины. Что же касается пифосов, то орнамент на них редок, как и на образцах столовой посуды (украшены лишь отдельные миски по краю венчика). По технике выполнения и другим признакам нами выделено несколько видов и типов орнамента.

Одним из широко распространенных орнаментов является рельефный. Он представлен в основном валиками гладкими или расчлененными, опоясывающими шейки и тулова различных горшков и пифосов. Мы выделяем два типа рельефного орнамента.

Тип I. Невысокий вылепленный рельефный пояс, опоясывающий наиболее широкую часть корпуса горшков больших размеров и пифосов. Как правило, валик расчленен узкими наклонными насечками, овальными вдавлениями или небрежными углублениями, нанесенными удлиненным зубчатым штампом. В одном случае валик круглого сечения покрыт тремя линиями из ямок различного диаметра, выполненных острым концом палочки. Широко представлены оттиски веревки по верху валика (табл. XXIV, 1–4).

Тип II. Встречается реже. Это высокий, плоский, четырехугольный в сечении рельефный валик, наносимый исключительно по шейке, чуть ниже верхнего края горшков II типа. Валик всегда расчленен пальцевыми или ногтевыми вдавлениями (табл. XV, 2,4,5).

Самым же характерным приемом орнаментации посуды является углубленный орнамент. Основные мотивы его – вдавления, выполненные гладким концом палочки, в один или два ряда, обычно овальный, круглой и треугольной формы, расположенные наклонно, иногда вертикально. Иногда углубленный орнамент представлен на сосудах совместно с другими видами. По узорам данный вид орнамента подразделяем на несколько типов.

I тип. Большое распространение имеют орнаментальные мотивы в виде елочных узоров, образованные различными видами вдавлений и нанесенные в основном в один ряд. Встречаются елочные узоры в несколько рядов, причем один ряд может быть горизонтальным, а другие – вертикальными или наклонными. Орнамент наносится по всем зонам посуды, но чаще елочными узорами украшены венчики сосудов хозяйственного назначения и столовых. Узор наносится по внешним и внутренним плоскостям венчика и характеризуется большим разнообразием вдавлений – от узких удлиненных до округлых. Иногда встречаются вдавления, нанесенные орудием с зубчатым концом (табл. XXVI, 2,3,5,6).

II тип. Желобчатый орнамент как бы повторяет в некоторых случаях композиции рельефного орнамента, образуя узор из параллельных, горизонтальных, вертикальных и наклонных линий, нанесенных по плечикам и шейке или в наиболее широкой части тулова сосуда. На одном из фрагментов сосуда мы видим

пересекающиеся и сходящиеся под углом наклонные линии. Желобчатый орнамент встречается на различных сосудах, независимо от назначения и размера и в сочетании с другими типами, чаще всего с елочным узором (табл. XIV, 1–5).

III тип. Он наносился заостренным концом палочки; по всей видимости, образовывал широкий орнаментальный пояс на тулове сосуда. Данный тип орнамента характерен для горшков небольших размеров. Как правило, он состоит из прямых и зигзагообразных горизонтальных линий, чередующихся на одной плоскости. Встречаются узоры, состоящие из горизонтальных линий и наклонных, либо перпендикулярных к ним линий. Обычно этот тип орнамента не сочетается с другими типами (табл. XIII, 5,6).

IV тип. Можно сказать, что самым распространенным типом углубленного орнамента являются разнообразные вдавления и насечки, которыми украшалась различная посуда. Прослеживаются определенные приемы нанесения данного орнамента по различным типам сосудов. Крупные горшки и пифосы в основном украшались наклонными насечками по венчику. Насечки наносились по рельефному валику, опоясывающему сосуд по тулову, при этом вся нижняя часть сосуда покрывалась рядами удлиненных наклонных насечек-вдавлений. Иногда вдавления, нанесенные зубчатым удлиненным штампом, обрамлялись параллельными прочерченными углубленными линиями. Насечками украшена также столовая посуда – по верхнему краю венчика (табл. XXV, 1–7; XIX, 4; XVIII, 1,3,6,8,11,12).

V тип. На остальных сосудах представлен ямочно-накольчатый орнамент. Он наносился палочкой с округлым концом. На поселении найден большой кувшин, украшенный ямочками в сочетании с прочерченными бороздками. Ямочки сравнительно больших размеров нанесены по шейке или чуть ниже венчика на некоторых горлах V и VII типов. Накольчатым орнаментом украшена вся плоскость горла кувшинов первого типа. Им нередко покрывались ручки некоторых горшков (табл. XX, 1,2; XXI, 1,2).

VI тип – веревочный орнамент. Им украшались венчики горшков, а также рельефные пояски на отдельных сосудах (табл. XV,

1; XVII, 1–3; XXIII, 1). Узор из «веревки» в основном довольно прост и выполнен небрежными отпечатками крупной, слабо окрученной веревочки. Иногда «веревка» сочетается с другими типами орнамента.

VII тип. К этому типу мы отнесли орнамент, нанесенный зубчатым штампом на сосудах разных типов. В зависимости от штампа оттиски получались различной формы: прямоугольной, овальной, овальной с мелкими зубчиками, треугольной. Иногда штамп сочетается с другими типами орнамента (прочерченным) (табл. XXVI, 1–4).

VIII тип. Сетчатый орнамент, выполненный пересекающимися косыми вдавлениями, обычно в сочетании с другими типами орнамента. Сказать что-либо об орнаментальной композиции в целом трудно, поскольку нет целых сосудов (табл. XXVII, 5–6). Очевидно, этот тип орнамента наносился на поверхность выпуклой части посуды хозяйственного назначения или верхней плоскости венчика.

IX тип. Встречены отдельные фрагменты сосудов с каннелированной поверхностью. Широкие горизонтальные каннелюры наносились на шейке. На одном обломке сосуда такие коннелюры сочетаются с удлиненными вдавлениями по венчику.

Кроме того, на отдельных фрагментах сосудов, включая ручки, наблюдалось большое разнообразие узоров, всю композицию которых трудно восстановить.

Такова орнаментация керамики Бамборского поселения. Мы видим, что гончары в Бамборе украшали сосуды не всех типов: орнаментом покрыты преимущественно различные горшки и пифосы. Различны были способы нанесения орнамента на керамику. Мы наблюдаем здесь как рельефный орнамент в виде валиков, так и углубленный, выполненный в виде различных насечек, углублений, полосок, образующих иногда сложные орнаментальные композиции.

Перейдем теперь к характеристике керамики Тамышского поселения.

Керамика Тамышского поселения.

Рассмотрим ее в той же последовательности, что и керамику Бамборского поселения. Однако поскольку «текстильная» керамика, обнаруженная на этом поселении, полностью идентична

соответствующей керамике из прибрежных памятников Грузии и Абхазии, в частности, Бамборского поселения, то в этом разделе мы не будем на ней специально останавливаться. Укажем только, что подобная керамика обнаружена в Тамыше в немалом количестве. Любопытно, что и здесь она составляет примерно 30% от общей коллекции, т.е. соотношение с остальной керамикой такое же, как в Бамборе. Учитывая то, что «текстильная» керамика из Тамыша в сущности не отличается от вышеописанной керамики из Бамборы, мы, во избежание повторения, перейдем сразу к характеристике посуды тарно-хозяйственного назначения.

Категория II. Тарно-хозяйственная посуда.

Группа I. Горшки. Самую многочисленную группу среди сосудов Тамышского поселения составляют горшки. По морфологическим особенностям нами выделено II типа, некоторые из которых подразделены еще на подтипы.

Тип I. В него мы включили бадьевидно-баночные горшки, которые представлены единичными экземплярами (табл. XXVIII, 1,2). Это сравнительно небольшие сосуды с чуть выпуклым бочонковидным корпусом, прямым или вогнутым венчиком. Орнаментированы лишь отдельные из них. Так, например, один из сосудов украшен в верхней части тремя горизонтальными желобками, под которыми проходит ряд наклонных удлиненных вдавлений. Размеры горшков: высота 15–20см, диаметр тулова 15–22см, диаметр по краю венчика 12–18см.

Тип II. Представлен большими сосудами яйцевидной формы, один из которых удалось восстановить. Он снабжен двумя массивными петлевидными ручками, украшенными в верхней части вдавлениями (табл. XXVIII, 3). По всей видимости, и стенки сосуда были украшены таким же орнаментом. Размеры: высота около 50см, диаметр тулова 36см, диаметр по краю венчика около 14см, диаметр днища 12см.

Тип III. Это были крупные узкодонные горшки со вздутым туловом и короткой шейкой с отогнутым наружу венчиком, темно-серого цвета. Переход от шейки к плечикам отмечен всегда рельефным поясом, украшенным вдавлениями из зубчатого штампа (табл. XXVIII, 4,6). Возможно, нижняя часть некоторых из этих горшков закапывались в пол постройки. Размеры: высо-

та около 50см, диаметр тулова 32–40см, диаметр по краю венчика 24–38см, диаметр днища 10–15см.

Тип IV. Горшки удлиненных пропорций с яйцевидным туловом, сильно отогнутым венчиком и дуговидной шейкой, со слабо выраженными плечиками, темно-серого цвета (табл. XXVIII, 5). В некоторых случаях венчик слегка утолщен и свисает. Украшены горшки различными мотивами углубленного орнамента – вдавлениями в «елочку» по плечикам, наклонными вдавлениями, – иногда зубчатым штампом треугольного или круглого плана; в редких случаях прочерченны горизонтальные линии по шейке. Венчики, как правило, не украшены. Размеры горшков значительно колеблются. Для примера приведем размеры частично восстановленного горшка: высота 42см, диаметр тулова 30см, диаметр по краю венчика 24см, диаметр днища 12см.

Тип V. Представлен крупными горшками с уплощенно-шаровидным туловом, расширенной короткой шейкой с отогнутым наружу венчиком и сравнительно узким днищем (табл. XXX, 1–3). Сосуды с внешней стороны иногда залощены, поверхность темно-серого цвета.

На одном сосуде имеется ручка, довольно массивная и с двумя роговидными выступами на верхнем конце (табл. XXX, 3). Поверхность почти всех сосудов сплошь каннелирована и украшена вдавленным орнаментом в виде рядов насечек, «елочки» и т.д. Размеры: высота 38–40см, диаметр устья 24–30см, диаметр тулова 42–44см и диаметр днища 12–15см.

Тип VI. Характеризуется горшками различных размеров. Внешняя поверхность их заглажена, светло-серого цвета. По форме венчиков выделяется два подтипа.

I. Подтип представлен сильно отогнутыми венчиками, верхний срез некоторых плоский, иногда свисающий. Невысокая шейка круто переходит в тулово, образуя уступчик (табл. XXX, 8,10). Плечики сосудов покрыты вдавлениями, выполненными зубчатым штампом. Диаметр по краю венчиков сосудов этого подтипа от 15 до 39см.

II. Ко второму подтипу отнесены горшки больших размеров, венчики которых значительно отогнуты и заканчиваются свисающей закраиной (табл. XXX, 11–14). Встречаются

венчики, верхние срезы которых закруглены. Они орнаментированы, как правило, косыми вдавлениями зубчатого штампа, в редких случаях оттисками шнура. Диаметр по краю венчиков достигает от 17 до 36см.

Тип VII. Представляет одну из наиболее распространенных форм горшков, известных в Тамышском поселении. Это были не большие сосуды с яйцевидным туловом, невысоким, резко отогнутым наружу венчиком и сравнительно узким днищем (табл. XXX, 1). Внешняя поверхность их была покрыта тонким слоем ангоба, тщательно заглажена, а иногда и залощена, имела темно-серый цвет. Вероятно, все горшки были орнаментированы – полоска в виде «елочки» опоясывала верхнюю часть сосуда. Размеры горшков: высота 18см, диаметр по краю венчика 15см. диаметр тулова 16см и диаметр днища 9см.

Тип VIII. К нему мы относим небольшие горшки темно-коричневого цвета с четко оформленной шейкой в виде раструба. По форме последней выделяются два подтипа.

I. Горшки с высокой шейкой и прямым венчиком, верхний край которого заканчивается несколько утоньшенным краем. Переход от шейки к тулову плавный. Сосуды с плечиками украшены углубленным орнаментом. Это – вдавления мелким или крупным зубчатым штампом, удлиненные или овальные, иногда круглые (табл. XXX, 3,5,6). Один сосуд украшен елочным узором, встречаются сосуды без орнамента. Размеры: высота 16–18см, диаметр тулова 10–15см, диаметр по краю венчика 11–12см.

II. Второй подтип представлен горшками такой же примерно формы. Но у них верхний край венчика завершается небольшим выступом наружу круглого сечения (табл. XXXI, 4,7). Переход от высокой шейки к покатым плечикам образует угол. Размеры: диаметр тулова 13,5–15,9см, диаметр по краю венчика 12–15см.

Тип IX. Горшки с округлым туловом и широким устьем с резко отогнутым краем венчика и непропорционально узким днищем (табл. XXX, 8,10). Поверхность их темно-серого цвета, обычно тщательно заглажена. По размерам они могут быть подразделены на два типа: небольшие, высотой до 12см при диаметре устья 8,5–10,5см и сравнительно крупные, высотой около 24см

при диаметре устья 18–20см. И малые, и большие горшки украшены в верхней части разнообразным орнаментом (оттиски штампа, прочерченные линии, вдавления и т.д.). Большое количество обломков от подобных сосудов свидетельствует о широкой распространенности данного типа посуды на поселении.

Тип X. Это горшки с сильно отогнутым венчиком, верхний срез которого имеет закраину или утолщенный край (табл. XXX, 11). Хорошо выделенная невысокая, дуговидная шейка у них плавно переходит в покатые плечики бочковидного корпуса. Днища сосудов плоские, почти вдвое меньше устья. Шейки единичных сосудов были украшены несложным орнаментом в виде округлых вдавлений или нарезок. Размеры: высота 12–13см, диаметр тулова 10–12см, диаметр по краю венчика 9–12см.

Тип XI. Представлен отдельными, большими котловидными горшками, предназначенными для приготовления пищи (табл. XXIX, 15,16). Возможно, они были снабжены двумя массивными ручками. Почти прямая шейка сосудов завершается слегка отогнутой закругленной закраиной, верхний край которой срезан внутрь, а на внешней поверхности имеется орнамент в виде овальных вдавлений. О форме тулова говорить не приходится. Шейка украшена тонким, круглым в сечении рельефным поясом, который расчленен вдавлениями круглого штампа или же одной глубокой бороздкой. Диаметр по краю венчика не более 30см.

Группа II. Пифосы. На поселении обнаружено значительное количество фрагментов больших толстостенных (1,2–1,5см) сосудов, по форме и размерам похожих на сосуды, в которых хоронили покойников на территории Абхазии в первой половине I тыс. до н.э. Такие сосуды могли служить в быту для хранения воды, молока, зерна и других продуктов. Они отличались хорошим обжигом, внешняя поверхность их заглажена, иногда залощена. Цвет ярко-охристый, темно-коричневый. По форме венчиков и тулова нами выделяется в этой группе три типа сосудов.

Тип I. Это сосуды яйцевидной формы, темно-коричневого цвета, с узким дном, конически расширяющимся от него туловом и узкой горловиной. Шейка короткая, толстостенная (1,2см), заканчивается плоским, утолщенным в виде карниза венчиком (табл. XXXI, 1). Почти все тулово сосуда украшено

вертикальными бороздками (каннелюрами). Размеры: высота 72см, диаметр тулова 48см, диаметр по краю венчика 18см, диаметр днища 18,6см.

Тип II. Это крупные сосуды, с весьма широким туловом и выделенной горловиной. Они красно-охристого цвета и богато орнаментированы (табл. XXXI, 8). Венчик их, например, украшен «елочкой», выполненной вдавлениями, а чуть ниже шейки имеется рельефный валик в виде горизонтального пояса с глубокими насечками. Ниже валика по всем тулову проходят вертикальные неглубокие желобки, между которыми помещены также вертикальные ряды вдавлений в виде крестиков. Размеры: высота около 1м, диаметр по краю венчика 24см.

Тип III. Сосуды по форме и некоторым признакам близки к предыдущему типу (табл. XXIX, 1,2). Все они, в отличие от пифосов II типа, чернолощеные до блеска и украшены по шейке штампованным орнаментом в виде сетки. Размеры: высота около 60см, диаметр тулова до 40см, диаметр по краю венчика 16см.

Группа III. Корчаги. Определенную группу сосудов на поселении составляют корчаги, которые характеризуются широким корпусом, узким днищем и невыразительным венчиком. Внешняя поверхность хорошо заглажена и залощена до черного блеска. По форме венчиков мы выделяем три типа корчаг.

Тип I. Этот тип корчаг представлен сосудами разных размеров с выпуклым туловом и слабо выраженным венчиком. Один такой сосуд удалось восстановить. Это небольшая по размеру корчага с узким днищем и коническим расширяющимся кверху туловом (табл. XXIX, 15). На плечиках его по бокам имеются две вертикально поставленные ручки, спинки которых украшены глубокими насечками. Тулово сосуда покрыто неглубокими вертикальными желобками. Широкий желобок опоясывал верхнюю часть сосуда, между ручками и краем венчика. Размеры: высота 15,3см, диаметр наиболее широкой части тулова 15,4см, диаметр по краю венчика 9см, диаметр днища 7см.

Тип II. Сосуды с шаровидным туловом, отделенным уступом от короткой шейки с утолщенным краем. Верхняя часть всех сосудов была украшена орнаментом в виде рядов из косых вдав-

лений и желобков, а отдельные корчаги были каннелированы и снабжены крышками (табл. XXIX, 14). Размеры: высота около 50см, диаметр тулова в среднем 40см и диаметр по краю венчика от 18 до 24см.

Тип III. В этот тип мы включили сосуды, венчики которых оформлены в виде выступа округлого сечения (табл. XXIX, 9). В отличие от вышеописанных типов корчаг у этих сосудов шейка более выразительна. Желобчатые полосы опоясывают верхнюю часть корчаг. Диаметр по краю венчика достигает до 18см.

Категория III. Столовая посуда

Группа I. Миски. В комплексе глиняной посуды Тамышского поселения большое место занимают миски. Они изготовлены из глины с большим содержанием песка и древесины и характеризуются, как правило, слабым обжигом; цвет темно-серый. Они отличаются в целом единообразием форм. Однако среди них по форме тулова, венчиков и другим особенностям нами выделено несколько типов.

Тип I. Миски на поддонах. Они имеют широкое открытое устье и узкое днище. Восстановлено три экземпляра таких мисок (табл. XXXII, 1–3). Одна из них украшена широкими вертикальными каннелюрами (табл. XXXII, 1). Другой сосуд украшен глубокими насечками по верхнему краю сосуда (табл. XXXII, 2). Третья миска без орнамента. Размеры: высота 7–10см, диаметр по краю миски 18–20см, диаметр днища 7–10см, толщина стенок 0,6–0,9см.

Тип II. Высокая миска открытого типа с округленным дном, с загнутым вовнутрь верхним краем, который украшен косыми насечками. Размеры: диаметр по краю сосуда составляет 15см, высота 5см (табл. XXXII, 4,6).

Тип III. Представлен мисками подобной же формы с отогнутыми вовнутрь верхними краями, которые имеют маленькую закраину (табл. XXXII, 5,7,10). Украшены наклонными вдавлениями в виде сетки или «елки» чуть ниже верхнего края. Размеры: диаметр по верхнему краю миски 15–20см, высота 5–7см.

Тип IV. Представлен мисками с округленным, возможно, днищем, верхний край которых слегка загнут внутрь; иногда замечается его утолщение (табл. XXXII, 8,9). Фрагменты мисок этого типа украшены вдавленным и резным орнаментом в виде

округлых углублений или вдавлений «елочкой»; один обломок венчика ниже края украшен двумя резными ломаными линиями. Размеры: высота 4–5см, диаметр по краю сосуда 15–18см.

Группа II. Чаши. Это глубокие сосуды с широким устьем и плоским днищем (табл. XXXII, 11–13). Верхний край их выделен четким уступом. Венчик слегка срезан вовнутрь и украшен вдавлениями, иногда зубчатым штампом. Изготовлены из тщательно отмученной глины и отличаются хорошим обжигом. Поверхность грубо обработана, цвета черного или темно-серого. Размеры: высота 15–18см, диаметр по верхнему краю сосуда 22–31см.

Группа III. Миниатюрные сосуды. Так мы называем небольшую группу сосудиков, миниатюрных по размерам, о функциональном значении которых судить трудно. Среди них имеются часть «рюмки» на ножке (табл. XXXII, 20), сосудики с вертикальными стенками, высокие (до 10см) и низкие (2–4см) (табл. XXXII, 15–19, 21). Они в основном грубой выделки и слабого обжига.

Укажем также на то, что найдено большое количество фрагментов днищ, которые трудно отнести к какому-либо определенному типу посуды; в основном они двух типов: обычные плоские и четко выделенные в виде поддонов. Соответствующие следы на внешней поверхности некоторых днищ свидетельствуют о том, что сосуды сформованы на кругу.

Определенную группу керамического материала составляют крышки от сосудов. Различаются два типа.

Тип I. Это крышки от сосудов различного размера, округлые в плане, конусовидные, завершающиеся круглой рукоятью. Выделяется миниатюрная крышка, снабженная сквозным отверстием в круглой рукояти. Как правило, крышки украшались по всей поверхности вдавлениями в виде «елочки», просто наклонными вдавлениями по кругу, длинными клиновидными глубокими нарезами; вдавления выполнены зубчатым штампом (табл. XXXIII, 1–6; XXXIII, 14). Крышки достигают в диаметре от 4 до 31см. Толщина их 0,6–0,8см.

Тип II. Это круглые в плане плоские крышки, довольно массивные, в центре снабженные рукоятью в виде шишечки с усеченным верхом или же заостренным концом. Украшались они менее роскошно, чем крышки первого типа; орнамент в виде прямых резных линий, отходящих от рукоятки, или же проца-

рапанных зигзагов (табл. XXXIII, 7–9). Размеры: диаметр круга составляет от 10–15см, толщина стенок 0,6–1,2см.

По восстановленным образцам можно предполагать, что первый тип крышек относится к корчагам. А с какими сосудами конкретно связаны крышки второго типа, сказать трудно.

В керамической коллекции Тамышского поселения представлено значительное количество разнообразных ручек от глиняных сосудов. К сожалению, во многих случаях оказалось затруднительным определить, какие именно типы сосудов были снабжены ручками, т.е. привязать определенные типы ручек к тем или иным типам сосудов. Ясно, что большинство этих ручек принадлежало горшкам рассмотренных выше типов. Среди них выделяются две группы ручек: простые и с роговидными выступами, которые в свою очередь делятся на типы.

Группа I. Простые кругло-или-овально проемные. Различаются очертанием и размером отверстия или внешним оформлением. Выделено несколько типов.

Тип I. Ручки миниатюрные, в виде небольшой круглой дужки с маленьким круглым (диаметр 1см) проемом, по всей видимости, от небольших горшков, особенно кружек (табл. XXXIV, 1,2). Лишь единичные ручки орнаментированы, в частности, насечками по всей поверхности. Ручки такого типа встречались в верхнем горизонте культурного слоя Наохваму и принадлежали небольшим каннелированным сосудам[90].

Тип II. Представлен также небольшими ручками с округлой проушиной. Дужка немного приподнята к верху и на этом месте утолщена. Интересен способ прикрепления ручки к стенке сосуда – четко выделенные ножки расширяются к основанию (табл. XXXIII, 3).

Тип III. Это также низкая ручка с округлым проемом. Дужка ее сделана в виде двух скатов, сходящихся ребром чуть выше середины ручки (табл. XXXIV, 4). Такие ручки особенно характерны для керамики колхидской культуры всего региона.

Тип IV. Миниатюрная кругло-проемная ручка, дужка круглая; утолщаясь к верху, выступает за край венчика сосуда, в результате чего образуется маленькая узкая седловина между стенкой сосуда и стволом ручки (табл. XXXIV, 5,6).

[90] **Куфтин Б.А.** Материалы… . Т. II, с. 193–197, табл. 51, 3.

Тип V. Это довольно массивные петлевидные ручки от горшков среднего размера, крепившиеся к шейке (табл. XXXIV, 7,8).

Тип VI. Ручки с прямоугольным сечением ствола (табл. XXXV, 3). Верхний край ручки четко выделен. Между ними и стенкой образована как бы глубокая седловина. Среди ручек данного типа, принадлежавшим горшкам, имеются единичные экземпляры, украшенные глубокими горизонтальными вдавлениями.

Тип VII. Петлевидные ручки со стволом круглого сечения и овальным проемом. На верхней части ручки имеется «пуговковидный» налет (табл. XXXV, 5,8). «Пуговки» налеплены, бывают укороченных или удлиненных пропорций.

Тип VIII. Сравнительно массивная ручка со стволом круглого сечения и овальным проемом (табл. XXXV, 6). В верхней части дужки имеется глубокое вдавление, овальное в плане.

Тип IX. Ручка со стволом круглого сечения выступает за край сосуда (табл. XXXV, 7). Верхний край плоско усечен. Ручка украшена глубокими волнистыми вдавлениями.

Группа II. Включает ручки с роговидными выступами, которые по форме и орнаментальным признакам можно разделить на несколько типов.

Тип I. Ручки с массивными длинными роговидными выступами, которые направлены в сторону от сосуда (табл. XXXVI, 1).

Тип II. Миниатюрная ручка с круглым проемом и стволом округлого сечения (табл. XXXVI, 2). На месте соединения верхней части ручка расширяется и приобретает роговидную форму.

Тип III. Ручка со стволом прямоугольного сечения, в верхней части дужка снабжена выступами с плоскоусеченными концами и украшена вдавлениями зубчатого штампа. Такие же вдавления нанесены и ниже валика на спинке ручки (табл. XXXV, 3).

Тип IV. Ручка с тонким стволом, наружная плоскость которого уплощена (табл. XXXVI, 4). В верхней части посажен валик с заостренными роговидными концами.

Тип V. Массивная ручка с двумя роговидными выступами с закругленными концами (табл. XXXV, 5). Седловина между выступами и чуть ниже украшена насечками-вдавлениями.

Тип VI. Ручка, ствол которой имеет слегка выделенные ребра

на спинке и косые насечки (табл. XXXVI, 6). Наверху ствол завершается двумя шишками-рожками.

Тип VII. Ручка с широко расставленными роговидными выступами с плоско усеченными концами. Спинка плоская (табл. XXXVI, 7).

Тип VIII. Довольно массивная ручка прямоугольного сечения. Внешняя плоскость уплощенная; начиная с основания ствола, проходит углубление и заканчивается выступом за верхний край сосуда. Спинка по бокам (ребрам) украшена насечками (табл. XXXVI, 8).

На поселении в единственном экземпляре обнаружена ручка сосуда, оформленная в виде головки барана.

Орнаментация керамики Тамышского поселения характеризуется исключительным многообразием орнамента. В отличие от Бамборы, она украшена более пышно и отличается сложностью орнаментированных композиций. Почти вся посуда, включая и крышки, орнаментирована. Орнамента лишены лишь единичные типы посуды. Широкое развитие в украшении сосудов в эту эпоху получил декор, выполненный в резной, рельефной, штампованной и вдавленной технике. На отдельных сосудах встречается орнамент, выполненный в различной технике, но повторяющий одни и те же мотивы. По технике нанесения и различию мотивов выделяется несколько видов орнамента, которые в свою очередь делятся на типы, а последние – на варианты.

Вид I. Одним из характерных приемов украшения пифосов и горшков различных типов является нанесение рельефного орнамента в виде валика или налепа. Выделяется два типа рельефного орнамента со своими вариантами.

Тип I. Рельефный валик, опоясывающий сосуд на шейке или на плечиках. Встречается несколько вариантов этого орнамента.

Первый вариант представлен валиком с треугольным сечением и наносился по шейке горшков средних и малых пропорций. Он украшен резными насечками, нанесенными на обеих плоскостях и образующими узор в виде «елочки»; косыми насечками, небольшими округлыми вдавлениями, ногтевыми вдавлениями (табл. XXXVII, 1).

Другой вариант представляет валик, прямоугольный в сечении, на горшках больших размеров и на пифосах всех типов. Устанавливается несколько способов выделения этого валика: четко выделенный на основе самого сосуда при формовке путем выдавливания с внутренней стороны; валик, выделенный в результате обрамления с обеих сторон желобками. Иногда валик выделен углубленным желобком сверху, – в этом случае на шейке образуется выступ-ребро, а книзу валик сходит на нет (табл. XXVII, 8–10). Этот валик также украшен разными узорами: косыми насечками, сеткой с врезными линиями, гребенчатым штампом, длинными и овальными и ногтевыми вдавлениями, гребенчатым штампом, длинными и овальными и ногтевыми вдавлениями. Валики бывают сильно выступающие, короткие, вытянутые (табл. XXXVII, 1).

Еще один вариант рельефного орнамента мы видим на шейке котловидных горшков (XI тип). Валик рассечен насечками, овальными и круглыми вдавлениями по верхней плоской плоскости, или же он заключен между двумя горизонтальными рядами из мелких круглых ямок (табл. XXIX, 16).

Другой вариант этого орнамента можно наблюдать на отдельных фрагментах сосудов, украшенных несколькими рядами валиков. Они рассечены наклонными и прямыми вдавлениями (табл. XXIV, 1).

Еще один вариант представляет плоскорельефный горизонтальный валик и отходящий от него вертикальный в виде Т-образной фигуры, а на месте их пересечения наносится розетка, круглая в плане (табл. XXV, 2,3). Обычно на валике круглого сечения розетка отсутствует (табл. XXV, 4).

Тип II. На керамике Тамышского поселения присутствует рельефный орнамент другого типа в виде различных налепов.

Сосцевидный налеп характерен для маленьких горшочков. Он расположен всегда в верхней части сосуда. «Сосцы» сочетаются обычно с другими видами орнамента – насечками, сложным узором из вдавлений и т.д. (табл. XXV, 5,9).

Другим вариантом является плоский округлый налеп, диаметром 1–2см, также в верхней части сосуда, часто под глубокими желобками (табл. XXV, 7,8).

Отметим и фрагмент сосуда, украшенный змеевидным налепом (табл. XXV, 6).

Вид II. Самым же распространенным видом орнамента является резной, наносившийся на разные типы сосудов. Выделяется несколько типов подобного орнамента (табл. XXXVII, 4).

Тип I. Разнообразные насечки: наклонные, прямые, длинные, глубокие и т.д. Все они наносились исключительно в верхней части сосуда в два или три ряда на шейку, иногда на венчик (табл. XXVI, 4–5). Насечки часто сочетаются с другими видами орнамента; часто насечки заключены в две параллельные резные линии.

Тип II. Довольно распространенным типом орнамента является узор, нанесенный в виде «елочки». Обычно этот тип орнамента наносился по шейке горшков. Это неглубокие нарезы, нанесенные острым концом орудия. Иногда елочный узор заключен между двумя горизонтальными прочерченными линиями (табл. XXXVII).

Тип III. Сетчатый орнамент, нанесенный перекрещивающимися косыми или реже прямыми резными линиями, обычно по шейке, если это пифосообразный сосуд, по плечикам на корчагах и чуть ниже верхнего края на мисках (табл. XXIX, 1,2) Сетка, нанесенная на шейке сосудов, сверху и снизу ограничивалась параллельными линиями и часто сочеталась с другими видами орнамента.

На одной из мисок встречен резной орнамент в виде лестницы. Следует сказать, что композиция из глубоких нарезов отличается от композиции, созданной простыми (неглубокими) нарезами. На поселении найден фрагмент крышки сосуда, украшенной глубоким нарезом, нанесенным орудием с двумя зубцами. Нарезы заключены в равнобедренный треугольник, а пространство между треугольниками заполняется вдавлениями штампов или же солярным знаком, представляющим собой круг, обнесенный по периметру 14-ю маленькими ямочками-вдавлениями (табл. XXV, 12).

Вид IV. Углубленный (вдавленный) орнамент. Это вид орнамента также является одним из распространенных. В сочетании с другими видами он наносился почти на все типы сосудов, начиная от пифосов и кончая мисками. Характерен разнообразными мотивами. Исходя из этого, мы выделяем несколько типов этого орнамента.

Тип I. Желобочный орнамент в некоторых случаях повторяет композиции рельефного орнамента, образуя узор из горизонтальных линий на шейке. Он характерен для горшков I типа (украшена вся верхняя часть сосудов), пифосов (орнаментирована шейка), а также для корчаг (на плечиках в сочетании с другими типами орнамента). Глубоким желобом украшен один из котловидных горшков (тип XI) (табл. XXVIII, XXVIII, 15).

Тип II. Пальцевидные (ногтевидные) вдавления наносились больше всего по рельефному валику. Это круглые, неглубокие отпечатки пальцев. Этим типом орнамента украшались небольшие горшки, если не по валику, то обязательно по внутренней части шейки (табл. XXX, 10,11). Встречаются оттиски ногтей с различных положений. Как правило, этот тип орнамента мало сочетается с другими видами орнамента.

Тип III. Самым распространенным типом данного орнамента являются выполненные гладким концом палочки вдавления, обычно овальной формы, реже округлой, треугольной или клиновидной. Вдавления наносились по венчику горшков VII типа, по шейке пифосов, а один из пифосов весь украшен вертикальными полосами перекрещивающихся вдавлений. Несколько менее распространенным орнаментальным мотивом является елочный узор, образованный тонкими вдавлениями. Один из горшков V типа украшен таким образом (табл. XXX, 1–3): два пояса в виде елочного узора украшают шейку и плечики; один из них нанесен на валик, от второго пояса вертикально отходят и покрывают весь каннелированный корпус такие же елочные узоры. Елочным узором украшались отдельные миски и крышки от сосудов, сплошным елочным узором покрывалась вся поверхность некоторых типов корчаг (табл. XXVIII).

Вид IV. Штампованный орнамент. Это вид орнамента встречается почти на всех типах сосудов и характеризуется большим разнообразием композиции и форм самих штампов, а также техники, сочетается со всеми видами орнамента. Можно выделить несколько типов штампованного орнамента.

Тип I. Треугольный штамп встречается на пифосах, корчагах, а также на некоторых невыясненных формах сосудов. Ряды из таких вдавлений сочетаются, как правило, с сеткой, образованной

мелкозубчатым штампом (табл. XXVII, 3,7; XXVIII, 13; XXXVII, 3). На пифосах треугольные штампы наносились под желобками на плечиках. На корчагах они расположены двумя рядами. Треугольный штамп наносился иногда между большими заштрихованными треугольниками.

Тип II. Зубчатый штамп. Различаются три разновидности. Мелкозубчатый штамп иногда образует сетку на пифосах и корчагах (табл. XXVIII, 1,7; XXXVII, 3) или полосы между другими видами орнамента. Среднезубчатый и крупнозубчатый штампы являются самыми распространенными. Они в виде крупных клиновидных округлых и овальных вдавлений (табл. XXXVII, 3). Зубчатый штамп часто в сочетании с нарезным орнаментом создавал на сосудах (верхней их части) орнаментальные композиции.

Вид V. Каннелюры. Очень широко представлены в орнаментации сосудов различных типов каннелюры, выполненные способом гранения. Встречаются каннелюры различных размеров. На горшках V и VI типов и на одной из мисок нанесены узкие и неглубокие каннелюры (табл. XXXII, 1–3; XXXI, 1). При этом каннелюрами покрыто все тулово сосуда, свободное от других видов орнамента; иногда каннелюры заходят и на ручки этих сосудов. I тип пифосов (табл. XXXI, 1) украшен широкими глубокими каннелюрами, по всей видимости, по всему тулову. Почти во всех случаях грани каннелюров заострены.

Несмотря на единство в целом керамического комплекса Тамышского поселения, стратиграфические наблюдения и типологическое изучение его показывают определенную специфику материалов из верхнего и нижнего горизонтов.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что «текстильная» керамика присутствует только в верхнем горизонте поселения. Там же встречаются определенные типы пифосов, отсутствующие в нижнем горизонте. Это, например, сосуды больших размеров с сильно вздутым корпусом, узкой горловиной и утолщенным венчиком. Они все исключительно красноохристого цвета и украшены рельефным орнаментом. Различие наблюдается также в формах отдельных горшков. Так, для нижнего горизонта поселения более характерны бадьевидно-баночные горшки (тип I), крупные горшки с уплощенно-шаровидным туловом (тип V) и т.д.

Различие в керамике нижнего и верхнего горизонта Тамыша прослеживается и при рассмотрении ручек отдельных сосудов. Например, ручки с массивными роговидными выступами (группа II, тип I), миниатюрная ручка с круглым проемом больше распространены в нижнем горизонте. А для верхнего горизонта характерны ручки с продольным углублением и высоким цилиндрическим выступом (группа I, тип VIII) или же ручки с небольшими роговидными выступами (группа II, тип III) и др.

Наконец, специфика керамики нижнего и верхнего горизонтов поселения проявляется и в орнаментации. Четко устанавливается, что для сосудов нижнего горизонта более характерны украшения, выполненные различными штампами, в то время как посуда из верхнего горизонта украшена преимущественно рельефным орнаментом. Следует указать и то, что стенки сосудов из нижнего горизонта имеют узкие каннелюры, а из верхнего – широкие.

Как видим, керамика Тамышского поселения также отличается значительным разнообразием. Это касается как ее назначения, так и форм посуды и ее орнаментации.

Проведем краткий сравнительный анализ рассмотренных комплексов керамики из Бамборы и Тамыша. На обоих памятниках представлены одинаковые категории керамики. Обращает внимание то, что в Кистрике и Тамыше соотношение «текстильной» керамики с остальной в процентном отношении одинаково. Формы этой керамики на том и другом памятнике полностью идентичны. Более того, эта керамика в Бамборе и Тамыше сопровождается, как правило, глиняными роговидными подставками совершенно одинаковых типов.

Широко представлена в Бамборе и Тамыше тарно-хозяйственная посуда, изготовленная в том и другом случае из глины с примесями главным образом песка. Но между посудой данной категории из Бамборы и Тамыша наблюдаются определенные различия. Они касаются как цвета и обработки поверхности сосудов, так и ассортимента посуды и ее орнаментации. Как известно, Тамышская коллекция богата сосудами с каннелированной поверхностью, в то время как в Бамборе такие сосуды встречены в единичных экземплярах.

На обоих памятниках представлены разнообразные горшки. Причем в Бамборе и Тамыше мы видим иногда почти одинаковые типы горшков (сравните, например, X тип горшков из Кистрика и IX тип из Тамыша), но в целом они различаются между собой по формам.

В Бамборе мы выделяем два типа пифосов, а в Тамыше три. Близость их между собой очевидна, но имеются и различия, выражающиеся как в деталях формы, так и в характере обработки поверхности сосудов, а также в орнаментации. Далее особо подчеркнем то, что если в составе глиняной посуды Бамборы крупные кувшины составляют характерную группу сосудов, то в Тамыше таковые совершенно отсутствуют. Вместе с тем, в тамышской посуде представлены сосуды типа корчаг, которые не характерны для Кистрика.

Что же касается столовой посуды, то близость между определенными типами сосудов, в частности, мисок из Тамыша и Бамборы, бесспорно прослеживается. Но очевидны и значительные различия между нами. Например, в Бамборе нет совсем чаш и мисок на поддонах, как в Тамыше (I тип), а в Тамышском поселении отсутствуют узкогорлые кувшины и сосуды типа блюд.

Отметим и тот факт, что характерные для керамики Тамыша ручки с роговидными выступами не встречаются, по сути дела, в Бамборе. Но крышки сосудов, обнаруженные в исследуемых комплексах, однотипны.

Наконец, рассмотрим в сравнительном плане и орнаментацию керамики обоих памятников. На сосудах того и другого комплекса мы наблюдаем одинаковые по способу нанесения и нередко по мотивам орнаменты. Особая близость прослеживается в характере рельефной орнаментации сосудов из Тамыша и Бамборы. Выше уже отмечалось, что керамика из Тамыша орнаментирована более выразительно и, можно сказать, пышно. Если в Бамборе украшена только верхняя часть сосудов, то в Тамыше орнаментом покрыта часто вся наружная поверхность. И, конечно же, тамышская керамика отличается более сложными и более интересными узорами, выполненными в различной технике.

Таким образом, рассмотренные керамические комплексы, несмотря на близость между собой в технологическом отноше-

нии и по отдельным формам посуды, ее орнаментации, обнаруживают и значительные различия. Это вызвано как локальными особенностями развития каждого из этих памятников колхидской культуры, так и, по всей вероятности, их хронологическим соотношением между собой. Это, по нашему мнению, не полностью синхронные памятники. Но этот вопрос мы рассмотрим отдельно ниже. Сейчас же нам необходимо завершить характеристику керамики поселений колхидской культуры в Абхазии и дать ее краткий сравнительный анализ, что поможет нам установить в конечном итоге и относительное хронологическое положение остальных памятников.

Бамборское и Тамышское поселения, как показано, дали большой керамический материал, представленный различными формами посуды. Многие типы рассмотренных сосудов обнаружены и на других поселениях колхидской культуры в Абхазии.

Прежде всего, отметим Моквинское поселение[91], на котором представлены почти все группы и типы сосудов, найденные в Кистрике и Тамыше и описанные выше. В частности, из этого поселения происходят пифосы с четырехугольными в сечении венчиками, украшенными косыми врезными насечками вдоль внешнего края, горшки различных типов. Здесь также представлены корчаги всех типов, характерных для Тамышского поселения, миски с прямыми или чуть вогнутыми краями, каннелированная керамика, роговидные ручки, в том числе с «пуговковидными»[92] налепами; найдены также крышки сосудов, аналогичные тамышским.

Наблюдается много общего в орнаментации посуды между керамикой Тамышского и Бамборского поселений, с одной стороны, и керамикой Моквы, с другой. В частности, сосуды из Моквы украшены таким же рельефным орнаментом. Мы видим на них также пояса косых насечек, сетчатый орнамент, узоры, выполненные штампованной техникой и т.д. Но при

[91] **Барамидзе М.В., Бжания В.В., Пхакадзе Г.Г., Шамба Г.Р., Квирквелия Г.Т., Чигошвили Т.Э.** Основные итоги… . С. 95–96; **Квирквелия Г.Т.** Очамчире и его окружение в VIII–V вв. до н.э. – В кн.: Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тб., 1971.

[92] **Соловьев Л.Н.** Селища… . С. 265–286, рис. 4.

сравнительном изучении соответствующих керамических комплексов нельзя не обратить внимания и на их различия. Главная особенность керамики из Моквы состоит в том, пожалуй, что в ее составе совершенно нет посуды, украшенной широкими каннелюрами.

Что же касается «текстильной» керамики, то здесь она представлена в значительно меньшем количестве, чем в Бамборе и Тамыше.

Несомненную близость к керамике из Кистрика и Тамыша обнаруживают также материалы II Мачарского поселения[93].

Несмотря на сильную фрагментарность керамики этого поселения (II слой), нетрудно заметить по сохранившимся профилированным образцам наличие здесь отдельных форм горшков, которые характерны для Бамборы и Тамыша. Они идентичны также как по ручкам (в том числе с роговидными выступами), так и по характеру и мотивам орнаментации – на мачарских сосудах мы наблюдаем те же рельефные пояса, комбинации из различных вдавлений и насечек и т.д. Следует указать и на то, что в Мачарском поселении обнаружено несколько фрагментов «текстильной» керамики и два обломка глиняных роговидных подставок.

Большое разнообразие типов сосудов и орнаментальных мотивов наблюдается в керамике из поселения на Сухумской горе.[94] В ней представлены фрагменты аналогичных тамышским и бамборским пифосов, горшков с отогнутыми и прямыми венчиками, сосудов с горизонтальными желобками, каннелированная керамика.

Особенно много общего прослеживается в орнаментации сосудов. Одним из распространенных типов орнамента здесь является рельефный, особенно в виде валиков различных сечений, многие из которых покрыты различными узорами. Оттиск веревки, столь характерный для керамики Бамборского поселения, представлен широко и здесь. На посуде Сухумской горы мы видим резной, штампованный, желобчатый и другие типы орнамента и узоры в виде «елки», сетки и т.д. Отметим еще, что здесь представлены и ручки с роговидными выступами. А также

[93] **Бжания В.В.** Мачарское поселение… . С.113–126.

[94] **Каландадзе А.** Археологические памятники… . С.73–91, табл. XIV–XXII.

найдена ручка сосуда, оформленная в виде головки барана, т.е. точно такая же, как на Тамышском поселении.

В материалах поселения Эшера I и II эпохи поздней бронзы представлена керамика, аналогичная вышеописанной и украшенная такими же орнаментами[95]. Имеются, в частности различные горшки, крупные сосуды, в том числе с каннелированной поверхностью. Сосуды украшены различными налепленными валиками и вдавлениями, штампованным орнаментом. Отметим и наличие на отдельных сосудах веревочного орнамента как на керамике Бамборы, так и на керамике поселения на Сухумской горе.

Особо следует выделить керамический комплекс Красномаяцкого (Сухумского) поселения[96]. Это, как известно, стоянка промыслового типа. Но здесь, в отличие от других промысловых поселений Абхазии, наряду с «текстильной» керамикой, обнаружена и обычная глиняная посуда – столовая и тарно-хозяйственного назначения. Последняя по количеству уступает «текстильной» керамике и не столь разнообразна по формам, как, например, в Бамборе и Тамыше. Но она по техническим особенностям и формам совершенно аналогична некоторым типам керамики Кистрика и Тамыша. Здесь представлены в основном горшки баночной формы и реже с выпуклым туловом и отогнутым венчиком. Некоторые из сосудов снабжены обычными ручками с округло-овальным проемом. Но ручки с роговидными выступами, столь характерные для Тамыша и других памятников колхидской культуры, здесь не обнаружены. Мы не находим здесь и сосудов, украшенных рельефным орнаментом. Преобладает резной орнамент в виде «елки», зигзага и сетки.

Керамика рассматриваемого периода обнаружена и на всех поселениях Бзыбской Абхазии (северо-западной Абхазии). Поскольку ни один из этих памятников не подвергался широким обследованиям, происходящий с них материал ограничен. Но он, надо сказать, достаточно выразителен. Так, на поселении у

[95] **Куфтин Б.А.** Материалы… . Т. I, с. 5–20, рис. 4а; **Иващенко М.М.** Исследование архаических памятников… . С. 64–68; **Воронов Ю.Н.** Археологическая карта… . С. 27, табл. XXII, 36.

[96] **Трапш М.М.** Археологические раскопки… . С. 186–187; **Соловьев Л.Н.** Селища… . С. 275–276.

с. Приморск собрана типичная для колхидской культуры черноглиняная толстостенная и каннелированная керамика, украшенная орнаментом в виде наклонных вдавлений и налепных полос[97]. «Текстильная» керамика найдена на стоянках Шицкуара, Новый Афон, Псырцха[98].

Особенно интересный керамический материал получен из Куланурхвинского поселения[99]. Здесь найдены фрагменты пифосов и больших горшков рассмотренных типов, крышки сосудов и разнообразные ручки. Среди последних обращает внимание ручка с двумя роговидными выступами. Надо, однако, подчеркнуть, что такие ручки для посуды этого памятника, равно как для керамики данного региона Абхазии, не характерны. Что же касается орнаментации, то многие сосуды из поселений Бзыбской Абхазии были украшены рельефным орнаментом в виде валика и различными узорами, выполненными штампами.

Следует подчеркнуть, что посуда описанных типов широко представлена почти на всех могильниках Абхазии изучаемого периода. На могильнике Гуадиху в инвентаре погребений старшей группы найдены горшки, кувшины, миски и кружки[100]. Горшки представлены двумя типами. Первый тип составляют сосуды темно-серые с выпуклым шаровидным туловом и плоским днищем, которые аналогичны горшкам VII типа из Тамышского поселения. Второй тип горшков – сосуды более вытянутые, приближающиеся к баночной форме; имеют аналогии в коллекции тамышской и кистрикской (группа I, тип X) керамики.

Как известно, в состав инвентаря Красномаяцкого могильника входит большой набор глиняных сосудов[1015]. Они сделаны на гончарном круге из плохо промешанной глины с большой примесью песка, красно-серого и темного обжига. Посуда пред-

[97] **Стражев В.Н.** Бронзовая культура… . С. 103–129; **Воронов Ю.Н.** Археологическая карта… . С. 18–40, табл. XXI.

[98] **Соловьев Л.Н.** Селища… . С. 263–288; **Воронов Ю.Н.** Археологическая карта… . С. 18–40; **Лукин А.Л.** Материалы по археологии. С. 34–35.

[99] **Воронов Ю.Н., Вознюк А.С.** Новые археологические находки… . С. 268, рис. 1 (1–7).

[100] **Трапш М.М.** Некрополь Гуадиху (старший могильник). Труды, т. II, с. 51–54, табл. 1.

[101] **Трапш М.М.** Красномаяцкий некрополь. Труды. Т. II, с. 162–167, табл. XVII, XVIII.

ставлена горшками, кувшинами и пифосами. Здесь найдена большая серия горшков, имеющих прямые аналогии с типами сосудов из Тамыша (группа II, тип I) и Бамборы (группа II, тип I, II). Красномаяцкие кувшины особенно близки к кувшинам, найденным на Бамборском поселении. Пифосы (табл. XLII), служившие здесь в качестве погребальных урн, по форме ничем по существу не отличаются от подобных сосудов, широко представленных на Тамышском поселении. Отметим, что пифосы, подобные красномаяцким, служили урнами в оссуарных погребениях этой же эпохи в Эшерах[102]. Можно указать для примера и на то, что исследованное Ю.Н. Вороновым и А.С. Вознюк в Куланурхве погребение VIII в. до н.э. было совершено в пифосе того типа, который представлен в керамике Тамышского поселения[103].

Приведенные краткие данные по керамике других памятников колхидской культуры в Абхазии свидетельствуют о значительной близости ее к соответствующим комплексам из Бамборы и Тамыша. Вместе с тем четко прослеживаются и отдельные, отмеченные выше, черты или особенности, составляющие специфику керамического комплекса того или другого памятника. В целом керамика из поселений Абхазии обнаруживает между собой заметно больше черт сходства, чем различий. Последние объясняются как локальными особенностями развития отдельных групп памятников, так и в некоторой степени их относительным хронологическим соотношением между собой.

Рассмотрим теперь, в какой степени керамика древнеабхазских поселений связана с соответствующими комплексами памятников остальной части ареала колхидской культуры, т.е. Западной Грузии. Сравнительный анализ показывает, что подавляющее большинство описанных типов сосудов представлено в памятниках Западной Грузии.

Начнем с «текстильной» керамики, которая обнаружена в нескольких поселениях Западной Грузии, в частности, в Пичвнарских стоянках в районе Кобулети и поселении Уреки к югу от Поти. Особенно значительная коллекция этой керамики происходит из стоянок Пичвнари. Она включает в себя точно такие же

[102] **Куфтин Б.А.** Материалы… . Т. I, с.178–190, табл. IX.

[103] **Воронов Ю.Н., Вознюк А.С.** Новые археологические… . С. 269–274, рис. 2.

по форме сосуды, как и найденные на поселениях Абхазии[104]. Важно и то, что и здесь данные сосуды обнаружены в комплексе с роговидными подставками[105], которые, кстати, ничем не отличаются от обнаруженных в памятниках Абхазии. «Текстильная» керамика подобной же формы и в комплексе с роговидными подставками характерна и для Уреки[106].

Перейдем к другой, основной группе керамики. Значительные параллели наблюдаются, прежде всего, между керамическими комплексами двух верхних слоев Наохваму в Колхидской низменности и Тамышского поселения[107]. В Наохваму, в частности, представлены почти все характерные для Тамыша типы сосудов – пифосы с широким корпусом, суженным горлом, сильно утолщенным венчиком, украшенным вдавлениями; горшки с широким горлом и более или менее вздутым корпусом; миски, украшенные косыми насечками и вдавлениями (рис. XLIII). Здесь в большом количестве обнаружены ручки с роговидными выступами. Но, в отличие от последних, ручки тамышских сосудов иногда у седловидного изгиба орнаментированы насечками и заканчиваются не усеченными концами, а острыми (рис. XXXV, 3–5). Далее, в среднем горизонте Наохваму, обнаружены ручки с горизонтальной перемычкой[108], совершенно аналогичные таковым из нижнего горизонта Тамышского поселения. Наконец, много общего между орнаментацией керамики Наохваму и Тамыша и техникой ее нанесения. Что же касается их отличия, то они состоят в том, что для сосудов из Наохваму не характерен рельефный орнамент и здесь сравнительно меньше распространена каннелированная керамика.

Для правильной культурно-хронологической интерпретации керамики Тамышского поселения очень важны материалы многослойного жилого холма Намчедури близ Кобулети, где засвидетельствовано семь культурных напластований[1091]. Кера-

[104] **Рамишвили А.Т.** Раскопки приморских стоянок… . С. 136–152, рис. 5.

[105] **Там же.** С. 143–144, рис. 6.

[106] **Хоштария Н.В.** Археологические исследования Уреки. – МАГК, таб. 1, 1955, с. 31–37.

[107] **Куфтин Б.А.** Материалы… . Т. II, с. 124–127, табл. 35, 1–5; 36, 2.

[108] **Там же.** С. 233, рис. 60, 3, 9.

[109] **Микеладзе Г.К.** О некоторых результатах полевых исследований в зонах новостроек Колхидской низменности и в десятой пятилетке. – В сб.: Архео-

мика III, IV и V слоев холма во многом близка керамике Тамыша. Укажем, к примеру, на то, что сосуды с ручками, снабженными массивными ушками, из IV слоя Намчедури повторяют аналогичную форму посуды (группа II) из нижнего горизонта Тамыша.

Среди глиняной посуды Пичвнарских стоянок выделяются несколько типов сосудов, имеющих прямые параллели в керамике памятников Абхазии[110].

Это горшки с низкой шейкой, со слегка отогнутым краем венчика или со свисающей закраиной, как в Тамыше (группа II, тип VI), или сосуды баночного типа и крупные кувшины, подобные кистрикским (группа III). Здесь имеются и близкие формы столовой посуды, например, такие же по форме и размерам миски, какие найдены в Тамыше (тип II). Обращает внимание идентичность ручек, в частности, наличие здесь аналогичных абхазским ручек с роговидными выступами. Очень близки сосуды и по орнаментации. Здесь мы наблюдаем те же виды орнамента, в особенности рельефный и вдавленный, которые характерны для керамики изучаемых памятников Абхазии.

В культурном слое Тамышского поселения богато представлены фрагменты лощеных сосудов крупных размеров, покрытых широкими каннелюрами, выполненными способом гранения. Сосуды такого типа в значительном количестве обнаружены при раскопках железоплавильных мастерских Цецлаури I и Цецлаури II, в нижнем слое поселения Цихисдзири близ Кобулети[111].

Мы отметили категории и группы керамики, которые присутствуют и, более того, являются характерными как для памятников Абхазии, так и Западной Грузии. Близость между ними проявляется по всем основным признакам – технологическим особенностям, полному единству форм во многих случаях, в наличии одинаковых ручек, а также в технике и мотивах орна-

логические исследования на новостройках Груз. ССР. Тб., 1982, с. 75–88.

[110] **Рамишвили А.Т.** Раскопки приморских стоянок… . С. 145–152, рис. 7–12.

[111] **Хахутаишвили Д.А.** Археологические раскопки древнеколхидского центра производства железа в ущелье р. Чолоки в 1971 г. – В кн.: Памятники Юго-Западной Грузии. Тб., т. V, 1975, с. 79–92; **там же. Инаишвили А.К.** Отчет об археологических раскопках в Петра-Цихисдзири в 1962–65 г.г.

ментации. Но в то же время керамическим комплексам двух регионов ареала колхидской культуры присущи некоторые свои локальные особенности. Укажем в данной связи, прежде всего, на то, что в керамике памятников Западной Грузии не представлены отдельные формы посуды, которые встречены в некоторых древнеабхазских поселениях. В частности, там отсутствуют те типы корчаг, в том числе с крышками, которые обнаружены в значительном количестве в Тамышском поселении. Мы не находим там и такие крупные котловидные горшки, как, например, в Тамыше (тип XI); узкогорлые кувшины, как в Бамборе (тип I и II), и отмеченные выше сосуды-цедилки. Для сосудов из Западной Грузии не характерны и некоторые типы ручек (например, с продольными ребрами на спинке или же с округлыми вдавлениями на верхней части).

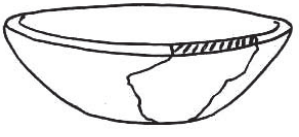
При сравнении комплексов керамики из Абхазии и Западной Грузии обращает на себя внимание то обстоятельство, что в памятниках Центральной и Южной Колхиды, в отличие от поселений Абхазии, значительно больше разнообразных сосудов с каннелированной поверхностью. Сосуды из Западной Грузии и Абхазии, как отмечено выше, украшены рельефным орнаментом и различными штампами и вдавлениями. Но если на сосудах из Абхазии преобладает рельефный орнамент, то керамика из западно-грузинских памятников украшена преимущественно штампами (гребенчатым и кружковым). Укажем на такую деталь: ручки с роговидными выступами на сосудах из поселений Абхазии, в отличие от ручек на сосудах из Западной Грузии, как правило, украшены насечками.

Несмотря на некоторое отличие в керамических комплексах из памятников Абхазии и Западной Грузии, связь между ними совершенно очевидна, что подчеркивает их принадлежность к единой колхидской культуре. В этой культуре, как считают некоторые исследователи, на основании изучения погребального обряда и металлического инвентаря, выделяется несколько локальных (территориальных) вариантов[112]. Один из них был

[112] **Джапаридзе О.М.** Бронзовые топоры… . С. 281–300; **Техов Б.В.** Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. С. 189; **Коридзе Д.Л.** К истории колхской культуры… . С. 157–160; **Воронов Ю.Н.** Западно-Кавказская этнокультурная общность… . С. 13–14.

распространен на территории Абхазии. На это, как нам представляется, достаточно уверенно указывает охарактеризованная нами керамика из поселений колхидской культуры Абхазии. Ее некоторая специфика определялась, по всей видимости, еще и тем, что она получила свое развитие на местной почве. Преемственная, генетическая связь ее с керамикой предшествующего периода устанавливается (по многим важным признакам) весьма четко. Достаточно при этом сравнить рассмотренную керамику с керамикой таких памятников Абхазии эпохи ранней и средней бронзы, как Гумистинское, Очамчирское и Мачарское (III слой) поселения[113]. Отметим, кстати, что многие из характерных черт рассмотренной керамики сохраняются и получают дальнейшее развитие в последующую эпоху. Даже греческая колонизация Причерноморья, в частности, Абхазии, не нарушила местной гончарной традиции. Примечательно в этой связи, что, например, в памятнике эллинистического периода, например, в Очамчире (Гиэнос) встречены некоторые формы посуды (горшки и миски), которые типичны для предшествующих эпох, в том числе для периода развития колхидской культуры. Таким образом, значение керамики из древнеабхазских памятников заключается и в возможности проследить на ее основе преемственность в развитии местной культуры на протяжении значительного отрезка времени.

Теперь, когда мы рассмотрели наиболее массовый материал, представленный в поселениях колхидской культуры Абхазии, попытаемся на основе керамики дать относительную периодизацию этих памятников и поставить вопросы их хронологии.

[113] **Соловьев Л.Н.** Энеолитическое селище у Очамчирского порта; **Бжания В.В.** Результаты обследования Гумистинского поселения в 1964 г. С. 58–60; **он же.** Мачарское поселение… . С. 115–123.

Глава IV
К ВОПРОСУ ОБ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ ПОСЕЛЕНИЙ КОЛХИДСКОЙ КУЛЬТУРЫ В АБХАЗИИ И ПРОБЛЕМА ИХ ХРОНОЛОГИИ

Как известно, вопросы периодизации поселений колхидской культуры не раз рассматривались в той или иной связи[114]. Это касается, прежде всего, памятников Западной Грузии и в значительно меньшей степени древних поселений на территории Абхазии. При этом речь шла в первую очередь и более всего о датировке стоянок с «текстильной» керамикой, таких, как Очамчирская, Красномаяцкая, Ново-Афонская и другие[115], т.е. временных стоянок промыслового характера. А эти памятники, расположенные на дюнах, не отличаются ни многослойностью, ни наличием сплошного и сколько-нибудь мощного культурного слоя. Поэтому здесь трудно сделать стратиграфические наблюдения и на их основании устанавливать относительную периодизацию, т.е. хронологическое соотношение отдельных памятников между собой.

Что же касается содержащегося в этих стоянках археологического материала, то он весьма однороден, сравнительно ограничен в количественном отношении и типологически единообразен. Почти на всех стоянках, как известно, представлена «текстильная» керамика совершенно одинаковых типов, включая роговидные подставки. Следовательно, использование этого материала для установления периодизации памятников, в которых она представлена, затруднительно. Этим, главным образом, объясняется то, что все предпринимавшиеся попытки периодизации и хронологизации стоянок с «текстильной» керамикой были лишены должной аргументации и носили предварительный характер.

В настоящее время, когда наряду с промысловыми стоянками исследованы крупные стационарные поселения, некоторые из которых содержат в четких стратиграфических горизонтах

---

[114] **Куфтин Б.А.** Материалы… . С. 113–161; **Микеладзе Т.К.** Исследования по истории… . Автореф. докт. дисс., с. 18–26; **Гогадзе Э.М.** Культура поселений… . С. 86–95, табл. 94; **Воронов Ю.Н.** История Абхазии… . Автореф. докт. дисс.

[115] **Соловьев Л.Н.** Селища… . С. 279.

культурного слоя такую же «текстильную» керамику, можно более обоснованно решать вопросы относительной периодизации поселений колхидской культуры вообще и расположенных на территории Абхазии в частности.

Как отмечено выше, «текстильная» керамика, включая роговидные подставки, обнаружена, не считая временных промысловых стоянок, в Бамборском, Тамышском и Моквинском поселениях. Кроме того, на Красномаяцкой стоянке в комплексе с «текстильной» керамикой оказались, правда, в незначительном количестве, некоторые формы глиняной посуды, использовавшейся в быту.

Из всех исследованных до настоящего времени на территории Абхазии поселений колхидской культуры наиболее значительным по мощности культурным слоем отличается Тамышское поселение. Причем, весь его более чем одометровый слой относится целиком к изучаемой культуре. Это и единственный из исследуемых памятников Абхазии, культурный слой которого разделяется на два хронологически последовательных горизонта, отражающих жизнь поселения в течение значительного отрезка времени, что прослеживается как по стратиграфии памятника, так и по соответствующим материалам, главным образом, керамике.

Чрезвычайно характерно с точки зрения рассматриваемого вопроса то, что «текстильная» керамика присутствует в Тамыше не во всей толще культурного слоя памятника, а лишь в его верхнем горизонте. Это дает нам основание считать «текстильную» керамику относительно поздним комплексом в материалах Тамышского поселения и рассматривать ее как определенный хронологический показатель. Представляется вполне очевидным, что все промысловые стоянки с такой же (т.е. «текстильной») керамикой могут быть синхронизированы с верхним горизонтом Тамышского поселения и поставлены в один хронологический ряд. Поскольку «текстильная» керамика представляет, как показано выше, составную часть керамического комплекса Бамборского и Моквинского поселений, то и последние тоже должны рассматриваться как одновременные верхнему горизонту Тамышского поселения. По всей вероятности, и остальные поселения колхидской культуры в Абхазии со-

ответствуют хронологически позднему периоду жизни Тамышского поселения.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что на территории Абхазии представлены две относительно последовательные по отношению друг к другу группы поселений. Первую группу представляет в настоящее время лишь одно поселение. Точнее, нижний горизонт Тамышского поселения. Другую, сравнительно позднюю группу, составляют все остальные известные поселения колхидской культуры в Абхазии, включая временные прибрежные стоянки промыслового типа с характерной «текстильной» керамикой. Малочисленность ранних поселений колхидской культуры, известных в Абхазии в настоящее время, не может служить основанием для утверждения о том, что на раннем этапе развития изучаемой культуры территория Северо-Западной Колхиды была слабо заселена. Надо помнить, что до сих пор крайне недостаточно изучена в археологическом отношении предгорная часть Абхазии. Укажем и на то, что в Абхазии обнаружено случайно немало различных металлических предметов и даже отдельных кладов бронзовых вещей, относящихся к раннему периоду развития колхидской культуры[116].

Почти все исследованные поселения расположены в прибрежной части Абхазии и относятся, как устанавливается, к сравнительно позднему этапу колхидской культуры. По-видимому, именно в этот период началось широкое освоение плодородных районов приморской полосы края и на побережье возникли и функционировали специальные поселки солеваров.

Для обоснования выводов об относительной хронологии изучаемых поселений Абхазии необходимо, конечно, обратиться к соответствующим памятникам колхидской культуры Западной Грузии, среди которых немало многослойных поселений. Среди последних наибольший интерес представляют такие поселения, как Наохваму, Носири, Намчедури и др., а также Пичвнарские стоянки. Несмотря на то, что последние однослойны, начнем с них.

---

[116] **Воронов Ю.Н.** Археологическая карта... . С. 17–41; **Трапш М.М.** Отдельные клады и находки. Труды, т. I, с. 169–193; **Иессен А.А.** Прикубанский очаг... . С. 117; **Коридзе Д.Л.** Клад из сел. Лыхны и вопрос о генезисе колхидско-кобанских топоров. – ВГМГ, XXV, Тб., 1968, с. 16–30.

Пичвнарские стоянки дали большой керамический материал, включающий как бытовую керамику, так и «текстильную» (солеварную). Он составляет (в хронологическом плане) единый комплекс. Тщательный анализ позволил А.Т. Рамишвили, как нам представляется, весьма убедительно связать бытовую керамику Пичвнари с соответствующими материалами из верхнего слоя Наохваму, Дабла, Гоми, Носири (слой IV) и Сухумской горы и тем самым определить хронологию Пичвнари. Он датировал Пичвнарские стоянки VIII–VII вв. до нашей эры, т.е. отнес их к позднему этапу колхидской культуры[117]. Следовательно, этим временем датирована им и «текстильная» керамика, содержащаяся в комплексе Пичвнарских стоянок. А эта керамика, как нами было подчеркнуто выше, совершенно аналогична по всем параметрам «текстильной» керамике из древнеабхазских поселений. «Текстильная» керамика, как отмечалось выше, представлена и в другом памятнике колхидской культуры Западной Грузии – поселении Уреки. Н.В. Хоштария, посвятившая специальное исследование данному памятнику, датировала его также VIII–VII веками до н.э.[118]

Какие же данные для установления относительной хронологии дают другие памятники Западной Грузии? Рассмотрим, прежде всего, один из наиболее исследованных среди них – поселение Наохваму. Как известно, культурный слой Наохваму делится на три горизонта, которые Б.А. Куфтин датировал в свое время в широком хронологическом диапазоне – от эпохи средней бронзы до эпохи раннего железа[119]. Новейшие исследования позволили Т.К. Микеладзе уточнить культурно-хронологическое место этого важного памятника. Он датировал все три горизонта культурного слоя памятника эпохой поздней бронзы (доведя нижнюю хронологическую границу его до XV века до н.э.) и отнес их к колхидской культуре[120]. Мы уже отметили установленные с достаточной определенностью связи между керамикой верхнего горизонта Наохваму и Пичвнарских стоянок, в

[117] **Рамишвили А.Т.** Раскопки приморских стоянок… . С. 152.

[118] **Хоштария Н.В.** Археологические исследования Уреки. – МАГК, I, 1955, Тб., с. 25–79.

[119] **Куфтин Б.А.** Материалы… . Т. II, с. 237.

[120] **Микеладзе Т.К.** Исследования по истории… . С. 19–20.

инвентарь которых входит «текстильная» керамика, совершенно аналогичная той, какая представлена, в частности, в верхнем горизонте Тамышского поселения. Это позволяет опосредственно синхронизировать последний с верхним горизонтом Наохваму. Но выше нами показаны и некоторые прямые параллели, которые прослеживаются в керамике верхних горизонтов обоих памятников. Для керамического комплекса того и другого поселения характерны, например, пифосы с широким туловом и узкой горловиной, однотипные горшки и миски. Более того, некоторые сосуды в Тамыше и Наохваму снабжены ручками одинаковой формы (вплоть до деталей) и украшены близкими мотивами орнамента. Приведенные данные в целом достаточно убедительно, как нам думается, свидетельствуют о синхронности верхних горизонтов Наохваму и Тамышского поселения.

Весьма важно и то, что к керамике из среднего горизонта Наохваму определенную близость обнаруживает глиняная посуда из нижнего слоя Тамыша. Это проявляется в наличии там и здесь одинаковых форм сосудов, в частности, пифосов с чернолощенной поверхностью и некоторых типов горшков, стенки которых покрыты узкими каннелюрами. Следовательно, мы можем синхронизировать между собой средний горизонт Наохваму и нижний горизонт Тамыша.

В данном аспекте большого внимания заслуживает тот факт, что в древнеабхазских поселениях и, в частности, в Тамышском, отсутствуют наиболее характерные для нижнего горизонта Наохваму типы керамики. Так, в Тамыше не найдены совершенно миски со сливом, столь широко представленные в нижнем слое Наохваму[121]. Следует обратить внимание и на следующее: если на сосудах из вышележащих горизонтов Наохваму, равно как и на посуде из поселений Абхазии, мы видим ручки с четко оформленными роговидными выступами, то на керамике из нижнего горизонта Наохваму таковых нет. Правда, здесь обнаружены ручки с неоформленными рожками. В нижнем горизонте Наохваму встречается керамика, украшенная шевронами. Сосудов с таким орнаментом нет в верхних горизонтах Наохваму и Тамышском поселении и других памятниках Абхазии.

Несомненный интерес для нас представляет и многослойное

[121] **Куфтин Б.А.** Материалы... . Т. II, с. 228–238, рис. 48, 60.

поселение Намчедури близ Кобулети. Здесь выделено семь слоев. Материалы из III и IV слоев памятника уверенно сопоставляются с материалами из древнеабхазских поселений, в частности, Тамышского. Так, в составе керамики из III слоя Намчедури наличествуют в значительном количестве характерные для верхнего горизонта Тамыша сосуды с каннелированной поверхностью и снабженные ручками с роговидными выступами. Этот слой Намчедури датируется Т.К. Микеладзе первой половиной Iтыс. до н.э.[122] По классификации Т.К. Микеладзе, керамика данного слоя характеризует II древнеколхидский период (ДК II)[123].

Что же касается керамики более раннего слоя, т.е. слоя IV Намчедури, то она по многим признакам близка к керамике из слоя III. Но в ее составе представлены отдельные формы сосудов, отсутствующие в слое III, но находящие аналогии в керамике нижнего слоя Тамышского поселения. Укажем для примера, что в слое IV Намчедури и нижнем горизонте Тамыша обнаружены одинаковые типы горшков с массивными роговидными ручками. Этот слой Намчедури датируется исследователем памятника рубежом II–I тыс. до н.э.[124]

С предложенной хронологией слоя IV Намчедури согласуется датировка нижнего слоя поселения Цихисдзири в районе Батуми. Материалы этих памятников, в частности, их керамические комплексы, полностью идентичны друг другу. А датировка нижнего слоя Цихисдзири – конец II тыс. до н.э. (XI в.)[125].

Отметим и древнеколхидское поселение в Носири (Центральная Колхида), IV и III слои которого содержат отдельные типы сосудов (пифосы, горшки с роговидными ручками и др.), в том числе орнаментированных, которые встречены в обоих горизонтах культурного слоя Тамышского поселения. Данные слои Носирского поселения датируются в пределах XIII–VIII веков до н.э.[126], т.е. почти в тех же хронологических рамках, что и соответствующие слои Наохваму, Намчедури и Тамыша.

[122] **Микеладзе Т.К.** О некоторых результатах… . С. 80.
[123] **Микеладзе Т.К.** Исследования по истории… . С. 18–21.
[124] **Микеладзе Т.К.** О некоторых результатах… . С. 81.
[125] **Семенцова А.А., Долуханов П.М., Романова Е.И.** Радиоуглеродные даты… . С. 214.
[126] **Гогадзе Э.М.** Культура поселений… . С. 86–94.

Наконец, следует указать на материалы, которые происходят из железоплавильных мастерских Цецхлаури I и II, открытых в бассейне среднего течения рр. Чолоки и Очхамури (Южная Колхида). Здесь обнаружены, в частности, некоторые формы керамики, характерные для III и IV слоев Намчедури, нижнего слоя Цихесдзири и других памятников Западной Грузии, а также Тамышского поселения. По археомагнитному методу комплексы Цецхлаури датированы IX в. до н.э.[127]

Таким образом, сравнительный анализ керамики из памятников Западной Грузии и Абхазии позволяет связывать отдельные из рассматриваемых поселений с конкретными комплексами Южной и Центральной Колхиды, представляющими собой хорошо стратифицированные памятники. Крайне существенно в данном случае то, например, что отдельные типы посуды из определенных горизонтов Тамышского поселения оказываются тождественными или весьма близкими некоторым типам сосудов из конкретных слоев многослойных поселений Западной Грузии. Это позволяет нам с большой уверенностью и определенностью говорить об относительной периодизации поселений колхидской культуры на территории Абхазии и их соотношении с конкретными памятниками Западной Грузии.

Итак, наиболее ранним поселением колхидской культуры на территории Абхазии (Северо-Западной Колхиды), как устанавливается стратиграфически и по материалу, является Тамышское (нижний горизонт). Оно характеризует ранний этап изучаемой культуры и соотносится хронологически с такими поселениями Западной Грузии (Южной и Центральной Колхиды), как Наохваму (средний горизонт), Намчедури (IV слой), Носири (III слой) и другие. Этот (ранний) этап колхидской культуры большинством исследователей датируется в настоящее время XIV–IX веками до н.э.[128] Но следует подчеркнуть, что нижний горизонт Тамышского поселения отражает не весь ранний этап развития

[127] **Хахутаишвили Д.А.** К истории… . С. 139; **Челидзе З.А.** Результаты археомагнитного исследования… . Тб., 1977, с. 142–149.

[128] **Микеладзе Т.К.** Исследования по истории…; **Коридзе Л.Д.** К истории колхской культуры; **Джапаридзе О.М.** Бронзовые топоры…; **Гогадзе Э.М.** Культура поселений…; **Козенкова В.И.** Совещание по хронологии – периодизации памятников Кавказа. – СА №4, 1980, с. 307.

колхидской культуры, а его позднейший период, датируемый, вероятно, в рамках XI–IX вв. до н.э. На территории Абхазии не обнаружены пока культурные слои, соответствующие нижнему слою Наохваму или V–VI слоям Намчедури и относящиеся к XIV–XII вв. до н.э. Речь идет о поселениях, а не о памятниках XIV–XII вв. до н.э. вообще. Выше мы уже отмечали о находках на территории Абхазии кладов бронзовых вещей и отдельных металлических предметов, которые могут быть отнесены к данному времени.

Как показано выше, керамика верхнего горизонта Тамыша перекликается по отдельным формам посуды и другим признакам с соответствующим комплексом из ряда поселений Западной Грузии, таких, в частности, как верхний горизонт Наохваму, Пичвнарские стоянки и другие. Все эти памятники характеризуют поздний этап колхидской культуры и датируются исследователями VIII–VII вв. до н.э.[129] Поскольку с верхним горизонтом Тамыша четко связываются по материалам все остальные рассмотренные поселения Абхазии (Бамбора. Моква, Сухумская гора и др.), включая временные стоянки промыслового характера (Красномаяцкая, Очамчири II и другие), то они должны быть датированы так же, как верхний горизонт Тамыша, т.е. VIII–VII вв. до н.э.

Верхним хронологических рубежом рассмотренных поселений Абхазии можно считать конец VII века до н.э. Дело в том, что в позднейших уровнях культурного слоя этих поселений мы не встречаем совершенно, в отличие, например, от некоторых памятников Западной Грузии (Батумское поселение, Пичвнари и др.), образцов античной керамики и местной гончарной продукции, характерной для Колхиды самого конца VII–VI вв. до н.э.[130]

Посмотрим, подкрепляют ли устанавливаемую для древнеабхазских поселений хронологию погребальные памятники колхидской культуры в Абхазии. Возьмем для примера два наи-

[129] **Микеладзе Т.К.** Исследования по истории… . С. 18–29; **Куфтин Б.А.** Материалы… . С. 161–258; **Рамишвили А.Т.** Раскопки приморских стоянок… . С. 136–152.

[130] **Рамишвили А.Т.** Раскопки приморских стоянок… . С. 117; **Кахидзе А.Ю.** Восточное Причерноморье в античную эпоху. Батуми, 1981, с. 34–43.

более исследованных здесь могильника – Красномаяцкий и Гуадиху, расположенные в окрестностях Сухума.

Погребения Красномаяцкого могильника делятся на две хронологические группы. Первая (ранняя) группа, включающая в себя большую часть погребений, датируется многими исследователями VIII–VII веками до н.э.[131] В инвентаре именно этих погребений встречены некоторые типы сосудов, находящие прямые аналогии в керамике из верхнего горизонта Тамыша, Бамборы, Красномаяцкого и других поселений. Это дает основания считать их синхронными памятниками.

То же самое мы можем констатировать в отношении могильника Гуадиху, точнее, старшей группы погребений этого памятника, датируемой также VIII–VII вв. до н.э.[132] В комплекс этих погребений входят глиняные сосуды, которые по формам и орнаментации повторяют сосуды, представленные в целом ряде рассматриваемых поселений, в частности, на поселении Сухумская гора, расположенном недалеко от могильника Гуадиху.

В данной связи необходимо отметить и тот факт, что оссуарные погребения, открытые в Эшерах, Куланурхве других пунктах Абхазии[133] и датируемые тем же временем (VIII–VII вв. до н.э.), были совершены в крупных глиняных сосудах, которые полностью – по форме и размерам – аналогичны обнаруженным на многих поселениях древней Абхазии.

Предлагаемые хронологизация и периодизация поселений колхидской культуры основаны, как видим, на сравнительном анализе керамики. К сожалению, для решения рассматриваемых вопросов не дает по существу никаких определенных данных изучение топографии, планировки, техники и форм домостроительства древнеабхазских поселений. На этих поселениях обнаружен и различный каменный инвентарь (зернотерки, терочники, грузила и пр.), о котором пойдет речь ниже, в следующей главе работы. Здесь мы хотим подчеркнуть, что

---

[131] **Трапш М.М.** Красномаяцкий некрополь. Труды, т. II, с. 78–162; **Квиркве-лия Г.Т.** Материальная культура Северо-Западной Колхиды в VIII–VII веках до н.э. С. 5–6; **Воронов Ю.Н.** О хронологических связях... . С. 200–218.

[132] **Трапш М.М.** Некрополь Гуадиху. Труды, т. II, с. 17–76.

[133] **Куфтин Б.А.** Материалы... . Т. I, с. 178–190; **Воронов Ю.И., Вознюк А.С.** Новые археологические находки... . С. 269–274.

этот каменный инвентарь характерен для памятников широкого хронологического периода, начиная от энеолита и вплоть до античности, и поэтому не может быть использован для хронологического осмысления рассматриваемых памятников.

Однако, наряду с каменными орудиями и керамикой, на некоторых поселениях колхидской культуры в Абхазии обнаружены в небольшом количестве и изделия из металла. Известно, что отдельные формы металлического инвентаря, как и комплекс в целом, нередко служат надежным хронологическим показателем. Понятно поэтому, что и хронологизация колхидской культуры до недавнего времени основывалась, главным образом, на типологии бронзового инвентаря. Какие же металлические предметы найдены на поселениях Абхазии изучаемого периода, и в какой степени они могут быть использованы для определения датировки поселений?

Металл обнаружен в основном на Тамышском и Бамборском поселениях. При этом в Тамыше он представлен лишь в верхнем горизонте. Там найдены, в частности, бронзовые мотыга (рис. XXXVIII, 3), миниатюрный топор колхидского типа (рис. XXXVIII, 6), две сечки (рис. XXXVIII, 1,2) и два четырехугольных шильца, а также железные нож однолезвийный (рис. XXXVIII, 1,2) и обломок кинжала с черенком (рис. XXXVIII, 1,2). Кроме того, отметим находку здесь каменной формы для отливки одновременно двух выемчатых наконечников стрел. В Бамборе металла обнаружено сравнительно больше. Сюда мы включаем как находки культурного слоя, так и из разрушенных отдельных погребений. Во-первых, это бронзовые украшения – браслеты, фибулы, гривны и цепочки (рис. XXXIX). Из культурного же слоя происходят два бронзовых кинжала и железные нож криволезвийный, кинжальный клинок с черенком и втульчатый наконечник копья.

Бронзовые топоры, как известно, широко представлены в комплексах колхидской культуры (как раннего, так и позднего этапов) и являются одним из характерных атрибутов данной культуры. В Колхиде был распространен особый тип бронзового топора (I тип по классификации О.М. Джапаридзе)[134], отличный от топоров кобанской и прикубанской культур. Они

[134] **Джапаридзе О.М.** Бронзовые топоры Западной Грузии. С. 281–300.

встречены здесь главным образом в погребальных комплексах и кладах и часто служат надежным датирующим признаком. Но что касается топорика из Тамыша, то прямые аналогии ему нам не известны. Мы, однако, полагаем, что он представляет собой производный тип одного из вариантов колхидского бронзового топора, который был широко распространен на территории Колхиды именно в VIII–VII вв. до н.э. и обнаружен, например, в таких памятниках Абхазии, как могильники Красный Маяк[135], Эшера[136] и др. (LI).

К числу типичных для колхидской культуры металлических предметов относятся также бронзовые мотыга и сегментовидные орудия (сечки), обнаруженные в Тамышском поселении. Они найдены в памятниках колхидской культуры, датирующихся рубежом II–I и первой половины I тыс. до н.э.[137] Следовательно, наличие этих металлических орудий в верхнем горизонте Тамыша не противоречит устанавливаемой для данного комплекса датировке.

Как известно, хронологический диапазон бытования бронзового четырехугольного шила весьма обширен: от IV тыс. до середины I тыс. до н.э. Это орудие встречается, в частности, в памятниках колхидской и кобанской культур, в том числе в поздних комплексах последних[138].

Происходящие из верхнего горизонта Тамыша и Бамборы отдельные железные изделия – довольно плохой сохранности, и использование их для сравнительного анализа вызывает значительные трудности. Их присутствие в позднем комплексе колхидской культуры, какими являются верхний горизонт Тамыша и Бамборское поселение, не является случайным. С VIII и осо-

[135] **Трапш М.М.** Красномаяцкий некрополь. Труды, т. II, с. 78–162.

[136] **Куфтин Б.А.** Материалы… . Т. I, с. 178–190.

[137] **Рамишвили А.Т.** Из истории…. С. 121; **Воронов Ю.Н.** Археологическая карта…. С. 27–41, табл. XXXVI, 21–26; **Хотелашвили М.К.** О древнейших… . С. 117–118, табл. III, с. 12–17; **Куфтин Б.А.** Материалы… . Т. I, с. 172; **Трапш М.М.** Некоторые итоги… . С. 215; **Хоштария Н.В.** Об одном бронзовом орудии из Колхиды. – КСИИМК, 36, 1951, с. 177–180; **Трубникова Н.В.** К вопросу о назначении кобанских «сечек». –КСИИМК. 18. С. 49–53.

[138] **Крупнов Е.И.** Древняя история Северного Кавказа; **Козенкова В.И.** Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. – САИ, вып. 2–5. М., 1982, с. 7–8, табл. III, IV.

бенно с VII в. до н.э., как известно, начинается широкое распространение железа на Кавказе, в том числе в Колхиде[139].

Рассмотрим и некоторые типы бронзовых украшений из Бамборы. Здесь, в частности, найдены фибулы двух типов: с гладкой или орнаментированной дужкой круглого или ромбического сечения и с ромбовидным утолщением в верхней части дужки, украшенной на концах желобчатыми поперечными надрезами. Оба типа фибул широко распространены на Кавказе, в частности, в памятниках Абхазии, датируемых VIII–VII вв. до н.э.[140] (XXXIX).

Шейные гривны, обнаруженные в Бамборе, также двух типов: а) из массивного гладкого прута с расплюснутыми и свернутыми в трубочку концами; б) из витого прута с раскованными в виде лопаточки концами. Те и другие гривны представляют характерный для колхидской (и кобанской) культуры вид украшений[141]. В Колхиде и на Северном Кавказе они неоднократно встречены в комплексах первой половины I тыс. до н.э., в том числе VIII–VII вв. до н.э. [142] (XXXIX).

Определенный интерес представляют и бронзовые браслеты. Они трех типов. К первому относятся браслеты из прута круглого сечения с расплющенными змеевидными концами, покрытыми гравированным орнаментом. Другой тип – браслеты из тонкой проволоки с заходящими друг на друга концами. На-

[139] **Крупнов Е.И.** Древняя история Северного Кавказа. С. 5–16; **Котович В.Г.** Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982, с. 165–213; **Абрамишвили Р.М.** К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. – ВГМГ, Тб., 1961, т. XXII–B; **Хахутаишвили Д.А.** К истории древнеколхидской металлургии железа. – В кн.: Вопросы древней истории (КБС). Тб., 1973, с. 170–179.

[140] **Воронов Ю.Н.** Кавказские дуговидные фибулы раннежелезной эпохи. – КСИА АН СССР. 176, с. 29–39.

[141] **Крупнов Е.И.** Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 289; **Уварова П.С.** Могильники Северного Кавказа. – МАК, VIII, 1900, табл. XXX, 3; **Кориджзе Д.Л.** К истории колхской культуры. Тб., 1965, с. 34–40, рис. 33, табл. XIII; **Воронов Ю.Н.** Археологическая карта… . С. 25–31; **он же.** Новые памятники колхидской культуры… . С. 261–263.

[142] **Трапш М.М.** Красномаяцкий некрополь… . С. 187. Табл. XXIII, I; **Лукин А.Л.** Материалы по археологии…. С. 29–95, табл. XIII; **Афанасьев Г.Е., Козенкова В.И.** О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска. – СА, №2. 1980, с. 161; **Виноградов В.Б., Дударев С.Л.** Материалы предскифского времени из Чечено-Ингушетии. – СА, №1, 1981, с. 161,164, рис. 3.

конец, к третьему типу относится пластинчатый браслет в виде крестовидной фигуры с несомкнутыми концами (рис. II, 5).

Первые два типа браслетов широко представлены в позднеколхидских комплексах. На территории Абхазии, в частности, они найдены в таких могильниках, как Красномаяцкий, Гуадиху, Эшера[143] и др. Что же касается фигурного пластинчатого браслета, то он не имеет прямых аналогий (XXXIX,3). С ним может быть сопоставлен близкий по форме бронзовый пластинчатый браслет, происходящий из погребения I Куланурхвинского могильника[144], датируемого VIII–VII вв. до н.э. По всей вероятности, бронзовые пластинчатые фигурные браслеты встречались в изучаемый период только в северо-западной части Абхазии, да и то весьма редко.

В Бамборе, как отмечалось, обнаружены еще два бронзовых кинжала, к сожалению, находящиеся во фрагментарном состоянии и поэтому плохо сохранившиеся. Совершенно очевидно, что один из них был цельнолитой. Известно, что кинжалы являются характерным видом оружия на Кавказе в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Они, в частности, неоднократно встречены в мужских погребениях колхидской культуры, в том числе на территории Абхазии. Кстати, аналогичный бамборскому, цельнолитой бронзовый кинжал обнаружен в погребении VIII–VII вв. до н.э., исследованном в Приморске Гудаутского р-на[145]. Как видим, обнаруженный на отдельных поселениях Абхазии металлический инвентарь не противоречит, а, напротив, подтверждает устанавливаемую по другим категориям археологических материалов хронологию исследуемых памятников. Таким образом, исходя из всех наличных данных, мы можем с достаточной определенностью говорить о том, что рассматриваемые поселения Абхазии, не считая нижнего горизонта Тамыша, относятся к VIII–VII вв. до н.э., т.е. к позднему этапу колхидской культуры.

---

[143] **Трапш М.М.** Труды, т. II, с. 194, табл. XXIV; **Воронов Ю.Н.** О хронологических связях... . С. 200–218, рис. I; **Лукин А.Л.** Материалы... . С. 18–96.

[144] **Трапш М.М.** Памятники колхидской и скифской культур в Абхазии. Труды, т. I, с. 145–146, табл. II,9.

[145] **Куфтин Б.А.** Материалы... . Т. I, с. 140, табл. X Б; **Стражев В.И.** Бронзовая культура.... С. 106–112.

Мы привели все возможные данные и попытались определить хронологическое положение поселений колхидской культуры, известных к настоящему времени на территории Абхазии. При этом нам удалось также синхронизировать исследуемые памятники с соответствующими бытовыми комплексами на территории остальной Колхиды, а также с конкретными погребальными памятниками изучаемой культуры Абхазии. В результате устанавливаемая периодизация и датировка древнеабхазских поселений представляются достаточно аргументированными. Однако мы далеки от мысли, что сложнейшая проблема хронологизации памятников Колхиды XV–VII вв. до н.э. и всей колхидской культуры может уже считаться решенной. Более того, необходимы исследования новых памятников и накопление новых археологических данных для того, чтобы еще более полно и широко обосновать датировку и периодизацию всех групп памятников колхидской культуры, в частности, представленных на территории Абхазии. Как известно, изучение вопросов хронологии колхидской культуры началось еще в 30-х годах XX в., когда в Абхазии были открыты первые памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа. Тогда они осмысливались как памятники кобанской культуры на территории Абхазии. Позже стало очевидным, что памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа в Западной Грузии и Абхазии представляют самостоятельную культуру, которая была названа колхидской[146]. И почти во всех случаях, когда речь шла о хронологизации кобанской культуры, вставал вопрос и о датировке в значительной степени синхронной ей колхидской культуры (естественно, и наоборот)[147]. В данной работе мы специально не останавливаемся на истории разработки проблемы хронологии культур эпохи поздней бронзы и раннего железа Кавказа, в частности, колхидской культуры. Вопросы периодизации и датировки этих культур, в особенности отдельных групп их памятников, и по сей день привлекают к себе пристальное внимание исследователей. Об этом убедительно свидетельствует проведенное в

[146] **Джапаридзе О.М.** Бронзовые топоры…; **Куфтин Б.А.** Материалы… . Т. II; **Микеладзе Т.К.** Исследования…; **Трапш М.М.** Труды, т. I; **Крупнов Е.И.** Древняя история…

[147] **Там же.**

1978г. в г. Тбилиси совещание по проблемам периодизации и хронологии памятников Кавказа эпохи бронзы[148]. На этом совещании, кстати, широко дебатировались вопросы, связанные с установлением хронологии колхидской культуры и, в частности, памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа в Абхазии[149]. Наибольшие споры вызвали вопросы синхронизации колхидской и кобанской культур, установления хронологии (в особенности заключительного этапа колхидской культуры)[150]. В свете отмеченного, нам хочется подчеркнуть, что мы нисколько не преувеличиваем сделанные нами выводы, а надеемся только, что они также внесут определенный вклад в решение важной проблемы хронологии колхидской культуры.

Периодизация поселений колхидкой культуры

Этапы хронологии	Абхазия (Северо-Западная Колхида)	Западная Грузия (Южная и Центральная Колхида)
Ранний этап (XIV–IX вв. до н.э.)	Тамышское поселение (нижний горизонт)	Наохваму (ранний и средний горизонты), Намчедури (IV слой), Носири (III слой) и др.
Поздний этап (VIII–VII вв. до н.э.)	Тамыш (верхний горизонт), Кистрик, Моква, Мачара, Сухумская гора и др.	Наохваму (верхний горизонт), Пичвнари. Дабла-гоми

[148] **Козенкова В.И.** Совещание по хронологии… . С. 307.

[149] На совещании был заслушан доклад Барамидзе М.В. и Бжания В.В. «Хронология – периодизация памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа Абхазии и некоторые вопросы синхронизации с основными памятниками колхидской культуры».

[150] **Козенкова В.И.** Совещание по хронологии… . С. 309.

Глава V
ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ АБХАЗИИ

К сожалению, мы лишены возможности дать всестороннюю характеристику хозяйственной деятельности населения Абхазии эпохи поздней бронзы и раннего железа. Это объясняется недостаточной изученностью древних памятников края и плохой сохранностью отдельных категорий материалов, в частности, палеоботанических и остеологических.

Бытовые памятники колхидской культуры в Абхазии убедительно свидетельствуют о том, что древнее население Абхазии было оседлым.

В этом разделе нашей работы мы попытаемся охарактеризовать основные виды хозяйственной деятельности местного населения в эпоху колхидской культуры. Важнейшими отраслями хозяйства племен колхидской культуры являлись земледелие и скотоводство.

Земледелие

О развитии подсечного мотыжного земледелия на Черноморском побережье Западного Кавказа (в том числе, Абхазии) свидетельствуют памятники неолита (Нижняя Шиловка, Ахштырская пещера, Кистрик). Найденные на этих памятниках каменные орудия по-видимому служили земледельческими орудиями. На стоянках Нижняя Шиловка и Кистрик обнаружены орудия из расщепленных галек, найдены каменные мотыги, орудия типа «пик», «горбушки», зернотерки, большое количество терочников, шлифованные топоры[151].

В эпоху энеолита и ранней бронзы в хозяйстве населения Абхазии, по всей видимости, земледелие начинает играть более важную роль. На поселениях этого периода в большом количестве встречаются тяпкообразные и дисковидные мотыжки, терочники, гранитные зернотерки, кремневые вкладыши для составного серпа[152].

---

[151] **Лукин А.Л.** Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут. – СА, XII. М., 1950, с. 247–286; **Соловьев Л.Н.** Неолитическое поселение Кистрик. – МАА, с. 22–30.

[152] **Соловьев Л.Н.** Новый памятник культурных связей Кавказского Причерно-

Трудно говорить о формах древнейшего земледелия Абхазии. Известно, что до появления пахотных орудий в лесной полосе Восточной Европы имели место две формы земледелия: переложная и подсечная[153]. В пользу развития подсечного земледелия в Абхазии говорят кремневые («лесные») топоры с ассиметричным лезвием, встречающиеся в местных памятниках[154].

На рубеже II и I тысячелетий до н.э. в связи с общим подъемом хозяйства и всех сфер производства (особенно металлургии) несомненно значительный шаг вперед сделало и земледелие. Высказанные ранее различные точки зрения на проблему развития земледелия в Древней Абхазии опирались, в первую очередь, на весьма ограниченный археологический материал, документировавший развитие земледелия. Так, А.А. Фадеев, основываясь на данных фольклора и учитывая характер орнаментации бронзовых предметов, считал, что главным занятием населения Абхазии в эпоху колхидской культуры было разведение овец и коз.[155] Более того, до недавнего времени в археологической литературе было принято считать, что на территории Абхазии не обнаружены орудия, свидетельствующие о развитии земледелия в рассматриваемую эпоху[156]. Каменные мотыжки, найденные в древних слоях Гуадиху, М.М. Трапш относил к эпохе поздней бронзы. Это привело его к выводу об отсутствии металлических земледельческих орудий в Древней Абхазии. Неудивительно поэтому, что он писал: «В эпоху колхидской культуры основой хозяйства Западного Закавказья являлось скотоводство. Земледелие не имело большого значения»[157].

морья в эпоху неолита и бронзы – стоянки Воронцовской пещеры. – ТАИ, т. XXIX, 1959, с. 197; **Бжания В.В.** Результаты обследования Гумистинского поселения в 1964г. – КСИА, №115. М., 1964, с. 58–60; **Хотелашвили М.К.** О древнейших земледельческих орудиях Абхазии. – Сб. ст. преподавателей и аспирантов Сухгоспединститута, 1970, с. 108–125.

[153] **Краснов Ю.А.** О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы. – СА, I, 1967, с. 3–22.

[154] **Соловьев Л.Н.** Новый памятник… . С. 141.

[155] **Фадеев А.А.** К вопросу о генезисе кобанской культуры в Абхазии. Труды АБНИИК, вып.2, 1934, с. 62.

[156] **Джапаридзе О.М.** Земледельческие орудия позднебронзовой эпохи Западной Грузии. Труды ТГУ, 1953; **Коридзе Д.Л.** К истории колхской культуры. Тб., 1965.

[157] **Трапш М.М.** Труды, т. I, 1970, с. 64.

В настоящее время на поселениях Абхазии эпохи колхидской культуры, а также в составе многочисленных кладов, относящихся к этой же эпохе, выявлено значительное количество разнообразного материала, связанного с земледелием. Опираясь на этот материал, мы попытаемся осветить основные черты развития земледелия в Древней Абхазии.

Физико-географические особенности края и, в частности, довольно плодородные почвы создавали весьма благоприятные условия для развития земледелия во многих районах Абхазии.

К сожалению, почвенные условия Абхазии таковы, что в них не сохраняются палеоботанические остатки. Действительно, ни в одном из рассмотренных поселений колхидской культуры в Абхазии не обнаружены остатки древних злаков. Это не позволяет нам судить обоснованно, какие виды хлебных злаков выращивали в Абхазии в древности, в частности, в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Но палеоботанические остатки выявлены в памятниках Западной Грузии. Так, в слое эпохи ранней бронзы (II) в Диха-Гудзубе обнаружены остатки лесных растений (каштана, бука, дуба) и хлебных злаков[158]. В.Л. Менабде выделил среди последних остатки проса (могара), голозерной пшеницы, пшеницы Маха и многорядного ячменя. По всей вероятности, отмеченные виды злаков культивировались во всей Колхиде, включая территорию Абазии не только в раннебронзовом веке, но и в последующие эпохи, в том числе в период развития колхидской культуры.

На всей территории распространения колхидской культуры найдено большое количество металлических земледельческих орудий. В Западной Грузии в рассматриваемую эпоху ведущим хозяйственным орудием являлась бронзовая мотыга (обнаружено более 200 таких орудий)[159]. По-видимому, большое распространение они имели и в Абхазии, хотя здесь их обнаружено гораздо меньше (около 15 шт.) – и в основном в Южной Абха-

[158] **Менабде В.Л.** Ботанико-систематические данные о хлебных злаках древней Грузии. – Сообщ. Груз. Филиала АН СССР, т. I, вып. 4, с. 684–688; он же. К истории культуры пшеницы. VII международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.

[159] **Рамишвили А.Т.** Из истории… . С. 121.

зии[160]. Мотыги, обнаруженные в Абхазии, можно подразделить на несколько типов: с широким лезвием и слегка согнутым корпусом; вытянуто-прямоугольной формы, согнутые в середине и листовидные.

Мотыга (металлическая и каменная) признается обычно наиболее простым орудием земледелия[161]. Однако некоторые исследователи сомневаются в их земледельческом характере, рассматривая лишь как инструмент, который мог использоваться в столярном деле или для очистки поля от корней[162]. Нам думается, что массовое распространение мотыг характерно именно для эпохи поздней бронзы. Когда земледелие получает широкое развитие, нахождение их в комплексе с другими земледельческими орудиями (сечками, серпами) дает право рассматривать их как орудия земледелия.

Многочисленную группу составляют и сегментовидные орудия, или так называемые сечки. Они обнаружены повсюду на территории Абхазии[163]. Две сечки, в частности, найдены и на Тамышском поселении (табл. XXXVIII, 1,2)[164]. В большом количестве (более 100 шт.) эти орудия найдены и в Западной Грузии. Орудие представляет собой плоский пластинчатый предмет сегментовидной или иногда лопатовидной формы небольших размеров (длина 9–13см); в верхней части оно снабжено черешком, по-видимому, для крепления к какой-либо основе. О назначении сечек было высказано много различных мнений. Большинство исследователей полагает, что эти орудия полифункционального назначения[165]. По своей форме они подражают каменным тяпкообразным мотыжкам, распространен-

[160] **Воронов Ю.Н.** Археологическая карта… . С. 27–41, табл. XXVI, 21–26; **Хотелашвили М.К.** О древнейших… . С. 117–118, табл. III, 17–22.

[161] **Краснов Ю.А.** О системах… . С. 3–22.

[162] **Ниорадзе Г.А.** Археологические раскопки в с. Квишари. – СА. XI, 1948, с. 105–149; **Хоштария Н.В.** Об одном… . С. 177.

[163] **Воронов Ю.Н.** Археологическая карта… . С. 36–41, табл. XXXVII, 14–40; **Куфтин Б.А.** Материалы… . Т. I, с. 172; **Трапш М.М.** Некоторые итоги… . С. 215; **Хотелашвили М.К.** О древнейших… . С. 116–117, табл. III, 1–8.

[164] **Барамидзе М.В., Пхакадзе Г.Г., Бжания В.В., Шамба Г.К., Квирквелия Г.Т., Чигошивли Т.Э.** Основные итоги исследования… . С. 93.

[165] **Рамишвили А.Т.** Из истории материальной культуры Кахети. Батуми, 1974, с. 121.

ным на этой же территории в предшествующие эпохи[166]. На это указывал еще И.К. Недоля[167]. Нам кажется, что сечки являлись вспомогательными земледельческими орудиями в течение продолжительного времени, вплоть до античности.

Появление металлических серпов, как известно, свидетельствует о высоком уровне земледелия и, в частности, о его пашенном характере[168]. В Закавказье уже в эпоху ранней бронзы наряду с каменными использовали и металлические серпы. Первые бронзовые серпы найдены в памятниках куро-аракской культуры на территории Азербайджана, Армении и Грузии[169]. В небольшом количестве бронзовые серпы известны из памятников Северного Кавказа II тыс. до н.э. А в эпоху поздней бронзы они здесь широко представлены[170]. На территории распространения колхидской культуры бронзовые серпы обнаружены в значительно меньшем количестве: в Западной Грузии найдено около 10 экз., а в Абхазии – фрагменты 6 серпов[171]. Последние представляют собой обломки конечных или начальных частей, снабженные отверстиями для прикрепления их к деревянной либо роговой рукоятке. Некоторые из них характеризуются малым изгибом, а другие имеют утолщенную спинку, край режущей части заканчивается тупым концом. По-видимому, эти серпы отлиты в одностворчатой форме и после отливки подвергнуты дополнительной проковке.

Серпы в Абхазии найдены исключительно в составе кладов бронзовых изделий, характерных для позднего этапа колхид-

[166] **Хоштария Н.В.** Об одном бронзовом орудии из Колхиды. – КСИИМК, XXVI. 1951, с. 177–180; **Трубникова Н.В.** К вопросу о назначении кобанских «сечек». – КСИИМК, XVIII, с. 49–53.

[167] **Недоля И.К.** Орудия земледелия эпохи неолита из р-на Адлера. – КСИИМК. 67, 1957, с. 142.

[168] **Краснов Ю.А.** О возникновении пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы. – СА. №2, 1968, с. 3–22; **Крупнов Е.И.** Древняя история… . С. 313.

[169] **Мунчаев Р.М.** Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 380.

[170] **Иессен А.А.** Прикубанский очаг металлургии и металлообработки. – МИА, №23, 1951, с. 108–111; **Лавров Л.И.** Земледелие на Северо-Западном Кавказе Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978, с. 94.

[171] **Рамишвили А.Т.** Из истории… . С. 121; **Воронов Ю.Н.** Археологическая карта… . С. 40–41, табл. XXXVII, 8–13; **Хотелашвили М.К.** О древнейших… . С. 118–119, табл. III, 12–16.

ской культуры (VIII–VII вв. до н.э.). Нахождению металлических серпов, как известно, придается большое значение, так как их характеристики используются при установлении времени появления упряжных пахотных орудий. И, если учесть мнение некоторых исследователей[172] о появлении металлических серпов на Кавказе несколько позже распространения упряжных пахотных орудий, можно предполагать, что в эпоху поздней бронзы в Абхазии в качестве серпов для уборки урожая хлебных злаков пользовались обычными ножами или деревянными серпами с кремневыми вкладышами.

Известно, что в кладах бронзовых изделий наряду с земледельческими орудиями в большом количестве встречаются бронзовые топоры, большинство которых покрыто тонким и сложным гравированным орнаментом и не имеет следов употребления в работе (табл. L). Иногда молоточная часть некоторых из них украшена даже скульптурными изображениями животных. По-видимому, это были лишь боевые и парадные топоры. Но среди них встречаются достаточно массивные топоры (второй тип, по Джапаридзе), лишенные какой-либо орнаментации и многие из которых сохранили явные следы употребления в работе (затупленность, зазубренность и т.д.)[173]. Они иногда достигали 22см длины при ширине лезвия 11см. М.К. Хотелашвили считает, что «топоры эти применялись для подсечного земледелия в эпоху поздней бронзы…»[174]. И мы, придерживаясь этого мнения, считаем, что некоторые типы топоров могли применяться в земледелии как вспомогательные орудия.

Почти на всех поселениях Абхазии встречаются обломки зернотерок, а иногда и целые экземпляры, представленные здесь начиная с эпохи энеолита,[175]. Это самое простое орудие размола зерна появилось довольно рано и, немного изменившись в форме и размерах, сохранилось вплоть до античности, когда на

[172] **Краснов Ю.А.** О возникновении… . С. 3–11.

[173] **Крупнов Е.И.** Древняя история… . С. 84; **Джапаридзе О.М.** Бронзовые топоры… . С. 285; **Трапш М.М.** Труды, т. I, с. 275. Лыхненский клад бронзовых топоров.

[174] **Хотелашвили М.К.** О древнейших… . С.119.

[175] **Соловьев Л.Н.** Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии. Материалы по истории Абхазии. Сб. I, вып. 15, АБНИИ, 1939, с. 31.

Рис. 1. Зернотерки и терочники из Бамборского поселения

смену им пришли более усовершенствованные ручные жернова. Рассмотренные поселения дали значительную коллекцию подобных орудий. Достаточно сказать, что только в одном Кистрикском (Бамборском) поселении обнаружено более 100 целых экземпляров и обломков. В основном они имеют вытянуто-овальную форму с сужающимися концами. Встречаются также зернотерки треугольно-округлой и прямоугольной формы (табл. LIII). Нижняя поверхность зернотерок выпуклая, верхняя рабочая часть сглажена в результате употребления. На некоторых экземплярах верхняя поверхность настолько сработана, что концы у них сильно приподняты. Материалом для изготовления зернотерок служили длинные валуны гранита. В длину зернотерки достигают от 30 до 60см, в ширину 18–24см, толщина 10–15см (рис. 1).

Размол зерна производился при помощи терочника или же обломками зернотерок (табл. LIII). На древнеабхазских поселениях терочники также встречаются в большом количестве. Они плоские и преимущественно округлой формы.

Выше, при характеристике Бамборского поселения, обращалось внимание на наличие на его площади большого количества хозяйственных ям, некоторые из которых могли служить для хранения зерна. Ямы для хранения зерна были распространены на всех поселениях, обитатели которых занимались земледелием. В некоторых ямах были обнаружены и остатки

зерен[176]. Для хранения зерна использовались, несомненно, и большие глиняные сосуды – пифосы, найденные в большом количестве на поселениях колхидской культуры.

На основании имеющихся в настоящее время данных мнение о второстепенной роли земледелия в хозяйстве древних племен Абхазии следует считать несостоятельным[177]. Сделанный выше краткий обзор показывает, что земледелие в Абхазии имело глубокие корни; оно начало развиваться здесь с эпохи позднего неолита, а в эпоху поздней бронзы уже составляло одну из ведущих отраслей хозяйственной жизни местных племен. Археологические данные позволяют судить о системе земледелия. В частности, на ранних этапах (в эпоху энеолита и ранней бронзы) было распространено мотыжное земледелие. Решение вопроса о времени появления пашенного земледелия на изучаемой территории Кавказа наталкивается на большие трудности. Ведь до настоящего времени здесь неизвестны находки древних плугов. Г.С. Читая в своей работе о пахотных орудиях Абхазии приводит высказывание А.А. Миллера, побывавшего здесь в 1907г.: «Очищенное поле вспахивалось сохой, запряженной буйволами. Простейшей сохой служит бревно, слегка лишь оттесанное с суком...»[178]. Можно предполагать, что и в древности пользовались такой же деревянной сохой.

Археологически документировано наличие на Кавказе пахотных орудий с III тыс. до н.э., а в Передней Азии еще раньше. Г. Читая было убедительно доказано, что один из видов пахотных орудий абхазов, зафиксированный этнографически, восходит к сохе, изображение которой обнаружено в царском могильнике в Уре (2500 лет до н.э.)[179]. Естественно, для обеспечения хлебом значительного количества населения требовалось возделывание довольно значительных участков и наличие более производительных орудий, чем мотыга.

---

[176] **Козенкова В.И.** Кобанская культура (восточный вариант). – САИ, вып. 2–5, 1977, с. 16.

[177] **Джапаридзе О.М.** Земледельческие орудия позднебронзовой эпохи Западной Грузии. Труды ТГУ, т. 49. Тбилиси, 1953, с. 188; **Коридзе Д.Л.** К истории... . С. 78; **Трапш М.М.** Труды, т. I, с. 64.

[178] **Читая Г.С.** К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий. Сооб. АН Гр. ССР, т. 2, №3, 1941, с. 293–298.

[179] **Там же.** С. 298.

Таким образом, большое количество бронзовых земледельческих орудий и деревянная соха переднеазиатского типа, сохранившаяся до недавнего времени, говорят об очень раннем освоении пашенного земледелия. Остается неясным, существовали ли в позднебронзовое время металлические наконечники (сошник-лемех) для плуга или они появились позднее. В этой связи большой интерес представляет найденное в 1954г. на горе Гуадиху древнейшее на территории Западной Грузии пахотное орудие – железный сошник[180]. Он сделан из массивного куска железа и состоит из нижней плоской рабочей части конической формы и верхней, имеющей разрезную втулку, которая надевалась на стержень деревянного плуга или сохи. М.М. Трапш датировал орудие IV–III вв. до н.э., а Г.С. Читая было высказано предположение о принадлежности его к пахотным орудиям грядильного типа и о более раннем появлении этого типа орудий в Колхиде[181].

Таким образом, можно сделать вывод о существовании на территории Абхазии в эпохе колхидской культуры (конец II – первая половина I тыс. до н.э.) развитого пахотного земледелия, являющегося ведущим хозяйственным занятием.

Скотоводство

Наряду с земледелием важную роль в хозяйстве населения Абхазии в эпоху поздней бронзы и раннего железа играло, повидимому, и скотоводство. Понятно, что основным источником для изучения скотоводства являются остеологические остатки. Но, как известно, почвенные условия прибрежной Абхазии таковы, что кости в них обычно не сохраняются. В связи с этим данные по фауне ранних эпох Абхазии весьма скудны. Из всех памятников на территории Абхазии и сопредельных районов, относящихся к предшествующему (ранняя бронза) периоду, остатки костей обнаружены только на поселениях близ Очамчиры и Диха-Гудзуба на правом берегу р. Ингур. На Очамчирском поселении, по определению В.И. Громовой, обнаружены остеологические

[180] **Трапш М.М.** Древний Сухуми. Труды, т. II. с. 232.

[181] **Читая Г.С.** О некоторых чертах древнеколхидской культуры. VII международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964, с. 6.

остатки крупного рогатого скота, свиньи, козы и овцы[182]. На поселении Диха Гудзуба также обнаружены кости крупного рогатого скота (бык и корова), мелкого рогатого скота и свиньи[183]. Судя по количеству костных остатков, роль охоты в жизни обитателей данного поселения была невелика. Они охотились на косулю и оленя и занимались ловлей рыбы и дельфина.

Примерно такой же видовой состав стада фиксируется для поселения Нижний Гоми в Западной Грузии[184].

Из памятников же колхидской культуры на территории Абхазии остеологический материал получен только с Бамборского поселения. Костные остатки животных из слоя эпохи поздней бронзы и раннего железа в Бамборе, по определению канд. биол. наук. В.П. Данильченко, маогут быть распределены в количественном отношении следующим образом:

Крупный рогатый скот	885 костей	от 19 особей	54,8%
Мелкий рогатый скот	397 – //	–20 – //	24,6%
Свинья	313 – //	– 26 – //	19,4%
Лошадь	8 – //	– 1 – //	0,5%
Кабан	6 – //	– 1 – //	0,4%
Выдра	2 – //	– 1 – //	0,1%
Заяц	2 – //	– 1 – //	0,1%
Дельфин	2 – //	– 1 – //	0,1%

Как мы видим, по общему числу костей и особей в стаде, принадлежавшем обитателям поселения, преобладал крупный рогатый скот, затем – мелкий рогатый скот и свинья. Если для Северного Кавказа, по мнению исследователей, ведущей формой скотоводческого хозяйства в изучаемую эпоху являлось овцеводство[185], то о рассматриваемой территории, во всяком случае, прибрежной Абхазии, этого нельзя сказать. Можно предполагать, что здесь, как и в более ранний период, население разводило преимущественно крупный рогатый скот, а затем уже овец, коз и свиней. Отмеченные домашние животные обеспечивали население мясом, молочными продуктами, шерстью и кожей.

[182] **Соловьев Л.Н.** Энеолитическое селище… . С. 52.
[183] **Куфтин Б.А.** Материалы… . Т. II, с. 255.
[184] **Куфтин Б.А.** Материалы… .Т. II, с. 127.
[185] **Куфтин Б.А.** Материалы… . Т. II, с. 306.

Хотя костей лошади в коллекции Бамборы обнаружено крайне мало, представляется возможным говорить о сравнительно широком распространении данного животного. Лошадь использовалась, вероятно, преимущественно для верховой езды и как тягловая сила. Об ее значении в жизни древнего населения края могут свидетельствовать многочисленные бронзовые скульптурные изображения. В одной «бамборской находке 1910г.» присутствует 15 фигурок лошадей[186]. А разведению свиней способствовали, по-видимому, и природные условия, благоприятные для этого, – леса состояли из дуба, бука и каштана. Косвенным доказательством значительного развития животноводства служат находки бронзовых фигурок животных, среди которых мы видим коз, овцу, быка, собаку и др.[187]

Известно, что уже ко II тыс. до н.э. во многих областях Кавказа сложилась так называемая яйлажная форма скотоводства, при которой стада летом содержали в горах, на альпийских лугах, а зимой в степи[188].

Существовала ли подобная форма скотоводства в Абхазии в конце II – первой половине I тыс. до н.э. – сказать трудно. Правда, она зафиксирована этнографией как имевшая место в более позднее время[189]. Преобладание в стаде, принадлежавшем носителям колхидской культуры (в данном случае – обитателям Бамборского поселения), крупного рогатого скота дает основание предполагать, что скотоводство в прибрежной части Абхазии в рассматриваемый период было оседлым. Скот находился на поселении, т.е. не угонялся на дальние пастбища. Полукочевая, или яйлажная, форма скотоводства возникла в Абхазии, как нам представляется, позже, в средневековье.

Металлургия и металлообработка

Изучение металлургической продукции свидетельствует о том. что Абхазия на рубеже II и I тысячелетий до н.э. являлась

[186] **Лукин А.Л.** Материалы… . С. 62, табл. XVI–XIX.
[187] **Там же.** С. 35, табл. IV, 1–9; XVII, 1, 3.
[188] **Крупнов Е.И.** Древняя история… . С. 307.
[189] **Бжания Ц.Н.** Скотоводческое хозяйство в Абжуйской Абхазии. – ТАИЯЛИ, т. 28, 1957, с. 113-119.

одним из крупных очагов металлопроизводства[190]. В широко известном исследовании по древней металлургии и металлообработке Кавказа, опубликованном еще в 1935г., А.А. Иессен уделил много внимания и материалам Абхазии. Он, в частности, отметил и те скудные данные о древних горных выработках, которые были известны к тому времени на территории Абхазии. В Абхазии есть месторождения цветных металлов[191]. В результате работ экспедиции Центра археологических исследований Института истории АН Гр. ССР, Абхазского НИИ, Причерноморской экспедиции Института археологии АН СССР на территории Абхазии было выявлено более 20 мест древних выработок меди[192] .

В истории развития горных разработок меди в Закавказье А.А. Иессен проследил две стадии[193]: первоначально разрабатывались лишь окисленные медные руды (малахит, лазурит, куприт); при этом добыча велась главным образом открытыми работами, в небольших ямах глубиной 1,3м (карьерного типа). В более позднее время разрабатывались и сернистые руды, главным образом, посредством прокладки штолен. Наличие выработок обоих типов в одном районе является доказательством их разновременности. По сведениям Ш.Г. Чартолани, в верховьях рек Бзыбь и Кодор зафиксированы древние выработки обоих типов: закрытые и открытые (карьерные) типы[194].

Судить о развитии металлургии на территории Северо-Западной Колхиды (Абхазии) на ранних этапах бронзового века крайне затруднительно из-за отсутствия соответствующих данных.

---

[190] **Иессен А.А.** К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. – ИГАИМК, 1935, с.117–133; **он же.** Прикубанский очаг металлургии и металлообработки. – МИА, 23, с. 79–83; **Джапаридзе О.М.** Бронзовые топоры… . С. 285–299; **Коридзе Д.Л.** К истории колхской культуры. С. 157–158; **Воронов Ю.Н.** Западно-Кавказская этнокультурная общность эпохи поздней бронзы и раннего железа (колхидско-кобанская культура). – В кн.: VIII Крупновские чтения (тезисы докладов). Нальчик, 1978, с. 13–14.

[191] **Семенов В.Г.** Полезные ископаемые и минеральные воды Абхазии. Труды АБНИИК, вып. 2., 1934, с. 99–118.

[192] **Чартолани Ш.Г.** Древние горнорудные выработки в верховьях рек Бзыби и Кодори. – Археологические исследования в Грузии в 1969г. Тб., 1971, с. 168–175; **Бжания В.В.** Отчет Причерноморской экспедиции ИА АН СССР. Архив ИА, №Р–1, 1967.

[193] **Иессен А.А.** К вопросу… . С. 62.

[194] **Чартолани Ш.Г.** Древние горнорудные… . С. 169.

Древние выработки меди расположены в среднем на высоте 2000м над уровнем моря, по южному склону Главного Кавказского хребта, и занимают субальпийские и альпийские зоны Абхазии. Среди открытых выработок выделяется большой навес на горе Шхабзия[195]. Остальные представлены небольшими ямами-углублениями, высеченными в рудоносной скале. Закрытые выработки представляли собой штольни горизонтальные, вертикальные (в настоящее время завалены). Размеры их трудно установить. В 1975–1980г.г. экспедиция ИА АН СССР произвела исследование двух таких пещер на перевале Аданга в урочище Башкапсара[196] (табл. 1,2).

Одна из них находится на высоте 2200м от уровня моря у истоков р. Бзыбь, в скальном оголении; вход представляет собой подтреугольное отверстие шириной до 3м и высотой до 2,5м с небольшим карнизом. Глубина (длина) пещеры около 60м, ширина местами достигает до 14–18м, высота до 14м. Пол пещеры неровный, завален большими глыбами. Почти по всей длине в стенах пещеры видны отверстия – ниши-ответвления. По всей видимости, это штреки, но их размеры неясны, так как они завалены. У южной стенки одна из ям больших размеров образовала озеро; это, возможно, специально углубленная яма для сбора воды, необходимой при добывании руды способом «огневого метода»[197].

В центральной части рудника, у его северной стенки, был заложен небольшой, углубленный до 2м раскоп, где установлены напластования крупных и мелких глыб и обломков пустой породы с глинистым заполнителем желтовато-коричневого цвета. Также встречались в большом количестве угольки и зола, а на глубине 1,40–1,60м на площади раскопа найдено три каменных молота. Второй раскоп был заложен на большой глубине у входа в заваленную нишу-штрек. Здесь также обнаружено много каменных молотов и угля. Во время разведки и исследования древних выработок найдено большое количество орудий древних рудокопов. По всей видимости, «огневой метод» или

[195] **Там же.** С. 170.

[196] **Бжания В.В.** Отчет Причерноморской экспедиции… . С. 18; **Чартолани Ш.Г.** Древние горнорудные… . С. 169.

[197] **Гришин Ю.С.** Древняя добыча меди и олова. М., 1980, с. 38–93.

«метод пожога», использовавшийся в древности повсеместно, и здесь играл большую роль. Как отмечено выше, при исследовании Башкапсарского рудника обнаружено большое количество каменных молотов: это отбойные молоты, изготовленные из твердых пород. Их изготовление в основном ограничивалось лишь небольшой подработкой валуна сколами; для привязывания же к деревянной ручке на них делались небольшие выемки – часто с двух сторон или же сплошным опоясывающим желобком. В Абхазии подобные каменные молоты найдены неоднократно, и исследователи убедительно связывают их с металлургическим производством[198]. Следует отметить, что такие каменные молоты известны на обширной территории, особенно на Кавказе,[199] и рассматриваются обычно как орудия для ломки руды. В древних выработках Абхазии встречены остатки дерева; по-видимому, это следы крепления потолка и стен штолен. Древние выработки Абхазии и материалы, найденные в них, многими чертами напоминают хорошо известные в литературе рудники Верхнерачинского очага древнего горного дела[200].

Таким образом, очевидно, что развитие металлургического производства в Древней Абхазии и, в частности, в изучаемую эпоху, базировалось на местной рудной базе. К эпохе поздней бронзы население Абхазии накопило уже, видимо, значительный опыт добычи медных руд. Открытие же в древних памятниках Абхазии медеплавильных печей и мастерских, а также значительного количества металлических изделий доказывает широкое развитие здесь в рассматриваемый период металлообработки. Укажем для примера один из объектов металлопроизводства, исследованный на Сухумской горе[201]. А.Н. Каландадзе убедительно доказал наличие на этом памятнике

[198] **Каландадзе А.И.** Археологические памятники Сухумской горы… . С. 90; **Куфтин Б.А.** Материалы… . Т. II, с. 278.

[199] **Гуммель Я.И.** Археологические разведки на Кикликдаге. Баку, 1958, с. 21, табл. I, II; **Гришин Ю.С.** Древняя добыча… . С. 75, рис. 9; **Гобеджашвили Г.Ф.** Памятники древнерудного производства в Раче. – В кн.: Друзья памятников культуры. Вып. 6, 1966, с. 16 (рис. на с. 20); **Кузнецов В.А.** Древние выработки медной руды в верховьях р. Большой Зеленчук. – КСИА, вып. 108, 1966, с. 62.

[200] **Гобеджашвили Г.Ф.** Памятники древнерудного производства… . С. 16.

[201] **Каландадзе А.Н.** Археологические памятники… . С. 90.

медеплавильной печи, дав одну из возможных ее реконструкций (табл. LIII, 4). По его мнению, здесь сначала изготовляли медь в слитках, а затем – отдельные предметы из нее.

Предположение это подтверждается следующими фактами. В Сухумском музее хранятся орудия (два каменных молота), найденные недалеко от памятника. Эти орудия могли применяться как для размельчения руды, так и для толчения приплавок. Шлак, обломки тигеля и группа сосудов, обнаруженных здесь, несомненно, имеют прямое отношение к процессу получения медно-бронзовых слитков (табл. LIV, 1–3,5). В пользу существования мастерской может свидетельствовать также нахождение здесь клада бронзовых вещей. В данной связи укажем и на то, что и на соседней горе Гуадиху были зафиксированы остатки бронзолитейного производства[202]. Приведенные данные дают основание предполагать существование в районе Сухума в изучаемую эпоху одного из центров металлообрабатывающего производства. Рудной базой этого центра могли быть месторождения верховьев реки Бзыбь (Башкапсара) или верховьев р. Амткел, в районе с. Георгиевское[203].

На территории Абхазии обнаружен еще целый ряд памятников с остатками бронзолитейного производства. Печь для плавления меди вскрыта, например, на границе с Менгрелией на территории Ингурской плотины[204]. Остатки медеплавильной печи в Максанской пещере позволяют предполагать наличие и здесь медеплавильной печи, аналогичной изученной на Сухумской горе. Характерно, что в данном районе обнаружено большое количество бронзовых вещей. Это может служить одним из доказательств наличия здесь крупной мастерской (или ряда мастерских) по производству бронзовых предметов. По-видимому, сырье сюда доставляли из абхазских рудников[205].

В связи с этим вопросом большой интерес вызывают результаты исследований на Бамборском поселении. Здесь, впервые для этого региона, исследованы остатки бронзолитейной

[202] **Соловьев А.Н.** Диоскурия–Себастополис–Цхуми. Труды Госмузея Абхазии, I, Сухуми, 1947, с. 106.
[203] **Семенов В.Г.** Полезные ископаемые… . С. 116.
[204] **Чартолани Ш.Г.** Древние горнорудные… . С. 172.
[205] **Там же.** С. 174.

мастерской, на площади которой найдены многочисленные находки, связанные с производством: это обломки литейных форм, тигли, поддувалы и т.д. (табл. LV).

Несомненным свидетельством значительного развития на территории Абхазии производства металлических изделий являются находки большого числа кладов древних медных и бронзовых предметов, кладов литейщиков[206]. Еще А.А. Иессен указывал на многочисленные клады металлических предметов, доказывающие существование здесь развитой металлургии в эпоху поздней бронзы[207].

Выше мы уже говорили о кладе бронзовых предметов, найденном в с. Лыхны и свидетельствующем о высоком уровне развития металлообработки в Абхазии в третьей четверти II тыс. до н.э. С точки зрения взаимоотношения колхидской и прикубанской культур и для установления границ между ними, большой интерес представляет Пицундский клад бронзовых топоров, найденный в 1935г. В этом кладе, наряду с колхидским топором II типа, найдены два топора «кобанского» типа. Интересны, с точки зрения набора бронзовых предметов, клады, найденные на всей территории современной Абхазии. В основном в набор предметов в кладах входят земледельческие орудия, бронзовые топоры и очень редко украшения.

Примечательным является нахождение на территории Абхазии кладов меднолитейщиков. Один из таких кладов, например, обнаружен в г. Гал[208]. В состав его входило восемь топоров – прототипов колхидского топора, слитки, полуфабрикаты (общим количеством свыше 50 предметов). Кроме того, на территории Галского района зафиксировано еще несколько пунктов, в которых открыты клады литейщиков с разнообразными предметами: бронзовыми слитками и бракованными изделиями из меди и бронзы. Интересный клад меднолитейщика обнаружен и на окраине г. Очамчира[209]. Он состоял из двух целых и трех об-

[206] **Трапш М.М.** Труды. Т. I, с. 169–185; **Воронов Ю.Н.** Археологическая карта… . С. 17–43; **Коридзе Д.Л.** К истории колхской культуры. Тб., 1965; он же. Клад из с. Лыхны и вопрос о генезисе колхидско-кобанских топоров. – ВГМГ, XXV, Тб., 1968, с. 16–30.

[207] **Иессен А.А.** К вопросу… . С. 117.

[208] **Трапш М.М.** Клад в г. Гали. Труды, т. I, с. 169.

[209] **Там же.** С. 184.

ломков бронзовых топоров и десяти слитков металла. Топоры имеют следы производственного брака. Очевидно, они подлежали переплавке. Из этого же района происходят еще два клада меднобронзовых слитков и орудий[210]. Можно предполагать, что в этом районе в древности функционировала крупная мастерская по изготовлению бронзовых орудий.

Судя по топографии кладов литейщиков и находкам отдельных бронзовых предметов различного назначения, устанавливается наличие на территории Абхазии в изучаемую эпоху нескольких центров металлообработки. Однако в настоящее время пока затруднительно привязать эти центры к конкретным древним поселениям. Выше отмечалось, что на Моквинском поселении обнаружены слитки бронзы. Но выявить комплекс металлопроизводства здесь не удалось.

Надо отметить, что на самих поселениях, изученных нами, обнаружено сравнительно небольшое количество бронзовых предметов. Наиболее богатый металлический инвентарь, как было указано, дало Тамышское поселение, где обнаружены бронзовая мотыга, колхидский миниатюрный топор, две сечки, два четырехгранных шильца, фрагмент черенкового кинжала и железный однолезвийный нож, а также несколько сильно окисленных бронзовых предметов (табл. XXXVII). Интересна обнаруженная на поселении хорошо обработанная гранитная форма для отливки одновременно двух выемчатых наконечников стрел. Из Бам-

Рис. 2. Фигурка «винопийцы» из Бамборы

[210] **Воронов Ю.Н.** Археологическая карта… . С. 40.

борского же поселения происходят, как известно, сравнительно многочисленные бронзовые украшения: браслеты, фибулы, гривны, цепочки и т.д. (табл. LII; XXXIX). Они связаны в основном с погребениями, совершенными на площади поселения. Выше мы отметили и находки в слоях других поселений отдельных металлических изделий. Это, в частности, два бронзовых кинжала, один из которых цельнолитой. Здесь также найдены железный нож с чуть кривым лезвием, кинжал с черенком, наконечник копья с втулкой.

Рис. 3. Фигурка «матери» из Бамборы

Огромное количество бронзового инвентаря происходит из погребальных памятников – могильников или отдельных погребений колхидской культуры[211]. В его состав входят разнообразные предметы и украшения. Это – скульптурные фигурки людей и животных, браслеты, пронизи, бусы, фибулы, цепочки, серьги, привески, поясные пряжки, булавки и др. Памятниками искусства являются бронзовые изделия, найденные в Бамборе. Среди них наибольший интерес вызывает фигурка «винопийцы» (рис. 2).[212]. Она представляет собой скульптурное изображение мужчины, сидящего, спустив ноги, в кресле и обнявшего руками огромный ритон. Большой интерес представляет также фигурка «матери» – изображение обнаженной женщины, держащей ребенка (рис.3).

Некоторые виды украшений одежды, по мнению многих исследователей, являются специфичными для абхазского ло-

[211] **Иващенко М.М.** Исследование археологических… .; **Лукин А.Л.** Материалы археологии Бзыбской Абхазии. – ТОИПКГЭ, т. I, с. 18–97; **Трапш М.М.** Труды, т. I; **Воронов Ю.Н.** Археологическая карта… . С. 18–43, табл. XXXIV–XLVIII.
[212] **Лукин А.Л.** Материалы по археологии… . С. 62–63, табл. XVIII, 1, 2.

Рис. 4. Фигура лошадки из Бамборы

кального варианта культуры[213]. Это – литые поясные пряжки, принадлежащие узкому бронзовому поясу; широкие пластинчатые браслеты цилиндрической формы с четырьмя круговыми ребрами, фигурный браслет, найденный на Бамборском поселении (табл. XXXVIII, 3). Колоколообразные конические украшения с петлей внутри и фигуркой животного на вершине, условно называемые поясными бляхами, также являются специфическими только для Абхазии (Аагста, Эшера, Бамбора).

В металлическом инвентаре большое место занимают предметы вооружения – бронзовые и железные топоры, ножи, кинжалы, наконечники копий и стрел. Наиболее характерными предметами вооружения племен колхидской культуры являются боевые топоры (табл. LI). Они встречаются в Пицунде, Гагре, Цандрипше, а в Таглоне найдены формы для их отливки. На территории Абхазии обнаружены особые бронзовые топоры со скульптурной фигуркой животного на обухе и насаженные на бронзовую ручку[214]. Такие топоры известны на Кавказе всего в четырех экземплярах, причем два из них происходят из Абхазии (топоры с бронзовой рукоятью найдены только здесь). По-видимому, эти предметы также характерны, прежде всего, для культуры Древней Абхазии.

[213] **Куфтин Б.А.** Материалы… . Т. II, с. 229; **Трапш М.М.** Труды, т. I; **Квирквелия Г.Т.** Материальная культура… .

[214] **Трапш М.М.** Труды. Т. I, с. 114, табл. I, 1, 5; **Лукин А.Л.** Материалы по археологии… . С. 49–50, табл. XI, 1, 2; **Воронов Ю.Н.** Археологическая карта… . Табл. XXXV.

Наша работа не ставит своей целью дать всестороннюю характеристику всего металлического инвентаря из памятников колхидской культуры в Абхазии. Но краткий обзор, сделанный нами, демонстрирует высокую технику металлообработки в Абхазии в эпоху колхидской культуры и дает основание утверждать, что территория Абхазии являлась одним из районов, где происходило формирование основных характерных типов бронзовых предметов рассматриваемой культуры (рис. 4).

О местном производстве бронзовых предметов говорят и результаты химических исследований изделий, в первую очередь, однородность химической характеристики вещей[215]. Все металлические изделия изготовлены из высококачественной бронзы, выплавляемой из меди с примесью от 2–7 до 11–13% олова. Неизменными, связанными между собой спутниками являются: свинец, железо, никель, сурьма, сера.

В эпоху расцвета колхидской культуры в Абхазии происходит проникновение в местную среду различных изделий из железа, но в связи с малочисленностью материалов мы не будем останавливаться на этом вопросе.

Таким образом, в эпоху колхидской культуры металлообработка в Абхазии достигла значительного уровня развития, как и в других областях Кавказа, составляя одну из важных отраслей хозяйственной деятельности населения. На территории Абхазии, как считает ряд исследователей, существовал крупный центр металлургического производства с широким ассортиментом продукции металлообработки.

Охота и рыболовство

Значение охоты и рыболовства в жизни населения Абхазии в рассматриваемую эпоху было невелико. Известно, что в материале из Бамборского поселения кости диких животных составляют всего около 1% от общего числа костей.

Сознавая крайнюю недостаточность имеющихся в нашем распоряжении данных, мы, тем не менее, позволим себе высказать предположение, что роль охоты в это время, во всяком случае, в приморской части края, была сведена к минимуму. В горной

[215] **Лукин А.Л.** Материалы по археологии… . С. 87–90.

части Абхазии ее роль была, видимо, сравнительно выше. Основным объектом охоты являлся кабан. Охотились также на зайца, выдру и, судя по бронзовым фигуркам, на оленя, дикого козла и других зверей. Остается спорным вопрос об орудиях охоты. Интересно, что в памятниках того периода редко встречаются металлические наконечники стрел. Однако на поселениях в большом количестве обнаруживаются каменные шары для пращи, по-видимому, применявшиеся при охоте. Возможно, древнее население прибегало к разным способам охоты и ухищрениям. По этому поводу Б.А. Куфтин пишет: «...мы встречаемся здесь... с чрезвычайно малым употреблением боевого лука. Даже в горных частях центрального хребта при развитом хозяйстве, очевидно, охота осуществлялась путем ловчих приспособлений, организованных облав, собачьей травли...»[216]. Судя по изображениям на бронзовых предметах, большую роль в охоте играла собака.

Более важное место в хозяйственной жизни древнего населения Абхазии занимало рыболовство, имеющее глубокие местные традиции. Еще в мезолитическом слое грота Хупынипшахва обнаружены большие скопления костей и чешуи рыб и средства для их ловли – костяные гарпуны[217]. На ранних этапах бронзового века этот промысел также имел большое значение. Исследуя Очамчирское поселение эпохи энеолита и ранней бронзы, Л.Н. Соловьев писал: «Можно предполагать, что при выборе места поселения на болотистой приморской низине, на берегу лимана, интересы рыболовства играли решающую роль»[218]. Он полагал, что насельники Очамчирского поселения располагали плавсредствами для ловли дельфина и камбалы, обитающих далеко от берега моря.

Рыболовство продолжало играть здесь важную роль и в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Об этом свидетельствуют изученные нами поселения, большинство из которых расположено на береговом валу или недалеко от моря (Очамчира II, Моква, Тамыш, Бамбора и т.д.). На этих поселениях обнаружено большое количество каменных грузил, которые являются прямыми свидетельствами рыбной ловли сетями. Эти грузила

[216] **Куфтин Б.А.** Материалы... . Т. I, с. 136.

[217] **Соловьев Л.Н.** Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва (Холодный грот) в 1960 г. Труды АИ, т. 28, 1961, с. 191–194.

[218] **Соловьев Л.Н.** Энеолитическое селище... . С. 52.

представляют собой овальные или округлые гальки с выбитыми на противоположных сторонах выемками; встречаются также с двумя парами накрест расположенных выемок, а на Тамышском поселении найдены дисковидные гальки со сквозными отверстиями в центре. Грузила различных размеров: малые – диаметром около 5см, средние – диаметром 8–9см, а единичные крупные грузила – 16–20см. Ввиду того, что костные остатки на изученных поселениях сохранились плохо или совсем не сохранились, нам трудно судить, какие виды рыб были основными объектами ловли. Ловили, конечно, дельфинов, что подтверждается находками их костей в Бамборе; камбалу, форель и другие виды рыб. Косвенным доказательством развития рыболовства в Древней Абхазии могут служить многочисленные графические изображения рыб на бронзовых предметах.

Различные виды домашних ремесел

Археологические источники, свидетельствующие о существовании в Абхазии в эпоху поздней бронзы и раннего железа других видов производственной деятельности, скудны, но на основании имеющихся материалов все же мы попытаемся их коротко охарактеризовать.

Одним из самых развитых ремесел, разумеется, являлось керамическое производство. Глиняную посуду изготовляли почти в каждом населенном пункте, но, к сожалению, нами не обнаружено печей для обжига керамики. Об уровне развития гончарного производства говорит сама его продукция – разнообразная и многочисленная глиняная посуда. И при ее рассмотрении выше (глава III) мы подробно говорили о характере и уровне развития этого важного вида производства. Поэтому здесь мы не будем останавливаться на этом вопросе.

Текстильное производство составляло одну из основных отраслей домашнего ремесла в рассматриваемую эпоху. Ткачество у племен на территории Западной Грузии и Абхазии достигло большого развития, о чем свидетельствуют отпечатки тканей на своеобразных сосудах, найденных по всему восточному побережью Черного моря. Для формовки сосудов употреблялись разнообразные ткани.

Исследователи «текстильной» керамики различают два вида отпечатков тканей на сосудах[219]: это отпечатки довольно тонкой полотняной ткани и отпечатки более грубой толстой ткани. Данный промысел достиг большого совершенства задолго до свидетельства Геродота, который писал: «… они (колхи) одни и египтяне одинаково обрабатывают лен, … эллины, однако, колхидское полотно называют сардонским…».[220] Можно предполагать, что уже в изучаемую эпоху ткачество переросло рамки домашнего производства и работало на сбыт[221]. Здесь вырабатывали главным образом льняные ткани. Находки же на поселениях Бамбора и Тамыш небольшого количества глиняных и костяных пряслиц могут служить доказательством изготовления древним населением и шерстяных тканей.

Памятники с «текстильной» керамикой знакомят нас с другим важным промыслом древнего населения Абхазии в эпоху колхидской культуры – добычей соли из морской воды. Как отмечено выше, следы соляного промысла обнаружены по всему побережью Западной Грузии и Абхазии[222]. Население Абхазии и в историческое время прибегало к выпариванию соли из морской воды[223]. Соль первоначально выпаривали естественным испарением из морской воды, отводившейся в низины у берегового вала. Затем из полученной массы соль выпаривали на огне в специальных сосудах. По-видимому, найденная на прибрежных селищах «текстильная» керамика необычных форм, с закопченными стенками, и служила для этих целей.

В эпоху колхидской культуры определенное значение имела деревообработка. О существовании деревообрабатывающего ремесла в Абхазии свидетельствуют многочисленные бронзовые орудия для обработки дерева (топоры, тесла, долота и др.). Наиболее широко дерево использовалось в строительном деле.

---

[219] **Куфтин Б.А.** Материалы… . Т. II, с. 291; **Рамишвили А.Т.** Раскопки прибрежных стоянок… . С. 193.

[220] **Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.** Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982, с. 94, 95.

[221] **Трапш М.М.** Труды, т. I, с. 66.

[222] **Соловьев Л.Н.** Селища… . С. 265–286; **Рамишвили А.Т.** Раскопки приморских стоянок… . С. 136–152; **Куфтин Б.А.** Материалы… . Т. II, с. 288.

[223] **Соловьев Л.Н.** Селища… . С. 284.

Судя по материалам рассматриваемых памятников, обработка камня еще занимала важное место в быту древнего населения. Из камня изготовляли зернотерки, терочники, грузила и другие орудия, а также отдельные предметы вооружения (кремневые наконечники дротиков и стрел) и некоторые украшения.

Значительное место среди домашних ремесел, по-видимому, занимали выделка и обработка кожи[224]. В данной связи хочется особо отметить изготовление из кожи поясов, снабженных различными бляхами и являвшихся неотъемлемой принадлежностью костюма.

В рассматриваемую эпоху в жизни местных племен большое значение вследствие заметной специализации хозяйственной деятельности приобретает обмен. В это время уже окончательно выделились земледелие, скотоводство и ремесло. Значительные условия для резкой активизации обмена и торговли создавало развитие в данную эпоху металлургического производства. Население Абхазии поддерживало широкие связи прежде всего с племенами остальной части Колхиды и других сопредельных областей Кавказа, а также со странами Закавказья и Передней Азии. Свидетельством этого являются такие археологические материалы, обнаруженные в памятниках колхидской культуры на территории Абхазии, как украшения из сердолика, бронзовые предметы урартского происхождения (кинжалы и т.д.) и др.[225]

К концу же рассматриваемой эпохи торговля на территории Абхазии принимает более регулярный характер; появляются отдельные бронзовые предметы, выполняющие роль всеобщего эквивалента, а позднее – монетная система[226].

Такова общая характеристика основных видов хозяйственной деятельности населения Абхазии эпохи бронзы и раннего железа. Несомненно, что последующее накопление новых ма-

[224] По мнению ряда исследователей, часто встречающиеся в кладах бронзовых изделий колхидской культуры сегментовидные орудия использовались для обработки кожи. – См.: Трубникова Н.В. К вопросу о назначении… . С. 49–53; **Хоштария Н.В.** Об одном бронзовом орудии… . С. 177–180.

[225] **Погребова М.Н.** Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.

[226] **Инадзе М.П.** К вопросу о торговле в древней Колхиде. – КБС, т. II, 1962.

териалов позволит в дальнейшем более подробно и аргументированно изучить проблемы экономического развития древней Абхазии.

Заключение

Обобщив все основные данные по бытовым памятникам Древней Абхазии, накопленные к настоящему времени, мы попытались определить особенности поселений колхидской культуры на рассматриваемой территории, выяснить технику строительного дела, планировку и формы домостроительства. В Абхазии, как и на территории Западной Грузии, представлены, наряду с обычными стационарными поселениями с жилыми и хозяйственными сооружениями, временные стоянки промыслового характера, – так называемые стоянки с «текстильной» керамикой. Последние располагаются на морских дюнах и связаны с добычей соли. В рассмотренных памятниках, особенно в Бамборском и Тамышском поселениях, обнаружен разнообразный археологический материал, основную часть которого составляет керамика. Исследование поселений, проведенное нами, является, можно сказать, первым опытом изучения керамики древних поселений Абхазии. Оно позволило установить особенности керамического комплекса каждого памятника и провести сравнительный анализ с соответствующими комплексами остального ареала колхидской культуры, включая керамику погребальных памятников, указав связь с конкретными группами памятников колхидской культуры и тем самым помогая наметить один из путей определения относительной периодизации и хронологии рассмотренных объектов.

Характеристика поселений и обнаруженных в них различных категорий археологического материала позволила осветить важнейшие отрасли производственной деятельности населения Абхазии эпохи поздней бронзы и раннего железа. Основу хозяйства составляли, несомненно, земледелие и скотоводство. Высокого уровня развития достигли и отдельные виды ремесленного производства: керамическое, текстильное и особенно металлообработка. Территорию Абхазии можно рассматривать и как один из крупных центров металлургического производ-

ства в Западном Закавказье в изучаемую эпоху. Это доказывается открытием как древних рудников и медеплавильных мастерских, так и находками многочисленных кладов бронзовых предметов и разнообразных металлических изделий (орудий, оружия, украшений и культовых вещей) в погребениях, а также в рассмотренных поселениях.

В результате, таким образом, получена возможность проследить развитие материальной культуры Абхазии в конце II – начале I тыс. до н.э. Устанавливается, что ее памятники содержат все основные признаки, характерные для колхидской археологической культуры, т.е. они представляют составную часть данной культуры.

Вместе с тем, однако, проведенное исследование указывает со всей очевидностью на отдельные черты, подчеркивающие определенное своеобразие памятников колхидской культуры на территории Абхазии. Это касается не только различия характера поселений на территории Западной Грузии, с одной стороны, и Абхазии, с другой, но и форм и приемов домостроительства. Кроме того, в керамических комплексах из памятников Абхазии, как было показано выше, представлены отдельные формы сосудов, которые не встречаются в комплексах Западной Грузии. Наблюдается определенное различие и в мотивах орнаментации сосудов. Своеобразие колхидской культуры на территории Абхазии было установлено моими предшественниками и по данным погребальных памятников. Специфика прослежена как в обряде захоронения, так и в отдельных категориях погребального инвентаря, особенно украшений[227].

Не вдаваясь в подробное рассмотрение данного вопроса, считаем необходимым подчеркнуть, что изученные нами памятники вместе с остальными комплексами позволяют с достаточной уверенностью обосновать развитие на территории Абхазии локального варианта колхидской культуры. Действительно, наличие абхазского варианта колхидской культуры ныне уже документируется всеми категориями археологических памятников. И в этом, в частности, заключается один из важнейших

[227] **Джапаридзе О.М.** Бронзовые топоры Западной Грузии. – СА. 18, 1953; **Воронов Ю.Н.** История Абхазии… . Автореф. канд. дисс. М., МГУ. 1970; **Квиркве-лия Г.Т.** Материальная культура… . Автореф. канд. дисс. Тб., 1982.

итогов исследования поселений Абхазии эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Еще один вопрос, которого мы хотели бы здесь кратко коснуться, – это вопрос о взаимоотношениях колхидской и кобанской культур. Как известно, это – не только синхронные, но и родственные между собой культуры, которые еще до недавнего времени рассматривались как единая культура. Так, в начале 40-х годов Б.А. Куфтин назвал ее «колхидо-кобанской культурой»[228]. А позже он писал, что кобанская культура не только по территории своего распространения, но и по происхождению является колхидской[229]. Близкое этому мнение было высказано Б.Б. Пиотровским, отметившим, что «колхидская культура распространяется за пределы СССР в Лазистан, а на севере захватывает район Северной Осетии»[230].

Однако уже в 50-е годы в результате изучения отдельных категорий материалов и обряда погребения эпохи поздней бронзы Северного Кавказа и Западного Закавказья, был поднят вопрос о пересмотре укоренившегося представления о древних памятниках отмеченных областей Кавказа как представляющих единую культуру. Большая заслуга в этом принадлежит О.М. Джапаридзе, Е.И. Крупнову и другим ученым, убедительно доказавшим в своих трудах, что кобанская и колхидская культуры – это отдельные, самостоятельные культуры, развивавшиеся в тесных взаимосвязях между собой[231]. Близка к ним и выделенная А.А. Иессеном прикубанская культура, к сожалению, слабо изученная до сих пор. Это мнение можно считать общепризнанным в настоящее время в кавказоведении[232]. И в дан-

[228] **Куфтин Б.А.** К вопросу о древнейших корнях… . С. 329–333.

[229] **Куфтин Б.А.** Археологические раскопки в Триалети. С. 16–17.

[230] **Пиотровский Б.Б.** Археология Закавказья. С. 60.

[231] **Джапаридзе О.М.** Бронзовые топоры Западной Грузии. С. 281–300; **Крупнов Е.И.** Древняя история и культура Кабарды. С. 205; О происхождении и датировке кобанской культуры. С. 59; Древняя история Северного Кавказа. С. 80–81; **Коридзе Д.Л.** К истории колхской культуры. С. 70–75.

[232] Исключение составляет, вероятно, только мнение Ю.Н. Воронова, согласно которому в Восточном Причерноморье и Центральном Кавказе существовала в изучаемую эпоху единая этнокультурная общность или металлургическая провинция. См.: **Воронов Ю.Н.** Западно-Кавказская этнокультурная общность… . С. 13–14.

ной связи мы хотели бы подчеркнуть, что проведенное нами исследование подтверждает развитие на территории Абхазии и всей Колхиды в эпоху поздней бронзы и раннего железа самостоятельной, так называемой колхидской археологической культуры. Ведь совершенно очевидно, например, что такая важная составная часть колхидской культуры, как керамика, по фактуре, технике изготовления, формам и орнаментации отличается от керамики кобанской культуры. При этом, однако, мы знаем о заметной близости отдельных категорий бронзового инвентаря – топоров, кинжалов, различных украшений и др. (и характерного для него гравированного орнамента) обеих культур. Идентичность в значительной степени металлопродукции этих культур объясняется, по всей видимости, их связью с единой металлургической провинцией, с ее отдельными местными центрами металлообработки. Один из таких крупных очагов металлообработки, как показывают рассмотренные материалы, функционировал в эпоху поздней бронзы и раннего железа на территории Абхазии, где колхидская культура получила развитие в виде яркого локального варианта.

Список литературы

1. Абрамишвили Р.М. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. – ВГМГ, т. XXII, Тбилиси, 1961.
2. Альбов Н.М. Этнографические наблюдения в Абхазии. «Живая старина». III, СПб., 1893.
3. Анфимов Н.В. Древние поселения Прикубанья. – Краснодар, 1953.
4. Анчабадзе З.В. История и культура Древней Абхазии. – М., 1964.
5. Апакидзе А.М.. Каландадзе А.Н., Гобеджашвили Н.З., Ломтатидзе Г.А., Хоштария Н.В. Археология Грузии. – Тбилиси, 1959.
6. Барамидзе М.В., Чигошвили Т.Э., Квирквелия Г.Т., Хубутия С., Квициния В., Хвистани Р. Краткий отчет работ 1980г. археологической экспедиции Абхазии. – В кн.: Археологические открытия 1980г. в Абхазии. –Тбилиси, 1982.
7. Барамидзе М.В., Бжания В.В., Пхакадзе Г.Г., Шамба Г.Р.,

Квирквелия Г.Т., Чигошвили Т.Э. Основные итоги исследования на строительных площадках Абхазии. – В кн.: Археологические исследования на новостройках Гр. ССР. – Тбилиси, 1982.
8. Барамидзе М.В. Исследования в с. Пичори. – АО 1982г., М., 1984.
9. Башкиров А.С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925года. – ИАБНО, вып. 4, 1926.
10. Бжания В.В. Результаты обследования Гумистинского поселения в 1964г. – КСИА, вып. 115, М., 1964.
11. Бжания В.В. Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии. – СА, I, 1966.
12. Бжания В.В. Тамышское поселение эпохи поздней бронзы. – В кн.: Сборник научных работ аспирантов. – Сухуми, 1967.
13. Бжания В.В. Охранные раскопки Кистрика. – АО 1980г., М., 1981.
14. Бжания В.В. Отчет Причерноморской экспедиции. ИА АН СССР. Архив ИА, 1967.
15. Бжания В.В., Кобахия Б.С., Хибба З.А. Охранные раскопки Кистрика. – В кн.: АО 1980г. в Абхазии. Тбилиси, 1982.
16. Бжания Д.С. Охранные раскопки Гагрского могильника. – В кн.: Археологические открытия 1980г. в Абхазии. Тбилиси, 1982.
17. Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов. – Сухуми, 1973.
18. Бжания Ц.Н. Скотоводческое хозяйство в Абжуйской Абхазии. – ТАИЯЛИ, 1957.
19. Введенский А.Н. Замечания на записку В. Чернявского. – В кн.: Протоколы подготовительного комитета... . – М., 1879.
20. Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии. – Сухуми, 1969.
21. Воронов Ю.Н. История Абхазии с древнейших времен до раннего средневековья (по данным археологии). Автореф. канд. дисс. М.: МГУ, 1970.
22. Воронов Ю.Н., Вознюк А.С. Новые археологические находки в Гудаутском районе Абх. АССР. – СА, №2, 1975.

23. Воронов Ю.Н. Западно-Кавказская этнокультурная общность эпохи поздней бронзы и раннего железа (колхидско-кобанская культура). – В кн.: VIII Крупновские чтения (тезисы докладов). Нальчик, 1978.
24. Воронов Ю.Н. Северная Колхида в VIII–V вв. до н.э. – В кн.: Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему: «Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VIII–V вв. до н.э.)». (Тезисы докладов и сообщений). Тбилиси, 1979.
25. Воронов Ю.Н., Гунба М.М. Новые памятники колхидской культуры в Абхазии. – СА, 2, 1978.
26. Воронов Ю.Н. О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур. – В кн.: Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
27. Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. – Краснодар, 1979.
28. Гобеджашвили Г.Ф. Памятники древнерудного производства в Раче. – В кн.: «Друзья памятников культуры», вып. 6, Тбилиси, 1966.
29. Гогадзе Э.М. Культура поселений Колхиды эпохи бронзы и раннего железа. – Тбилиси, 1982.
30. Гришин Ю.С. Древняя добыча меди и олова. – М., 1980.
31. Гуммель Я.И. Археологические разведки на Кикликдаге. – В кн.: Известия АФН, №2, Баку, 1958.
32. Деопик Д.В., Крупнов Е.И. Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Змейское поселение кобанской культуры. – Орджоникидзе, 1961.
33. Джапаридзе О.М. Краткий отчет об археологических разведках в Грузии (Гурия) в 1948г. – КСИИМК, 39, 1951.
34. Джапаридзе О.М. Земледельческие орудия позднебронзовой эпохи Западной Грузии. – Труды ТГУ, 1953.
35. Джапаридзе О.М. Бронзовые топоры Западной Грузии. – СА, 18, 1953.
36. Джапаридзе О.М. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. – Тбилиси, 1966.
37. Джапаридзе О.М. Археологические раскопки в Ожора. – Труды ТГУ, вып. 65, 1957.

38. Джапаридзе О.М. Дольменная культура в Грузии. – Труды ТГУ, т.77, 1959.
39. Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова Н.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. – М., 1982.
40. Закарая П.П., Леквинадзе В.А. Предварительный отчет раскопок 1968–1969г.г. в Чиквинджe и Гудаве. – В кн.: Археологические экспедиции Гос. музея Грузии. Тбилиси. 1971.
41. Иващенко М.М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. – ИАБНО, Тифлис, 1935.
42. Иващенко М.М. Материалы к изучению культуры колхов. – МИГК, вып. 2, Тбилиси, 1941.
43. Иессен А.А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. – Известия ГАИМК, вып. 120, М. –Л., 1935.
44. Иессен А.А. Сухумская экспедиция ГАИМК. – СА, 3, 1937.
45. Иессен А.А. К хронологии «больших кубанских курганов». – СА, XII, М. –Л., 1950.
46. Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. – МИА, 23, М., 1951.
47. Иессен А.А. Прикубанский очаг металлообработки во второй половине II и в начале I тыс. до н.э. – КСИА, вып. 13, 1947.
48. Инадзе М.П. К вопросу о торговле в древней Колхиде. – КБС, т. II, 1962.
49. Инаишвили А.К. Отчет об археологических раскопках в Петра-Цихисдзири в 1962–65г.г. – В кн.: Памятники Юго-Западной Грузии, V, 1977.
50. Калаковский А.А. Флора Абхазии. – Сухуми, 1933.
51. Каландадзе А.Н. Археологические памятники Сухумской горы. –Сухуми, 1954.
52. Квирквелия Г.Т. Материальная культура Северо-Западной Колхиды в VIII–V веках до н.э. Автореф. канд. дисс. – Тбилиси, 1981.
53. Квирквелия Г.Т. Очамчире и его окружение в VIII–V вв. до н.э. – В кн.: Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Местное на-

селение Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VIII–V вв.)». Тезисы докладов. Тбилиси, 1971.
54. Кахидзе А.Ю. К истории городов Восточного Причерноморья в античную эпоху. Автореф. канд. дисс. – Тбилиси, 1965.
55. Кахидзе А.Ю. Восточное Причерноморье в античную эпоху (VI–I вв. до н.э.). Автореф. канд. дисс. – Тбилиси, 1981.
56. Кахидзе А.Ю., Давитадзе Ю.О., Мамуладзе М. Археологические раскопки в Пичвнари и с. Вернеби. – ПАИ в Грузии в 1977г. Тбилиси, 1980.
57. Козенкова В.И. Кобанская культура (восточный вариант). – САИ, вып. 2–5, 1977.
58. Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры (восточный вариант). – САИ, вып. 2–5, 1982.
59. Козенкова В.И. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1963г. – КСИА, вып. 103, 1965.
60. Козенкова В.И. Вопросы хронологии восточного варианта кобанской культуры в свете новых раскопок в Чечено-Ингушетии. – МАД, вып. 6, 1977.
61. Козенкова В.И. Совещание по хронологии – периодизации памятников Кавказа от 2–10 октября 1978г. – СА, 4, 1980.
62. Коридзе Д.Л. К истории колхской культуры. – Тбилиси, 1965.
63. Коридзе Д.Л. Клад из села Лыхны и вопрос о генезисе колхидско-кобанских топоров. – ВГМГ, т. XXV, Тбилиси. 1968.
64. Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. – М., 1982.
65. Краснов Ю.А. О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы. – СА, I, 1967.
66. Краснов Ю.А. О возникновении пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы. – СА, 2, 1968.
67. Краснов Ю.А. Древнейшие пахотные орудия. – М., 1975.
68. Крисс Х.И. Кизил-кобанская культура. – СА. М., 1981.
69. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. – М., 1960.

70. Крупнов Е.И. О происхождении и датировке кобанской культуры. – СА, I, 1957.
71. Крупнов Е.И. Древнейшее культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность. – СА, I, 1964.
72. Крупнов Е.И. Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры. – СА, I, 1969.
73. Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. – М., 1957.
74. Кузнецов В.А. Древние выработки медной руды и в верховьях р. Большой Зеленчук. – КСИА, вып. 108, 1966.
75. Куфтин Б.А. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. – ВГМГ, т. XIII, Тбилиси, 1944.
76. Куфтин Б.А. Археологические раскопки в Триалети. – Тбилиси, 1941.
77. Куфтин Б.А. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. – ВГМГ, т. XII, Тбилиси, 1942.
78. Куфтин Б.А. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. – ВГМГ, т. XIII, Тбилиси. 1944.
79. Куфтин Б.А. Материалы к археологии Колхиды. Том. I. – Тбилиси, 1949.
80. Куфтин Б.А. Материалы к археологии Колхиды. Том. II. – Тбилиси, 1950.
81. Лавров Л.И. Земледелие на Северо-Западном Кавказе. – МЗИС, Л., 1952.
82. Лордкипанидзе О.Д. Античный мир и Древняя Колхида. (Торгово-экономические и культурные взаимоотношения с II половины II тыс. до н.э. до III–IV вв. н.э.). Автореф. докт. дисс. – Тбилиси, 1966.
83. Лордкипанидзе Г.А. Колхида в IV–II вв. до н.э. (Историко-археологическое исследование). Автореф. докт. дисс. – Тбилиси, 1975.
84. Лордкипанидзе О.Д. Древняя Колхида. Миф и археология. – Тбилиси, 1979.
85.Лукин А.Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. – ТОИПКГЭ, т. I, Л., 1941.
86. Лукин А.Л. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут. – СА, XII, 1950.

87. Лукин А.Л. Эшерская находка. – ТАИ, т. XXVII, 1956.
88. Магомедов А.М. Бамутское поселение – новый памятник кобанской культуры. – СА, 2, 1972.
89. Менабде В.Л. Ботанико-систематические данные о хлебных злаках Древней Грузии. Сообщ. Груз. филиала АН СССР, I, вып. 9.
90. Менабде В.Л. К истории культуры пшеницы. – VII международный конгресс антропологических и этнографических наук. – М., 1964.
91. Мерперт Н.Я. Раскопки Сержень-Юртовского поселения. – КСИА, вып. 88, 1962.
92. Микеладзе Т.К. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья (XV–IV вв. до н.э.). Автореф. докт. дисс. – Тбилиси, 1966.
93. Микеладзе Т.К. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья (XV–IV вв. до н.э.). – Тбилиси, 1974.
94. Микеладзе Т.К. О некоторых результатах полевых исследований в зонах новостроек Колхидской низменности в десятой пятилетке. – В кн.: Археологические исследования на новостройках Гр. ССР. Тбилиси, 1982.
95. Микеладзе Т.К., Барамидзе М.В., Мусхелашвили Д., Хахутаишвили Д.А. Полевые исследования Колхидской археологической экспедиции. – ПАИ, 1975г. – Тбилиси, 1979.
96. Миллер А.А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907г. – МАК, вып. 33, 1909.
97. Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. – МИА, 100, М., 1961.
98. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. – М., 1975.
99. Недоля И.К. Орудия земледелия эпохи неолита из района г. Адлера. – КСИИМК, 67, 1957.
100. Ниорадзе Г.К. Археологические находки в с. Квишари. – СА, XI, М. – Л., 1949.
101. Окропоридзе Н.И., Барамидзе М.В. Палурское «Садзвле». (Итоги работ 1968г.). – МИГК, вып. 6, 1974.
102. Панцхава Л.Н. К истории художественного ремесла колхидской и кобанской культур. Автореф. канд. дисс. – Тбилиси, 1976.

103. Пиотровский Б.Б. Археология Закавказья. – Л., 1949.
104. Погребова М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. – М., 1984.
105. Рамишвили А.Т. Из истории материальной культуры Колхети. Автореф. канд. дисс. – Батуми, 1974.
106. Рамишвили А.Т. Раскопки приморских стоянок в Пичвнари (Кобулети) в 1960–1964 и 1967г.г. – СА, 1, 1975.
107. Рамишвили А.Т. Юго-Восточное Причерноморье в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Автореф. канд. дисс. – Тбилиси, 1971.
108. Рамишвили А.Т. О назначении стоянок с «текстильной» керамикой Восточного Причерноморья. – СА, 4, 1975.
109. Семенов В.Г. Полезные ископаемые и минеральные воды Абхазии. – ТАИ, вып. 2, 1934.
110. Семенцова А.А., Долуханов П.М., Романова Е.И. Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА (1965–1969гг.). – СА, 3, 1972.
111. Сизов В.И. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. – МАК, VIII, М., 1900.
112. Соловьев Л.Н. Археологические раскопки близ г. Очамчира в Абхазии. – СА, 4, 1937.
113. Соловьев Л.Н. Диоскурия–Себастополис–Цхуми. – ТАГМ, вып. 1, 1947.
114. Соловьев Л.Н. Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии. Материалы по истории Абхазии. – АБНИИ, сб. 1, вып. 15, т. I, 1939.
115. Соловьев Л.Н. Селища с «текстильной» керамикой на побережье Западной Грузии. – СА, т. XIV, М., 1950.
116. Соловьев Л.Н. Следы древнего соляного промысла близ гг. Сухуми и Очамчире. – ТАГМ, вып. 1, 1947.
117. Соловьев Л.Н. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы – стоянки Воронцовской пещеры. – ТАИ, т. XXIX, 1959.
118. Соловьев Л.Н. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва в 1960г. – ТАИ, т. XXXII, 1960.
119. Соловьев Л.Н. Неолитические поселения Черноморского побережья Кавказа: Нижне-Шиловское и Кистрикское. – МАА, Тбилиси, 1967.

120. Стражев В.И. Бронзовая культура в Абхазии. – ИАБНО, вып. 4, 1926.
121. Стражев В.И. Руинная Абхазия. – ИАБНО, вып. 1, 1925.
122. Тавадзе Ф.Н., Сакварелидзе Т.Н. Бронзы древней Грузии. – Тбилиси, 1959.
123. Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. – М., 1977.
124. Трапш М.М. Куланурхвинский древний могильник. Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Сухуми, 1951.
125. Трапш М.М. Некоторые итоги археологических исследований в Сухуми в 1951–1953г.г. – СА, XXXIII, 1955.
126. Трапш М.М. Археологические раскопки в окрестностях Сухуми. – Труды АБНИИ, т. XXIX, Сухуми, 1958.
127. Трапш М.М. Памятники колхидской и скифской культур в с. Куланурхва Абхазской АССР. – Сухуми, 1962.
128. Трапш М.М. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. – Труды, т. I, Сухуми, 1970.
129. Трапш М.М. Древний Сухуми. – Труды, т. II, Сухуми, 1969.
130. Трапш М.М. Культура Цебельдинских некрополей. – Труды, т. III., Сухуми, 1971.
131. Трапш М.М. Материалы по археологии средневековой Абхазии. – Труды, т. IV, Сухуми, 1974.
132. Трубникова Н.В. К вопросу о назначении кобанских сечек. – КСИИМК, XVIII, 1947.
133. Уварова П.С. Кавказ, Абхазия, Аджария, Шавшетия, Псховский участок. Путевые заметки. Т. II. – М., 1891.
134. Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа. – МАК, вып. 8, М., 1900.
135. Уварова П.С. Несколько дополнительных сведений по вопросу о кавказских дольменах. – МАК, вып. 9, М., 1904.
136. Фадеев А.А. К вопросу о генезисе кобанской культуры в Абхазии. – Труды АБНИИК, вып. 2, 1934.
137. Халиков А.А. Первый археолог – абхазец М.М. Трапш и его библиография. – В кн.: Материалы по археологии и искусству Абхазии. Сухуми, 1974.
138. Хахутаишвили Д.А. Археологические раскопки древнеколхского очага металлургии железа в Чолокском уще-

лье в 1971. – В кн.: Археологические исследования в Грузии в 1971г. Тбилиси, 1972.
139. Хахутаишвили Д.А. К истории древнеколхской металлургии железа. – В кн.: Вопросы древней истории. КБС, сб. IV. Тбилиси, 1973.
140. Хахутаишвили Д.А. Археологические раскопки древнеколхидского центра производства железа в ущелье р. Чолоки в 1971г. – В кн.: Памятники Юго-Западной Грузии. Тбилиси, V, 1975.
141. Хотелашвили М.К. О древнейших земледельческих орудиях Абхазии. – В сб. статей преподавателей и аспирантов Сухгоспединститута им. А.М. Горького. Сухуми, 1970.
142. Хотелашвили М.К. Земледельческие орудия Абхазии античного и раннесредневекового времени. – В кн.: Материалы по археологии и искусству Абхазии. Сухуми, 1974.
143. Хоштария Н.В. Археологические исследования в с. Кулеви. Сообщения АН Гр. ССР, №1–2, Тбилиси, 1946.
144. Хоштария Н.В. Археологические исследования Уреки. – МИГК, I, Тбилиси, 1955.
145. Хоштария Н.В. Об одном бронзовом орудии из Колхиды. – КСИИМК, XXXVI, 1951.
146. Чартолани Ш.Г. Древние горнорудные выработки в верховьях рек Бзыби и Кодори. – Археологические исследования в Грузии в 1969г. Тбилиси, 1971.
147. Челидзе З.А. Результаты археомагнитного исследования некоторых археологических объектов. – КБС, V, Тбилиси, 1977.
148. Чернявский В.И. Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно. – В кн.: Протоколы подготовительного комитета V АС в Тифлисе. М., 1879.
149. Читая Г.С. О некоторых чертах древнеколхидской культуры. VII международный конгресс антропологических и этнографических наук. – М., 1964.
150. Читая Г.С. К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий. Сообщения АН Гр. ССР, т. II, вып. 3, 1941.

Список сокращений

АБНИИ – Абхазский научно-исследовательский институт имени Д.И. Гулия АН Гр. ССР

АБНИИК – Абхазский научно-исследовательский институт краеведения

АБНО – Абхазское научное общество

АГМ – Абхазский государственный музей

АО – Археологические открытия

АС – Археологический съезд

ВГМГ – Вестник Государственного музея Грузии имени акад. С.Н. Джанашия

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры

ИАБНО – Известия Абхазского научного общества

ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры

ИКОИРГО – Известия Кавказского отдела Русского географического общества

КБС – Кавказско-Ближневосточный сборник

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МАА – Материалы по археологии Абхазии

МАД – Материалы по археологии Дагестана

МАК – Материалы по археологии Кавказа

МЗИС – Материалы по истории земледелия СССР

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МИГК – Материалы по истории Грузии и Кавказа

ПАИ – Полевые археологические исследования

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

САНГ – Сообщения АН Гр. ССР

ТАГМ – Труды Абхазского государственного музея

ТАИ – Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулия АН Гр. ССР

ТГУ – Тбилисский государственный университет

ТОИПКГЭ – Труды отдела истории первобытной культуры государственного Эрмитажа

Список таблиц

Таб. I. Карта. Археологические памятники Колхидской культуры.

Таб. II. Бамборское поселение. Схематический план с расположением жилищ.

Таб. III. Бамборское поселение. Жилище № 1.

Таб. IV. Бамборское поселение. Жилище № 2.

Таб. V. Бамборское поселение. Жилище № 3.

Таб. VI. Бамборское поселение. Жилище № 4.

Таб. VII. Бамборское поселение. Жилище № 5.

Таб. VIII. Бамборское поселение. Жилище № 6.

Таб. IX. Бамборское поселение. Жилище № 7.

Таб. X. Бамборское поселение. Жилище № 8.

Таб. XI. Бамборское поселение. Хозяйственные ямы.

Таб. XII. Бамборское поселение. «Текстильная керамка».

Таб. XIII. Бамборское поселение. Керамика, горшки.

Таб. XIV. Бамборское поселение. Керамика, горшки.

Таб. XV. Бамборское поселение. Керамика, горшки.

Таб. XVI. Бамборское поселение. Керамика, горшки.

Таб. XVII. Бамборское поселение. Керамика, горшки.

Таб. XVIII. Бамборское поселение. Керамика, горшки.

Таб. XIX. Бамборское поселение. Керамика, горшки.

Таб. XX. Бамборское поселение. Керамика.

Таб. XXI. Бамборское поселение. Керамика, 1 – пифос, 2 кувшин.

Таб. XXII. Бамборское поселение. Керамика, 1,2 кувшин, 3 – кувшин, 4-6 – кружка, 7,8 –крышки.

Таб. XXIII. Бамборское поселение. Керамика, Столовая посуда.

Таб. XXIV. Бамборское поселение. Керамика, орнамент.

Таб. XXV. Бамборское поселение. Керамика, орнамент.

Таб. XXVI. Бамборское поселение. Керамика, орнамент.

Таб. XXVII. Бамборское поселение. Керамика, орнамент.

Таб. XXVIII. Тамышское поселение. Керамика.

Таб. XXIX. Тамышское поселение. Керамика.

Таб. XXX. Тамышское поселение. Керамика.

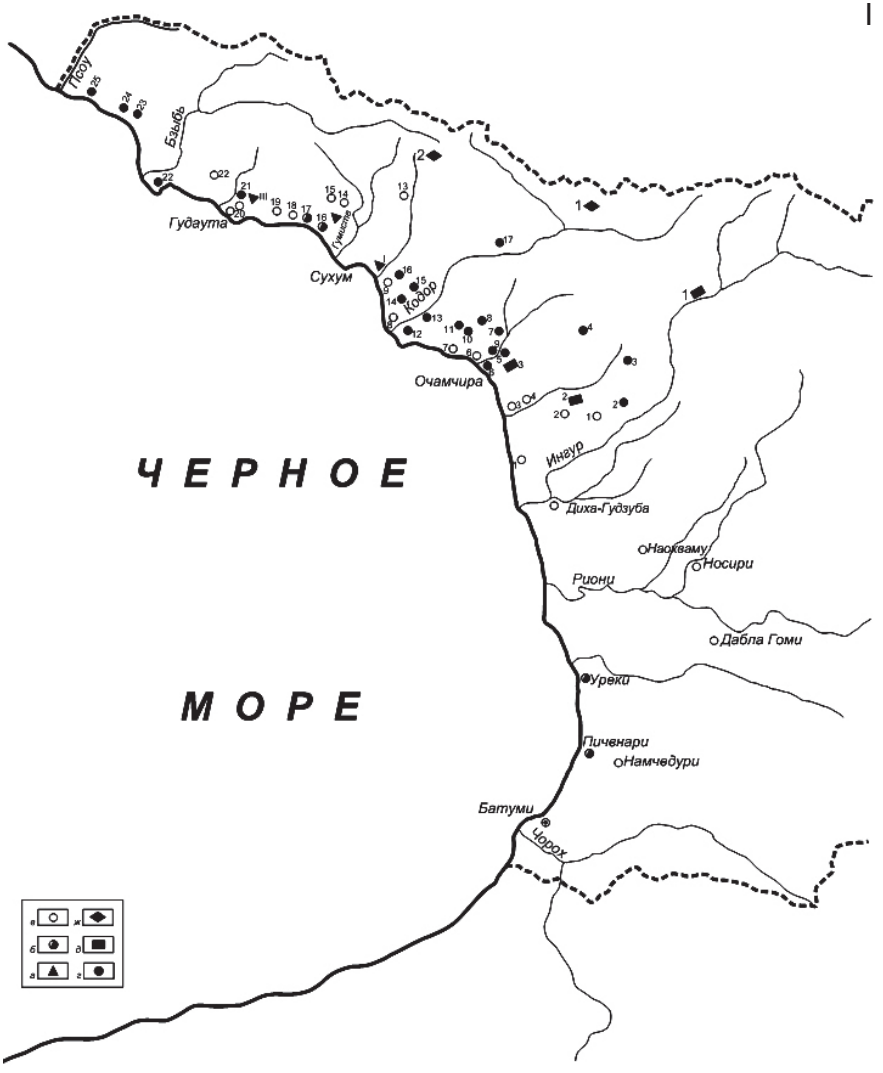
Таб. XXXI. Тамышское поселение. Керамика.

Таб. XXXII. Тамышское поселение. Керамика.

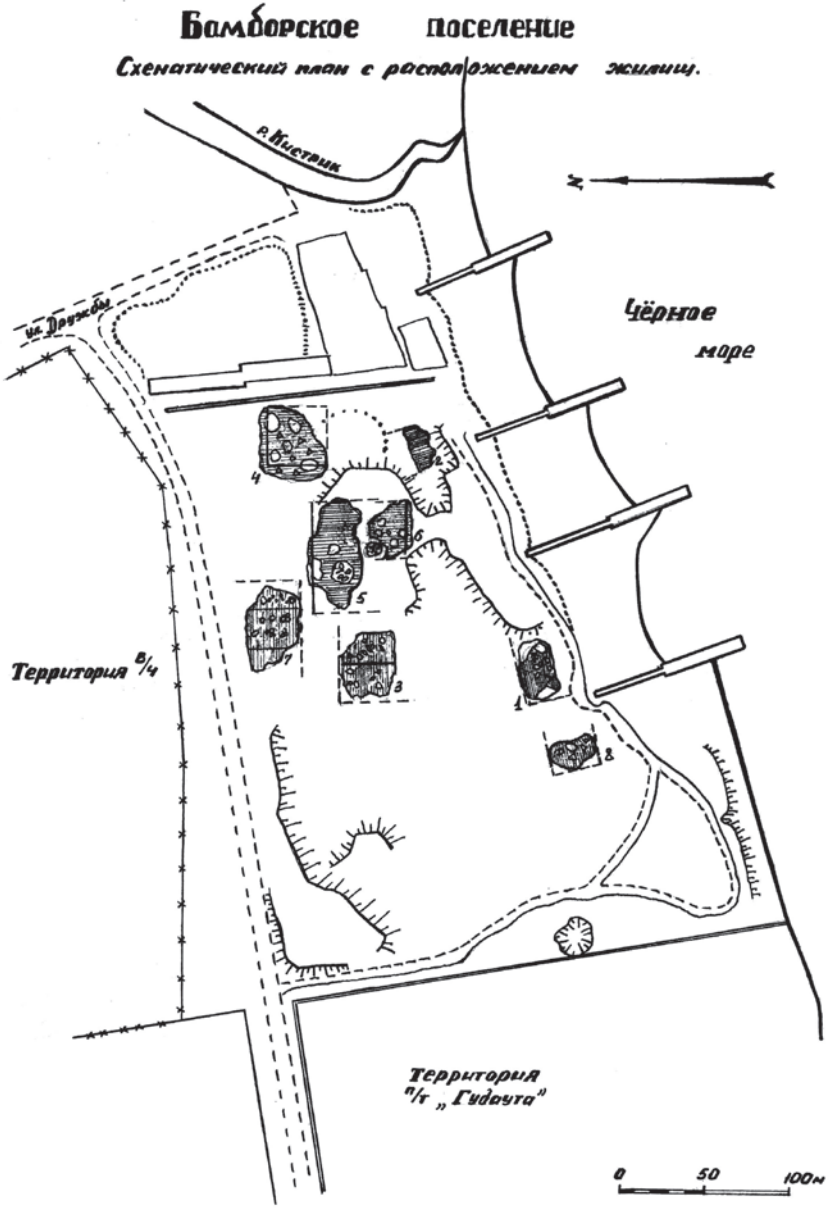
Таб. XXXIII. Тамышское поселение. Керамика.
Таб. XXXIV. Тамышское поселение. Керамика, ручки.
Таб. XXXV. Тамышское поселение. Керамика, ручки.
Таб. XXXVI. Тамышское поселение. Керамика, ручки.
Таб. XXXVII. Тамышское поселение. Орнаментация керамки.
Таб. XXXVIII. Тамышское поселение. Металлургические изделия.
Таб. XXXIX. Бамборское поселение. Бронзовые украшения.
Таб. XL. Бамборское поселение. Бронзовые изделия.
Таб. XLI. Бронзовые топоры. Зернотерки, терочинки.
Таб. XLII. Медоплавная и Сухумской горы.
Таб. XLIII. Бомборское поселение. Тигли.
Таб. XLIV. Бамборское поселение

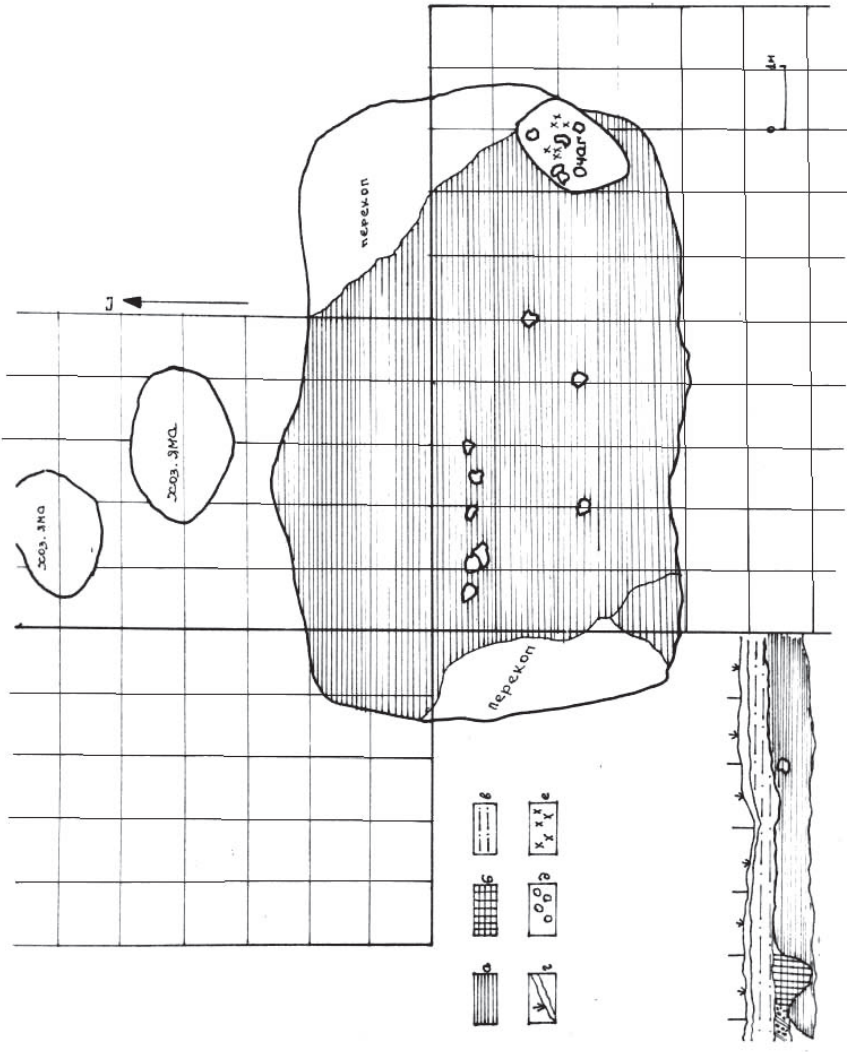
I

Псоу
Бзыбь
Гудаута
Гумиста
Сухум
Кодор
Очамчира
Ингур
ЧЕРНОЕ
МОРЕ
Диха-Гудзуба
Наскваму
Носири
Рионы
Дабла Гоми
Урекн
Пичвнари
Намчедури
Батуми
Чорох

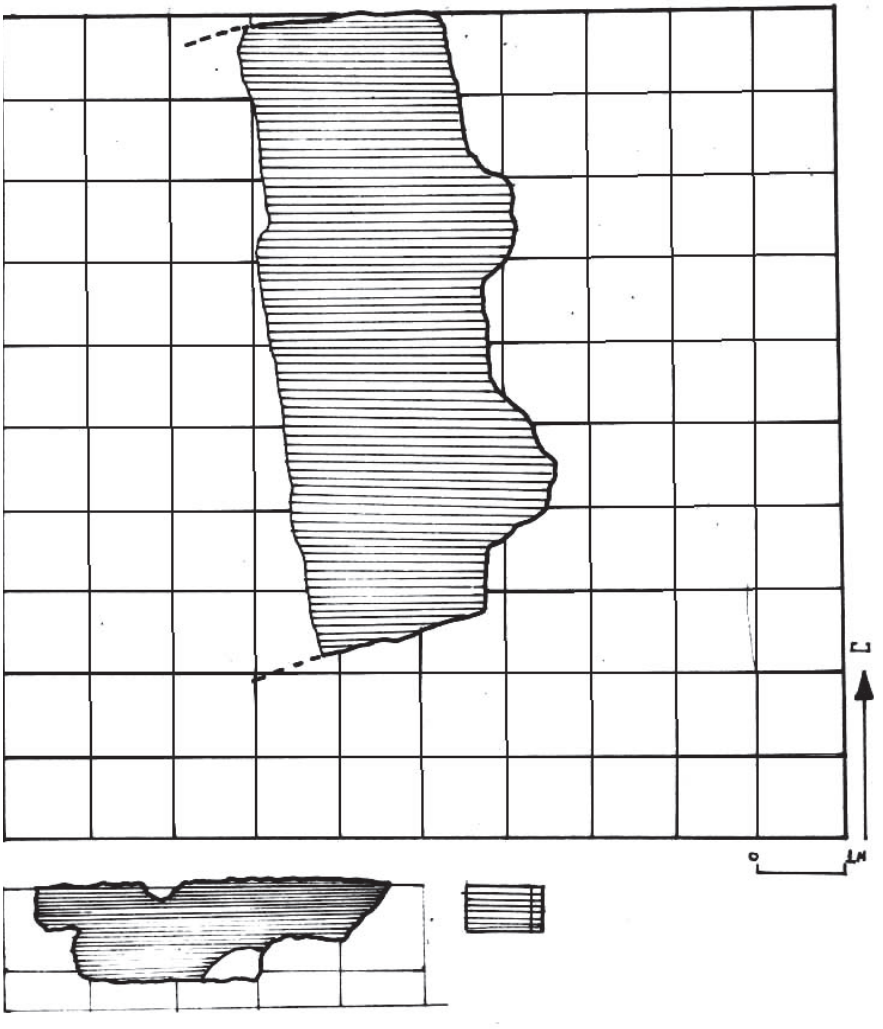
II

Бамборское поселение
Схематический план с расположением жилищ.
р. Мистхиа
ул. Дружбы
Чёрное море
Территория в/ч
Территория п/т „Гудаута"
0 50 100м

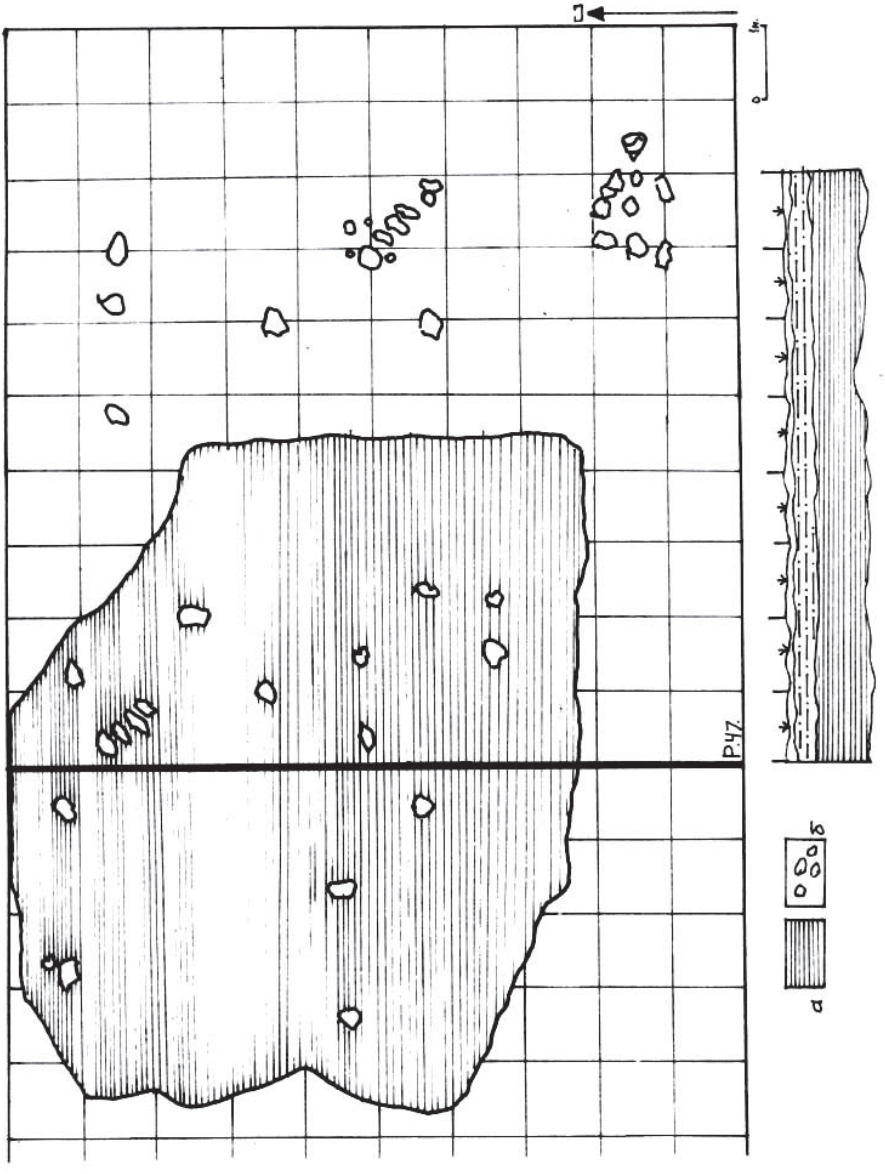
III

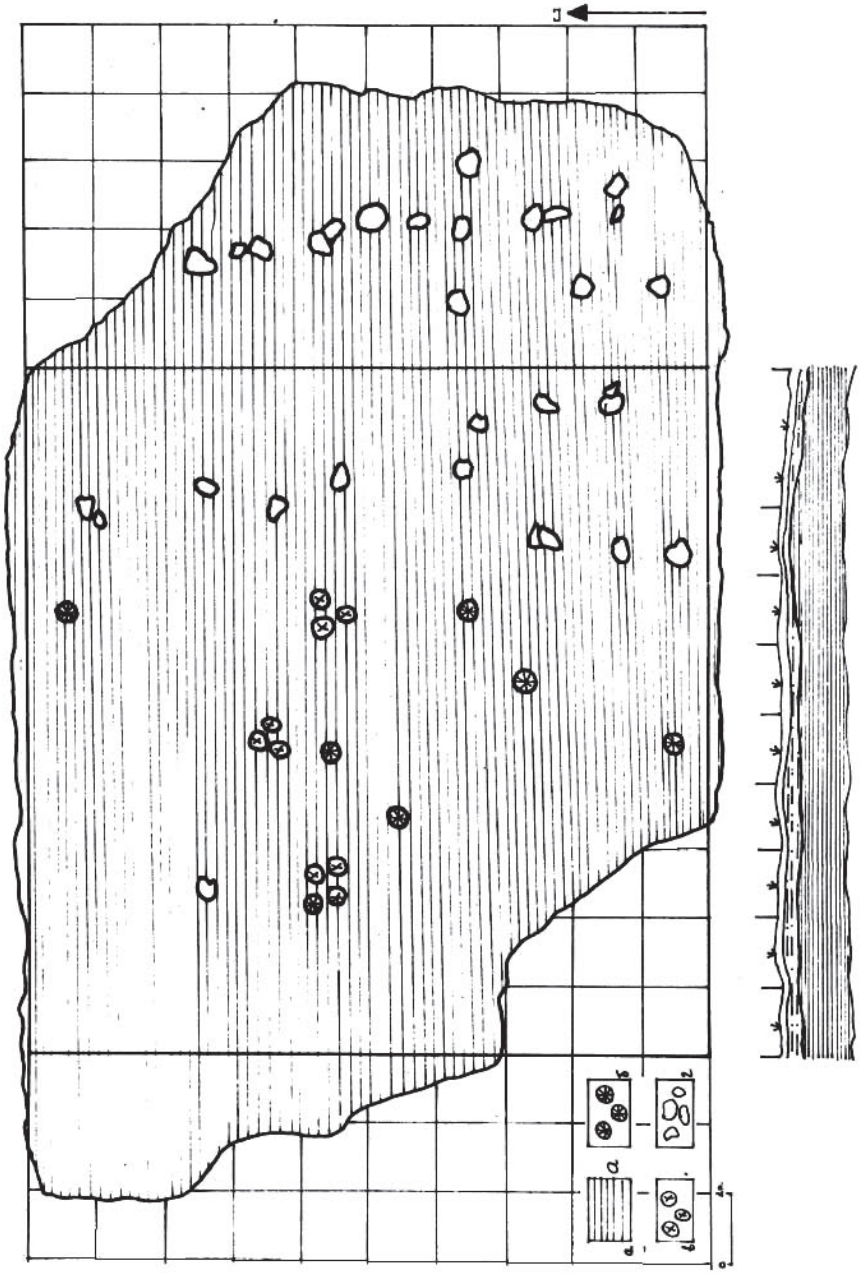
IV

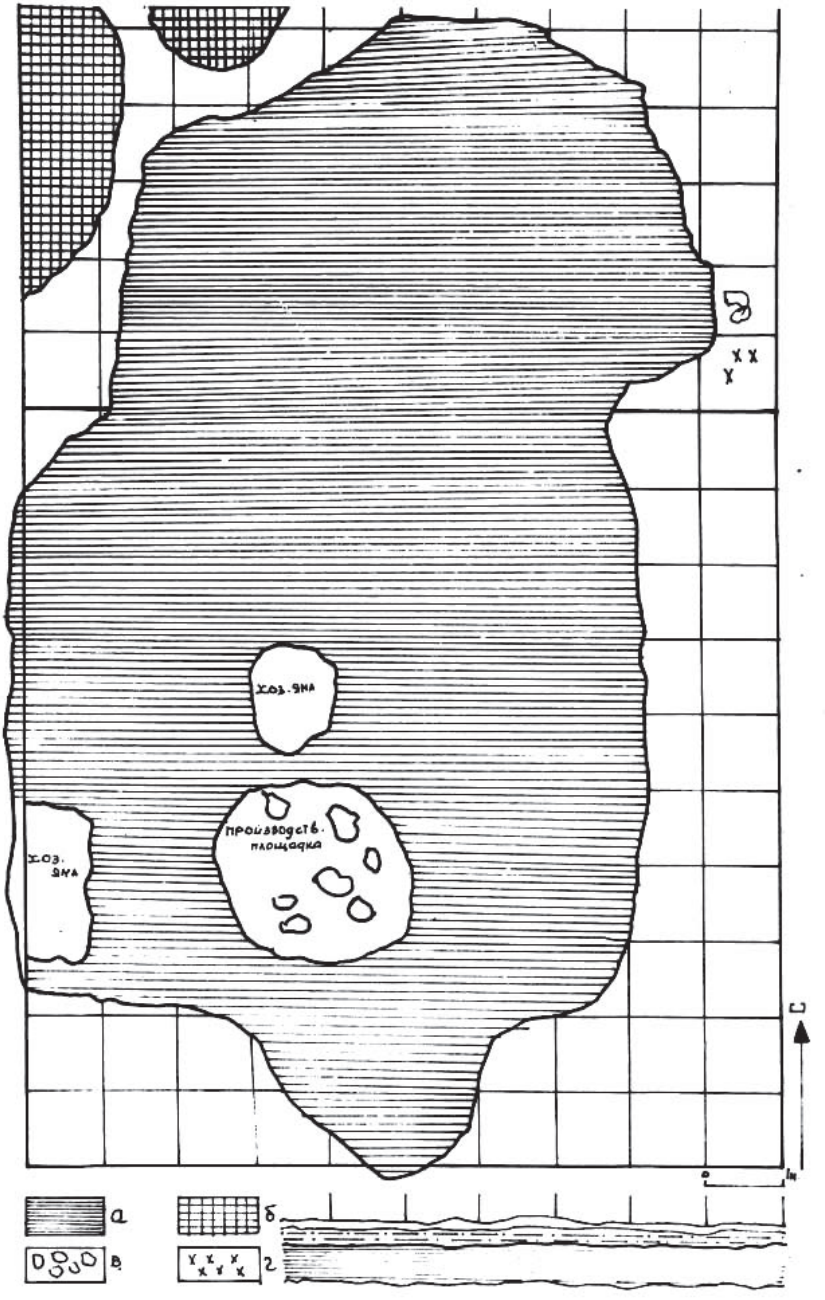
V

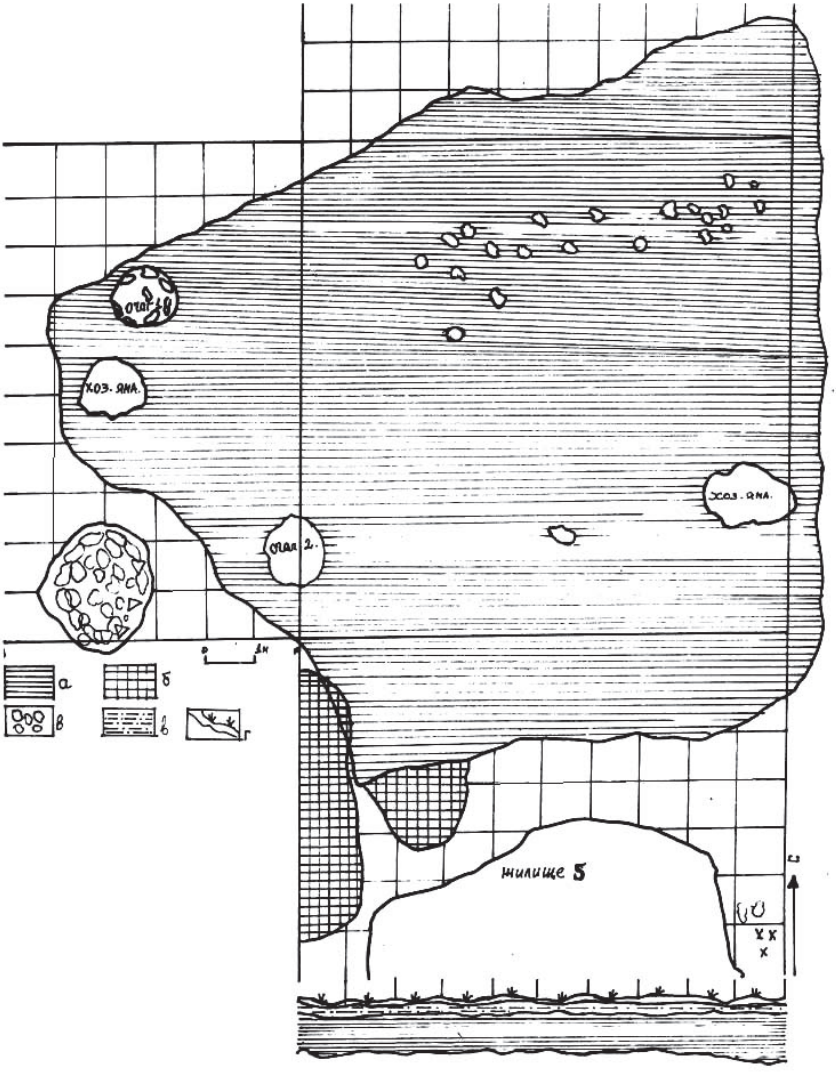
VI

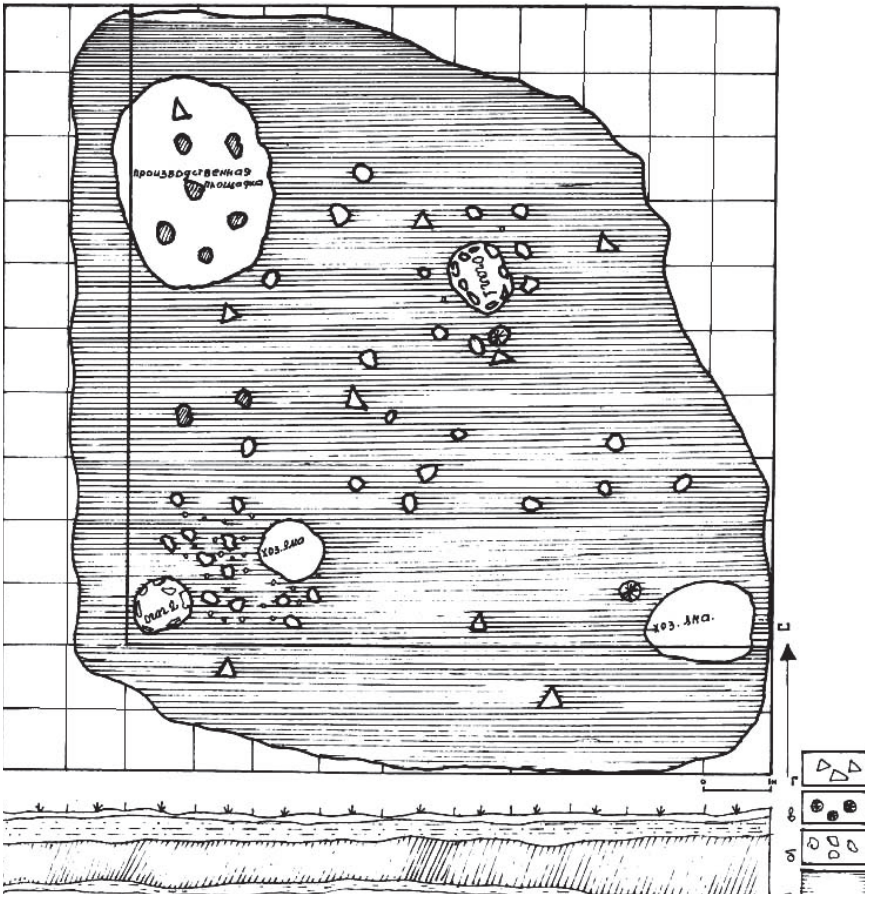
VII

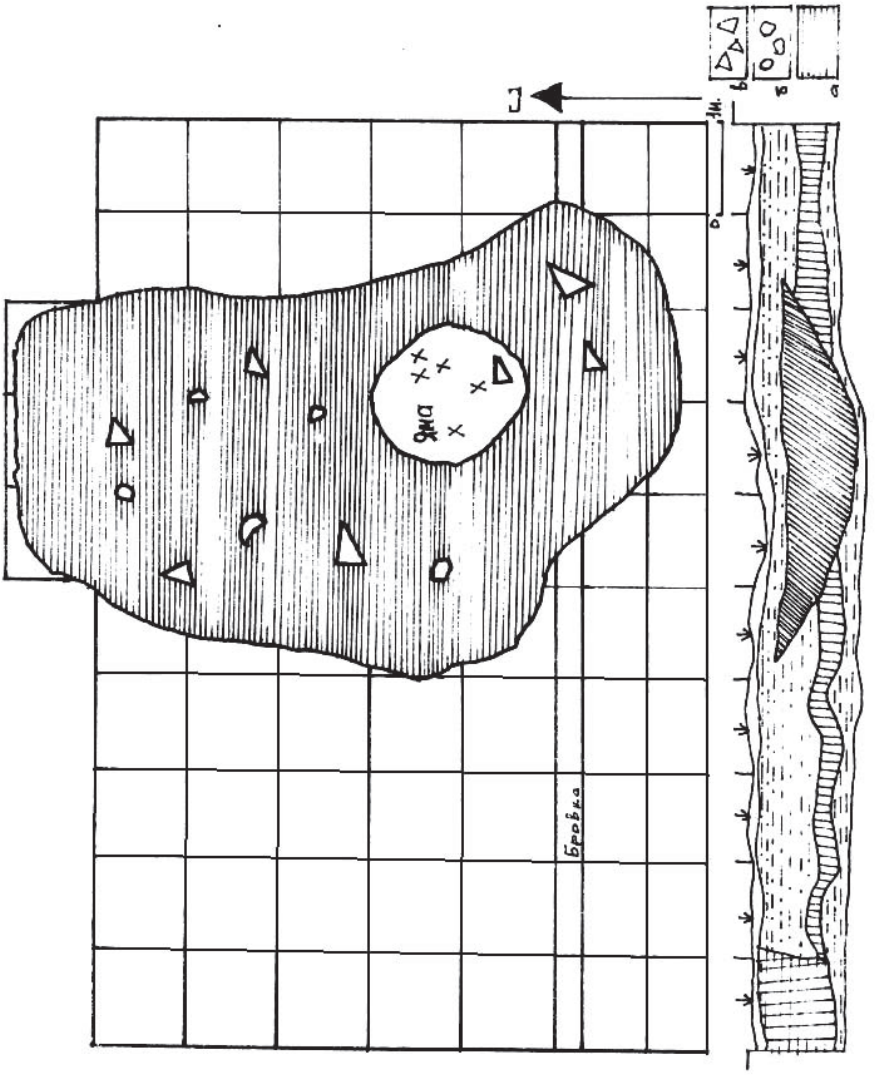
VIII

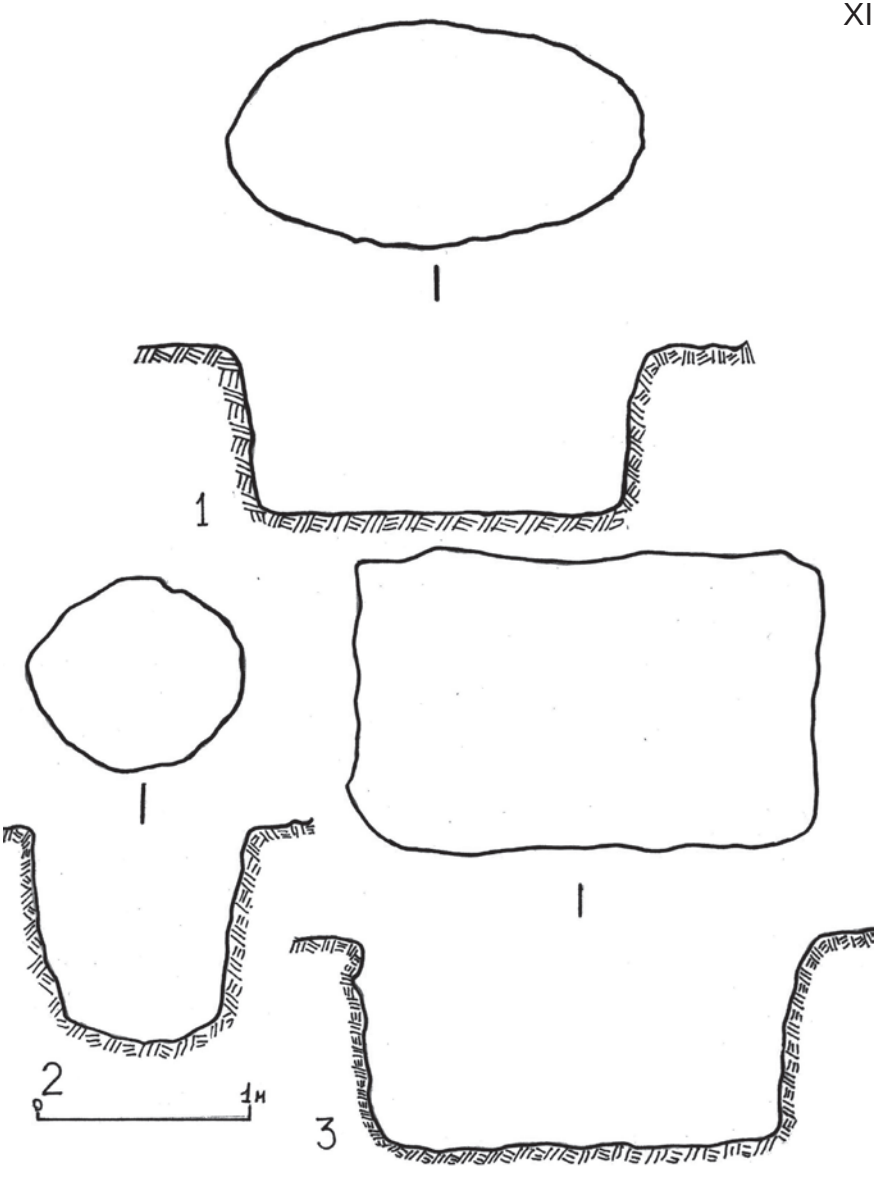
IX

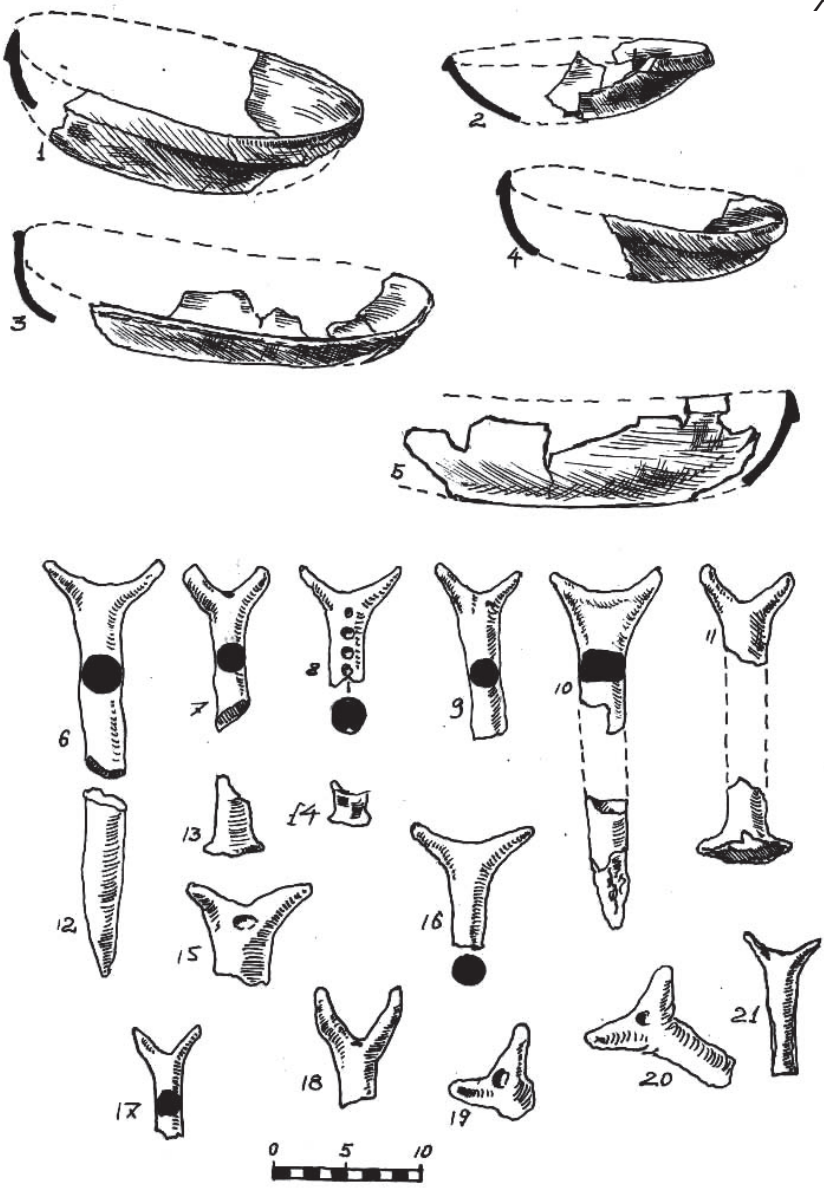
X

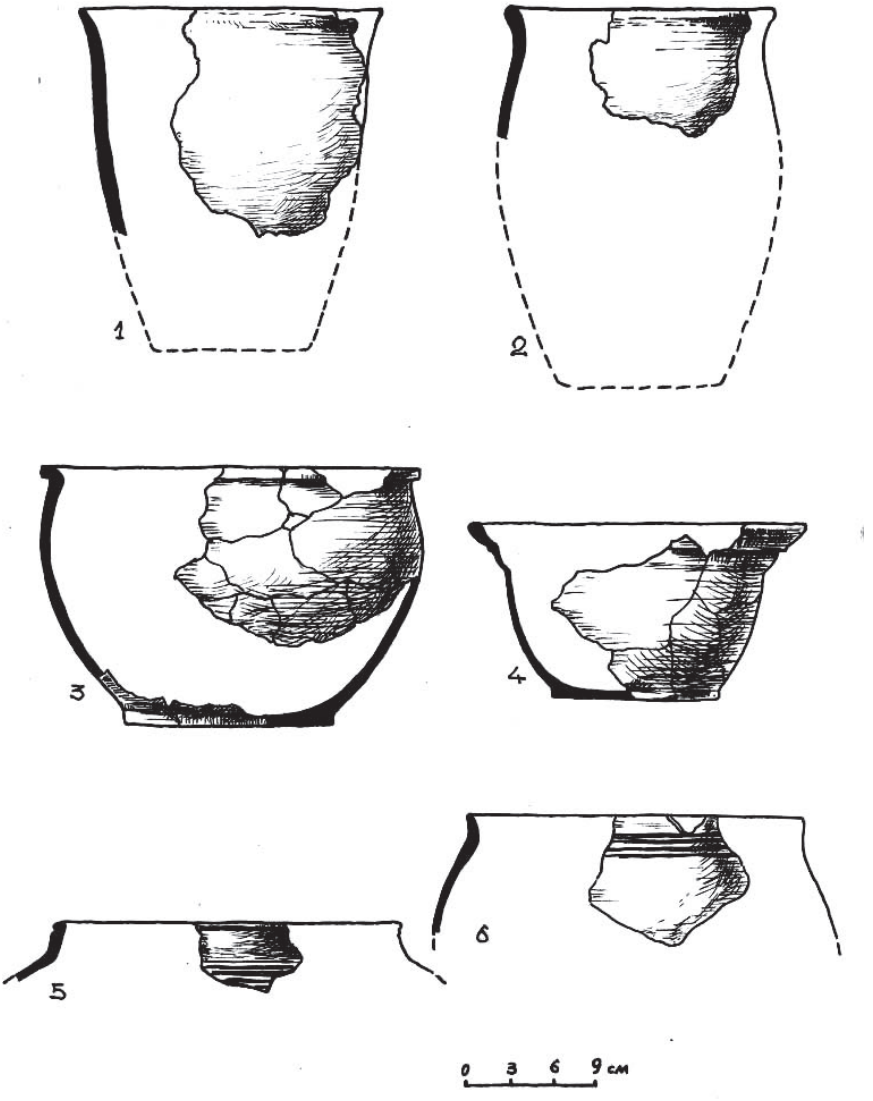
XI

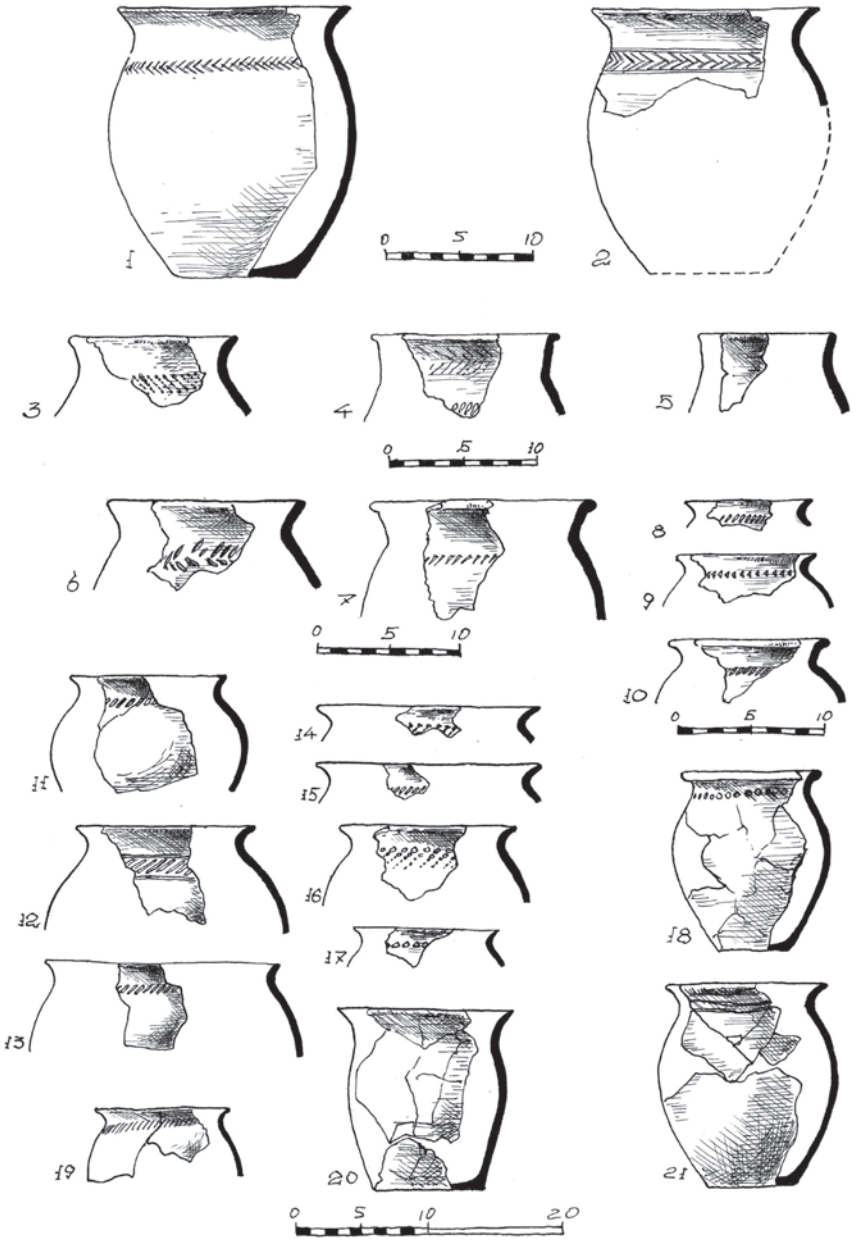
XII

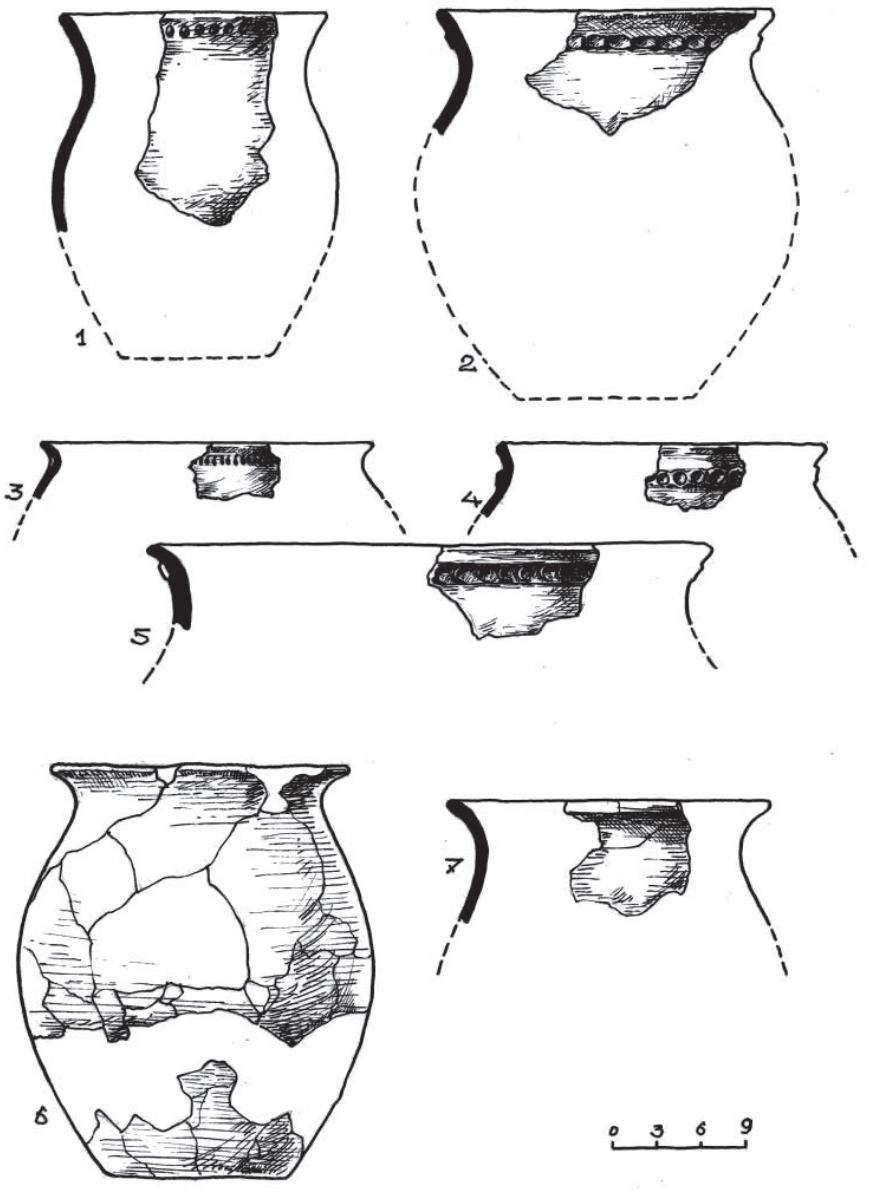
XIII

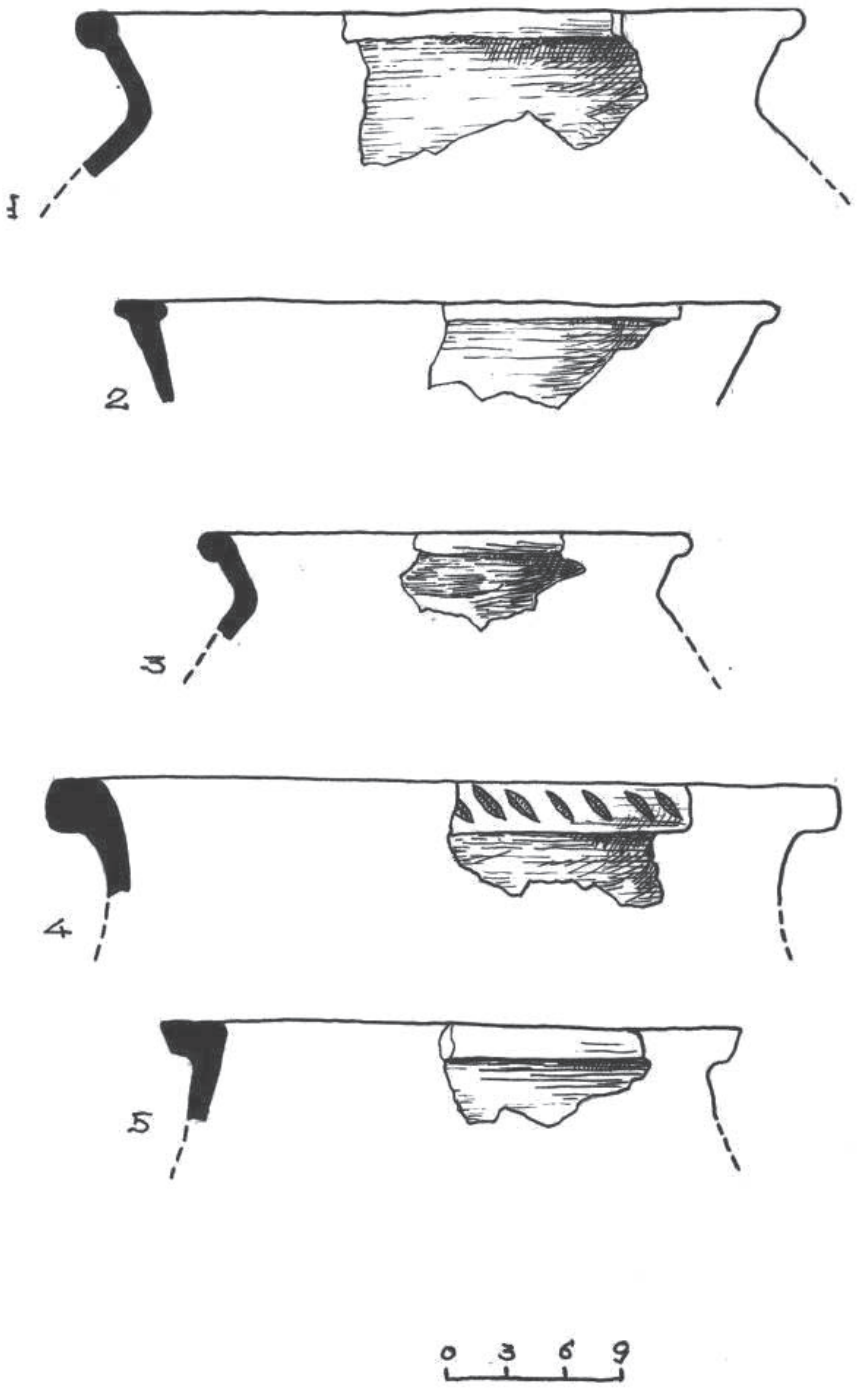
XIV

1
0 5 10
2
3
4
0 5 10
5
6
7
0 5 10
8
9
10
0 5 10
11
14
15
12
16
17
18
13
19
20
21
0 5 10 20

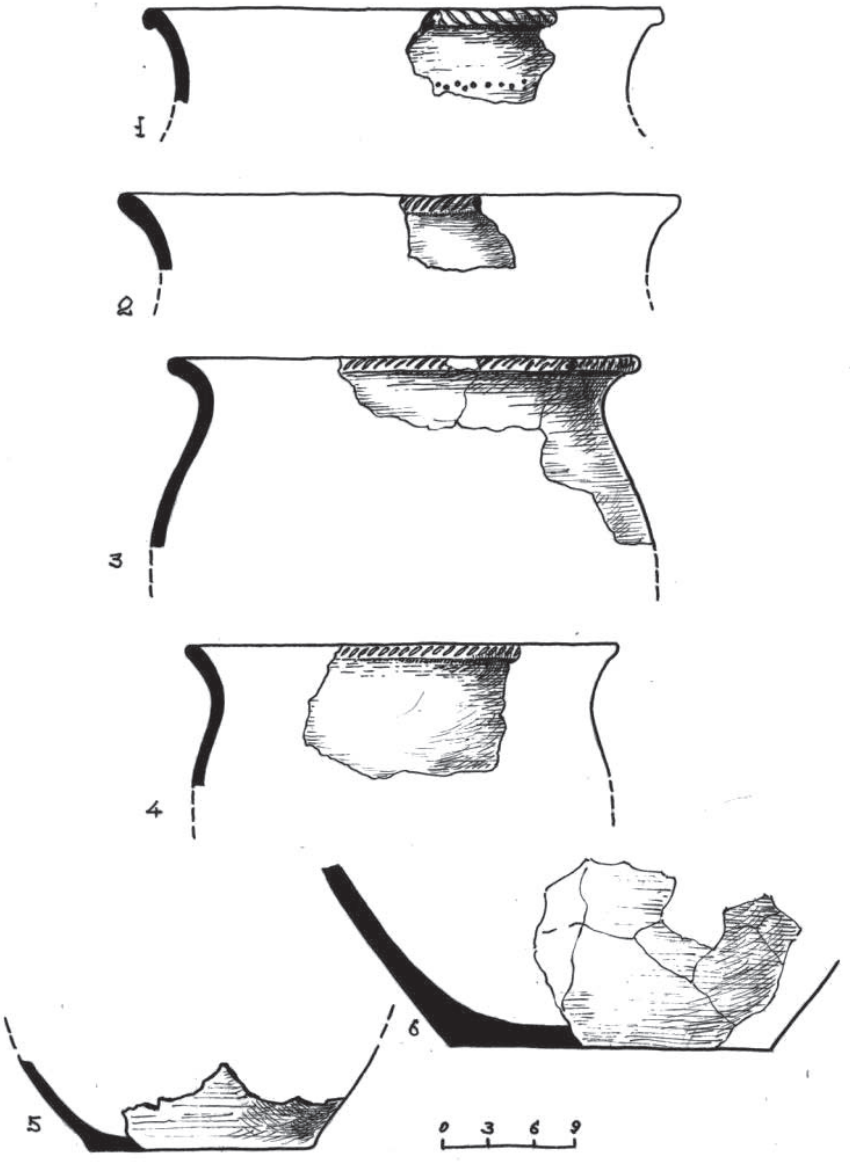
XV

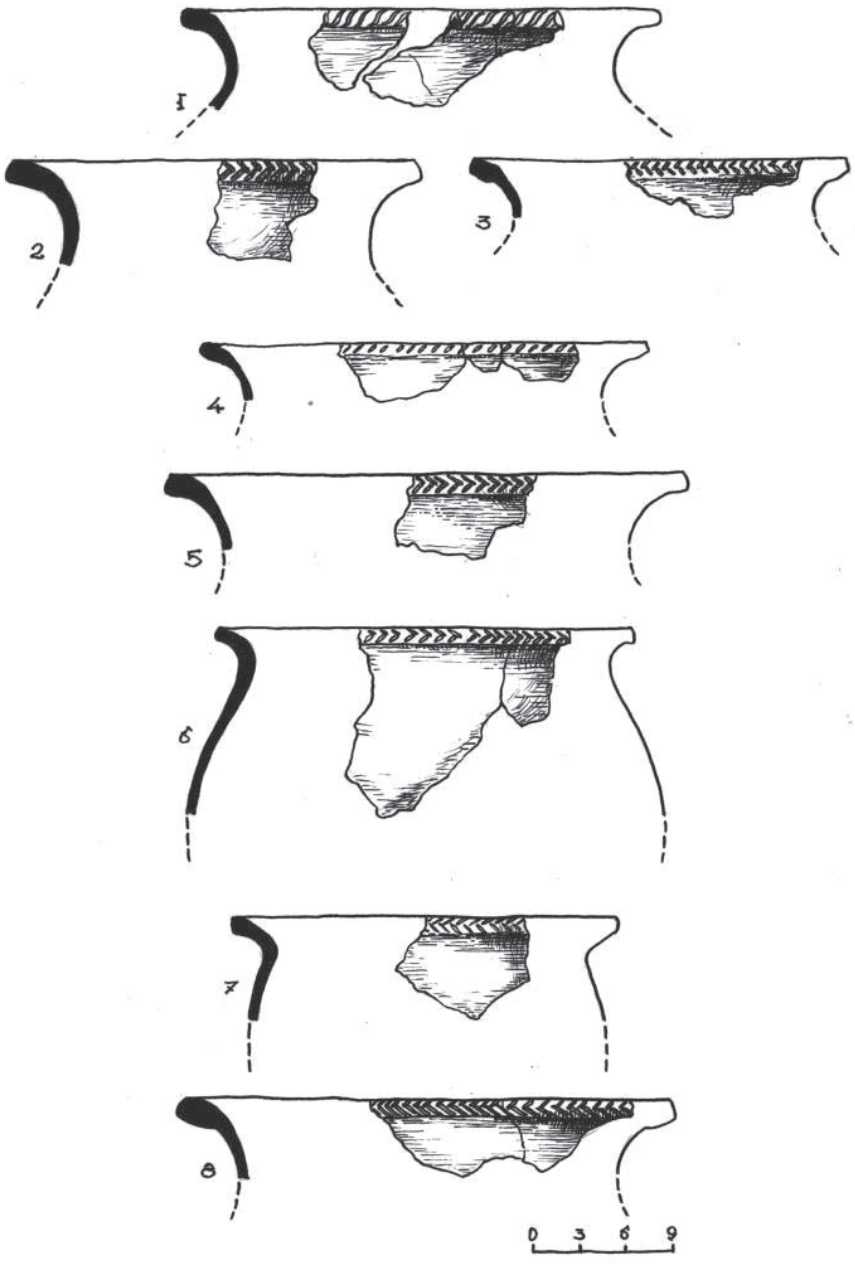
XVI

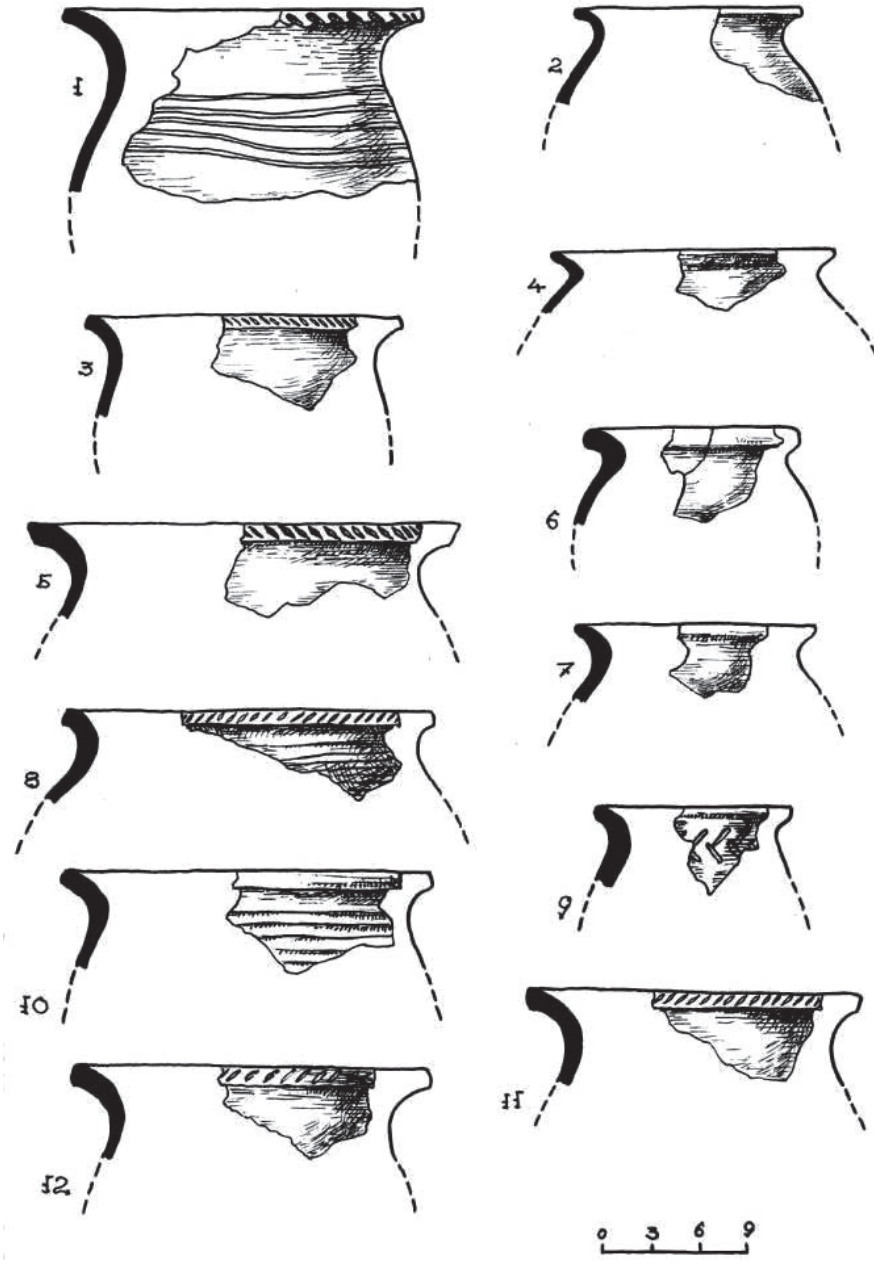
XVII

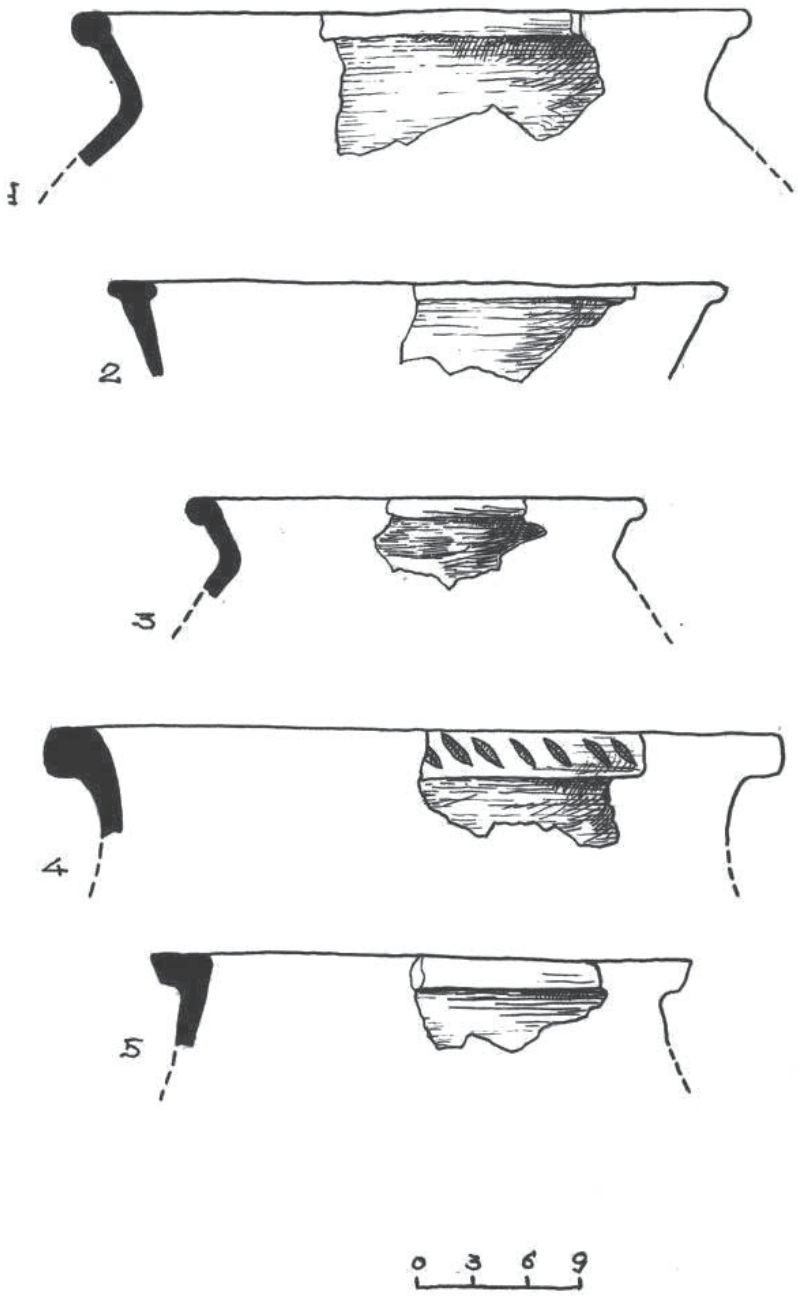
XVIII

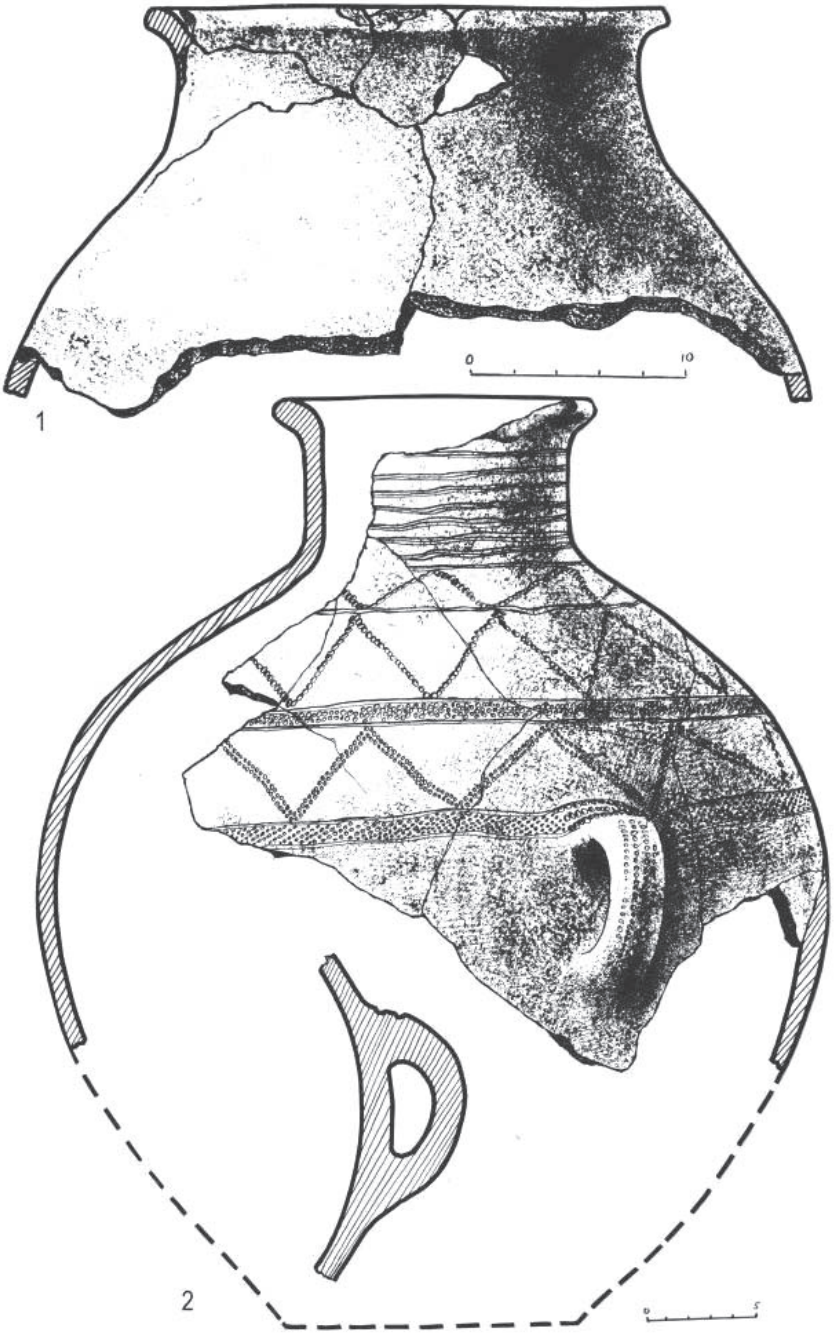
XIX

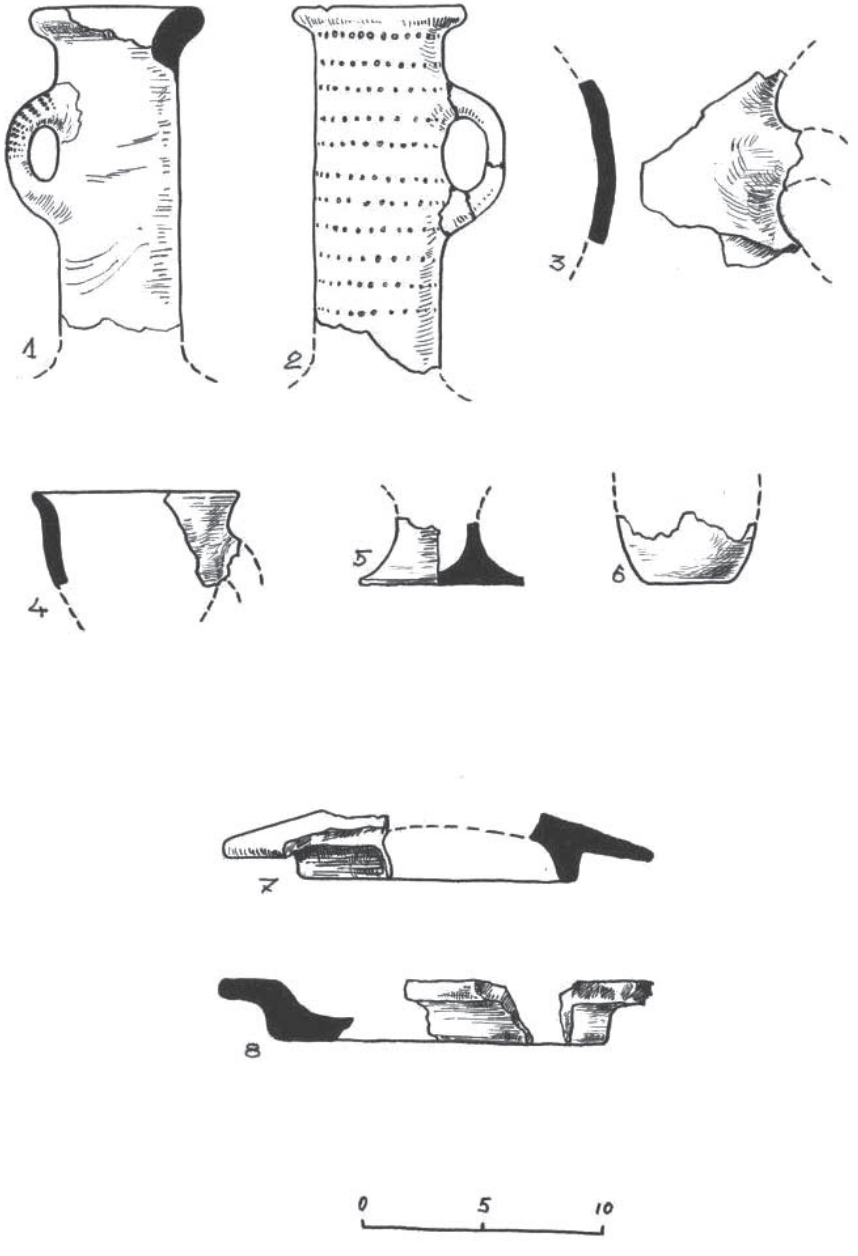
XX

XXI

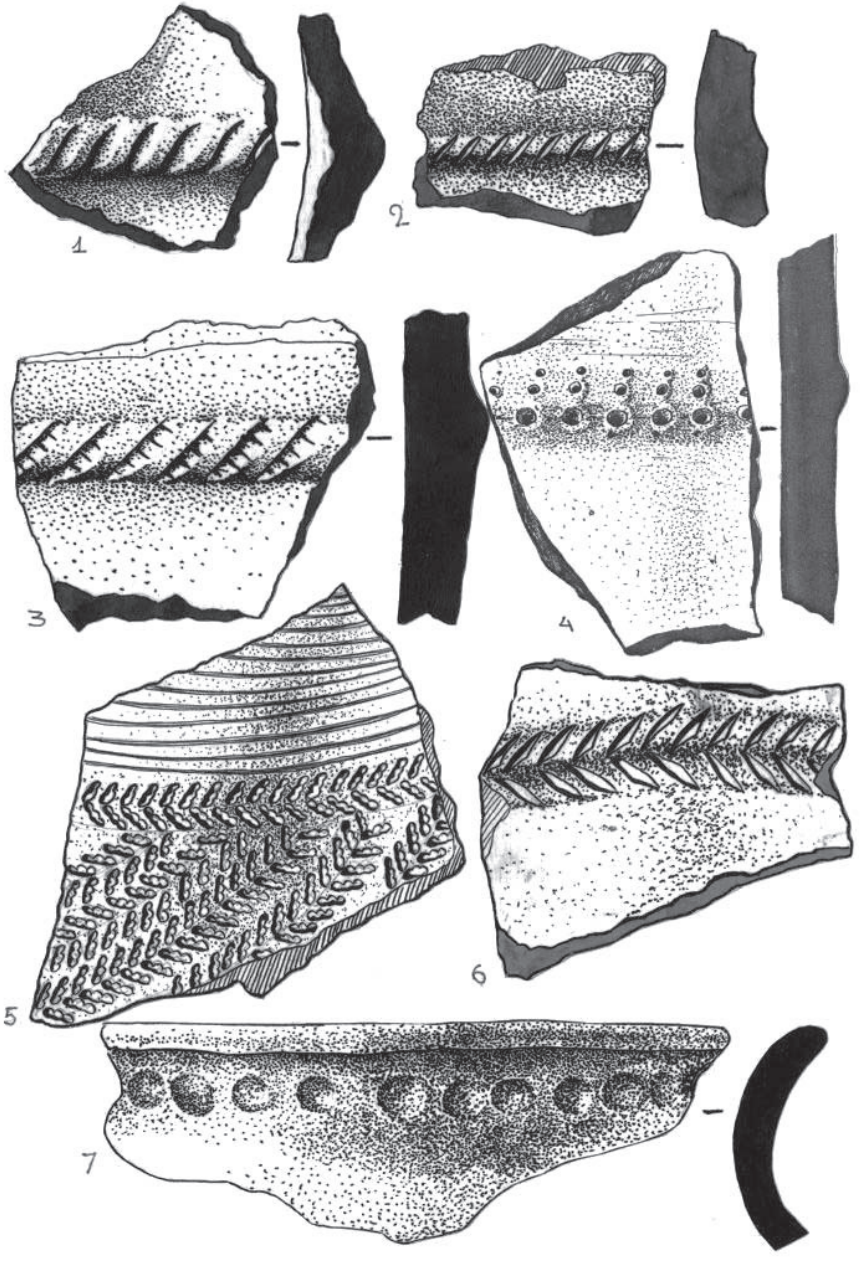
XXII

XXIII

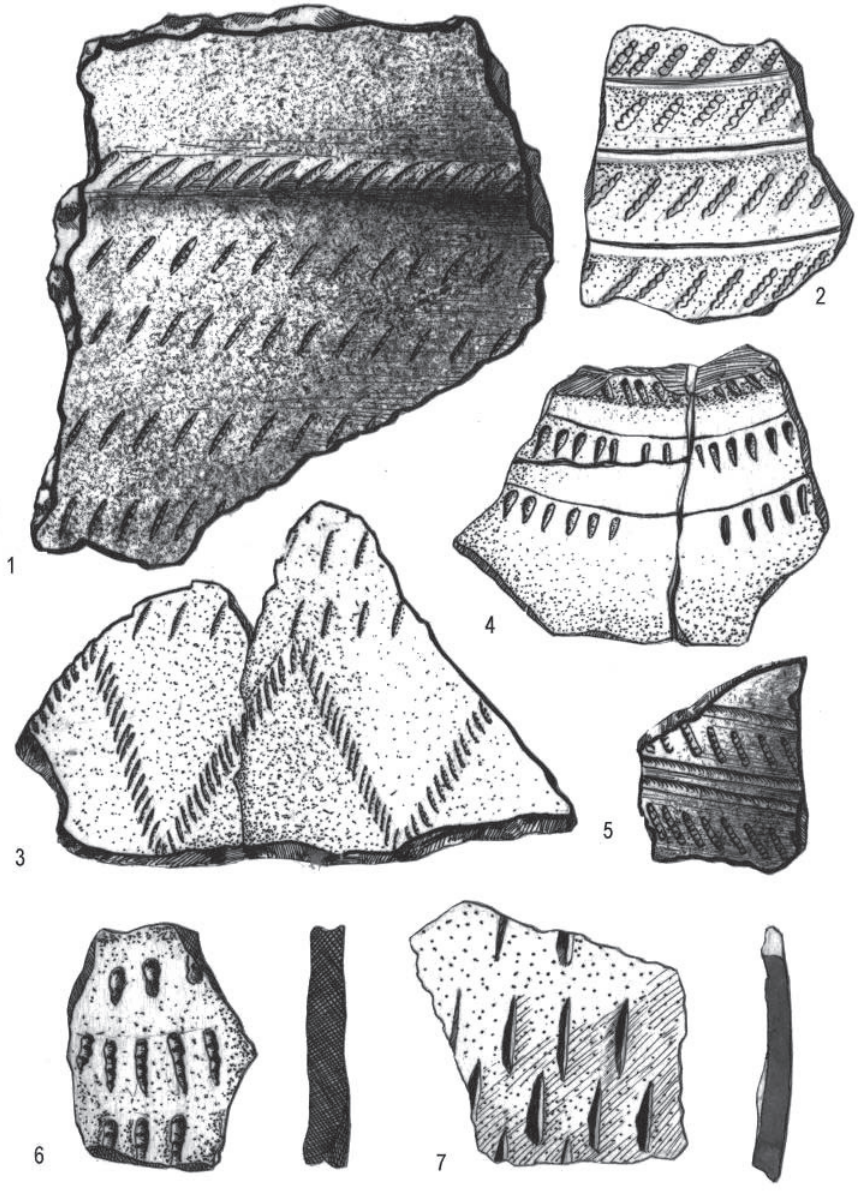
XXIV

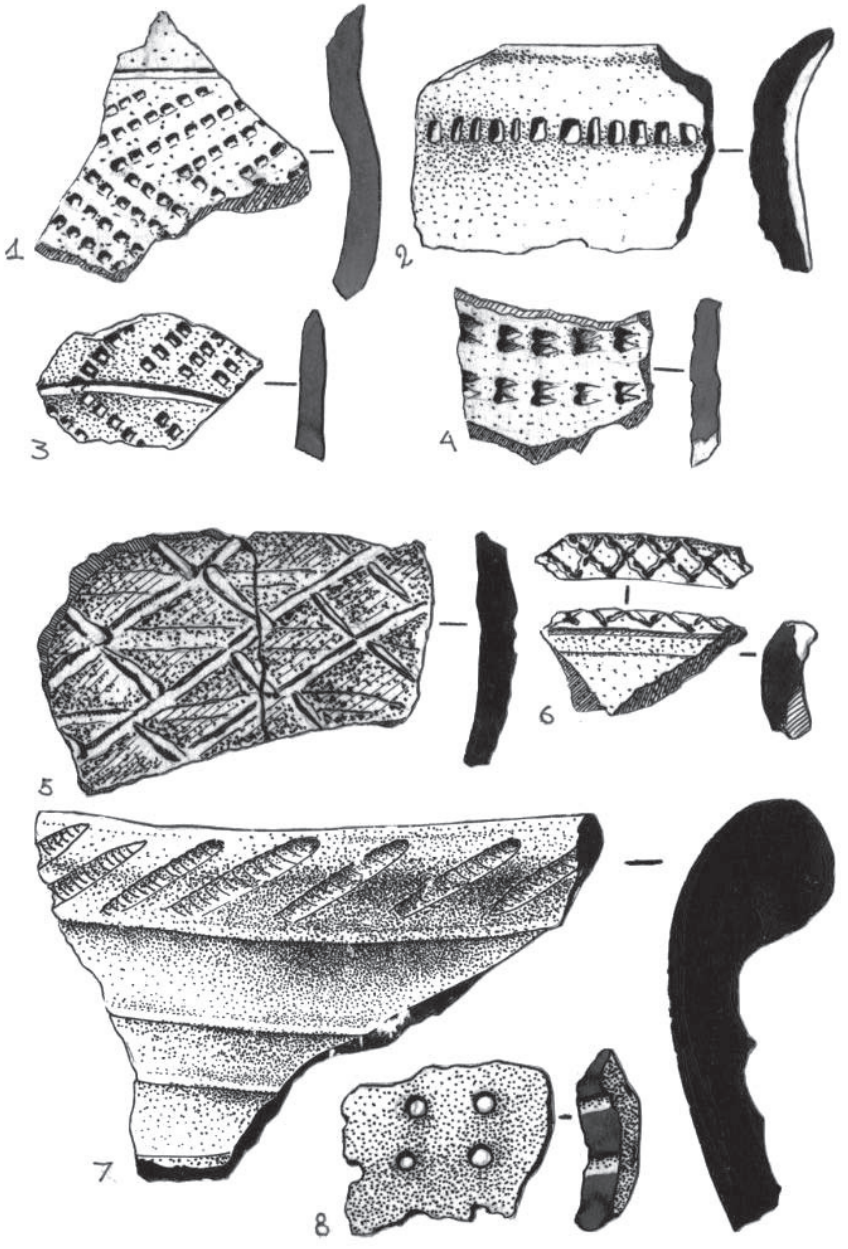
XXV

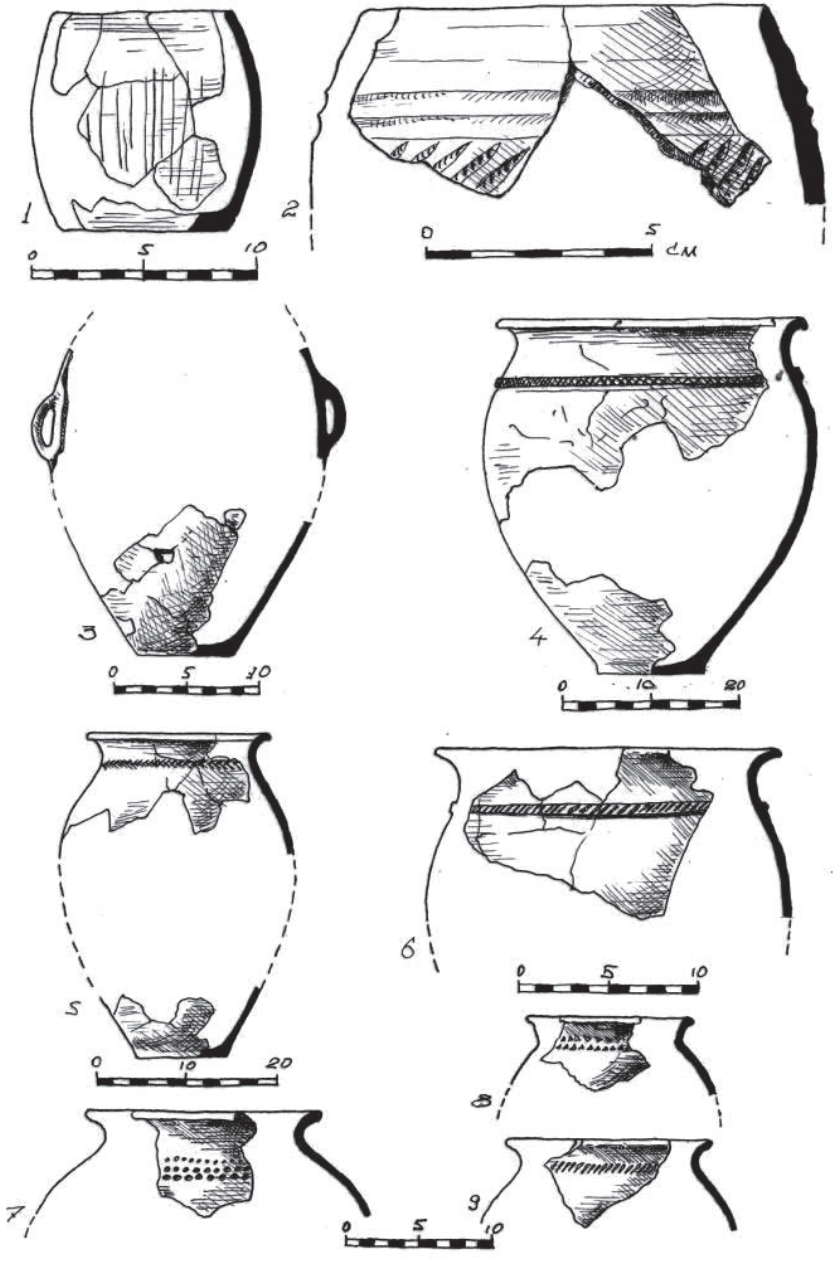
XXVI

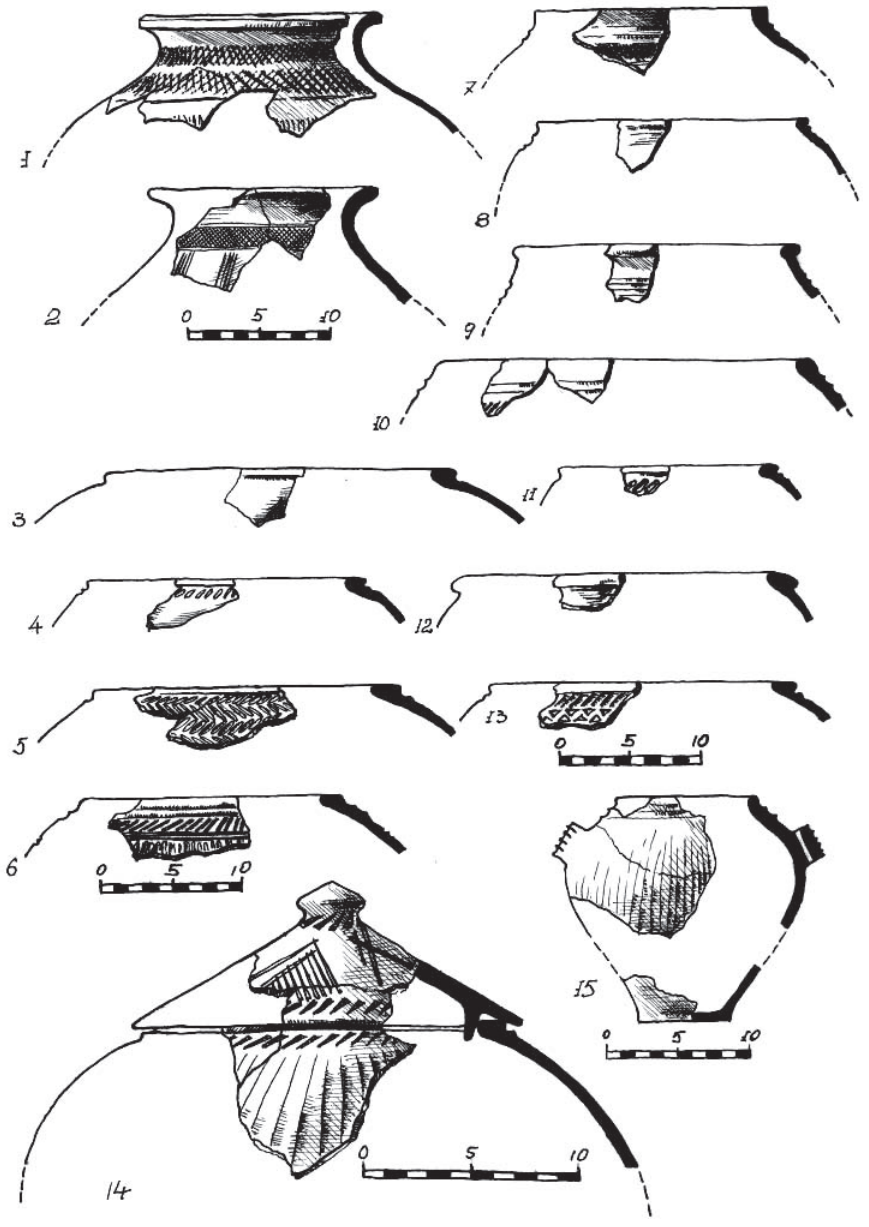
XXVII

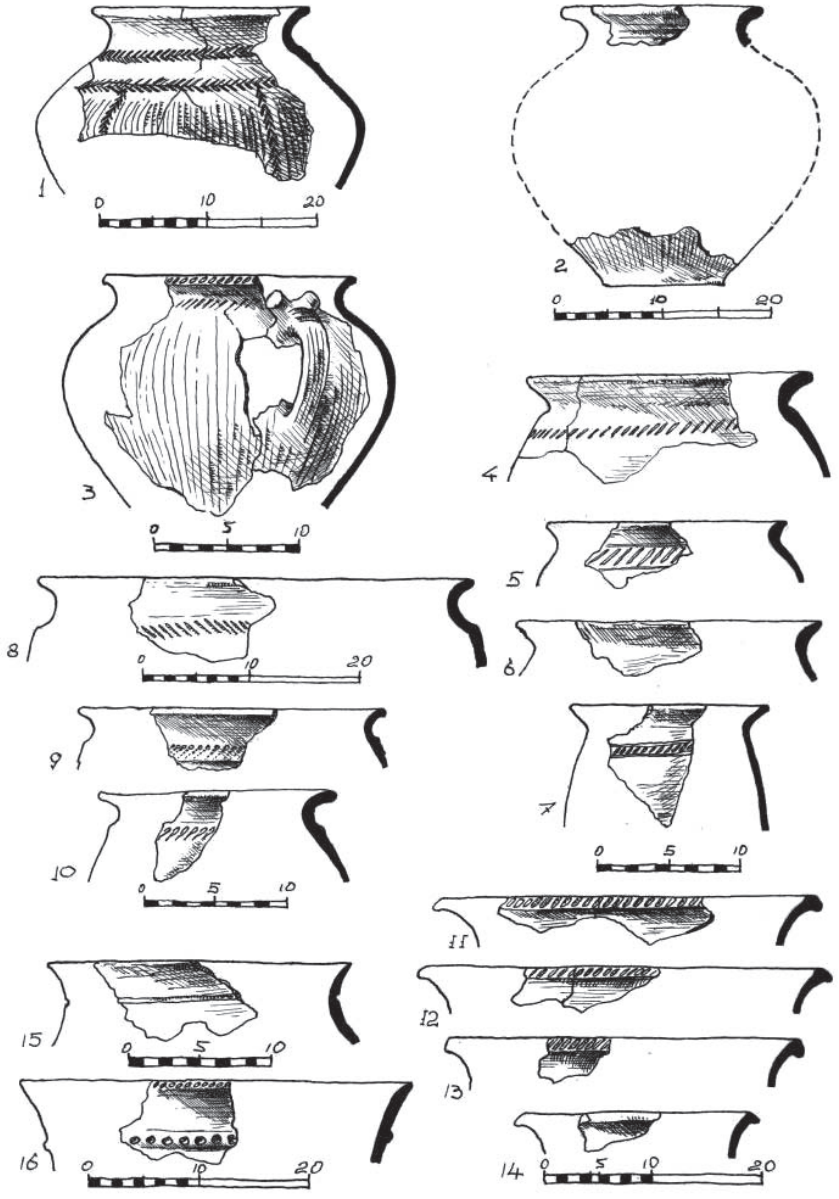
XXVIII

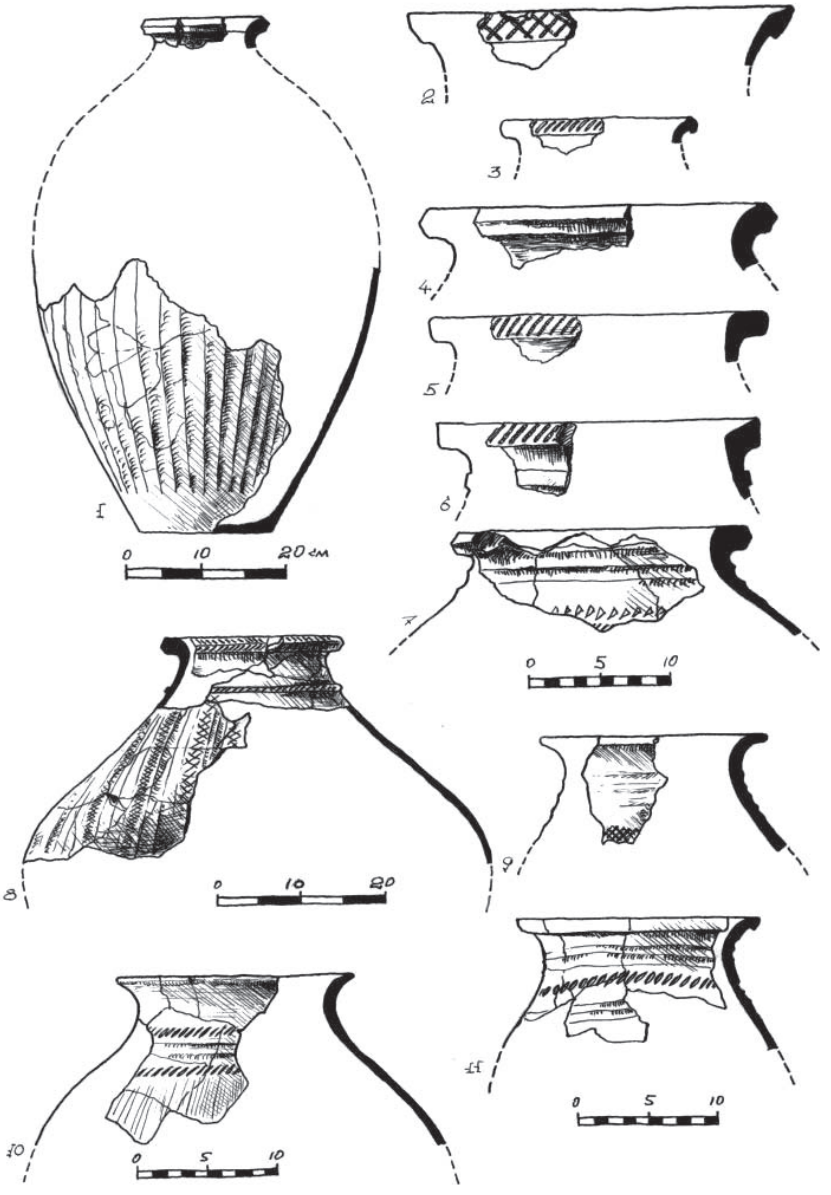
XXIX

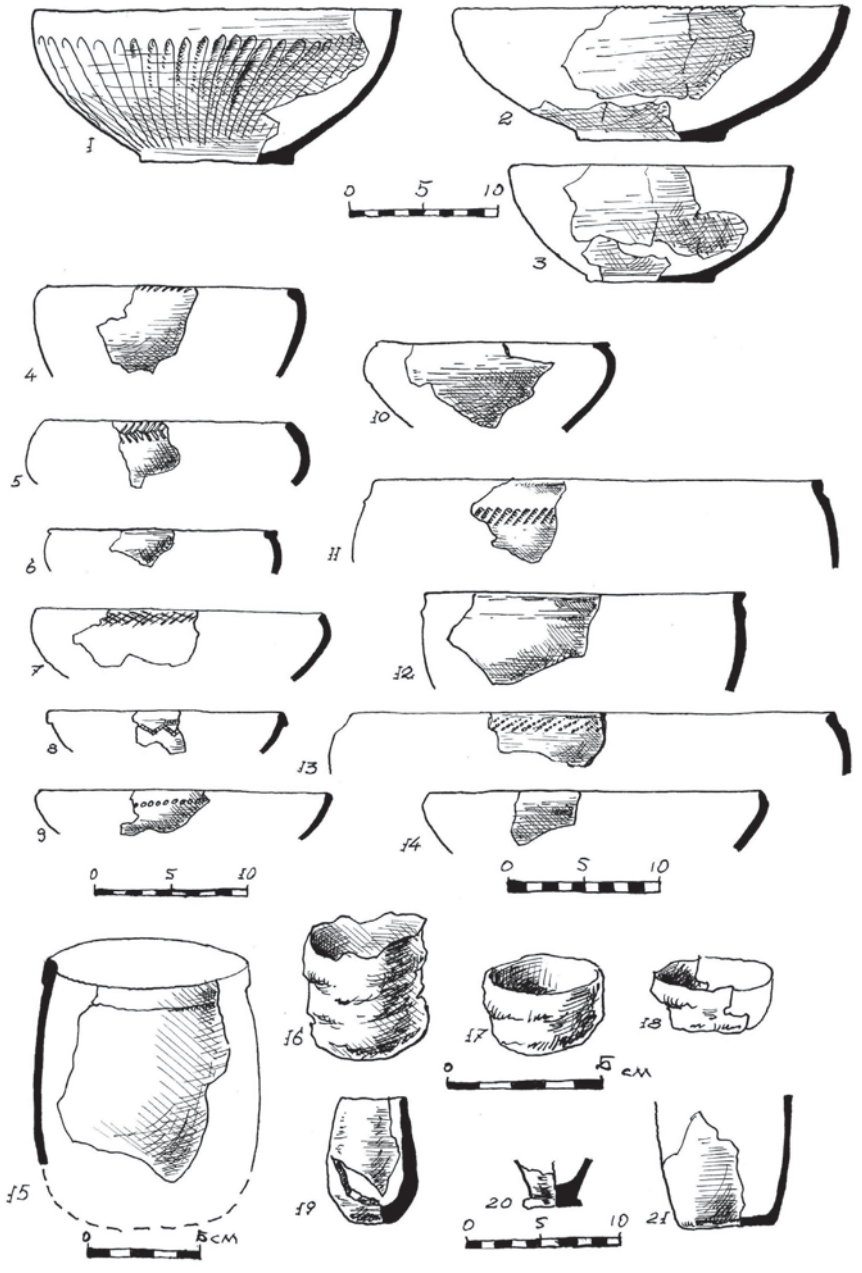
XXX

1
0 10 20
2
0 10 20
3
0 5 10
4
5
6
8
0 10 20
9
10
0 5 10
7
0 5 10
11
12
13
14
0 5 10 20
15
0 5 10
16
0 10 20

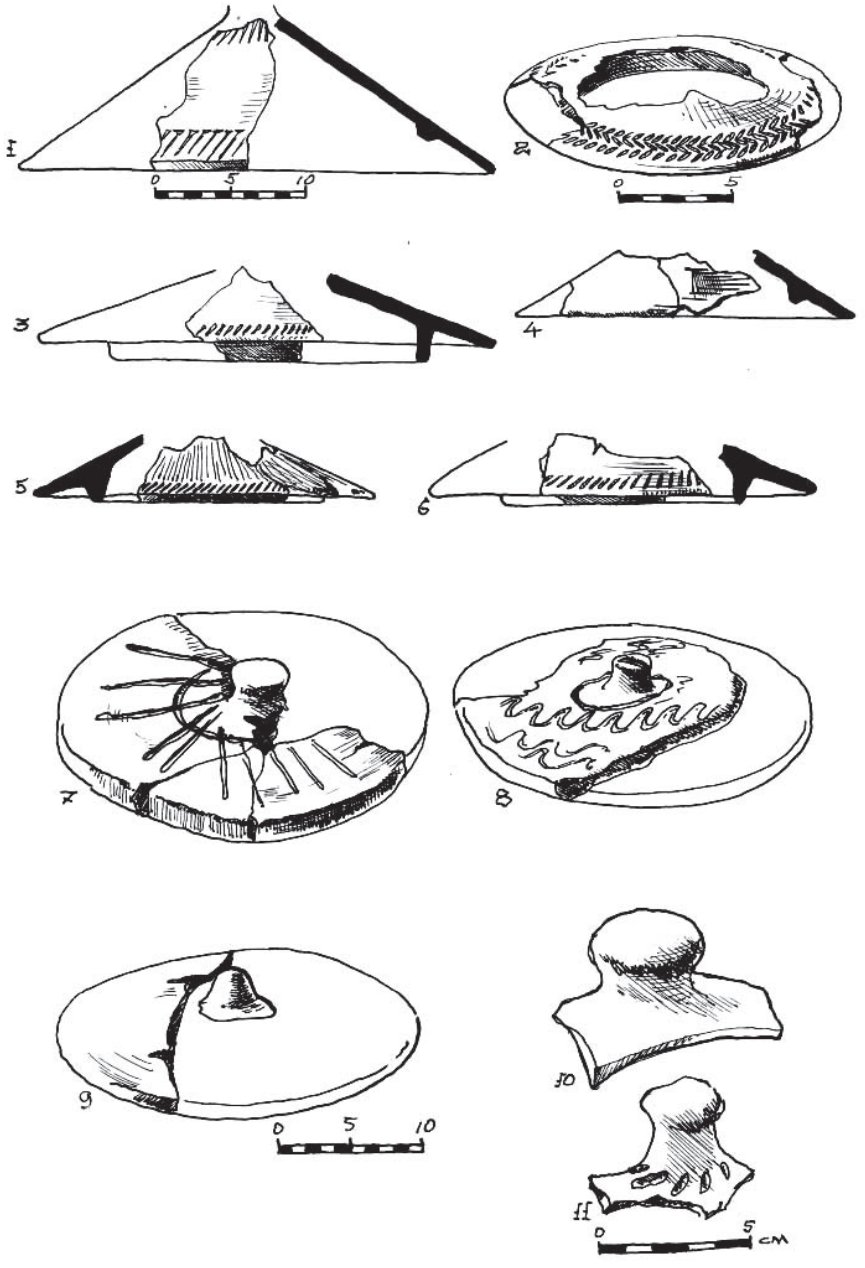
XXXI

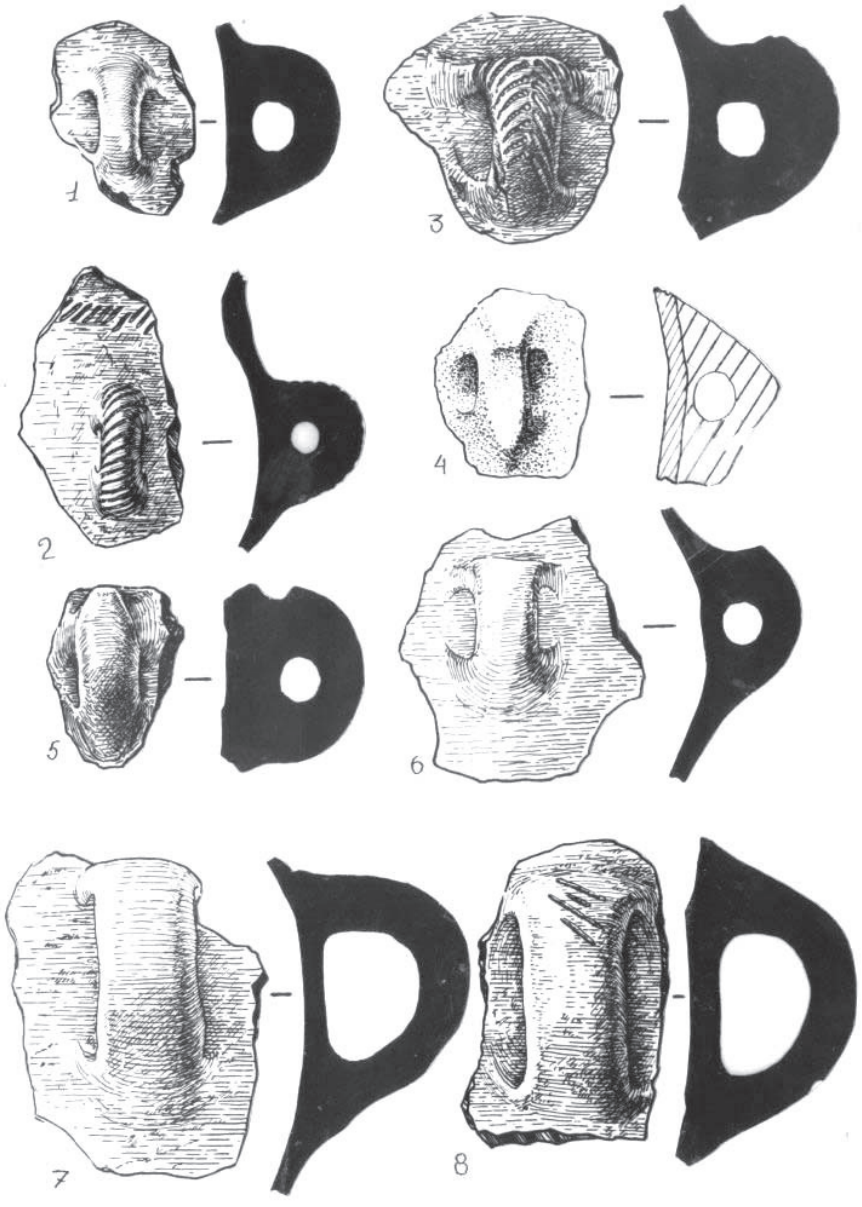
XXXII

1
2
0 5 10
3
4
10
5
11
6
7
12
8
13
9
14
0 5 10
0 5 10
15
16
17
18
0 5 см
19
20
0 5 10
21

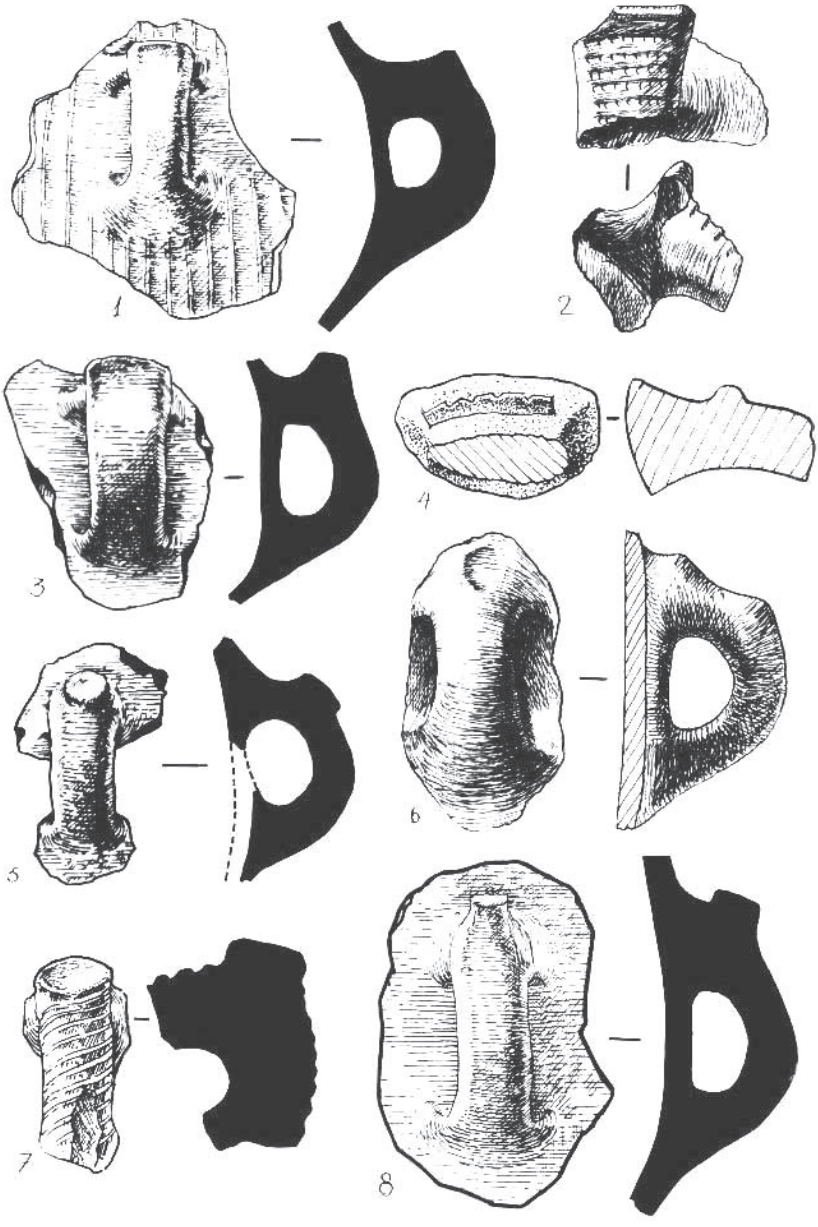
XXXIII

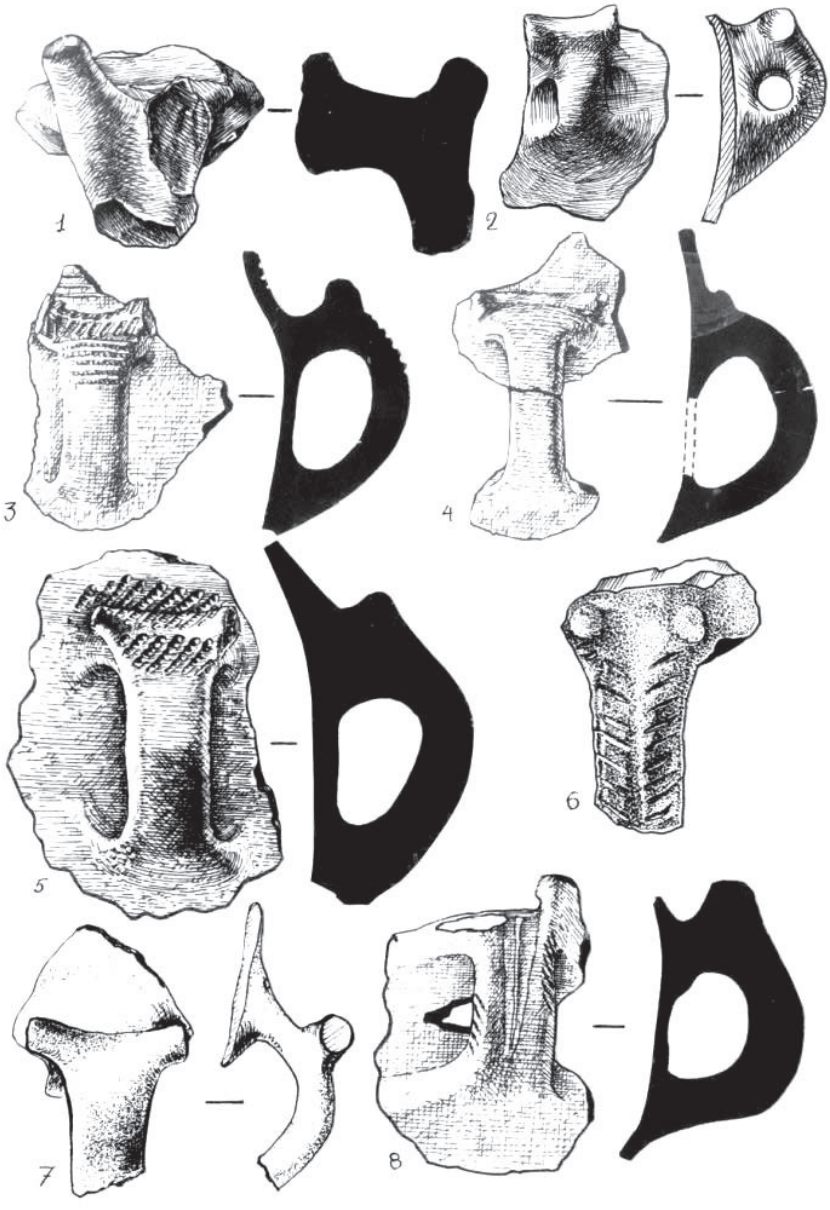
XXXIV

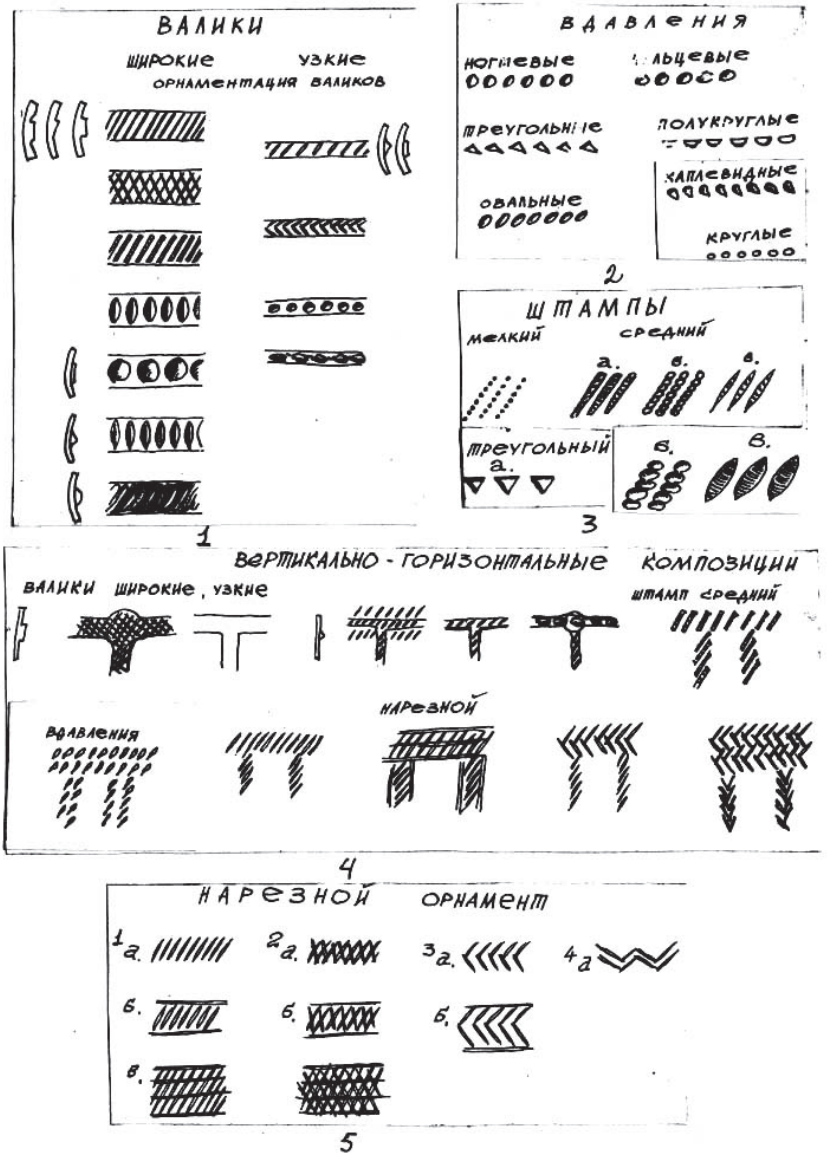
XXXV

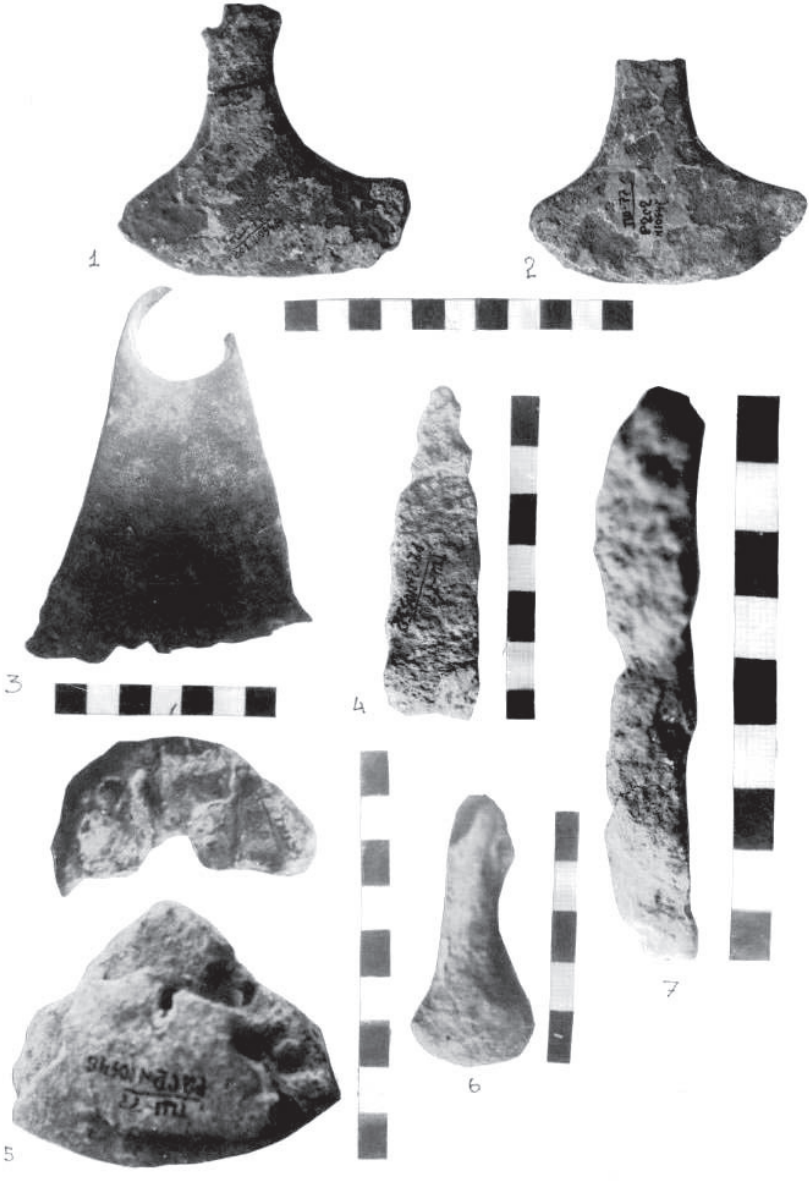
XXXVI

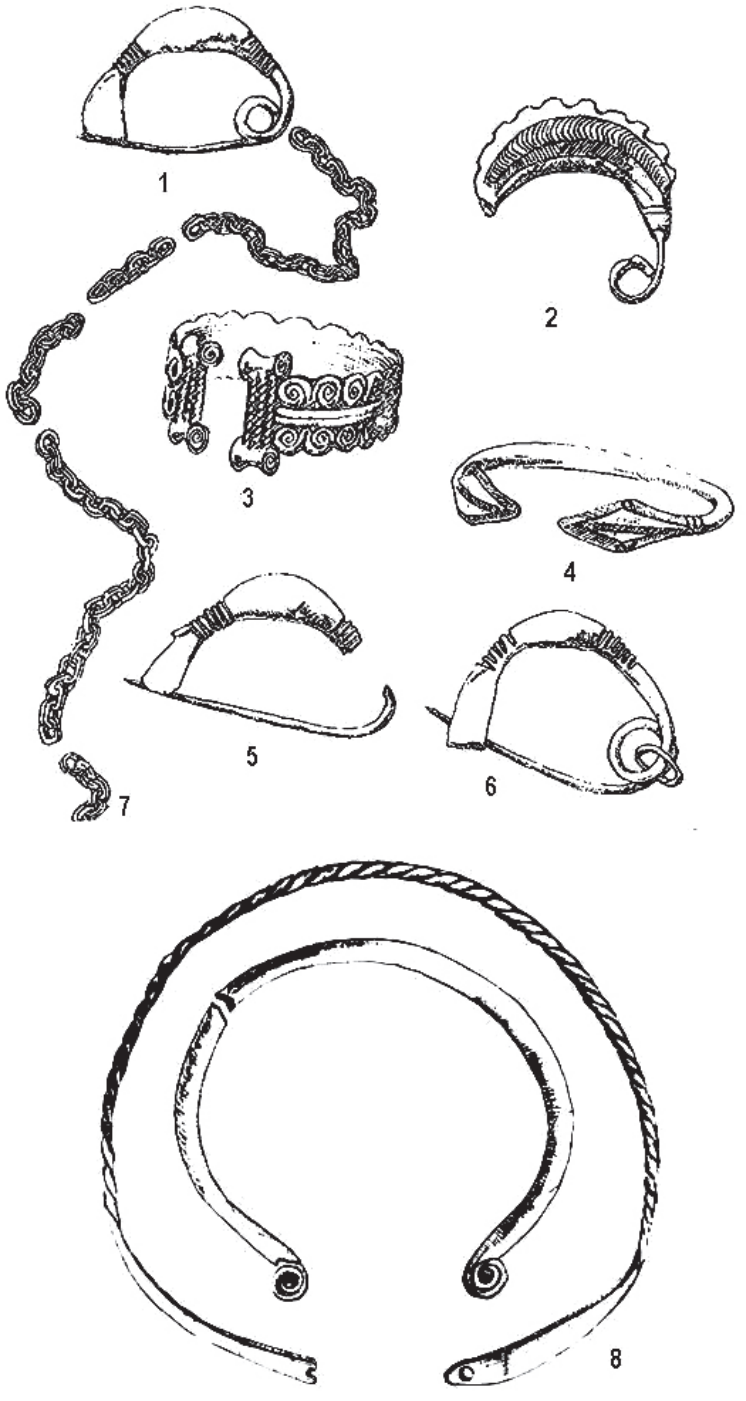
XXXVII

ВАЛИКИ
ШИРОКИЕ
УЗКИЕ
ОРНАМЕНТАЦИЯ ВАЛИКОВ
1
ВДАВЛЕНИЯ
НОГТЕВЫЕ
ПАЛЬЦЕВЫЕ
ТРЕУГОЛЬНЫЕ
ПОЛУКРУГЛЫЕ
ОВАЛЬНЫЕ
ЧАПЛЕВИДНЫЕ
КРУГЛЫЕ
2
ШТАМПЫ
МЕЛКИЙ
СРЕДНИЙ
а.
б.
в.
ТРЕУГОЛЬНЫЙ
3
ВЕРТИКАЛЬНО-ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ КОМПОЗИЦИИ
ВАЛИКИ ШИРОКИЕ, УЗКИЕ
ШТАМП СРЕДНИЙ
ВДАВЛЕНИЯ
НАРЕЗНОЙ
4
НАРЕЗНОЙ ОРНАМЕНТ
1а.
2а.
3а.
4а
б.
в.
5

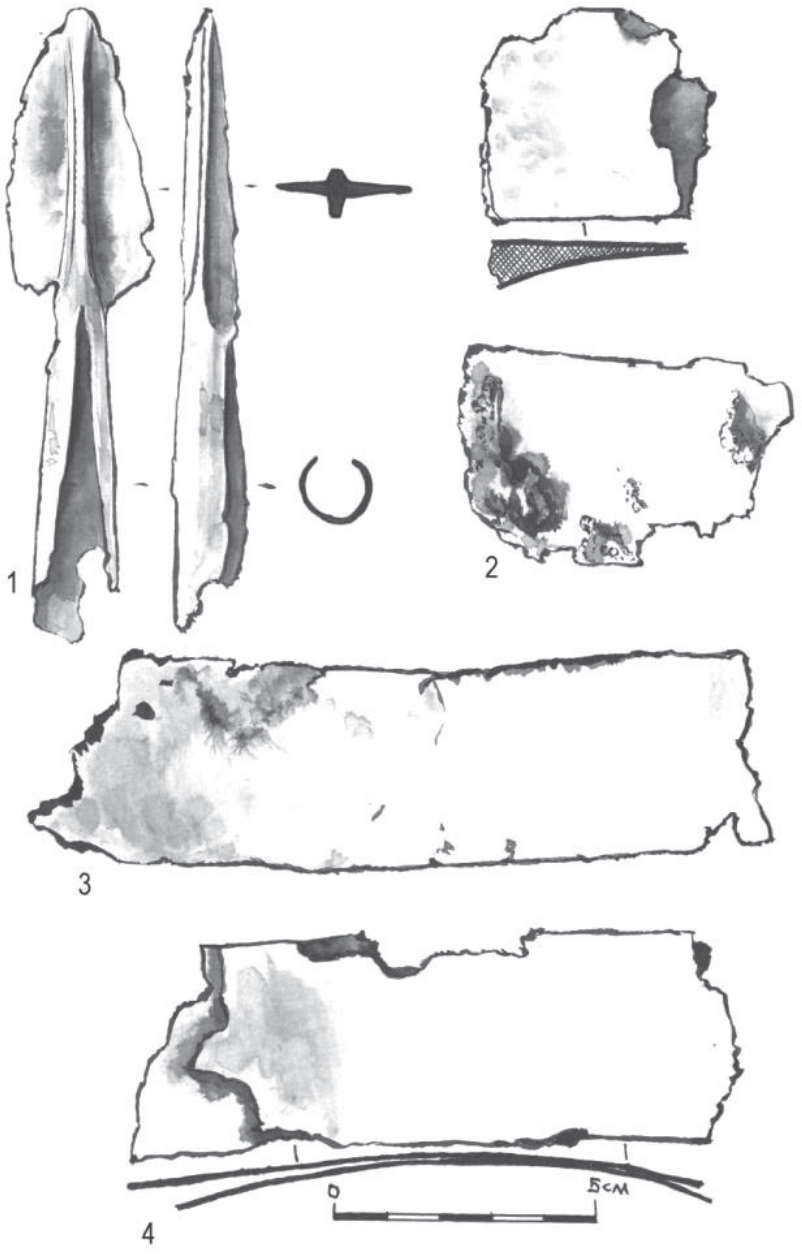
XXXVIII

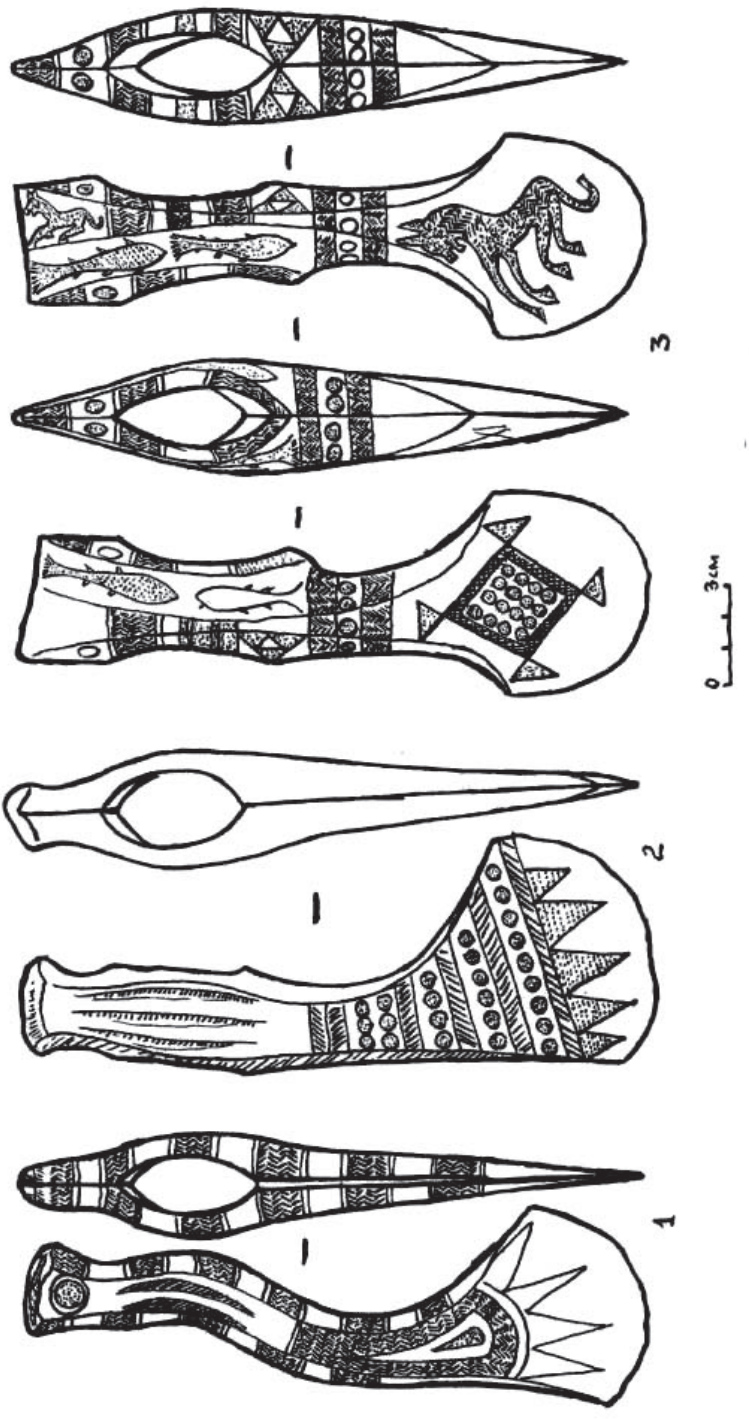
XXXIX

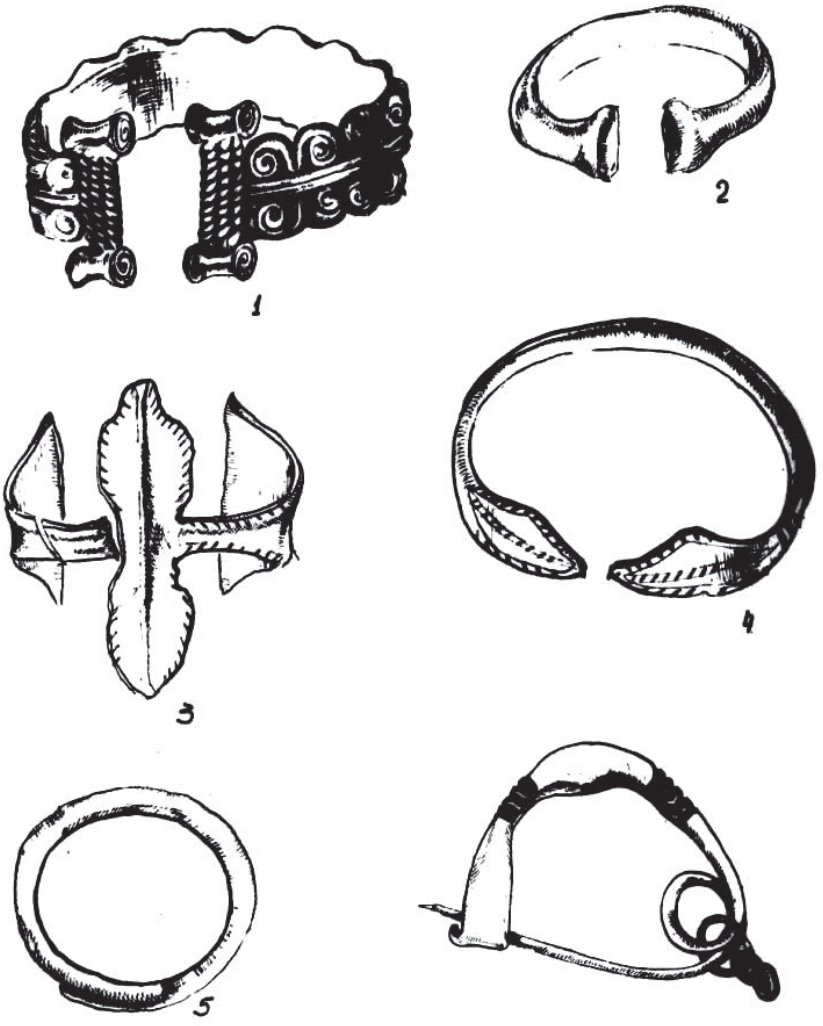
L

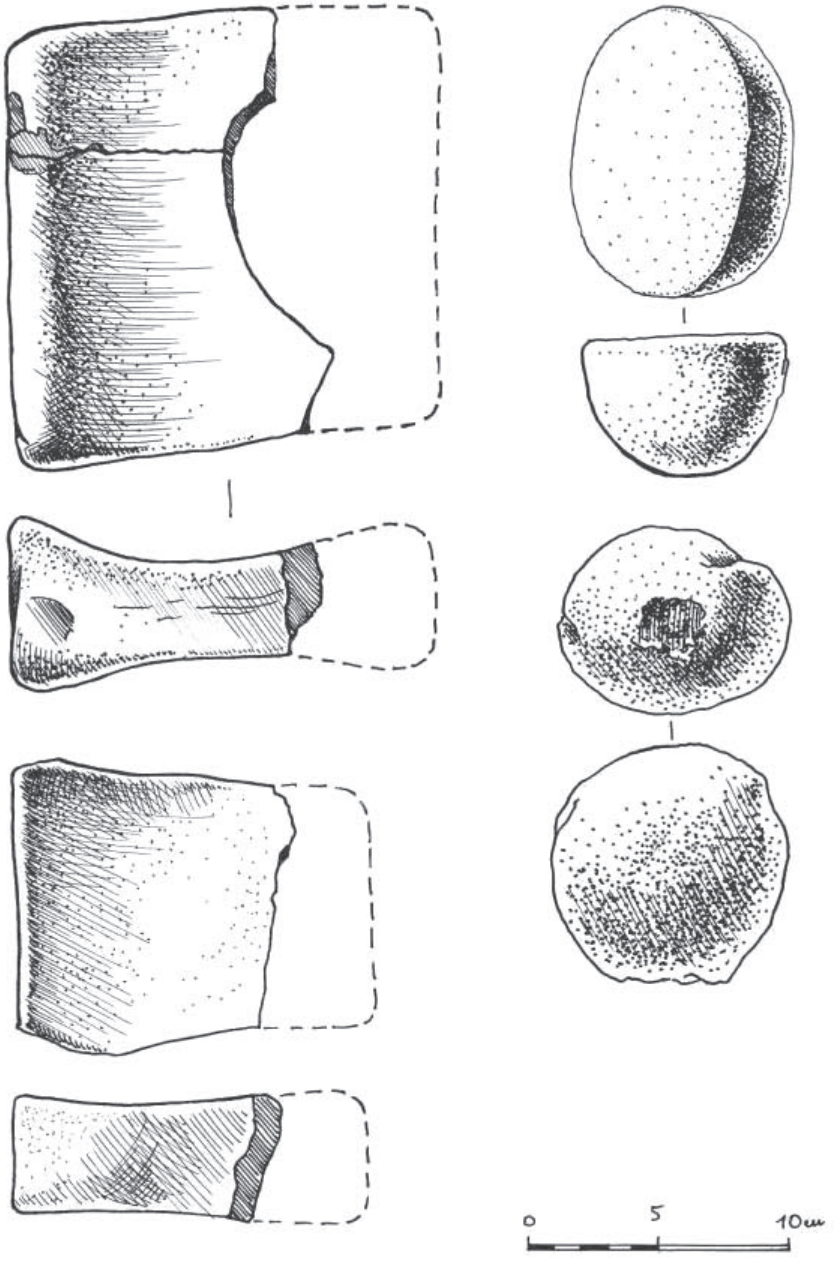
LI

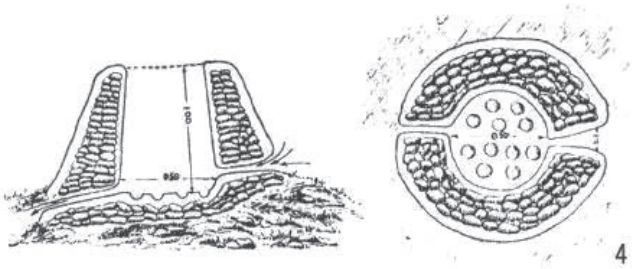
LII

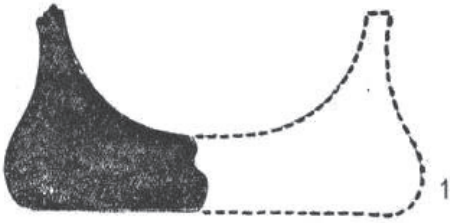

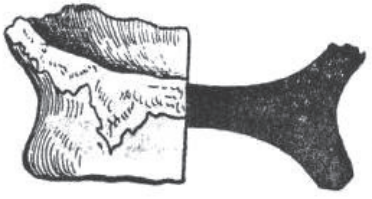
LIII

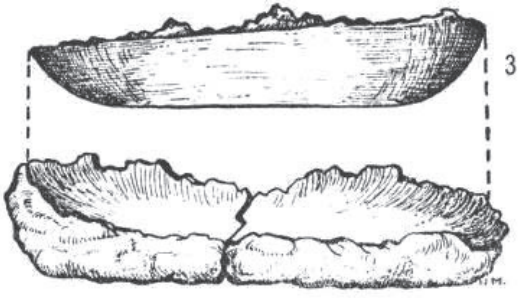

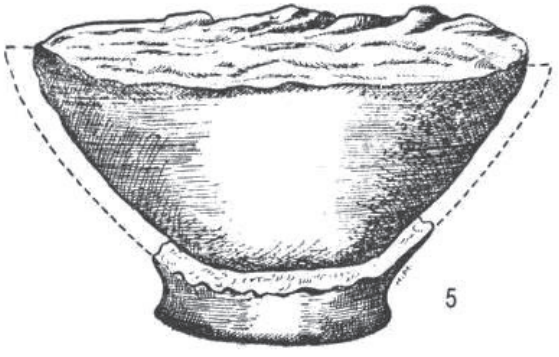
LIV

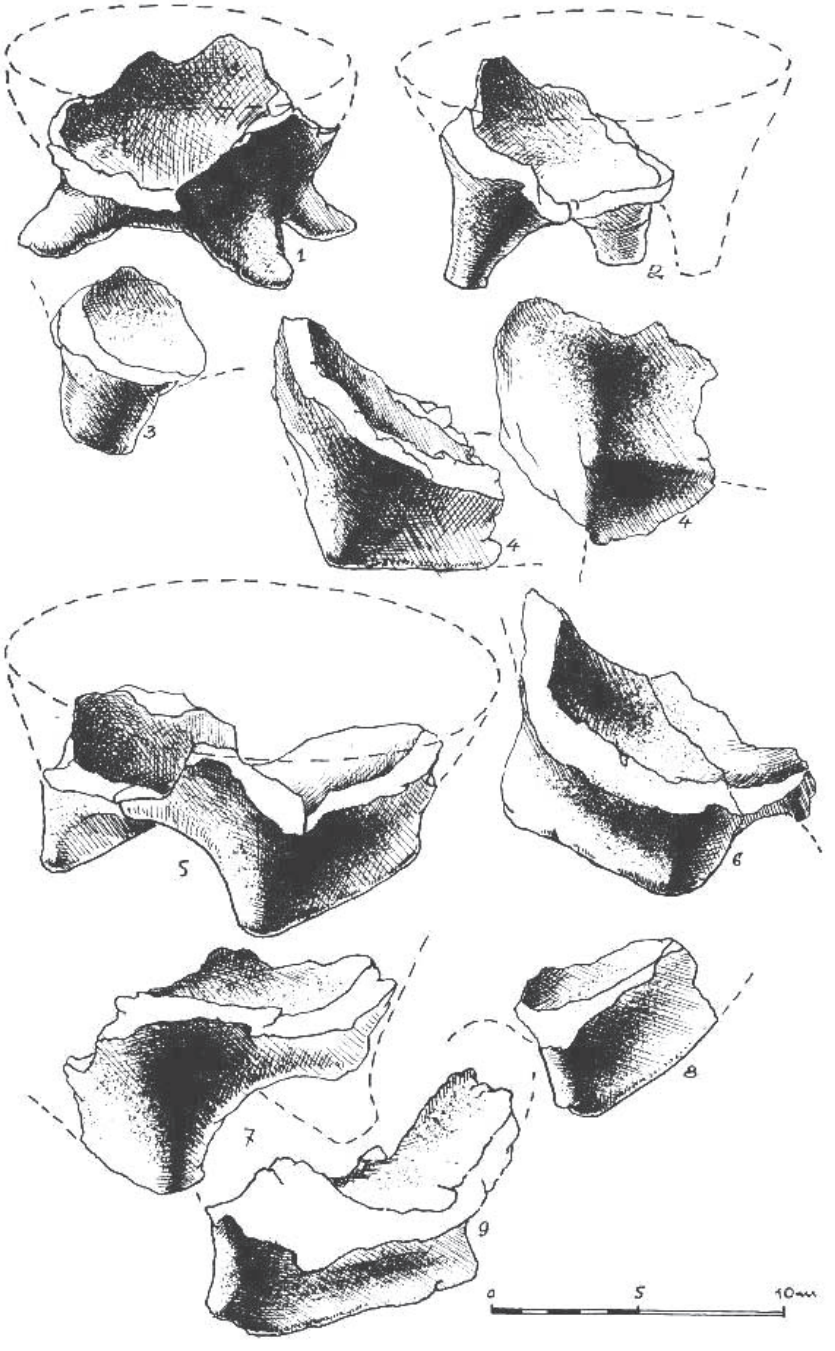

LV

Часть вторая

АБХАЗИЯ В РАННЕАТИЧНОЕ ВРЕМЯ

Глава I
ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ И АБХАЗИЯ. ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Колонизации, то есть организованные миграционные перемещения населения на иные территории, являются особым историческим феноменом, присущим большой части человеческой истории. История древнего мира знает ряд колонизационных движений, которые, несмотря на различие, имеют ряд общих и сходных черт. Колонизации всегда осуществлялись морским путем и ограничивались в основном прибрежными районами. В результате колонизации возникали поселения колонистов, которые, как правило, постепенно принимали вид городов-государств (полисов). Основанию городов-государств мог предшествовать период эпизодических торговых связей, которые устанавливались между аборигенами и иноземными торговцами. Колонизации, таким образом, предшествовал своего рода «эмпориальный период».

Иногда полисы перерастали в более крупные политические образования типа Боспорского царства с включением в них аборигенного населения. В политическом отношении полисы были в основном независимы от метрополии, несмотря на наличие между ними культурных и торговых связей. На начальном этапе полисы копировали социально-экономическую структуру метрополии, оказывая при этом существенное воздействие на развитие местных обществ, интенсифицируя и зачастую доводя до завершения процессы классообразования в них.

Колонизационный процесс состоит из трех последовательных стадий: выведение колонистов, основание полиса и последующие взаимоотношения между колонией и метрополией. Древнегреческое колонизационное движение в основном осуществлялось в форме вывода апокии – процесса, состоявшего из двух последовательных этапов: отправления колонистов и основания нового полиса.

Набор колонистов производился различным образом: при помощи жребия, посредством обязательного набора среди всего населения, но самым обычным способом был набор лиц,

добровольно пожелавших отправиться в колонию. Во главе колониальной экспедиции становился назначенный государством ойкист, обычно выбиравшийся из знатного рода.

Изучение феномена греческой колонизации является одной из разработанных проблем античной истории. На протяжении многих десятилетий он продолжает приковывать пристальное внимание исследователей. Этой проблеме посвящены десятки монографий, сотни специальных статей, проводятся симпозиумы, но до настоящего времени отсутствуют общепринятые взгляды на ее решение.

Впервые эта проблема была поднята любителями старины еще в XVIII веке, когда была сделана попытка выяснить причины и характер этого процесса. Только с середины XIX века появляются работы, в которых впервые были подвергнуты научному анализу сообщения древних авторов, что способствовало переходу антиковедения на качественно новую ступень. С этого периода начинаются подлинно научные исследования различных проблем древнегреческой колонизации. В дальнейшем, по мере поступления новых материалов и формирования комплексного подхода, помимо общих проблем греческой колонизации, объектом научных исследований становятся отдельные аспекты процесса.

С 80-х годов XIX века проблема греческой колонизации в науке получила качественно новое направление в трудах немецких исследователей Э. Майера и Ю. Белоха («торговая» и «аграрная» теории причин колонизации).

Крупнейший вклад в изучение древнегреческой колонизации внес Жорж Вале, который, опираясь на археологический материал из южной Италии и Сицилии, пришел к выводу, что еще до начала греческой колонизации существовали торговые отношения между греческими купцами и местными жителями. Лишь после этого началось переселение греков на новые земли, и стимулировала этот процесс торговля, т.е. из «аграрной» колонизации вытекала «торговая».

Уже со второй половины XIX века вопросы, связанные с древнегреческой колонизацией, становятся объектом изучения для русских исследователей. Русский историк Д.Д. Соколов посвятил свою работу Сицилии и Аттике эпохи «Великой греческой

колонизации»[233]. В середине 80-х годов выходит труд В.В. Латышева, в котором выдвинуто положение о том, что основной причиной начала греческой колонизации в Северном Причерноморье являлась торговля[234].

В 30-е годы XX столетия академик С.А. Жебелев отстаивает мнение о том, что основной причиной колонизации была необходимость налаживания новых экономических связей, вызванная нехваткой земли, поисками новых рынков сбыта товаров за пределами собственных земель, а также социальной борьбой[235].

В последующие годы изучение древнегреческой колонизации на значительно более высокую ступень развития подняли советские историки (Т.Н. Книпович, А.А. Иессен, В.Д. Гайдукевич, В.Д. Блаватский, Я.В. Доманский, И.Т. Кругликова, Г.А. Кошеленко, И.Б. Брашинский, А.И. Щеглов и др.)

Несомненно, что правильное представление о причинах и характере «Великой греческой колонизации» невозможно получить без комплексного рассмотрения всех сторон жизнедеятельности метрополии, – прежде всего, экономической ее взаимосвязи с демографическими, этническими и социально-политическими процессами. Это, в первую очередь, имеет отношение к самой знаменитой метрополии – Милету, где в предколонизационный период происходили важные изменения в социально-политическом, культурно-историческом развитии общества. Цели и характер греческой колонизации во всех случаях обуславливались конкретными ситуациями в метрополиях и колонизуемых районах. Как на Западе, так и в Причерноморье они были разнообразными, и именно в этом разнообразии усматривается единство процесса; они подчинялись общим закономерностям исторического развития

Понтийская колонизация в целом, как известно, была заключительным этапом «Великой греческой колонизации», и к этому времени греками был накоплен значительный опыт. Появле-

[233] **Шамба Г.К.** Абхазия в I тысячелетии до н. э. (по данным письменных и археологических источников). – Сухум, 2000, с. 158.

[234] **Латышев В.В.** Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. I, СПб, 1906.

[235] **Жебелев С.А.** Северное Причерноморье. М. – Л., 1953, с. 112.

ние греческих поселений на побережье Абхазии, несомненно, связано с общими процессами и представляет собой одно из звеньев этого процесса.

Историческая оценка проблемы греческой колонизации Северо-Восточного Причерноморья (Абхазии) до сих пор остается чрезвычайно сложным и узловым вопросом древней истории края, по которому еще не выработано единого мнения. При этом, благодаря письменным источникам и результатам археологических раскопок, факт присутствия греков признается всеми исследователями. Исключительная скудность письменных источников и малочисленность эпиграфических памятников привели к появлению различных мнений о характере греческой колонизации Северо-Восточного Причерноморья.

Проблема греческой колонизации Абхазии является предметом обсуждения для многих поколений исследователей. Одним из первых ее осветил Фредерик Дюбуа де Монпере в своей работе «Путешествие вокруг Кавказа», где он пишет о Диокуриаде, Гюэносе и других городах Кавказского Причерноморья, отнеся их к типичным греческим колониям.

О греческой колонизации Абхазского Причерноморья писали В.И. Чернявский, В.И. Сизов, К.Д. Мачавариани, А.А. Миллер, А.С. Кудрявцев, М.М. Башкиров, М.М. Иващенко, А.А. Фадеев и др.

В изучение вопросов греческой колонизации Абхазии большой вклад внес Л.Н.Соловьев, исследовавший большую группу памятников[236].

Греческой колонизации Абхазии уделено значительное внимание в работах З.В. Анчабадзе. Он считает, что колонизация Северо-Восточного Причерноморья явилась одним из этапов широкого колонизационного движения VIII–VI вв. до н.э. Диоскуриада, по его мнению, возникла на базе местного ремесленно-земледельческого поселения, т.е. время возникновения греческих колоний в Колхиде (и в Абхазии) совпало с существованием здесь государственного образования.

В изучении данной проблемы велика заслуга абхазского археолога М.М. Трапш[237], который возникновение греческих горо-

[236] **Соловьев Л.Н.** Следы древнего соляного промысла близ г. Сухума и г. Очамчира. Труды АГМ, вып. 1, Сухуми, 1947, с. 99–134.

[237] **Трапш М.М.** Древний Сухуми. Труды, т. II, Сухуми, 1969, с. 209–219.

дов в Абхазии рассматривает как итог исторического развития античных государств. Греки основывали свои колонии там, где имелись соответствующие природные условия для развития хозяйства и ремесла, т.е. на базе поселений. Местное население, уже подготовленное к городской жизни, было, по его мнению, заинтересовано в возникновении греческих городов и именно ему принадлежала решающая роль в их основании. Такая ситуация приводила к преобладанию местного элемента в городах. В этом, как считает М.М. Трапш, и состояло своеобразие развития городов Восточного Причерноморья.

Таким образом, по мнению М.М. Трапш, к моменту начала греческой колонизации местное население представляло собой общество с высокоразвитой экономикой и культурой.

М.П. Инадзе, посвятившая проблеме греческой колонизации ряд статей и монографию, также считает, что ко времени прихода греков местное население Восточного Причерноморья прошло длинный путь общественного развития и вполне было подготовлено для городской жизни. Поэтому основанные здесь греческие поселения не развились в типичные колонии и приняли своеобразный характер. Возникнув при местных ремесленно-земледельческих центрах, греческие поселения вместе с ними превратились в города со смешанным населением и специфическими чертами городской организации[238].

Проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья посвящены многочисленные работы О.Д. Лордкипанидзе. На основе археологических данных из предполагаемого окружения греческих поселений он считает, что греческие поселения в Колхиде представляют собой эмпории, основанные при крупных местных поселениях городского типа. Они сыграли важную роль в развитии торгово-экономических связей Колхиды с античным миром, но «не принесли сложных эллинистических форм политической и социальной организации. Не было создано здесь не только настоящей античной культуры, хотя бы с превалирующим греческим обликом, столь обязательным при широких масштабах колонизации, но не ощущается

[238] **Инадзе М.П.** Греческая колонизация Восточного Причерноморья. Тб.,1982, с. 142–158.

сколько-нибудь заметной эллинизации местного населения»[239].

Другой грузинский исследователь Г.А. Лордкипанидзе считает, что греки селились в местных приморских торгово-экономических центрах, возникших еще в конце позднебронзовой эпохи, и население этих центров действительно было смешанным, но ведущую экономико-политическую роль играли греки-поселенцы[240]. Далее автор заключает, что греческие поселения, возникшие в Колхиде в период «Великой греческой колонизации», представляли собой полисы и значительные очаги греческой культуры, о чем свидетельствуют обширный импорт из Пичвнарского и Эшерского городищ, ремесленные изделия Диоскурии. Опровергая столь категорическое заключение, О.Д. Лордкипанидзе считает, что «весьма обширный импорт из Пичвнарского и Эшерского городищ может служить лишь подтверждением интенсивных торговых связей греков с Колхидой, но никак не свидетельствует о полисной организации греческих поселений, возникших здесь». Более того, весь этот импорт он связывает с торгово-экономической активностью Афин.

Вопроса греческой колонизации Восточного Причерноморья касается и А.Ю. Кахидзе. Он считает, что данный регион был втянут в сферу торгово-экономических отношений еще в конце VII в. до н.э. По его мнению, в начальный период основную роль здесь играли ионийские города и на первых порах обмен между греками и аборигенами носил натуральный характер[241].

Образованию городов и городской жизни на Восточном Причерноморье посвятила целый ряд своих работ А.И. Болтунова. Она считает, что греки обосновывались в поселениях местных племен, создавали мелкие фактории, частично вытесняли и порабощали местное население, захватывали близлежащие участки земли, превращая их в эмпории или эллинские города-поселения. Далее, с момента своего пребывания в Колхиде, греческие поселенцы занимались сельским хозяйством, ры-

[239] **Лордкипанидзе О.Д.** Античный мир и Колхида. Тб., 1961, с. 158.

[240] **Лордкипанидзе Г.А.** Древняя Колхида в VI–II вв. до н.э. Тб., 1978, с. 136–140.

[241] **Кахидзе А.Ю.** Города Причерноморья Грузии в античную эпоху. Тб., 1971, с. 317–318.

боловством и другими промыслами, а главное – торговлей[242]. Говоря о взаимоотношениях Диоскуриады и Колхидского царства, Болтунова отмечает, что «если колхидское царство и существовало, то в VI–V вв. до н.э. в его пределы, во всяком случае, не входила та территория, которую занимала Диоскуриада и ее хора».

Ю.Н. Воронов в своих многочисленных работах не раз касался проблемы греческой колонизации Восточного Причерноморья. Он считал, что города Колхиды являлись продуктом колонизации и по своему социально-экономическому, культурному и этническому облику мало отличались от греческих поселений в других районах Причерноморья. По его мнению, в предантичную эпоху окрестности Диоскуриады переживают относительный упадок и только в конце VI–V вв. до н.э. начался экономический подъем, связанный с возникновением греческих колоний[243].

Исследователь многочисленных античных памятников Абхазии Г.К. Шамба считает, что «по всему Восточному Причерноморью раннегреческие поселения возникли почти рядом с морским берегом (Диоскурия, Гюэнос, Пичвнари) или подальше от него (Эшера, Симагре). Во всех случаях они располагались близ аборигенных поселений и районов, богатых природными ресурсами, чтобы заниматься хозяйством, торговлей...»[244]. Он считает, что, несмотря на мирный характер взаимоотношений между аборигенами и греками, последние пытались оградить себя оборонительными сооружениями.

Таким образом, к настоящему времени высказаны следующие точки зрения относительно социально-экономического, культурного и этнического облика восточно-причерноморских городов в VI–V вв. до н.э.: 1) поселения городского типа появились в Колхиде задолго до прихода сюда греков и независимо

[242] **Болтунова А.И.** Эллинские апокии и местное население Колхиды. – В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тб., 1977, с. 256–273.

[243] **Воронов Ю.Н.** Античный мир и Северная Колхида. – В кн.: Проблемы античной истории и культуры (доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран). Ереван, 1979, с. 279.

[244] **Шамба Г.К.** Абхазия в I тысячелетии до н.э. (по данным письменных и археологических источников). Сухум, 2000, с. 174.

от них и затем, на протяжении всей своей дальнейшей истории, оставались не греческими, а в первую очередь колхскими; 2) восточно-причерноморские города возникли на базе крупных местных населенных пунктов позднебронзовой эпохи под воздействием греков и с самого начала имели «смешанное» грекоместное население и лишь некоторые черты самоуправления; 3) греческие поселения Колхиды представляли собой фактории без собственной экономической базы и располагались в качестве кварталов при местных городах; 4) античные города Колхиды являлись продуктом греческой колонизации и по своему социально-экономическому, культурному и этическому облику мало отличались от греческих поселений в других районах Причерноморья.

До настоящего времени дискуссионным является вопрос об этапах проникновения греков на Восточное Причерноморье и первых контактах населения древней Колхиды (Абхазии) с ними. По мнению многих исследователей, ссылающихся при этом на миф об аргонавтах, доколонизационные связи греческого мира с местным населением Колхиды начались еще в ахейскую эпоху. Однако в последнее время все чаще высказывается справедливое сомнение в столь ранней датировке этого мифа в его кавказской части, так как первые контакты восточно-причерноморских племен с греческим миром, как указывают археологические материалы, не могут быть датированы временем раннее VIII–VII вв. до н.э.[245] Единственным археологическим аргументом в пользу древнейших морских связей Колхиды с ахейской Грецией до недавнего времени считались бронзовые фибулы так называемого «субмикенского» типа. Однако Ю.Н. Вороновым было доказано, что кавказские дуговидные фибулы относятся к северо-восточной ветви средиземноморских фибул, получивших распространение на Кавказе в предскифское и раннескифское время в VIII–VI вв. до н.э. Следовательно, колхидо-кобанские бронзовые фибулы сегодня не могут быть использованы для решения вопроса о колхидо-греческих контактах ранее VIII в. до н.э. Помимо упомянутых фибул, среди восточно-причерноморских памятников выделяется

[245] **Цецхладзе Г.Р.** Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги изучения (VI – начало V вв. до н.э.). – ВДИ, 1947, №2, с. 101.

серия изделий, которые подтверждают возможность более или менее регулярных контактов местного населения с греческим миром, начиная с VIII в. до н.э. Это зооморфные пластинчатые фибулы, амулеты в форме стержней, украшенных гроздью грибовидных выступов, колокольчики с вертикальным рифлением, железные сошники, лемеховидные мотыги и виноградные инструменты-флаксы[246]. Эти археологические факты в сочетании с данными письменных источников об основании ряда греческих городов в Южном Причерноморье на пути к Колхиде в VIII–VII вв. до н.э., как представляется, достаточны для иллюстрации факта доколонизационных контактов греков с населением Восточного Причерноморья за 1–2 столетия до момента появления здесь апокии.

Для изучения греческой колонизации в каждом конкретном регионе, особенно на начальном ее этапе, важное значение имеет определение демографической и экологической ситуаций в колонизуемых греками областях. Демографическая ситуация часто влияла на ход греческой колонизации, во многом определяя экономическую ориентацию колонистов в каждом конкретном регионе, особенно на начальном этапе колонизации. В связи с этим важное значение имеет определение демографической и экологической ситуаций в колонизуемых греками областях; сравнение этих ситуаций на северном и восточном побережьях Черного моря дает интересную картину и во многом поясняет разнообразие хода греческой колонизации.

Так, Днепро-Бугский район, ставший местом наиболее ранних и активных проявлений колонизационной деятельности, стал весьма благоприятным для освоения греками, т.к. там почти полностью отсутствовало оседлое население и греки с самого начала получили возможность свободного использования земельного пространства и развития сельского хозяйства. Такая же ситуация способствовала массовой колонизации Восточного Крыма и Таманского полуострова и быстрому возникновению таких колоний, как Пантикапей, Нимфей, Феодосия, Мирмекия и др.

В иных условиях проходило основание дорийско-гераклейской колонии Херсонеса, где, по мнению исследователей, про-

[246] **Шеглов А.Н.** Северо-Западный Крым в античную эпоху. – Л., 1978, с. 35.

исходил насильственный захват территории с вытеснением или порабощением аборигенного населения.

Таким образом, по всей территории Северного Причерноморья демографическая ситуация характеризуется почти полным отсутствием оседлого земледельческого населения и сколько-нибудь значительной политической силы.

Как считает грузинский ученый О.Д. Лордкипанидзе, в совершенно иной ситуации проходила греческая колонизация на Восточном побережье Черного моря. Здесь, по его мнению, осуществляется непрерывный процесс развития местного населения, создавшего блестящую материальную культуру; по всей приморской полосе фиксируется его занятие земледелием и ремеслом, но при этом, в отличие от Северного Причерноморья, не происходит широкого освоения греками земельного пространства, организации полисов с производящей экономикой.

Таким образом, в литературе укоренилась мысль о том, что поселения аборигенов, выявленные в окрестностях Сухумской бухты, на берегах которой локализуется Диоскуриада, еще в доантичный период отмечались «особенно заметной концентрацией» и уже складывались в крупный ремесленный и торговый город[247]. В соответствии с этим делается вывод, что греческое поселение в Диоскуриаде представляло собой первоначально якобы эмпорий, основанный при крупном местном поселении городского типа.

Для решения вопроса о демографической ситуации в окрестностях Диоскуриады должны быть использованы два момента. Первый, картографический, основан на сопоставлении данных о количестве поселений в окрестностях Сухумской бухты. Второй момент основан на подсчете погребений, выявленных к настоящему времени в окрестностях Сухумской бухты.

Однако исследователи, используя эти аргументы, приходят к противоположным мнениям. Так, в противовес большой группе исследователей, Ю.Н. Воронов считает, что в середине VI–V вв. до н.э. количество аборигенных поселении в окрестностях Сухумской бухты удваивается, и этот серьезный демографический сдвиг рассматривается как результат воздействия на окружаю-

[247] **Лордкипанидзе О.Д.** Античный мир и Восточное Причерноморье (Колхида, Иберия). Тб., 1975, с. 215.

щую среду древнейшего на этой территории поселения городского типа – Диоскуриады, вступившей с момента своего основания в стадию формирования системы «полис-хора».

Вопрос о характере и времени греческой колонизации исследователи, так или иначе, рассматривают в связи с проблемой «Колхидского царства». Эта проблема была поднята известным грузинским ученым С.Н. Джанашия в 40-е годы XX столетия[248]. Тогда он, исходя из соответствующего толкования некоторых сведений античных авторов, попытался обосновать гипотезу о существовании в VI–II вв. до н.э. на территории нынешней Западной Грузии государства колхов. Эта гипотеза была принята абсолютным большинством грузинских ученых. Так, Д.Г. Капанадзе считал колхидки местным царским чеканом, а Колхидское царство – одним из «крупных государств Передней Азии»[249]. М.П. Инадзе рассматривала «Колхидское царство» как достаточно сильное политическое объединение[250]. Она даже устанавливает довольно точную дату его возникновения: перед воцарением Дария, то есть в 20-е годы VI в. до н.э. Между тем, археологические материалы свидетельствуют о появлении греков на восточном берегу Черного моря еще в начале VI в. до н. э., то есть до предполагаемого образования царства. О.Д. Лордкипанидзе отстаивал тезис о «сильном колхидском царстве» VI–IV вв. до н.э., которое якобы воспрепятствовало возникновению в Колхиде обычных греческих полисов.

О проблеме колхидской государственности А.И. Болтунова пишет следующее: «Прежде всего, позволим себе поставить вопрос, какие определенные, прямые и неопровержимые данные имеются для обоснования представления о существовании в Колхиде в VI–III вв. до н.э. единой государственной организации, возглавляемой царем? Таких данных просто не существует ..., следовательно, концепция этого царства является в лучшем

[248] **Джанашия С.Н.** Из истории грузинской государственности. К истории Колхидского царства. – В кн.: Тезисы докладов XII научной сессии Отделения общественных наук АН ГССР. Тб., 1949, с. 210–212.

[249] **Капанадзе Д.Г.** Грузинская нумизматика. М., 1975, с. 31.

[250] **Инадзе М.П.** О времени образования Колхидского царства по данным древнегреческих авторов. – КБС, 1973, вып. 4, с. 161.

случае лишь гипотезой, при наличном состоянии источников недоказуемой»[251].

Взгляды А.И. Болтуновой во многом совпадают с мнением Ю.Н. Воронова, считавшего, что письменные источники и археологические материалы единогласно свидетельствуют против тезиса о «независимом» и «мощном» Колхидском царстве, якобы существовавшем в Восточном Причерноморье в VI–V вв. до н.э.

Кстати, в одной из своих многочисленных работ по проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья А.И. Болтунова приходит к выводу, что если колхидское царство и существовало, то в VI–V вв. до н.э. в его пределы во всяком случае не входила та территория, которую занимали Диоскуриада и ее хора. Следовательно, основанный милетцами возле Сухумской бухты город не мог испытывать в своем развитии помех со стороны колхидского государства.

Греко-римская письменная традиция сообщает о существовании в Восточном Причерноморье трех греческих городов – Фасиса, Гюэноса, Диоскуриады.

[251] **Болтунова А.И.** Эллинские апокии и местное население Колхиды. – В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тб, 1977, с. 260.

Глава II
ДИОСКУРИАДА

При рассмотрении процесса греческой колонизации в Восточном Причерноморье вопрос о локализации Диоскуриады является одним из важнейших пунктов. Большинством исследователей она локализуется в районе современного Сухума в Абхазии.

На основании визуальных наблюдений за Сухумской бухтой сложилось представление о Диоскуриаде как о «городе, взятом волнами». В связи с этим в решении историко-археологических вопросов важное значение приобретает привлечение палеогеографических и топографических данных. В этом плане первые попытки были сделаны еще в начале XIX века. Первые исследователи Причерноморских греческих городов И.А. Стемпковский, А.А. Скальковский, П.В. Беккер и другие отмечали важность изучения динамики изменения береговой линии. Постепенно накопились материалы геолого-географических исследований, которые стали привлекать внимание археологов, а дальнейшие работы показали, что комплексный подход дает существенные результаты в решении многих историко-археологических вопросов, и предопределили широкое привлечение палеогеографических данных в античной археологии[252].

По мнению разных исследователей, в античное время уровень Черного моря был ниже современного (от 4–5 до 10м). П.В. Федоров, основоположник учения об изменении уровня моря, останавливается на отметке 5–7м.[253] Если исходить из этого, в античное время береговая линия моря в деталях выглядела иначе и ни один метр побережья не сохранил своего древнего облика. Эти изменения, как правило, связаны с наступлением моря на сушу. А в некоторых местах, например, в дельтах рек, наблюдается обратное явление – суша вытесняет море. Особенно серьезные изменения произошли в древних дельтах. Здесь еще в древнегреческий период перемещались устья рек, мелели одни рукава, появлялись другие, и эти из-

[252] **Агбунов М.В.** Античная археология и палеогеография. – КСИА, М., 1967, с. 3–6.

[253] **Федоров П.В.** Послеледниковая трансгрессия Черного моря и проблема изменения уровня океана за последние 15 тыс. лет. М., 1982, с. 154.

менения берегов повлекли за собой значительные последствия.

Представляется, что одна из первоочередных задач античной археологии должна быть связана с составлением полной карты затопленных городов; ее решение способствовало бы более полному освещению ряда конкретных историко-археологических вопросов и, в частности, помогло бы проследить последовательность освоения греческими колонистами черноморского побережья.

Нестабильная географическая ситуация, естественно, явилась причиной возникновения целого ряда противоречий, несоответствий между сведениями древних авторов и современными данными. Эти расхождения долгое время объяснялись, как правило, ошибками античных писателей. В результате значительно осложнилась работа по локализации указанных античными авторами городов. Поэтому весьма важной является задача комплексного изучения письменных, археологических и палеогеографических источников.

В литературе утвердилось мнение, что «остатки основной части древнего города (Диоскуриады – **А.Г.**) находятся на дне Сухумской бухты, а на территории современного Сухума располагались лишь его окраины»[254]. Такое мнение сложилось в последнее столетие на основании визуальных наблюдений за режимом Сухумской бухты.

Самое первое сообщение о наступлении моря в Сухумской бухте скорее всего относится к XVII столетию, когда итальянский миссионер Арканджело Ламберти сделал в своих записях пометку: «...пятое аббатство было Севастопольское, которое теперь поглощено морем»[255].

Интересные сообщения о наступлении моря в районе Сухумской крепости в середине и во второй половине XIX в. содержатся в работах В.И. Чернявского, Р. Пренделя, А.А Миллера и других исследователей. В 1877 году В.И. Чернявский писал: «Все развалины, находящиеся теперь на дне бухты, еще недав-

[254] **Трапш М.М.** Древний Сухуми. – Труды, т. II, Сухуми, 1959, с. 212.

[255] **Ламберти Арканджело**. Описание Колхиды, называемой теперь Менгрелией. – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. СПБ., 1913, с. 129.

но были под наносами... Движение моря на берега происходит теперь очень быстро... От широкого бульвара в 1867 году на моих глазах ушла половина...»[256].

А.А. Миллер в связи с этой темой сообщает следующее: «Постепенное опускание берега в Сухуме действительно наблюдается, и факт этот можно считать установленным»[257].

Таким образом, и Чернявский, и Миллер указывают на существование перед Сухумской крепостью довольно широкой береговой полосы.

Существует несколько гипотез, с помощью которых исследователи стремятся, так или иначе, обосновать локализацию руин Диоскуриады глубоко на дне Сухумской бухты. В основе гибели древнего города, в частности, видят: а) глубинноползневые и гидроэвстатические (повышение уровня моря) явления (В.И. Чернявский, В.А. Иваницкий); б) гигантский сброс почвы (Л.А. Шервашидзе, Л.Н. Соловьев); в) якобы недавнее перемещение устья реки Гумисты и образование на этой основе Сухумской бухты (В.И. Чернявский, Л.И. Соловьев, Л.А. Шервашидзе, М.М. Трапш и др.).

По мнению некоторых исследователей, гипотеза об оползне, рассмотренная в ряде специальных работ, не находит подтверждения[258].

Сторонники второй гипотезы обычно ссылаются на наклон вглубь берега северных стен первой и третьей крепостей Себастополиса. Однако, по мнению Ю.Н. Воронова, тот факт, что западное укрепление не имеет наклона, должен свидетельствовать не об общем сбросе почвы, а лишь о сугубо локальных процессах, вызванных неустойчивостью фундаментов[259].

Третья гипотеза основана на высказанной еще В.И. Чернявским мысли, что река Восточная Гумиста в античный период

[256] **Чернявский В.И.** Из исследований в Юго-Западном Закавказье. Доказательства колебания западного прибрежья Кавказа в течение исторических времен. Следы городов, погребенных в наносах. – ИКОИРГО, XIII, 1877, (по Воронову), с. 28.

[257] **Миллер А.А.** Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 году. – ИАК, 33, СПб., 1909, с. 73.

[258] **Лашхия Ш.В.** О современных изменениях береговой линии Абхазии. – Известия Академии наук СССР. Серия «Геология», №12, 1956, с. 21–28.

[259] **Воронов Ю.Н.** Диоскуриада – Себастополис – Цхум. М., 1980, с. 22.

впадала в море на месте нынешней Сухумской бухты, которая якобы появилась лишь на рубеже новой эры. Однако, согласно имеющимся в распоряжении геологов материалам, Сухумская бухта сформировалась еще в доисторические времена; а также нужно отметить, что углубленность русла реки Гумиста в приустьевой зоне указывает на ее функционирование в современном ложе уже многие сотни тысяч лет.

Затопление в районе древних памятников Сухумской бухты и ее окрестностей связывается и с новейшими тектоническими процессами – опусканием прибрежной зоны, а также ставшим особенно в последние годы заметным поднятием уровня Черного моря. Однако, как показывают археологические раскопки, древние остатки в Сухумской бухте обычно обнаруживаются не глубже 5–10м. А остатки времени Диоскуриады залегают поверх синих глин, уровень которых нигде не спускается ниже уровня моря больше, чем на 0,5м[260].

Исходя из этих соображений, Ю.Н. Воронов пришел к выводу, что в основе разрушения Себастополиса (а также Диоскуриады – **А.Г.**) нужно видеть в первую очередь не опускание берега или поднятие уровня моря, а действие прибоя (абразию).

Все сказанное позволяет согласиться с Ю.Н. Вороновым, что со времен Диоскуриады сколько-нибудь значительных изменений в конфигурации Сухумской бухты не произошло. Ширина полосы, отнятой за последние два тысячелетия морским прибоем у суши, не превышает 100м. Эта полоса и занимавшая ее часть древней Диоскуриады погибли полностью и безвозвратно. В то же время очень интересные материалы ждут ученых в той части Диоскуриады, которую еще не размыли волны.

Как показывает топография археологических находок V–I вв. до н.э., основные постройки древней Диоскуриады были локализованы в районе к западу от устья р. Басла. Именно здесь неоднократно зондажными работами установлено существование достаточно мощного культурного слоя с материалами эпохи греческой колонизации.

В марте 1977 года при строительстве концертного зала в 150–200м от берега, на глубине около 1,5м были обнаруже-

[260] **Апакидзе А.М., Лордкипанидзе О.Д.** Новые материалы к археологии Диоскурии–Себастополиса. ТАИ. XXXIII/XXXIV, Сухуми, 1969, с. 209–228.

ны обломки древней чернолаковой посуды и других изделий конца V–III вв. до н.э. Наиболее интересной является терракотовая статуэтка древнегреческой богини плодородия, сидящей на троне. Подобные статуэтки найдены при раскопках других античных городов Причерноморья, но в Диоскуриаде находка такого рода – первая (рис. 5).

Летом 2000 года, при закладке канализационных труб в 200м от моря, на глубине более 2м был обнаружен сплошной культурный слой с чернолаковой посудой. Все эти находки позволяют с достаточной точностью очертить границы античного города и согласиться с мнением Ю.Н. Воронова о том, что основная часть Диоскуриады находится под современным Сухумом и ждет своего исследователя.

Здесь уместно остановиться на вопросе происхождения названия «Диоскуриада». Древние авторы полагали, что город назван так в честь участников мифического похода аргонавтов братьев-близнецов («диоскуров») Кастора и Полидевка, которые якобы являлись его основателями; некоторые исследователи склонны рассматривать это название как греческое осмысление местного топонима. Так, например, И.А. Орбели сводил слово «Диоскуриада» к средневековому названию города – Цхуми, в основе которого им усматривалось грузинское слово «ткупи» (т.е. «близнец»), якобы переведенное и осмысленное греками как город близнецов-Диоскуров.

По мнению С.Н. Джанашия, «Диоскуриада» является древнейшим именем, быть может, не чисто греческого происхождения, а грецизированное[261]. Он обращает внимание на вторую половину названия, в которой усматривал известный мегрельский топонимический термин «скури» («вода», «источник», «река»).

Л.И. Соловьев также считает, что название Диоскуриада состоит из двух картвельских слов: «диа» («мать») и «скури» («источник») и в переводе означает «мать рек», «мать вод»[2622]. Ана-

[261] **Джанашия С.Н.** Из истории грузинской государственности. К истории Колхидского царства. В кн.: Тезисы докладов XII научной сессии Отделения общественных наук АН ГССР. Тб., 1949.

[262] **Соловьев Л.Н.** Диоскурия – Себастополис – Цхум. Труды АГМ, I, Сухуми, 1947, с. 120–125.

Рис. 5. Статуэтка Деметры из Сухума

логичную точку зрения высказывал и Т.К. Микеладзе[263].

О несостоятельности такого рода сопоставлений в одной из своих работ говорит Ю.Н. Воронов[264].

Этого вопроса коснулся и И.Г. Шенгелия, пришедший к следующему выводу: можно полагать, что причина возникновения греческого топонима Диоскуриады объясняется большой типологической близостью локального и милетского культа близнецов и что в основе топонима Диоскуриады, видимо, лежит греческая интерпретация[265].

Совершенно иного взгляда придерживается М.М. Трапш: «Диоскурия» – это греческое слово; оно никак не связано с «диа» и «скури». Можно с уверенностью сказать, что поселение городского типа, существовавшее в районе современного Сухума, до появления здесь греков имело свое местное абхазское наименование, видимо, АКУА. Это поселение после основания при нем греческой торговой фактории получило параллельное, новое греческое наименование – «Диоскурия»[266].

Таким образом, несмотря на большой интерес, который представляют эти гипотезы, вопрос о происхождении названия «Диоскурия» нельзя считать решенным.

---

[263] **Микеладзе Т.К.** Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго–Восточного Причерноморья. Тб., 1974, с. 105.

[264] **Воронов Ю.Н.** Древняя Апсилия. Сухум, 1998, с. 33.

[265] **Шенгелия И.Г.** К вопросу о топонимике Диоскуриады. Сообщения Академии наук Грузии. XX, Тб., 1967, с. 826.

[266] **Трапш М.М.** Древний Сухуми. Труды, II. Сухуми, 1959, с. 219.

Так 2500 лет назад на берегах современной Сухумской бухты возник город. Несмотря на перипетии истории, все же сохранилось немало свидетельств его былого существования. Это и руины древних крепостных стен на городской набережной, и многочисленный археологический материал, и произведения искусства.

Древние греки начали возводить укрепления в наиболее удобном, тихом месте обширной бухты, лучшей во всем Восточном Причерноморье. С запада ее прикрывает глубоко вдающийся в море Сухумский мыс, сложенный наносами реки Гумисты. В бухту впадает несколько небольших рек, из которых наиболее крупные – Басла и Келасур. На юго-востоке расположен Кодорский мыс, образованный наносами Кодора – крупнейшей реки Абхазии. Берега Сухумской бухты представляют собой нешироку низменность, с севера ограниченную возвышенностями; предгорья образуют здесь лабиринт холмов и ущелий. С северо-запада Сухумская низменность ограничена невысоким плато (Лечкоп). За ущельем реки Адзапш следует гряда, на западной оконечности которой находилось небольшое римское укрепление (башня «Одынец»). На северо-востоке расположена Сухумская гора, на вершине которой когда-то располагались древнее поселение и могильник. За Сухумской горой скрыт холм Гуадиху с одноименным могильником, поселениями бронзовой и античной эпох.

С севера Сухум защищен горами Яштхуа и Бырцха (у восточной подошвы которой – знаменитый каменный мост и развалины монастыря).

Таким образом, хорошо укрытая от морских бурь бухта, высокие горы, надежным заслоном ставшие на пути северных ветров, многоводные реки, густые леса, полные дичи, достаточно плодородная земля и удобные тропы, уводящие в горы, издавна создавали исключительно благоприятные условия для жизни человека, что не могли не оценить греческие колонисты.

1. История исследования Диоскуриады

Этот город в Северо-Восточном Причерноморье давно привлекал к себе внимание и вызывал интерес не только у совре-

менников, но и в последующие времена. Научно-познавательный интерес к Диоскуриаде восходит еще к 1672 году. О ней писали Шарден[267], Иерусалимский патриарх Досифей[268]. В 1712 году развалины Диоскуриады посетил французский путешественник де ла Мотрей, которому местные жители показывали несколько колонн, изуродованную голову статуи и то ли «медаль», то ли монету с надписью «Диоскуриада».

В 1817 году француз Роттье начинает поиски Диоскуриады на территории Сухума. Его примеру следует Поль Гибаль из той же Франции, который пишет несколько заметок об Абхазии, в том числе и о Диоскуриаде. Другой французский путешественник Жак Франсуа Гамба, посетивший Абхазию в 1822 году, утверждал, что Диоскурия есть Сухум. Гамба составил атлас-альбом Сухумской крепости. В 1833 году по Абхазии путешествовал известный французский археолог, геолог и искусствовед Фредерик Дюбуа де Монпере, который высказал мнение, что Диоскуриада располагалась в свое время не на берегах Сухумской бухты, а в 30км восточное Сухума, на Кодорском мысу, в местечке Скурча[269]. Этот исследователь помещал Диоскуриаду в Скурче, руководствуясь не только наличием залива на этом месте, но и самим созвучием двух наименований. Дюбуа считал, что этот город являлся метрополией эллинских колоний на побережье Абхазии. Далее, говоря об этапах жизни города, он писал, что «Диоскуриада стала быстро приходить в упадок после того, как попала под владычество римлян». Хотя Дюбуа ошибался в локализации города, но в основном верно определил значение и главные этапы его развития.

Особенно много для изучения древностей Сухума–Диоскуриады сделал известный сухумский краевед В.И. Чернявский. Он в результате многолетних археологических поисков и наблюдений пришел к выводу, что Диоскуриада находилась на

[267] **Шарден Ш.** Путешествие по Закавказью в 1672–1679г.г. Тифлис, 1905, с. 84.

[268] **Гулия Д.И.** Сухум не Диоскурия. – Труды АБНИИК, вып. 2, Сухум, 1934, с. 86.

[269] **Дюбуа де Монпере Ф.** Путешествие вокруг Кавказа. Сухум, 1937, с. 145–147.

месте современного Сухума и ее значительная часть погребена на дне Сухумской бухты. Он даже составил схематический план затонувшей Диоскуриады–Себастополиса[270].

Немало высказываний у грузинского историка Д. Бакрадзе по поводу Диоскурии. Он, опираясь на данные античных авторов, писал, что возникновение Диоскуриады следует связать с деятельностью Милета, и рассматривал причерноморские города как торговые центры, посредством которых осуществлялись торговые сношения между греками и местным населением[271].

В 1886 году в Сухуме первые археологические раскопки на профессиональном уровне произвел В.И. Сизов. Его небольшие, но очень результативные раскопки на берегах Сухумской бухты и совершенно безрезультативная разведка на Скурче подтвердили правильность выводов В.И. Чернявского о местоположении древнего города, а также о том, что основателем Диоскуриады могло быть только греческое население[272].

Изучением памятников Абхазии, в том числе Сухума, занимался А.А. Миллер, считавший, что Диоскурия – это Сухум[273]. Немало ярких страниц о городе оставил нам знаток наших древностей К.Д. Мачавариани. Диоскуриаду он считал греческой колонией, основанной милетцами, но в то же время был убежден, что до ее основания на этом месте проживали аборигены[274].

В 20-х годах XX столетия по поручению Абхазского научного общества А.С. Башкиров провел археологические работы на территории Сухумской крепости, в ходе которых удалось выявить значительное количество античных материалов[275].

Проблеме локализации Диоскуриады посвятил свой труд

---

[270] **Чернявский В.И.** Из исследований в Юго-Западном Закавказье. Доказательства колебания западного прибрежья Кавказа в течение исторических времен: Следы городов, погребенных в наносах. – ИКОИРГО, XIII, 1877, (по Воронову), с. 16–18.

[271] **Бакрадзе Д.** История Грузии. Тифлис, 1889, с. 30–31.

[272] **Воронов Ю.Н.** Диоскуриада–Себастополис–Цхум. М., 1980, с. 12–17.

[273] **Миллер А.А.** Из поездки по Абхазии в 1907 году. – Материалы по археологии России. I,1919, с. 72–75.

[274] **Мачавариани К.Д.** Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913, с. 224.

[275] **Башкиров А.С.** Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года. – ИАБНО, 4, Сухум, 1926, с. 18.

М.М. Иващенко. Анализируя имеющиеся археологические и письменные источники о древнем Сухуме, он приходит к выводу, что Диоскуриаду нужно искать в пределах современного Сухума. Основной его вывод был сведен к мысли, что древний город тянулся «неширокой полосой по берегу моря на протяжении 1,5–2км по обе стороны р. Басла, причем часть его находится на дне Сухумской бухты»[276].

Вопросами древних городов Причерноморья и всей Грузии занимался академик И.А. Джавахишвили. Он считал, что Диоскуриада, как и другие города Колхиды, являлась крупным торговым городом. Вместе с тем, по его мнению, для окончательного решения вопроса о причинах возникновения Диоскуриады также важны результаты будущих археологических открытий, которые могут сыграть едва ли не самую главную роль[277].

Этими же вопросами интересовался академик С.Н. Джанашия. Он считал, что не следует преувеличивать роль греческих городов, хотя последние не могли не оказать определенного влияния на жизнь местного населения[2784].

В конце 40-х годов Л.Н. Соловьев посвятил Диоскуриаде специальное исследование, в котором на основании геологических, археологических и письменных источников приходит к заключению, что она была торговым городом, крупным опорным пунктом греков в Колхиде[279].

Начиная с 50-х годов очень большую работу по исследованию античных памятников Сухума провел абхазский археолог М.М. Трапш. В 1951 году он совместно с А.Н. Каландадзе изучал поселение и могильник VIII–II вв. до н.э. на Сухумской горе, в I952–I954гг. – обширный могильник и поселение на холме Гуадиху; в 1952 году Трапш проводил раскопки на территории Сухумской крепости, в 1954 году открыл римскую башню и поселение эпохи Диоскуриады на северо-западной окраине Су-

[276] **Иващенко М.М.** К вопросу о местонахождении Диоскурии древних. ИАБНО, 4, Сухум, 1926, с. 103.

[277] **Джавахишвили А.А.** История грузинского народа. Тб., 1951, с. 173–174.

[278] **Джанашия С.Н.** Из истории грузинской государственности. К истории Колхидского царства. – В кн.: Тезисы докладов XII научной сессии Отделения общественных наук АН ГССР. Тб., 1949.

[279] **Соловьев Л.Н.** Следы древнего соляного промысла близ г. Сухума и г. Очамчира. – Труды АГМ, вып. 1, Сухуми, 1947, с. 116–118.

хума. В 1954–1956г.г. исследовал античное поселение в замке Баграта на северо-востоке Сухума. В 1956–1959г.г. выявил поселение и могильник предантичной и античной эпох. Он же впервые опубликовал сведения об уникальной мраморной стеле V в. до н.э., найденной в 1952 году вблизи устья реки Басла. Все эти материалы нашли отражение в ряде статей М.М. Трапш и в его монографии «Древний Сухуми». Материалы из Диоскуриады позволили М.М. Трапш прийти к выводу, что в жизни города большую роль играла торговля. Развитие торговых отношений с местным населением и внешним миром, по его мнению, обусловило превращение Диоскуриады в важный посреднический центр деятельности. Он считает, что к началу античной колонизации на побережье Абхазии существовали местные ремесленно-земледельческие поселения, на базе которых греки-колонисты основали ряд городов-колоний, в том числе и Диоскуриаду.

В 1958–1959г.г. в Сухуме работала большая археологическая экспедиция Центра археологических исследований Академии наук Грузии под руководством А.М. Апакидзе. Работы были сосредоточены на территории Сухумской крепости и на участке, расположенном на набережной. Раскопками установлено наличие нескольких разновременных культурных слоев. На небольшой площади было установлено наличие довольно мощного слоя, среди материалов которого встречаются находки начального периода истории Диоскуриады[280].

Известный абхазский исследователь Ю.Н. Воронов не раз обращался к характеристике памятников Диоскуриады. Им написан ряд работ, среди которых наиболее известной является его книга «Диоскуриада–Себастополис–Цхум»[281]. Ю.Н. Воронов в своих работах приходит к выводу, что город Диоскуриада, как и другие пункты Колхиды, будучи продуктом греческой колонизации, был основан греческими переселенцами и являлся типичным греческим городом, не отличающимся от других городов Северного Причерноморья. Взгляды Ю.Н. Воронова во многом совпадают с мнением А.И. Болтуновой, посвятившей целый ряд своих работ

[280] **Апакидзе А.М., Лордкипанидзе О.Д.** Новые материалы к археологии Диоскурии–Себастополиса. ТАИ. XXXIII/XXXIV, Сухуми, 1963, с. 209–223.
281 **Воронов Ю.Н.** Диоскуриада–Себастополис–Цхум. М.,1980.

вопросу образования городов на Восточном Причерноморье[282].

Известный абхазский археолог Г.К. Шамба в 2000 году издал труд «Абхазия в первом тысячелетии до нашей эры», являющийся итогом многолетних полевых и историко-археологических исследований. Памятники античной Диоскуриады занимают в нем важное место[283].

В последние годы Абхазский государственный университет и Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа возобновили археологические исследования памятников античной Диоскуриады. В результате ежегодно в распоряжение науки поступают интереснейшие материалы, позволяющие открывать новые страницы истории Диоскуриады.

2. Письменные источники о Диоскуриаде и вопрос о времени ее основания

Самые ранние письменные сведения об этом городе сообщает греческий писатель IV в. до н.э. Псевдо-Скилак. Он пишет следующее: «...колхи, после них есть племя – колхи, город Диоскурис...»[284]. Как полагают исследователи, упоминание о Диоскуриаде было заимствовано из сочинения Скилака Кариандского. Псевдо-Скилак пользовался также трудами Гекатея Милетского. С VI в. до н.э., перечисляя города в Колхиде, Псевдо-Скилак указывает, что Фасис и Гюэнос были эллинскими, а относительно Диоскуриады обозначение «эллинский» не употребляет. Это дало повод некоторым исследователям считать, что Диоскуриада не была основана греками, а являлась местным колхидским городом. Из последующих авторов античного времени наиболее полно о Диоскуриаде говорит Страбон, живший на рубеже нашей эры, который пользовался ранними произведениями географической и исторической литературы (Артемидор, Эратософен). В отличие от своих предшественни-

[282] **Болтунова А.И.** Эллинские апокии и местное население Колхиды. – В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тб., 1978, с. 155.

[283] **Шамба Г.К.** Абхазии в I тысячелетии до н.э. (по данным письменных и археологических источников). Сухум, 2000.

[284] **Псевдо-Скилак.** Вестник Древней истории, №3, 1947, с. 242.

ков, он называет город не Диоскурией, а Диоскуриадой. Страбон сообщает следующее: «Эта же самая Диоскуриада служит и началом перешейка между Каспийским морем и Понтом и общим торговым центром для народов, живших выше ее и вблизи, сюда сходятся, говорят, 70 народностей, а по словам других писателей, нисколько не заботящихся об истине, даже 300; все они говорят на разных языках, но все они кавказцы. Сходятся в Диоскуриаде, главным образом, за солью»[285].

О Диоскуриаде пишет римский географ Помпоний Мела (I в. н.э.). По мнению исследователей, он, как и многие его современники, пользовался источниками, восходящими непосредственно к ионийским писателям. По его сведению, Диоскуриада находится на земле гениохов и город основан Кастором и Полидевком[286].

Из римских писателей, чьи произведения с упоминанием города Диоскурии дошли до нас, был Плиний Старший (I в.). Он дает подробное описание городов, имевших место после завоевания римлянами, и указывает на город Диоскуриаду, называя его колхским. Как указывает Г.К. Шамба, во времена Плиния город еще не носил название Себастополис, получив это имя после римской экспансии на Кавказском Причерноморье[287].

Упоминает Диоскуриаду и Аппиан (II в. до н.э.): «Мигридат зимовал в Диоскурии. Колхи считают этот город доказательством того, что диоскуры вместе с аргонавтами прибыли сюда»[288].

Важные сведения о Диоскуриаде мы читаем у Флавия Арриана. Около 134г. правитель римской провинции Каппадокии Арриан по поручению императора Адриана совершил объезд всего побережья Колхиды и оставил нам подробный маршрут плавания (перипл) с указанием расстояний между остановками судов. В отличие от своих предшественников, он сообщает, что Диоскуриада, или Себастополис, основана милетянами[289].

---

[285] **Латышев В.В.** Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб., т. I, 1906, с. 222.

[286] **Ельницкий Л.А.** Знание древних о северных странах. М., 1961, с. 169–170.

[287] **Шамба Г.К.** Абхазия в I тысячелетии до н.э. (по данным письменных и археологических источников). Сухум, 2000, с . 64–65.

[288] **Шамба Г.К.** Абхазия в I тысячелетии до н.э. (по данным письменных и археологических источников). Сухум, 2000.

[289] **Трапш М.М.** Древний Сухуми. Труды, т. II, Сухуми, 1959, с. 213.

Исключительная ценность сообщения Флавия Арриана заключается в том, что он лично побывал в этих местах. Кроме того, данный факт подтвержден находкой каменной плиты в Сухуме. Этот интересный эпиграфический памятник, найденный в 1896 году при строительстве набережной Сухума, представляет собой фрагмент известняковой плиты с латинской надписью. Текст этого памятника связан с командировкой Флавия Арриана. Надпись в переводе с латинского означала: «Гадриан через Флавия Арриана порт сей соорудил...»[290].

Так как Себастополис был конечным пунктом путешествия Арриана, эта надпись дает возможность решить и вопрос о местонахождении Диоскуриады. Говоря о Себастополисе, Арриан называет его то Себастополисом, то Диоскуриадой, оговариваясь иногда, что теперь его называют Себастополисом.

Сообщения Арриана ясно показывают, что к его времени на месте древней Диоскуриады, разрушенной, по-видимому, незадолго до того, уже образовалось римское военное поселение Себастополис.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно считать, что большинство исследователей приходит к следующему выводу: Диоскуриада была основана не позже 40–30-х годов VI в. до н.э. Ни один источник не дает сведений, опираясь на которые можно было бы установить точную дату основания этого города, но с уверенностью можно говорить, что это произошло до 530 г. до н.э., так как, в связи с захватом персами около 20-х годов VI в. до н.э. проливов у Геллеспонта, Милет, как и другие малоазийские города-государства, уже был вынужден прекратить свою колонизационную деятельность в Причерноморье.

Греки, несомненно, никогда не основывали свои колонии в безлюдных местах, что было связано с их занятиями торговлей и ремеслом и посреднической ролью между аборигенами и метрополией. Соответственно, они предварительно объезжали, собирали сведения, выясняли географическую, экономическую и политическую обстановку в избранном пункте. По всей видимости, об этом свидетельствует плавание аргонавтов в Кавказское Причерноморье еще во II тыс. до н. э.

Помпоний Мела оставил указание, что Диоскуриада нахо-

[290] **Сизов В.И.** Восточное побережье Черного моря. – МАК, 2, 1889, с. 115.

дилась в земле гениохов. В таком же этническом окружении, согласно сообщениям Аристотеля, возник и другой крупный древнегреческий город Колхиды – Фасис. Страбон (I в. до н.э. – I в. н.э.) также считает, что страна, где была основана Диоскуриада, называлась Гениохией. Вообще топонимы, связанные с гениохами, были широко распространены в античную эпоху по Западному Кавказу[291]. По мнению Ю.Н. Воронова, в античных литературных источниках можно выделить две группы сведений о ранних гениохах – сведения мифологического характера и сведения, отражающие культурный и социальный облик этих племен. Что очень важно, всюду гениохи связывались в первую очередь с Диоскуриадой и с ее полубожественными покровителями – Кастором и Полидевком.

Как известно, в начале I тыс. до н.э. население Абхазии (Северная Колхида) составляли носители замечательной позднебронзовой культуры, получившей в литературе название колхидской (в последнее время употреблется название «колхидо-кобанская культурно-историческая общность»). Учитывая, что гениохи упоминаются еще в догреческих письменных источниках, можно допустить, что материальная культура эпохи греческой колонизации Восточного Причерноморья в основном относится к гениохам.

Таким образом, гениохи – это древнейшее население Кавказского Причерноморья, образовавшееся за счет слияния родственных племен, а уже с первых веков I тыс. н.э. название гениохи постепенно выходит из употребления, так как вместо них, по крайней мере, на территории нынешней Абхазии, начинают фигурировать апсилы, абазги, саниги – предки нынешних абхазов.

3. Материальная культура Диоскуриады

Результаты систематических археологических исследований 50-х годов XX столетия позволили обнаружить различные категории памятников раннего этапа истории Диоскуриады: античные культурные слои на территории Сухумской крепости, поселение и могильник на горе Гуадиху, могильник в восточ-

[291] **Воронов Ю.Н.** Материальная культура гениохских племен в VI–I вв. до н.э. – В кн.: Сборник работ молодых ученых-историков. Сухуми, 1974, с. 74–75.

ной части Сухума (Маяк), античный слой в замке Баграта и т.п.

В Сухумской крепости культурные остатки античной эпохи были открыты и исследованы в 1952 году. Этот слой мощностью в 40–50 см дал интересный материал, состоящий из обломков чернолаковой посуды, амфор, кровельной черепицы, глиняных пирамидальных отвесов для ткацких станков. В нем обнаружены также кости животных, древесные угольки. Этот культурный слой на основании обломков чернолаковых сосудов, фрагментов хиосских, фасосских и синопских амфор датируется концом VI–III вв. до н.э.[292]

В той же Сухумской крепости раскопками 1959 года был обнаружен и исследован слой эллинистического времени, мощностью до одного метра. Он содержал фрагменты мегарской чаши, двуствольной ручки от красноглиняной амфоры, амфорные ножки т.п.[293]

В 1952–1934г.г. на северной окраине Сухума, на вершине горы Гуадиху и на ее юго-восточном склоне, в результате раскопок М.М. Трапш были обнаружены культурные остатки поселения и могильника раннеантичного времени[294]. В культурном слое поселения найдено сравнительно много черепков чернолаковой посуды, обломков синопских и местных амфор. Тут же найдены железный лемех, железный серп и два сравнительно больших ножа. Весь этот материал из раннеантичного поселения Гуадиху укладывается в хронологические рамки конца V–III вв. до н.э. Могильник на этой же горе дал интересный материал раннеантичного времени и суммарно датируется VI – первой половиной IV вв. до н.э.

В мужских захоронениях могильника, относящихся к IV в. до н.э., исследователи обнаружили железные топоры с коротким молоточковидным обухом, наконечники копий, дротики, кинжалы, бронзовые украшения, шейные гривны; в женских – в основном бронзовые украшения: браслеты, булавки, фибулы, колокольчики. И в тех, и в других захоронениях обычно лежали один–два глиняных сосуда.

---

[292] **Трапш М.М.** Древний Сухуми. Труды, II, Сухуми, 1959, с. 222.

[293] **Апакидзе А.М., Лордкипанидзе О.Д.** Новые материалы к археологии Диоскурии–Себастополиса. ТАИ, XXXIII/XXXIV, Сухуми, 1963, с. 220–223.

[294] **Воронов Ю.Н.** Диоскуриада–Себастополис–Цхум. М., 1980, с. 30–40.

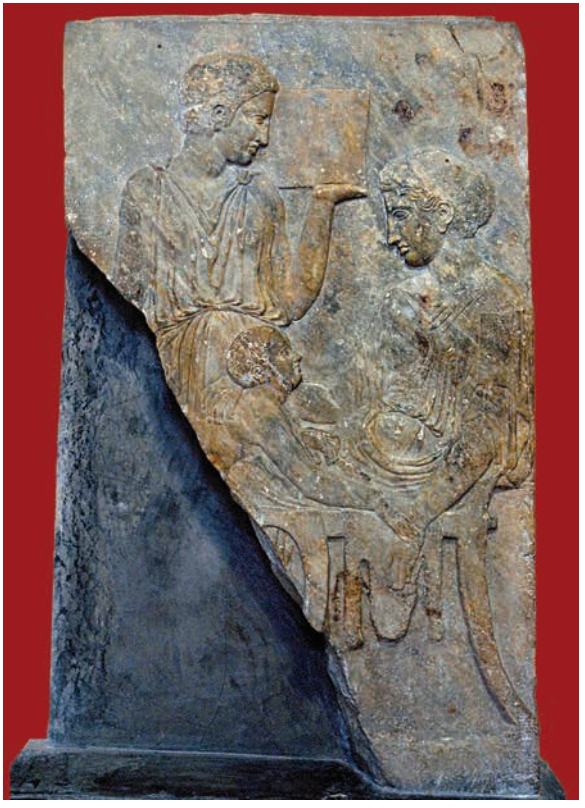

Рис. 6. Сухумская мраморная стела

В погребениях второй половины V в. до н.э. начинают появляться и греческие изделия: чернолаковая посуда, перстни с печатями из западно-греческих мастерских.

В 1956–1959 гг. в 4 км западнее Диоскуриады, на самом берегу моря (поселок Красный маяк), М.М. Трапш исследовал обширный могильник, в котором около трех десятков из 150 захоронений датируются VI–IV вв. до н.э.

Многие погребения весьма богаты. В мужских лежали железные топоры, наконечники копий, изогнутые ножи, в женских – украшения. Довольно много в погребениях импортных изделий, в том числе чернолаковой посуды, датируемых второй четвертью – серединой VII века до нашей эры.

Из красномаяцкого могильника происходит и бронзовое чеканное украшение в виде фигуры орла с распростертыми крыльями, распущенным хвостом и повернутой влево головой. Такие птицы характерны для греческого искусства эпохи архаики (ими нередко украшали греческие щиты) и датируются V–IV вв. до н.э. Весьма вероятно, этот щит привез на берега Сухумской бухты какой-нибудь грек-переселенец[295].

Культурные слои раннеантичного времени были выявлены раскопками М.М. Трапш к северо-востоку от Диоскуриа-

[295] **Трапш М.М.** Древний Сухуми. Труды, т. II, Сухуми, 1959, с. 88–89.

ды, на территории замка Баграта, непосредственно под слоем средневекового времени и на левом берегу у устья р. Басла[296].

Уникальной находкой раннеантичного времени, связанной о древней Диоскуриадой, является мраморная надгробная стела – выдающийся памятник древнегреческого искусства, найденная у самого берега моря, по левую сторону устья р. Басла[297] (рис. 6).

Рассматриваемая мраморная плита имеет прямоугольную форму, размерами: длина – 157см. ширина – 92см, толщина – 11–12см. Серовато-пятнистого цвета мрамор, из которого сделан памятник, в Абхазии не встречается – поэтому несомненно, что он привезен извне.

На лицевой стороне мраморной плиты изображены три изящно изваянные человеческие фигуры. Это, по всей видимости, сцена прощания с умершей. Сидящая в кресле, нарядно одетая женщина обнимает правой рукой прислонившегося к ее коленям обнаженного мальчика, на которого она смотрит с глубокой печалью, как бы прощаясь с ним навсегда. На заднем плане – изваяние молодой девушки-служанки в подпоясанном аттическом пеплосе – рубахе без рукавов; она держит в левой руке шкатулку с каким-то, по-видимому, украшением и вещами – погребальный подарок. С кресла свисает звериная шкура-подстилка.

Памятник этот по изображенным фигурам, живописной трактовке форм и изяществу драпировки одежд, изумительной обработке мрамора является замечательным произведением античного искусства. Он не имеет аналогии среди известных мраморных барельефов из античных городов и относится к раннему времени греческого искусства.

О.Д. Лордкипанидзе, подробно изучавший этот памятник, датирует его 430–420гг. до н.э.[298]

4. Диоскуриада в эллинистический период

Как показывают археологические материалы, в эллинистический период рост города становится интенсивным. Осваивается

[296] **Трапш М.М.** Древний Сухуми. Труды, т. II, Сухуми, 1959, с. 153.

[297] **Трапш М.М.** Мраморный барельеф из Сухуми. – ВДИ, №4, 1954, с. 163–165.

[298] **Лордкипанидзе О.Д.** Античный мир и Колхида. Тб.,1961, с. 166–168.

обширная территория, прилегающая к Диоскуриаде, о чем свидетельствуют остатки раннеантичных поселений к северо-западу (Гумистинский мыс, Эшерское городище, раннеантичное поселение на участке Одынец, в пос. Лечкоп и др.) и к юго-востоку (Кяласур, Алексеевское ущелье, холм Баграта и др.). Вскоре эти поселки превращаются в экономически взаимосвязанные пригороды Диоскуриады, а сам город становится одним из крупнейших на Кавказе политических и экономических центров.

Вторая половина IV–III вв. до н.э. – время расцвета Диоскуриады. Судя по археологическим материалам, городские кварталы тогда расширились в глубь берега, как, вероятно, за счет сплошной застройки, так и, вероятно, за счет возведения отдельных усадеб. Как показано выше, сельскохозяйственная территория охватила значительное пространство от современного Нового Афона до Гульрипша.

Интересные археологические материалы второй половины IV–II вв. до н.э. найдены в Сухумской крепости[299]. Это обломки чернолаковых и краснолаковых сосудов, фрагменты привозных (Хиос, Фасос, Синопа и др.) и местного изготовления амфор. Несколько восточнее при прокладке водопровода на набережной еще в 1940 году рабочие натолкнулись на обломки привозных амфор, чернолаковой и краснолаковой посуды, рельефных чаш (мегарских), фрагменты черепицы, кухонной посуды и др. Еще восточнее при строительстве одного из корпусов военного санатория, вблизи места находки знаменитой сухумской стелы, обнаружены обломки амфор фасосского и местного производства, чернолаковой посуды. Таким образом, в эллинистическую эпоху Диоскуриада охватывала значительную площадь, простираясь в длину на 1,5–2км, а в ширину на 100–300м.

Каково же было влияние Диоскуриады на облик материальной культуры местных поселений в районах ее сельскохозяйственной территории (хоры)? Несомненно, что глубокие культурно-исторические перемены, которые произошли в Средиземноморье и на всем Ближнем Востоке после установления в этом районе греко-македонского господства, способствовали укреплению по-

[299] **АпакидзеА.М., Лордкипанидзе О.Д.** Новые материалы к археологии Диоскурии–Себастополиса. – ТАИ. XXXIII/XXXIV, Сухуми, 1963, с. 221–222; **Трапш М.М.** Древний Сухуми. – Труды, т. II, Сухуми, 1959, с. 243.

зиции греческих городов и, следовательно, усилению влияния греческой культуры и в Восточном Причерноморье. Однако О.Д. Лордкипанидзе считает, что Колхида «осталась за пределами той исторической общности, которую называют «эллинистической ойкуменой», то есть античным миром эпохи эллинизма», и все перемены в облике материальной культуры в эпоху эллинизма объясняет «широкими масштабами торговли»[300].

Присутствие греков в Колхиде в эллинистическую эпоху О.Д. Лордкипанидзе ограничивает посещением морских торговцев или временным проживанием здесь ограниченного числа ремесленников и воинов, которые приглашались местной «царской властью» для различных поручений. По мнению Ю.Н. Воронова, подобная точка зрения не соответствует той ситуации, которая вырисовывается в Восточном Причерноморье на основе исследования, в первую очередь, таких важных центров эллинистической культуры, как Диоскуриада[301].

Так, раннеантичное поселение на вершине Сухумской горы в эллинистическую эпоху значительно расширяется. В культурных напластованиях этого времени обнаружена разнообразная привозная и местная посуда. Это обломки синопских амфор, черепицы, лутериев, родосских и косских амфор и др., а также достаточно представленная продукция местных греческих мастеров: амфоры, черепица, пифосы и т.д. В процентном отношении они теперь уже уступают продукции античного облика – «налицо широкая эллинизация быта аборигенов»[302].

Такую же закономерность отражают и материалы захоронений античного могильника на Сухумской горе. Так, в одном из погребений – пять железных наконечников копий, секировидный топорик, меч с брусковидным навершием и чернолаковая катила с амфориском; в другом – аналогичные топоры и наконечник копья вместе с амфорой, амфориском и чернолаковым канфаром конца IV – начала III в. до н.э.

---

[300] **Лордкипанидзе О.Д.** Античный мир и Восточное Причерноморье (Колхида, Иберия). Тб.,1975.

[301] **Воронов Ю.Н.** Восточное Причерноморье в системе эллинистического мира. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тб., 1982.

[302] **Воронов Ю.Н.** Диоскуриада–Себастополис–Цхум. М.,1980.

В Гуадиху, центре одного из значительных земледельческих районов Диоскуриады, как и в поселении на Сухумской горе, во второй половине IV–III вв. до н. э. население увеличивается, облик культуры заметно эллинизируется.

Интересные материалы исходят из Красномаяцкого поселения. Обломки привозных, большей частью, синопских, амфор, черепицы, кувшинов, чаш и других изделий, чернолаковой и краснолаковой посуды, изготовленных местными ремесленниками-греками, позволяют говорить не только о глубоко зашедшем процессе элинизации, но и о том, что на поселении жили и сами греки.

Большое поселение античной эпохи обнаружено и на южной окраине Лечкопского плато с интересным керамическим материалом.

Еще в VI в. до н.э. в восточной части хоры Диоскуриады на вершине холма Ахул-абаа возникло поселение. В IV в. до н.э. оно расширилось. Здесь обнаружены обломки синопских амфор, лутериев и черепиц IV–III вв. до н.э., амфор фасосского, родосского и гераклейского производства. В большом количестве представлена и чернолаковая посуда.

5. Экономическое положение Диоскуриады

Как показывают археологические материалы, интенсивный рост Диоскуриады произошел уже в первой половине V в. до н.э. В это время осваивается обширная территория, прилегающая к Диоскуриаде, о чем свидетельствуют остатки раннеантичных поселений к северо-западу и юго-востоку от Сухума. Вскоре эти поселки превращаются в экономически взаимосвязанные пригороды Диоскуриады, а сама Диоскуриада становится одним из крупнейших на Кавказе политических и экономических центров.

Временем экономического расцвета Диоскуриады являются V–IV вв. до н.э. В этот период на территории хоры Диоскуриады интенсивно развивается сельское хозяйство: земледелие, виноградарство, скотоводство.

Начиная с V в. до н.э., площади пригородных поселений увеличиваются, а, следовательно, увеличивается и число аборигенов, втянутых в систему экономических отношений города. По-

явление крупного рынка сбыта сельскохозяйственных продуктов способствует росту обрабатываемых в окрестностях Диоскуриады площадей и распространению в местном быту более совершенных земледельческих орудий, в том числе греческого плуга с железным наральником и крупных железных мотыг. Земледелие развивалось, главным образом, на склонах гор, в плодородных долинах и низменностях. Оно занимало ведущее место в прибрежной полосе.

Параллельно с хлебопашеством в рассматриваемое время в пределах хоры города развивается виноградарство; на несомненность этого факта в первую очередь указывают виноградные косточки, найденные в раннеантичных слоях Сухумской крепости[303]. Не случайно здесь так широко распространяются виноградные ножи античного облика, успешно конкурировавшие с местным топором-цалдой. Показательно, что увеличивается массовое производство керамической тары, рассчитанной на винодельческую промышленность.

Значительное место в хозяйственной жизни населения Диоскуриады и всей Абхазии продолжало занимать скотоводство. Скот использовался в хозяйстве как тягловая сила; мясо и молочные продукты шли в пищу; из кожи изготавливались обувь и военные доспехи; мелкий рогатый скот давал шерсть для одежды. Лошадью пользовались как для перевозки тяжести, так и для верховой езды. По костным остаткам, найденным при раскопках в культурном слое в районе Сухумской крепости, можно установить, что основными видами домашних животных в классический и эллинистический периоды в Диоскуриаде были крупный н мелкий рогатый скот[304].

Помимо земледелия и скотоводства население Доскуриады занималось и охотой. Так, в районе Сухумской крепости при раскопках в культурном слое V–I вв. до н.э. найдены кости животных (оленя, косули, кабана) в небольшом количестве, что свидетельствует о подсобном значении охоты в хозяйстве населения Диоскуриады.

---

[303] **АпакидзеА.М., Лордкипанидзе О.Д.** Новые материалы к археологии Диоскурии–Себостополиса. – ТАИ. XXXIII/XXXIV, Сухуми, 1963, с. 222.

[304] **АпакидзеА.М., Лордкипанидзе О.Д.** Новые материалы к археологии Диоскурии–Себастополиса. – ТАИ. XXXIII/XXXIV, Сухуми, 1963, с. 222.

В хозяйственной жизни Диоскуриады немаловажное значение занимало и рыболовство, о чем говорят, в частности, специально изготовленные по античным образцам спицы для вязки сетей и бронзовые рыболовные крючки, обнаруженные как в греческих, так и местных поселениях.

Несомненно, что греческие города Восточного Причерноморья были значительными центрами керамического материала и Диоскуриада не исключение. Многочисленные археологические материалы из раскопок Диоскуриады и ее хоры позволяют детально рассмотреть уровень керамического производства.

Этот керамический материал исходит по меньшей мере из трех обжигательных печей, выявленных в поселках Гвандра[305], Красный Маяк[306], Гульрипш[307]. Следы керамических производственных центров отмечены также на Эшерском городище[308].

Исключительно выразительны материалы из Гвандрской печи, в настоящее время уже полностью уничтоженной морем. Здесь, в срезе берегового вала, на глубине 1,6 м от поверхности почвы, было прослежено углубление диаметром до 3м, заполненное обломками пифосов, амфор, тарелок, мисок, блюд, кувшинов, горшков, черепицы, керамического шлака и т.д. Все эти изделия выполнены из местной глины оранжево-коричневого цвета.

Амфоры с довольно высокими ножками со слегка раздутым в верхней части горлом, с небольшим венцом сближают гвандрские амфоры с соответствующими синопскими изделиями второй половины IV – первой половины III вв. до н.э. На этом основании весь комплекс гвандрской печи может быть отнесен к III в. до н.э.

Наиболее примечательной особенностью гвандрского комплекса является впервые зафиксированный факт существования собственно диоскурийской клейменой амфорной тары – на ряде ручек имеется зеркальный отпечаток клейма, наносив-

[305] **Воронов Ю.Н.** К изучению керамического производства Диоскуриады. – СА, 1977, №2, с. 162–169.

[306] **Воронов Ю.Н.** К изучению керамического производства Диоскуриады. – СА, 1977, №2, с. 162–164.

[307] **Трапш М.М.** Древний Сухуми. Труды, т. II, Сухуми, 1969, с. 234–235.

[308] **Шамба Г.К.** Эшерское городище (Основные результаты археологических раскопок. 1968, 1970–1977гг.). Тб., с. 58–59.

шийся с помощью нескольких штампов. Как известно, в греческом мире клеймение амфор служило гарантией их стандартности, обусловленной государственным контролем над гончарным производством. Присутствие в клеймах из гвандрской печи названия города Диоскуриады должно было свидетельствовать о государственном характере керамического производства Диоскуриады, во всяком случае, в III в. до н.э.[309]

Другой яркий производственный процесс был исследован в пос. Красный Маяк[310]. Обжигательная печь была сложена из гранитных валунов и ломаного известняка на глиняном растворе с наружной обмазкой. Вокруг печи были прослежены остатки деревянных столбов, поддерживавших, вероятнее всего, черепичное перекрытие. Среди изделий, связанных с этой печью, обращают на себя внимание амфоры, сковороды, крышки, пирамидальные грузила, котлы, фрагменты столовой посуды, кирпичи, черепица. Часть амфор из красномаяцкой печи по форме напоминает соответствующую синопскую продукцию III в. до н.э.; аналогии найдены и в Эшерском городище. Большинство донышек связано с амфорами коричневой глиной, имевшей широкое распространение в местном производстве Колхиды в III–I вв. до н.э.[311] В общем, рассмотренный комплекс находок позволяет относить функционирование красномаяцкой печи ко времени с конца II до I вв. до н.э.

Следы, по-видимому, еще одной обжигательной печи были выявлены на юго-восточной окраине пос. Гульрипш, в 1–1,5км от берега моря. Здесь, на небольшой производственной площадке, было сгруппировано около 30 амфорных венцов и ножек, фрагменты венцов двух пифосов, тарелок, черепицы и другой посуды.

Все изделия из гульрипшской печи сформованы из местной глины с довольно обильной примесью песка. Горловины большинства амфор отмечены значками, наносившимися одним или двумя штрихами. Отличительные черты большинства рассматриваемых амфор – это раздутость горловины, массивный, слегка

[309] **Шамба Г.К.** Амфорные клейма Диоскурии. Труды АИЯЛИ, 5, Тб., 1976, с. 56.

[310] **Трапш М.М.** Древний Сухуми. Труды, т. II, Сухуми, 1969, с. 225.

[311] **Трапш М.М.** Древний Сухуми. Труды, т. II, Сухуми, 1969, с. 283.

отогнутый наружу венец, овальные и слегка уплощенные в сечении ручки, слегка округлая ножка, на внутренней стороне которой имеется характерный спиралевидный завиток. Профилировка венцов, а также уплощенность невысоких ножек позволяет датировать продукцию гульрипшской печи II–I вв. до н.э.[3121]

Достаточно выразительный комплекс античной керамики местного производства выявлен на Эшерском городище. Среди этой керамики выделяются амфора, кастрюли, крышки, сковороды, рыбные блюдца, пирамидальные грузила для ткацкого станка, солены и калиптеры, а также другие изделия, которые должны быть отнесены к продукции мастерских на самом городище и в пределах хоры Диоскуриады. Материалы Эшерского городища позволяют допустить существование местного производства античной керамики, во всяком случае, с III по I вв. до н.э.[313]

Таким образом, представленный выше небольшой обзор керамической продукции позволяет с достаточным основанием выделить основной ассортимент изделий, характеризующих продукцию керамического производства Диоскуриады.

Наиболее многочисленную группу изделий составляют амфоры, при изготовлении которых гончары первоначально ориентировались, главным образом, на продукцию Синопы IV–III вв. до н.э. В более поздних изделиях улавливается развитие черт, характеризовавших продукцию как Синопы, так и ряда других центров (Гераклея, Хиос и др.). В III в. до н.э. на ручки амфор ставились клейма с названием города, а во II–I вв. широко распространились различные метки, наносившиеся на горловину.

Массовый характер носило и производство черепицы, представленной как соленами, так и калиптерами. Древнейшие образцы черепиц Диоскуриады датируются III в. до н.э. (Гвандра).

Достаточно многочисленны находки керамических пирамидальных грузил, часто повторяющих форму греческих.

Важное место в деятельности гончарных мастерских Диоскуриады занимало производство различной кухонной и столовой посуды.

---

[312] **Воронов Ю.Н.** Диоскуриада–Себастополис–Цхум. М.,1980, с. 47–68.

[313] **Шамба Г.К.** Эшерское городище (Основные результаты археологических раскопок. 1968, 1970–1977г.г.). Тб., с. 16–41.

В заключение следует отметить, что значительный разброс рассмотренных выше центров керамического производства позволяет сделать вывод о том, что производственная база Диоскуриады в III–I вв. до н.э. в значительной мере совпадала с ее хорой.

В экономике Диоскуриады немалую роль играло и ремесло. В Диоскуриаде и ее окрестностях хорошо было развито металлообрабатывающее ремесло. К числу изделий греческих и местных кузнецов следует отнести в первую очередь сельскохозяйственные инструменты (лемехи, мотыги, виноградные ножи), оружие, строительные материалы. На сравнительно высокий уровень развития металлообрабатывающего производства и связанного с ним ювелирного дела указывают многочисленные предметы: украшения тела и одежды – браслеты, перстни, булавки, шейные гривны, фигурки животных, фибулы, серьги, нашивные бляхи и др. Найденные в значительном числе при раскопках Сухумских некрополей, они отличаются высокими художественными качествами. Определенный круг вещей был изготовлен диоскурийскими литейщиками.

Высокого уровня развития для того времени достигло и ткацкое ремесло. Об этом говорят многочисленные пирамидальные грузила для вертикального греческого станка, пряслица, куски шерстяных изделий и др., найденные при раскопках могильников и поселений в районе Сухума и других пунктах на побережье Абхазии[314]. Льняное полотно производилось не только для внутренних потребностей страны, но и для внешнего рынка.

Это подтверждается сообщением Геродота о том, что «они (колхи – **А.Г.**) и египтяне одни обрабатывают лен и притом одинаковым способом…Колхидское полотно у эллинов носит название сардонического»[315].

Страбон также сообщает, что жители Колхиды «выделывают много льняного полотна… Льняные ткани местного производства пользуются даже широкой известностью. Действительно, они (жители Колхиды – **А.Г.**) вывозили льняные ткани в чужие страны»[316].

[314] **Трапш М.М.** Древний Сухуми. Труды, т. II, Сухуми, 1969, с. 237.
[315] **Гулия Д.И.** История Абхазии. Т. I, Сухуми, 1925, с. 244.
[316] **Страбон**. География. В 17-ти кн. Л., 1964, с. 473.

Интересны данные о строительном деле. Основным материалом для сооружения домов на большинстве поселений хоры Диоскуриады было дерево. Стены деревянных строений покрывались глиняной обмазкой. На поселениях греков для строительства, помимо дерева, широко использовались камень и сырцовый кирпич. Стены домов ставились на фундаменте из ломаного или обработанного известняка или песчаника. Известняковые резные капители позднедорического ордера свидетельствуют о существовании в этих местах собственной школы каменотесов, возводивших монументальные храмы. Капители и часть блоков сделаны из известняка, ближайшие выходы которого известны к северу от Нового Афона.

Обработка дерева занимала видное место в ремеслах Диоскуриады: плотницкое и столярное дело, кораблестроение, изготовление сухопутных транспортных средств и деталей сельскохозяйственных орудий. Широко было поставлено производство канатов, плетение корзин, выделка циновок, обработка кости и т.д.

В эллинистический период происходит коренная перестройка хозяйства местного населения на территории хоры Диоскуриады. Если раньше главной задачей являлось удовлетворение внутренних потребностей каждого населенного пункта – его жители сами обрабатывали землю, изготовляли оружие, сельскохозяйственные орудия, посуду, одежду и украшения, то теперь часть этих функций перешла к городу, где аборигены стали приобретать в обмен на сельскохозяйственные продукты значительную часть того, что прежде производили сами**.**

В эллинистическую эпоху Диоскуриада, известная своими торговыми рынками, становится крупным торгово-посредническим центром. Согласно сообщению Тимосфена Родосского, жившего в III в. до н.э., здесь для торговых сделок собирались представители 300 племен. Страбон, опираясь на источники III–I вв. до н.э., писал: «Эта же Диоскуриада является ... общим торговым центром для живущих выше и соседских народностей. Во всяком случае, в этот город собираются (представители) 70 народностей ... сходятся в Диоскуриаду ... главным образом, за солью»[317].

[317] **Страбон**. География. В 17-ти кн. Л., 1964, с. 472–479.

Очень разнообразны в эллинистический период внешние связи Диоскуриады. В V в. до н.э. завязываются торговые сношения с Ионией и Афинами. На это указывают многочисленные находки разнообразных чернолаковых изделий.

С IV в. до н.э. устанавливаются прочные связиДиоскуриады с городами Малой Азии: Синопой, Гераклеей и др. С конца V – начала IV вв. до н.э. Синопа захватывает роль главного посредника в торговле между Колхидой и Средиземноморьем, сохраняя ее до конца эллинистической эпохи. Из Синопы в Диоскуриаду поступают амфоры с оливковым маслом, строительные материалы, столовая посуда, монеты и т.д. Не случайно поэтому местное керамическое производство складывалось под непосредственным влиянием соответствующей продукции Синопы (амфоры, черепица, лутерии и т.д.). В IV в. до н.э. устанавливаются торговые связи и с другим важным центром торговли в Причерноморье – Гераклеей Понтийской, откуда также ввозятся вина и оливковое масло. На территории хоры Диоскуриады найдены характерные образцы продукции Родоса, Косса, Пергама и других городов.

В свою очередь, Диоскуриада экспортирует лес, льняные ткани, продукты земледелия и животноводства, мед. С IV в. до н.э. определенное место занял и вывоз вина, о чем говорят находки колхидских амфор в Северном Причерноморье. Торговля была занятием населения Диоскуриады, однако ее результаты сказываются и на жизни населения ее хоры. По крайней мере, с середины V в. до н.э. в местной среде получают распространение многочисленные привозные изделия.

В IV–II вв. до н.э. местное население широко использовало продукцию различных средиземноморских и причерноморских центров. Надо полагать, что господствующей формой торговых операций между жителями сельских поселений и городскими купцами был натуральный обмен, хотя нельзя исключать и определенную роль денег.

Античные монеты появляются в окрестностях Диоскуриады довольно рано. В IV–II вв. до н.э. здесь получают хождение серебряные монеты Синопы, золотые и серебряные монеты Александра Македонского и Филиппа III Македонского («Подражания статерам Лисимаха»); распространяется монета Амиса

и других центров. На сельскохозяйственной территории города известно несколько кладов и довольно большое число случайных находок – колхидок – серебряной монеты, обращавшейся в Колхиде в конце VI–IV вв. до н.э. и связываемой рядом исследователей с чеканом Фасиса. Не исключение, однако, что один из монетных дворов, чеканивших колхидки, находился в Диоскуриаде. Тем более одна такая колхидка была найдена в 1924г. в районе Сухумской крепости, т.е. непосредственно на территории города[318].

Таким образом, во второй половине IV–III вв. до н.э. в истории восточно-причерноморских греческих городов наблюдается резкий перелом. В частности, Диоскуриада превращается в крупный город с обширной хорой и достаточно мощной производственной базой. Здесь бурно развиваются ремесла: керамическое, металлообрабатывающее, камнерезное и т.д., идет интенсивное строительство каменных оборонительных и культовых сооружений (Эшера). Надо полагать, что местное население являлось основным производителем, занятым в обработке земель, прилегающих к Диоскуриаде, и обеспечивало продуктами земледелия, животноводства и промыслов. У нас нет прямых сведений о реакции на греческую экспансию со стороны местной знати. Однако появление мощных оборонительных сооружений (Эшера), по-видимому, свидетельствует о нарастании противоречий между греками и местным населением, вылившихся, например, в конфликт с соанским племенным союзом в окрестностях Диоскуриады, зафиксированный здесь Страбоном.

6. Диоскуриада в эпоху Митридатовых войн

Во II в. до н.э. в Абхазии происходят важные политические события, повлиявшие на дальнейшую историю Диоскуриады. Черноморская держава, созданная понтийским царем Митридатом и на короткое время объединившая в своем составе почти все земли, прилегающие к Понту Эвксинскому, стала весьма важным фактором в политической истории всего античного мира эпохи эллинизма.

[318] **Шамба Г.К.** Монетное обращение на территории Абхазии (V в. до н.э. – XIII в. н.э.). Тб., 1987.

Создание державы Митридата явилось закономерным завершающим этапом длительного процесса объединения всех припонтийских земель в рамках единого политико-экономического целого.

Именно Понтийское царство пытается противостоять политическому и экономическому влиянию Рима в Причерноморье. Понтийский царь Митридат VI Евпатор принимает все меры к тому, чтобы создать против Рима мощное объединение, завладеть наиболее важными опорными пунктами, собрать как можно больше сил[319].

Само объединение причерноморских земель вокруг Понтийского царства произошло довольно быстро и, по-видимому, первым территориальным приобретением понтийского царя была Малая Армения (около 113г., в самом начале правления Митридата).

Следующим объектом экспансионистской политики Митридата VI стала Колхида. Античные источники, упоминающие о присоединении Колхиды к владениям Митридата, не содержат точных хронологических указаний. По мнению Д.Б. Шелова, произошло это примерно в 111–110гг. до н.э.[320]

Как считают некоторые исследователи, появление Митридата связано со стремлением Понта защитить греческий мир от все более и более активизировавшихся варваров. Одной из таких акций стал крымский поход, поводом для которого послужила просьба Херсонеса оградить его от скифов. Поход закончился включением Херсонеса и Боспора в состав Понта.

Первое появление войск Митридата на территории Диоскуриады, возможно, было связано с аналогичным призывом, когда, согласно источникам, Митридату пришлось «войной подчинить Колхиду». В войне Диоскуриада, судя по всему, поддержала Митридата, за что и получила автономию, выразившуюся, в частности, в праве чеканить собственную монету. Исследователи видят в этом факте возрождение в городе полисных традиций[321].

---

[319] **Воронов Ю.Н.** Диоскуриада–Себастополис–Цхум. Москва, 1980, с. 69.

[320] **Шелов Д.Б.** Понтийская держава Митридата Евпатора. – Из кн.: Причерноморье в эпоху эллинизма. Тб., 1982, с. 555

[321] **Воронов Ю.Н.** Диоскуриада–Себастополис–Цхум. Москва, 1980, с. 70.

Рис. 7. Диоскурийская монета

До сегодняшнего дня известно небольшое количество диоскурийских монет, найденных вне территории Абхазии. Все они изготовлены из меди и принадлежат к одному типу и двум весовым категориям (дихалк и халк). На лицевой стороне монет имеются изображения шапок Диоскуров с шестьюлучевыми или восемьюлучевыми звездочками над ними (рис. 7), а на обратной стороне содержится надпись **ДИОСКУРИАДОС**, разбитая на три строки.

Для изучения проблем взаимоотношения Колхиды с Понтом определенное значение имеет правильная датировка городских монет Диоскурии. .

До недавнего времени периодом эмиссии монет Диоскуриды считали 111–110гг. до н.э.[322] Обоснование этой датировки заключалось в том, что изображения на лицевой стороне указанных монет (шапки Диоскуров) повторяют мотив лицевой стороны южно-понтийских городских монет, эмиссия которых осуществлялась в 120–111г.г. до н.э.

Монеты Диоскуриды, в частности, вопросы хронологии, были монографически изучены К.В. Голенко. Он обратил внимание на то, что мотив оборотной стороны диоскурийских монет (символ Диониса – жезл) заимствован с типологии тех южнопонтийских городских монет, эмиссия которых производилась в 105–90г.г. до н.э., в связи с чем, согласно верному заключению К.В. Голенко, должны датироваться этим же временем и монеты, выпущенные в Диоскуриаде[323]. Эта датировка подтвержда-

[322] **Голенко К.В.** К датировке монет Диоскуриады. Нумизматический сборник. Тб. , 1977.

[323] **Дундуа Г.Ф., Лордкипанидзе Г.А.** Грузия и Митридат VI (по нумизматическим данным). –Из кн.: Причерноморье в эпоху эллинизма» Тб., 1982, с. 802.

ется и хронологией медных монет понтийских городов эпохи Митридата, обнаруженных как в окрестностях Диоскуриады, так и во всей Колхиде: абсолютное их большинство относится к 105–90гг. до н. э.

Как было отмечено выше, монеты, чеканенные в Диоскуриаде, редко встречаются в Колхиде, зато часто попадаются в Херсонесе и в ряде боспорских городов, хотя на Боспоре и в Херсонесе выпускалась собственная монета. По мнению исследователей, это обстоятельство является свидетельством попытки создания единого внутреннего рынка в сфере обращения медной монеты. В то же время есть мнение, что экономическая зависимость городов Северного Причерноморья от Понта искусственно стимулировалась нехваткой местной монеты и частичной ее заменой на привозную. По всей видимости, монеты Диоскуриады специально завозили для обращения в Херсонесе и на Боспоре[324].

Как и в других районах Причерноморья, основными опорными пунктами Митридата в Колхиде являлись греческие города, среди которых, судя по всему, ведущее место принадлежало Диоскуриаде. Несомненно, что именно греческие центры и близкая к ним местная племенная аристократия выступали инициаторами поддержки Митридата. Поэтому, когда в источниках идет речь о взаимоотношениях Митридата, следует рассматривать, в первую очередь, его отношения с местными греческими центрами.

По сообщению Страбона, в начальный период господства Понта в Колхиде правил наместник Митридата. Его резиденция, несомненно, располагалась в одном из греческих городов, вполне возможно, в Диоскуриаде. В функции наместника входили сбор налогов, организация вспомогательных войск и другие средства поддержки Понту в его многочисленных войнах, которые ложились тяжелым бременем также и на восточно-причерноморские города и их окружение. Экономическая жизнь Диоскуриады расстраивалась, особенно торговля с заморскими странами, что вызывало разочарование в Митридате среди господствующих слоев городов и местной племенной аристократии. Вероятно, результатом такого положения яви-

[324] **Шамба Г.К.** Монетное обращение на территории Абхазии (V в. до н.э. – XIII в. н.э.). Тб., 1987, с. 40.

лось антимитридатовское восстание в Колхиде, происшедшее около 85 г. до н.э.

О последующих событиях римский историк II в. Аппиан сообщает следующее: «Митридат же, поплыв в Понт, воевал с отпавшими колхами и боспорцами. Из них колхи просили его, чтобы им был дан царем сын его Митридат, и, получив его, тотчас подчинились...»[325]. Исследователи обычно истолковывают приведенный отрывок в том смысле, что Митридат вынужден был пойти в Колхиду на крупные уступки колхам, возродив у них царскую власть. По мнению Д.Б. Шелова, в современной литературе иногда придается слишком большое значение сообщению Аппиана[326]. По всей видимости, назначение Митридата-младшего правителем Колхиды, вероятно, имело точно такой же характер, как и одновременное назначение другого сына, Махара, наместником Боспора. Терминологии Аппиана нельзя в этом случае безусловно доверять: он и Махара называет «царствующим» на Боспоре. Впрочем, наместничество Митридата Филопатора в Колхиде очень скоро прекратилось по воле его отца, и правителем этой страны оказался тот же Махар.

Несомненно, что основную цементирующую силу понтийского государства составляли торговые припонтийские города, руководящие слои которых были заинтересованы в сохранении политико-экономического единства Черноморского бассейна. Примечательно, что такая позиция причерноморских городов ярко отразилась в истории римско-понтийских отношений. Именно античные города оказали наиболее последовательное и упорное сопротивление римской экспансии и были до конца наиболее прочными пунктами Митридата. Показателен и тот факт, что окончательно разбитый в Малой Азии Митридат находит убежище в одном из главных торговых центров Колхиды. Как сообщает греческий историк Мемнон, «собрали на суда множество сокровищ, представили город на разграбление солдатам, а сами бежали во внутренне области Понта, заселенные санигами и лазами»[327].

---

[325] **Воронов Ю.Н.** Диоскуриада–Себастополис–Цхум. М., 1980, с. 71.

[326] **Шелов Д.Б.** Понтийская держава Митридата Евпатора. – Из кн.: Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1982, с. 568.

[327] **Воронов Ю.Н.** Диоскуриада–Себастополис–Цхум. М., 1980, с. 72.

Упоминание о санигах позволяет полагать, что Митридат в 66–65г.г., отступая со своим трехтысячным отрядом, остановился именно в Диоскуриаде, где спокойно провел зиму (здесь, возможно, располагалась и резиденция его последнего колхидского наместника). Судя по всему, в Диоскуриаде имелось достаточно сил и средств для обороны и на суше, и со стороны моря. Но вскоре римские легионеры под командованием Гнея Помпея захватили Армению, Иберию и вторглись в Колхиду.

Позднеантичный автор Аппиан указывает, что Помпей поставил во главе колхов некоего Аристарха, в правление которого Диоскуриада оставалась крупным торговым центром[328]. Вероятно, к этому времени восходит сообщение Плиния Старшего о том, что римские торговцы «вели здесь свои дела при посредстве 13 толмачей»[329]. Свидетельством этому являются культурные слои конца II – середины I вв. до н.э. в западной части Сухумской крепости[330]. В них найдены обломки кососской амфоры, краснолаковая посуда и монета I в. до н.э.

Во второй половине I в. до н.э. в Риме в результате внутренних социально-политических противоречий произошло падение республики и установление монархического строя во главе с императором. Этим событием воспользовался сын Митридата VI Евпатора Фарнак, стоявший во главе Боспорского царства. Он поднял восстание против Митридата. Дион Кассий сообщает по этому поводу следующее: «Фарнак начал стремиться к возвращению себе отцовского царства и захватил много местностей... Он без труда подчинил себе Колхиду и всю Армению, некоторые города Каппадокии и Понта»[331].

Таким образом, Колхида (и Диоскуриада – **А.Г.**) перешла под власть Фарнака, на короткий срок превратившегося в царя не только Боспора, но и Колхиды и Малой Армении[332]. Однако в борьбе с Римом Фарнак потерпел в конечном итоге поражение и вскоре погиб.

---

[328] **Аппиан.** Митридатовы войны. Тб., 1959, с. 221.

[329] **Воронов Ю.Н.** Диоскуриада–Себастополис–Цхум. М., 1980. С. 72.

[330] **АпакидзеА.М., Лордкипанидзе О.Д.** Новые материалы к археологии Диоскурии–Себастополиса. – ТАИ. XXXIII/XXXIV, Сухуми, 1963.

[331] **Латышев В.В.** Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб., т. I, 1906, с. 615.

[332] **Аппиан**. Митридатовы войны. Тб., 1959, с. 221.

После его смерти развернулась ожесточенная борьба между новым правителем Боспора Асандром и ставленником Рима в Понтийском царстве Митридатом Пергамским. Колхида стала ареной военных действий и подверглась сильному разорению.

В конце I в. до н.э. Колхида входила в состав владений понтийского царя Полемона, после смерти которого правила его супруга Пифодорида.

В 63г. римляне, аннулировав вассальную зависимость Пифодориды, превратили Понт в свою провинцию, утвердившись в районе Восточного Причерноморья. В этом отношении интерес представляет следующее сообщение античного автора того времени Иосифа Флавия: «Гениохи и колхи, и племя тавров..., и народы, живущие вокруг Понта..., повинуются теперь трем тысячам гоплитов... создали спокойствие и мир на диком море...»[333].

По данным других авторов, положение в Колхиде в I в. до н.э. было не совсем спокойно и мирно. Так, Страбон указывает, что набеги соседних племен (гениохов и др.) на римские владения продолжались. Население Колхиды все больше и больше проявляло недовольство римским господством; оно подняло в 69г. до н.э. массовое восстание против римлян, во главе с представителем местных племен Аникетом

Похоже, что в I в. до н.э. римляне не имели еще своих укреплений на побережье Абхазии и не смогли превратить этот край в свою провинцию. Греческий географ Страбон в начале I века н.э. говорит о Диоскуриаде как о богатом цветущем городе, а Гай Плиний Секунд (29–79гг.), в отношении этого города уже сообщает, что «теперь он (Диоскуриада – **А.Г.**) находится в запустении»[334].

Письменные сообщения Плиния Секунда наглядно подтверждаются материалами археологических раскопок в районе древних городов Абхазии. Так, культурные слои I века до н.э. – I века н.э. на территории Сухумской крепости оказались очень слабо выраженными и дали лишь единичные находки, что явно свидетельствует об упадке и кризисе в жизни древней Диоскуриады.

[333] **Гулия Д.И.** История Абхазии. Т. I, Сухуми, 1925, с. 254.

[334] **Трапш М.М.** Древний Сухуми. Труды, т. II, Сухуми, 1969, с. 289.

И уже не позднее третьей четверти I в. на месте Диокуриады возникает римский укрепленный пункт – город, названный Себастополисом в честь римского императора Августа, имевшего прозвище «Себастос» (священный, достойный поклонения). Начинается новый этап многовековой истории древнего Сухума.

Таким образом, история Абхазии в античную эпоху характеризовалась тесным взаимодействием греческих и местных начал в экономике, политике, культуре, идеологии – на фоне сложившейся общеисторической обстановки. Все это позволяет рассматривать данный регион в качестве органической, хотя и периферической части эллинистического мира. Несмотря на то, что сложение эллинизма шло в разных местах античного мира отличными друг от друга путями, обусловленными конкретно-исторической обстановкой, результаты этого процесса были везде по сути одинаковы. Абхазия, как представляется на основе вышеизложенного, в этом отношении не составила исключения.

Список литературы

1. Агбунов М.В. Античная археология и палеогеография. – КСИА, Москва, 191, 1967.
2. Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии. – Москва, 1964.
3. Апакидзе А.М., Лордкипанидзе О.Д. Новые материалы к археологии Диоскурии–Себастополиса. – ТАИ, Сухуми, 1963.
4. Аппиан. Митридатовы войны. – Тб., 1959.
5. Бакрадзе Д. История Грузии. – Тифлис, 1889.
6. Башкиров А.С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года. – ИАБНО, 4,Сухум, 1926.
7. Бгажба О.Х. О металлообрабатывающем ремесле в античной Абхазии (VI–I вв. до н.э.). – ИАИЯЛИ, 8, Тб., 1979.
8. Бгажба О.Х. Черная металлургия и металлообработка в древней и средневековой Абхазии. – Тб., 1963.
9. Болтунова А.И. Эллинские апокии и местное население Колхиды. – В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тб., 1977.

10. Воронов Ю.Н. «Античный мир и Северная Колхида. – В кн.: Проблемы античной истории и культуры (доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран). Ереван, 1979.
11. Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии. – Сухуми, 1969.
12. Воронов Ю.Н. Ахул-абаа – поселение античного времени в окрестностях Сухуми. – МАА, 1979.
13. Воронов Ю.Н. Гиенос. – СА, 1976, № 4.
14. Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. – Краснодар, 1979.
15. Воронов Ю.Н. Диоскуриада–Себастополис–Цхум. – М., 1980.
16. Воронов Ю.Н. К изучению керамического производства Диоскуриады. – СА, 1977, №2.
17. Воронов Ю.Н. Некоторые проблемы социальной истории Северной Колхиды в эпоху греческой колонизации. – В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тб., 1979.
18. Воронов Ю.Н. Об Эшерском городище. – СА, 1972, №1.
19. Воронов Ю.Н. О динамике берегов Сухумской бухты в исторические времена (в связи с проблемой локализации Диоскуриады). – В кн.: Сборник работ молодых ученых – историков Абхазии. Сухуми, 1974.
20. Воронов Ю.Н. Материальная культура гениохских племен в VI–I вв. до н.э. – В кн.: Сборник работ молодых ученых-историков. Сухуми, 1974.
21. Воронов Ю.Н. Восточное Причерноморье в системе эллинистического мира. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. – Тб., 1982.
22. Голенко К.В. К датировке монет Диоскуриады. Нумизматический сборник. – Тб., 1977.
23. Гулия Д.И. Сухум не Диоскурия. – Труды АБНИИК, вып. 2, Сухум, 1934.
24. Гулия Д.И. История Абхазии. – Т. I, Сухуми, 1925.
25. Джавахишвили А.А. История грузинского народа. – Тб., 1951.
26. Джанашия С.Н. Из истории грузинской государственности.

К истории Колхидского царства. – В кн.: Тезисы докладов XII научной сессии Отделения общественных наук АН ГССР, Тб., 1949.
27. Дундуа Г.Ф. К происхождению «колхидок» с изображением льва. – Мацне, Тб., 1972, №1.
28. Дундуа Г.Ф., Лордкипанидзе Г.А. Грузия и Митридат VI (по нумизматическим данным). – Из кн.: Причерноморье в эпоху эллинизма. Тб., 1982.
29. Дюбуа-де-Монпере Ф. Путешествие вокруг Кавказа. – Сухум, 1937.
30. Ельницкий Л.А. Знание древних о северных странах. – М., 1961.
31. Жебелев С.А. Северное Причерноморье. – М. – Л., 1953.
32. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора. – МИА, №83,1960.
33. Иващенко М.М. Исследование архаических памятников материальной культуры Абхазии. – Тифлис, вып. 3, I935.
34. Иващенко М.М. К вопросу о местонахождении Диоскурии древних. – ИАБНО, 4, Сухум, 1926.
35. Инадзе М.П. К вопросу о характере развития городов Северной Колхиды в античную эпоху. – Тб., 1959.
36. Инадзе М.П. О времени образования колхидского царства по данным древнегреческих авторов. – КБС, вып. 4,1973.
37. Инадзе М.П. Греческая колонизация Восточного Причерноморья. – Тб., 1982.
38. Каландадзе А.И. Археологические памятники Сухумской горы. –Сухуми, 1954.
39. Капанадзе Д.Г. Грузинская нумизматика. М., 1975.
40. Капанадзе Д.Г., Голенко К.В. К вопросу о происхождении колхидок. – ВДИ, 1957, №4.
41. Кахидзе А.Ю. Города Причерноморья Грузии в античную эпоху. – Тб., 1971.
42. Качарава Д.Д. Некоторые вопросы истории Гюэноса в связи с проблемой греческой колонизации Северо-Восточного Причерноморья. – Тб., 1979.
43. Квирквелия Г.Т. Материальная культура Северо-Западного Кавказа в VIII–V вв. до н.э. Автореф. канд. дисс. – Тб., 1981.

44. Ламберти Арканджело. Описание Колхиды, называемой теперь Менгрелией. – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – СПБ., 1913.
45. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. – СПб., т. I, 1906.
46. Лашхия Ш.В. О современных изменениях береговой линии Абхазии. – Известия Академии наук СССР. Серия «Геология», № 12, 1956.
47. Лордкипанидзе О.Д. К проблеме греческой колонизации восточного Причерноморья. (Колхиды). – В кн.: Материалы всесоюзной конференции. Тб., 1979.
48. Лордкипанидзе О.Д. Античный мир и Колхида. – Тб., 1961.
49. Лордкипанидзе О.Д. Античный мир и Восточное Причерноморье (Колхида, Иберия). – Тб., 1975.
50. Лордкипанидзе О.Д. Основные проблемы древней истории Причерноморья. – Из кн.: Письменные источники и археология. Тб., 1990.
51. Лордкипанидзе Г.А. Древняя Колхида в VI–II вв. до н.э. – Тб., 1978.
52. Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. – Сухум, 1913.
53. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. – Тб., 1959.
54. Миллер А.А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 году. – МАК, 33, СПб, 1909.
55. Миллер А.А. Из поездки по Абхазии в 1907 году. – Материалы по археологии России, I, 1919.
56. Микеладзе Т.К. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья. – Тб., 1974.
57. Петерс Б.Т. Морское дело в античных городах Северного Причерноморья. – М., 1982.
58. Псевдо-Скилак. Вестник древней истории, № 3, 1947.
59. Сизов В.И. Восточное побережье Черного моря. – МАК, 2, 1889.
60. Соловьев Л.Н. Диоскурия–Себастополис–Цхум. – Труды АГМ, I, Сухуми, 1947.
61. Соловьев Л.Н. Следы древнего соляного промысла близ г. Сухума и г. Очамчира. – Труды АГМ, вып. 1, Сухуми, 1947.

62. Стемпковский И.А. Исследования о местоположении древних греческих поселений на берегах Понта Эвксинского между Тирасом и Борисфеном, учтенные по случаю найденных в 1823г. остатков древностей. – СПб., 1826.
63. Трапш М.М. Древний Сухуми. – Труды, т. II, Сухуми, 1969.
64. Трапш М.М. Мраморный барельеф из Сухуми. – ВДИ, № 4, 1954.
65. Трапш М.М. Раскопки древнего Себастополиса в районе Сухумской крепости в 1959. – ТАИ, XXXIII–XXXIV, 1963.
66. Федоров П.В. Послеледниковая трансгрессия Черного моря и проблема изменения уровня океана за последние 15 тыс. лет. – М., 1982.
67. Цецхладзе Г.Р. Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги изучения (VI – начало V вв. до н.э.). – ВДИ, № 2,1947.
68. Чернявский В.И. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. – МАК, т. II, М., 1889.
69. Чернявский В.И. Из исследований в Юго-Западном Закавказье. Доказательства колебания западного прибрежья Кавказа в течение исторических времен. Следы городов, погребенных в наносах. – ИКОИРГО, XIII, 1877. (По Воронову Ю.Н.)
70. Шамба Г.К. Амфорные клейма Диоскурии. – Труды АИЯЛИ, 5, Тб., 1976.
71. Шамба Г.К. Эшерское городище (основные результаты археологических раскопок. 1968, 1970–1977гг.). – Тб., 1980.
72. Шамба Г.К. Абхазия в I тысячелетии до н.э. (по данным письменных и археологических источников). – Сухум, 2000.
73. Шамба С.М. Гюэнос – Тб., I, 1980.
74. Шамба С.М. Монетное обращение на территории Абхазии (V век до н.э. – XIII век н.э.). – Тб., 1987.
75. Шарден Ш. Путешествие по Закавказью в 1672–1679гг. – Тифлис, 1905.
76. Шенгелия И.Г. К вопросу о топонимике Диоскуриады. – Сообщения Академии наук Грузии. XX, Тб., 1967.
77. Щеглов А.Н. Северо–Западный Крым в античную эпоху. – Ленинград, 1978.

78. Шелов Д.Б. Понтийская держава Митридата Евпатора. – Из кн. Причерноморье в эпоху эллинизма. Тб., 1982.
79. Яйленко В.П. Греческая колонизация VIII – III вв. до н.э. – М., 1982.

Список сокращений

АГМ – Абхазский государственный музей.

АБНИИК – Абхазский научно-исследовательский институт краеведения.

АИЯЛИ – Абхазский институт языка, литературы и истории.

ВДИ – Вестник древней истории.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии.

КБС – Кавказско-ближневосточный сборник.

ИАК – Известия Археологической комиссии.

ИАБНО – Известия Абхазского научного общества.

ИКОИРГО – Известия Кавказского отдела Русского географического общества.

МАИА – Материалы по археологии и искусству Абхазии.

МАА– Материалы по археологии Абхазии.

МАК – Материалы по археологии Кавказа.

МИА– Материалы и исследования по археологии.

СА – Советская археология.

ТАИ– Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И.Гулиа.

Часть третья

ИССЛЕДОВАНИЯ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ ЗА РУБЕЖОМ

CHAPTER 1.DIOSCURIAS

The problem of Greek colonization of the North East Black Sea littoral (Abkhazia) is an extremely complicated and crucial issue in the ancient history of the area, on which no common opinion has been built yet. Although, owing to written sources and results of archaeological excavations, the presence of Greeks is recognized by all researchers. However, at the same time, an extreme scarcity of written sources and small numbers of epigraphic monuments lead to the formation of different opinions concerning the nature of colonization of the North East Black Sea littoral (Abkhazia) by Greeks.

The problem of Greek colonization of Abkhazia has was subject to discussion by researchers of many generations. One of the first ones to bring up the problem was in work of Frederic Dubois "A Journey Round the Caucasus" in which he writes about Dioscurias, Gyenos and other cities on the Black Sea Coast of the Caucasus, referring to them as to typical Greek colonies[335].

A number of scientists, including V. Chemyavsky, K. Machavariani, V. Miller, V. Kudryavtsev, A. Bashkirov, M. Ivaschenko, A. Fadeev and others, wrote about Greek colonization of the Abkhazian Black Sea littoral.

L. N. Soloviov, who had studied a large group of monuments, made an important contribution into exploration of the issue of Greek Colonization of Abkhazia[336].

Greek colonization of Abkhazia receives considerable attention in the works of Z.V. Anchabadze[337]. He believes that the colonization of the North East Black Sea littoral was one of the stages of widespread colonization movement in VIIIth-VIth cc. B.C. According to him, Dioscurias emerged based on the local trade and agricultural settlements. The researcher, following Georgian scientists, considers that the beginnings of Greek colonies in Colchis (as well in Abkhazia) concurred with the existence of a state establishment there.

---

[335] **Dubois Frederic De Monpere**, A Journey Round the Caucasus. Sukhumi. 1937, pp. 145-150.

[336] **Soloviov L.N.** Dioscuria-Sebastopolis-Tskhum.Works of the Abkhazian State Museum. I. Sukhumi, 1947, pp. 99-134.

[337] **Anchabaze Z.V.** The History and Culture of Ancient Abkhazia. Moscow, 1964, pp. 146-149.

Exploring this matter, a great importance is ascribed by Abkhazian archaeologist, M.M. Trapsh[338]. In his opinion, the emergence of Greek cities in Abkhazia was a result of development of ancient states. Greeks settled their colonies in the places where there were corresponding natural conditions for development of economy and trades and based on local settlements. As well, the local population was interested in the emergence of Greek cities. According to him, the decisive role in founding the cities belonged to the local population, that had already been prepared for urban life, which lead to the domination of the local element in the cities. That is what M.M. Trapsh considered the originality of the development of the cities on the East Black Sea littoral.

According to M.M. Trapsh, by the beginning of Greek colonization, the local population had possessed a society with highly developed economy and culture.

M.P. Inadze, who dedicated a number of articles and a monograph to the problem under discussion, also thinks that by the time of arrival of Greeks, the local population of the East Black Sea littoral had gone through a long way of social development, having quite prepared for urban life. For this reason, the Greek settlements that had formed up there did not develop into typical colonies and acquired a peculiar character. Having emerged by local trade and agricultural centres, the Greek settlements turned into cities with mixed populations and specific features of urban nature[339].

A great number of works by O.D. Lordkipanidze are dedicated to the problem of Greek colonization of the East Black Sea littoral. On the basis of archaeological facts from the presumed surroundings of the Greek settlements, he considers that the Greek settlements in Colchis represent emporiums attached to large local urban settlements. They played an important role in the development of trade and economic ties of Colchis with the ancient world, but «did not introduce any complex Hellenistic forms of political and social nature. Not only real ancient culture, at least with a prevailing Greek make-up which is so necessary under widescale colonization, was

[338] **Trapsh. M.M.** Ancient Sukhum. Works, 2. Sukhumi, 1969, pp. 209-219.

[339] **Inadze M.P.** Black Sea Coast Cities of Ancient Georgia. Tbilisi, 1982, pp. 142-158.

not developed there, but no Hellenisation of the local population at all can be traced either[340].

Another Georgian researcher, G.A. Lordkipanidze thinks that Greeks settled in local coastal trade and economic centres that already had emerged at the end of the Late Bronze Age and the population of these centres was really mixed, but the leading economic and political role was played by Greek settlers[341]. Furthermore, the author concludes that the Greek settlements that emerged in Kolkhida during the period of "The Great Greek Colonization" represented polises and important centres of Greek culture, which is proved by large imports from Pichvnara and Eshera sites of ancient settlement, and handicrafts from Dioscurias. Opposing this categorical conclusion of Guram Lordkipanidze, Otar Lordkipanidze supposes that "rather large imports from Pichvnari and Eshera sites can only serve as evidence of intensive trade ties of Greeks with Colchis, but in no way as evidence of polis organization of the Greek settlements which emerged there. Moreover, he links all the imports to trade and economic activity of Athens".

A.Y. Kakhidze as well touches upon the colonization of the East Black Sea littoral by Greeks. According to him, this territory had been dragged into the sphere of trade and economic relations already at the end of VIIthc. B.C. He supposes that at the early period Pontic cities played the main role here and that at the primary stage the exchange between Greeksand the aboriginal population bore a natural character.

A large number of works by A.I. Boltunova are dedicated to the formation of cities and urban life on the East Black Sea littoral. She thinks that Greeks settled in the settlements of the local tribes, established small trade stations, partially displaced and enslaved the local population, captured neighbouring lands, turning them into emporiums or Hellenic city-settlements. Further, she writes that the Greek settlers, from the moment of their establishment in Colchis, had been engaged in agriculture, fishery and other activities, and, the most important – trading[342]. Speaking about the relations

[340] **Lordkipanidze O.D.** Ancient World and Colchis. Tbilisi, 1966, p. 158.

[341] **Lordkipanidze G.A.**Ancient Colchis in VIth-IInd cc. B.C. Tbilisi, 1978, pp. 136-140.

[342] **Boltunova A.I.** Hellenic Apoikias and Local Population of Colchis. In vol.: The Problems of Greek Colonization of the North East Black Sea Littoral. Tbilisi, 1979, pp. 256-273.

between Dioscurias and the Colchian Kingdom, Boltunova remarks that "if the Colchian Kingdom did exist, its territories, in any event, did not include the territory occupied by Dioscurias and its chora in VIth-Vthcc. B.C."[343].

In his numerous works, Y.N. Voronov not once touched upon the problem of Greek colonization of the East Black Sea littoral. He considered that the cities in Colchis were a product of colonization, and, by their socio-economic, cultural and ethnic make-up, barely differed from Greek settlements in other areas on the Black Sea littoral. According to him, in the pre-ancient period, the environs of Dioscurias experience a relative fall, and only at the end of VIth-Vthcc. B.C. starts the economic rise associated with the emergence of Greek colonies[344].

An explorer of multiple ancient monuments of Abkhazia, G.K. Shamba, believes that «all along the East Black Sea littoral, early Greek settlements emerged at a close proximity to the seashore (Dioscurias, Gyenos, Pichvnari) or a little farther away from it (Eshera, Sima – gre). In all cases they stationed near aboriginal settlements and areas rich in natural resources in order to be able to engage in trade and farming...»[345]. He thinks that despite the peaceful nature in the relations between the aboriginal population and Greeks, the latter tried to fend themselves off with defensive constructions.

In doing so, the following points of view concerning the socio-economic, cultural and ethnic character of the cities on the East Black Sea littoral in VIth-Vth cc. B.C. have been expressed by the present moment: 1) settlements of urban type had emerged in Colchis long before the arrival of Greeks and independently of them; and then, over the stretch of its further history, remained Colchian, but not Greek; 2) East Black Sea cities emerged based on large local communities of the Late Bronze period under the influence of Greeks, and, from the very beginning, had a "mixed" Graeco-local population with only some features of self – government; 3) the Greek

[343] **The same**, p. 264.

[344] **Voronov Y.N.**North Colchis in VIIIth-Vth cc. B.C. Tbilisi, 1979, p. 279; Dioscurias-Sebastopolis-Tskhumi.Moscow, 1980.

[345] **Shamba G.K.** Abkhazia in the Ist Millenium B.C. (based on written and archaeological sources). Sukhum, 2000, p. 174.

settlements in Colchis represented trade stations without their own economic basis and were organized in the way of quarters in local cities; the ancient cities in Colchis were a product of Greek colonization and, by their socio-economic, cultural and ethnic character, barely differed from Greek settlements in other settlements on the Black Sea littoral.

The stages of penetration and the time of the first contacts between the population of Colchis with Greeks are as well subject to discussion. According to many researchers referring to the Myth of the Argonauts, the contacts between the Greek world and the local population of Colchis prior to the colonization had occurred already in the Achaean period. However, lately, an objective opinion has been more and more frequently expressed on such early dating of the myth in its Caucasian part, while the first contacts of East Black Sea tribes with the Greek world, as archaeological materials hold it, cannot be dated to a period earlier than VIIIth-VIIthcc. B.C.[346] Up until recent, the only archaeological evidence in favour of the oldest sea connections of Colchis with Achaean Greece has been considered the bronze fibulas of the so-called "sub-mycenean" type. However, Y.I. Voronov proved that Caucasian arched fibulas relate to the north-eastern branch of Mediterranean fibulas that became widespread in the Caucasus in the pre-Scythian and early-Scythian periods in VIIIth-VIthcc. B.C.[347] Consequently, Colchian-Koban bronze fibulas nowadays cannot be used to resolve the issue of Colchian-Greek contacts in the period of earlier than VIIIth B.C. Apart from the mentioned fibulas, amongst the monuments the East Black Sea littoral, a series of artefacts are pointed out which affirm the possibility of more or less regular contacts of the local population with the Greek world, beginning from VIIIthc. B.C. These are zoo-morphous lamellar fibulas, pivot-shaped mascots embellished with clusters of mushroom-shaped ledges, vertically corrugated hand-bells, iron ploughshares, ploughshare hoes and vine shears[348]. These archaeo-

[346] **Tsetskladze G.R.** Greek Penetration into the East Black Sea Coast: some results of study (VIth – beginning Vthcc. B.C.). *Vestnik Drevnei Istorii* (Messenger of Ancient History), 1997, JVs 2, p. 101.

[347] **Voronov Y.N.**The Antiquities of the Sukhum Military Road. Sukhumi, 1977, p. 21; On the study of the ceramic production of Dioscurias, *Sovietskaya Arkheologia* (Soviet Archaeology), 1977, *Ns 2,* pp. 162-169.

[348] **Scheglov A.N.** The system of "Polis-Chora" and contact zones on the Black Sea

logical facts, in combination with the data from written sources concerning the foundation of a number of Greek cities on the South Black Sea littoral in the direction of Colchis, in VIIIth – VIIthcc. B.C., as it is presented, are sufficient to illustrate the fact of precolonization contacts of Greeks with the population of the East Black Sea littoral, 1-2 centuries prior to the time of appearance of Apoikia there.

Demographic and ecological situation of the Bay of Sukhum. In order to explore Greek colonization in each concrete area, especially at its early stage, it is of importance to define the demographic and ecological situation in the areas colonized by Greeks. The demographic situation often influenced on the course of colonization and defined the economic orientation of the colonists in many aspects. The Second All-Union Symposium on the Problem of Greek Colonization of the North and East Black Sea littoral was dedicated to this problem and took place in 1979, Georgia. A comparative study of the situation on the North and East Coasts of the Black Sea provided an interesting picture in many aspects, explained the diversified nature of Greek colonization and originality in individual areas.

So, the Dnieper-Bug area, which became a place of one of the earliest and active colonizing activity, was rather favourable for assimilation by Greeks as settled population almost completely lacked, and, from the very beginning Greeks enjoyed the possibility of unrestricted use of land and development of agriculture. A similar situation contributed to mass colonization of the East Crimea and Taman Peninsula and rapid emergence of colonies, such as Panticapaeum, Nymphaeum, Theodossia, Myrmekion and others.

Different conditions featured the foundation of the Dorian-Heraklean colony of Chersonesus. Here, according to researchers, colonists used force to capture the territory and displaced or enslaved the aboriginal population.

In doing so, almost all over the whole territory of the North Black Sea littoral, the demographic situation is characterized by nearly absolute absence of settled agricultural population and no significant political power at all.

A completely different situation is ascribed to Greek colonization

Coast. – In book: XIV International Conference of Antiquity Experts of Socialist Countries. Theses of the Reports.Yerevan, 1976.p. 43.The same author.Northwest Crimea in the Ancient Period. Leningrad, 1978, p. 35.

of Colchis – on the East Black Sea Coast, considers a Georgian scientist, O. D. Lordkipanidze[349]. Here, according to him, a continuous process of development of the local population is fixed, which formed an excellent material culture. Over the stretch of the seashore, the presence of the local population, producing activity alongside agriculture and crafts are fixed. Here, unlike the North Black Sea littoral, there is no wide-scale assimilation of land by Greeks and polisis with producing economy are organized.

In doing so, an idea which has settled in literature holds that the aboriginal settlements found in the neighbourhood of the Bay of Sukhum, whose shores Dioscurias is located on, already in the pre-ancient period were marked for "a peculiarly noticeable concentration" and forming into a large trade and craft city[350]. The consequent conclusion is that the Greek settlement in Dioscurias, allegedly, represented an emporium founded attached to a large local urban settlement at its primary stage.

In order to solve the issue of the demographic situation on the environs of Dioscurias, consideration has to be given to two details. The first is the cartographic one based on the comparison of data on the number of population on the environs of the Bay of Sukhum (Fig. 1).

The second detail derives from the calculation of the burials found by the present time on the environs of the Bay of Sukhum.

However, at the same time, researchers, employing these two arguments, come to opposite opinions. To counterbalance a large group of researchers, Y.N. Voronov thinks that in the middle of VIth-Vthcc. B.C. the number of aboriginal settlements on the environs of the Bay of Sukhum doubles, and this serious demographic move is considered to be a result of influence on the environment of the most ancient in this territory settlement of urban type – Dioscurias which entered the stage of «polis-chora» system of formation from the moment of its foundation.

The problem of the «Colchian Kingdom» is tightly linked to the

[349] Lordkipanidze O.D. Main problems of the ancient history of the Black Sea Coast. From book: Written Sources and Archaeology. Materials from the 5^{lh} International Symposium on the ancient history of the Black Sea Coast. Tbilisi, 1990, p. 22.

[350] Lordkipanidze O.D. Ancient world and East Black Sea Coast (Colchis, Iberia).Tb., 1975, p. 215.

character and time of Greek Colonization of the East Black Sea littoral. A prominent Georgian scientist, S.N. Dzhanashia, raised this problem in the '40s of the 20th century[351]. At that time, he, based on the corresponding interpretation of some data of ancient authors, attempted to prove the hypothesis of the existence of the Colchian state in the territory of modem West Georgia in VIth-IInd cc. B.C. This hypothesis received acceptance by the absolute majority of Georgian scientists. So, D.G. Kapanadze thought "Kolhidkis" to be local royal coins, and the Colchian Kingdom – one of the "biggest states in the Front Asia"[352]. M.P. Inadze considered "the Colchian Kingdom" as a sufficiently strong political union"[353]. She even establishes a rather accurate period of the emergence of the Colchian Kingdom: before the accession of the throne by Darius, i.e. in the '20s of VIthc. B.C.[354] At the same time, archaeological materials attest to the appearance of Greeks on the East Black Sea Coast at the beginning of VIthc. B.C. already, i.e. before the presumed formation of the Kingdom. O.D. Lordkipanidze defended the hypothesis of «a strong Colchian Kingdom» in VIth-IVthcc. B.C. that, allegedly, had prevented the formation of Greek polises in Colchis[355].

A.I. Boltunova writes the following on the problem of Colchian statehood: "First of all, let us permit ourselves to question which definite, direct and undeniable facts are available to defend the opinion on the existence of a unified state entity headed by a king in Colchis in VIth-IIIrdcc. B.C.? Such facts merely do not exist..., therefore, the concept of this kingdom is simply a hypothesis at its best, unable to be proved with the sources available"[356].

A.I. Boltunova's point of view in many aspects coincides with the

[351] Dzhanashia S.N. From the history of Georgian statehood.On the history of the Colchian Kingdom. – In book: Theses of the reports from the XII scientific session of the Department of Sivics of the Academy of Science of GSSR. Tbilisi, 1943, pp. 210-212.

[352] Kapanadze D.G. Georgian Numismatics. Moscow, 1955, p. 31.

[353] Inadze M.P. Cities on the Black Sea littoral, p. 161.

[3544]Inadze M.P. On the time of formation of the Colchian State based on ancient Greek authors. Compendium.Problems of Ancient History. Tbilisi, 1973, pp. 165-167.

[355] Lorkipanidze O.D. Ancient Colchis.Myth and Archaeology. Tbilisi, 1979, p. 12.

[356] Boltunova A.I. Hellenic apoikias and the cocal settlement of Colchis. – In book: Problems of Greek colonisation of North and East Black Sea Coast. Materials from the Ist All-Union Symposium on Ancient History of the Black Sea Coast.

opinion of Professor Y.N. Voronov, who thought that written sources and archaeological facts unanimously testify against the hypotheses of an "independent" and "powerful" Colchian "Kingdom" which allegedly existed on the East Black Sea littoral in VIth-Vthcc. B.C.[357].

In one of her multiple works on the problem of Greek Colonization of the East Black Sea littoral, as it was mentioned above, A.I. Boltunova comes to the conclusion that if the Colchian Kingdom exist, Dioscurias did not form part of its territory in VIth-Vthcc. B.C. For this reason, the city established by Milesians near the Bay of Sukhum could not experience obstacles from the side of the Colchian state.

The Graeco-Roman written tradition tells about the existence of three Greek cities on the East Black Sea littoral –Phasis, Gyenos and Dioscurias.

Written sources most frequently mention Phasis. Despite numerous facts on the location of Phasis, the city has not been found yet.

The first mention of Gyenos is found in a work ascribed to an author of IVth c. B.C., Scylaks, a resident of Caryanda. It is also found in «Naturalis Historia» of Pliny the Elder. Along with written sources and toponymy, Gyenos is known by archaeological facts. Its materials were for the first time discovered in 1935-1936. In 1977, as a result of medium-scale works, materials covering the periods from the Late Ancient to Vth c. B.C. were unearthed.

The archaeological materials from Gyenos were initially given account of in a work of M.M. Ivaschenko "The Ancient Settlement near Ochamchiri" archived as a of manuscript in the library of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of Georgia.

One of the works of L.N. Soloviov is dedicated to the features of the ancient layers of Gyenos[358]. According to him, the ancient site was a typical trade station for seasonal trade. He dated the period of its formation to approximately Vth-IIIrdcc. B.C.

B.A. Kuftin dedicated one of his works to the excavations in Gy-

[357] Voronov Y.N. Ancient world and North Colchis. – In book: Problems of ancient history and culture (reports) from the XIV International Conference of the Experts in the Ancient History of Socialist Countries, T. 1, Yerevan, 1979; The same author, Some problems of the social history of North Colchis in the period of the Greek colonisation. – In book: Problems of Greek Colonisation of North and East Black Sea Coast. Tbilisi, 1979.

[358] Soloviov L.N. Traces of ancient salt industry near Sukhum and Ochamchira. – Works of the Abkhazian State Museum, issue I. Sukhumi, 1947, p. 111.

enos[359]. The historical and cultural characteristics of Gyenos were as well touched upon by an academician G. A. Melikishvili who related it to the category of Greek colonies[360].

Another Georgian researcher, M.P. Inadze, in a special article dedicated to the problem of the nature of development of the cities in North Colchis, wrote that Gyenos "already in the second half of VIthc. B.C. should have been founded by Miletus, but due to swamping of the soil, a most ancient Greek settlement ceased its existence. And only later, in Vth-IVthcc. B.C., there again emerged a settlement founded by Athenians[361].

O.D. Lordkipanidze refers the time of formation of Gyenos to Vthc. B.C.[362]. He writes that there are no grounds to believe this settlement to be Greek, moreover a polis – it was a Greek seasonal trade station with a link to the trade activities of Athens. D.D. Kacharava considers Gyenos to be a Greek (Athenian) trade station founded attached to a local settlement[363]. G.T. Kvirkvelia expressed almost a similar point of view in relation to Gyenos. According to him, Greeks appeared here in the middle of Vthc. B.C. and started establishing contacts with the local population whose aim was trade[364].

S.M. Shamba's excavations showed that Gyenos had represented a large city-settlement founded in the period of no later than the first half of VIth c. B.C.[365]

One of the most important points in exploring the process of Greek colonization on the East Black Sea littoral is Dioscurias localised by many researchers in the area of modem Sukhum in Abkhazia.

Topography and palaeography of the Bay of Sukhum. Attempts

[359] Kuftin B.A. Materials on the archaeology in Colchis. Vol. 1, Tbilisi, 1950, pp. 271-272.

[360] Melikishvili G.A.On the history of ancient Georgia. Tbilisi, 1959, p. 16.

[361] Inadze M.P.On the problem of development of cities in North Colchis in the ancient period. Tbilisi, 1959, p. 70.

[362] Lordkipanidze O.D. Ancient world and ancient Colchis (on the History of trade and economic and cultural Relations in VIth B.C.). Tbilisi, 1966, p. 58.

[363] Kacharava D.D. Some issues on the history of Gyenos in connection with Greek Colonisation. – In book: The problems of Greek colonisation of North and East Black Sea Coast. Tbilisi, 1979, pp. 308 – 309.

[364] Kvirkvelia G.T. Material culture of the North East Caucasus in VIIIth-Vthcc. B.C. Author's abstract from Candidate dissertation. Tbilisi, 1981, p. 24.

[365] **Shamba S.M.** Gyenos – 1. Tbilisi, 1968, pp. 13-14.

to employ paleographic and topographic facts in resolving historical and archaeological issues date back to the beginning of XIXth century. The first explorers of Greek cities on the Black Sea littoral, I.A. Stempkovsky, A.A. Skalkovsky, P.V. Bekker and others, pointed to the importance of exploring the dynamics of the changes of the seashore caused by the increase of the Black Sea level[366]. Later, information on submerged archaeological had been obtained, and purposeful underwater archaeological investigation began which grew particularly extensive with V.D. Blavatsky being at the head[367]. Materials from geological and geographical investigation were gradually collected and used by archaeologists, and further works showed that a complex approach had returned tangible results in solving many historical and archaeological problems and pre-determined a wide use of paleographical evidence in ancient archaeology[368].

According to many researchers, the sea level in the ancient period was lower than the current one – from 4-5 to 10 metres. P.V. Fiodorov, the founder of the doctrine on the changes of sea level, considers that the level rested at the mark of 5-7 metres[369]. If followed this standpoint, the seashore in the ancient period looked different in its detail, and not a single metre of the seashore has preserved its original shape. These changes, as a rule, are concluded in the rise of the sea over the shore. And in some places, in river deltas, for instance, reverse phenomenon is observed – the shore displaces the sea. Particularly serious changes occurred in ancient deltas. Here, back in the Old Greek Period, river mouths intermixed, some arms grew shallow and new appeared, and these changes of the shore caused serious consequences.

As it seems, one of the primary objectives of ancient archaeol-

[366] **Stempkovsky I.A.** Research of the locations of ancient Greek settlements on the shores of Pontus Euxinius between Tyrassos and Borysphenos taken into consideration on the account of the remains of antiquity found in 1823. St. Petersburg, 1826, p. 48.

[367] **Peters B.T.** Seamanship in the ancient cities of the North Black Sea littoral. Moscow, 1982, pp. 15-17.

[368] **Agbunov M.V.** Ancient archaeology and palaeography.Short reports of the Institute of Archaeology Moscow, 191, 1987, pp. 3-6.

[369] **Fiodorov P.V.** Post-glacial transgression of the Black Sea and the problem of the change of the o level for the last 15 thousand years. Moscow, 1982, p. 154.

ogy should be connect with drawing a complete map of submerged cities. This will allow to trace back the sequence of assimilation of the Black Sea Coast by Greek colonists as well as solve a number of concrete historical and archaeological problems.

In many cases geographical changes have become the reason of a number of contradictions and discrepancies between ancient and modem authors' data. These discrepancies have long been explained to be mistakes of ancient authors, as a rule. As a result, the process of localization of the cities mentioned by ancient authors has become complicated. This alsopoints to the importance of a complex study of written, archaeological and palaeographic sources.

An opinion has developed in literature that «the remains of the main part of the ancient city (Dioscurias **–A.G.**) rest on the bed of the Bay of Sukhum, and on the territory of present-day Sukhum, only the boundaries of the city were located»[370]. This opinion has been formed up in the last century based on visual observations over the regime of the Bay of Sukhum.

The very first account on the rise of sea in the Bay of Sukhum dates back only to XVIIth c. when an Italian missionary, Arkanjelo Lamberti, made a remark in his notes that "the fifth abbey was of Sebastopolis which is now engulfed by the sea"[371].

Interesting accounts on sea rise in the area of the Sukhum Fortress in the middle of the second half of XIXthc. is contained in the works of V.I. Cherniavsky, R. Prendel, A.A. Miller and other researchers. In 1877, V.I. Cherniavsky wrote that "all the ruins that are now at the bottom of the bay have recently been sediments ... The movement of the sea towards the shores happens very fast now ... My eyes witnessed in 1867 a wide boulevard loosing one half..."[372].

In connection with this subject, A.A. Miller's account tells the following: "gradual sinking of the shore can really be observed in

[370] **Trapsh M. M.** Ancient Sukhum. – Works. Vol. 1. Sukhumi, 1969, p. 212.

[371] **Lamberti Arkanjelo.**Description of Colchis, which is now called Mengrlia. – A compendium of materials for the description of the areas and tribes of the Caucasus. 43, St. Petersburg, 1913, p. 129.

[372] **Cherniavsky V.I.** From the exploration in the South East Caucasus. II. Evidence of fluctuation of the Western littoral in historical times: traces of cities submerged in alluviums. St.Petersburg, 1877, p. 28.

Sukhum, and this fact can be considered established"[373].

In doing so, both Cherniavsky and Miller point to the existence of a rather wide sea line in front of the Sukhum fortress.

Several hypotheses exist with the help of which researchers attempt, one way or another, to prove the localization of the ruins of Dioscurias deep at the bottom of the Bay of Sukhum. The following are considered to be the reasons of the demise of the ancient city: a) hypogene-landslipping and hydroeustatic (increase of sea level) phenomena (V.I. Cherniavsky, V.A. Ivanitsky); b) massive fault (L.A. Shervashidze, L.N. Soloviov); c) alleged recent dislocation of the mouth of Gumista river and formation of the Bay of Sukhum on this basis (V.I. Cherniavsky, L.I. Soloviov, L.A. Shervashidze, M.M. Trapsh and others).

The landslide hypothesis recently touched upon in a number of special works finds no evidence[374].

The defenders of the second hypothesis usually refer to the slope into the depth of the shore the northern walls of the first and third fortresses of Sebastopolis are situated on. However, according to Professor Y.N. Voronov, the fact that the western fortification has no slope should attest not to the general fault, but to purely local processes caused by the instability of the basements[375].

The third hypothesis rests on the idea expressed by V.I. Cherniavsky that in the ancient period eastern Gumista river fell into the sea in the area of the present-day Bay of Sukhum which presumably formed up only at the end of the new era. But, in accordance with materials possessed by archaeologists, the Bay of Sukhum formed up in the pre-historic period and the depth of the mouth of Gumista river in its by-mouth section indicates to its functioning in the modern bed for many hundreds of thousands years.

The flooding of ancient monuments on the Bay of Sukhum and its environs is as well linked to the latest tectonic developments – the sinking of the seashore and increase of the level of the Black

[373] **Miller A.A.** Reconaissance on the Black Sea Coast of the Caucasus in 1907.–*Izvestia arkheologiche – skoi komissii* (News of the Archaeological Commission), 33, St. Petersburg, 1909, p. 73.

[374] **Lashkhia S.V.** On modem changes of the coastal line of Abkhazia.–*Izvestia akademii nauk SSSR* (News of the Academy of Science of the USSR). Series on Geology, 1956, Ne 12, pp. 21-28.

[375] **Voronov Y.N.** Dioscurias-Sebastopolis-Tskhum. Moscow, 1980, p. 22.

Sea, which has become particularly noticeable in recent years. Nevertheless, as archaeological excavations show, ancient remains on the Bay of Sukhum are usually found at the depth of 5-10 metres. As for remains of the period of Dioscurias, they rest over blue clays whose level nowhere falls below sea level by more than 0,5 metres[376].

Based on these considerations, Professor Y.N. Voronov came to a conclusion that the roots of the destruction of Sebastopolis (as well as Dioscurias – A.G.) should primarily be seen not in the sinking of the shore or increase of the sea level, but in the impact of the surf (abrasion)[377].

All the mentioned points of view permit to agree with Professor Voronov that since the period of Dioscurias no significant changes in the configuration of the Bay of Sukhum have happened. The width of the line that the surf has tom off the land over the last two millenniums does not exceed 100 metres. This line and its part occupied by ancient Dioscurias have completely and irrevocably perished. At the same time, very interesting materials concerning the part of Dioscurias that has not been washed away by waves yet are expecting scientists.

As the topography of the archaeological finds of Vth-Istcc. B.C. shows, the main constructions of ancient Dioscurias were localized in an area situated to the – west of the mouth of Basla River. It is here that probing works not once have helped ascertain the existence of a sufficiently powerful cultural layer with materials dating back to the epoch of Greek colonization.

In March 1977, during the construction of a concert hall, 150-200 metres away from the sea, bits of ancient black-lacquered dishes and other articles of the end of Vth-IIIrdcc. B.C. were found. The most interesting is a terracotta statue of the ancient Greek Goddess of Fertility sitting on a throne. Similar statues were found during the excavations of other ancient cities of the Black Sea littoral, but in Dioscurias such a find is the first one (Fig. 2).

Very recently, in the summer of 2002, while laying sewer pipes

[376] **Apakidze A.M., Lordkipanidze O.D.** New materials on the archaeology of Dioscurias-Sebastopolis.Works of the Abkhazian Institute of Language, Literature and History after D. I. Gulia.XXXIII-XXXIV. Sukhumi, 1963, pp. 209-228.

[377] **Voronov Y.N.** Dioscurias-Sebastopolis-Tskhum. Moscow, 1980, p. 23.

at the distance of 200 m away from the sea, at the depth of over 2 m, a solid cultural layer with black-lacquered dishes was found. All these finds permit to outline the boundaries of the ancient city with sufficient precision and agree with Professor Y.N. Voronov's opinion that the main part of Dioscurias rests under present-day Sukhum and is waiting for its explorer.

Now, It is proper to pay attention to the issue of the origin of name "Dioscurias". Despite the apparent Greek name of the city, ancient authors believed that the city had been called after the mythical expedition of the Argonauts, twin brothers ("Dioscuri") Castor and Pollux, who were allegedly the city's founders; a number of researchers are inclined to consider the name to be a Greek interpretation of a local toponym. So, for example, I.A. Orbeli reduced word "Dioscurias" to the medieval name of the city – Tskhumi – in which he discerned a Georgian word "tkupi" (twins) which had presumably been translated and understood by Greeks as a city of the twins – Dioscuris.

According to S.N. Dzhanashia, "Dioscurias" represents a most ancient name which is possibly not of a pure Hellenic origin, but Hellenised[378]. He paid attention to the second part of the name in which he could see a famous Megrelian "toponym term 'skuri" ("water", "a spring", "a river").

L.I. Soloviov as well believes that name Dioscurias consists of two Kartvelian words: "dia" ("mother") and "skuri" ("a spring") which translates as "the mother of rivers", or "the mother of water"[379]. A similar point of view was also expressed by T.K. Mikeladze[380].

This issue was as well touched upon by I.G. Shengelia who came to the following conclusion: it can be presumed that the reason why Greek toponym Dioscurias appeared can be explained by close typological proximity of the local and Milesian cult of the twins and that probably the Greek interpretation forms the core of toponym Dioscurias[381].

M.M. Trapsh has of a completely different opinion. According to

[378] **Dzhanashia S.I.** Works, III. Tbilisi 1959, p. 16.

[379] **Soloviov L.N.** Dioscurias-Sebastopolis-Tskhum.Works of the Abkhazian State Museum. Issue I. Sukhum, 1947, pp. 120-125.

[380] **Mikeladze T.K.** Research works on the history of a most ancient population of Colchis and South East Black Sea littoral. Tbilisi, 1974, c. 105.

[381] **Shengelia I.T.**On the issue of toponyny of Dioscurias.Reports of the Academy of Science of Georgia. XXX. Tbilisi, 1967, p. 826.

him, “Dioscurias” is a Greek word; it is connected with “dia” and “skuri”. It can firmly be stated that the city-settlement that existed in the area of modem Sukhum had its own local Abkhazian name, obviously “Akua”, before the arrival of Greeks. This settlement, after a Greek trade station had been established attached to it, received a new parallel Greek name – “Dioscurias”[382].

In doing so, despite the great interest of these hypotheses represent, the issue of the origin of name “Dioscurias” cannot be considered solved.

So, 2500 years ago, a city was founded on the shores of present-day Sukhum Bay. Not with standing the twists of history, a lot of evidence is preserved on its past existence. Both the ruins of the ancient feudal walls on the city promenade, multiple archaeological facts and works of art represent this evidence.

Ancient Greeks constructed all these fortifications on the quietest spot of the wide bay, the best all along the East Black Sea littoral. From the West, it is fended by the Sukhum Promontory, which juts out deep into the sea and is formed with the sediments of Gumista River. Several small rivers, the biggest of which are Basla and Kelasur, fall into the bay. To the South is the Kodor Promontory formed with the sediments of the Kodor – the biggest river in Abkhazia. The shores of the Bay of Sukhum represent a small lowland area covering a narrow section of land to the North and East and 10 km to the West. The same low-lying area borders on foothills forming a labyrinth of hills and valleys.

From the North, the Sukhum lowland faces a high plateau (Lechkop). Behind the canyon of river Adzapsh, follows a ridge on whose western extremity there is a small fortification construction (the “Odynets Tower”). In the northeast, there is the Sukhum Mountain top of which there used to be an ancient settlement and a burial ground. Behind the Sukhum Mountain, hides hill Guad-Ikhu with a burial ground of the same name and settlements of the Bronze and Ancient Epochs.

To the Southeast of the Sukhum Mountain, behind the canyon of Basla River, a rather complicated system of parallel mountain ridges begins. The first ridge is noticeable for the fact that on its closest to the sea hill a medieval fortress known as Bagrat’s Castle is situated,

[382] **Trapsh M.M.** Ancient Sukhum. – Works, vol. 2. Sukhumi, 1969, p. 219.

and on the farthest from the sea hill there is a settlement site of the ancient epoch (Akhul-abaa). Behind the canyon of a tiny river, which has no name, there is another ancient site of settlement. Following, there is the watershed of rivers Kelasur and Machara where, as it is known, at tops of a number of hills ancient settlements were stationed.

Along the ridge forming the left bank of River Machara several sites of settlement of the Late Bronze and Ancient periods have been discovered. To the southeast, as far as the Kodor, rest the Gulripsh hills split into a number of parallel ridges.

In the West, in the area of New Athos, mountains closely reach the sea. Here is situated the Anakopia fortress with ancient layers, the temple of Simon the Canaanite and other places of historical interest.

From the North, the city is protected by mountains Yashtukha and Byrtskha at the eastern foot of which, washed by the waters of River Basla, are the famous stone bridge and ruins of a monastery.

The bay, well protected against sea storms, lofty mountains that have been a reliable barrier against northern winds, rivers abounding in water, dense forests full of game, sufficiently fertile soil and convenient paths have long served to established exclusively favourable conditions for human life, and this is something that Greek colonists could not but value.

History of exploration of Dioscurias. This ancient and covered with legends city on the North East littoral, has long been attracting the interest of not only contemporaries but as well researchers from previous periods. Scientific and educational interest towards Dioscurias dates back to 1672. Sharden[383] and Dociphei, the Patriarch of Jerusalem, wrote about Dioscurias[384]. In 1712, a French traveller De le Motrei, whom the local residents introducedto several columns, a disfigured head of a statue and either a “medal” or a coin with an inscription of “Dioscurias”, visited the site of the ruins of Dioscurias. In 1817, one more Frenchman, Rottie, starts a search for Dioscurias in the territory of Sukhum. He is followed, again, by a

[383] **Sharden S.**, A Journey about the South Caucasus in 1672-1679. – Tiflis, 1905, p. 84.

[384] **Gulia D.I.** Sukhum is not Dioscurias. – Works of the Abkhazian Science and Research Institute of Regional S tudies. Issue 2, Sukhum, 1934, p. 86.

Frenchman, Paul Giball. He makes several remarks about Abkhazia, including Dioscurias. Another French traveller, Jean Francois Gamba, who visited Abkhazia in 1822, affirmed that Dioscurias was actually Sukhum. Gamba left us an atlas of the Sukhum fortress. In 1833, a well-known French archaeologist, geologist and art critic, Frederic Dubois de Monpere, was travelling about Abkhazia and expressed an opinion that, back at its time, Dioscurias had been situated not on the shores of the Bay of Sukhum but 30 km to the East of Sukhum, on the Kodor promontory, in a place called Skurcha[385]. This researcher located Dioscurias in Skurcha being guided not only by the presence of a bay in this place but also the consonance between the names of Skurcha and Dioscurias. Dubois thought that this city had been the centre of Hellenic colonies on the coast of Abkhazia. Further, speaking about the life stages of the city, he wrote that "Dioscurias started to decline rapidly after coming under Roman rule". Although Dubois was mistaken in locating the city precisely, in the main, he correctly determined the meaning and main stages of its development.

V.I. Cherniavsky, a famous Sukhum student of local lore, contributed particularly a lot into the exploration of the antiquities of Sukhum-Dioscurias. As a result of long archaeological explorations and observations, he concluded that Dioscurias had been situated in the area of present-day Sukhum and its considerable part had been submerged on the seabed of the Bay of Sukhum. He even drew up a schematic plan of the submerged Dioscurias-Sebasto – polis[386].

A lot of opinions concerning Dioscurias belong to a Georgian historian Barkadze D. Based on the data from ancient authors, he wrote that the emergence of Dioscurias should be linked with the activities of Miletus and considered that the cities on the Black Sea littoral had been trade centres with the help of which trade relations between. Greeks and local population had been maintained[387].

In 1886, V.I. Sizov conducted the first professional archaeological

[385] **Dubois de Monpere F.** A journey round the Caucasus. – Sukhum, 1937, pp. 145-147.

[386] **Chernyavsky V.I.** Reports on the monuments of the West Caucasus, the research of which is the most necessary.V Archaeological Congress in Tiflis. Moscow, 1882, pp. 16-18.

[387] **Bakradze D.** History of Georgia. Tiflis, 1889, pp. 30-31.

excavations in Sukhum. His small but very important excavations on the shores of the Bay of Sukhum and a completely inefficient reconnaissance in Skurcha attested to the correctness of the conclusions made by V.I. Cherniavsky concerning the location of the ancient city. He thought that the founders of Dioscurias could only be the Greek population[388].

A.A. Miller investigated the monuments of our region, including Sukhum. According to him, Dioscurias is Sukhum[389]. K.D. Machavariani, an expert in the antiquities of Abkhazia, left a lot of wealthy information concerning the city. He called Dioscurias a Greek colonyfounded by Milesians, but, at the same time, was convinced that the aboriginal population had populated the area before the foundation of the colony[390].

In the '20s, the Abkhazian Science Society carried out a lot of work aimed at exploration of the antiquities of the city. Following the request of this institution in particular, in 1925, A.S. Bashkirov conducted archaeological works in the territory of the Sukhum Fortress in the process of which a considerable amount of antique materials was unearthed[391].

M.M. Ivaschenko is an author of a special work dedicated to the problem of localizing Dioscurias. In his work, analysing the existing archaeological and written sources on ancient Sukhum, he comes to the conclusion that Dioscurias should be looked for within the boundaries of contemporary Sukhum. His main conclusion came down to the idea that the ancient city had stretched "in the form of a narrow line along the seashore at the distance of 1,5-2 km on both sides of Basla River, while part of it had rested on the bed of Sukhum Bay[392].

---

[388] **Sizov V.I.** East Coast of the Black Sea.Materials on the archaeology of the Caucasus. 2. 1889. p. 19.

[389] **Miller A. A.**From the trip about Abkhazia in 1907. – Materials on the archaeology of Russia. I. 1919, pp. 72-75.

[390] **Machavariani K.D.** A descriptive guidebook of Sukhumi city and region. – Sukhum, 1913, p. 224.

[391] **Bashkirov A. S.** Archaeological findings in Abkhazia, in the summer of 1925. – News of the Abkhazian Science Society, 4, Sukhum, 1926, p. 18.

[392] **Ivaschenko M.M.** On the issue of location of Dioscurias of ancients. –*Izvestia Abkhazskogo nauchnogo obschestva* (News of the Abkhazian Science Society), 4, Sukhum, 1926, p. 103.

Academician I.A. Dzhavakhishvili was engaged in the study of ancient cities on the Black Sea littoral and all over Georgia. He thought that Dioscurias, as well as other cities in Colchis, was a major trade city. Together with that, while coming to the final solution on the reasons of the emergence of the city, he attributed the main importance to the results of future archaeological discoveries[393]. Academician S.I. Dzhanashia was extremely interested in particularly the same issue. He thought that the role of Greek cities should not be exaggerated, although the latter could not but has a certain influence over the life of the local population[394].

In the late '30s – early '40s, L.N. Soloviov paid a lot of attention to the ancient monuments of Sukhum. He expressed a number of interesting considerations on the history of this city. L.N. Soloviov dedicated a special research to the ancient city in which, based on geological, archaeological and written sources, he comes to the conclusion that Dioscurias was a trade city and stronghold of Greeks in Colchis[395].

Starting from the '50s, a considerable amount of work to explore the ancient monuments of Sukhum was carried out by an unappeasable Abkhazian archaeologist, M.M. Trapsh. In 1951, he, together with A.N. Kalandadze, explored a settlement and a burial ground of VIIIth-IIndcc. B.C. on the Sukhum Mountain, and in 1952-1954-a large burial ground and a settlement on mount Guad-Ikhu. In 1952, Trapsh carried out excavations in the territory of the Sukhum fortress and in 1954 discovered a Roman tower and a settlement of the period of Dioscurias on the northwestern edge of Sukhum. In 1954-1956, he explored an ancient settlement in Bagrat's Castie, northeast of Sukhum. In 1956-1959, Trapsh discovered a settlement and a burial ground of the pre-ancient and ancient periods. He also was the first one topublish the information on the remarkable marble wall of Vthc. B.C. that had been near the mouth of Basla River in 1952. All these materials found their reflection in a number of articles of M.M. Trapsh and his exclusively valuable monograph

[393] **Dzhavakhishvili A.A.** The History of the Georgian People. Tbilisi, 1951, p. p. 30, 173-174.

[394] **Dzhanashia N.S.** Works, 2.– Tbilisi, 1952, p. 125.

[395] **Soloviov L.N.**Dioscurias-Sebastopolis-Tskhum. – Works of the Abkhazian State Museum, 1, Sukhumi, 1947, pp. 116-118.

«Ancient Sukhum» published further to the death of the author[396]. The materials from Dioscurias in particular allowed M.M. Trapsh to come to the conclusion that trade had played an important role in the life of the city. The development of trade relations with the local population and outside world, according to him, pre-determined transformation of Dioscurias into an important mediating centre of activity. He thinks that by the beginning of the ancient colonization on the seashore of Abkhazia there had existed local trade and agricultural settlements based on which Greek colonists founded a number of city-colonies, including Dioscurias.

In 1958-1959, a large archaeological expedition of the Centre for Archaeological Studies of the Academy of Science of Georgia under the responsibility of A.M. Apakidze worked in Sukhum. The works were concentrated on the territory of the Sukhum Fortress and in an area on the promenade. With the help of the excavations, the existence of several different-period cultural layers was identified. A powerful layer was discovered on a small ground. Among the materials of the ground, finds of the early period of the history of Dioscurias were discovered[397].

The famous Abkhazian researcher Y.N. Voronov not once had referred to the features of the monuments of Dioscurias. He is an author of a number of works, the most famous being his book «Dioscurias-Sebastopolis-Tskhum»[398]. In his works, Y.N. Voronov comes to the conclusion that Dioscurias, as well as other settlements in Abkhazia, was a product of Greek colonization and founded by Greek settlers and considers it to be a typical Greek city not different from other cities on the northern littoral. The opinions of Y.N. Voronov coincide in many aspects the opinions of A.I. Boltunova who dedicated a number of her works to the formation of the cities on the eastern littoral[399].

[396] **Trapsh M.M.** Ancient Sukhum. – Works, 2. – Sukhumi, 1969.

[397] **Apakidze A.M., Lordkipanidze O. D.**New materials on the archaeology of Dioscurias-Sebastopolis.Works of the Abkhazian Institute of Language, Literature and History after D. I. Gulia.Volumes XXXIII – XXXIV. Sukhumi, 1969, pp. 209-223.

[398] **Voronov Y.N.** Dioscurias-Sebastopolis-Tskhum.Moscow, 1980.By the same author.On the study of ceramic production of Dioscurias. Magazine: *Sovietskaya Arkheologia* (Soviet Archaeology). Moscow 1977.

[399] **Boltunova A.I.**Hellenic apoikias and local population of Colchis. – Problems of Greek colonisation of North and East Blake Sea littoral. Tbilisi, 1978.p. 155.

In 2002, Professor, Dr. G. K. Shamba, published a work "Abkhazia in the first millennium B.C." – a result of many years' field and historical-archaeological research, where the monuments of ancient Dioscurias are attributed a lot of importance[400].

In the recent years, the Abkhazian State University and the Abkhazian Research Institute of Humanities after D. I. Gulia have resumed archaeological exploration of the monuments of ancient Dioscuriass. As a result, science is annually enriched with extremely interesting materials allowing to discover new pages in the history of Dioscurias[401].

Written sources on Dioscurias and the issue of its foundation. The earliest written data on this city comes from a Greek writer, Ps. – Skylaks, IVth c. B.C. He writes the following: "Colchians, after them there is a Colchian tribe, Dioscuris city..."[402] According to researchers, the mention of Dioscurias was borrowed from the work of Scylaks of Caryanda; Ps. – Skylaks also used the works of Hecataeus of Miletus. Enumerating the cities in Colchis, Ps. – Skylaks points out that Phasis and Gyenos were Hellenic, and as for Dioscurias, he does not use the symbol "Hellenic", and this fact has laid grounds for some researchers to think that Dioscurias was not founded by Greeks but was a local Colchian city. Another author of the ancient period whose reports on Dioscurias are the most complete is Strabo. This author lived at the turn of the new era and used early geographical and historical writings (Artemi – dorus, Heratosphenes). Unlike his predecessors, he does not call the city under study Dioscu – rias, as previous authors wrote, but Dioscurias. Strabo makes the following account: "The very same Dioscurias serves as the beginning of the isthmus between the Caspian sea and Pontus as well as the common trade centre for the peoples who lived higher and close to it; people come here, talk, 70 nationalities, and according to other writers who do not at all worry about the truth, there are even 300 nationalities; they all

[400] **Shamba G.K.** Abkhazia in the 1st millennium B.C. (based on written and archaeological sources).Sukhum, 2000.

[401] **Gabelia A.I.**New materials from the Sukhum fortress.Theses of reports from a scientific session of the Abkhazian State University. Sukhum, 1999, p. 71.

[402] **Ps.-Scylacs** 81, *Vestnik drevnei istorii* (Messenger of Ancient history), 1947, 3, p. 242.

speak different languages, but all of them are Caucasian. People come to Dioscurias mostly for salt"[403].

A Roman geographer, Pomponius Mela, wrote about Dioscurias. According to researchers, he, as well as many of his contemporaries, made use of the sources dating back to Ionian writers. According to his data, Dioscurias is situated on the land of Heniokhs and was founded by Castor and Pollux[404].

Out of Roman writers whose writings mentioning the city of Dioscurias have reached us is Pliny the Elder. He provides a detailed description of the cities that existed further to the Roman conquest and points out Dioscuridos, calling it Colchian. As Professor Shamba G. K. indicates, in the times of Pliny, the city did not carry name Sebastopolis; it acquired this name after the Roman expansion on the Caucasian Black Sea littoral[405].

Appian also mentions Dioscurias – "Mithridates was spending a winter in Dioscurias. Colchians believe this city to be the proof that Dioscurians have come here together with the Argonauts"[406].

We can find important information on Dioscurias in Flavius Arrianus' writings. Around 134, the ruler of the Roman province of Cappadocia, Arrianus, at the request of Emperor Adrian made a tour of the whole littoral of Colchis and left us a detailed route of the sea trip (Periples) with an indication of the distance between the different points the vessels called at. Unlike his predecessors, he considers that Dioscurias was founded by Milesians[407]. The exelusive value of Flavius Arrianus' accounts concludes in fact that he personally visited these places, which is confirmed by a discovery of a stone slab in Sukhum. This interesting epigraphic monument, discovered in 1896 during the construction of the Sukhum promenade, represents a fragment of a limestone slab with a Latin inscription. The text of this monument is linked with the trip of Flavius Arrianus. The translation of the inscrip-

[403] **Latyshev V.** News of ancient writers on Scythia and Caucasus. St. Petersburg, 1803-1906. Vol.I in I, p. 222, by Soloviov L.N.

[404] **Elnitsky L.A.**The knowledge of ancients on northern countries. – Moscow, 1961, pp. 169-170.

[405] **Shamba G.K.** Abkhazia in the 1st millennium B.C. (based on written and archaeological sources). Sukhum, 2000, pp. 64-65.

[406] **The same,** p. 65.

[407] **Trapsh M.M.** Ancient Sukhum. – Works. Vol. I. Sukhumi, 1969, p. 213.

tion holds: "Hadrian through Flavius Arrianus constructed this port ..."[408]

As Sebastopolis was the final destination of Arrianus' trip, this inscription provides an opportunity to solve the issue of the location of Dioscurias. Speaking about Sebastopolis, Arrianus calls it either Sebastopolis, or Dioscurias, sometimes specifying that now the city is called Sebastopolis.

Arrianus' accounts clearly indicate that by his time in the place of destroyed ancient Dioscurias a Roman military settlement of Sebastopolis apparently had already been founded not long before.

In doing so, it may be considered that the majority of researchers come to the conclusion that Dioscurias was founded not later than in the '40s-'30s of VIth c. B.C. Not a single source provides evidence based on which it would be possible to establish the precise date of the foundation of the city. However, it can certainly be said that it happened before 530 A.D., as, in connection with the Persian conquest of the gulfs by Hellespontus by the '20s of VIth c. B.C., Miletus, as well as other city-states in the Asia Minor, had to cease its colonising activity on the Black Sea littoral.

Land on which Dioscurias emerged. It is of no doubt that Greeks never founded their colonies in unpopulated areas as they were engaged in trade activities and crafts, played a mediating role between the aboriginal population and the metropolis. Consequently, Greeks preliminarily travelled, collected information and clarified geographical, economic and political situation in the selected place. Most obviously, the sea trip of the Argonauts to the Caucasian Black Sea littoral back in the 2nd millennium B.C. is the evidence to that.

A Roman author of the 1st century A.D., Pomionius Mela, left an indication that Dioscurias had been located in the land of Heniokhs. The same ethnic surrounding, according to Aristotle's accounts, featured the emergence of another large ancient Greek city in Colchis – Phasis. Strabo (Ist c. B.C. – Istc. A.D.)as well thinks that the country where Dioscurias was founded was called Heniokhia. In general, toponyms linked with Heniokhs were widespread in the West Cau-

[408] **Sizov V.I.** East Coast of the Black Sea.Archaeological excursions.Materials on the archaeology of the Caucasus. Vol. II, Moscow, 1889, p. 115.

casus in the Ancient Period[409]. According to Professor Y.N. Voronov, two groups of sources on early Heniokhs can be identified in ancient literary sources: information of mythical nature and information reflecting the cultural and social make-up of these tribes. What is very important is that Heniokhs were everywhere linked, first of all, to Dioscurias and its semi-divine patrons – Castor and Pollux.

The mythical colouring of the accounts on the local ethnic environment of Dioscurias is to a considerable degree explained by its remoteness from the Greek centre.

As it is known, at the beginning of Ist millennium B.C., the population of Abkhazia (North Colchis) was comprised of the bearers of the remarkable culture of the Late Bronze Period that acquired a literary name of Colchian. Taking into account that Heniokhs are already mentioned in pre-Greek written sources, it may be presumed that the material culture of the period of Greek colonization of the East Black Sea littoral mainly relates to Heniokhs.

In conclusion, Heniokhs represent a most ancient group of population in the Caucasian Black Sea littoral formed as a result of mixture of kindred tribes that most seemingly included many tribes, and, already beginning from the first centuries of I millennium A.D., name Heniokh slowly went out of use. Instead of them, at least in the territory of present-day Abkhazia, Apsilians, Abazgians and Sanigs, the ancestors of modem Abkhazians, start appearing.

Material culture of Abkhazians in the Classical period is not sufficiently explored. However, at the same time, the results of systematic archaeological research works in the ’50s of XXth c. allowed to identify different categories of monuments of the early period of development of Dioscurias. These include ancient cultural layers in the territory of the Sukhum fortress, a settlement and a burial ground on mount Guad-Ikhu, eastern part of Sukhum (Ma – yak) and the ancient layer in Bagrat’s Castle, etc.

The cultural remains of the ancient period in the Sukhum fortress were discovered and explored in 1952. This layer, 40 to 50cm thick, provided interesting materials consisting of bits of black-lacquered pottery, amphorae, roofing tiles, clay vertical pyramidal slopes for weaving machines. Animal bones and pieces of charcoal

[409] **Voronov Y.N.** Material culture of Heniokh tribes in VIth-Ithcc. B.C. – In book: A compendium of works of young scientist-historians, 1974, pp. 74-75.

were as well found there. This cultural layer, based on the bits of black-lacquered vessels, fragments of amphorae from Chios, Thasos and Sinope, is dated to the end of VIth-IIIrd cc. B.C.[410].

In the very same Sukhum fortress, with the help of excavations in 1959, a layer of the Hellenistic period of up to 1 metre high was discovered. It contained bits of Megaran cup, a double holder of a red-clay amphora, amphoric knives, etc.[411]

In 1952-1954, at the northern edge of Sukhum, at top of mount Guad-Ikhu and its southeastern slope, during the excavations carried out by M. M. Trapsh, cultural remains of a settlement and a burial ground of the Early Attic period were discovered[412]. In the cultural layer of the settlement there were found a relatively big number of crocks of black-lacquered pottery and bits of Sinopian and local amphorae. As well, an iron ploughshare, an iron sickle and two relatively big knives were unearthed. All these materials from the Early Attic settlement of Guad-ikhu fall within the chronological framework of the end of Vth-IIIrdcc. B.C. The burial ground on the same mountain provided interesting materials from the Early Attic period and is generally dated to VIth – first half of IVthcc. B.C.

In male burials dated to IVthc. B.C., researchers discovered iron axes with a short hammer-shaped back (Fig. 3, 5), spear points (Fig. 5, 8), bronze decorations – necklaces (Fig. 3,12) and darts, daggers (Fig. 3, 6); in female burials – mostly bronze decorations: bracelets, pins, fibulas and handbells (Fig. 3, 9). In both types of burials, one or two clay vessels were usually present (Fig. 3, 2).

In burials of the second half of Vth c. and later ones, Greek articles also start appearing. These are black-lacquere pottery and signets with stamps from West Greek workshops.

In 1956-1959, 4 km to the West of Dioscurias, on the very seashore (Krasny Mayak settlement), M. M. Trapsh explored a vast burial ground where 30 out of 150 burials are dated to VIth-IVthcc. B.C.

Many burials are quite rich. In male burial places, iron axes, spear

[410] **Trapsh M.M.** Ancient Sukhum. – Works. Vol. I. Sukhumi, 1969, p. 222.

[411] Ap**akidze A.M., Lordkipanidze O.D.** New materials on the archaeology of Dioscurias-Sebastopolis.Works of the Abkhazian Institute of Language, Literature and History.XXXIII-XXXIV.Sukhumi, 1969, pp. 220 – 223.

[412] **Voronov Y.N.** Dioscurias-Sebastopolis-Tskhum. Moscow, 1980, pp. 30-40.

points and carved knives (Fig. 3, 8, 7) could be found, and in female ones – decorations. Imported articles are many in the burial places and include black-lacquered pottery dated to the second quarter – mid. Vth c. B.C.

From Krasny Mayak burial site comes as well the bronze chiselled figure of an eagle with open wings, spread tail and its head turned to the left. Such birds are common for Greek art in the Archaic Period and were often used to decorate Greek shields. Similar birds are dated to V-IVthcc. B.C., and quite probably this shield was brought onto the shores of Sukhum Bay by some Greek settler (Fig. 4, 21)[413].

Cultural layers of the Early Ancient Period were discovered through excavations performed by M.M. Trapsh in an area north-east of Dioscurias in the territory of Bagrat's Castle right under the layer of the Medieval Period on the left bank and at the mouth of Basla river.

The most brilliant discovery of the Early Ancient Period linked to Dioscurias is the marble tombstone – an outstanding monument of Old Greek art, found on the very seashore on the left side of the mouth of Basla River[414].

The considered marble tombstone is of rectangular shape, 157 cm long, 92 cm wide and 11-12 cm thick. The grayish-spotted colour of the marble the monument is made of cannot be found in Abkhazia. It was definitely brought from outside.

The front side of the tombstone features three subtly sculptured human figures (Fig. 5). Most probably this is a scene of parting with a dead woman. Seated in an armchair, the well-dressed woman hugs with her right hand a boy leaning against her knees whom, deeply aggrieved, she looks at, as though parting with him forever. The backside represents a sculpture of a young girl-servant in a girdled Attic peplos without sleeves; in her left hand she holds a casket probably with some adornments and clothes – a funeral gift. An animal-skin rag hangs down from the armchair.

This monument, by the featured figures, vivid interpretation of the forms and refined drapery of the clothes and exquisite marble work, is a remarkable piece of ancient art. It has no analogies among

[413] **Trapsh M.M.** Ancient Sukhum. – Works. Vol. II. Sukhumi, 1969, pp. 88-89.
[414] **Trapsh M. M.** "Marble bas-relief from Sukhumi", *Vestnik drevnei istorri* (Messenger of ancient history) I, 1954, pp. 163-165.

well-known marble bas-reliefs from ancient cities and refers to the Early Period of Greek art.

O.D. Lordkipanidze, who carefully studied this monument, dates it to 430-420 B.C.[415]

Dioscurias in the Hellenistic period expands. As archaeological evidence shows, the growth of the city becomes more intensive. A large territory bordering on Dioscurias is assimilated, which is proved by the remains of early Attic settlements to the northeast (Gumista Promontory, the Eshera site of ancient settlement, early Attic settlement in Odynets section and in Lechkop area) and to the southeast (Kelasur, Alekseev canyon, Mount Bagrat and others). Soon these settlements turn into economically interrelated suburbs of Dioscurias, and the city itself becomes one of the largest political and economic centres of the Caucasus.

The second half of IVth-IIIrdcc. B.C. is the period of flourishing of Dioscurias. Judging by archaeological evidence, the city quarters then expanded deep into the shore, most probably due to both the absolute erection of constructions in the area and setting up of individual farmsteads. As indicated above, the agricultural area covered the largest area from present – day New Athos as far as Gulripsh (Fig. 1).

Interesting archaeological materials of the second half of IVth-II^{d}cc. B.C. were found in the Sukhum fortress[416]. These are bits of black and red-lacquered vessels, fragments of imported (Chios, Thasos, Sinope and others) and locally-produced amphorae. Slightly to the East, while laying a water-main on the promenade in 1940, workers came across the fragments of imported amphorae, black and red-lacquered pottery, embossed cups (from Megara), fragments of tiles, amphorae, dishes and others. Further to the East, during the construction of one of the buildings of a military sanatorium, at a proximity to the place of discovery of the famous Sukhum stele, fragments of amphorae from Thasos and locally produced

[415] **Lordkipanidze O.D.** Ancient world and ancient Colchis. Tbilisi, 1966, pp. 166-168.

[416] **Apakidze A.M., Lordkipanidze O.D.**New materials on the archaeology of Dioscurias-Sebastopolis.Works of the Abkhazian Institute of Language, Literature and History. XXXIII-XXXIV, 1963, pp. 221-222. **Trapsh M.M.** Excavations of ancient Sebastopolis in the area of the Sukhum fortress in 1959. – The same source, p. 243.

ones as well as black-lacquered pottery were found. In doing so, Dioscurias covered a considerable area, stretching at the length of 1,5-2 km and at the width of 100-300 metres.

So what was the influence of Dioscurias on the make-up of the material culture of the local settlements in its agricultural areas (choras)? No doubt, it is serious cultural and historical changes that occurred in the Mediterranean world and the whole of the Near East, further to the establishment of Graeco-Macedonian domination in this area, helped strengthen the position of Greek cities. Consequently, contributing to the strengthening of the influence of the Greek culture also on the East Black Sea littoral. However, as O.D. Lordkipanidze thinks, Colchis "remained beyond that historical community called 'Flellenistic oikumena'" i.e. "the ancient world of the period of Hellenism," and explains all the changes in the make-up of the material culture in the period of Hellenism with "large-scale trade activities"[417].

The presence of Greeks in Colchis in the Hellenistic epoch O.D. Lordkipanidze reduces to the visits of sea traders or temporary residence of a limited number of craftsmen and warriors there who were invited by the local "royal rule" for different errands. According to Professor Y. N. Voronov, this point of view does not correspond to the situation that appears to have established on the East Black Sea littoral, based primarily on the exploration of such important centres of Hellenistic culture as Dioscurias[418].

So, the early Attic settlement at the top of Mount Sukhum expands considerably in the Hellenistic period. Various types of imported and locally produced pottery were found in the cultural stratification of this period. These are fragments of amphorae from Sinope, tiles, luterias (deep bowls), Rodhosian and Cassian amphorae and others. Sufficiently enough is represented the production of local Greek workshops: amphorae, tiles, pithooses, etc. In percentage, they already represent a smaller number compared to the

[417] **Lordkipanidze O.D.** Ancient world and East Black Sea littoral (Colchis, Iberia). Tbilisi, 1975, p. 17; by the same author: Ancient Colchis. Myth and archaeology. Tbilisi, 1979, p.

[418] **Voronov Y.N.** East Black Sea littoral in the system of Hellenistic world. Materials from the III All-union Symposium on the Ancient History of the Black Sea littoral. Tbilisi, 1982, pp. 459-467.

ancient production – "widespread Hellenisation of the life of the aboriginal population is obvious"[419].

The materials from the burial site on Mount Sukhum as well reflect the same appropriateness. In one of the burials, there were found five iron spear points, a pole-axe, a sword with a bar-shaped handle and black-lacquered kotyles with an amphorisk. In another one – similar axes and a spear point together with an amphora, an amphorisk and black-lacquered kantharos dated to the end of IVth – beginning of IIIrdcc. B.C.

In Guad-ikhu, the centre of one of the most important agricultural areas of Dioscurias, as well as in the settlement on Mount Sukhum, the population increases, the culture becomes noticeably Hellenised in the second half of IVth-IIIrdcc. B.C.

Interesting materials come from the Krasny Mayak settlement. Fragments of imported amphorae, mostly from Sinope, tiles, jags, cups and other articles, black and red-lacquered pottery produced by local Greek craftsmen permit to speak not only about the deep-rooted process of Hellenisation, but also the fact that Greeks themselves lived in the settlement.

An important settlement of that period was found also on the southern edge of the Lech – kop plateau with interesting ceramic materials.

Already in VIth c. B.C., in the eastern part of Dioscurias' chora, at the top of mountain Akhul-abaa, a settlement appeared. In IVthc. B.C. it expanded. On this site, there were found bits of Sinopian amphorae, luterias (deep bowls), tiles of IVth-IIIrdcc. B.C. and amphorae produced in Thasos, Rodhos and Heracleya production. Black-lacquered pottery is as well represented in big numbers (Fig. 6, 7).

Eshera site of ancient settlement. Extremely valuable materials of IVth-IIndcc. B.C. were discovered on the Eshera site of ancient settlement[420]. It is situated in the settlement of Lower Eshera, 10 km to the West of Sukhum on the southeastern spur of the Vereschyagin

[419] **Voronov Y.N.** Dioscurias-Sebastopolis-Tskhum. Moscow, 1980, p. 54.

[420] **Shamba G. K.** The Eshera site of ancient settlement (Main results of archaeological excavations. 1968, 1970-1977).Tbilisi, 1980; **Voronov Y.N.**On the Eshera site of ancient settlement.–*Sovietskaya arkheologia* (Soviet archaeology), 1972, pp. 103-119; **Ivaschenko M.M.** Investigation of archaic monuments in the material culture of Abkhazia. – *Izvestia natsional'nogo instituta kraevedertis* (News of the National Institute of Regional Studies), 1935, pp. 67, 68.

Hill. The monument was discovered by M.M. Ivaschenko who made a brief account on the size of the area and the nature of the discovered material. More detailed information on the Eshera site of ancient settlement was presented by B.A. Kuftin, based on the unearthed materials too[421].On the basis of the analysis of these materials, B.A. Kuftin dated the site to IVth-IIIrdcc. B.C. A systematic study of the monument was started in 1967 (Fig. 8).

According to topography, the monument consists of two parts:lower and upper, divided by a steep slope. Both parts of the city were excavated. It is proper to remark that the cultural layers are not represented to the same extent everywhere: the upper part fixes a consequent bedding of three cultural layers which fall within the period of Early Antiquity and Hellenism.

The maximal length of the bedding from the zero ground of the earliest cultural layer is 2 to 3cm, its maximal thickness does not exceed 40-50cm; the thickness of the Hellenistic layer sometimes reaches 70-75cm. An area of two thousand square metres in total was excavated on the upper ground of the site of ancient settlement.

Quite different is the case with the lower ground of the monument where the excavated area amounts to nearly 500 square metres. Unlike the upper ground, only the Hellenistic layer is represented there, i.e. the layer of VIth-Vthcc. B.C. is missing[422].

Remains of different-period constructions of housing and defensive importance belonging to the ancient period were discovered on the site. It is difficult to judge on the construction remains of the pre-urban life by the existing materials.

A complete system of premises of public and individual importance and fortification constructions emerges on the site.

Particularly monumental are the constructions of public importance. They include remains of barrack-like buildings discovered on the upper ground of the site. Research works revealed that constructions were erected on the site only after the location had been levelled and covered with cobblestones.

Constructions of public importance include remains of basements of the buildings on the lower ground of the site. The basement was

[421] **Kuftin B.A.** Materials on the archaeology of Colchis. I. Tbilisi, 1949, pp. 5-18.
[422] **Shamba G.K.**The same source, p. 4.

built of trimmed sandstone blocks of dark-gray colour mixed with limestone slabs and cobblestones. The western edge of the premises is the place where in the late Hellenistic layer bronze boards with Old Greek characters were found. It was possible to gather only 19 fragments with Greek letters. They all were destroyed by fire. The inscription is engraved with the help of an original technology: at first, the extremities of the letters were drilled into hollows that were then connected with the help of a chisel applying a compass. According to Professor Y. G. Vinogradov, this technology was well-known in IVth c. B.C.[423] Most seemingly, it is an important document, such as a decree or a historical chronicle that spoke about some military events (Fig. 9).

Other types of premises built simultaneously with towers and curtains were as well excavated. Judging by their layout and material finds there are grounds to believe that they were used as guard premises. The defensive constructions on the Eshera site of ancient settlement, including towers, curtains and a ditch, are of considerable interest. Four towers of the same type and built according to one common planning and technology of construction with the same accompanying inventory were identified on the site.

TOWER 1 is situated on the highest point of the site. It is of rectangular shape and oriented almost to the cardinal points. Only the basement of the tower has survived. It is built of native crude and reused boulders from limestone quadros. The inner part of the tower featured a large disorder of stones as well as remains of a Late Hellenistic pithos buried on level of the basement.

TOWER 2 is situated at the northeastern corner of the site. It is of quadrangular shape and, by its relief, oriented from the South to the North. The western and eastern walls have survived. Remains of pithoses and some bowls of local and foreign production of the Hellenistic period were found.

TOWER 3 is situated at the eastern edge of the settlement and is quadrangular and North-East oriented. The eastern groundwork of the tower was cut off in the process of laying a road. As a result, the preserved parts of the tower resemble letter **П,**connecting two curtains from northwest and southeast.

CURTAIN is the name used to denote a continuous defensive

[423] **Shamba G.K.** Eshera site of ancient settlement..., p. 55.

wall that connects towers. Only the lower rows have survived to the present-day. They are constructed of cobblestone socle and crude limestone slabs reaching the height of 80-100 cm. The exterior is armor-clad. The interior of the walls used to be filled with rubble stone, clay and ceramic remains – a device used in fortification constructions in the period of Late Hellenism.

There is another kind of fortification construction found at the southern edge of the settlement. Quite a large pit, 6 m wide, 150 cm deep and 70 m long, was discovered there. Most seemingly, this ditch formed up not earlier than in the Hellenistic.

The archaeological exploration of the settlement, apart from monumental constructions, yielded a wealth of extremely important materials to characterise one of the considerably ancient settlements of the East Black Sea littoral[424].

The ceramic materials from the Eshera settlement, by its shape, quality of clay and texture, can be divided into three groups: imported, local Greek and local aboriginal.

Among the imported articles, amphorae, cups, jugs and other items of Sinopian origin, fragments of Cossian, Heracleian and amphorae from the North Black Sea littoral, black – lacquered, brown-lacquered and red-lacquered pottery are of interest. As well, a collection of black-lacquered articles is of extensive interest: kantharoses cups on a stem for wine, kilyxes and skyphoses, goblets, plates, small jugs, etc. There are many goblets and cups among the brown-lacquered and red-lacquered vessels.

Different fragments of pans, pots, bowls, covers and jugs represent ordinary ancient ceramics. All these items can be divided into two groups – of earlier, most seemingly imported, and local production.

Specifically local ceramics is represented by items made on a potter's wheel and manually. The first group is comprised of the fragments of pithoses, pots, dishes, jugs, pans, covers and other articles mainly of darker brown baking that have direct analogies on the Abkhazian monuments of Vth-IIndcc. B.C. (Fig. 7).

Expressive is the production from local Greeks' ceramic workshops: flat and channeledtiles, amphorae, jugs, goblets, pans, frying pans, cups, pyramid-shaped weights for weaving machines. Various

[424] **Shamba G.K.** Eshera site of ancient settlement..., p. 16-60.

badges and stamps point to the existence of a number of industrial centres in the neighborhood (Fig. 7).

Multiple building ceramics affirming the definition of the Eshera settlement as an urban settlement can be subdivided into three groups. The most ancient includes the fragments of Sinopian tiles characterized as bright with purple, yellow, pink and other shades of clay with a rich coarse admixture of pyroxilin. The second group is comprised by the main number of items represented by flat tiles and calipers of red, brown and gray burning.

Among other discoveries in the settlement, ceramic pyramid-shaped and stone weights, ceramic and stone spindle rings and others should be pointed out.

The necropolis (burial place) in Eshera settlement has been retraced to the north. Here, however, no Greek burials have yet been found. A burial compound that belonged to a Hellenised representative of the aboriginal population and contained rich inventory has held researchers' attention. Particularly interesting is the recently found Panaphimaian amphora (Fig. 10).

The beginning of the economic growth in Eshera settlement based on the presented materials may be defined by the time not earlier than the first half or, possibly, middle of Vth century B.C. The findings that refer to this layer (Vth – first half of IVthc.B.C.) point to tight links with ancient centres (Athens, Chios, Heracleius, Sinope).

At the end of IVth-Istcc. B.C., Eshera settlement flourishes – the materials indicate to the existence of different spheres of economy here.

In doing so, a small review of the materials from Eshera gives a definite picture of the economic and cultural specificity of this rather important and tightly linked to Dioscurias ancient agricultural settlement, shedding some light on the complex issue of the ways and forms of Greek colonization of the East Black Sea littoral.

Economic situation of Dioscurias. As archaeological materials indicate, an intensive growth of Dioscuridos occurred already in the first half of V^{lh} century B.C. This is a period when a vast territory bordering on Dioscurias is assimilated, which is confirmed by the remains of early ancient settlements northwest and southeast of Sukhum. Soon all these settlements turn into economically inter-

related suburbs of Dioscurias, and Dioscurias itself becomes one of the largest political and economic centres in the Caucasus.

The time of economic growth of Dioscurias falls within the period of Vth-IVthcc. B.C. Agriculture intensively develops during this period in the territory of Dioscurias' chora: cultivation of land, vine-growing and cattle-farming.

From the beginning of Vthc. B.C., the areas of suburban settlements grow, consequently, the number of the aboriginal population dragged into the system of economic relations of the city grows too. The appearance of a large market for agricultural production, firstly bread, makes for the growth of the areas cultivated in the neighbourhood of Dioscurias and spread of more advanced agricultural tools in the local culture, including ploughs with an iron soc-cet and iron mattocks (Fig. 11). Cultivation of land developed mainly on the slopes of mountains, fertile valleys and lowlands. It played a leading role in the area along the coastal strip.

Vine-growing develops in parallel with arable farming within the precincts of the citychora in the period under review. The grape seeds found during the excavations of the Sukhum fortress in early attic layers represent unquestionable evidence of the development of vine-growing[425]. It is not accidentally that ancient-looking vine knives that successfully contested the local long-bladed axe are so widespread here. It is revealing that the mass production of ceramic packing meant for winemaking industry grows.

Cattle-farming continued to play a significant role in the economic life of the population of Dioscuridos and the whole of Abkhazia. Cattle was used in the farming as a draught force; meat and dairy products were used as food; leather was used to produce shoes and weapons, sheep and goats provided wool for clothes. Horses were used to transport heavy loads as well as riding. Based on the bone remains found during the excavations of a cultural layer in the area of the Sukhum fortress it can be established that the main domestic animals in the Classical and Hellenistic periods in Dioscurias were cattle and sheep and goats[426].

Apart from agriculture and cattle-farming, the population of Dioscurias was engaged in hunting. So, in the area of the Sukhum

[425] **Apakidze A.M.,Lordkipanidze O.D.**New materials ..., p. 222.
[426] **Trapsh M.M.** Ancient Sukhumi ..., p. 233.

fortress, during the excavations of a cultural layer of Vth-Istcc. B.C., animal bones were found (deer, roe and wild boar) in a small quantity which attests to the subsidiary importance of hunting in the economy of Dioscurias.

Fishing, most seemingly, played an important role in the economy of Dioscurias too. Evidence is represented particularly by specifically produced (according to an ancient pattern) needles for knitting nets and bronze fishhooks found both in Greek and local settlements.

Craftsmanship also played an important role in the economy of Dioscurias. Metalworking was well developed in Dioscurias and its neighbourhood. Greek and local smiths' production includes, first of all, agricultural implements (ploughshares, mattocks, vine knives), weapons and construction materials. Multiple articles of body and garment decoration, such as bracelets, rings, pins, chokers, animal figures, fibulas, earrings, sewn-on pendants and others, point to a relatively high level of development of the metal-working industry and related to it jeweler's art. Found in a considerable number during the excavations of Sukhum necropolises, they differ for their high artistic quality. A certain range of articles was probably produced by foundry workers from Dioscurias.

Weaving as well reached a high level of development for the considered period of time, which is advocated by multiple pyramidal weights for the Greek vertical machine, spindle rings, pieces of woolen items and others found during the excavations on burial sites and settlements in the neighbourhood of Sukhum and other areas on the seashore of Abkhazia[427]. Flaxen linen was produced not only for internal demands of the country but also for external market.

This is confirmed by the account of Herodotus who says that "they (Colchians – **A.G.**) and Egyptians alone manufacture linen and, besides, in the same way ... With Greeks the Colchian tissue bears the name of sardonic"[4282].

Strabo also reports that the residents of Colchis "manufacture a

[427] **Trapsh M.M.** Ancient Sukhumi ..., p. 237, table XXVII, drawing 34.

[428] **Gulia D.I.** History of Abkhayia.Vol. 1.Sukhumi, 1925. Attachment 2, The most ancient data on Colchis and Colchians (Excerpts from Ancient Greek and Ancient Roman descriptions of the Caucasus), p. 244.

lot of flaxen linen ... The flaxen linen of local production enjoy a lot of popularity. Indeed, they (residents of Colchis – **A.G.**) exported flaxen linen to foreign countries"[429].

There is no doubt that the Greek cities on the East Black Sea littoral were important centres of ceramic materials, and Dioscurias was not an exception. Multiple archaeological materials from excavations on Dioscurias and its chora allow for a detailed study of its ceramic industry.

This ceramic material originates at least from three kilns discovered in Gvandra settlement[430], Krasny Mayak[431] and Gulripsh[432]. The traces of ceramic industrial centres are as well recorded on the Eshera site[433].

Exclusively and expressive are the materials from the Gvandra kiln (Fig. 12), which is presently completely destroyed by sea. Here, at the cut of the coastal shaft, at the depth of 1.6 m from the surface of the ground, a cavity of 3 metres diametrically was traced. The cavity was filled with bits of pithoses, amphorae, plates, bowls, saucers, jugs, pots, tiles, ceramic dross, etc. All these items are made of local orange-brown clay. These are amphorae (Fig. 12, 1, 2, 4-9, 11-13), cups, pans, tiles and other production.

Amphorae with rather tall stems and a slightly widened neck with a small wreath in the upper part bring together Gvandra amphorae with the corresponding Sinopian production of the second half of VI first half of IIIrdcc. B.C. On these grounds, the whole complex of the Gvandra oven may be dated to IIIrdc. B.C.

The most noteworthy peculiarity of the Gvandra complex is the first-time-ever recorded fact of existence of branded amphorae packing that originated from Dioscurias. On a number of handles there is a mirror print of the brand Διοσ/κοψ (Fig. **12, 3-10)**which was applied with the help of several stamps. As is known, branding of amphorae in the Greek world served as the guarantee of standard stipulated by the state control of the earthenware industry.

[429] **Strabo,** Geography. Leningrad, 1964, p. 473.
[430] **Voronov Y.N.** On the study of ceramic production of Dioscurias. – *Sovietskaya arkheologia* (Soviet Archaeology), № 2, 1977, pp. 162-169.
[431] **Trapsh M.M.** Ancient Sukhumi..., pp. 234-235.
[432] **Voronov Y.N.**On the study of..., p. 162.
[433] **Shamba G.K.**The Eshera site of ancient settlement..., pp. 58-59.

The presence of the city name, Dioscurias, on the brands from the Gvandra oven should be the evidence of state nature of the ceramic production in Dioscurias, at least in IIIrdc. B.C.

Another interesting production centre was explored in Krasny Mayak settlement (Fig. 13, 11)[434]. The oven was constructed of granite boulder and crude limestone on clay mortar with external glazing. Around the oven, there were observed remains of wooden pillars that apparently had supported the tiled ceiling. Among the items from this oven the noteworthy are the amphorae (Fig. 13, 3-13), frying pans (Fig. 13, 15, 16), covers (Fig. 13, 17), pyramidal weights (Fig. 13, 18-21), cauldrons (Fig. 3, 10), fragments of kitchenware (Fig. 13, 14), bricks (Fig. 13, 22), tiles (Fig. 13, 23-27, 32). A part of the amphorae from the Krasny Mayak oven (Fig. 13, 3, 7, 8) by their shape resemble the corresponding Sinopian production of IIIrdc. B.C. and analogies of other famous local production of IIIrd-IIndcc.B.C. on the Eshera site of ancient settlement (Fig. 13, 10, 12). Most bottoms are associated with amphorae made of brown clay that was widely used in the local production of Colchis in IIIrd-Istcc. B.C.[435] In general, the explored complex of finds permits to date the functioning of the Krasny Mayak oven to the period of late II to Vthcc. B.C.

As it seems, traces of one other oven were identified on the southeastern outskirts of the settlement of Gulripsh, 1-1,5 km from the seashore. Here, on a small production ground, around 30 amphora wreaths and stems, fragments of the wreaths of two pithoses (Fig. 14, 1, 2), plates, tiles and tableware were assorted.

All the production from the Gulripsh oven is made of local clay with a rather big admixture of sand. The necks of most of the amphorae bear single or double-stroke imprinted marks (Fig. 14, 4, 5, 8, 9). The peculiarities of most of the amphorae under study are the wide shape, necks, massive and slightly bent out wreath, oval and slightly flattened in the section handles, slightly rounded stem on the inner side of which there is a peculiar spiralshaped curl. The profile of the wreaths and flattened shape of short stems permit to date the production from the Gulripsh oven to I^{d}-Istcc. B.C.

A rather expressive complex of ancient local ceramic production

[434] **Trapsh M.M.** Ancient Sukhumi ..., p. 225.

[435] **Trapsh M.M.** Ancient Sukhumi ..., p. 283.

was identified in Eshera settlement. Among its ceramic production are amphorae, pans, covers, frying pans, fish saucers, pyramidal weights for weaving machines, solens and calipters (types of tiles) as well as other production which have to be referred to the production of the workshops on the site itself[436] and within the Dioscurias' chora. The materials from the Eshera settlement make possible the existence of local ancient ceramic production, at least from IIIrd to Istcc. B.C.

A small observation of ceramic tableware made above lays grounds to single out the main assortment of the items characterizing the ceramic industry in Dioscurias.

The biggest group is comprised of amphorae in the production of which potters were primarily determined by the production of Sinope, IVth-IIIrdcc. B.C.Later production is marked for the development of features characterising both the production of Sinope and a number of other centres (Heracleia, Coss and others). In IIIrdc. B.C., amphorae handles were stamped with brands bearing the name of the city. In IInd-Istcc. B.C., application of different marks on the neck was widely used.

Production of tiles, represented by both solens and calipters, was as well widespread. The most ancient samples of tiles in Dioscurias are dated to IIIrdc. B.C. (Gvandra).

Quite numerous are the finds of pyramidal ceramic weights which often repeat the shape of the Greek ones.

An important part in the activities of the earthenware workshops of Dioscurias was occupied by the production of different kitchen and tableware.

In conclusion, it is appropriate to remark that the fact that the centres of ceramic production mentioned above are significantly scattered permits to conclude that the production centre of Dioscurias in IIF^{d}-Istcc. B.C. for most fit within the framework of its agricultural territory (chora).

The materials on the constructing industry are interesting. The main materials used in the building of houses in most settlements of Dioscurias'chora was wood. The walls of wooden constructions were clay-coated. Apart from wood, construction on Greek settlements widely involved stone and raw bricks. House walls were

[436] **Shamba G.K.** The Eshera site of ancient settlement..., pp. 16-41.

erected on the basement made of crude or processed mortar or sandstone. Mortar carved capitals of the Late Doric Order attest to the existence in these places of a local school of stonemasons who erected monumental temples. The capitals and part of the blocks were made of the same mortar whose closest outlets are known in an area to the North of New Athos. Woodworking occupied an important place in the trades of Dioscurias: carpentry and joinery, shipbuilding, production of land transport means and spare parts for agricultural implements. Popular was the production of ropes, braiding of baskets, production of mats, processing of bones, etc.

During the Hellenistic period, there happens a radical reformation of the aboriginal industry in the territory of Dioscurias' chora. If before the main task was to satisfy the domestic needs of each settlement whose residents cultivated land produced arms, agricultural implements, the dishes, clothes and decorations on their own, now part of these functions was transferred to the city where the aboriginal population started exchanging agricultural production for a considerable part of the items which they previously used to produce themselves.

In the Hellenistic epoch, Dioscuridos becomes a large mediating trade centre and was known for its markets. According to the account of Timosthenos of Rodhos, who lived in IIIrdc. B.C., representatives of 300 tribes gathered here for commercial deals. Strabo, following the sources of II^{d}-Istcc. B.C., wrote: "The same Dioscurias is ... a common trade centre for those living higher up and neighbouring nationalities. In any case, (representatives) of 70 nationalities gather in this city ... gather in Dioscurias ... mostly for salt"[437][1].

Extremely various are the external links of Dioscurias in the Hellenistic period. In Vthc. B.C., trade connections are established with Ionia and Athens. This is testified by multiple finds of various black-lacquered articles.

From IVthc. B.C. on, strong connections of Dioscurias with the cities of Asia Minor are established: Sinope, Heracleius and others. From the late Vth – early IV^{t} cc. B.C. on, Sinope captures the role of the main mediator in the trading activities between Colchis and the Mediterranean world, which she preserves till the end of the Hellenistic epoch. Amphorae with olive oil, construction materials, table-

[437] **Strabo**. Geography, pp. 472-479.

ware, coins and others are exported to Dioscurias from Sinope. It is not by accident that the local ceramic production developed under the direct influence of the corresponding production of Sinope (amphorae, tiles, luterias, etc). In IVthc., trade connections with another important centre of trade on the Black Sea Littoral – Heracleius Pontus, are established. Wines and olive oil are imported from there. Peculiar samples of the production of Coss, Rodhos, Pergamum and others cities are found in Dioscurias' chora.

In its turn, Diosciriados exports wood, flaxen linen, agricultural and cattle-breeding implements and honey. From IVthc.B.C. on, exportation of wine turns into an exercise, which is affirmed by the finds of Colchian amphorae on the North Black Sea littoral. Trade was the occupation of the population of Dioscurias, however, its results also had an impact on the life of the population in its chora. At least from the middle of Vthc. B.C. on, the local environment features the spread of multiple imported production.

In IVth-IIndcc. B.C., the local population widely used the production of various Mediterranean and Black Sea centres. It should be presumed that the leading form of trade operations between rural settlements and urban merchants was a natural exchange, although a certain role of money should not be denied.

Ancient coins appear in Dioscurias neighbourhood rather early. In IVth-IIndcc., here figure Sinopian silver coins, gold and silver coins of Alexander the Great and Phillip III of Macedonia imitating the staters of Lisimach, Amisos coin and others. Several buried treasures and a rather big number of accidental finds – "Kolkhidka" – a silver coin, used in Colchis in the late VIth-IVthcc. B.C. and linked by a number of researchers to minting activities of Phasis, are known in the agricultural territory of the city.

However, it is excluded that one of the mint places that produced "Kolkhidkis" was in Dioscurias. What's more, one of these "Kolkhidkis" was found in the area of the Sukhum Fortress in 1924, i.e. in the immediate territory of the city.

In doing so, in the second half of IVth-IIIrdcc.B.C., the history of the cities on the East Black Sea littoral experiences drastic changes. In particular, Dioscurias turns into a large city with a vast chora and rather powerful producing base. Crafts broadly develop here: ceramics, metal-working, stonemasoning and others; building of de-

fensive and religious constructions (Eshera) is intensive. It should be assumed that the local population was the main producer engaged in the cultivation of the land adjoining Greek cities and growing agricultural production, cattle-farming and crafts. We do not possess direct evidence on the reaction of the local nobility to the Greek expansion. However, the emergence of strong defensive constructions (Eshera), seemingly, attests to the escalation of contradictions between the local population and Greeks which, for example, turned into a conflict with the Soan tribe union on the environs of Dioscurias, the fact being recorded by Strabo.

Dioscurias in the epoch of Mithridatic wars. IInd century B.C. is marked in the whole ancient world by considerable political events whose development left a trace in the history of Dioscurias as well. The Black Sea state established by the Pontic King Mithridates who united for a short period almost all the lands adjoining Pontus Euxinius became quite an important factor in the political history of the whole ancient world of the period of Hellenism.

Establishment of Mithridates' state was an appropriate concluding stage of a long-prepared unification of by-Pontus lands within the framework of a unified political and economic entity. The Pontic Kingdom in particular tries to resist the political and economic influence of Rome on the Black Sea littoral. Pontic King Mithridates VI Eupator takes all the necessary measures in order to establish a powerful union against Rome, possess the most important strong points and accumulate as much strength as possible.

Unification of the lands of the Black Sea littoral around the Pontic Kingdom itself happened very rapidly and, as it seems, the first territorial acquirement of the Pontic King was Armenia. This happened at the very beginning of the reign of Mithridates, i.e. nearly 113 B.C.

The next entity for the expansionist policy of Mithridates VI was Colchis. Ancient sources mentioning the annexation of Colchis by Mithridates do not account for the dates. According to D.B. Shelov, it happened approximately in 111-110 B.C.[438]

According to some researchers, the appearance of Mithridates is linked to the wish of Pontus to protect the Greek world from the more and more active barbarians. One of such actions was the cam-

[438] **Shelov D.B.** Pontic Empire of Mithridates Eupator. From book: Black Sea littoral in the epoch of Hellenism. Tbilisi, 1982, p. 555.

paign to the Crimea at the request of Chersonesus to fend it off against Scythians. The campaign ended up in inclusion of Chersonesus and Bosporus within Pontus.

The first appearance of Mithridates' troops in the territory of Dioscurias was possibly connected with a similar appeal when, according to the sources, Mithridates had to "subjugate Colchhis by war". To all appearances, Dioscurias supported Mithridates, for which she gained autonomy, particularly in minting its own coins. In this fact researchers can see a revival of polis traditions in the city[439].

Presently, there are known around four hundred Dioscurias coins found primarily on the North Black Sea littoral as well as in the neighbourhood of Ankara, according to a well – known numismatist, E.A. Pakhomova. All of them are made of copper and belong to the same type and two weight categories (dichalkus and chalkus). The obverse of the coins bears the image of Dioscurian hats with six or eight-pointed stars over them. On the reverse, there is an inscription DIOSCURIAS split into three lines (Fig. 15).

Certain importance is ascribed to the precise dating of the city coins of Dioscuriada in exploring the relations between Colchis and Pontus.

Up until recent, the period of emission of coins in Dioscurias was considered 111-110 B.C.[440] The substantiation of this dating concluded in the fact that the image on the obverse of the mentioned coins (Dioscurian hats) repeat the motive of the obverse of the south Pontic coins which were emitted in 120-111 B.C.

K.V. Golenko monographically explored Dioscurian coins, the issues of chronology in particular. He paid attention to the fact that the motive on the reverse of Dioscurian money – the symbol of Dionysos, a warder, is borrowed from the typology of those south Pontic coins that were emitted in 105-90 B.C. In this connection, in accordance to the correct conclusion of K.V. Golenko, the coins produced in Dioscurias should be dated to the same period[441]. This

[439] **Voronov Y.N.** Dioscurias-Sebastopolis-Tskhum ..., p. 69.

[440] **Lordkipanidze G.A., Kapanadze.** Coins of the ancient epoch from the Van site of ancient settlement "Iiskari", 1967, Ne 8, pp. 142-147; Golenko K. V. On the dating of Dioscurias coins."Numismatic compendium". Tbilisi, 1977, pp. 57-64.

[441] **Dundua G. F., Lordkipanidze G.A.** Georgia and Mithridates VI (based on numismatic data). From book: Black Sea littoral in the epoch of Hellenism. Tbilisi, 1982, p. 802.

dating is as well confirmed by the chronology of copper coins in the Pontic cities of Mithridatean period found both on the environs of Dioscurias and all over Colchis. Their absolute majority is dated to 105-90 B.C.

As mentioned above, the coins minted in Dioscurias are seldom found in Colchis, but often in Chersonesus and a number of Bosporus cities, although Bosporus and Chersonesus produced their own coins. According to researchers, this circumstance serves as evidence of an attempt to a unified domestic market with the copper coin in circulation. At the same time, there is another opinion which holds that the economic dependence of the cities on the North Black Sea littoral from Pontus was artificially stimulated by the lack of the local coin and its partial substitution by a foreign one. By all appearances, Dioscurian coins were brought in for circulation in Chersonesus and Bosporus on purpose.

Likewise in other areas on the Black Sea littoral, the main strongholds of Mithridates in Colchis were the Greek cities among which, by all appearances, the leading role belonged to Dioscurias. There is no doubt that they in particular and close to them local tribal aristocracy were the initiators of support for Mithridates. For this reason, when sources speak about the relations between Mithridates and Colchis, one should primarily discern in them his relations with the local Greek centres.

As Strabo's reports hold, during the early period of domination of Pontus in Colchis, here reigned a viceroy of Mithridates. His residence, no doubt, was in one of the Greek cities, quite possibly in Dioscurias. The functions of the viceroy included collection of tax, organization of auxiliary troops and other means of support for Pontus in its numerous wars which were a heavy burden as well for the cities on the East Black Sea littoral and their surroundings. The economic life of Dioscurias was going off the tracks, especially the overseas trade, which made the ruling strata of the cities and local tribal aristocracy upset with Mithridates. Apparently, this resulted in an anti-Mithridatean uprising in Colchis around 85 B.C.

A Roman historian, Appian, IInd c. B.C., reports on the following developments: "Mithridates, having sailed to Pontus, fought with the breakaway Colchians and Bosporians. The Colchians asked him to give them his son Mithridates as their king, and, having obtained

him, they immediately obeyed...''[442]. Researchers usually interpret the given extract in the sense that Mitridates was compelled to go to Colchis to condescend considerably with Colchians, thus, restoring the imperial rule. According to D. B. Shelov, modern literature sometimes attaches excessive importance to the meaning Appian's account[443]. Seemingly, the appointment of Mithridates the Younger as ruler of Colchis probably had the same nature as the simultaneous appointment of another son, Makhar, as viceroy of Bosporus. Appian's terminology in this case cannot be absolutely believed: he calls Makhar as "reigning" in Bosporus too. However, the reign of Mithridates Filopator in Colchis soon ended due to the will of his father, and the same Makhar became ruler of the country.

It is certain that by-Pontus trade cities the ruling strata of which were interested in preserving the political and economic unity of the Black Sea basin constituted the main power of the Pontic Kingdom. It is noteworthy that such a position of the cities on the Black Sea littoral had an important impact on the history of Greek-Pontic relations. The ancient cities in particular demonstrated the most continuous and strongest resistance to the Roman expansion and remained the strongest points of Mithridates. Notable is as well the fact that Mithridates, fully defeated in Asia Minor, finds refuge in one of the main trade centres of Colchis. As Memnon, a Greek historian, reports, "they loaded multiple treasures on board the ships, let the city be looted by soldiers and themselves fled to the inner regions of Pontus populated by the Sanig and Laz"[444].

The mention of the Sanig permits to believe that Mithridates in 66-65, retreating with his troop of three thousand soldiers, stopped particularly in Dioscurias where he spent a winter in peace (here possibly was situated the residence of his last Colchian viceroy). By all appearances, there were sufficient force and means to defend both on land and sea in Diaskuriados. But soon, Roman legionaries under the command of Cneius Pompeius conquered Armenia, Iberia and encroached upon Colchis.

Late Ancient author Appian points out that Pompeius put at the head of Colchians someone called Aristarchus; Dioscurias remained

[442] **Voronov Y.N.**Dioscurias ....p. 71.
[443] **Shelov D.B.** Pontic Empire ..., p. 568.
[444] **Voronov Y.N.** Dioscurias..., p. 72.

an important trade centre during his reign[445]. Apparently, the account of Pliny the Elder goes back to this period. According to the account, Roman traders "used 13 interpreters as mediators in their affairs here"[446]. This is attested by the cultural layers of the end of II-middle of Istcc. B.C. in the western part of the Sukhum fortress[447]. They contained fragments of Cossian amphorae, red-lacquered dishes and a coin dated to Istc. B.C.

In the second half of Istc. B.C., in Rome, as a result of internal sociopolitical differences, the Republic falls, and monarchy with an emperor at the head is established. This event was taken advantage of by the son of Mithridates VI Eupator, Famak, who was at the head of the Bosporus Kingdom. He caused an uprising and seceded from them. Dio Cassius reports the following on the matter: "Famak began to strive for return of his father's kingdom and captured many areas... He easily subjugated Colchis and the whole of Armenia, some cities of Coppadocia and Pontus"[448].

In doing so, Colchis (and Dioscurias – **A.G.**) came under Famak's rule who for a short period of time became King of not only Bosporus but as well Colchis, Pontus and Armenia Minor[449]. However, Famak was eventually defeated in his struggle with Rome and soon died.

A cruel struggle between the new governor of Bosporus, Asandr, and the Roman protege to the Pontic Kingdom, Mithridates of Pergamum, evolves soon after his death. Colchis became a theatre for military actions and was subjected to a serious ravage.

At the end of Istc. B.C., Colchis had already been part of Pontic King Polemon's possessions, and, following his death, his wife Pifodoris held the reign.

In 63 A.D., Romans, having cancelled the vassalage of Pifodorida, transformed Pontus into their province and established in the area of the East Black Sea littoral. In this regard, interesting is the following report of an ancient author of that period, Iosephus Fla-

[445] **Appian.**Mithridatic Wars. Tbilisi, 1959, p. 221.
[446] **Voronov Y.N.** Dioscurias..., p. 73.
[447] **Apakidze A.M., Lordkipanidze O.D.** New materials …, pp. 211-221.
[448] **Latyshev V.** News of ancient writers, Greek and Latin, on Scythia and Caucasus, vol. II, issue I, p. 615.
[449] **Appian.**Mithridatic Wars. Tbilisi, 1959, p. 221.

vius, who wrote: "Heniokhs and Colchians and the tribe of Taurians and Bosphorians and the peoples living around Pontus ... now obey three thousand Hopplites ... established peace and quiet on the wild sea..."[450].

According to other authors, the situation in Colchis in Istc. A.D. was not quite peaceful and calm. Strabo records that the raids of neighbouring tribes (Heniokhs and others) at Roman possessions continued. The population of Colchis was getting more and more disturbed with Roman domination; in 69 A.D., headed by a representative of the local tribes, Aniket, they revolted *en masse* against Romans.

It looks as though in Istc. A.D. Romans did not yet have their own fortifications on the seashore of Abkhazia and could not turn this region into their province. At the beginning of Istc. A.D., the Greek geographer Strabo speaks about Dioscurias as of a rich flourishing city, and Gaius Pliny Secundus (29-79 A.D.) already reports on the city that "now it (Dioscurias – **A.G.**) is in desolation"[451].

Written accounts of Pliny Secundus are clearly evidenced by the materials from archaeological excavations in the area of ancient cities in Abkhazia. So, the cultural layers of the Istc. B.C. – Istc. A.D. in the territory of the Sukhum fortress were scantily represented and yielded only single finds, which vividly attests to the fall and crisis in the life of ancient Dioscurias.

And already not later than in the third quarter of Istc. A.D., a Roman fortified station is established in Dioscurias' place: a city called Sebastopolis after the Roman Emperor, Augustus, who had a nickname of "Sebastos" (divine, worthy of worship). A new stage in the centuries-old history of ancient Sukhum begins and goes beyond the framework of our research.

To conclude with the history of the North East Black Sea littoral in the ancient epoch was characterised by a tight interaction between Greek and local beginnings in economy, policy, culture and ideology in the conditions of the general historical situation. All this permits to consider the given region as an organic, albeit peripheral, part of the Hellenistic world. Despite the fact that Hellenism formed up in different places of the ancient world and different from each other

[450] **Gulia D.I.** History of Abkhazia ..., p. 254.
[451] **Trapsh M.M.** Ancient Sukhumi ..., p. 289.

ways, conditioned by a concrete historical situation, it yielded the same results, as a matter of fact. The North East Black Sea littoral, as presented on the basis of the above, was not an exception in this regard.

ABBREVIATIONS

AMRW	– Archaeological Materials and Research Works.
ASM	– Abkhazian State Museum.
ASIRS	– Abkhazian Scientific Institute of Regional Studies.
BRIA	– Brief Reports of the Institute of Archaeology.
CNEC	– Caucasian and Near-Eastern Compendium.
MAAA	– Materials on the Archaeology and Art of Abkhazia.
MAA	– Materials on the Archaeology of Abkhazia.
MAC	– Materials on the Archaeology of the Caucasus.
MIA	– Materials and Investigations of Archaeology.
NAR	– News of the Archaeological Commission.
NASS	– News of the Abkhazian Science Society.
NSIRS	– News of the Scientific Institute of Regional Studies.
SA	– Soviet Archaeology.
VDI	– The Journal of Ancient History.
WAI	– Works of the Abkhazian Institute of Language, Literature and History after D.I. Gulia.

BIBLIOGRAPHY

1. Agbunov M.V. Antichnaia archeologia I palegeografia. [Ancient archaeology and paleography. BRIA. Moscow, 191, 1967].
2. Anchabadze Z.V. Istoria I kultura drevnei Abkhazi [History and culture of ancient Abkhazia. Moscow, 1964],
3. Apakidze A.M., Lordkipanidze O.D. Novie materiali k archeologii Dioscuri-Sebastopolisa, TAI, [New materials on the archaeology of Dioscurias-Sebastopolis. 1963].
4. Appian, Mitridatovi voini [Mithridatic Wars. Tbilisi, 1959].
5. Bakradze D. Istorija Gruzii [History of Georgia. Tiflis, 1889],
6. Bashkirov A.S. Archeologicheskie iziscania v Abkhazi letom 1925 goda [Archaeological findings in Abkhazia, in the summer of 1925. NASS. 4. Sukhum, 1926].
7. Boltunova A.I. Elinskie apoki I mestnoe naselenie Kolkhidi – Problemi grecheskoi kolonizacii Severnogo i Vostochnogo

Prichernomoria [Hellenic apoikias and local population of Colchis. – In: Problems of Greek colonization of North and East Black Sea littoral. Tbilisi, 1978].

8. Cherniavsky V.I. Vostochnoe Poberezhie Chornogo morja. Arkheologicheskie ekskursi. MAK. T. P. [East Coast of the Black Sea. Archaeological excursions. MAC. Vol. II, Moscow, 1989].
9. Dzhanashia S.N. Iz istorii gruzinskoi gosudarstvennosti. K istorii Kolkhidskogo tsarstva. – Tezisi dokladov XII nauchnoi sessii Otdelenia obshestvennix nauk AN GSSR. Tb., 1949. [From the history of Georgian statehood. On the history of the Colchian Kingdom. – In: Theses of the reports from XI Scientific Session of the Department of Civics of the Academy of Science of the GSSR. Tbilisi, 1949].
10. Dundua G.D. K proiskhozhdeniu "kolkhidok" s izobrazheniem lva. Macne [On the origin of "Kolkhidkis" with the representation of a lion. – Matsne. Tbilisi, 1972, № 1].
11. Dundua G.F., Lordkipanidze G.A. Gruzia I Mitridat VI (po numizmaticheskim danim) – Prichernomorie v epokhu elinizma. Tb., 1982. [Georgia and Mithridates VI (based on numismatic data). Black Sea littoral in the epoch of Hellenism. Tbilisi, 1982].
12. Dubois de Monpere F. Puteshestvie vokrug Kavkaza [A journey round the Caucasus. – Sukhum, 1937]. Elnitsky L.A. Znanie drevnix o severnikh stranakh [The knowledge of ancients on northern countries, Moscow, 1961].
13. Fiodorov P.V. Posleledniковaia transgrosia Chernogo moria I problema izmenenia urovnia okeana za poslednie 15 tis. let [Post-glacial transgression of the Black Sea and the problem of the change of the ocean level for the last 15 thousand years. Moscow, 1982].
14. Gulia D.I. Sukhum ne Dioscurias. [Sukhum is not Dioscurias. – Works of ANIRS. Issue 2. Sukhum, 1934].
15. Gulia D.I. Istoriya Abkhazii [History of Abkhazia. Vol. 1. Sukhumi, 1925].
16. Golenko K.V. K datirovke monet Doscuriadi. Numizmticheskij sbornik [On the dating of coins from Dioscurias. Numismatic compendium. Tbilisi, 1977].
17. Ivaschenko M.M. Isledovania arkhaicheskogo pamjatnika

materialnoi kulturi Abxazii [Investigation of archaic monuments in the material culture of Abkhazia. – NSIRS, 1935, issue 3].
18. Ivaschenko M.M. K voprosu o mestonakhozhdenii Dioscurii drevnikh [On the issue of location of Dioscurias of ancients. IANO, 4. Sukhum, 1926].
19. Inadze M.P. K voprosu o kharaktere razvitia gorodov Severnoi Kolkhidi v antichnuyu epokhu [On the issue of the nature of development of cities in North Colchis in the Ancient epoch. – Tbilisi, 1959].
20. Inadze M.P. O vremeni obrazovania Kolkhidskogo tsarstva po dannim grecheskikh avtorov [On the time of formation of the Colchian Kingdom based on the data of ancient authors. – CNC, 1973, issue IV].
21. Inadze M.P. Iz istorii grecheskoi kolonizacii Kolkhidskogo poberezhia. – Materiali Vsesouznoi konferencii [From the history of Greek colonization of the Colchian littoral. – In: Materials from the All-union Conference. – Tbilisi, 1975].
22. Inadze M.P. Grecheskaia kolonizacia Vostochnogo Prichernomoria [Greek colonization of the East Black Sea littoral. – Tbilisi, 1982].
23. Kalandadze A.I. Archeologicheskie pamiatniki Sukhumskoi gori [Archaeological monuments of Mount Sukhum. Sukhumi, 1954].
24. Kapanadze D.G. Gruzinskaia numizmatika [Georgian numismatics. Moscow, 1975].
25. Kapanadze D.G., Golenko K.V. K voprosu o proiskhozhdenii kolkhidok [On the issue of origin of “Kolkhidkis”. – VDI, 1957, № 4].
26. Kakhidze A.Y. Goroda Prichernomoria Gruzi v antichnuju epokhu [Cities on the Georgian Black Sea littoral in the ancient epoch. Tbilisi, 1971].
27. Kacharava D.D. Nekotorie voprosi istorii Guenosa v svjazi s problemoi grecheskoi kolonizacii Severnogo I Vostochnogo Prichernomoria [Some issues of the history of Cyenos in connection with the problem of Greek colonisation of the North and East Black Sea littoral. Tbilisi, 1979].
28. Kvirkvelia G.T. Materialnaia kultura Severo-Zapadnogo Ka-

vkaza v VIII-V vv. do n.e. [Material culture of the North East Caucasus in VIIIth-Vthcc. B.C. Author's abstract from a Candidate dissertation. Tbilisi, 1981].
29. Lamberti A. Description of Colchis, which is now called Mengrelia. – A compendium of materials forthe description of areas and tribes of the Caucasus. NSP, 1913.
30. Lashkhia S.V. O sovremenix izmeneniax beregovoi linii Abkhazii. Izvestia Akademii nauk SSSR. [On modern changes of the coastal line of Abkhazia. – News of the Academy of Science of the USSR. Series on Geology. № 12, 1956].
31. Latyshev V. Izvestia drevnix pisatelei o Skifi I Kavkaze [News of ancient writers on Scythia and Caucasus. St. Petersburg. Vol. 1. 1906].
32. Lordkipanodze O.D. Antichni mir I Kolkhida [Ancient world and Colchis. Tbilisi, 1961].
33. Lordkipanidze O.D. Antichni mir I Vostochnoe Prichernomorie [Ancient world and East Black Sea littoral (Colchis, Iberia). Tbilisi, 1975].
34. Lordkipanidze O.D. Osnovnie problemi drevnei istori Prichernomoria. – Pismenie istochniki I arkheologi [Main problems of the ancient history of the Black Sea littoral. – In: Written sources and archaeology. Tbilisi, 1990].
35. Lordkipanidze G.A. Drevnjaia Kolkhida v VI-IIdd. do n.e. [Ancient Colchis in VIth-IIndcc. B.C. Tbilisi, 1978].
36. Melikishvili G.A. K istorii drevnei Gruzii [On the history of ancient Georgia. Tbilisi, 1959].
37. Miller A.A. Reconaissance on the Black Sea Coast of Caucasus in 1907. – NAC, 33, SPB, 1909.
38. Miller A.A. From the trip about Abkhazia in 1907. – Materials on the archaeology of Russia. I. 1919.
39. Mikeladze T.K. Isledovania po istorii drevneishego naselenia Kolkhidi I Ugo-Vostochnogo Prichernomoria [Research works on the history of a most ancient population of Colchis and South East Black Sea Coast. Tbilisi, 1974].
40. Peters B.T. Seamanship in the ancient cities of the North Black Sea littoral. Moscow, 1982.
41. Pseudo-Scylaks. VDI. № 3, 1947.
42. Soloviov L.N. Dioscurias-Sebastopolis-Tskhum. Trudi AGM. I

[Dioscurias-Sebastopolis-Tskhum. Works of ASM. I. Sukhumi, 1947].

43. Soloviov L.N. Sledi drevnego soljanogo promisla bliz Sukhuma I Ochamchiri. Trudi AGM, vip. I [Traces of ancient salt industry near Sukhum and Ochamchira. – Works of ASM, issue I. Sukhumi, 1947].
44. Stempkovsky I.A. Isledovanie o mestopologeni drevnikh grecheskikh poselenij na beregakh Ponta Evksinskogo mezhdu Tirasom I Borisfenom, uchtonie po sluchau naidenix v 1823g. ostatkov drevnostei [Research of the locations of ancient Greek settlements on the shores of Pontus Euxinius between Tyrassos and Borysphenos taken into consideration on the account of the remains of antiquity found in 1823. St. Petersburg, 1826].
45. Sizov V.I. Vostochnoe poberezhie Chernogo moria [East Coast of the Black Sea. MAC, 2. 1989].
46. Shamba G.K. Esherskoe gorodishe [The Eshera site of ancient settlement (Main results of archaeological excavations. 1968, 1970-1977). Tbilisi, 1980].
47. Shamba G.K. Abkhazia v 1 tis. do n.e. [Abkhazia in the 1st millennium B.C. (based on written and archaeological sources). Sukhum, 2000].
48. Shamba S.M. Guenos – I [Gyenos-I. Tbilisi, 1980].
49. Sharden S.A Puteshestvie po Zakavkaziu v 1672-1679 gg. [Journey about the South Caucasus in 1672-1679. – Tiflis, 1905].
50. Shengelia I.T. K voprosu o toponimike Dioscuriadi. Soobshenie Akademi Nayk Gruzii. XX [On the issue of toponyny of Dioscurias. Reports of the Academy of Science of Georgia. XX. Tbilisi, 1967].
51. Scheglov A.N. Severo-Zapadnij Krim v antichnuju epokhu [Northeastern Crimea in the ancient epoch. Leningrad, 1978].
52. Shelov D.B. Pontiiskaia derzhava Mitridata Evpatora Prichemomorie v epokhu ellinizma, 1982. [Pontic Empire of Mithridates Eupator. From book: Black Sea littoral in the epoch of Hellenism. Tbilisi, 1982].
53. Trapsh M.M. Drevnij Sukhumi. Trudi, 2 [Ancient Sukhumi. – Works, 2. Sukhumi, 1969].

54. Trapsh M.M. Mramomi barelief iz Sukhumi [Marble bas-relief from Sukhumi. VDI, № 4, 1954].
55. Trapsh M.M. Raskopki drevnego Sebastopolisa v raione Sukhumscoi kreposti v 1959. [Excavations of ancient Sebastopolis in the area of the Sukhum fortress in 1959. WAI. XXXIII-XXXIV. 1963].
56. Tsetskhladze G.R. Grechescoe proniknovenie v Vostochnoe Prichernomore: nekotorie itogi izuchenia [Greek penetration into the East Black Sea littoral: some results of study (VIth – beginning of Vthcc. B.C.). VDI, 1947, № 2].
57. Voronov Y.N. Antichni mir I Severnaia KOLCHIDA – Problemi antichnoi istorii I kulturi (dokladi XIV Megdunarodnoi konferenci antichnikov socialisticheskix stran), Ierevan, 1979 [Ancient world and North Colchis. – In: Problems of ancient history and culture (reports from the XIV International Conference of Antiquity Experts of Socialist Countries). Yerevan, 1979].
58. Voronov Y.N. Archeologicheskaia karta Abxazii [Archaeological map of Abkhazia. Sukhumi, 1969].
59. Voronov Y.N. Axl-abaa – poselenie antichnogo vremeni v okrestnostiakh Sukhumi [Akhul-abaa – settlement of ancient period in the neighbourhood of Sukhumi. – MAA, 1979],
60. Voronov Y.A. Gyenos [Gyenos. SA, 1976, № 4].
61. Voronov Y.N. Drevnosti Sochi I ego okrestnostei [Antiquities of Sochi and its neighbourhood. Krasnodar, 1979].
62. Voronov Y.N. Dioscuriada-Sebastopolis-Tskhum, M., 1980 [Dioscurias-Sebastopolis-Tskhum. Moscow, 1980].
63. Voronov Y.N. K izucheniu keramicheskogo proizvodstva Dioscuriadi [On the study of ceramic production of Dioscurias. – SA, 1977, № 2].
64. Voronov Y.N. Nekotorie problemi sotsialnoi istorii Sevemoi Kolkhidi v epokhu grecheskoi kolonizatsii. – Problemi grechescoi kolonizatsi Severnogo I Vostochnogo Prichernomoria [Some problems of social history of North Colchis in the epoch of Greek colonization. – In: Problems of Greek colonisation of North and East Black Sea littoral. Tbilisi, 1979].
65. Voronov Y.N. Ob Esherskom gorodishe [On the Eshera site of ancient settlement. – SA, 1972, № 1],

66. Voronov Y.N. O dinamike beregov Sukhumskoi bukhti v istoricheskie vremena (v svjazi s problemoi lokolizacii Dioscuridi). – Sbornik rabot molodikh uchonikh-istoricov Abxazii, Sukumi, 1974. [On the dynamics of the shores of the Sukhum Bay in the historical times (in connection with the colonisation of Dioscurias). – In: A compendium of works of young scientist-historians of Abkhazia. Sukhumi, 1974].
67. Voronov Y.N. Materialnaia kultura geniochskix plemjon v VI-Ivv. do n.e. – Sbornik rabot molodix uchonix-istoricov Abxazii. [Material culture of Heniokh tribes in VIth-Istcc. B.C. – In: A compendium of works of young scientist-historians. Sukhumi, 1974].
68. Voronov Y.N. Vostochnoe Prichernomorie v sisteme elinisticheskogo mira. Materiali LU Vsesouznogo simpoziuma po drevnei istorii Prichernomoria [East Black Sea littoral in the system of Hellenistic world. Materials from the III All-union Symposium on the Ancient History of the Black Sea littoral. Tbilisi, 1982].
69. Zeset I.B. Keramicheskaia tara Bosfora [Ceramic packing of Bosporus. – MIA, 1960, №83].

Античные греческие колонии
на побережье Черного моря, часть II
Фессалоники, 2003

Fig. 1. The plan of location of Greek and local settlements in the neighbourhood Dioscurias (the blocks indicate the Greek ones; the circles indicate the local ones; the dotted line indicates the boundaries of the chora).

Fig. 2. Terracotta statue of the Goddess of Harvest and Fertility, Demeter, IVth c. B.C., Sukhum.

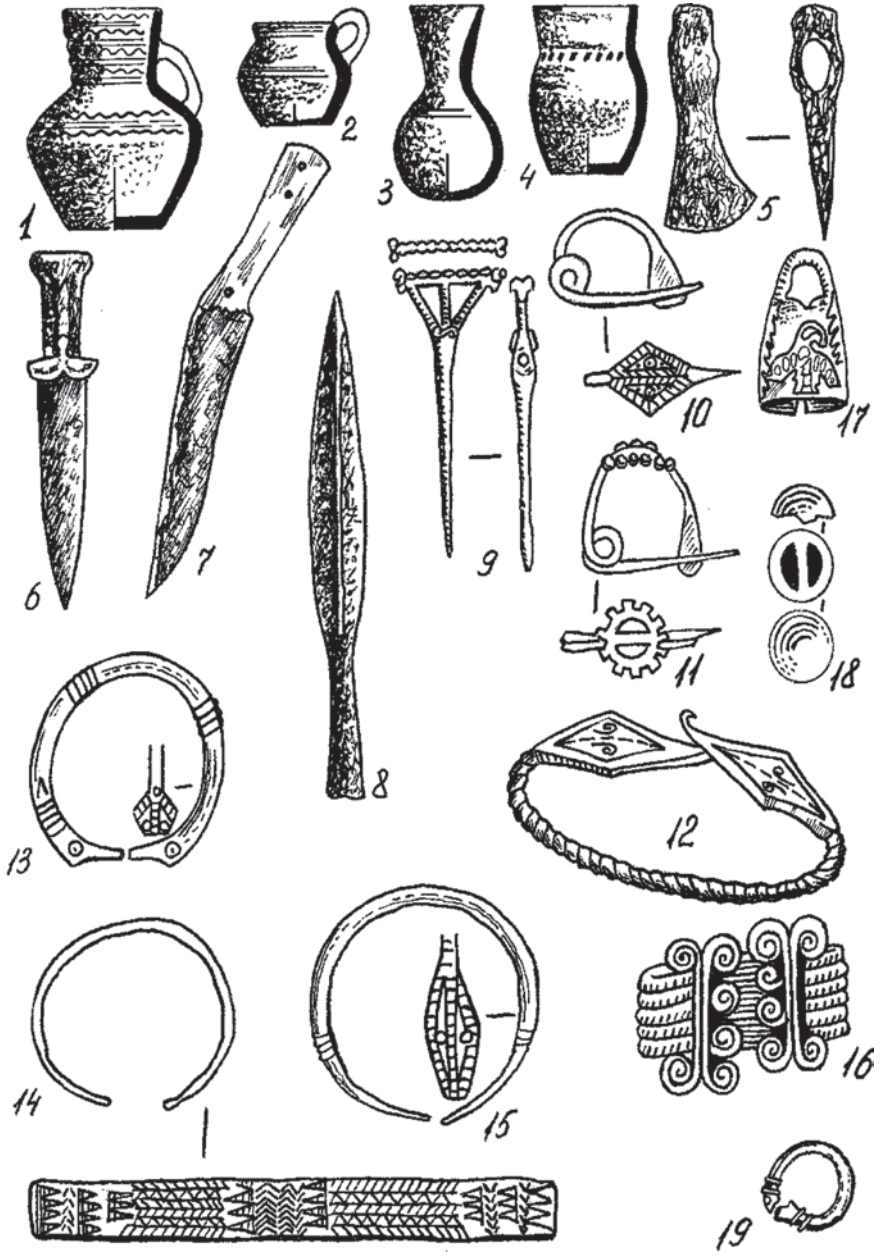

Fig.3. Dioscurias neighbourhood. Production of local craftsmen: 1, 3. jugs; 2. cups; 4. pot;5.axe;6 dagger;7. knife;8. spear point; 9. pin; 10,11. fibulas;12. choker; 13-16. bracelets; 17. hand-bell; 18. buckle; 19. earring. Dated to the end of VIth – beginning of IVthcc. B.C. according to Y.N. Voronov.

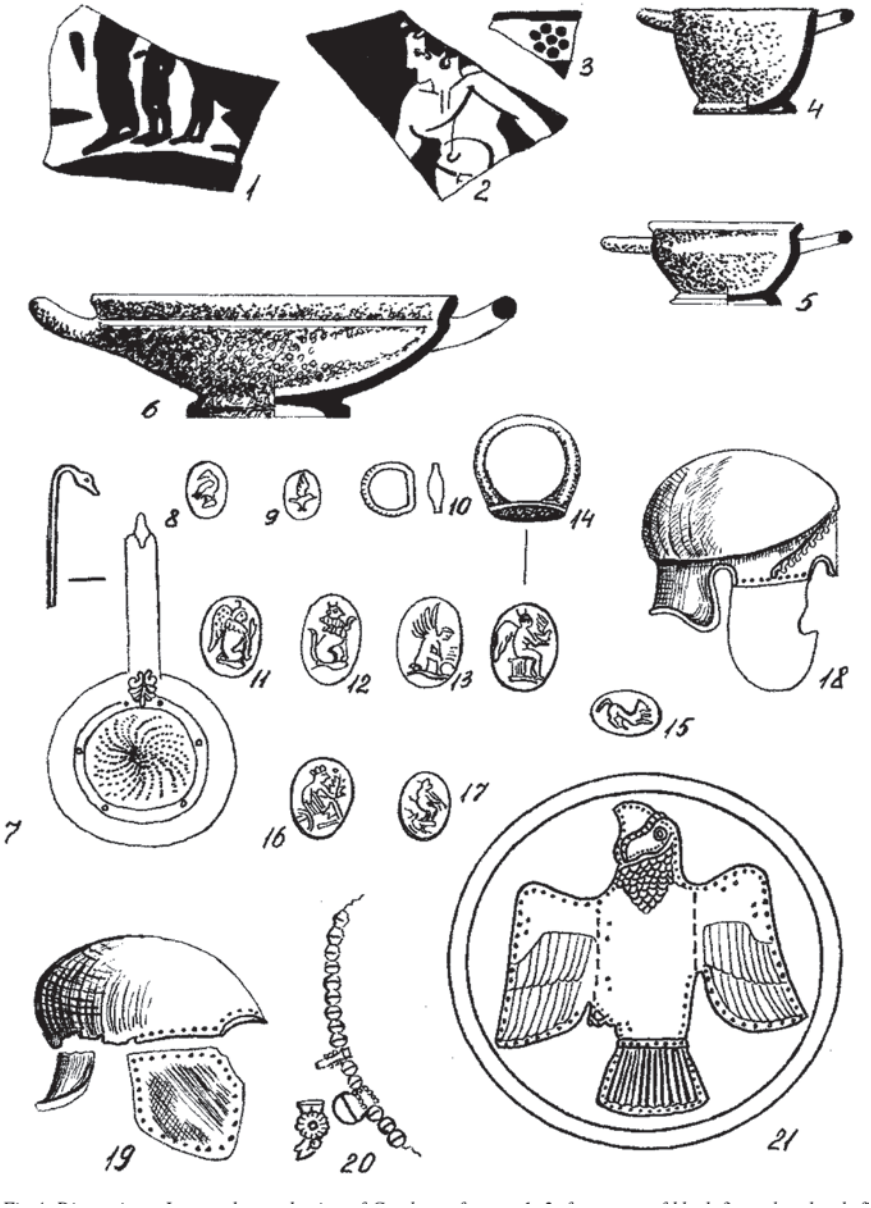

Fig.4. Dioscurias – Imported production of Greek craftsmen: 1, 2. fragments of black-figured and red- figured vessel; 3. fragment of a cup with a dish; 4- 6 black-lacquered dishes; 7. small sieve; 8-17. stamped signets; 18-19. helmets; 20. necklace; 21. shield. Dated to the second half VIth – beginning of IVthcc. B.C. according to Y.N. Voronov.

Fig. 5. Marble bas-relief from Dioscurias, Vthc. B.C.

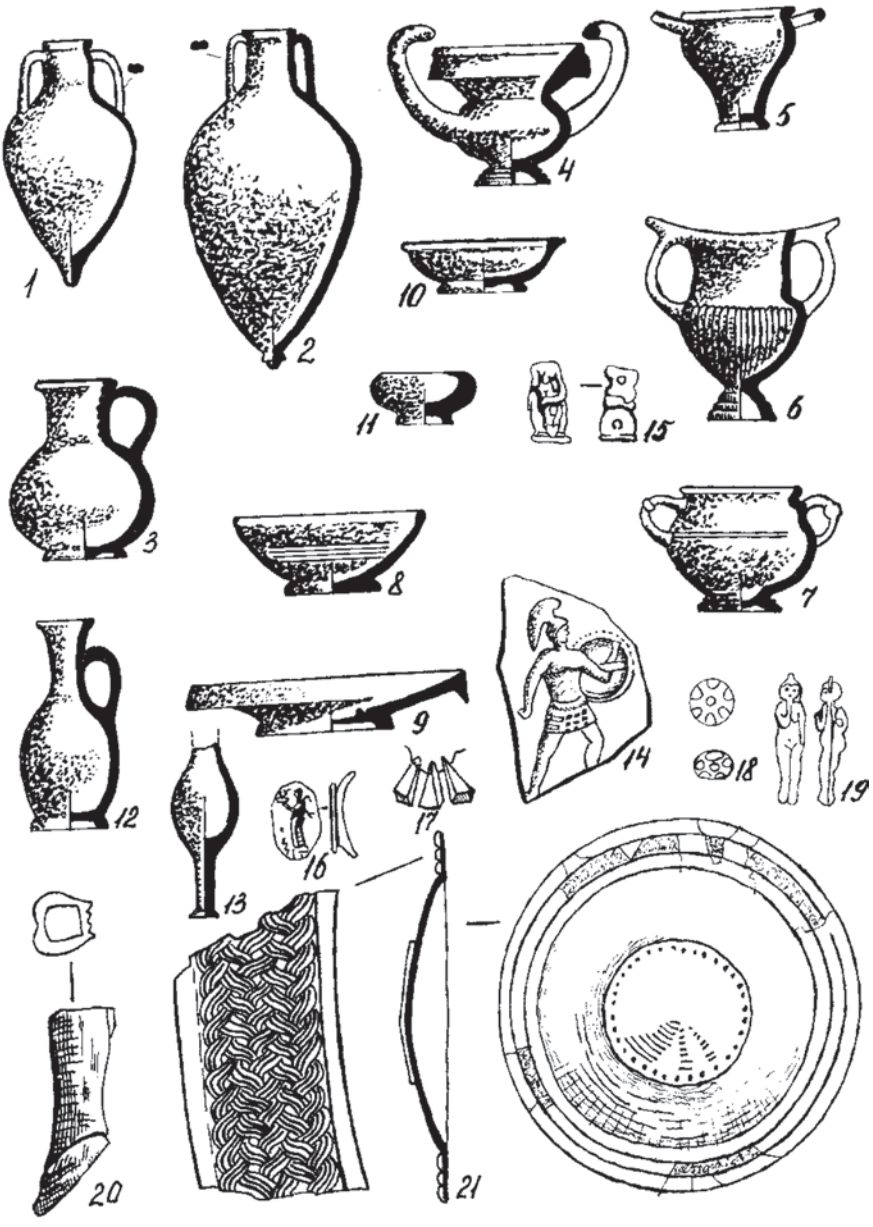

Fig. 6. Imported dishes made by Greek craftsmen: 1,2. amphorae; 3. jug; 4-6, 8-12, black-lacquered dishes; 7. red- lacquered goblet;13. amphorisk;14. Fragment of "Megaran cup"; 15,17,19 pendants;16. signet;18. bead;20. Shields. Dated to IVth-IIndcc. B.C. according to Y.N. Voronov.

Fig.7. Dioscurias. Production of local Greek craftsmen: 1, 3. amphorae; 2. impression of Dioscurias brand on the handle of an amphora; 4. water-pipe; 5. weight; 6 cover; 7. pan; 8. cups; 9.capital; 10. ploughshare; 11. gardening implement;12. sword; 13. nail; 14. signet; 15. needle for knitting nets. Dated to IVthc. B.C. according to Y.N. Voronov

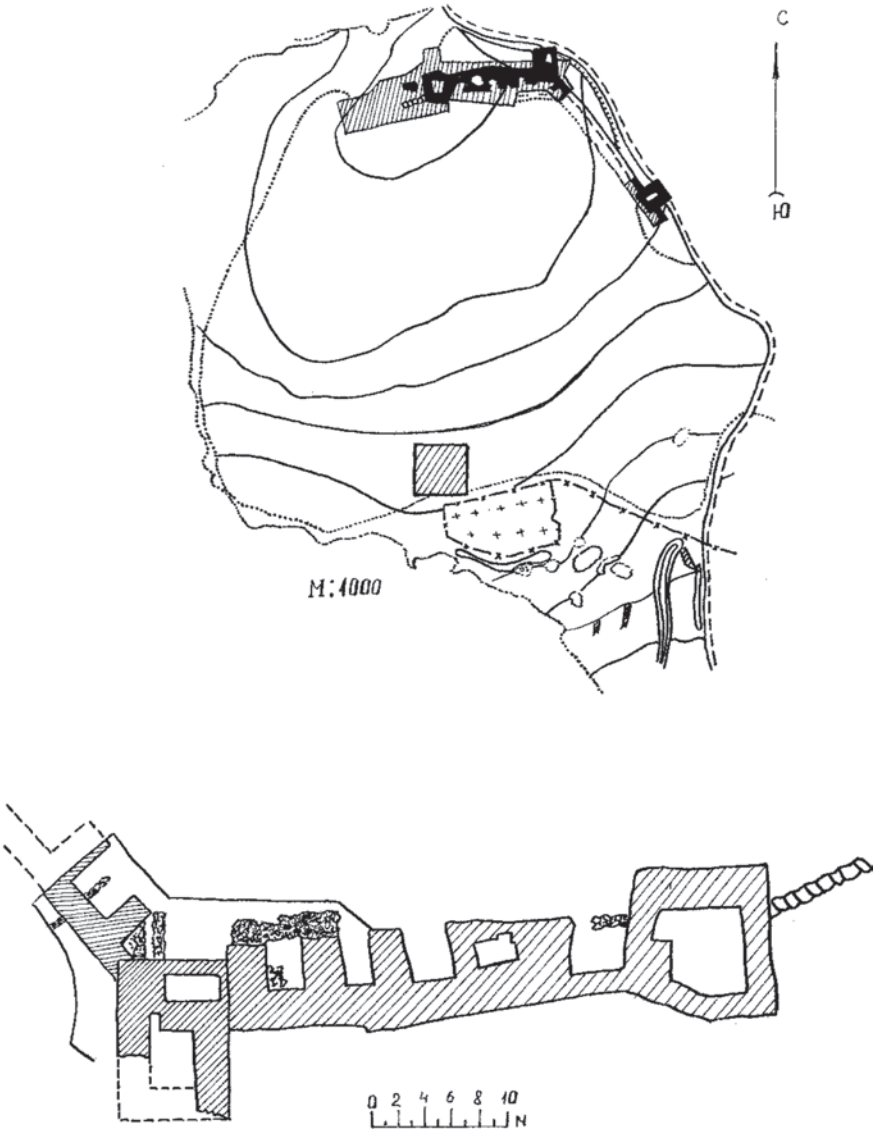

Fig. 8. Plan of the Eshera site of ancient settlement. According to Shamba G.K.

Fig. 9. The Eshera site of ancient settlement. Bronze plates with an Old Greek inscription, IVthc. B.C., according to Shamba G.K. of Savlak (1), Dioscurias (2), and Aristarchus of Colchis (3).

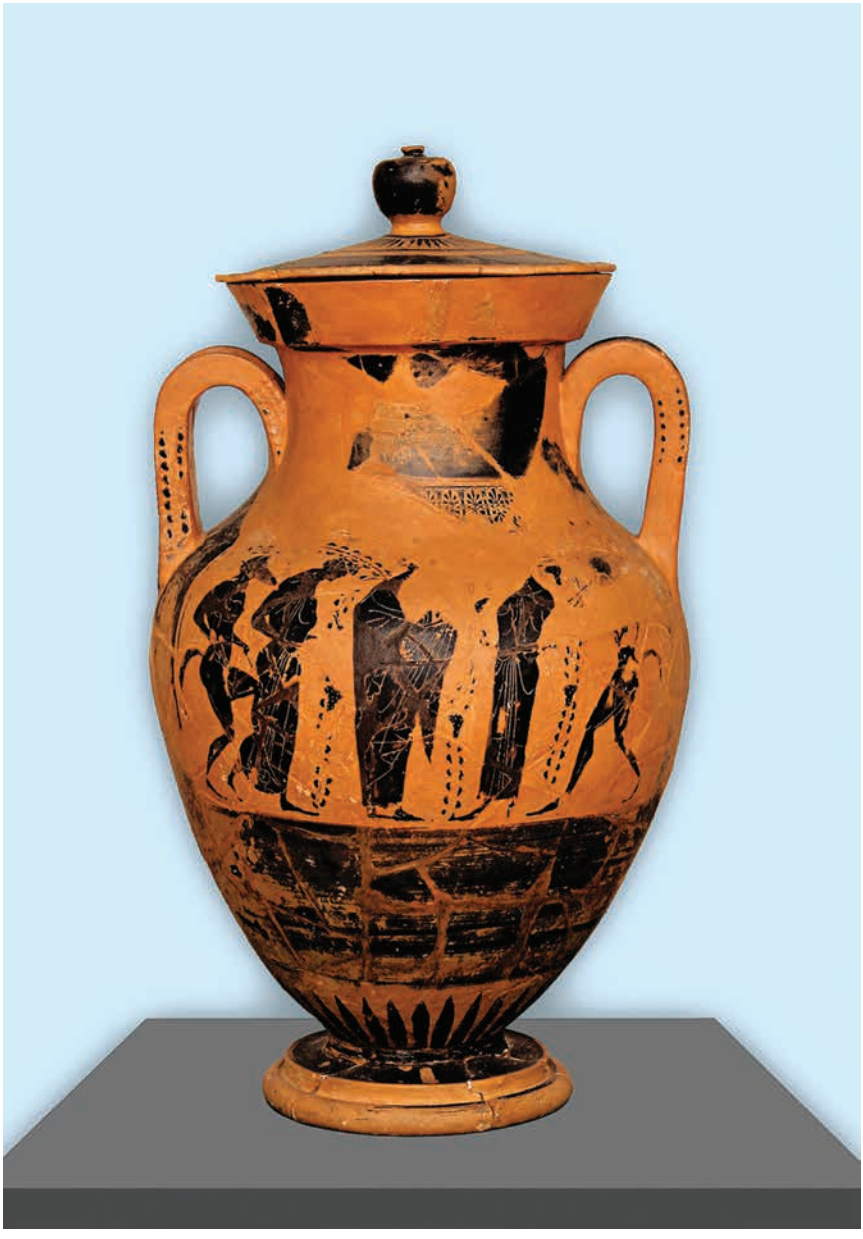

Fig. 10. Eshera black-figured amphorae of the second half of Vthc. B.C., according to Shamba G.K.

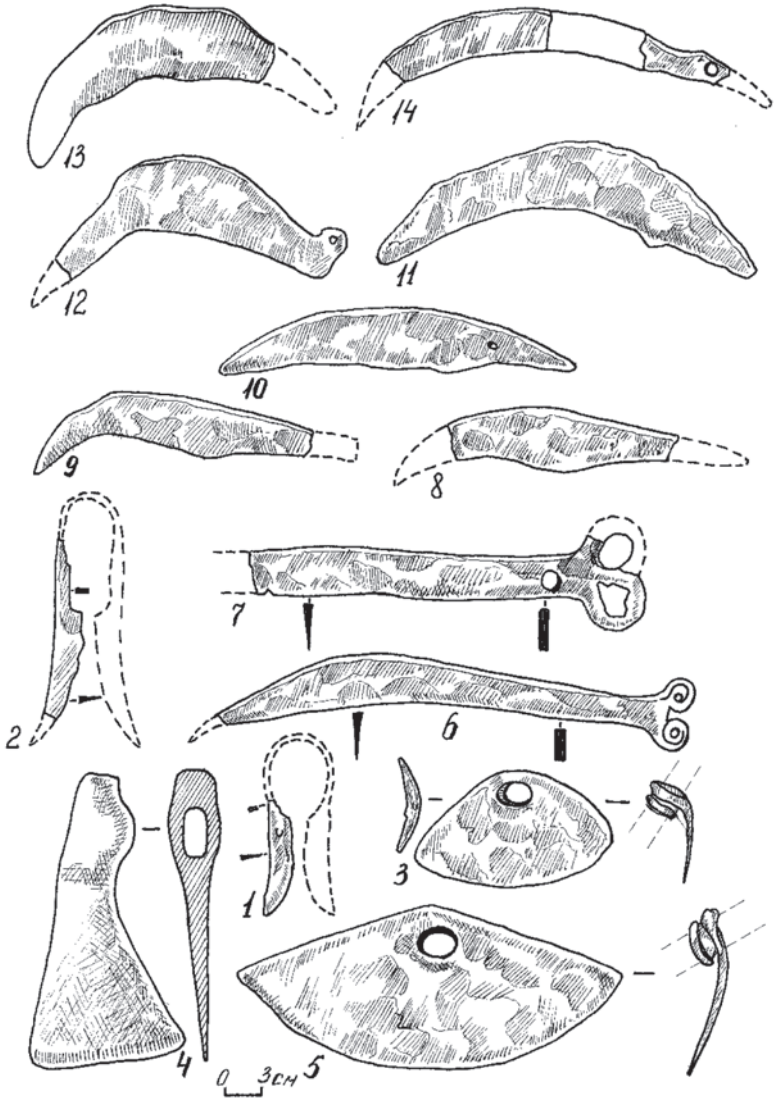

Fig. 11. The Eshera site of ancient settlement. Iron labour implements and weapons.

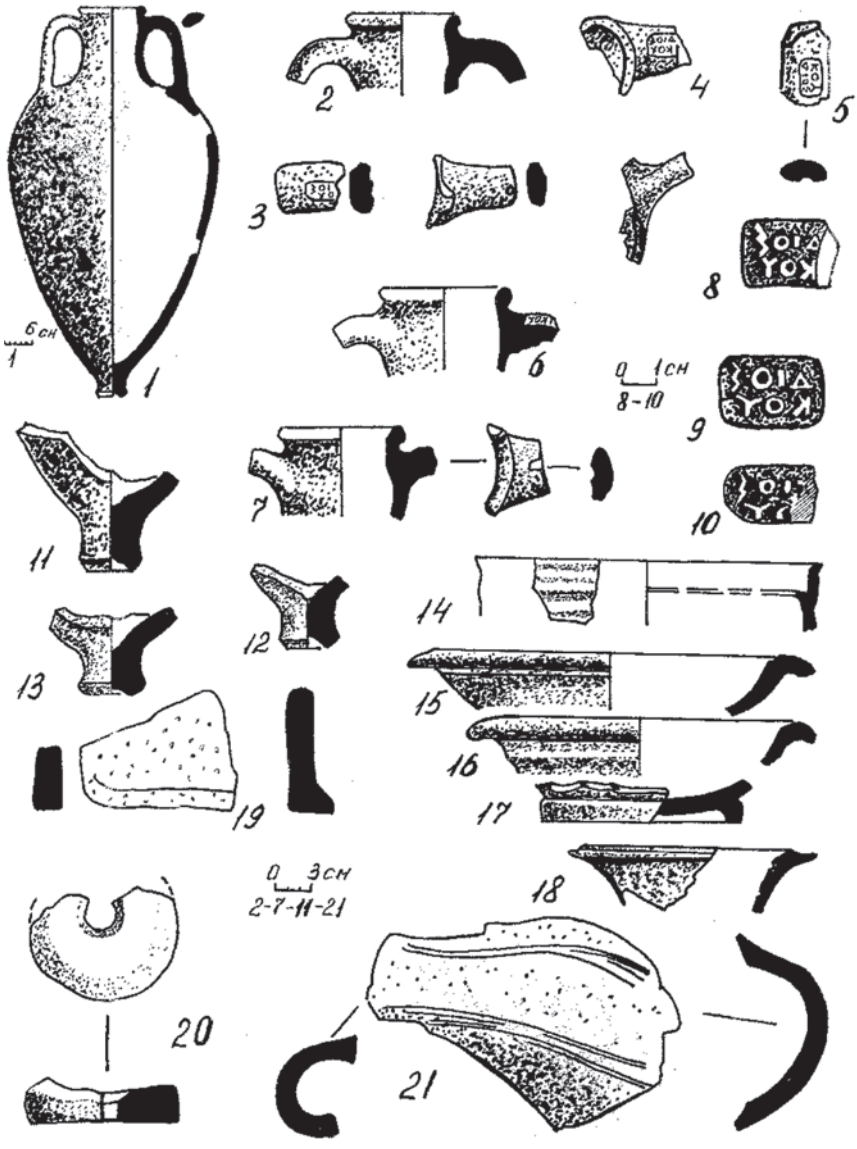

Fig. 12. Gvandra oven inventory. According to Y.N. Voronov.

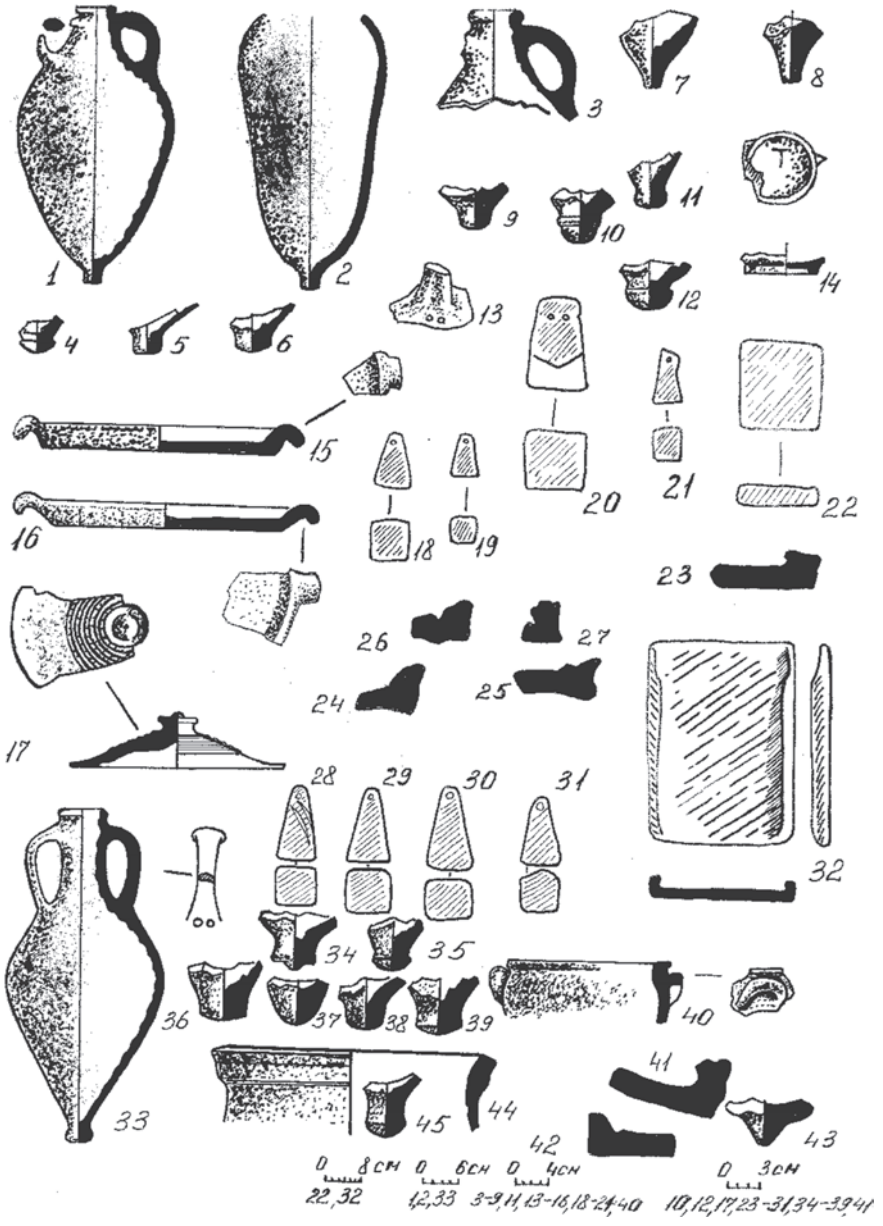

Fig. 13. Krasny Mayak oven inventory. According to Y.N. Voronov.

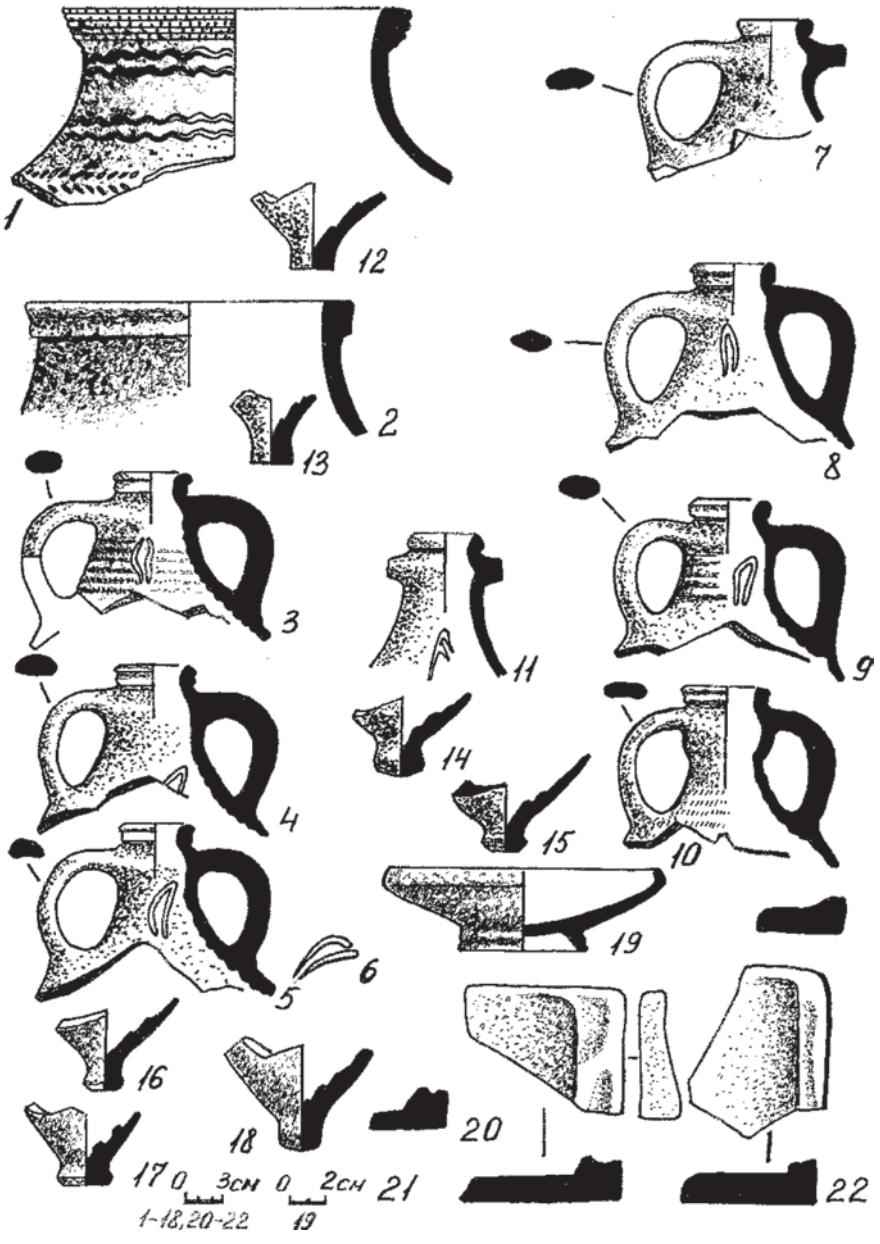

Fig. 14. Gulripsh oven inventory. According to Y.N. Voronov.

Глава II. Доклады на международных научных конференциях

Dioscuriados – is the most ancient town of the *Caucasian Black Sea coast.*

(Abstracts)

Litarary sources of the ancient Dioscuriados logically localize in the area of the Sukhum bay (*Pseudo-Skylak, Strabon, Pomponins. Mela).* Although, there is no common opinion on this matter among the experts. The written historical data indicate the location of the ancient Sebastopolis, as a successor of Dioscuriados, flooded by the sea (*Flaviy Arrian).*

The informative potential of the written documents on history of towns of Dioscuriados, Sebastopolis and Sukhum are actually closed. Now historical science can move forward mainly on the data of archeology. That's why the materials of archeological researches in the town of Sukhum obtain peculiar value.

After a written heritage of antique authors, materials about Dioscuriadas appeared only in XVII century (**Sharden, Jerusalem patriarchyDosifey)**. In 1712, Motreyvisited ruins of fortress in Subhum, natives show him a coin with inscription of Dioscuriadas. In 1817 the Frenchmen: Gaultier and Paul Gibal wrote artiles about Dioscuriadas, and French traveller Francois Gamba (1822) made the atlas-album of the Sukhumi fortress. In 1833 Sukhum Swiss archeologist Dubua de Monpere visited Sukhum and came out with a suggestion about the location of Dioscuriadas and gave the description of the condition of the Sukhumi fortress. V.I. Chernyavsky (regional specialist) has collected many historical and archeologic materials about the ancient cities of Dioscuriadas and Sevastopolis. He composed the schematic plan of sunken Dioscuriadas in the sea. The important archeological finding was a stone plate, found at the Sukhum seaport, on which there was an inscription: HADR. PER FL. A. P. I. FEK., – in translation with latin could mean: "Gadrian through Flavi Arrian this port has built"... The inscription in a consequence was published by Rostovtsev. It was the first epigraphic monument about ancient city.

In 1886 V.M. Sizov excavated the first archeological dig on the sea-front of Sukhum, as a result of which have been found out the

cultural layer contained fragments of tiles, red-varnish and black-varnish vessels, amphoras, a bronze coin of the city of Amisa and fragments of stonework.

Among Sizov's materials a great interest represents a fragment black-varnish vessel with a print of palmette of oval form, which archeologists date V– IV centuries BC. The fragment of a bottom black-varnish vessel and fragments megare bowls, a bronze coin of the city of Amisa (the end of II cent., beginning of I cent. BC) found by VAl. Sizov concerns to III-II centuries BC.

Archeological excavations of V.I. Sizov had a great importance. They testified to existence in area of the modern Sukhum of antique settlement and gave a push to search of the rests of the ancient cities of Dioscuriadas and Sevastopolis.

In 1925 on the sea-front of Sukhum there was a small excavation of A.S. Bashkirov. In his researches he proved true the stratigraphy of cultural layers, tracked by V.I. Sizov.

After works on the sea-front of the city, A.S. Bashkirov made the first archeological dig on the Sukhumi fortress and there he established the presence of cultural layers of Byzantian and Roman time.

With 1952 on 1991 in the territory of Sukhum and its surroundings had carried out the stationary archeologic researches of Institute of humanitarian researches of the Academy of sciences of Abkhazia (*Trapsh M.M., Soloviov L.N., ShezrvashidzeL.A.,* Khrushkova *L.G., Gumba M.M, Sbamba G.K.);* Abkhazian state museum (*Hotelashvili M.K.);* Archeologic center of Georgia *(Kalandadze A.N., Apakidze A.M., LordkipanidzeO.D., Lekvinadze V.);* Moscow Institute of archeology *(Bzhaniya V.V.),* which give the absolute reason to speak, that in the end of II-th and in I-th thousand y. BC, in the area of the Sukhum bay we can see the concentration of settlements of aboriginals, long before the occurrence of the Greek colonists here. The earliest findings of antique time are dated the end of VI century BC.

From the beginning of 1999 to present time, the expedition of Abkhazian State University (ASU) carries out researches on the territory of Sukhum fortress. The permanent establishment of student's archeological practice is located here.

The digging area Abkhazian University occupied the territory of 400 square meters and was deepened on 2.5 meters in the 2004. The uncovered cultural strata reflect almost lasting use of territory

of memorial more than 2000 years. However, the functioning of fortification work has been proceeded in a different way over the course of centuries.

The first upper group of stratification is connected with an active use of memorial area for the last 500 years. There are a lot of findings with dating back to the XX-XVI centuries. There are coins, copper buttons, smoking ceramic pipes, pointing out the use of fortress area as a prison, allocation of soldier casernes for Russian military garrisons, princely residence of the Abkhaz king Chachba and before it, it was the Turkish fort.

The second layer is presented by numerous fragments of ceramics of the XV-XII centuries. There is a large group of collection of wreckages of different shapes of spray vessels. They are of imported and local production. The low layer bound is seen darkly. Apparently, the fortress in the period of developed medieval didn't play its military-strategic role. But the use of its territory lasted even in the XI-VII centuries. Particularly, the Christian non-inventory interments, researches in the territory of Sukhum fortress, date back to this period.

The third layer is the most powerful by its number of remains of stony constructions. A lot of coins were found there. A group of red-varnish vessels are well presented along the mass of ceramic wreckages. The abundance in the cultural layer of spots of concentration of mortar residues and construction wreckages attracts your attention. They point out the active erection of different constructions inside the fortress and the repair works of fortress walls; the limed stratums are of great importance; fixed at the disruptions of stony constructions. The limed stratums are the traces of great site of fires. They draw towards the upper level of the layer and apparently explain the following attenuation of active life in the territory of fortress.

The opening of octagonal church of the V century is connected with the third layer in the southern part of the fortress territory. The church was opened by Abkhazian Researches Institute (ARI) under the direction of L.G. Khrushkova. One-nave temple with original slab covering of the floor of the VI century was opened by the joint expedition of Archeology Institute of the Russian Academy of Science and the abkhaz ARI *(U.V. Gorlov, M.G. Abramzov, D.S.Bzhaniya*).

The fourth layer starts from the level of 1.8 meters and is dated back to the findingsof the IV-I centuries. The cultural layer does down lower, however subterranean waters, flood the excavation under the high pressure (the layer is below the sea level). Subterranean waters don't give the opportunity for archeological works without powerful spillway devices. Therefore the earlier layers on the territory of Sukhum fortress are not still thoroughly explored.

The most considerable and interest finding is a fragment of limestone slab with ancient Greek inscription, devoted to the praising of a person who undertook the performance of any important public duty. The inscription contains five lines. The signs are drawn widely. It easy to observe proportions and intervals between the letters and lines.

We offer the following reconstruction of the inscription:

1. people's decision
2. admiration expression
3. compensation
4. Equipping of grain cleaners
5. wind

The placing of signs on the slab fragment, allows supposing that the inscription in its original view was composed more than of three lines. Anyway, the authentication of the decision by signatures should be placed below the fifth line. The text, probably, presents the "honorary" inscription or the inscription of Merits. This bind of inscription is widely represented along the ancient Black Sea and it belongs to the decree genres.

The name of a person is praised in the present inscription (And his name wasn't preserved). This person had made an important public deed; probably he invented equipment for grain cleaner.

Archeological excavations have been continued also by summer of this year (2005). The big interest represents, found in this season, a terracotta statuette of woman – the example of antique art.

The joint expedition of guard administration of historical-cultural legacy and the Abkhazian State University carried out the guard archeological researches on the route of pipeline repair work in the Zvanba street in Sukhum. Five excavations were made there, and only two of them were completed. The cultural layers laid by separate stains in researches sites. One of this stains turned to be the re-

mains of dwelling about five meters in diameter. The cultural layer had a form of a hill. It was black, strongly humused, is full of small pieces of coal. There were a lot of huge boulders in the stratifications, many of them were affected by a fire, and they were easily damaged while opening them. Everything points to the fact of the conflagration.

Numerous and various archeological materials were found in the layer; basically it presents the ceramic materials of local and imported productions. Thus, red-varnish vessel and vessel are frequently seen in quantity, covered with grey varnish. The fragments of ceramics are presented by canphors, lekythos, craters, kylix, pelos are characteristic for that period. The fragments of amphora and glazed vessels of the Synop origin are found here.

The most massive material of "stains" is the fragments of tile, both local and Synop production.

Several funeral complexes are found on the explored area. The interment of the first excavation is of great interest. It was placed in the pithos and the bones were in bad condition. The interment was contained of a bronze bracelet ended by conventionalized heads of dragons, two gold seal rings; bronze coins and glass beads – about 120 pieces (among them: 62 pieces are made of internal gilding, and 58 pieces are made of black paste). This funeral inventory has something in common with materials of Hellenistic period of the Black sea Coast.

The materials, found as a result of guard digs, allow us to outline the north-eastern borders of the central part of ancient town with high precision, and agree with the opinion that the basic territory of Diascuriada is located under the up-to-date Sukhum, and is waiting for its explorers.

Третий Черноморский античный конгресс.
11-18 сентября 2005г.,Прага, Чехия

Miletusis the organizer of colonization of the Eastern Black Sea region

Issuesof Greek colonization of the North-Eastern Black Sea region (Abkhazia) is a complex, controversial and nodal question of the ancient history of the region and the problem was the subject of discussions of many generations of researchers. Frederic Dubois de Monpere was the first one who highlighted this problem in his "Journey around the Caucasus", where he wrote about Dioscuriada, Gyuenose and other cities of the Caucasus Black Sea, relating them to typical Greek colonies of Miletus (Dubois, 1937, p.145-150).

On the Greek colonization of the Black Sea region of Abkhazia wrote V. Cherniavsky, V. Sizov, K. Machavariani, V. Miller, K. Kudriavtsev, A. Bashkirov, M. Ivaschenko, A. Fadeev and others.

Abkhaz researchers L.N. Solovyov, Z.V. Anchabadze, L.A. Shervashidze made the major contribution in considering the issues of Greek colonization of Abkhazia.

L.N. Solovyov saw basic prerequisites for urban life in the local environment and the emergence of cities linked to local conditions than with the Greek colonization. Z.V. Anchabadze considered that colonization of Abkhazia, as well as all Eastern Black Sea regions, was one of the stages of a broad colonization movement and cities arose where there were appropriate natural and human resources. (Solovyov, 1947, p. 99-134, Anchabadze, 1964, p. 146-149).

In the study of this problem the great merit belongs to Abkhaz archaeologist M.M. Trapsh. He believed that the emergence of the Greek cities of Abkhazia was the result of the historical development of the ancient states that the Greeks founded their colony where there were appropriate environmental conditions for the development of agriculture and handicrafts. In his opinion, the decisive role in the founding of the city belonged to the local population, who were prepared for urban life. (Trapsh, 1969, p.209-219).

The researcher of the numerous ancient monuments G.K. Shamba considers that throughout eastern Black Sea coast early Greek settlements appeared almost next to the sea shore and they were located near the native settlements and areas rich in natural resources, to deal with the economy and trade. (Shamba, 2000, p. 170-174).

Y.N. Voronov in his numerous works many times concerned problems of Greek colonization of the Eastern Black Sea region. He believed that the cities of Colchis were the product of colonization and their socio-economic, cultural and ethnic appearance differed little from the Greek settlements elsewhere in the Black Sea region. According to him, in the pre-antique epoch the surrounding area of Dioscuriada experiencing relative decline, and only at the end of VI-V centuries BC economic upturn associated with the emergence ofthe Greek colonies. (Voronov, 1979, p.279).

M.P. Inadze, who dedicated to the discussed problem a number of articles and a monograph, also believes that the Greek settlements based here had not developed into typical colony and adopted to a peculiar character, becoming cities with a mixed population and the specific features ofthe city organization. (Inadze, 1982, p.142-158).

Numerous works of O.D. Lordkipanidze devoted to the issue of the Greek colonization of the Black Sea region. He believes that the Greek settlements in Colchisare Emporiae, based at local major urban settlements, which played an important role in the development of trade and economic ties of Colchis with the ancient world "but did not bring complex Hellenic forms of political and social organization. The true ancient culture had not been established here, at least to the prevailing Greek appearance, so mandatory for large scale colonization, but as well there is no feel of any noticeable Hellenization of the local population". (Lordkipanidze, 1966, p.158).

Another researcher G.A. Lordkipanidze, believes that the Greeks settled in local coastal trade and economic centers that emerged at the end of the era of Late Bronze and the population of these centers was really mixed, but the leading economic and political role was played by Greek settlers.(Lordkipanidze, 1978, p.136-140). A.Y. Kakhidze addresses as well the issue of The Greek colonization of the Eastern Black Sea region. He believes that the region was drawn into the sphere of trade and economic relations in the late VII century BC. According to him, in the initial period Ionian cities playeda major role here and at first exchange between Greeks and natives were of natural character. (Kakhidze, 1971, p.317-318).

A.I. Boltunova has devoted a number of her works relating to the formation of cities and urban life in the Eastern Black Sea re-

gion. She believes that the Greeks settled in the settlements of local tribes, created small trading posts, partly forced out and enslaved the local population, seized the nearby plots of land, turning them into empiriae or Hellenic city-settlements. (Boltunova, 1979, p.256-273).

Thus, to date, the following points of view made on socio-economic, cultural and ethnic appearance of Eastern Black Sea cities of the VI-V centuries BC: 1) Urban settlements appeared in Colchis long before the arrival of the Greeks, and independently of them, and then, throughout its subsequent history were not Greek, but primarily local; 2) Eastern Black Sea cities arose on the basis of major local settlements of the late Bronze Age under the influence of the Greeks and from the beginning had a "mixed" Greek and the local population and only some features of self-government; 3) Greek settlements of Colchis represented trading posts without its own economic base and were located as blocks in the local towns; 4) Ancient cities of Colchis were the product of Greek colonization and their socio-economic, cultural and ethical image differed little from the Greek settlements in other parts of the Black Sea region.

For the study of Greek colonization in each region, especially at the initial stage of colonization, it is important to define the demographic situation in the colonized by the Greeks areas, it was largely determined by the economic orientation of the colonists.

According to many researchers, the area of the Dnieper and the Bug, which became scene of one of the most early and active colonization activities, became very favorable for the development of the Greeks, as the population was almost entirely absent there and the Greeks from the beginning were able to free use of land space and development of agriculture.

In other terms occurs foundation of Doric and Heraclean colony of Chersonesos. Here, according to the researchers, was a violent seizure of territory with displacement or enslavement of the native population.One can assume that throughout the Northern Black Sea region the demographic situation is characterized by the absence of settled agricultural population and any significant political force.

Possibly in a different situation occurred Greek colonization in Colchis, on the eastern Black Sea coast, in the opinion of the Georgian scientist O.D. Lordkipanidze. Here, in his opinion, is fixed con-

tinuous process of development of the local population, who created brilliant material culture. The presence of the local population engaged in agriculture and handicrafts is fixed across a seaside lane. (Lordkipanidze, 1990, p.22).

Two points should be used to address the issue of the demographic situation in Colchis, in particular, in the suburbs of Dioscuriada. The first point is mapping, based on data on the number of settlements in the vicinity of Sukhum bay. The second point is based on counting the graves identified to date in the area of Sukhum bay. But at the same time, researchers using these two arguments, come to the opposite views. Thus, in opposition to a larger group of researchers Y.N. Voronov believes that in the middle of VI-V centuries BC the number of native settlements near Sukhum Bay is doubling and this serious demographic shift is regarded as a result of the environmental impact in the area of the ancient urban settlement – Dioscuriada. (Voronov, 1980).(Pic.1).

In this report we review the main colonies of Abkhaz Black Sea region and the role of Miletus as the organizer of the ancient Greek colonization.

Miletus was one of the largest and wealthiest policies of the Aegean coast. It played special role in the early period of the ancient movement of colonization; it conducted a wide maritime trade, was the metropolis of a huge number of cities in the Sea of Marmara and the Black Sea and was the largest center of the Ionian culture. Colonies of Miletus were almost all ancient cities in the North and the East Coast of the Black Sea. Milesians moved to the new colonies their advanced culture, technique, craft, art and religion. Therefore, the knowledge of the history of the metropolitan areas is needed during the study the culture of ancient Black Sea colonies. (M.M. Kobylina, 1965. Pic.2).Knowledge of the material culture of Miletus is essential for comparison with the material culture of the cities of the Black Sea region, to establish the link of the culture of these cities with the culture of Miletus.

Starting from VIII century BC Miletus began to develop rapidly as a trade and craft center. Great importance in the economic development of Miletus and shaping policy had sea voyages of Milesian merchants, trading posts or Emporiae established by them and then the colonization activities of Miletus.

During the growth process Miletus had to defend its independence from neighboring tribes and states.

In the VIII century BC Miletus had become a populous city with a population interested in relocation, they were joined by people from other Ionian cities. Ancient authors report that Miletus founded around 100 colonies,at first miletyanes founded their colonies on the Sea of Marmara, and then on the Black Sea.

First settlements based by miletyanes on the Black Sea coast were Istria and Appolonia.(Blavatskaya, 1952, c.22-24).

Greeks appeared on the shores of the Bosporus in the VII century BC. Milesian settlement was found on the island Berezaniin the VII century BC. (Blavatsky, 1961, p.8).Pantikaney Olbia was established at the same time. In the middle of the VI century BC Tiritaka Mirmeky already existed and miletyanes established Theodosius.

Foundation of the cities, which Miletus as the metropolis had connections, and where Milletian merchants had special privileges, further contributed to the development of trade and crafts in Miletus.

Being on the routes connecting mainland Asia from one side and the Mediterranean on the other, the Ionian cities of the western coast of Asia Minor held in its hands all the trade between the Greek cities and Asian cities. And the largest of these Pontian trading centers was Miletus. Miletus was the organizer of migrations. Not only Milesians were part of migrants, but other Ionians of the cities of Asia Minor and nearby islands.

The role of Miletus in the Black Sea region was not limited to the organization of resettlement of Ionian Greeks to Miletus factories and foundation of the Greek cities. It showed the rapid development of the economy in all sectors of the economy in these cities. The Ionians moved to the colonies, in need of land, farmers and craftsmen who have transferred their equipment, their skills to the newly arisen cities.(Blatavsky 1954, p.148).

Greco-Roman written sources indicate the existence in the Eastern Black Sea region of the three Greek cities – Phasis, Gyuenos and Dioscuriada based Miletus. Greco-Roman written sources indicate the existence in the Eastern Black Sea region of the three Greek cities – Phasis, and GyuenosDioscuriada established by Miletus.

Dioscuriada. One of the most important points in considering process of Greek colonization in the Eastern Black Sea coast is Di-

oscuriada, that localizes according to the majority of researchers in the area of modern Sukhum in Abkhazia.

This ancient city in the North-eastern Black Sea coast covered with legends has long attracted and aroused interest not only among contemporaries, but in later times. Scientific and educational interest to Dioscuria dates back to 1672, Chardinwrote about it. In 1712, French traveler Montreuil visited the ruins of Dioscuriada. In 1817, another Frenchman, Rottiers, begans a search for Dioscuriada in the territory of Sukhum.Paul Guebal, from France as well, followed the lead. He wriote a few notes about Abkhazia, including Dioscuriada. Another French traveler Jacques François Gamba, who visited Abkhazia in 1822, claimed that Dioscuriya is Sukhum. In 1833, the famous French archaeologist, geologist and art historian Frédéric Dubois de Monpere travelled to Abkhazia. He suggested that initially Dioscuriada was not located on the shores of Sukhum Bay, but 30 km east of Sukhum, on Kodori foreland, in the place named Skurcha.

Especially a lot to explore the ancient Sukhum – Dioscuriada was made by famous Sukhum ethnographer V.I. Chernyavskiy.(Chernyavskiy, 1882).He, after years of archaeological exploration and observations concluded that Dioscuriada was located on the site of modern Sukhum and that its considerable part buried in Sukhumi bay.

In 1886, the first archaeological excavations at the professional level in Sukhum were conductedby Sizov. His small but very productive excavations on the banks of Sukhumi Bay confirmed the correctness of the conclusions of Chernyavskiy about the whereabouts of the ancient city.

Interesting work on the problem of localization of Dioscuriada was dedicated by M.M. Ivashchenko, where analyzing the available archaeological and written sources of the ancient city of Sukhumi, he concluded that it is needed to search Dioscuriada within the modern Sukhum. (Ivashchenko, 1926, p.103).

In the late 30's and early 40's L.N. Soloviev paid much attention to ancient monuments of Sukhum and expressed a number of interesting ideas on the history of the city. (Soloviev, 1947, p.116-118).

Starting from the 50s a lot of work on the study of ancient monuments of Sukhum was conducted by the tireless Abkhazian archaeologist M.M. Trapsh.

The earliest written information about this city was reported by Pseudo-Skilakus, the Greek writer of the IV century BC. He writes: “Colchis, they are followed by the tribe – Colchis, the city of Dioscuris ...” The researchers believe that the mention of Dioscuriada was borrowed from the writings of Skilakusof Cariandus. He also used writings of Hecataeus of Miletus. Enumerating the cities of Colchis, he points out that Phasis and Gyuenos were Hellenic, but relatively Dioscuriadathe designation “hellenic” is not used; it gave some researchers a motive to believe that Dioscuriada was not founded by the Greeks and was the Colchis local town. On the following authors of ancient times Strabo says most fully about Dioscuriada, he lived at the turn of our era, and used the early works of geographical and historical literature (Artemidorus, Eratosthenes). Unlike his predecessors, he calls the city of our interest not Dioscuria, as it was written by earlier authors but Dioscuriada. Strabo reports the following: “this same Dioscuriada is the beginning of the isthmus between the Caspian Sea and Pontus and general trading center for people who lived near it and above. They say 70 nationalities flock here. And according to other writers who did not care about the truth, even 300 nationalities, all of whom speak different languages, but all of them are Caucasians. Mostly, they meet in Dioscuriada for salt.”(According to Soloviev).

Roman geographer Pomponius Mela also wrote about Dioscuriada. According to the researchers, he, like many of his contemporaries, use the sources, ascending directly to the Ionian writers. In his note, Dioscuriada is located on land of the Heniochi, and that the city was founded by Castor and Pollux (Elnitsky, 1961, p.169-170).

Pliny the Elder was one of the Roman writers whose works, which mentioned the city Dioscuriya in reached up to now. He gives a detailed description of the cities that occurred after the Roman conquest, and indicates the city Dioscuriada, calling it colkhian. Apparently, at the time of Pliny, the city has not yet been called Sebastopolis having received this name after the Roman expansion into the Caucasus Black Sea region.

Appian also mentions the Dioscuriada: “Mithridates wintered in Dioscuria. Colchis consider this city as a proof that Dioscuri arrived here with the Argonauts”. (Shamba, 2000, p.65).

We read important information on the Dioscuriada in Flavius

Arrianus.About 134 years the governor of the Roman province of Cappadocia Arrianus, on the instructions of Emperor Hadrian, made a detour of the coast of Colchis and left us detailed route navigation (Periplus) and the distance between stops of vessels. Unlike his predecessors, he reports that Dioscuriada or Sebastopolis was founded by natives of Miletus. Exceptional value of messages of Flavius Arrianus is that he personally visited these places, which was confirmed by finding the stone slab in Sukhum. This interesting epigraphic monument, found in 1896 during the construction of the embankment Sukhum, is a fragment of a limestone slab with a Latin inscription.The text of this monument is associated with a trip of Flavius Arrianus. The translated inscription from Latin means "Gadrian built this port through Flavius Arrianus."(Trapsh, 1969, p.213).

Since Sebastopolis was the final destination oftravel of Arrianus, this inscription provides opportunities to address the question about Dioscuriada. Speaking about Sebastopolis, Arrianus sometimes calls it Sebastopolis and other times Dioscuriada and stipulates that nowadays it is called Sebastopolis.

Messages of Arrianus clearly show that by his time at the site of the ancient Dioscuriada that apparently shortly before was destroyed, military Roman settlement called Sebastopolis has been already formed.

There is no source that could give us information based on which one could establish the exact date of foundation of Dioscuriada, but we can confidently say that this happened before 530 BC. Since the seizure of the straits of the Hellespont by the Persians in about 20-ies of the 6th century BC, Miletus, like other cities of Asia Minor, was forced to stop its colonization activities in the Black Sea region.

As a result of systematic archaeological researches in the 50s of the 20th century it became possible to identify the different categories of monuments of the early stage of history of Dioscuriada: ancient cultural layers in the territory of Sukhum fortress, settlement and burial at Guadikhu Mountain, in the eastern part of Sukhum (area of Mayak), antique layer in the castle of Bagrat etc.

The most remarkable godsend of the early antique time associated with ancient Dioscuriada is a marble tombstone stele – an outstanding monument of ancient Greek art, was found on the sea shore, on the left side of the mouth of the Basla River.(Trapsh, 1954,

p.163-165).This monument with depicted figures, picturesque interpretation of forms and elegance draping of clothes, marvelous marble processing is a wonderful piece of ancient art. It is unique among the known marble bas-reliefs of ancient cities and belongs to the early time of Greek art and dates back to 430-420 years BC. (Pic. 4).

In the Hellenistic age Dioscuriada becoming a major center of trade and mediation, it was known for its trade markets.As shown by archaeological materials, growth of the city is getting intense.A vast area adjacent to Dioscuriada is being developed, as evidenced by the remains of early antique settlements to the north-west (the cape of Gumista,Esherskoe settlement, early antique settlement on Odynets plot, in the village Lechkop, etc.) and to the south-east (Kelasur, Alekseevskoye Canyon, the Hill of Bagrat, etc.). Soon these villages are transformed into economically interconnected suburbs of Dioscuriada.

Most recently, the archaeological expedition of the Office of historical and cultural heritage and the Abkhaz State University conducted a guarding archaeological research in the coastal city of Sukhum. The expedition traced the transmission of cultural layer associated with the flourishing era of Dioscuriada in the area of 500 square meters.

The excavations provided valuable information on the structure of geological deposits in which cultural layers have been accumulated. It was found that cultural remains underlain not as a continuous layer, but in the shape of individual patches. About a hundred fragments of ancient black-lacquer ware, fragments of amphorae, Luthor and tiles of Sinope origin were collected in one of those patches of small size (4x3).

The investigated area excavated several burial complexes. Piphos was found in one of them and contained the following equipment: 116 pcs.ofbeads , of which with an inner gilt – 56 pcs., made of black pasta – 60 pcs. Hellenistic bronze wire bracelet known from a number of monuments, not serried, with thickened ends, resembling stylized dragon heads, and two gold rings – seals and a silver coin (Colchis). Presented burial items are similarto the materials of the Hellenistic period in the Northern and Eastern Black Sea region and dates from 4-3 century BC.

Thus, recent studies support the idea of a large group of scientists that not the whole ancient city went under water and each finding associated with Dioscuriada, is of great interest.

Settlement of Eshera. This is one of the most studied monuments of Eastern Black Sea region, referring to the VI-I centuries before our era. It is located in the village of Eshera, 10km west of the city of Sukhum, on the southeastern spur of the hill Vereshchagin. The monument was recorded by M.M. Ivashchenko, who reported a summary of its area, the nature of archaeological findings. The most complete information about settlement of Eshera was given by B.A. Kuftin, who also relied on archaeological findings. Based on the analysis of these data B.A. Kuftin considered the foundation of the settlement to IV-III centuries BC. Systematic study of the monument began in 1967. (Shamba, 1980), (pic.5).

By its topography monument consists of two parts: the upper and lower divided by steep slope. Excavations have been subjected to both parts of the settlement, it should be noted that cultural layers were not equally represented. So, on top was fixed the sequential occurrence of three cultural layers that corresponds early antiquity and Hellenism.

The situation is different in the lower area of the monument, where there was excavated about 500 sq.m. In contrast to the upper area only Hellenistic layer was presented there, and there was absence of the layer of VI-V centuries BC.(Shamba, 1980).

On this settlement there were found the remains of related to different time buildings of residential and defensive values of the ancient era.In the Hellenistic period within the settlement appears a whole system of premises of social and individual values, fortifications. Facilities for public use in particularly are monumental.

Among the buildings of public importance there are the remains of the building foundation at the bottom of the settlement. Foundation consisted of hewn sandstone blocks of the mixed dark brown color with limestone slabs and cobble stones.There were discovered the bronze plates with ancient Greek inscriptions on the western edge of premises in late Hellenistic layer. It was possible to collect 19 fragments with Greek letters from a bronze plate. All of them were damaged by fire. The inscription was cut through using original technique: first, the ends of letters were recessed by drill, which

connected later by means of the incisor using a divider.According to ProfessorY.G. Vinogradov, this technique has been well knownin the IV centuryBC. Apparently, this is an important document similar to the decree or historical chronicle, which states certainmilitary events. (Pic.6).

Considerable interests represent defensive works of Eshera settlement, which includes the tower, curtain walls and a moat. Archaeological research of the settlement gave in addition to monumental buildings numerous of archaeological material that is extremely important for the characteristics of one of the most significant ancient settlements of the eastern part of the Black Sea.(Pic. 7).

In 2003, activities on the settlement of Eshera were renewed.The materials of these worksc an significantly clarify the chronology of early ancient layers, that refers to the first quarter of the IV century BC.(Erlich, 2006).

A small overview of materials of the settlement of Eshera draws definitely enough economic and cultural specificity of this rather large, closely related to Dioscuriada , the ancient settlement, shedding some light on the difficult question of the ways and forms of the Greek colonization of the eastern Black Sea coast.

Gyuenos. First mention about Gyuenose we meet at work that is credited to the author of the 4th century Skilak by name, resident of the city Korianda. It is found in the “Natural History” by Pliny the Elder. Along with the written sources and the data of toponymics, Gyuenos was known by archaeological materials. First its materials were discovered in 1935-1936. In 1977, as a result of small-scale works have been identified material covering periods from late antiquity to the V century BC.

Archaeological material from excavations Gyuenos was first set out in the work of M.M. Ivashchenko “Antique settlement near Ochamchiri”, which is stored as a manuscript in the library of the Institute of History, Archeology and Ethnography of Georgia.

One of the works of L.N. Solovyov is devoted to the characterization of ancient layers of Gyuenos. According to him, the settlement was a typical trading post for seasonal trade. The period of its formation he refersin total to V-III centuries BC.(Solovyov, 1947).

One of the works of B.A. Kuftin was devoted to excavations in Gyuenos. Academician G.A. Melikishvili considered as well histori-

cal and cultural characteristics of Gyuenos and related it to the category of the Greek colonies. Another Georgian researcher M.P. Inadze in a special article on the issue of development of towns in Northern Colchis, wrote that Gyuenos "... already in the second half of the 6th century BC was to be established by Miletus, but due to waterlogging of the ancient Greek settlement ceased to exist. Later, in the V-IV centuries BC the settlement reappeared; it was established by the Athenians. " (Inadze, 1959, p.70).

O.D. Lordkipanidze considers the 5th century BC as time of establishing of Gyuenos. He writes that there is no reason to believe that it was Greek settlement, and a fortiori the Polis –It was the Greek trading post of the seasonal character and was associated with trading activities of Athens.(Lordkipanidze 1966, p.58).Approximately the same view about Gyuenos was expressed by G.T. Kvirkveliya. According to him, the Greeks came here in the middle of the V century BC and established contacts with the local population, whose purpose was that of trade. (Kvirkveliya, 1981).

Excavations of S.M.Shambain the years of 1981-1984 showed that Gyuenos represented large urban-type settlement that was established no later than in the first half of the VI century BC. (Shamba, 1988 (pic. 8,9).

Thus, the history of Abkhazia in antiquity was characterized by close interaction of Greek and local elements in the economy, politics, culture and ideology that occurred in the conditions of the general historical situation that took place under the general historical situation. All this allows us to consider the region as an integral, although peripheral part of the Hellenistic world. Although the formation of Hellenism has been established in different places of the ancient world differently, determined by the particular historical situation, but eventually led, in fact, to the same results. Abkhazia, as it appears on the basis of the above mentioned, was not an exception in this regard.

Резюме

Милет – один из самых крупных и богатых полисов Эгейского побережья, сыгравший особую роль в ранний период античного колонизационного движения. Являлся метрополией огромного числа городов на побережье Мраморного и Черно-

го морей и крупнейшим центром ионийской культуры; вел обширную морскую торговлю. Колониями Милета были почти все античные города на Северном и Восточном побережьях Черного моря. Милетцы перенесли в новые колонии свою передовую культуру, технику ремесла, искусства и религию. Поэтому, при исследовании культуры античных колоний Причерноморья, необходимо знание истории метрополии.

Уже начиная с VIII века до н.э. Милет стал быстро развиваться как торговый и ремесленный центр. Огромное значение в развитии его экономики и в формировании как полиса имели морские путешествия милетских купцов, основание ими торговых факторий и эмпорий, а потом и активная колонизационная деятельность метрополии.

В VII в. до н.э. Милет уже превратился в густонаселенный город с населением, заинтересованным в переселении; в этот процесс были вовлечены и жители других ионийских городов. Древние авторы сообщают, что Милет основал около 100 колоний. Сначала его жители основывали колонии на Мраморном море, а потом на Черном.

Основание городов, с которыми Милет как метрополия имел связи и где милетские купцы пользовались особыми привилегиями, способствовало развитию торговли и ремесел в самом Милете.

Находясь на путях, связывающих с материковой Азией, с одной стороны, и Средиземноморьем, с другой, ионийские города западного побережья Малой Азии держали в своих руках всю торговлю между греческими городами и городами Азии. И самым крупным из этих понтийских торговых центров был Милет.

Милет был и организатором переселений. В состав переселенцев входили не только милетцы, но и другие ионийцы как из малоазийских городов, так и с ближайших островов.

Роль Милета в Причерноморье не ограничивалось одной организацией переселения ионийских греков в милетские фактории и основанием греческих городов. Она сказалась в быстром развитии экономики всех отраслей хозяйства в этих городах. В колонии переезжали земледельцы, нуждавшиеся в землях, а также ремесленники, перенесшие свою технику, свое мастерство во вновь возникшие города.

Греко-римские письменные источники свидетельствуют о существовании в Восточном Причерноморье трех греческих городов – Фасиса, Гюэноса, Диоскуриады, основанных Милетом.

Literature

1. Alek Gabelia. Dioscurias. Ancient Greek colonies in the Black Sea. Volume II. Edited by D.V. Grammenos – E.K. Petropulos. Thessaloniki 2003.
2. Guram Kvirkvelia. Gyenos. Ancient Greek colonies in the Black sea. Volume II. Edited by D.V. Grammenos – E.K. Petropulos. Thessaloniki 2003.
3. Anchabadze Z.V. Istoriya I kultura drevney Abkhazii. Moskva 1965g.
4. Blavatskaya V.D. Arkhaicheskiy Bospor. Materialy i issledovaniya po arkheologii №33 Moskva 1954g.
5. Boltunova A.N. Ellinskiye apokii I mestnoye naseleniye Kolkhidy. Tbilisi 1979g.
6. Voronov Y.N. Severnaya Kolkhida v V-III vv. do nashej ery. Tbilisi 1979g.
7. Voronov Y.N. Dioskuria – Sebastopolis-Tsukhum. Moskva 1980g.
8. Dubua Frederik de Monpere. Puteshestviye vokrug Kavkaza. Sukhum 1937g.
9. Yelnitskiy L.A. Znaniya drevnikh o severnykh stranakh. Moskva 1961g.
10. Ivaschenko M.M. K voprosu o mestonakhozhdenii Dioskurii drevnikh. Izvestiya Abkhazskogo nauchnogo obschestva. Sukhum 1926g.
11. Inadze M.P. K voprosu o kharaktere razvitiya gorodov Severnoy Kolkhidy v antichnuyu epokhu. Tbilisi 1959g.
12. Inadze M.P. Prichernomorskiye goroda drevney Gruzii. Tbilisi 1982g.
13. Kakhidze A.Y. Goroda Prichernomorya Gruzii v antichnuyu epokhu. Tbilisi 1971g.
14. Kvirkveliya G.T. Materialnaya kultura Severo-Zapadnogo Kavkaza v VIII-V vv do nashej ery. Avtoreferat kandidatskaya dissertatsiya. Tbilisi 1981g.

15. Kobylina M.M. Milet. Moskva 1965g.
16. Lordkipanidze O.D. Antichnyjmir i drevnaya Kolkhida (k istorii njhujdj-‘rjyjvbxtcrb [v kulturnykh vzaimootnosheniy v VI v. do nashejery). Tbilisi 1966g.
17. Lordkipanidze O.D. Antichnyj mir i drevnaya Kolkhida.Tbilisi 1966g.
18. Lordkipanidze O.D. Osnovniye problem drevney istorii Prichernomorya. Tbilisi 1990g.
19. Solovyev L.N. Dioskuria – Sebastopolis-Tsukhum. Trudy Abkhazskogo gosudarstvennogo muzeya. Sukhum 1947g.
20. Trapsh M.M. “Mramornybareljefiz Sukhumi” Vestnikdrevneyistorii. №1 1954g.
21. Trapsh M.M. DrevniySukhum. Trudy T.2. Sukhum 1969g.
22. Chernevskiy V.N. Zapisi o pamiatnikakh Zapadnogo Zakavkazja, issledovaniya kotorykh naibolee nastoyatelny. Moskva 1882g.
23. Shamba G.K. Abkhazia v I tysacheletii do nashejery (po dannym pismennykh i arkheologicheskik histochnikov). Sukhum 2000g.
24. Shamba G.K. Esherskoye gorodische (osnovnyje resultaty arkheologicheskikh raskopok 1968, 1970, 1977gg). Tbilisi 1980g.
25. Shamba S.M. Guenos – I. Tbilisi 1968g.
26. Erlikh V.R., Ksenofontova I.V., Dzhopua A.N., Shamba G.K. I arkheologicheskiye pamiatniki sela Eshera. Materialy Pervoy abkhazskoy mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsyi. Sukhum 2006g.

Первый Европейский археологический конгресс 21–24 мая 2007г., Измир (Чешма), Турция.

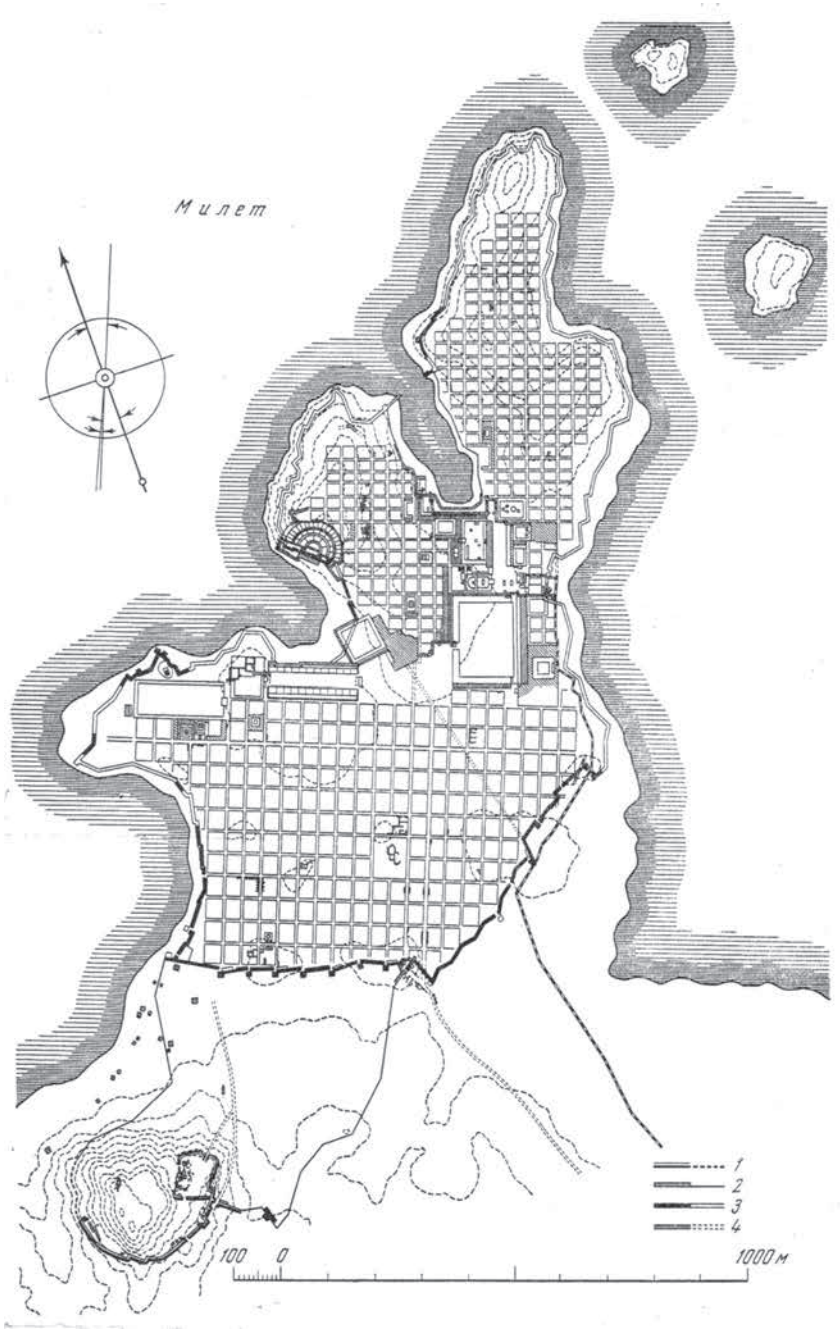

Fig.1. Schematic plan of Miletus

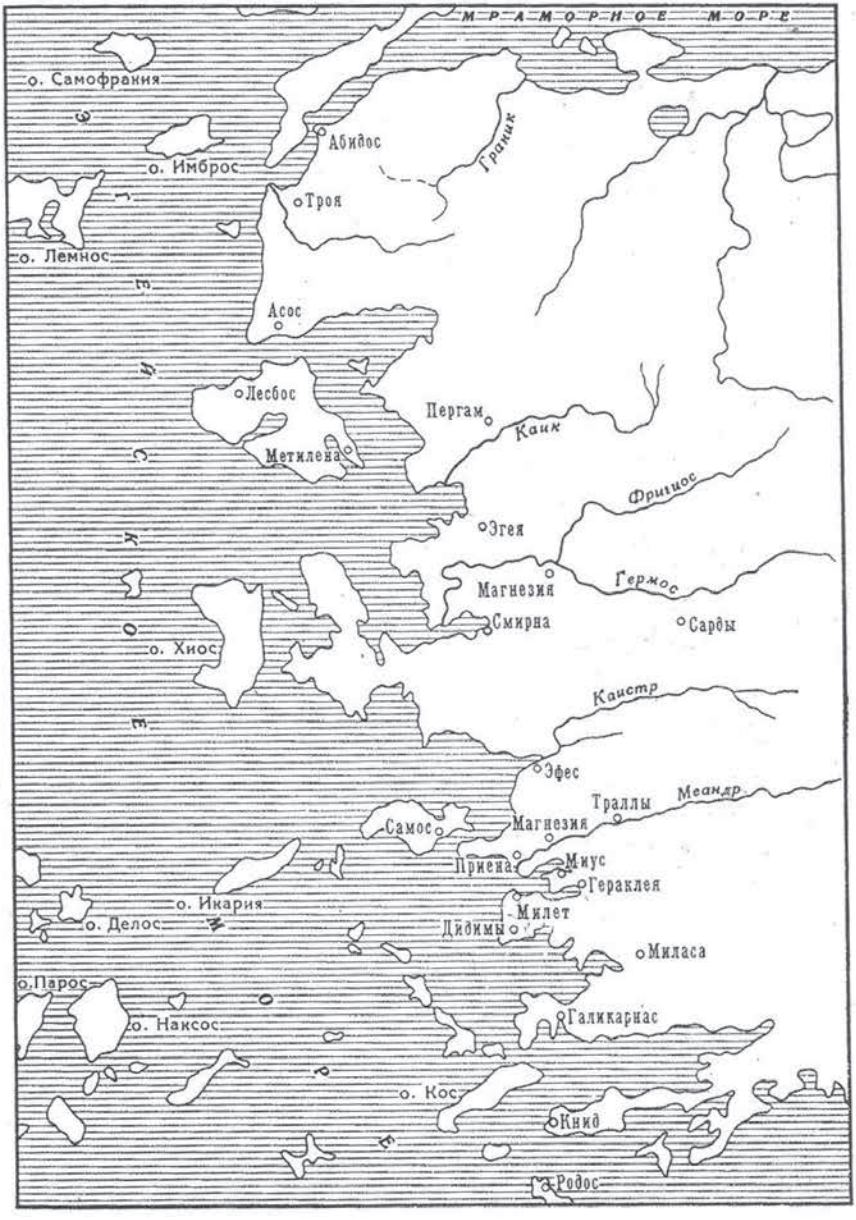

Fig.2. The Aegean coast in ancient epoch

Dioscuriados and the Pontic Kingdom

II century BC is marked in the whole ancient world by considerable political events whose development left a trace in the history of Dioscuriados as well. The Black Sea state established by the Pontic King Mithridates who united for a short period almost all the lands adjoining Pontus Euxinius became quite an important factor in the political history of the whole ancient world of the period of Hellenism.

Establishment of Mithridates' state was an appropriate concluding stage of a long – prepared unification of by-Pontus lands within the framework of a unified political and economic entity. The Pontic Kingdom in particular tries to resist the political and economic influence of Rome on the Black Sea littoral. Pontic King Mithridates VI Eupator takes all the necessary measures in order to establish a powerful union against Rome, possess the most important strong points and accumulate as much strength as possible.

Unification of the lands of the Black Sea littoral around the Pontic Kingdom itself happened very rapidly and, as it seems, the first territorial acquirement of the Pontic King was Armenia. This happened at the very beginning of the reign of Mithridates, i.e. nearly 113 BC.

The next entity for the expansionist policy of Mithridates VI was Colchis. Ancient sources mentioning the annexation of Colchis by Mithridates do not account for the dates. According to D.B. Shelov, it happened approximately in 111-110 BC.

According to some researchers, the appearance of Mithridates is linked to the wish of Pontus to protect the Greek world from the more and more active barbarians. One of such actions was the campaign to the Crimea at the request of Chersonesus to fend it off against Scythians. The campaign ended up in inclusion of Chersonesus and Bosporus within Pontus.

The first appearance of Mithridates' troops in the territory of Dioscuriados was possibly connected with a similar appeal when, according to the sources, Mithridates had to "subjugate Colchhis by war." To all appearances, Dioscuriados supported Mithridates, for which she gained autonomy, particularly in minting its own coins. In this fact researchers can see a revival of polis traditions in the city. (Voronov Y.N., p.69)

Presently, there are known around four hundred Dioscuriados coins found primarily on the North Black Sea littoral as well as in the neighbourhood of Ankara, according to a well – known numismatist, E.A. Pakhomova. All of them are made of copper and belong to the same type and two weight categories (dichalkus and chalkus). The obverse of the coins bears theimage of Dioscurian hats with six or eight-pointed stars over them. On the reverse, there is an inscription **DIOSCURIADOS** split into three lines (drawing 15).

Certain importance is ascribed to the precise dating of the city coins of Dioscuriada in exploring the relations between Colchis and Pontus.

Up until recent, the period of emission of coins in Dioscuriados was considered 111-110 RC. (Lordkipanidze G.A., Kapanadze, pp.142-147; Golenko K. V., pp.57-64) The substantiation of this dating concluded in the fact that the image on the obverse of the mentioned coins (Dioscurian hats) repeat the motive of the obverse of the south Pontic coins which were emitted in 120-111 BC.

K.V. Golenko monographically explored Dioscurian coins, the issues of chronology in particular. He paid attention to the fact that the motive on the reverse of Dioscurian money – the symbol of Dionysos, a warder, is borrowed from the typology of those south Pontic coins that were emitted in 105-90 BC. In this connection, in accordance to the correct conclusion of K.V. Golenko, the coins produced in Dioscuriados should be dated to the same period. This dating is as well confirmed by the chronology of copper coins in the Pontic cities of Mithridatean period found both on the environs of Dioscuriados and all over Colchis. Their absolute majority is dated to 105-90 BC.

As mentioned above, the coins minted in Dioscuriados are seldom found in Colchis, but often in Chersonesus and a number of Bosporus cities, although Bosporus and Chersonesus produced their own coins. According to researchers, this circumstance serves as evidence of an attempt to a unified domestic market with the copper coin in circulation. At the same time, there is another opinion which holds that the economic dependence of the cities on the North Black Sea littoral from Pontus was artificially stimulated by the lack of the local coin and its partial substitution by a foreign one. By all appearances, Dioscurian coins were brought in for circulation in Chersonesus and Bosporus on purpose.

Likewise in other areas on the Black Sea littoral, the main strongholds of Mithridates in Colchis were the Greek cities among which, by all appearances, the leading role belonged to Dioscuriados. There is no doubt that they in particular and close to them local tribal aristocracy were the initiators of support for Mithridates. For this reason, when sources speak about the relations between Mithridates and Colchis, one should primarily discern in them his relations with the local Greek centres.

As Strabo's reports hold, during the early period of domination of Pontus in Colchis, here reigned a viceroy of Mithridates. His residence, no doubt, was in one of the Greek cities, quite possibly in Dioscuriados. The functions of the viceroy included collection of tax, organization of auxiliary troops and other means of support for Pontus in its numerous wars which were a heavy burden as well for the cities on the East Black Sea littoral and their surroundings. The economic life of Dioscuriados was going off the tracks, especially the overseas trade, which made the ruling strata of the cities and local tribal aristocracy upset with Mithridates. Apparently, this resulted in an anti-Mithridatean uprising in Colchis around 85 BC.

A Roman historian, Appian, II c. BC, reports on the following developments: «Mithridates, having sailed to Pontus, fought with the breakaway Colchians and Bosporians. The Colchians asked him to give them his son Mithridates as their king, and, having obtained him. They immediately obeyed...»(Voronov V.N., p. 71). Researchers usually interpret the given extract in the sense that Mitridates was compelled to go to Colchis to condescend considerably with Colchians, thus, restoring the imperial rule. According to D.B. Shelov, modern literature sometimes attaches excessive importance to the meaning Appian's account. (Shelov V.D., p.568). Seemingly, the appointment of Mithridates the Younger as ruler of Colchis probably had the same nature as the simultaneous appointment of another son, Makhar, as viceroy of Bosporus. Appian's terminology in this case cannot be absolutely believed: he calls Makhar as "reigning" in Bosporus too. However, the reign of Mithridates Filopator in Colchis soon ended due to the will of his father, and the same Makhar became ruler of the country.

It is certain that by-Pontus trade cities the ruling strata of which were interested in preserving the political and economic unity of

the Black Sea basin constituted the main power of the Pontic Kingdom. It is noteworthy that such a position of the cities on the Black Sea littoral had an important impact on the history of Greek-Pontic relations. The ancient cities in particular demonstrated the most continuous and strongest resistance to the Roman expansion and remained the strongest points of Mithridates. Notable is as well the fact that Mithridates, fully defeated in Asia Minor, finds refuge in one of the main trade centres of Colchis. As Memnon, a Greek historian, reports, "they loaded multiple treasures on board the ships, let the city be looted by soldiers and themselves fled to the inner regions of Pontus populated by the Sanig and Laz." (Voronov V.N., p.72)

The mention of the Sanig permits to believe that Mithridates in 66-65, retreating with his troop of three thousand soldiers, stopped particularly in Dioscuriados where he spent a winter in peace (here possibly was situated the residence of his last Colchian viceroy). By all appearances, there were sufficient force and means to defend both on land and sea in Diascuriados. But soon, Roman legionaries under the command of Cneius Pompeius conquered Armenia, Iberia and encroached upon Colchis.

Late Ancient author Appian points out that Pompeius put at the head of Colchians someone called Aristarchus; Dioscuriados remained an important trade centre during his reign." Apparently, the account of Pliny the Elder goes back to this period. According to the account,

Roman traders ''used 13 interpreters as mediators in their affairs here." (Voronov Y. N., p.73). This is attested by the cultural layers of the end of II-middle of 1 cc. BC in the western part of the Sukhum fortress.[452] They contained fragments of Cossian amphorae, red-lacquered dishes and a coin dated to I c. BC.

In the second half of I c. BC, in Rome, as a result of internal sociopolitical differences, the Republic falls, and monarchy with an emperor at the head is established. This event was taken advantage of by the son of Mithridates VI Eupator, Farnak, who was at the head of the Bosporus Kingdom. He caused an uprising and seceded from them. Dio Cassius reports the following on the matter: "Farnak be-

[452] Apakidze A.M., Lordkipanidze O.D. New materials on the archaeology of Dioscurias-Sebastopolis.WAI. XXXIII – XXXIV. Sukhumi, 1963.

gan to strive for return of his father's kingdom and captured many areas... He easily subjugated Colchis and the whole of Armenia, some cities of Coppadocia and Pontus."[453]

In doing so, Colchis (and Dioscuriados – **A.G.**) came under Farnak's rule who for a short period of time became King of not only Bosporus but as well Colchis, Pontus and Armenia Minor. (Appian, p.221)However, Farnak was eventually defeated in his struggle with Rome and soon died.

A cruel struggle between the new governor of Bosporus, Asandr, and the Roman protege to the Pontic Kingdom, Mithridates of Pergamum, evolves soon after his death. Colchis became a theatre for military actions and was subjected to a serious ravage.

At the end of I c. BC, Colchis had already been part of Pontic King Polemon's possessions, and, following his death, his wife Pifodoris held the reign.

In 63 AD, Romans, having cancelled the vassalage of Pifodorida, transformed Pontus into their province and established littoral in the area of the East Black Sea. In this regard, interesting is the following report of an ancient author of that period, Iosephus Flavius, who wrote: "Heniokhs and Colchians and the tribe of Taurians and Bosphorians and the peoples living around Pontus ... now obey three thousand Hopplites ... established peace and quiet on the wild sea..."[454]

According to other authors, the situation in Colchis in I c. AD was not quite peaceful and calm. Strabo records that the raids of neighbouring tribes (Heniokhs and others) at Roman possessions continued. The population of Colchis was getting more and more disturbed with Roman domination; in 69 AD, headed by a representative of the local tribes, Aniket, they revolted *en masse* against Romans.

It looks as though in I c. AD Romans did not yet have their own fortifications on the seashore of Abkhazia and could not turn this region into their province. At the beginning of I c. AD, the Greek geographer Strabo speaks about Dioscuriados as of a rich flourishing city, and Gaius Plyny Secundus (29-79 AD) already reports on the city that "now it (Dioscuriados – A.G.)is in desolation."[455]

---

[453] Latyshev V. News of ancient writers, Greek and Latin, on Scythia and Caucasus, vol. II, issue I, p.615.

[454] Gulia D.I. History of Abkhazia.Vol. 1.Sukhumi, 1925.

[455] Trapsh M.M. Ancient Sukhumi.– Works, 2. Sukhumi, 1969.

Written accounts of Pliny Secundus are clearly evidenced by the materials from archaeological excavations in the area of ancient cities in Abkhazia. So, the cultural layers of the 1 c. BC – I c. AD in the territory of the Sukhum fortress were scantily represented and yielded only single finds, which vividly attests to the fall and crisis in the life of ancient Dioscuriados.

Already not later than in the third quarter of I c. AD a Roman fortified station is established in Dioscuriados' place –a city called Sebastopolis after the Roman Emperor, Augustus, who had a nickname of "Sebastos" (divine, worthy of worship). A new stage in the centuries-old history of ancient Sukhum begins and goes beyond the framework of our research.

To conclude with the history of the North East Black Sea littoral in the ancient epoch was characterized by a tight interaction between Greek and local beginnings in economy, policy, culture and ideology in the conditions of the general historical situation. All this permits to consider the given region as an organic, albeit peripheral, part of the Hellenistic world. Despite the fact that Hellenism formed up in different places of the ancient world and different from each other ways, conditioned by a concrete historical situation, it yielded the same results, as a matter of fact. The North East Black Sea littoral, as presented on the basis of the above, was not an exception in this regard.

Резюме

II в. до н.э. ознаменовался во всем античном мире значительными политическими событиями, развитие которых наложило отпечаток и на историю Диоскуриады. Черноморская держава, созданная понтийским царем Митридатом и на короткое время объединившая в своем составе почти все земли, прилегающие к Понту Эвксинскому, стала весьма важным фактором в политической истории всего античного мира эпохи эллинизма.

Создание державы Митридата явилось закономерным завершающим этапом длительного процесса объединения всех припонтийских земель в рамках единого политико-экономического целого.

Как и в других районах Причерноморья, основными опорными пунктами Митридата в Колхиде являлись греческие города,

среди которых, судя по всему, ведущее место принадлежало Диоскуриаде. Несомненно, что именно эти города с близкой к ним местной племенной аристократией выступали инициаторами поддержки Митридата. Поэтому, когда в источниках речь идет о взаимоотношениях Митридата, в них нужно видеть в первую очередь отношения его с местными греческими центрами.

Несомненно, что основную цементирующую силу понтийского государства составляли торговые припонтийские города, руководящие слои которых были заинтересованы в сохранении политико-экономического единства Черноморского бассейна. Примечательно, что такая позиция причерноморских городов ярко сказалась в истории римско-понтийских отношений. Именно античные города оказали наиболее последовательное и упорное сопротивление римской экспансии и были до конца наиболее прочными пунктами Митридата.

Показателен и тот факт, что окончательно разбитый в Малой Азии Митридат находит убежище в одном из главных торговых центров Колхиды. Как сообщает греческий историк Мемнон, «собрали на суда множество сокровищ, представили город на разграбление солдатам, а сами бежали во внутренние области Понта, заселенные санигами и лазами».

И уже не позднее третьей четверти I в. н.э. на месте Диокуриады возникает римский укрепленный пункт – город, названный Себастополисом в честь римского императора Августа, имевшего прозвище «Себастос» (священный, достойный поклонения). Начинается новый этап многовековой истории древнего Сухума.

Bibliography

1. Shelov D.B. Pontic Empire of Mithridates Eupator. From book: Black Sea littoral in the epoch of Hellenism. Tbilisi, 1982, p.555.
2. Voronov Y.N. Dioskuriados-Sebastopolis-Tskhum ... p.69.
3. Lordkipanidze G.A., Kapanadze. Coins of the ancient epoch from the Van site of ancient settlement “Iiskari”, 1967, N°8, pp. 142–147; Golenko K.V. On the dating of Dioscuriados coins. “Numismatic compendium.” Tbilisi, 1977, pp.57–64.
4. Dundua G.F., Lordkipanidze G.A. Georgia and Mithridates VI (based on numismatic data). From book: Black Sea littoral in the epoch of Hellenism. Tbilisi, 1982, p.802.
5. Appian, Mithridatic Wars. Tbilisi, 1959, p.221
6. Apakidze A.M., Lordkipanidze O.D. New materials on the archaeology of Dioskurias-Sebastopolis. WAI. XXXIII – XXXIV. Sukhumi, 1963.
7. Latyshev V. News of ancient writers, Greek and Latin, on Scythia and Caucasus, vol. II, issue I, p.615.
8. Gulia D.I. History of Abkhazia. Vol. 1. Sukhumi, 1925.
9. Trapsh M.M. Ancient Sukhumi. – Works, 2. Sukhumi, 1969.

Международный археологический конгресс «Пафлагония и Понт в античности и ранневизантийский период» (VIIв. до н.э. – VII в. н.э.). 31 мая – 4 июня 2008г. Измир, Турция.

Fig.1. Pontic Kingdom

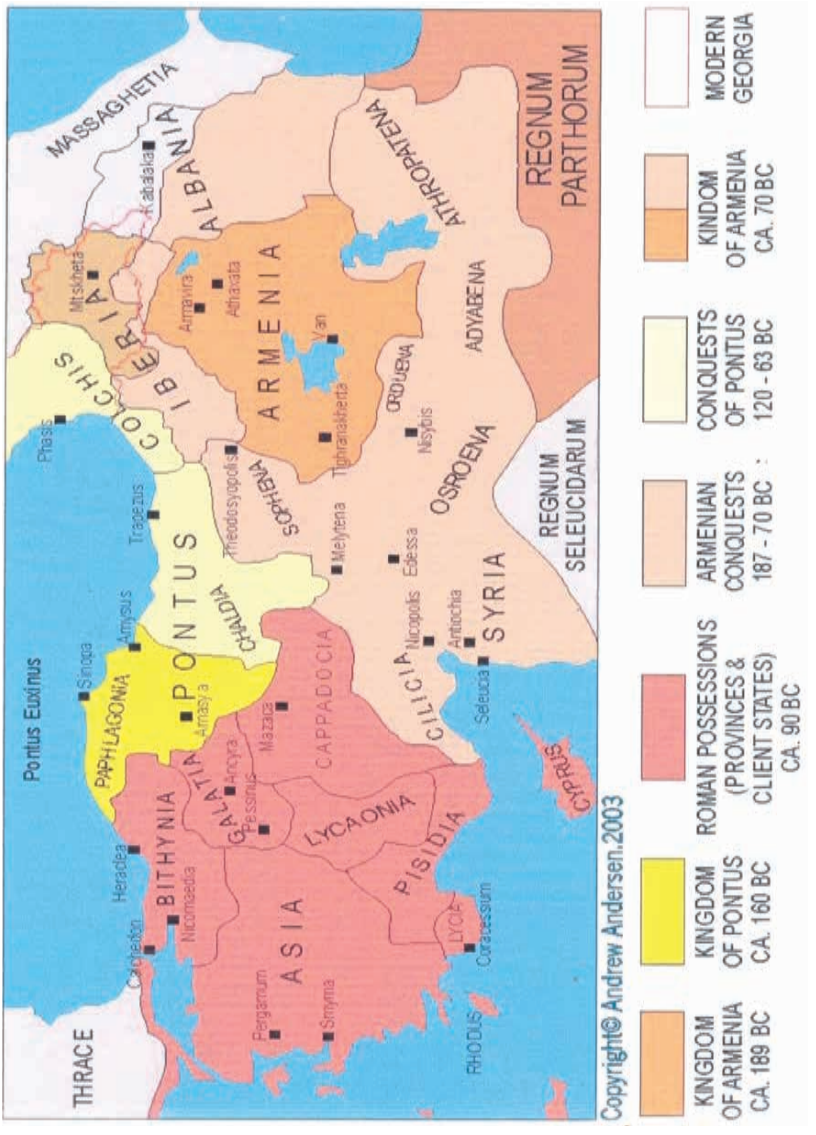

Fig.2. Asia Minor in ancient epoch

Dioscuriados between II BC and II AD millennia (Abstracts)

II century BC is marked in the whole ancient world by considerable political events which development left a trace in the history of Dioscuriados as well. The Black Sea state established by the Pontic King Mithridates who united for a short period almost all the lands adjoining Pontus Euxinius became quite an important factor in the political history of the whole ancient world of the period of Hellenism.

Establishment of Mithridates' state was an appropriate concluding stage of a long-prepared unification of by-Pontuslands within the framework of a unified political and economic entity. The Pontic Kingdom in particular tries to resist the political and economic influence of Rome on the Black Sea littoral.

Unification of the lands of the Black Sea littoral around the Pontic Kingdom itself happened very rapidly and, as it seems, the first territorial acquirement of the Pontic King was Armenia. This happened at the very beginning of the reign of Mithridates, i.e. nearly 113 BC.

The next entity for the expansionist policy of Mithridates VI was Colchis.According to some researchers, the appearance of Mithridates is linked to the wish of Pontus to protect the Greek world from the more and more active barbarians. One of such actions was the campaign to the Crimea at the request of Chersonesusto fend it off against Scythians.The campaign ended up in inclusion of Chersonesus and Bosporus within Pontus.

The first appearance of Mithridates' troops in the territory of Dioscuriados was possibly connected with a similar appeal when, according to the sources, Mithridates had to "subjugate Colchhis by war." To all appearances, Dioscuriados supported Mithridates, for which she gained autonomy, particularly in minting its own coins.

Presently, there are known around four hundred Dioscuriados coins found primarily on the North Black Sea littoral as well as in the neighbourhood of Ankara, according to a well-known numismatist, E.A. Pakhomova. All of them are made of copper and belong to the same type and two weight categories (dichalkus and chalkus). The obverse of the coins bears the image of Dioscurian hats with six or

eight-pointed stars over them. On the reverse, there is an inscription **DIOSCURIADOS** split into three lines (drawing 15).

Certain importance is ascribed to the precise dating of the city coins of Dioscuriada in exploring the relations between Colchis and Pontus.

Up until recent, the period of emission of coins in Dioscuriados was considered 111-110 BC. (Lordkipanidze G.A., Kapanadze, Golenko K.V.)The substantiation of this dating concluded in the fact that the image on the obverse of the mentioned coins (Dioscurian hats) repeats the motive of the obverse of the south Pontic coins which were emitted in 120-111 BC.

K.V. Golenko monographically explored Dioscurian coins,the issues of chronology in particular. He paid attention to the fact that the motive on the reverse of Dioscurian money – the symbol of Dionysos, a warder,is borrowed from the typology of those south Pontic coins that were emitted in 105-90 BC. In this connection, in accordance to the correct conclusion of K.V. Golenko, the coins produced in Dioscuriados should be dated to the same period. (Dundua G.F., Lordkipanidze G.A.) This dating is as well confirmed by the chronology of copper coins in the Pontic cities of Mithridatean period found both on the environs of Dioscuriados and all over Colchis. Their absolute majority is dated to 105-90 BC.

As mentioned above, the coins minted in Dioscuriados are seldom found in Colchis, but often in Chersonesus and a number of Bosporus cities, although Bosporus and Chersonesus produced their own coins. According to researchers, this circumstance serves as evidence of an attempt to a unified domestic market with the copper coin in circulation. At the same time, there is another opinion which holds that the economic dependence of the cities on the North Black Sea littoral from Pontus was artificially stimulated by the lack of the local coin and its partial substitution by a foreign one. By all appearances, Dioscurian coins were brought in for circulation in Chersonesus and Bosporus on purpose.

Likewise in other areas on the Black Sea littoral, the main strongholds of Mithridates in Colchis were the Greek cities among which, by all appearances, the leading role belonged to Dioscuriados. There is no doubt that they in particular and close to them local tribal aristocracy were the initiators of support for Mithridates. For this rea-

son, when sources speak about the relations between Mithridates and Colchis, one should primarily discern in them his relations with the local Greek centres.

It is certain that by-Pontus trade cities the ruling strata of which were interested in preserving the political and economic unity of the Black Sea basin constituted the main power of the Pontic Kingdom. It is noteworthy that such a position of the cities on the Black Sea littoral had an important impact on the history of Greek-Pontic relations. The ancient cities in particular demonstrated the most continuous and strongest resistance to the Roman expansion and remained the strongest points of Mithridates. Notable is as well the fact that Mithridates, fully defeated in Asia Minor, finds refuge in one of the main trade centres of Colchis. As Memnon, a Greek historian, reports, "they loaded multiple treasures on board the ships, let the city be looted by soldiers and themselves fled to the inner regions of Pontus populated by the Sanig and Laz." (Voronov Y.N.)

The mention of the Sanig permits to believe that Mithridates in 66-65, retreating with his troop of three thousand soldiers, stopped particularly in Dioscuriados where he spent a winter in peace (here possibly was situated the residence of his last Colchian viceroy). By all appearances, there were sufficient force and means to defend both on land and sea in Diaskuriados.

In the second half of I c. BC, in Rome, as a result of internal sociopolitical differences, the Republic falls, and monarchy with an emperor at the head is established. This event was taken advantage of by the son of Mithridates VI Eupator, Farnak,who was at the head of the Bosporus Kingdom. He caused an uprising and seceded from them. He easily subjugated Colchis and the whole of Armenia, some cities of Coppadociaand Pontus."(Latyshev V.)

In doing so, Colchis (and Dioscuriados – **A.G.**) came under Farnak's rule who for a short period of time became King of not only Bosporus but as well Colchis, Pontus and Armenia Minor.(Appian) However, Farnak was eventually defeated in his struggle with Rome and soon died.

A cruel struggle between the new governor of Bosporus, Asandr, and the Roman protege to the Pontic Kingdom, Mithridates of Pergamum, evolves soon after his death. Colchis became a theatre for military actions and was subjected to a serious ravage.

At the end of I c. BC, Colchis had already been part of Pontic King Polemon's possessions, and, following his death, his wife Pifodoris held the reign.

In 63 AD, Romans, having cancelled the vassalage of Pifodorida, transformed Pontus into their province and established in the area of the East Black Sea littoral.

And already not later than in the third quarter of I c. AD, a Roman fortified station is established in Dioscuriados' place – a city called Sebastopolis after the Roman Emperor, Augustus, who had a nickname of "Sebastos" (divine, worthy of worship). A new stage in the centuries-old history of ancient Sukhum begins.

To conclude with, the history of the North East Black Sea littoral in the ancient epoch was characterized by a tight interaction between Greek and local beginnings in economy, policy, culture and ideology in the conditions of the general historical situation. All this permits to consider the given region as an organic, albeit peripheral, part of the Hellenistic world. Despite the fact that Hellenism formed up in different places of the ancient world and different from each other ways, conditioned by a concrete historical situation, it yielded the same results, as a matter of fact. The North East Black Sea littoral, as presented on the basis of the above, was not an exception in this regard.

Четвертый Черноморский античный конгресс. 14-18 сентября 2009г. Стамбул, Турция.

To the issue of comparative periodization of the settlements of Colchic culture in Abkhazia and the problem of its chronology

The Late Bronze Age – end of II-the first half of I millennium BC is one of the brightest and mostinteresting periods in the cultural and historical development of the Caucasus. This period is marked with a number of major achievements in social and economic development of society, which is associated with flourishing bronze industry, the emergence and development of distinctive archaeological culture.

In the Caucasus, in the Late Bronze Age was flourished such archaeological culture as Koban, Colchic, Prikubanskaya, Kayakent – Horochoevskaya and other.

Colchic culture was mainly extended in Abkhazia and Western Georgia. The territory of Abkhazia, according to some researchers, is one of the centers of formation of Colchic culture. In Abkhazia, this culture is represented by settlements, burial grounds, clades, mines and bronze casting workshops.

Despite the achieved progress in the study of Colchic culture, a number of important issues related to its comprehensive features remain unsolved.

Issues of periodization of the settlements of Colchic culture were often discussed in the literaturein one or the other connection (Kuftin, 1947), (Mikeladze, 1969), (Gogadze, 1982), (Solovyev, 1950). This applies, primarily, the monuments of Western Georgia and to a lesser extent the ancient settlements in the territory of Abkhazia. Thus, there were primary and wide discussions on the date of the camps withso-called “textile” ceramics, such as Ochamchira, Krasno-mayatskoye, Novo-Aphonskoye and others, i.e. temporary camps of commercial type. And these monuments located on the dunes differ neither by multilayer nor by the presence of a continuous cultural layer. There fore, it is impossible to make stratigraphic observations and on its basis to establish the relative periodization, i.e. chronological ratio between separate monuments.

At the moment, when, along with camps of commercial type there were investigated major stationary settlements that contained the same “textile ceramics” within clear stratigraphic horizons of the cultural layer, one can more appropriately address issues of relative

periodization of settlements of Colchic culture in general and the ones locatedin the territory of Abkhazia in particular.

Of all studied hitherto in Abkhazia settlements of Colchic culture, Tamysh settlement is characterized as the most significant cultural layer. And what is more is that its more than one meter layer entirely applies to the targeted culture.This is the only one among the studied monuments of Abkhazia, where the cultural layer is divided into two chronologically consecutive layer horizons, reflecting the life of settlement for a considerable period of time that is traced both by the stratigraphy of the monument, and by the relevant materials, mainly ceramics.

It is very typical in terms of the issue under consideration the fact that the "textile" ceramics is presented in Tamysh not throughout the entire thickness of the cultural layer of the monument, but only in its upper horizon. This gives us basis to consider "textile" ceramics as relatively late complex in materials of Tamysh settlement and treat it as a certain chronological indicator. It seems quite clear that all commercial camps with the same (i.e. "textile" ceramics can be synchronized with the upper horizon of Tamysh settlement and placed in one chronological series. As "textile" ceramic is an integral part of the ceramic complex of Kistrik and Mokva settlemets, the latter ones should be considered as relating to the same period of upper horizon of Tamysh settlement. Most likely, the rest of the settlements of Colchic culture in Abkhazia correspond to chronologically later age of Tamysh settlement.

Thus, there are two relatively consistent against each other groups of settlements in the territory of Abkhazia. First (relatively early) group is currently represented by only one settlement, more precisely, in the lower horizon of Tamysh settlement. Another relatively late group consists of all other known settlements of Colchic culture in Abkhazia, including coastal temporary camps of commercial typefeatured by "textile" ceramics.The paucity of early settlements of Colchic culture currently known in Abkhazia, cannot serve as the basis for the allegation that duringthe early stage of development of the studied culture,the territory of the Northwestof Colchis was poorly populated.It is necessary to remember that the foothill part of Abkhazia is still extremely insufficiently studied in terms of archeology. It should be specified that many finds of different

metal objects were accidentally discovered in Abkhazia, even single hoards with bronze things related to the early development of Colchic culture. (Trapsh, 1970), (Voronov, 1969).

Almost all studied settlements are located in the coastal area of Abkhazia and belong as it is established to a relatively late stage of Colchic culture. Apparently, during this period, the widespread development of the fertile areas of the coastal strip of the edge began, and special settlements with textile ceramics appeared and have been functioning on the coast.

To substantiate our findings on the relative chronology of the studied settlements of Abkhazia, it is necessary, of course, to refer to the relevant monuments of Colchic culture of the South and Central parts of Colchis, many of which are multi-layer settlements. Among the latter, such settlements as Naohvamu, Nosiri, Namcheduri and others are of the greatest interest, as well Pichvnari camp.

We managed to establish with sufficient certainty the connection between the ceramic of the upper horizon of Naohvamu and Pichvnari camps, which inventory includes textile ceramics that is quite similar, in particular, to the presented in the upper horizon of Tamysh settlement. This allows to indirectly synchronize the latter with the upper horizon of Naohvamu.

It is very important that the pottery from the middle horizon of Naohvamu exhibits a certain proximity to the pottery from the lower layer of Tamysh. It is manifested in the existence of the same forms of vessels here and there, in particular, in the black-polished surface of pithoi and certain types of pots, the walls of which are covered with narrow cannelures. Therefore, we can synchronize between the middle horizon of Naohvamu and the lower horizon of Tamysh.

The multi-layered settlement of Namcheduri near Kobuleti is of undeniable interest to us. Seven layers were defined here. Materials of III and IV layers of a monument could be confidently compared with materials from ancient Abkhazian settlements, of Tamyshin particular.

Thus, a comparative analysis of ceramic from monuments of Central Colchis and Abkhazia, allows to link individual settlements among considered with specific complexes, which represent well-stratified monuments. For example, in this case it is extremely im-

portant that specific types of dishes from certain horizons of Tamysh settlement are identical or very similar to certain types of vessels from specific layers of multilayer settlements of Central Colchis. This allows us to say with much confidence and definiteness about the relative periodization of the settlements of Colchic culture in the territory of Abkhazia and their relationship to specific monuments of Central Colchis.

Thus, Tamysh settlement (lower horizon) is the earliest settlement of Colchic culture in the territory of Abkhazia (Northwest Colchis), as set stratigraphically and according to the collected material. It describes the early stage of the studied of culture and corresponds chronologically with such settlements of the South and Central Colchis as Naohvamu (middle horizon), Namcheduri (IV layer), Nosiri (III layer) and others. This (early) stage of Colchic culture is being dated XIV–IX centuries BC by most of the researchers. But it should be noted that the lower horizon of Tamysh settlement does not reflect the entire early stage of development of Colchic culture, but its latest period, dated back probably within XI–IX centuries BC. In Abkhazia, cultural layers, corresponding to the lower layer of Naohvamu or to V–VI layers of Namcheduri that belong to XIV–XII centuries BC have not yet been discovered. We are talking about settlements and not about the monuments of XIV–XII centuries BC in general.

Thus, ceramics of the upper horizon of Tamysh echoes on separate forms of pottery and other features with the corresponding complex of a number of settlements of Central and South Colchis, such as, in particular, with the upper horizon of Naohvamu, Pichvnarskie camp and others. All these monuments characterize the late stage of Colchic culture. We also note that metal inventory found in separate settlements of Abkhazia does not contradict, but rather confirms the established chronology of the studied monuments with other categories of archaeological materials.Based on all available data, we can say with sufficient certainty that the considered settlements of Abkhazia, not counting the lower horizon of Tamysh and a second layer of Vereshchagin hill, refer to 8 – 6 centuries BC, that is, to the late stage of Colchic culture.

Резюме

Эпоха поздней бронзы и раннего железа (конец II – первая половина I тыс. до н.э.) – является одним из самых ярких и интересных периодов в культурно-историческом развитии Кавказа. С этой эпохой, ознаменованной рядом крупных достижений в социально-экономическом развитии общества, связаны расцвет бронзовой индустрии, возникновение и развитие самобытных археологических культур.

В эпоху поздней бронзы на Кавказе процветали кобанская, колхидская, прикубанская, каякентско-хорочоевская и другие археологические культуры. Колхидская культура была распространена в основном на территории Западной Грузии и Абхазии. Территория Абхазии, по мнению ряда исследователей, является одним из центров формирования колхидской культуры. Здесь получил развитие один из локальных ее вариантов. В Абхазии колхидская культура представлена поселениями, могильниками, кладами, рудниками, бронзолитейными мастерскими.

Несмотря на достигнутые успехи в изучении колхидской культуры, до сих пор остается нерешенным ряд важных вопросов, связанных с ее всесторонней характеристикой.

На территории Абхазии представлены две относительно последовательные по отношению друг к другу группы поселений. Первую – относительно раннюю – группу представляет в настоящее время одно поселение, точнее, нижний горизонт Тамышского поселения. Другую, сравнительно позднюю, группу составляют все остальные известные поселения колхидской культуры Абхазии.

Для обоснования вывода об относительной хронологии поселений Абхазии необходимо, конечно, обратиться к соответствующим памятникам колхидской культуры сопредельных районов.

Сравнительный анализ, в частности, керамики из памятников Западной Грузии и Абхазии, позволяет связывать отдельные поселения Абхазии с конкретными комплексами Южной и Центральной Колхиды.

Наиболее ранним поселением колхидской культуры на территории Абхазии, как устанавливается стратиграфически и по

материалу, является Тамышское (нижний горизонт). Оно характеризует ранний этап колхидской культуры (датируется в настоящее время XIV–IX вв. до н.э.) и соотносится с некоторыми памятниками Западной Грузии. Но следует подчеркнуть, что нижний горизонт Тамышского поселения отражает не весь ранний этап развития колхидской культуры, а его позднейший период, датируемый, вероятно, в рамках XI–IX вв. до н.э. В то же время на территории Абхазии встречаются клады бронзовых вещей и отдельных металлических предметов, которые могут быть отнесены к раннему этапу колхидской культуры.

Судя по материалам древних поселений и других памятников, территорию Абхазии можно рассматривать как один из крупных центров металлургического производства в Западном Закавказье в эпоху бронзы.

В результате исследования древних памятников материальной культуры в Абхазии в конце II – начале I тыс. до н.э. устанавливается, что ее памятники содержат все основные признаки, характерные для колхидской культуры, т.е. они представляют составную часть этой культуры.

Вместе с тем, проведенные исследования указывают со всей очевидностью на отдельные черты, подчеркивающие определенное своеобразие памятников данной культуры на территории Абхазии.

Literature

Kuftin, B.A. 1947

Materialy k arkheologii Kolkhidy, tt. I-П, Tbilisi

Mikeladze, T.K. 1969

Issledovaniya po istorii drevneyshego naseleniya Kolkhidy i Yugo-Vostochnogo Prichernomorya (XV-IV vv. do nashej ery), Avtoreferat doktorskoy dissertatsii, Tbilisi

Gogadze E.M. 1982

Kultura poselenij Kolkhidy epokhi bronzy I rannego zheleza, Tbilisi

Solovyev, L.N. 1950

Selischa s tekstilnoy keramikoy na poberezhye Zapadnoy Gruzii, Sovetskaya Arkheologiya, № 14

Trapsh, M.M. 1970
Otdelniye klady i nakhodki, Trudy, t. I, Sukhumi
Voronov Y.N. 1969
Arkheologicheskaya karta Abkhazii, Sukhumi
Khoshtaria, N.V. 1955
Arkheologicheskiye issledovaniya v Ureki, Tbilisi: 25-79
Khakhutaishvili, D.A. 1977
Arkheologicheskiye raskopki drevnekolkhidskogo tsentra v uschelje r. Chlou v 1971g., Rezultaty arkheologicheskogo issledovaniya nekotorykh arkheologichaskikh ob'ektov, Kavkazsko-Blizhnevostochniy Sbornik, t. V, Tbilisi
Mikeladze, T.K. 1974
Issledovaniya po istorii drevneyshego naseleniya Kolkhidy I Yugo-Vostochnogo Prichernomorya (XV-IV vv. do nashejery), Tbilisi
Gogadze, E.M. 1982
Kultura poselenij Kolkhidy epoch bronzy I rannego zheleza, Tbilisi
Dzhaparidze, O.M. 1953
Bronzoviye topory Zapadnoy Gruzii, Sovetskaya Arkheologiya, № 17
Koridze, D.L. 1965
K istorii kolkhidskoy kultury, Tbilisi.

Второй Евразийский археологический конгресс. 1–5 марта 2010г. Тире, Турция.

Sukhum-Kale – a crossroads of history

The city of Sukhum, capital of Abkhazia, is located in the most extensive (25 kilometersof coastline) bay of the Eastern Black Sea-Coast, which has always been a convenient place for dwelling. To the north, the city is protected by mountain ridges which block intrusion by cold winds. Therefore the climate in Sukhum is much milder than in other areas along the Black Sea coast.

The favourable ecological-geographical situation has promoted settling in this region since the most ancient times. The confirmation of thisis the Acheuliansite in Yashtukha located in the northeast suburb of Sukhum, the largest and one of the most ancient in the Caucasus.

In the vicinity of Sukhum, artifacts from all historical epochshave been discovered and investigated in particular, theNeolithic, Secondary Neolithic, Bronze and Middle Ages. The earliest finds concerning theObeshla, ancestors of present Abkhazians, date from the BronzeAge.

Approximately 2500 years ago in a convenient Sukhum bay, Greek merchants from Miletus in Asia Minor established the city of Diascurias, which is mentioned in various Greek sources beginning in IV century BC. Monuments from legendary Diascuriashave for a longtime attracted the attention of researchersfor a long time.

Diascurias was a big city with an extensive agricultural environment where crafts were highly developed, and in the second century BC local coins were minted there.

In I century BC the blossoming populous city of Diascurias fell into decay, and on its ruins the Romans erected the city of Sebastopolis. It is necessary to notice that the Romans did not manage to completely return Sebastopolisto the former glory of Diascurias. During that period,Sebastopolisbecame a small city with fortifications. But by III century Sebostopolis had become a rather large trading and craft centre on the Black Sea coast of the Caucasus. The ruins of several Roman fortifications still exist at the present time, and as a result of longterm archaeological investigations largenumber of various materials have been collected, which are of great help in research concerning the history of Sukhum.

In VI century AD Sebastopolisfell under the power of Byzantium. In those years Abkhazia became an arena within the Iranian-Byzantine conflict. According to the Byzantine historian Procopius, after the end of the war Emperor Justinian II restored the city of Sebastopolis. Early Byzantine copper coins found locally, dating from the time of Anastasia I, Justinian I and Justinian II,incontestably confirmedthe trade and economic relations of Sebastopolis with the external world in VI century. Most likely Sebastopolis-Sukhum remained a strong point of the empire up to the end of VIII century when Abkhazia released itself from Byzantine sovereignty.

In the early medieval period Sukhum lost its former importance, but at the same time in IX century Tskhum (under this name it is referenced in Georgian sources) became the centre of the Diocese and residence of the Abkhazian Archbishop. Researches by the Black Sea expedition of the Abkhazian Institute of the Academy of Sciences of Abkhazia and the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of Russia, under the direction of D.S.Bzhania,testified to this in 2001.

In XI-XIII centuries Tskhum was the chief town of the Tskhomski princedom. At this time in the city, and also across all Abkhazia, intensive building of fortresses, bridges and palaces were undertaken. In the northeast part of Tskhum, Bagrat Castle was constructed.

After the appearance along the Caucasian coast of the Genoese, medieval Sukhum (Sebastopolis) became an important trade centre, and large business deals were made there. The Genoese played a well-known role in the involvement of Sukhum within the sphere of European culture and economy. Nevertheless, at the same time the Genoa expansion brought much suffering to the local population regarding“live goods” – slaves were one of the most important sources of trade.

In the second half of XV century, after the capture of Constantinople by the Turks, in Sebastopolis(Sukhum) a Turkish fleet appeared for the first time, and Ottoman Turks decided to take Abkhazia under their control. After a while the Genoese had to leave Abkhazia. In 1451 Turkish armies seized Sukhum, but did not hold on to it for long. They invaded the city and regionagain in the second half of XVI century. Admiring the beauty of the city, they named it “the second Istanbul”. Some authors connect the name ‘Sukhum’

with the Turkish words'sou'(water) and'hum'(sand). In 1578 on the ruins of Sebastopolisthe Turks constructed powerful defences under the name 'Sukhum-Kale' – the Sukhum fortress.

On the preserved plan of the fortress, made in 1812, it had a square shape with protruding pentagonal bastions (towers). The main gates were in the northeast wall, and secondary gates were locatedin the southeast wall. Fortress buildings were mainly grouped in the southeast part. There were four walls in the fortress. Outside, the fortress was surrounded by a wide moat.

The Sukhum fortress and surrounding territory have long attracted the attention of researchers. Various historical stages are represented there – from early antiquity to the late Middle Ages.

For the first time V.I.Sizov paid attention to this monument making excavation in 1886 in Sukhum. After examination of the fortress, Sizov noted that the walls were constructed in different period of time (Sizov, 1889).

In 1925by a seaside A.S.Bashkirov discovered the existence of three layers of different period of time covering II-IV century, XI-XIII centuries and layers of the late Middle Ages (Bashkirov, 1926).

In 1952 around M.M.Trapsh discovered four cultural layer horizons in the area of Sukhumi fortress. The first (top) horizon household contains the remains of XVI-XVII centuries.The second layer which was lying under previous one characterized by glazed irrigation ware, which contained the cultural remains of the developed Middle Ages of XI-XIII centuries. Under it, below horizon of the fossil soil that did not contain any residues, was lying the Late Antiquelayer I-IV centuries AD, consisting of red polisheddishware,Roman coins of Mark Avrelius era and other things.The forth layer consisting of dark grey clay contains sherds of black-polished dishware of the early Antique era. Works of 1952 provided as well an opportunity to discover an interesting design featureof the coast wall of the late antique. Before its construction to strengthen the clay soil from subsidence, it was clogged with a lot of wooden piles, which was laid a thick layer of lime mortar (Trapsh, 1969).

The end of the fifties years of the XX century was marked by great archeological excavations of the Sukhumi fortress. In 1958 L.N.Solovevym and L.A.Shervashidze during square breakdown on quay in the Sukhumi fortress had been found out the rests of a pow-

erful fortification (Shervashidze and Nightingales, 1960). The excavation made in 1958-1959by Institute stories of I.A.Dzhavahishvili of AN Gr. The Soviet Socialist Republics and the Abkhazian institute of D.I.Gulija (Apakidze and Lordkipanidze, 1963), and also the underwater researches undertaken by L.A.Shervashidze and the diver of V.I.Skasyrskim, allowed to establish that in an adjoining part of the Sukhumi bay there are fragments of walls of the quadrangular fortress, absorbed by the sea. Only its northwest party has remained ashore. It was constructed (according to M.M.Trapsh) in the III century AD, had no foundation, but reached a thickness of more than two meters. In IV century the wall was further strengthened by protruding quadrangular towers, extra powerful wall and buttresses. Inside the walls were discovered the remains of a bath, aqueducts, large clay vessels, dug into the ground for the replenishment of water. This so-called "East fortification" directly adjoined by M.M. Trapsh in 1952. The author compares it with the first city fortress of Sebastopolis,built by Romans in the II century AD. Discovery of the colored mosaic cubes pointed to the existence of the Christian church in the excavation area. It has proved to be later researches.

Findingsconducted in front part of the fortress walls indicated the development of local crafts: pottery, blacksmithing, leatherworking, jewelry; a lot of coins were found there, mostly Roman, some of which were minted in Trabzon. Imported amphorae, exquisite vessels, covered with a red lacquer, glasswareindicate extensive trade relations of Sebastopolis with Asia Minor, Greece and the Northern Black Sea Coast.

A large fictile kiln, unique to the ancient cities of Northern and Eastern Black Sea region was discovered in 1959 near Sukhum fortress. It was rectangular-shaped and designed for calcination of bricks, tiles and pottery. The kiln is dated back to IV century AD (Trapsh, 1969).

Within the grounds of the castle walls laid a large bluish-gray clay layer, where grape seedspeach pits and nut shells have been found along with sherds of black-polished dishware of V-III centuries BC.

Excavation of 1958-1959 in territory of the Sukhumi fortress finallyconfirmed the existence of ancient Sebastopolis in the area of modern Sukhum, which, according to ancient authors, was built on the ruins Dioscuria.

In 1980, in connection with a plenned construction of a new building of the State Museum of Abkhazia in the territory of Sukhum fortress, the Abkhazian Institute of language, the literature and history named after D.I.Gulia of Georgian Academy of Sciences decided to begin archaeological investigation of the territory of Sukhum fortress. Excavations were initiated at the north-east corner of the currently-preserved fortress of Sukhum of the late Middle Ages. The works were supervised by M.M. Gunba. Only one layer has been studied. This layer, in its turn, was heavily mixed, as a result some of the items relating to the early period (fragments of amphorae and red-polished dishes) appeared in the top of the layer, and the items belonging to the late medieval period (pipes, glazed pottery) appeared in the bottom part of the later.

In 1992, due to the lack of funds, archeological excavations of Sukhum fortress were conducted insignificantly. Expedition of the Abkhazian Institute under the supervision of M.M.Gunba continued research of the northeast corner of the fortress, where during excavation started in 1980, were defined three cultural layers. Based onthe discovered objects such as fragments of glass vessels, red-polished dishes, amphora, the bottom layer is dated by IV century AD.

Joint expedition of Abkhazian institute JALI of a name of D.I.Gulija and the Abkhazian state museum M.M.Gunba, M.K.Hotelashvili worked in 1983 in territory of the Sukhumi fortress. Excavations were carried outin the northeast corner of the fortress and were limited to the study of the thickness of the upper cultural layer to one meter. The layer consisted of humus, sand and gravel. A large amount of fragments of ceramic dishware have been discovered there: tableware, kitchen and tare utensils; identified up to 30 pipes of different size, colors and ornaments. The layer is dated by the late Middle Ages. Discovery of a treasure consisting of 14 gold coins Turkish coinage was a notable event in the work of expedition (pic 5).

In 1985 the Abkhazian institute together with the Abkhazian state museum continued excavations in the territory of Sukhumi fortress. The expedition consisted of the following participants: M.M.Gunba (the Head), M.K.Hotelashvili, L.N. Khrushkova, B.S.Kobahija, K.Demirhanova. Created excavation area of 18x11

meters was a continuation of the excavation conducted in the previous years. The most significant result of the season, according to opinion of authors, wasthe establishmentof a complete stratigraphy in this area, which was impossible to do in previous years, mainly due to the groundwater flow. The maximum depth of the excavation was 4.65 meters; the total thickness of the cultural layers was 4.25 meters(Gunba and Khrushkova, 1990).

As a result of work carried out in 1985, huge amount of material has been obtained on the archeology of Sebastopolis of the Late Antiqueand Sukhum of Middle Ages. Stratigraphy has been established. It became clear that there are no earlier layers than the one of late Roman. There is a chronological gap between late antiquity and the late medieval period: materials related to VII-IX centuries are not found. The finds X-XI centuries are few in number, there are more numerous materials, starting from XIV century and later, in particular to XV-XVIII centuries.

In 1987, excavationswere conducted at Sukhum fortress, in the area that had not previously been studied. It is located near the seafront to the west of the sports ground. Excavations were conducted by expedition of Abkhazian Institute ofLanguage, literature and History named after D.I.Gulija that consisted of M.M.Gunba (the Head), L.G. Khrushkova and B.S.Kobahija. The plot, free from building, had a rectangle configuration that was facing by its trade side the seafront. To investigate the stratigraphy of the area, the expedition has originally laid down the trench in length of 44 mand in width of 2min north-south direction, which later developed into the excavation. It was found out that the upper building horizon consists of poorly preserved architectural remnants. They lie at adepth of 0,25-0,5 m from the present surface. They were dwellings but the authors failed to reconstruct their layout. The most interesting was the lower horizon of excavation. A bath house complex with the floor of brick chips remains and aqueduct of ceramic pipeswas discovered in the southwest part of the excavation. M.M.Gunba and L.G. Khrushkova date back the construction of a bath to the V century AD.

In 1988-1990 archaeological expedition of Abkhazian Institute continued excavationsat Sukhum fortress. Excavation conducted in 1987 was extended to the north.A result of researches identified the remains of an early Cristian church, three tombs and tombstone stele

with Greek inscription. Copper coins of Justinian I minted at Antioch-Teopolise in 546-547 years pointed to the period of thedestruction of the church. Archaeological materials found in a layer of the ruined church correspond to same period of time (Khrushkova, 2002) (pic. 6).

In 1999, an archaeological expedition of Abkhazian University started to work on the investigation of one of the sections of Sukhum fortress. A huge number of informative materials of different epochs, representing great scientific interest have been excavated during these years (Gabeliya, 2001).

But the most significant and interesting finding is a fragment of a limestone slab with Greek inscription devoted to glorification of the person who has assumed the fulfillment of some important social responsibilities (Gabeliya and Vetrogradova, 2004). Currently, the territory of Sukhum fortress is studied by several expeditions, but therefore it is particularly important to find ways of conservation and reconstruction of the walls of fortress.

Резюме

Город Сухум, столица Абхазии, расположен в самой обширной и удобной бухте с 25-ти километровой береговой линией. Во все времена она была удобным местом для обитания. С севера город защищен горными хребтами, которые преграждают доступ холодным ветрам. Поэтому климат в Сухуме значительно мягче, чем в других районах Черноморского побережья.

Благоприятная эколого-географическая ситуация способствовала заселению этого региона с древнейших времен. Свидетельство этому – расположенная на северо-восточной окраине Сухума ашельская Яштухская стоянка – одна из древнейших и крупнейших на Кавказе.

В окрестностях Сухума открыты и исследованы памятники всех последующих эпох: неолита, энеолита и бронзового века. Именно к эпохе бронзы относятся и первые сведения об обешла, предках нынешних абхазов.

Примерно 2500 лет назад греческими купцами из малоазийского Милета в удобной Сухумской бухте был основан город Диоскуриада, упоминаемый в различных греческих источниках

начиная с VI века до н.э. Памятники легендарной Диоскуриады давно привлекают к себе внимание исследователей.

Диоскуриада была большим городом с обширным сельскохозяйственным окружением; здесь были высоко развиты ремесла, а во II веке до н.э. чеканилась собственная монета.

В I веке до н.э. цветущий многолюдный город Диоскуриада приходит в упадок; на его развалинах римляне возводят город Себастополис. В эту эпоху Себастополис представлял собой небольшой город с крепостными сооружениями. Но уже к III веку н.э. Себастополис становится сравнительно крупным торгово-ремесленным центром Черноморского побережья Кавказа. Руины нескольких римских укреплений дошли до наших дней. В результате многолетних археологических изысканий накоплен огромный и разнообразный материал, являющийся хорошим подспорьем в исследовании истории Сухума.

В VI в. Себастополис попал под власть Византии. В эти годы Абхазия становится ареной ирано-византийского соперничества. По сообщению византийского историка Прокопия Кесарийского, после окончания войны император Юстиниан восстановил город Себастополис. О торгово-экономических связях Себастополиса с внешним миром в VI веке неопровержимо свидетельствуют обнаруженные здесь ранневизантийские медные монеты.

По всей видимости, Себастополис–Сухум оставался опорным пунктом империи до конца VIII века, когда Абхазия освободилась от византийского владычества.

В раннесредневековый период Сухум теряет свое былое значение, но в то же время в IX веке Цхум (под таким название он зафиксирован в грузинских источниках) становится центром епархии и резиденцией абхазского архиепископа.

В XI–XIII вв. Цхум – главный город Цхумского княжества. В это время в городе, как и по всей Абхазии, ведется интенсивное строительство крепостей, мостов, дворцов. В северо-восточной части Цхума сооружается средневековый замок (Замок Баграта).

После появления на Кавказском побережье генуэзцев средневековый Себастополис становится важным центром торговли, где совершаются крупные сделки. Генуэзцы сыграли извест-

ную роль в деле вовлечения города и всего края в сферу европейской культуры и экономики.

Во второй половине XV века после взятия турками Константинополя в Себастополисе (Сухуме) впервые появился турецкий флот; турки-османы решили взять под контроль Абхазию. Генуэзцам через некоторое время пришлось покинуть Абхазию. В 1451г. турецкие войска захватили Сухум, но продержались недолго. Вторично они завладели городом и краем во второй половине XVI века. Восторгаясь красотой города, турки назвали его «вторым Истамбулом». Некоторые авторы название «Сухум» связывают с туркизированным словом «су» («вода» – с турецкого языка) и «кум» («песок»). В 1578г. на остатках Себастополиса турки построили мощное укрепление под названием Сухум-Кале (Сухумская крепость).

Bibliography

Voronov, U.I. 1980
Dioscuriada-Sebastopolis-Tskhum. M.
Trapsh, M.M. 1969
Drevnij Sukhumi. Trudi, tomll
Anchabadze, Z.V. 1964
Istoria i kultura Drevnei Abkhazii. M.
Lordkipanidze, O.D. 1966
Antichnij mir i Drevnia Kolkhida. Tbilisi
Shamba, G.K. 2005
Drevnij Sukhum. Sukhum
Apakidze, A.M. and Lordkipanidze, O.D. 1963
Novie materiali s arkheologicheskoi Dioscurii-Sebastopolisa. Sukhumi
Shervashidze, L.A. and Soloviev, L.N. 1960
Issledovania drevnego Sebastopolisa. S.A., №3
Kesariiski, Procopi. 1939
Opostroikakh Ustiniana.Vestnik Drevneij istorii No4: 242
Gunba, M.M. and Khrushkova, L.G. 1990
Raskopki Sukhumskoi kreposti. Arheologicheskie otkritia v Abkhazii 1985. Tbilisi
Khrushkova, L.G. 2002

Rannehristianskie pamiatniki Vostochnogo Prichernomoria. M.
Gabelia, A.N. 2001
Issledovania ekspeditsii Abkhazskogo universiteta, Arheologicheskie otkritia 1999. M.
Gabelia, A.N. and Vetrogradova, V.V. 2004
Novaya grecheskaya nadpis iz raskopok Sukhumskoi kreposti.Kavkaz: Istoria, kultura, traditsia, yaziki. Sukhum: 18-23

Третий Евразийский археологический конгресс 23-25 мая 2011, Демерджи, Турция

Sebastopolis – a fortification of the "Pontic Limes"

At the dawn of the Christian era Rome was aspiring to protect the Asia Minor territories of its empire from attacks by enemies constantly invading through Colchis, andexpended huge material and spiritual efforts in strengthening its borders. In this connection Rome began placing its active armed forces along the Eastern Black Sea Coast, having begun the creation of the "Pontic Lime" – a chain of Black Sea fortifications with garrisons for the guarding of approaches to the eastern frontiers of the Roman Empire. "Lime" means the system of defense of the borders, including a maintenance service bya special military division, as well as the building of various fortification constructions and communications networks.

In the late sixties of XX century the Georgian researcher Lekvinadze V.A., having investigated the Roman fortifications of the Black Sea Coast, included them within the general category of standard-constructions, simultaneously revealing the features which allowed him to allocate them as "Eastern frontier" type and to name them "Pontic" according to their site (Lekvinadze, 1969: 75) (Fig.1).

The Roman garrisons on the Eastern Black Sea Coast appeared immediately after Vespasianus placed two legions in Cappadocia. In I-II centuries these fortifications were under the authority of Cappadocia governors, and after the formation of the province Pontus Polemoniacus, all Colchis forts were transferred to Cappadocia control. This union of Black Sea fortifications in IV century included more than ten sites, and was a stronghold at first for the Romans, and then for the Byzantines in the Eastern Black Sea region (Voronov, 2006: 314).

According to Lekvinadze V.A., the sharp rise in the number of permanent Roman troops in Cappadocia gave Rome the chance to begin the placing of garrisons along the Eastern Black Sea Coast. The creation of the "Pontic Lime" was an organic part of the military transformation of Cappadocia which was conducted by Vespasian. The legate of Cappadocia, Flavius Arrian, visited them to make an inspectionon the instructions of the Roman Emperor Hadrian (Lekvinadze, 1961: 76).

As noted above, Roman garrisons were placed along all the Eastern Black Sea Coast. The most southerly fortress on the Black Sea

Coast was Apsaros (Fig.2.1), located in the village of Gonio, to the south of modern-day Batumi in Georgia. This garrison is mentioned in “Natural History” by Pliny as a castello – as the ordinary Roman boundary fortresses entering into a system of Limes were called. The quadrangular castello of Apsaros, characteristic of the majority of Roman fortresses, is one of the rare undestroyed monuments of Roman serf architecture (Zakaraia and Lekvinadze, 1974: 225).

Flavius Arrian in his Periplus Ponti Euxini or “Circumnavigation of the Black Sea”gave the description of one more rectangular Roman fortress around modern Poti (Phasis) in Georgia, a schematic plan of which was drawn by Frédéric Dubois de Montpéreux(Fig.2.2).Arrian also describesa settlement outsidethe fortress, a so-called canabae, which were usually formed near Roman boundary fortresses.

In the early seventies of XX century, Georgian researchers Zakaraia P.P. and Lekvinadze V.A. recorded the remnants of the Roman fortress of Ziganisin the territory of the modern village of Gudava (VelikiPityos, 1975: 35) (Fig.3).

The Roman fortress of Pityos, in the western part of Abkhazia in the modern city of Pitsunda, has been thoroughly investigated by archaeologists (Fig.5, 6). Here a considerable number of monuments representing a picture of the life of a strong hold through out several hundreds of yearshave been revealed (VelikiPityos, 1977 and 1978; Lekvinadze, 1969). Most likely,a castello–a stronghold rectangular in form– was originally erected. In the beginning of IV century the fortress walls which had been destroyed by Gothswere restored with more towers,of which the corner ones had a fan-like form in plan, characteristic of architecture of the Constantine Iepoch. In addition, to the east alarge areawas surrounded by a wall toform a canabae–a place where retired legionnaires lived with their families. In the territory of the basic fortress a great number of various constructions were excavated. The eastern gates of the castello had protruding semicircular towers,as did the gates of Rome.

In the territory of the Pityoscanabae, the most ancient Christian temple ever discovered on the Eastern Black Sea Coastwas excavated. According to Lekvinadze V.A.,the specificity of Pityosis that its stronghold formedan entiredefensive system with a castello, unlikethecanabae at Phasis(Latishev, 1947-1949: 86).

3-4 kilometers to the northwest from Pityoscastello the remnants of a defensive wall with a circular-shaped tower attached, dated from the end of II to the beginning of III century,were excavated. A fragment of a brick inscribed with the letters “leg (io)” was found there.It was probably a stamp with a mark of the legion which was taking part in the building of thedefensive strongholdat Pityos. Flavius Arrian mentions one more stronghold of the Pontic Lime – Nitika-in the area of modern Gagra in Abkhazia(Fig.2.3).

The major link tothe Pontic Lime was Sebastopolis located in Sukhum and based on thesiteof the ancient Miletus Greek colony of Dioscurias. This most ancient Roman stronghold, mentioned by Gaius Plinius Secundusin I century AD, was visited in 137 AD by the governor of Cappadocia, Flavius Arrian, on the instructions of the Roman emperor Hadrian (Arrian of Nicomedia. 2nd century AD). Judging by the message of this envoy of the emperor, the city of Sebastopolis in the first half of II century represented a small fortress with a Roman garrison.

Archaeological researches show that ancient Sebastopolis had some citadels. The remnants of defensive works testify to this in various parts of modern Sukhum. The most considerable complex of defensive strongholds has been found on the city quay,where the well-known construction now called the Sukhum fortress is situated.

The Sukhum fortress has drawn the attention of researchers for a long time. Here various stages of the historical life of an ancient city are presented, from the antiqueepochto the late middle ages. Assembled defenses of ancient Sebastopolis are represented by three powerful walls (Trapsh, 1969, Soloviev and Shervashidze, 1960, Lekvinadze, 1966) (Fig.4).

The first (earliest) wall was built parallel to the seacoast and consisted of two lines separated from each other – western and eastern. According to Trapsh M.M.the eastern line is froma later time. The seaside wall runs in an East-West direction, its length is more than 140 metres, and it is formed from granite boulders on a limemortar with sea gravel and sand. The wall foundation was originally made from wooden logs, so-called “sleeper joists”, laid horizontally both lengthways and across the wall. This method of masonry was known in extreme antiquity. The defensive line was equipped with

two quadrangular towers, and later with five buttresses. According to Trapsh M.M. the wall with its two towers belongs to one of the citadels of ancient Sebastopolis, being a northern wall of a fortress (castello) (Trapsh, 1969: 298-309), and the major part of the stronghold was on territory now occupied by the sea. The Georgian researcher Lekvinadze V.A. noticed one more detail of the construction, namely theroundness of apreserved northern corner which was characteristic of Roman castella (Lekvinadze, 1966: 207).

In 1958 Soloviev L.I. and Shervashidze L.A. excavated another wall on the Sukhum quay with tower-like ledgesat each end (Soloviev and Shervashidze, 1960: 172). Probably this is a furtherremnant of the castello-II which was built after the destruction of castello-I. The remnants of castello-II were closely adjoined to the inside of one more wall, with a length of 134 metres. The investigators (Shervashidze and Soloviev) consider these to beremnants of the most ancient stronghold of Sebastopolis.

Thus the constructions revealed on the Sukhum quay represent the ruins of at least two castellan functioning at different times,the most part of which was located in territory nowadays occupied by the sea. Walls of a more ancient Roman castello were constructed using an “opus mixtum” laying in which the “belt”has two rows of bricks. The plan of the castello had a parallelogram form,with roundedcorners. One more featurewas noted by Lekvinadze: in both remaining walls of the castellan there were no entrances, and most likely their main gates faced the sea, as was typical for other Eastern Black Sea Coast castella.

Along the Eastern Black Sea Coast from the third quarter of I century AD to the middle of VI century AD more than ten seaside strong holds existed. There are two points of view about their importance. Lomouri N.Y. considers the coastal cities and fortresses of western Transcaucasia as having been of local significance. Apakidze A.M. supports this opinion, which indicates Pityosin the first centuries of its existence as being a local city whose population was compelled to go into union with the Romans, owing to historical conditions. The Abkhazian researcher Voronov Y.N. adheres to the hypothesis of Lekvinadze V.A., who consideredthesestrongholds as being Roman(Voronov, 2006: 166).

So, it is undisputed that from the end of I century to the begin-

ning of VI century on the Eastern Black Sea Coast there was a complicated system of coastal Roman strongholds. If in the middle of I century, according to Joseph Flavius, peace in the whole Black Sea area was maintained by means of three thousand heavily armed legions and forty military ships, with the beginning of the building of the “Pontic Lime” the aggregate number of Roman soldiers began to increase sharply, and reached five to six thousand troops occupying more than a dozen fortresses. The “Pontic Lime”, especially in combination with an internal foothill line of fortresses in the territories of Abasgia, Apsilia, Misiminia and Lazika which arose in V-VI centuries, represented a grandiose defensive boundary through out several hundred years.

The Roman Empire, having through huge efforts erected the “Pontic Lime”, involuntarily involved the local population within the sphere of their influence and promoted the creation of more complicated and stable political and economic structures in the approaches to the Lime, which led to the further stratification of local society andthe development of state formations.

Резюме

На рубеже нашей эры Рим, стремясь защитить малоазийские земли империи от набегов врагов, постоянно вторгавшихся через Колхиду, тратил огромные материальные и духовные усилия на укрепление своих границ. Именно в связи с этим Рим начинает размещение в Восточном Причерноморье своих регулярных войск, положив начало созданию «Понтийского лимеса» – цепи причерноморских укреплений с гарнизонами, в задачу которых входила охрана подступов к восточным границам империи. Под «лимесом» подразумевается система организации обороны границ, включающая в себя сторожевую службу специальных воинских подразделений, а также строительство различных фортификационных сооружений и коммуникаций.

Важнейшим звеном Понтийского лимеса являлся Себастополис (Сухум), основанный на месте древнегреческой милетской колонии Диоскуриада. Это древнейшее римское укрепление, упоминаемое Плинием Секундом в I в. н.э., посетил в 137 году, по поручению римского императора Адриана, правитель Кап-

падокии Флавий Арриан (Arrian of Nicomedia, IInd century AD). Судя по сообщению этого посланника императора, город Себастополис в первой половине II века представлял собой небольшую крепость с римским гарнизоном.

Итак, бесспорно, что в конце I – начале VI вв. в Восточном Причерноморье существовала сложная система прибрежных римских укреплений. Если в середине I века, согласно Иосифу Флавию, мир на всем Черном море поддерживался с помощью трех тысяч тяжеловооруженных легионов и сорока военных кораблей, то с началом строительства «Понтийского лимеса» общая численность римских солдат стала резко увеличиваться, достигнув пяти-шести тысяч воинов, занимавших свыше полутора десятков крепостей. «Понтийский лимес», особенно в сочетании с возникшей в V–VI вв. внутренней предгорной линией крепостей на территории Абасгии, Апсилии, Мисиминии и Лазики, на протяжении нескольких сотен лет представлял собой грандиозный оборонительный рубеж.

Римская империя, возведя ценой огромных усилий «Понтийский лимес», невольно втягивала местное население в сферу влияния античного мира, способствовала формированию на подступах к «лимесу» более сложных и стойких политических, экономических структур, дальнейшему расслоению местного общества, складыванию государственных образований.

LITERATURE

Lekvinadze, V.A. 1969

“Pontiicki limes”, Vestnikdrevneiistorii N2

Voronov, Y.N. 2006

“Kolhida na rubezhe srednevekovia”, Nauchnoe nasledie, tom I, Sukhum

Lekvinadze, V.A. 1961

Materiali po istorii i arhitekture Apsarskoi kreposti, “Vizantiiski vremennik”

Zakaraia, P.P. and Lekvinadze, V.A., 1974

“Arheologicheskie raskopki v Gudave v 1971 gody”, Arheologicheskaia ekspeditsia Gosudarstvennogo muzeia, tom III, Tbilisi

VelikiPityos, 1975

Tom I, Tbilisi
VelikiPityos, 1977
Tom I, Tbilisi
VelikiPityos, 1978
Tom I, Tbilisi
Lekvinadze, V.A. 1969
"Pontiicki limes", Vestnik drevnei istorii N2
Latishev, V.V. 1947-1949
Izvestia drevnih pisatelei o Skifii i Kavkaze, Vestnik drevnei istorii
Arrian of Nicomedia. 2nd century AD
"The Periplus of the Euxine Sea", translated by William Falconer, 1905
Trapsh, M.M. 1969
"Drevni Sukhumi", Trudi, tom II, Sukhum
Soloviev L.N. and Shervashidze L.A. 1960
"Issledovanie drevnego Sebastopolisa", SA, N3
Lekvinadze, A.V. 1996
"Oboronitelnie sooruzhenia Sebastopolisa", SA, N1
Trapsh, M.M. 1969
"Drevni Sukhumi", Trudi, tom II, Sukhum
Lekvinadze, A.V. 1996
"Oboronitelnie sooruzhenia Sebastopolisa", SA, N2
Soloviev L.N. and Shervashidze L.A. 1960
"Issledovanie drevnego Sebastopolisa", SA, N3
Voronov, Y.N. 2006
"Kolhida v I-VII vv. n.e.", Nauchnoe nasledie, tom I, Sukhum

XXII Международный конгресс по Римскому лимесу.
16 сентября 2012г. Руссе, Болгария.

Fig.1. Roman fortresses on the Eastern Black Sea Coast (red line is route of Flavius Arrian)

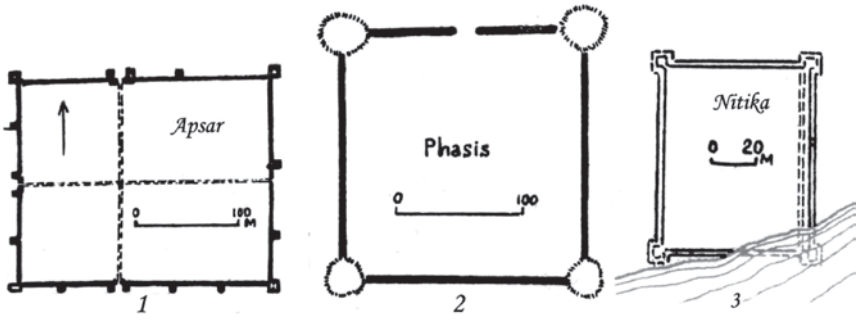

Fig. 2. General plans of fortresses Apsar (1), Phasis(2) (according Dubois de Montpéreux) and Nitika (3)

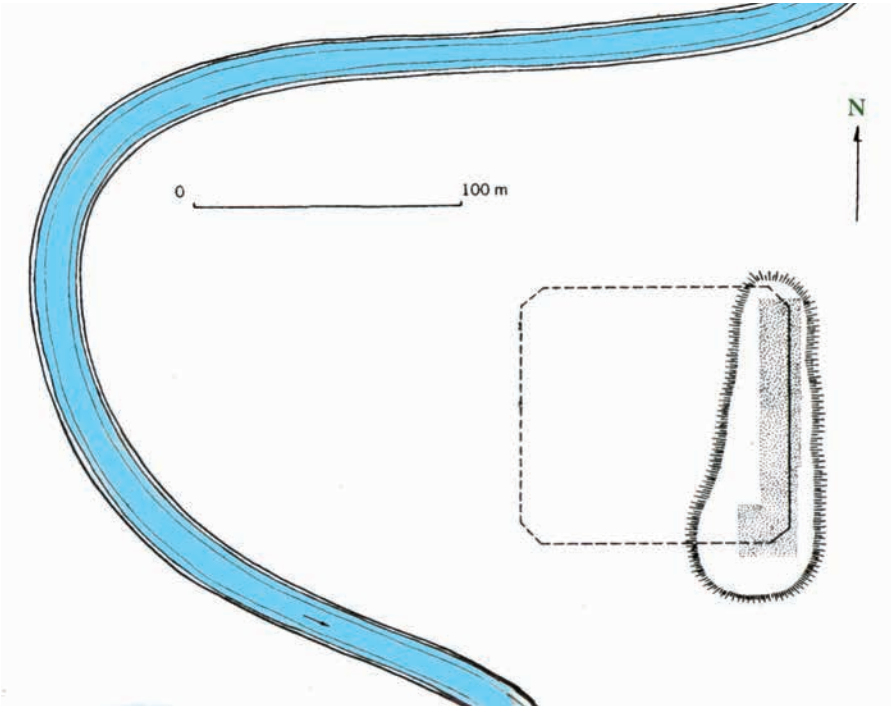

Fig. 3.Roman fortress of Ziganis in the territory of the modern village of Gudava

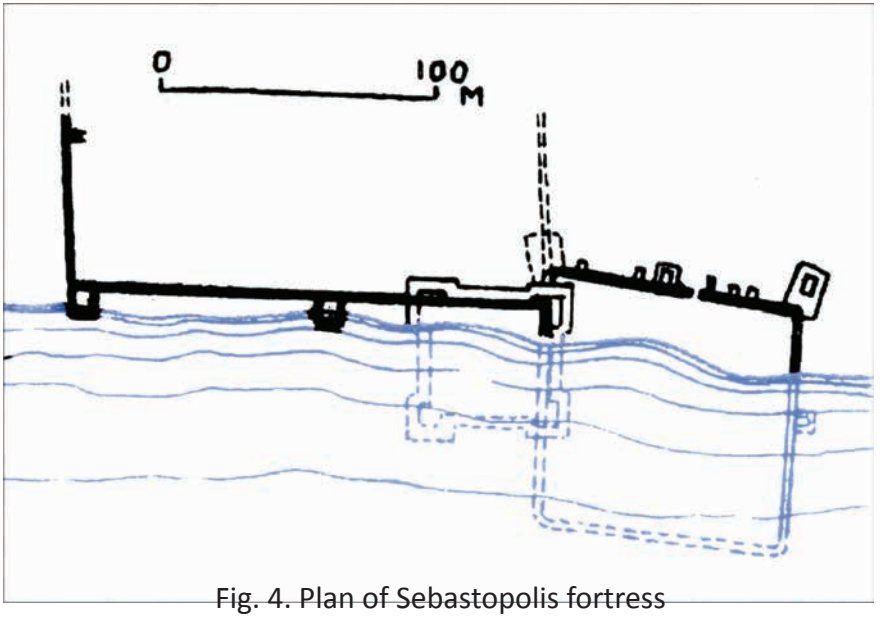

Fig. 4. Plan of Sebastopolis fortress

Fig. 5. Plan of Pityos fortress

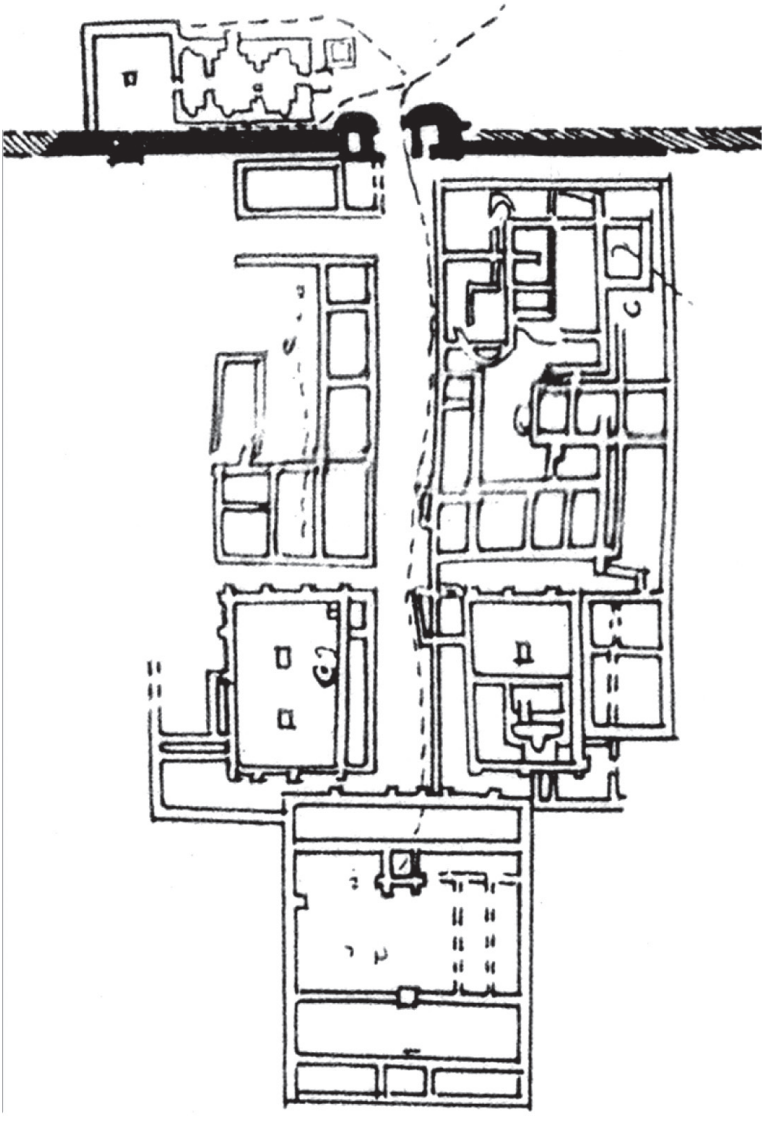

Fig. 6. Plan of the centre part of Pityos fortress

NEW EPIGRAPHIC MONUMENT FROM SEBASTOPOLIS

In the last quarter of the 2nd Century BC the Tsar of Pontus State, Mithradates VI Eupator added a considerable part of the Caucasian Black Sea coast, including Abkhazia, to his possessions. The Roman State had waged wars since the 3rd Century BC and, whilst attempting to seize Asia Minor and the Black Sea coast, came into collision with Pontus State. According to Appian, Mithradates VI was retreating from Asia Minor with the remains of his defeated army when he consolidated his position in Dioscuriada and spent the winter there. Dion Cassii informs us thatPompey, pursuing Mithradates, passed through the lands of Colchians and their neighbours, but starting from the second half of the 1st Century BC Colchis appeared to be under the power of Pharnak, son of Mithradates VI. However after his death Colchis become an arena of military actions again and was subjected to violent destruction. As a result, by the middle of the 1st Century BC the Romans had been strengthened in the region of the eastern Black Sea coast, and according to Joseph Flavii the local population obeyed the Roman Emperor.

However, according to other sources the situation in Colchis in the 1st Century AD was not so quiet and peaceful. There were often raids on Roman lands by local tribes. One can suppose that not later than the 1st Century AD vassal political dependency relations were forming between Rome and political structures within Abkhazia. In his report to Emperor Hadrian, Flavii Arrian stated that “Lazikans are followed by Apsils; they have Tsar Julius, who received the kingdom from his father. Abazgs border Apsils; Abazgs have Tsar Rismag, this one receives his power from you also. Next to Abazgs are Sanigs, the land in which Sebastopolis is situated; the Tsar of Sanigs, Spadag, received his kingdom from you”. (Trapsh, 1969, pp. 238-250). This quotation shows that the rulers of three named local political formations were in vassal dependence upon Rome, and recognized to some extent the superior power of the Roman Emperor. Apparently, in the 1st Century AD the Romans did not have their fortresses on the Abkhazian coast, and were unable to transform this land into a Roman province. At the beginning of the 1st Century AD, Strabon speaks about Dioscuriada as a rich blooming city, and a bit later Pliny Secundus, concerning this city, informs us that “now

it has been abandoned". These remarks, according to the opinion of M. M. Trapsh, are confirmed by the materials from archeological excavations. Therefore, cultural layers of 1st Century BC – 1st Century AD on the territory of Sukhum Fortress turned out to be feebly visible.

It is considered as confirmed that in the first half of the 2nd Century AD, on the site of Dioscuriada, a Roman town appeared, called Sebastopolis in honour of the Roman Emperor Augustus, who had the nickname "Sebastus". According to the opinions of a lot of scientists, Sebastopolis, like Dioscuriada, is connected with modern Sukhum. Direct proof of this is obtained from an interesting epigraphic monument which was discovered in Sukhum in 1896. It is a fragment of limestone slab with a Latin inscription. The text on this monument is connected with a journey by Flavii Arrian, who was sent by Adrian for the inspection of garrisons along the south and east coasts of the Black Sea. As Sebastopolis was the final destination of Arrian's journey, this inscription provides the opportunity of considering the question of the location of the Roman fortress and ancient Dioscuriada. Arrian's messages clearly show that by his time ancient Dioscuriada had probably been recently destroyed, and the Roman military settlement Sebastopolis had already appeared on the same site. However, this new name had not entered into common usage, and the author, being Roman, still mainly used the name Dioscuriada, and mentioned the new name Sebastopolis as "formerly Dioscuriada".

The town Sebastopolis, in the first half of the 2nd Century AD, was a small fortress with a Roman garrison. However, from approximately the 2nd half of the 2nd Century AD Sebastopolis was constantly growing and by the 3rd Century AD it had become a large trade and handicrafts centre, but already by the end of the 5th Century AD it had lost its previous importance and activities there were mainly decreasing.

Unfortunately, up to the present time the monuments of ancient Dioscuriada and Sebastopolis have not been sufficiently investigated. In recent years, measures have been taken to study the monuments of material culture of Sebastopolis which were concentrated in the territory of the Sukhum Fortress, and which for a long time attracted the attention of investigators.

Archeological investigations of these monuments were initially undertaken in 1886 by V.I. Sizov, who announced that the fortress walls were built at different times.In 1895 A.S. Bashkirov conducted minor archeological excavations and discovered the presence of three cultural layers from late antiquity to late middle ages.

In the 1950s on the site of the Sukhum Fortress, large-scale planned archeological works were conducted (Soloviev L.N., Trapsh M.M., Shervashidze L.A., Apakidze A.M., Lordkipanidze O.D.), as a result of which four cultural layers, from the epoch of early antiquity to late middle ages, were established (Trapsh M.M.,1963, pp. 238-250). In 1980 archeological investigations relating to the study of Sukhum Fortress were resumed. As a result of these investigations, a large amount of information was received relating to the archeology of late antiquity Sebastopolis and middle ages Sukhum. In 1988 the archeological expedition of the Abkhazian Institute of Scientific Research discovered the remains of an octagonal early-Christian church and a gravestone with a Greek inscription which read: “Here lies in peace Orest, warrior-legionnaire, in memory of whom we erected the church” (Khrushkova, 1995).

In 1999 an expedition from Abkhazian State University started large-scale investigations of one part of the Sukhum Fortress. During five years of archeological excavations, a large volume of very informative material from different epochs has been received, which has aroused considerable scientific interest.

The most important and interesting finding is a fragment of limestone slab, with an ancient Greek inscription devoted to praising a person who volunteered to accept the responsibility of fulfilling some important social occupation (Fig 1 – 2).

The inscription contains five lines, with the height of the letters approximately 17 mm. The characters are sufficiently symmetrical, and carved to keep the same interval between both letters and lines. Some letters are partially preserved, and require reconstruction.

Transliteration :

1]δαμ[
2](α)ναγασαστ(α)[ι][
3][α]ντιδιδωνου[
4](υ)ασενυμι(ω)[
5][α]νεμο[ς][

In the first line of the inscription, only three characters were wholly preserved, which are read as δαμ. The second of these, although without a *gasta,* should be equated with alpha, considering that a certain number of inscriptions on the stone are known in which the *gasta* of alpha is not carved.

If it could be suggested that the top line of the inscription was situated at the top border of the fragment, then the word δᾶμος (people) can be restored here. This is Dorian form, corresponding to Att. δήμος. In this case the whole first line can possibly be reconstructed as [τού]δάμ[ου ψάφισμα] (resolution of the people). This form can be found in some inscriptions originating in ancient Black Sea coastal regions. Another form is also possible: [ταύτ᾽ ἔδοξε βουλᾶι]δαμωι (thus resolved by the council and people).

The second line contains ten characters. The first and last undoubtedly represent alpha, although its gasta is not seen. The text of this line could be reconstructed as (α)ναγασαστ(α)[ι] and has as a basis the verb ἄγαμαι (to be delighted, to be in rapture). From this verb the aorist form ἀγασάμην and the aorist infinitive ἀγάσασται (to express delight, to praise) are created.

In the form αναγασασται it is possible to suggest either a combination of a lost word with ending – αν (possibly a verb, third person plural, aorist) and the above-mentioned verb –αν-ἀγάσασται, or to consider the verb ἀναγάσασται as formed with prefix ανα – (in front of vowels αν-), which has the meaning of strengthening and repeating.

In the third line, the first character has been lost, and has been restored as alpha. This gives the reading ἀντιδιδωνου, relating to the verb δίδωμι with prefix ἀντι-.

The verb ἀντιδιδωμι means “give instead, compensate, present for something”. With this verb the noun ἀντιδοσις is connected, literally “compensation”, under which is hidden the so-called antidosa i.e. the practice whereby a person if he is unable (because of expenditures beyond his capabilities) to fulfill any of his social obligations could suggest a choice to a wealthier citizen: either to take this obligation upon himself or to exchange properties. Expressions are known in connection with this practice: ἀντιδίδωμι οὐσίαν (to suggest an exchange of property (using antidosa)), ἀντιδίδωμι τριηραρχίαν (to compensate for the equipment of

a ship (triere) (using antidosa), and ὅικος τριηραρχων (a house which is obliged (according to its property status) to equip a triere).

It is difficult to say what kind of procedure existed at the period of creation of the inscription, but apparently here it means the taking upon himself by a person of some important social obligations (equipping trieres, placing a monument), which deserves great praise and delight. Out of context (the lost part of the line), the grammatical form is not completely clear[456].

In the fourth line of inscription, it is possible to pick out two words. Of one word, there is only a fragment – (υ)ασεν, which gives the possibility of restoring the word [κατεσκε](ύ)ασεν] – an aorist 3rd person singular, from the verb κατασκευάξω (to equip, to fit out, to erect). The use of this verb is known in such combinations as: κ῾τριήρεις (to equip trieres), κ῾ι῾ερόν (to erect a temple), κ῾πόλιν (to found a town), etc.

The verb κατασκευάξω is testified in epigraphy. In Apollonius' inscription, carved in a stone slab, this verb is used in the form of an aorist: κατασκευάσεν μνημεῖον (erected a monument) (Marek, 1977, pl. II, № 5). In the inscription of Agasigl from Hersones, this verb combines with the word φρουρά (guards, garrison): φρουράν κατασκενυάξαντι (equipped garrison) (Inscriptions …, № 418).

The second word in this line υμι – would be desirable to restore as ᾽υμῖν (you (object)), dative case of pronoun ᾽υμεῖς (you (subject)). However the remainder of the next character does not allow us to restore this character as η, and more obviously suggests ω. Because of the limited choice, we can only suggest the dialect form ᾽υμίων, which together with ᾽υμειων is found in inscriptions for the genitive case plural of the pronoun ᾽υμεῖις.

The fifth line preserved part of a word – νεμο-. The first and last letters of the word are missing, but there is some probability of recreating the word ᾽άνεμος (wind).

Proceeding from the above analysis, it is possible to suggest the following reconstruction of the inscription:

[456] Here we probably have a not completely competent attempt at the formation of a present participle in the form ᾽αντιδιδών (analogous with παιδεύων), instead of the expected ᾽αντιδιδούς. In this case, it is possible to restore this line as ᾽αντιδιδών ου[σίαν] (suggesting the exchange of property (using *antidosa*)).

1. [του] δάμ[ου ψάφισμα] [457]
2.](α)ν ’αγάσαστ(α)[ι][
3.][’α]ντιδίδων òυ[
4.] [κατεσκε(ύ)ασεν ύμί(ω)[ν] [τριήρεις] [
5.][α]νεμο[ς][

Translation:

1. [The resolution] of the people
2.]To express admiration[
3.]compensating[
4.]equipped (your?) [trieres][458]
5.](wind?)[

The position of characters on the fragment of the slab allows the suggestion that the inscription initially consisted of more than five lines. In any case, below the fifth line signatures to the resolution should be expected.

The characters of the inscription were drawn wildly and freely, but were kept in proportion. The height of the letters is about 17 mm, as is their width, and also the space between the lines. However, the height of the letters in the top line is 11 mm, which functionally highlights this line introducing the text of the resolution.

As for specialties in the forms of the characters, attention should firstly be paid to the italic forms of some letters. Sigma and epsilon have lunar shapes C and Є, as compared to the earlier Σ and E which are characteristic of Eshery inscription. (Kaukhchishvili, 1985, pp 210 – 220).

Omicron and theta are represented in circle shapes O and Θ and are almost equal to the height of the line, in comparison with earlier inscriptions where these characters are reasonably smaller than the rest. In this way, theta is drawn with a locked horizontal line Θ. Omega is presented in italic form ω. Vertical lines of M and N are

457 Having in the first line a Dorian form of the word δᾶμος, corresponding to Att. δήμος, we have a basis to also reconstruct the Dorian form ψάφισμα (Att. ψήφισμα).

458 For this line, variants can be suggested: “fitted out a garrison” (φρουράν); “founded a temple” (ιερον); “erected a monument” (μνημεῖον). These are all expressed by the verb κατασκευάξω.

equal, and equal to the height of the line. Alpha has an unbroken *gasta*, slightly tilted to the right A.

The characters of the inscription do not have serifs.

All of the above-mentioned features relating to the configurations of characters, as well as a number of other indications of style, are evidence that the inscription dates from the 2nd Century AD.

Thus the text is most likely an "honouring" inscription praising someone's merit. This type of inscription is widely represented in the ancient Black Sea coastal area, and refers to a genre of decrees.

In this inscription, the merit of a person is being praised, (his name has not been preserved), who fulfilled some important social deed. The approximate extent of such deeds is outlined by us. In this case, taking the opportunity to recreate the word "wind" in the last line, the most probable suggestion of a virtuous deed was the equipping of trieres.

The discovery of the inscription from the 2nd Century AD at the site of Sukhum Fortress, produced during the period of construction of the new town Sebastopolis, is evidence of the uninterrupted tradition of using the Greek language in ancient Abkhazian culture.

Резюме

В I веке до н.э. античный город Диоскуриада приходит в упадок. На ее развалинах римляне возводят город Себастополис.

На первом этапе им не удалось полностью вернуть Себастополису былую славу Диоскурии. Он представлял собой небольшой город с крепостными сооружениями. Но уже к III веку Себастополис становится крупным торгово-ремесленным центром Черноморского побережья Кавказа.

Самой значительной и интересной находкой последних лет является фрагмент известняковой плиты с древнегреческой надписью, представляющей собой «почетную» надпись о заслугах. Надпись содержит 5 достаточно симметричных строк, нанесенных с соблюдением интервалов между буквами и строками. Особенности конфигурации знаков, равно как и ряд других признаков стиля, свидетельствуют о датировке надписи II веком.

По всей видимости, в данной надписи восхваляется заслуга

человека, совершившего какое-то важное общественное деяние. А находка надписи II века на территории Себастополиса римской эпохи свидетельствует о непрерывной традиции использования греческого языка в культурном пространстве позднеантичной Абхазии.

The bibliography

Kaukhchishvili T. S. Greek inscription from Eshera site of an ancient settlement. // Source study research. Tbilisi, 1985.

Trapsh M. M. Excavations of ancient Sebastopolis in the area of Sukhum fortress in 1959. // Research papers of Abkhazian Institute. Vol. XXXIII. Sukhumi, 1963.

Trapsh M. M. Research papers. Vol. II. Ancient Sukhumi. Sukhumi, 1969.

Khrushkova L.G. New octagonal church in Sebastopolis in Abkhazia and its liturgy format. // Research papers of XVIII Congress of Byzantine scientists. St. Petersburg, 1995.

Inscriptions antique orae sertrionalis Ponti Euxini. Ed. D. Latyschev. Petropoli, 1916. Vol. 1.

Marek V. Greek and Latin Inscriptions on Stone. Praha, 1977.

Четвертый Евроазийский археологический конгресс. 1–5 октября 2012г. Агсу, Азербайджан.

Fig.1. Ancient Greek inscription. Figure

Fig.2. Ancient Greek inscription. Foto

THE GREEK COLONIZATION OF ABKHAZIA IN THE LIGHT OF NEW ARCHAEOLOGICAL DISCOVERIES (palaeogeographic, ecological and demographic situationinSukhum Bay)

Greek colonization of the eastern Black Sea coast, including what is now Abkhazia,poses difficult and disputatious questions; at the same time it is central to the history of the region. There is no common opinion about this process or character: the sources are scarce, there are various approaches to the theoretical aspect of the problem, as well as a varied understanding of Greek colonization as a whole, both its archaeological and topological aspects. There are two major schools of thought. According to the first, Greek settlements on the Colchiancoast part of the general process of so-called 'Great Greek colonization'. They are considered as typical Greek poleis, similar to those foundalongthe northern Black Sea coast. Supporters of the second school, insisting on the specific nature of the processes of Greek colonization, believe that Greeks did not bring to Colchis complexHellenistic forms of political and social organization, but settlements that were trading colonies and emporia. As for Abkhazia, Mikhail Trapsh believed that prior to the beginnings of Greek colonization, there already were handicraft-agricultural settlements of natives with a reasonably high level of development. In his opinion, on the basis of similar settlements, one suchlarge city-type centre could have beenformed on the cuspof the 2nd-1st-millennia BC in Sukhum Baywhere later Dioscurias would be established. The questions surrounding this have beendiscussed at great length.

In researching particularly the early stages of Greek colonization in a particular region,it is important to identify the paleogeography, demographic and ecological situation ofthe targeted territories, which would clearly influenced the duration and intensity of the process and the economic orientation, andpolitical and legal structuresof the colony.

In order to explore Greek colonisation in each concrete area, especially at its early stage, it is of importance to define the demographic situation in the areas colonized by Greeks. The demographic situation often influenced the course of colonization and

defined the economic orientation of the colonists in many aspects. A comparative study of the situation on the northern and eastern coasts of the Black Sea provided an interesting picture and, in many aspects, explained the diversified nature of Greek colonization and originality in individual areas.

So, the Dnieper-Bugarea, which became a place of one of the earliest and active colonising activity, was rather favourable for assimilation by Greeks as settled population almost completely lacked, and, from the very beginning, Greeks enjoyed the possibility of unrestricted use of land and development of agriculture. A similar situation contributed to mass colonization of the East Crimea and Taman Peninsula and rapid emergence of colonies, such as Pantikapeum, Nimphaeum, Theodossia, Myrmekius and others.

Different conditions featured the foundation of the Dorian-Herakleancolony of Chersonesus. Here, according to researchers, colonists used force to capture the territory and displaced or enslaved the aboriginal population.

Hereby almost all over the whole territory of the northern Black Sea coast, the demographic situation is characterised by nearly absolute absence of settled agricultural population and no significant political power at all.

A completely different situation is ascribed to Greek colonization of the eastern Black Sea coast, considers a Georgian scientist, O.D. Lordkipanidze (1990,22). Here, according to him, a continuous process of development of the local population is fixed, which formed an excellent material culture. Over the stretch of the seashore, the presence of the local population, producing activity alongside agriculture and crafts are fixed. Here, unlike the northern Black Sea coast, there is no wide-scale assimilation of land by Greeks and poleis with producing economy are organised.

Thereby an idea which has settled in literature holds that the aboriginal settlements found in the neighbourhood of Sukhum Bay, whose shores Dioscurias is located on, already in the pre-ancient period were marked for ‘a peculiarly noticeable concentration’ and forming into a large trade and craft city (Lordkipanidze 1975, 215). The consequent conclusion is that the Greek settlement in Dioscurias, allegedly, represented an emporium founded attached to a large local urban settlement at its primary stage.

In order to solve the issue of the demographic situation on the environs of Dioscurias, consideration has to be given to two details. The first is the cartographic one based on the comparison of data on the number of population on the environs of Sukhum Bay.The second detail derives from the calculation of the burials found by the present time on the environs of Sukhum Bay.

However, at the same time, researchers, employing these two arguments, come to opposite opinions. To counterbalance a large group of researchers, Y.N. Voronov thinks that in the middle of the 6th-5th centuries BC the number of aboriginal settlements on the environs of Sukhum Bay doubles, and this serious demographic move is considered to be a result of influence on the environment of the most ancient in this territory settlement of urban type – Dioscuriaswhich entered the stage of 'polis-chora'system of formation from the moment of its foundation.

Attempts to employ paleogeography and topographic facts in resolving historical and archaeological issues date back to the beginning of the 19th century. The first explorers of Greek cities on the Black Sea coast, I.A. Stempkovsky, A.A. Skalkovsky, P.V. Bekkerand others, pointed to the importance of exploring the dynamics of the changes of the seashore caused by the increase of the Black Sea level (Peters 1982, 15-17). Materials from geological and geographical investigation were gradually collected and used by archaeologists, and further works showed that a complex approach had returned tangible results in solving many historical and archaeological problems and pre-determined a wide use of palaeogeographic evidence in ancient archaeology (Agbunov 1987, 3-6).

According to many researchers, the sea level in the ancient period was lower than the current one – from 4-5 to 10 metres. P.V. Fiodorov (1982, 154), the founder of the doctrine on the changes of sea level, considers that the level rested at the mark of 5-7 metres. If following this standpoint, the seashore in the ancient period looked different in its detail, and not a single metre of the seashore has preserved its original shape. These changes, as a rule, are concluded in the rise of the sea over the shore. And in some places, in river deltas, for instance, a reverse phenomenon is observed – the shore displaces the sea. Particularly serious changes occurred in ancient deltas. Here, back in the Old Greek Period, river mouths

intermixed, some arms grew shallow and new appeared, and these changes of the shore caused serious consequences.

As it seems, one of the primary objectives of ancient archaeology should be connected with drawing a complete map of submerged cities. This will allow to trace back the sequence of assimilation of the Black Sea coast by Greek colonists as well as to solve a number of concrete historical and archaeological problems.

In many cases geographical changes have become the reason of a number of contradictions and discrepancies between ancient and modern authors' data. These discrepancies have long been explained to be mistakes of ancient authors, as a rule. As a result, the process of localisation of the cities mentioned by ancient authors has become complicated. This also points to the importance of a complex study of written, archaeological and paleogeography sources.

An opinion has developed in literature that 'the remains of the main part of the ancient city rest on the bed of Sukhum Bay, and on the territory of present-day Sukhum, only the boundaries of the city were located' (Trapsh 1969, 212). This opinion has been formed up in the last century based on visual observations over the regime of Sukhum Bay.

The very first account on the rise of sea in Sukhum Bay dates back only to the 17th century when an Italian missionary, ArkanjeloLamberti (1913, 129),made a remark in his notes that 'the fifth abbey was of Sebastopolis which is now engulfed by the sea'.

Interesting accounts on sea rise in the area of the Sukhum Fortress in the middle of the second half of the 19th century is contained in the works of V.I. Cherniavsky, R. Prendel, A.A. Miller and other researchers. In 1877, V.I. Cherniavsky (1889, 28) wrote that 'all the ruins that are now at the bottom of the bay have recently been sediments … The movement of the sea towards the shores happens very fast now … My eyes witnessed in 1867 a wide boulevard losing one half…'.In connection with this subject, A.A. Miller's account tells the following: 'gradual sinking of the shore can really be observed in Sukhum, and this fact can be considered established' (Miller 1909, 73).Thereby both Cherniavsky and Miller point to the existence of a rather wide sea line in front of the Sukhum fortress.

Several hypotheses exist with the help of which researchers at-

tempt, one way or another, to prove the localisation of the ruins of Dioscurias deep at the bottom of Sukhum Bay. The following are considered to be the reasons of the demise of the ancient city: a) hypogene-landslipping and hydroeustatic (increase of sea level) phenomena (V.I. Cherniavsky, V.A. Ivanitsky); b) massive fault(L.A. Shervashidze, L.N. Soloviov); c) alleged recent dislocation of the mouth of Gumista river and formation of Sukhum Bay on this basis (V.I. Cherniavsky, L.I. Soloviov, L.A. Shervashidze, M.M. Trapsh and others).

The landslide hypothesis recently touched upon in a number of special works finds no evidence (Lashkhia 1956, 21-28).

The defenders of the second hypothesis usually refer to the slope into the depth of the shore the northern walls of the first and third fortresses of Sebastopolis are situated on.However, according to Professor Y.N. Voronov (1980, 22), the fact that the western fortification has no slope should attest not to the general fault, but to purely local processes caused by the instability of the basements.

The third hypothesis rests on the idea expressed by V.I. Cherniavsky that in the ancient period eastern Gumista River fell into the sea in the area of present-day Sukhum Bay which presumably formed up only at the end of the new era. But, in accordance with materials possessed by archaeologists, Sukhum Bay formed up in the pre-historic period and the depth of the mouth of Gumista River in its by-mouth section indicates to its functioning in the modern bed for many hundreds of thousands years.

The flooding of ancient monuments on Sukhum Bay and its environs is as well linked to the latest tectonic developments – the sinking of the seashore and increase of the level of the Black Sea, which has become particularly noticeable in recent years. Nevertheless, as archaeological excavations show, ancient remains on Sukhum Bay are usually found at the depth of 5-10 metres. As for remains of the period of Dioscurias, they rest over blue clays whose level nowhere falls below sea level by more than 0.5 metres (Apakidze and Lordkipanidze 1963, 209-228).

Based on these considerations, Professor Y.N. Voronov (1980, 23) came to a conclusion that the roots of the destruction of Dioscurias-Sebastopolis should primarily be seen not in the sinking of the shore or increase of the sea level, but in the impact of the surf (abrasion).

All the mentioned points of view permit to agree with Professor Voronov that since the period of Dioscurias no significant changes in the configuration of Sukhum Bay have happened. The width of the line that the surf has torn off the land over the last two millennia does not exceed 100 metres. This line and its part occupied by ancient Dioscurias have completely and irrevocably perished. At the same time, very interesting materials concerning the part of Dioscurias that has not been washed away by waves yet are expecting scientists.

As the topography of the archaeological finds of the 5th-1st centuries BC shows, the main constructions of ancient Dioscurias were localised in an area situated to the west of the mouth of Basla River. It is here that probing worksnot once have helped ascertain the existence of a sufficiently powerful cultural layer with materials dating back to the epoch of Greek colonization.

In March 1977, during the construction of a concert hall, 150-200 metres away from the sea, bits of ancient black-lacquered dishes and other articles of the end of the 5th-3rd centuries BC were found. The most interesting is a terracotta statue of the ancient Greek Goddess of Fertility sitting on a throne. Similar statues were found during the excavations of other ancient cities of the Black Sea coast, but in Dioscurias such a find is the first one.

In the summer of 2002, while laying sewer pipes at the distance of 200 metres away from the sea, at the depth of over two metres, a solid cultural layer with black-lacquered dishes was found.

All these finds permit to outline the boundaries of the ancient city with sufficient precision and agree with Professor Y.N. Voronov's opinion that the main part of Dioscurias rests under present-day Sukhum and is waiting for its explorer.A major problem in the ancient history of Abkhazia is to obtain a full picture of the interaction between Greek and local cultural traditions. We hope that further archaeological research into the Greek-local settlements of Abkhazia will lead to discoveries of new data about the interpenetration of Greek civilization and the local cultural environment.

Пятый Черноморский античный конгресс.
17-23 сентября 2013г. Белград, Сербия

Резюме

Для изучения греческой колонизации в каждом конкретном регионе, особенно на начальном этапе колонизации, важное значение имеет определение демографической и экологической ситуаций в колонизуемых греками областях. Демографическая ситуация часто влияла на ход колонизации в каждом конкретном регионе, особенно на начальном этапе. В литературе укоренилась мысль, согласно которой поселения аборигенов, выявленные в окрестностях Сухумской бухты, на берегах которой локализуется Диоскуриада, еще в доантичный период отмечались «особенно заметной концентрацией» и уже складывались в крупный ремесленный и торговый город. В соответствии с этим делается вывод, что первоначально греческое поселение в Диоскуриаде представляло собой якобы эмпорий, основанный при крупном местном поселении городского типа.

Для исследования процесса греческой колонизации (особенно на ее раннем этапе) в отдельно взятом регионе большое значение имеют вопросы палеогеографии – реконструкции ландшафтно-геоморфологического облика территории. Попытки привлечения палеогеографических и топографических данных в решении историко-археологических вопросов относятся еще к началу XIX века, однако из-за недостаточной археологической и палеогеографической изученности побережья и дна Сухумской бухты большая часть этих вопросов продолжает оставаться открытой. Одна из первоочередных задач античной археологии должна быть связана с составлением полной карты затопленных объектов, что позволило бы проследить последовательность освоения греческими колонистами побережья, а также решить ряд конкретных историко-археологических вопросов.

Географические изменения во многих случаях стали причиной целого ряда противоречий, несоответствий между сведениями древних авторов и современными данными. Эти расхождения долгое время объяснялись, как правило, ошибками античных писателей. В результате значительно осложнилась работа по локализации указанных античными авторами городов. Поэтому столь важной представляется задача комплексного изучения письменных, археологических и палеогеографических источников.

Bibliography

Agbunov, M.V. 1987: 'Antichnaiya arkheologiya i paleogeografiya', Kratkie Soobshcheniya Instituta Arkheologii AkademiiNaukSSSR191 (Moskva).

Apakidze, A.M. i Lordkipanidze, O.D. 1963: 'Novie materiali po arkheologii Dioskurii-Sebastopolisa', Trudi Abkhazskogo institute yazika, literaturi i istori i imeni D.I. Gulia, tom 33-34 (Sukhumi).

Cherniavsky, V.I. 1889: 'Vostochnoe poberezhie Chernogo Morya. Arkheologicheskie ekskursii', Materiali po arkheologii Kavkaza tom 2 (Moskva).

Fiodorov, P.V. 1982: 'Posleledniкovay atransgressiya Chernogo Morya i problema izmeneniya urovnya okeana za poslednie 15 tisyach let' in Kolebaniya urovnya morei i okeanov za 15 tisyach let (Moskva).

Lamberti Arkanjelo. 1913: 'Opisanie Kolkhidi, nazivaemoi teper Mengreliei', Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza (Sankt Peterburg).

Lashkhia, S.V. 1956: 'O sovremennikh izmeneniyakh beregovoi linii Abkhazii', Izvestiya Akademii Nauk SSSR, Seriya Geologiya 12 (Moskva).

Lordkipanidze, O.D. 1975: Antichniimiri Vostochnoe Prichernomorie (Kolhida, Iberia) (Tbilisi).

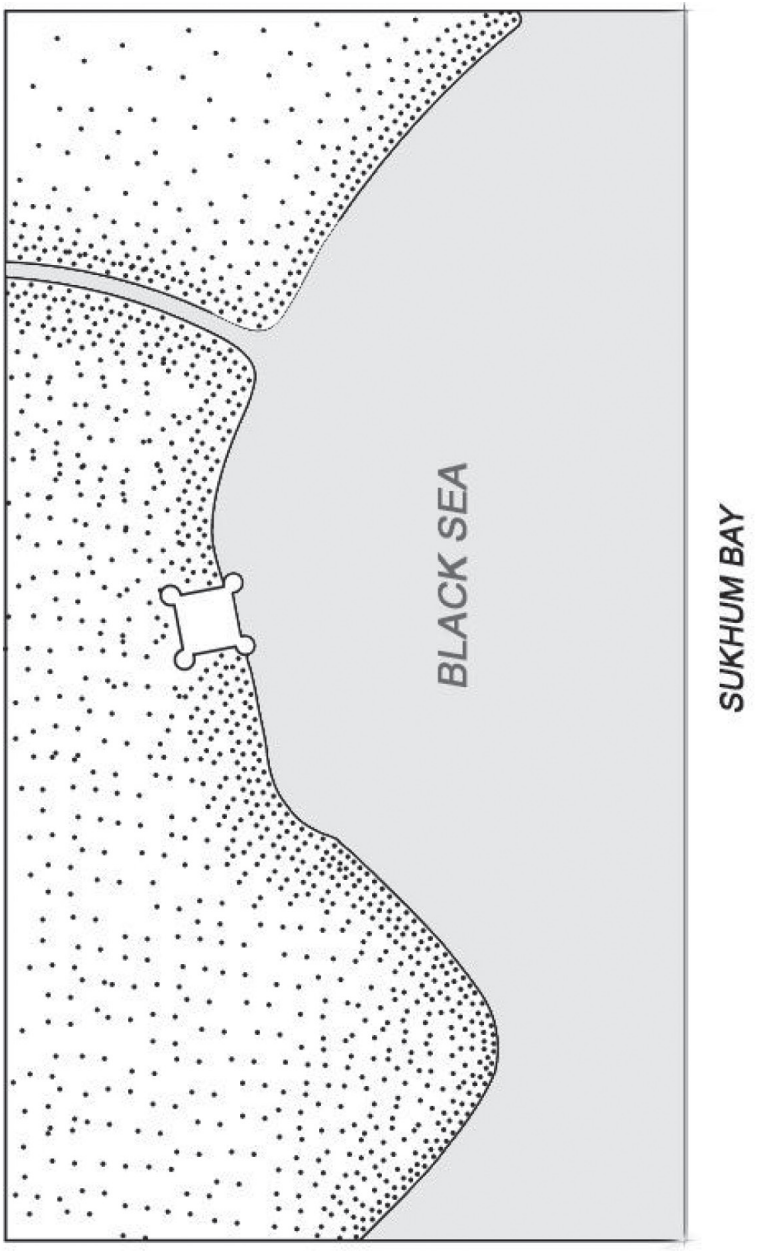
Lordkipanidze, O.D. 1990: 'Osnovnie problem drevnei istorii Prichernomoriya' in Pismennie istochniki i arkheologiya (Tbilisi).

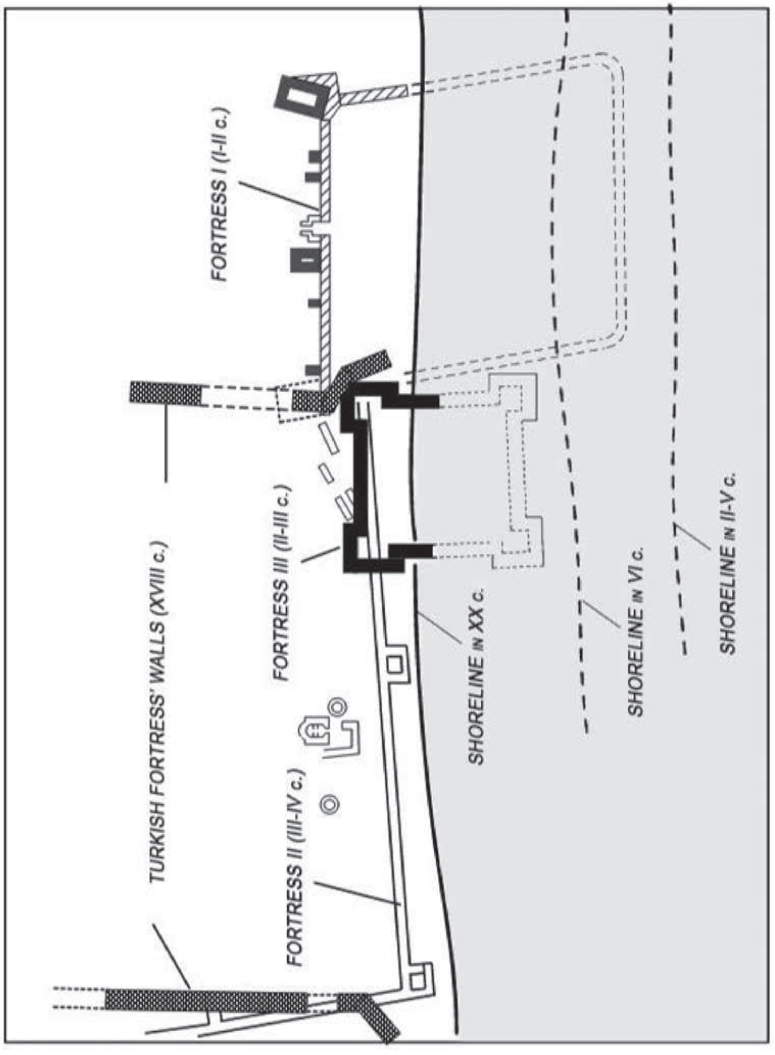
Miller, A.A. 1909: 'Razvedki na Chernomorskom poberezhii Kavkaza v 1907 godu', Izvestiya Arkheologicheskoi komissii 33 (Sankt Peterburg).

Peters, B.T. 1982: Morskoe delo v antichnikh gorodakh Severnogo Prichernomoriya (Moskva).

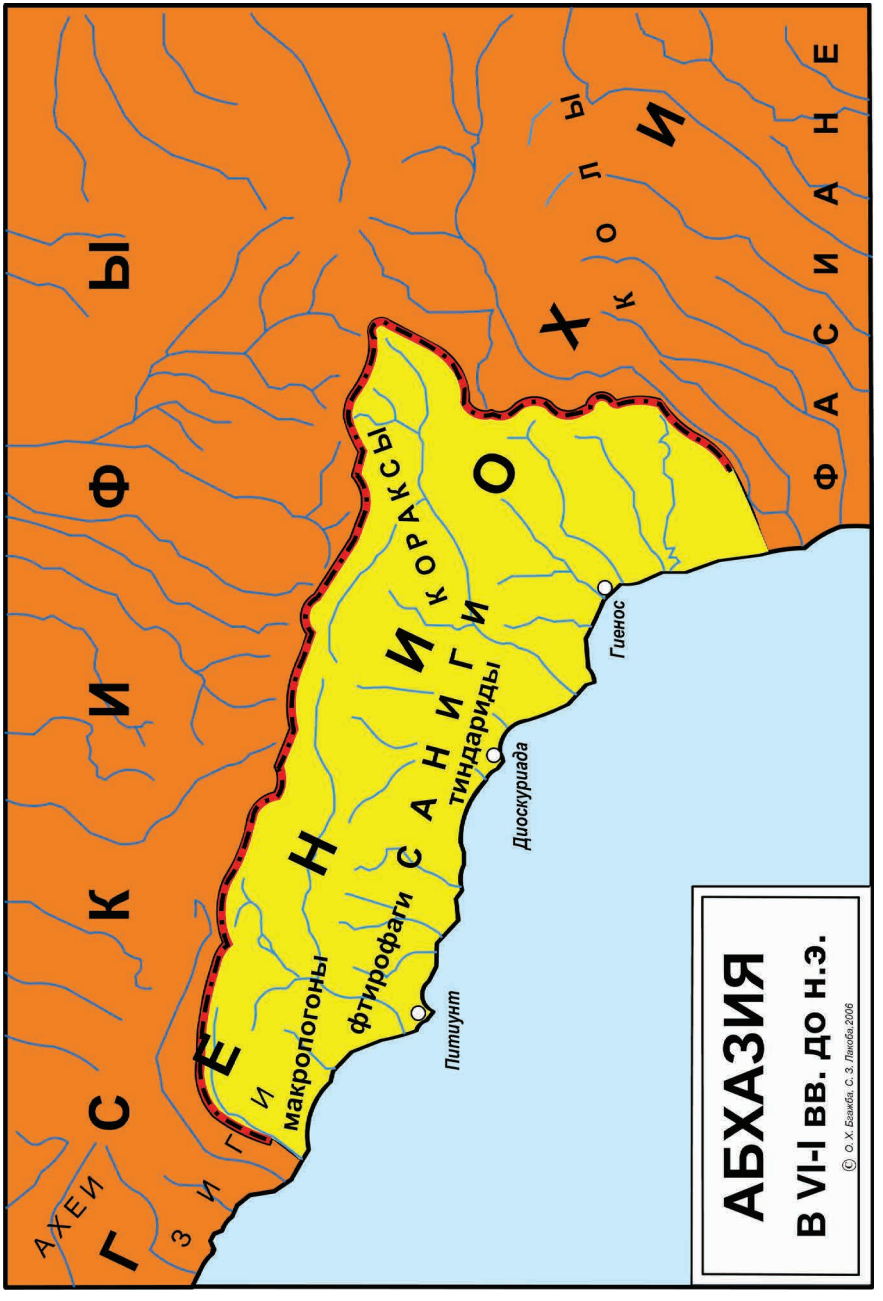
Trapsh, M.M. 1969: Drevnii Sukhumi, trudi, tom 2 (Sukhumi).

Voronov, Y.N. 1980: Dioskuriada-Sebastopolis-Tskhum (Moskva).

BLACK SEA
SUKHUM BAY

FORTIFICATIONS OF SEBASTOPOLIS ACCORDING YURI VORONOV

АБХАЗИЯ
В VI-I ВВ. ДО Н.Э.
© О.Х. Бгажба, С.З. Лакоба 2006
ФАСИАНЕ
ЛЫ
КОЛХИ
ЛЫ
ФИ
СКИ
ГЕ
АХЕИ
ЗИГИ
НИ
ОХ
САНИГИ
КОРАКСЫ
тиндариды
фтирофаги
макропогоны
Питиунт
Диоскуриада
Гиенос

Часть четвертая

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СУХУМСКОЙ КРЕПОСТИ В 1999–2004 гг.

Глава I
ПОЛЕВЫЕ ИЗЫСКАНИЯ (ОТЧЕТ О РАБОТАХ, ПРОВЕДЕННЫХ В 1999–2004 гг.)

Исследование памятников древнего Сухума продолжается уже второе столетие. Особое внимание среди них привлекает Сухумская крепость. Этот интерес объясняется тем, что здесь представлены материалы различных эпох истории Сухума.

Впервые археологические изыскания на этом памятнике были проведены в 1866 году В.И Сизовым[459] по поручению Московского археологического общества. На Сухумской набережной он заложил несколько траншей, подтвердивших наличие здесь культурных слоев античного времени. Тогда же была установлена разновременность стен Сухумской крепости.

В 1925 году в Сухуме Л.С. Башкиров провел небольшие археологические работы, в результате которых было установлено наличие на территории Сухумской крепости трех культурных напластований[460]:

1) слой турецкого времени (XVI–XVIII вв.), насыщенный обломками глиняной посуды, черепицей, водопроводными трубами и курительными трубками;
2) слой поливной керамики II–III вв. с разнообразными окраской и орнаментом;
3) слой римского времени II–IV вв. с многочисленной краснолаковой посудой.

С начала 30-х годов XX столетия на территории Сухумской крепости возобновляются систематические раскопки, в результате которых был получен многочисленный и интересный материал по археологии позднеантичного и средневекового Сухума и была установлена относительная стратиграфия памятника.

В 1952г., когда проводились строительные работы по благоустройству набережной, М.М Трапш выделил на данной территории небольшой участок с черепками чернолаковой посуды[461].

---

[459] **Сизов В.И.** Восточное побережье Черного моря. – МАК, вып. 2, М., 1989, стр. 13. (По Трапш М.М.)

[460] **Башкиров А.С.** Археологические изыскания в Абхазии летом 1925г. – ИАБНО, вып. 4, Сухуми, 1926г.

[461] **Трапш М.М.** Древний Сухуми. – Труды, том IV, Сухуми, 1969.

В конце 50-х гг. XX столетия на территории Сухумской крепости Абхазским НИИ были проведены крупномасштабные археологические работы, в результате которых было установлено наличие четырех культурных напластований с эпохи ранней античности до позднего средневековья. Эти работы дали возможность установить особенности конструкции разновременных оборонительных сооружений. А подводные исследования позволили выявить наличие на дне Сухумской бухты развалин древнего Себастополиса, построенного, в свою очередь, на развалинах античной Диоскурии[462].

Особый интерес вызвали археологические работы Центра археологических исследований АН Грузии под руководством А.М. Апакидзе, когда удалось вскрыть, правда, на небольшой площади, слой раннеантичной эпохи, т. е. периода Диоскурии.

В 1980 году экспедиция Абхазского НИИ под руководством М.М. Гунба приступила к изучению одного из участков Сухумской крепости. В результате работ удалось исследовать сильно потревоженный слой. В 1983 году там же работала совместная археологическая экспедиция Абхазского института и Абхазского государственного музея под руководством М.М Гунба и М.К. Хотелашвили. Работы были сосредоточены на небольшой территории, в северо-восточном углу. Они продолжались в 1985 году. В результате был получен многочисленный и интересный материал, в том числе клад золотых монет турецкой чеканки[463].

В 1987г. раскопки Сухумской крепости вновь продолжились. На этот раз раскоп был заложен на участке, который ранее не исследовался – близ набережной. Раскопки проводила экспедиция Абхазского НИИ в составе М.М.Гунба, Л.Г. Хрушковой, Б.С. Кобахия В результате в юго-западной части раскопа был вскрыт банный комплекс, а также собран многообразный археологический материал различных эпох. Особенно интересные результаты были получены во время работ, проведенных в 1988–90-х гг.,

[462] **Трапш М.М.** Раскопки древнего Себастополиса в районе Сухумской крепости в 1956г. – Труды АБИЯЛИ, том XXXIII–XXXIV, Сухуми, 1963; **АпакидзеА.М., Лордкипанидзе О.Д.** Новые материалы по археологии Диоскурии – Себастополиса. – Труды АБИЯЛИ, т. XXXIV, Сухуми, 1963; **Шервашидзе Л.А., Соловьев Л.И.** Исследование древнего Себастополиса. – СА, №3, 1960; **Леквинадзе В.А.** Оборонительные сооружения Себастополиса. – СА, № 1, 1966.

[463] **ГунбаМ.М., Хотелашвили М.К.** Краткий отчет об археологических раскопках в Сухуми. Археологические открытия 1983 г. в Абхазии, 1987.

когда были открыты остатки раннехристианской октогональной церкви V века. Тогда же здесь была найдена надгробная стела с греческой надписью[464].

Работы на территории Сухумской крепости были прерваны войной 1992–93 гг., а материалы последних лет, хранившиеся там же, были утрачены.

В 2001 году совместная экспедиция Абхазского института гуманитарных исследований Академии наук Абхазии и Института Археологии АН РФ начала свои исследования в центральной части Сухумской крепости (руководители работ – Д.С. Бжания, Ю.В. Горлов). Был заложен раскоп площадью 150 кв. м. В результате нескольких полевых сезонов были выявлены строительные остатки различных эпох. Наиболее интересным является раннехристианская базилика, изучение которой продолжается.

С 1999 г. археологическая экспедиция Абхазского государственного университета ведет раскопки одного из участков Сухумской крепости. Целью настоящего раздела является введение в научный оборот материалов раскопок четырех полевых сезонов.

1. Исследования 1999 года

Раскоп (№ I). Был заложен в восточной части, в 20м. от парапета набережной и имел размеры 20м х 10м; ориентирован по сторонам горизонта, разбит на двухметровые квадраты и пронумерован (50). Отсчет квадратов ведется с северо-западного угла. Раскоп разделен бровкой по направлению «запад–восток» шириною в 50см. Площадь раскопа в недавнем прошлом – дворик детского сада; территория была обустроена всевозможными постройками, изрыта ямами, а затем завалена современным мусором. Перед закладкой раскопа площадка была расчищена экскаватором, затем пронивелирована. Составлен план на миллиметровке в масштабе 1:20 с соответствующими данными нивелированных точек (табл. 1).

Слой I

Пласт 1. Верхний культурный слой, представляющий собой темный гумус, перегной, местами песок с мелким гравием,

[464] **Хрушкова Л.Г.** Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М., 2002.

оказался сильно нарушенным. Слой повсеместно содержит большое количество фрагментов керамики. В некоторых местах наблюдается их скопление – это в большей части столовая, кухонная и тарная посуда. Так как слой сильно перемешан, то в верхних горизонтах встречаются также керамические фрагменты, характерные для последующего слоя (поливная керамика, венчики пифосов и фрагменты днищ всевозможных амфор).

С самого начала вскрытия пласта встречались отдельные камни разных размеров и конфигурации. Они аналогичны тем, из которых построены стены Сухумской крепости, – это гранитные валуны, иногда подтесанные. По всей видимости, при последующем обустройстве территории крепости материалом послужили камни, отвалившиеся от стен (табл. II).

По мере расчистки на уровне верхнего пласта обозначились остатки фундаментов, которые по мере углубления принимали четкое архитектурное оформление.

В северной части раскопа на глубине 20–25см от поверхности была выявлена выкладка – фундамент из крупных валунов; расчищен угол фундамента с двумя сторонами: северо-западной, длиной 3м 55см и шириной 60см; северо-восточной, длиной в 4м и такой же ширины; заканчивается завалом камней. По всей видимости, перед нами остатки фундамента (насухо сложенного) помещения №1, возможно, деревянного, позднейшего периода существования Сухумской крепости. Археологический материал однороден: фрагменты стенок пифосов, горшков и мисок. Какого-либо темного пятна, характерного обычно для жилищ, не обнаружено. Таким образом, в этой части раскопа расчищена часть фундамента помещения неправильной прямоугольной формы (табл. II).

Остатки следующего помещения №2 (табл. II), по всей видимости, также деревянного, расчищены в центральной части, у восточной стены. Сохранился фундамент (насухо сложенный) юго-западной стены; его южная стена (фундамент) уходит в восточную стенку раскопа. Площадь помещения усеяна фрагментами керамических сосудов, в большей части представляющих собой позднесредневековую керамику. В его северной части расчищены ямки из-под столбов. С юго-западной стороны фун-

дамента расчищено «темное пятно» с большим скоплением керамики; здесь же угольки.

Помещение № 3 (табл. II) расчищено в центральной части раскопа; сохранился фундамент почти трех стен. Это довольно большое помещение прямоугольной формы. Сохранившиеся стены следующих размеров: южный фундамент – 6м 25см; северо-восточный – 8м 25см; северо-западный – 5м 75см. По всей площади помещения разбросаны камни. В юго-восточном углу отмечен полукруг каменной выкладки. На линии квадратов №43, №48 зафиксирована вымостка из керамических плиток, уложенных на известковом растворе диаметром в 1 метр. Для хронологического определения этого помещения, да и других построек пласта №1, несмотря на переотложенность культурных напластований, важное значение имеют археологические материалы. Это, во-первых, пушечные ядра, турецкие курительные трубки – набор, дающий возможность отнести данные помещения ко времени дислокации турецкого и русского гарнизонов.

Пласт №2 (табл. III). Этот пласт по своей структуре ничем не

Рис. 8. Пифос позднесредневекового времени из Сухумской крепости

отличается от предыдущего. От верхнего пласта после зачистки остались остатки фундамента юго-восточной стены третьего помещения и остатки первого помещения.

К югу от стенки в центре квадрата №49 на глубине 60см от поверхности открылась верхняя часть большого пифоса, вкопанного в нижележащий культурный слой. Венчик пифоса отбит и заполнен обильно гумусированным грунтом. По фактуре и форме пифос позднесредневекового времени (рис. 8).

В юго-западном углу на глубине 40–45см от поверхности зафиксирована каменная кладка на известковом растворе, по мере зачистки на уровне второго пласта принявшая правильную округлую форму. С наружной стороны яма-колодец была обложена рваным камнем; внутренняя часть колодца облицована более мелкими валунами и приняла довольно правильную форму. Диаметр колодца – 70см. Был заполнен обильно гумусированным грунтом. В заполнении встречался материал, характерный для данного пласта культурного слоя; здесь, что интересно, найдены обломки водопроводных труб (табл. III).

В квадрате № 37 расчищен навал камней в виде полукруга, где и найдена турецкая монета предположительно конца XVI века (определение С.М. Шамба).

В северной части раскопа расчищены многочисленные выкладки, в том числе перешедший с верхнего пласта фундамент помещения № I.

О хронологической принадлежности пласта говорит многочисленный археологический материал: позднесредневековая глиняная посуда, турецкие курительные трубки (табл. V) и наконец, серебряная монета XVI века.

По совокупности археологического материала верхний культурный слой предварительно можно отнести к позднесредневековой эпохе, т.е. к этапу присутствия на территории крепости турецкого гарнизона. Часть археологического материала свидетельствует о наличии здесь следов первых русских военных гарнизонов.

Слой II

Пласт 1. Второй культурный слой по структуре представляет собой обильно гумусированный грунт; иногда в местах насыще-

Рис. 9. Турецкие курительные трубки

ния фрагментами глиняных сосудов он переходит в коричневый цвет. В заполнении пласта в большом количестве обнаружены фрагменты керамических сосудов; в основном это краснолаковая керамика и амфоры, различные как по форме, так и по составу глины.

Примерно на глубине 50–60см от поверхности в южной части раскопа оконтурились фундаменты новых помещений (табл. IV). Первыми удалось расчистить по направлению «юг–север» по западной стенке раскопа остатки фундамента длинной стены. Остальные же два помещения были пристроены к этой стене. После того как был снят пласт мощностью 25–35см, были оголены фундаменты двух помещений, полностью расчищенных позже, во время снятия второго пласта. На глубине примерно в 1м от поверхности зафиксирован пол, представлявший собой утрамбованную землю, покрытый слабой цемянкой; местами это покрытие не улавливается. Пол был покрыт толстым слоем битой черепицы (20–25см) и керамики, а также обгоревшими дотла деревянными конструкциями; иногда удается проследить следы пожарищ и недогоревшие плахи. Такая же картина прослежена в обоих расчищенных помещениях. По всей видимости, эти помещения сгорели при большом пожаре. Аналогичная ситуация (следы пожара) наблюдается за северной стенкой помещения в квадрате №52.

У восточной стенки первого помещения под полом жилища был обнаружен развал амфоры с перехватом (табл. XXXVIII). В помещении № I найдены 3 монеты: одна из них (№9) медная, малого номинала, плохой сохранности; вторая – времен Византийского императора Тиберия Тибериуса (не позже 602г.), а третья монета найдена в толще пола помещения эпохи Юстиниана (527г.). Еще три монеты найдены в пределах помещения №2. Монета №3 серебряная, обнаружена на глубине около 1 м в квадрате № 38, а рядом с ней турецкая курительная трубка. Монета №4 – эпохи Юстиниана I (527г.). Монета №5 – также эпохи Юстиниана I (номинал – 5 нумий). Две монеты найдены за пределами помещения №2. Одна из них – фоллис, чеканенная в Константинополе. Вторая монета №6 – Боспорская, эпохи Котиса I (45–62гг.), – самая ранняя из всех монет нынешнего сезона. Рядом с монетой найден кувшин с зеленой поливой (рис. 10). Характеризующим материалом этого пласта может служить также краснолаковая посуда.

На уровне данного пласта в средневековое время этот культурный слой в некоторых квадратах частично нарушен, о чем свидетельствуют, в частности, погребения. Одно из них расчищено на глубине 1м 30см от поверхности у восточной стенки раскопа в квадрате №45; оно уходило в стену – и пришлось сделать прирезку. Другое захоронение обнаружено под полом помещения №1 в юго-западном углу в квадратах №41, №42. Захоронения не имели выраженных ям, костяки лежали на спине вытянуто головой на запад, руки были сложены на груди или на животе, т.е. по христианскому обряду. Оба захоронения безинвентарные. Судя по тому,

Рис. 10. Кувшин с зеленой поливой

что захоронения были впущены в культурный слой (V–VI вв. н.э.), погребения могут быть датированы временем не раньше VII–VIII вв.

Пласт 2. Второй культурный пласт, залегающий под предыдущим первым пластом, представляет темный гумус; иногда имеет темно-серый цвет, а в местах насыщения керамикой – темно-коричневый. Мощность его достигает 35–40см. Этот пласт также насыщен многочисленными культурными остатками. Массово представлена глиняная посуда в виде обломков пифосов, горшков, краснолаковой керамики, амфор (местного и импортного происхождения), лутериев и т.д.

На уровне этого пласта окончательное архитектурное оформление получили остатки фундаментов помещений, вскрытые в верхнем (1) пласте. Это, по крайней мере, остатки четырех помещений.

Именно при расчистке этих четырех помещений в основном был затронут второй пласт. Фундаменты помещений выложены булыжными камнями на обильном растворе. По всей видимости, все четыре помещения относятся к одному комплексу. Это подтверждается тем, что они отходят от одной общей стены по западной стенке раскопа, расчищенная часть которого составляет 10м 50см. Первое помещение, имеющее форму правильного прямоугольника, находилось у стены (табл. IV). Размеры по внутренней части фундамента южной стены – 3м 40см, западной – 3м 50см, северной – 3м 40см, восточной – 3м 10см. Помещение имело два проема: один у южного фундамента шириной 70 см, второй у северного фундамента шириною 1м 20см. Толщина фундамента 60см,

Рис. 11. Краснолаковые кувшины

высота сохранившейся части фундамента – 70–90см. Именно это помещение было расчищено до глубины около 3м от поверхности несколькими горизонтами. Первый горизонт мощностью 30см дал однородный материал, в основном фрагменты амфор, краснолаковой посуды, лутериев; здесь же было обнаружено первое захоронение, описанное выше. Второй горизонт мощностью 35см на глубине 2м – 2м 35см также изобиловал керамическим материалом; это фрагменты горлышек краснолаковых кувшинов (рис. 11), днища амфор и фрагменты горшков. На этом уровне обнаружено погребение. Могильная яма не улавливается, костяк лежал головой на северо-запад, руки были сложены на животе без инвентаря. Третий горизонт мощностью 30 см начинался на глубине 2м 35см. По всей площади помещения встречается керамика различных типов и форм. Это краснолаковая керамика, лак которой переходит в темно-оранжевый цвет; днища и верхние части амфор, горшки, фрагменты узкогорлых кувшинчиков. Грунт этого горизонта насыщен гумусом, иногда доходит до черного цвета. Четвертый горизонт оказался самым насыщенным как по количеству, так и по разнообразию. В квадрате №37 в северо-восточном углу помещения было зафиксировано скопление крупных булыжных камней, среди которых встречались и известняковые. При разборке этого завала камней на линии пересечения квадратов №36 и №37 найдены два известняковых камня с плоской поверхностью. На одном из них обнаружена надпись на древнегреческом языке из пяти строк, в которой около 35 хорошо различимых буквенных знаков. Размеры сохранившейся части стены таковы: высота – 19см, максимальная ширина – 21см, толщина – 10см. Поверхность камня тщательно обработана (отполированная штукатурка?). По предварительным данным проф. Ю.Г. Виноградова, по начертанию букв, т.е. по палеографии текста, надпись предварительно можно отнести к дохристианскому периоду. Этому не противоречит и археологический материал, найденный здесь. Именно в данном горизонте найдены фрагмент чернолаковой чаши и флакон эллинистической эпохи.

Зачистка следующего горизонта была начата со стороны южной стенки, но из-за интенсивного поступления грунтовых вод в этом сезоне работы не удалось продолжить. Но вместе с тем

получен интересный археологический материал, в котором особо можно выделить амфоры, хронологически относимые к рубежу нашей эры.

Помещение №2 (табл. IV) находится к востоку от первого, имея одну общую стену; представляет собой неправильный прямоугольник. Размеры: фундамент западной стены – 3м 20см, южной стены – 2м 50см, восточной стены 3м 40см, северной стены – 2м 60см. Дверных проемов нами не зафиксировано. Это помещение расчищено до глубины 2м от поверхности, т.е. на уровне пласта №2 второго культурного слоя. В северной части помещения расчищен навал булыжных камней, очевидно, свалившихся с фундаментов.

Археологический материал, найденный на площади этого помещения, перекликается с тем, который обнаружен в соседнем помещении. Это в основном фрагменты различных амфор, горшков, краснолаковой посуды, подробный анализ которых позволит установить хронологическое положение слоя.

К северу от этого помещения расчищено следующее помещение (табл. IV), по счету третье. Это помещение почти таких же размеров и формы, как предыдущее.

Помещение №4 (табл. IV) расчищено к западу от третьего, почти квадратной формы, площадью около 10 кв.м. У южной стенки помещения зафиксирован фрагмент пола с остатками свалившейся в результате пожара крыши; здесь же найдены многочисленные фрагменты и целые горловины амфор раннесредневековой эпохи. На пересечении линии квадратов №27, №32 зачищен круг из плоских булыжников диаметром около 1см. Функциональное значение круга остается загадкой.

Именно напластования этого культурного слоя были нарушены детскими (младенческими – по определению П.К. Квициния) захоронениями (из пяти раскопанных в этом полевом сезоне).

Два из них были совершены в амфорах и обнаружены в северо-западном углу помещения на глубине 1,6–1,7см от поверхности (табл. VI). Единичные остатки костяка погребения №1 находились под обломками амфоры колхидского типа (с перехватом) раннесредневековой эпохи. Другое захоронение

Рис. 12. Погребения №3, №4

(№2) было совершено рядом с первым также в амфоре такого же типа, верхняя часть которого была отбита. Оба захоронения были безинвентарными.

Следующие два погребения были обнаружены в квадрате №22 (табл. VII). Одно из них (№3) было выполнено на керамической плите (кирпич-плинф) под обломками тонкостенной, круглодонной, бороздчатой амфоры (рис 12). Этот тип амфор имел широкое распространение в Причерноморье, начиная с VI в. Под расколотой амфорой находились отдельные фрагменты костей очень плохой сохранности. Другое захоронение (№4) было совершено под третьим в керамическом ящике. Ящик – погребальная камера из двух вертикально поставленных плит, закрытая сверху третьей, и с двумя половинками по торцам. Размеры ящика-камеры таковы: длина – 60см, ширина – 25см, глубина 25см (рис. 13).

Вокруг этих погребений были обнаружены многочисленные фрагменты керамических сосудов, среди которых присутствует фрагмент – верхняя часть амфоры, по всей видимости, с перехватом. Здесь также заметны следы пожара, где и найдены остатки обгоревших деревянных брусков в виде креста.

Рис. 13. Ящик – погребальная камера

Другое по счету пятое детское захоронение № 5 обнаружено на линии пересечения квадратов №23, №24. Оно было совершено также в погребальной камере-ящике таких же размеров, как и предыдущее. Интересным является то, что оба этих погребальных захоронения совершены в специально для этого предназначенных помещениях (табл. VI) – пристройках к тем помещениям, которые были исследованы раньше (рис. 14).

Итак, в этой части раскопа исследовано 5 детских захоронений; все они безинвентарные и, по определению антрополога П.К. Квициния, младенческие. К сожалению, погребения не сопровождались какими-либо датирующимися материалами, помимо амфор и плинф (кирпичей), используемых в качестве урн. Первые две амфоры относятся к типу колхидских – с перехватом в средней части тулова, коническим дном, и датируются широким диапазоном эпохи раннего средневековья. Другая амфора (погребение №3) – круглодонная, бороздчатая; встречается в Причерноморье с VI в.

Таким образом, в результате раскопок 1999 года удалось расчистить заполнение двух культурных напластований. Первый слой суммарно относится к этапу позднего средневековья. Второй по археологическим материалам можно отнести к III–VI

Рис. 14. Погребение №5

вв. Получен огромный по количеству и интересный археологический материал. Найденные здесь монеты свидетельствуют о широких торговых экономических связях Себастополиса с внешним миром. Наиболее интересной находкой данного полевого сезона является фрагмент плиты из местного известняка с греческой надписью.

2. Исследования 2000 года

В 2000 году археологическая экспедиция Абхазского государственного университета продолжила раскопки на территории Сухумской крепости.

В прошлом полевом сезоне в общем были вскрыты два культурных напластования, одно из которых было отнесено к позднесредневековому периоду с его позднейшими постройками. С этим хронологическим предположением согласуются и материалы, найденные здесь. Второй слой, отнесенный нами к эпохе раннего средневековья, изобилует древними находками, и именно в этом слое найдены и монументальные сооружения времени Юстиниана.

Рис. 15. Колхидская амфора с ребром под венчиком

Следуя принципу зачистки культурного слоя по пластам (как и в прошлом полевом сезоне), мы начали расчистку и углубления на площади помещения №2. Слой насыщен большим количеством археологического материала, в основном представленного керамическими находками. Среди них надо отметить амфоры различных форм, краснолаковую керамику, горшки местного производства. По всей площади разбросаны валуны со следами известкового раствора, и вообще весь грунт обильно содержит известь.

На глубине 2м 20см от поверхности, по направлению с юго-востока на северо-запад, зафиксирована полоса концентрирования известкового раствора шириною 50–55см, мощностью 15–20см.

В северо-восточном углу зачищаемой площади была зафиксирована вымостка из известкового раствора вперемешку с битой керамикой и черепицей. Там же у стенки найден жернов в одном экземпляре. В юго-восточной части данной площади на глубине 2м 40см от поверхности найдена фибула, характерная для первых веков нашей эры (табл. XIII,22) Расчистка площади доведена до глубины 2м 50см. Материал, найденный здесь, однообразен и в целом относится к рубежу нашей эры. Это в основном амфоры; самыми ранними являются фрагменты с ребром под венчиком (рис. 15.).

Затем была продолжена зачистка помещения №1, т.е. площадки, оконтуренной фундаментом поздней постройки (VI в.), а расчищаемый участок относится к более ранней эпохе. Слой насыщен обильным известковым раствором. Надо отметить, что находок на этом уровне (3 м от поверхности) мало, а най-

денные материалы свидетельствуют, что мы дошли до уровня рубежа нашей эры.

Как было сказано выше, в прошлом сезоне нами в общем было вскрыто два культурных слоя, примерно мощностью 1м 50см. Следующий слой, по счету третий, начали снимать с северо-восточного угла раскапываемой части раскопа. Именно эта часть раскопа свободна от построек. Слой расчищался пластами мощностью 30–35см. Он представлял собой гумус темного цвета, переходящий в черный мелко-комковатый грунт.

В северо-восточной части раскапываемой площади, в квадрате №25, еще в 1999 было замечено скопление керамики, камней-булыжников и обожженной глины. На первый взгляд предполагалось наличие здесь остатков гончарной печи, но дальнейшая зачистка не подтвердила это предположение. Здесь найдено большое количество фрагментов амфор разнообразных типов, фрагменты горшков и единичные фрагменты краснолаковой посуды. Среди камней со следами известкового раствора найден развал амфоры большого размера, вернее, ее верхней части с граффити; процарапано несколько греческих буквенных знаков (табл.XVII).

Рис. 16. Флаконы-кубки

На площади квадрата №30 обнаружено погребение на глубине 1м 70см (табл. VIII). Погребение выполнено на спине и не сопровождалось инвентарем. Здесь слой насыщен многочисленным материалом. Это два костяных стилоса в хорошей сохранности (табл. VIII, 10, 11), флакон-кубок, изготовленный из местного материала – глины красного цвета с содержанием мелкого песка; кружка, изготовленная из хорошо отмученной глины, приземистой формы, хорошо обожженная (рис. 16).

На площади квадрата №24 в большом количестве найдены фрагменты керамики. Это, в первую очередь, амфоры различных форм, центров и техники изготовления. Обнаружен развал амфоры с перехватом ранних форм (четко очерчивается линия перехвата). Интересным здесь является скопление фрагментов лутериев, один из которых восстанавливается полностью (рис. 17). Важно одно наблюдение: среди большого количества керамики уже редки фрагменты краснолаковой посуды, что говорит о хронологическом положении данного культурного слоя.

Рис. 17. Лутерий

В северо-западном углу квадрата №33, на глубине 2м, найден глиняный светильник со сквозным отверстием в верхней части для наливания масла и с носиком со следами нагара, копоти (рис. 18). В большом количестве встречаются фрагменты черепиц, калиптеров и кирпичи.

В квадрате №31 зафиксировано скопление керамики различных типов: амфоры, горлышко краснолакового кувшина; здесь же найден и глиняный светильник, аналогичный тому, который был найден в квадрате №33. В квадрате №22 обнаружена бронзовая подвеска-серьга (табл. VIII, 23), бронзовая цепочка, маленький предмет в виде якоря из светлого металла, вероятно, серебра (табл. VIII, 23).

Рис. 18. Глиняный светильник

Таким образом, мы сняли пласт 1 слоя III мощностью примерно 45–50см и довели до глубины 2м от поверхности.

Следующий пласт мощностью 30–35см также представлял собой гумусированный, переходящий в темный цвет грунт. Пласт содержит сравнительно меньше древних находок, хотя почти по всей площади мы находим фрагменты керамических сосудов. В квадрате №22 найден небольшой кубок, изготовленный из глины красновато-оранжевого цвета.

В квадрате №23, на глубине 2м 25см, найден образец местной лепной антропоморфной пластики – лепная статуэтка (изображение головы человека с длинной шеей). Статуэтка изготовлена из глины с содержанием крупного песка, после обжига принявшей красный цвет. Черты лица у статуэтки довольно схематичны: большой нос, оканчивающийся книзу треугольным срезом; брови оформлены высоко поднятыми дуговидными вдавлениями. Глаза показаны вдавлениями. Статуэтка имеет непропорционально вытянутую шею высотою 10см (рис 19). Лицо довольно реалистически передает тип местно-

Рис. 19. Антропоморфная статуэтка

го жителя: узкие скулы, длинный и прямой нос. Возможно, это изображение местного жреца.

Таким образом, в этом полевом сезоне в отдельных частях раскопа расчищен следующий культурный слой, по счету третий, предварительно датируемый с конца III по II–I в. до н.э.

3. Исследования 2003 года

В 2003 году археологическая экспедиция Абхазского государственного университета продолжила раскопки на территории Сухумской крепости. В прошлых полевых сезонах в южной части раскопа были вскрыты и частично изучены три культурных напластования, одно из которых было отнесено к позднесредневековому периоду с его позднейшими постройками; с этим хронологическим предположением согласуются и материалы, найденные здесь. Следующий слой, отнесенный нами к эпохе раннего средневековья, изобилует древними находками; именно здесь найдены монументальные сооружения времени Юстиниана (рис. 20). Слой, расчищенный в отдельных частях

Рис. 20. Фундаменты жилых сооружений

раскопа, датируется концом дохристового летоисчисления.

В этом полевом сезоне (2003г.) экспедиция начала расчистку северной части раскопа (кв. №№1–20). В этой части раскопа, как и в других, верхний слой представлял собой темный гумус, перегной, местами песок с мелким гравием; как правило, сильно потревожен. Слой повсеместно содержит большое количество фрагментов разнообразных керамических сосудов, а в некоторых местах наблюдается их скопление; это – столовая, кухонная и тарная посуда. Среди этой керамики иногда встречаются фрагменты сосудов, характерных для последующего слоя (поливная керамика, части днищ всевозможных амфор), что свидетельствует о перемещении верхних слоев. Здесь же были расчищены остатки выкладок – фундаментов из крупных валунов позднейших построений (см. отчет за прошлые годы). По археологическому материалу верхнего культурного слоя (позднесредневековая глиняная посуда, турецкие трубки для курения, монеты) он датируется позднесредневековой эпохой, т. е. этапом присутствия на территории крепости турецкого, а затем русского гарнизонов.

Слой II

Пласт 1. Этот культурный слой представляет собой сильно гумусированный, насыщенный многочисленными обломками керамических изделий грунт; а в местах насыщения обломками глиняных сосудов и кусками обожженной глины грунт принимает коричневый цвет, как было на площади квадрата №20 (кстати, такая насыщенность здесь и около наблюдалась и прошлом полевом сезоне в верхних пластах). В заполнении пласта в большом количестве обнаружены фрагменты керамических сосудов, среди которых: пифосы, поливная керамика, частично – краснолаковая посуда. А наличие здесь же обломков амфор ранних форм свидетельствует о перемешении пластов.

В ходе раскопок пласта начали вскрываться скопления отдельных камней с известковым раствором, а по мере углубления удалось их оконтурить. Так, на глубине 1м – 1м 0,8см наметился ряд камней, и уже после расчистки оказалось, что это продолжение той «длинной» стены, к которой были пристроены исследованные в прошлом полевом сезоне помещения по направлению «юг–север». Кладка таких же камней прослеживается в продолжении этой стены, но уже по направлению «за-

пад–восток», по центру квадратов №18, №19, №20, и с небольшим уклоном.

Пласт 2. Пласт представляет собой темный, сильно гумусированный грунт, в местах скопления керамики переходящий в коричневый цвет. Пласт сравнительно богат древними находками в верхних горизонтах; это – поливная керамика, различного цвета и техники изготовления, трубки для курения, простая глиняная посуда местного изготовления, различные каменные поделки. По мере углубления на уровне от 110см до 130см от поверхности после тщательной зачистки пласт более насыщен древними находками; именно на этом уровне окончательно оконтурены каменные выкладки, зафиксированные в нижнем пласте, – это остатки фундаментов, принадлежащих нескольким помещениям. Выше было отмечено, что в прошлых полевых сезонах (см. отчет за 1999–2000гг.) в южной части раскопа был расчищен жилой комплекс, состоявший из нескольких помещений, пристроенных к мощной и «длинной» стене, по направлению «юг–север». Именно продолжение этой стены оконтурилось в результате нынешних работ. По мере зачистки эта стена доходит до линии квадратов №21, №16, №11 и поворачивает под прямым углом на восток (рис. 3). На линии квадрата №12 обозначился проем размером в 100см, который с одной стороны (восточной) оформлен столбом, с пристроенным к нему с юга еще одним столбом, который оформляет другой дверной проем, а затем стена (фундамент) уходит в восточную стенку раскопа. Было принято решение расширить раскоп в восточном направлении на четыре двухметровых квадрата; именно по периметру трех квадратов были вскрыты постройки, расчищенные позже.

Фундамент дошел до квадрата №70, прямым углом повернул на юг и ушел в стену (табл. 1 и 2). Фундамент, вернее, цоколь, переходящий в наземную стену, сложен из крупных, тщательно подогнанных булыжников; иногда встречаются обработанные камни.

Кладка производилась на обильном известковом растворе; в некоторых фрагментах сохранились штукатурка и облицовка плоскими камнями, что подтверждает мысль о том, что эта выкладка являлась цоколем монументальной постройки жилого характе-

ра. Культурный пласт расчищался, как и в предыдущие годы, горизонтами, с фиксацией всех находок, и надо отметить, что они встречались в большом количестве как в заполнении помещений, так и между ними. Находки в основном представлены керамикой, характерной для раннесредневековой (Византийской) эпохи: фрагментами различных амфор, кувшинов, простых глиняных горшков; особенно много поздней краснолаковой посуды различных форм (рис. 10). В двух местах зафиксированы остатки полов: в одном случае пол (северо-западный угол) представлен выкладкой камней, в другом – тщательно утрамбованной землей.

На глубине 120см–125см от поверхности на площади квадратов №65, №71 по направлению «север–юг» была вскрыта еще одна стена – цоколь, по характеру кладки такая же, как и ранее вскрытые стены. Цоколь сложен из гранитовидных камней на обильном известковом растворе, но верхняя часть его выровнена более мелкими стандартно подогнанными камнями. Длина его составляет более 4 м, и уходит он в южную стену раскопа (рис.20).

В квадрате №20 у фундамента на глубине 135см была найдена придонная часть амфоры местного изготовления, в которой находилось довольно много остатков обугленных зерен, косточек. Эта находка была передана Каитанба Лане на предмет их определения, и в лаборатории новейших отложений и палеогеографии плейстоцена географического факультета МГУ под руководством кандидата биологических наук А.С. Боброва были проведены исследования остатков зерна. Было установлено, что это зерна Triticum aestirvum– летней пшеницы, а также косточки agranata – граната. Летняя, или мягкая, пшеница – однолетнее растение, травянистое, 50–180см высоты, одна из основных продовольственных культур; возделывается преимущественно в степной и лесостепной зонах. В настоящее время наибольшее разнообразие видов и форм обнаружилось в Закавказье, Афганистане и Ираке.

По археологическим данным рассматриваемая пшеница возделывалась 5–7 тыс. лет назад в странах Передней и Средней Азии, в Египте. В настоящее время она является наиболее распространенной из всех видов культурных пшениц; выращивается на всех континентах, почти от севера до южных берегов Африки и Южной Америки.

Как отмечалось выше, по всей площади раскапываемой части были разбросаны крупные камни, но в некоторых частях фиксируются их скопления – в квадратах №57, №58, №63, №64 расчищено одно из таких скоплений; иногда складывается впечатление, что мы имеем дело с развалом какого-то сооружения из сухой кладки. Именно среди этих камней и обнаружилось впускное погребение: скелет сохранился довольно хорошо; он располагался на спине, ноги вытянуты, череп повернут направо. Погребение безинвентарное, ориентировано головой на юго-запад. Погребальная яма прослеживается нечётко. Среди этого развала встречается большое количество различной керамики, найден бронзовый крючок ((табл. VIII,32).

Как было отмечено, на уровне первого пласта в центральной части на площади квадратов №8, №9, №10 было выявлено скопление камней с известковым раствором. Уже при расчистке второго пласта выявился фундамент, при тщательной зачистке которого нам удалось оконтурить часть прямоугольного помещения, уходящего в северную стенку раскопа. Фундамент, так же, как и предыдущие, выложен из тщательно подогнанных булыжников на обильном известковом растворе. Расчищена южная стена помещения. Ширина фундамента – 60–65см. В отдельных частях помещения удалось выявить остатки пола в виде вымостки плоских камней, а в юго-западном углу пол представлял собой вымостку из плоских глиняных плит (плинфы). К восточной стене примыкают два параллельно уложенных ряда камней высотой в два слоя, – возможно, это загородки для хозяйственных нужд.

Размеры расчищенной части помещения таковы: длина южной стенки – 6м 75см, западной – 3м.

От западной стенки по направлению «восток–запад» отходит фундамент еще одной стенки, длина которой более 2м. В заполнении помещения – обломки краснолаковой посуды и фрагменты амфор.

В северо-западном углу раскопа в квадрате №53, т. е. в прирезанной части расчищен очаг, представляющий собой круг из булыжников в диаметре 1м. По всей видимости, при сооружении этого очага и было разрушено продолжение стены, отходящей от помещения.

Из находок, обнаруженных на изучаемой площади, особо следует отметить терракотовую статуэтку женщины в головном уборе (кв. №13). Статуэтка выполнена довольно тщательно из хорошо отмученной светлой глины; сохранилась ее верхняя часть (8,5см), пустотелая. Отсутствует также правая рука, а в прижатой к груди левой руке она держит светильник (рис. 21).

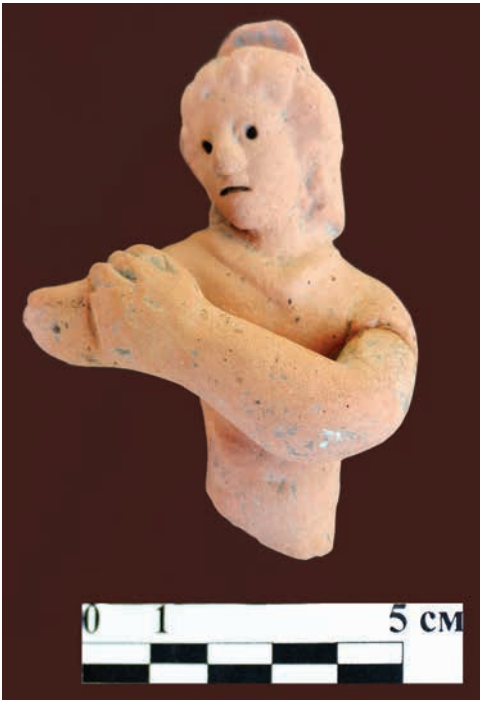

Рис. 21. Терракотовая статуэтка

В результате двух прошлых полевых сезонов в отдельных частях раскопа мы попытались углубиться и расчистить слой; он относится к ранней эпохе, т.е. рубежу нашей эры. Участок расчищенной части раскопа находился на площади помещения №1 и был ограничен его фундаментом; именно здесь нам удалось дойти до глубины 3 метров от поверхности. Пласт расчищался горизонтами, т. е. небольшими, до 10–15см, пластами. Расчищенный слой дал однородный материал; он был, в основном, с фрагментами различных амфор, краснолаковой посудой, с обломками лутериев, местной посудой. На глубине 2м 35см материал несколько меняется: меньше становится краснолаковой посуды, вернее, уже встречаются фрагменты сосудов темно-оранжевых цветов. По всей площади были зафиксированы следы пожара, иногда встречались недогоревшие плахи, скопления крупных булыжников, возможно, от древних построек. Все эти находки – со следами известкового раствора.

Из-за ограниченности территории (около 12 кв. м) и интенсивного наступления воды работы были прекращены.

В нынешнем полевом сезоне мы попытались углубиться на площади квадратов №№21–35, т. е. на участке более чем

30 кв. м. Это большой фактический шурф, и расчищать его надо небольшими пластами. В первую очередь надо отметить, что в этом месте раскоп в прошлом полевом сезоне был доведен до глубины 2м 35см от поверхности. Культурный слой представляет собой гумус темного цвета, преходящий местами в черный крупнокомковатый вязкий грунт. Грунтовые воды здесь подступают очень близко, поэтому приходилось делать водосборные ямы и выкачивать воду насосами.

По всей площади раскапываемой части (шурф) встречались крупные камни; некоторые из них – с налетом известкового раствора, а в западной части в районе квадратов №25, №30, №35 была вскрыта прослойка грунта, насыщенного известковым раствором, мощностью более 10 см. По мере углубления в пласт известковый раствор расширялся, заняв большую часть шурфа. Скопление булыжников с обильным известковым раствором фиксируется небольшой полосой по направлению «юго-запад – северо-восток» на площади квадратов №33, №28, №29. Это вымостка или часть фундамента древней постройки; состоит из камней различных размеров и конфигураций.

Рис. 22. Чернолаковый флакон

Как отмечалось выше, на площади квадратов №25, №30 еще с прошлых лет было зафиксировано скопление керамики разной формы и типа, в том числе кусков глины, обожженной до такой степени, что грунт принимал коричневый цвет. В этом месте нами было вырыто небольшое углубление для водосбора, и при этом характер заполнения не изменился. Там также встречается керамика, но она уже отличается по форме и типу.

На площади квадрата №24

на глубине 2м 50 см был обнаружен круг из обломков черепиц (калиптеры) и кирпичей диаметром в 1м; к сожалению, в связи с тем, что это сооружение совпало с водосборной ямой, нам не удалось привязать какие-либо находки с этим кругом. Отметим, что недалеко от него у северной стенки шурфа нами найден чернолаковый флакон эллинистического облика (рис. 22).

Далее расчистку пласта продолжили на западной части шурфа и углубились до глубины 2м 60см – 2м 70см от поверхности; в этой части шурфа повсеместно встречаются фрагменты керамических сосудов. Среди них очень много разнообразных амфор, которые отличаются по форме, составу теста, выделке, времени и центру изготовления.

Небольшой обзор амфорного материала свидетельствует о разнообразии их как по форме, так и по технологии изготовления. Здесь встречаются амфоры различных центров, что является свидетельством торгово-экономических связей местного населения с внешним миром.

Среди керамического материала выделяют несколько типов краснолаковой и коричневолаковой посуды, характерной для рубежа нашей эры; их количество уменьшается, что является показателем хронологического положения пласта.

В керамической коллекции пласта значительное место занимает кухонная посуда местного производства. Она изготовлена на гончарном круге и представлена, главным образом, обломками горшков, котлов, мисок, блюд.

Большой интерес представляют собой найденные здесь обломки чернолаковой посуды (миска и дно канфарообразного сосуда); они также свидетельствуют о хронологии пласта.

В северо-западном углу на глубине 2м 60см, по всей видимости, было совершено погребение, но, к сожалению, нам не удалось зафиксировать ни погребальную яму, ни костяк. Находки: фибула, железное кольцо, бронзовое кольцо-печатка, бронзовые подвески-украшения, крупная глазчатая бусина – дают все основания предполагать, что здесь было погребение (табл. VIII, 32,14,19,24,25).

Таким образом, результаты исследования этого шурфа площадью 30 кв. м подтверждают наше предположение о наличии на этом участке слоев античной эпохи.

Раскоп №2. В полевом сезоне 2003 года нами было принято решение о закладке второго раскопа, продиктованное тем, что часть помещения, вскрытая у северной стенки раскопа №1, выходила за пределы раскапываемой площади.

Раскоп №2 заложен к северу от первого и имеет размеры 15–12м, с общей площадью около 180 кв.м. Площадь раскопа представляла собой неровную поверхность, заваленную современным строительным мусором; на ней также присутствовали постройки (фундаменты) детских аттракционов, из-за чего мы вынуждены были использовать экскаватор.

Был снят верхний пласт мощностью от 50 до 90см. Он представлял собой темный гумус, перегной, местами отмечена засыпка из гравия и песка. В заполнении пласта (1) встречаются и обломки глиняной посуды различных типов и времен, иногда средневековой эпохи, что свидетельствует об активной эксплуатации этой местности и о перемешении слоев. В слое встречались отдельные камни разных размеров и конфигураций. Камни эти аналогичны тем, из которых построены стены Сухумской крепости, – это гранитные валуны, иногда слегка подправленные. Очевидно, на протяже-

Рис. 23. Фундамент жилого сооружения

нии нескольких столетий при обустройстве территории крепости строители не утруждали себя производством строительного материала и использовали свалившиеся с древних стен камни.

Таким образом, верхний пласт (1), не содержащий цельного культурного слоя и сооружений, был снят с использованием техники.

Пласт 2**.** Полностью был снят почти на всей площади; по своей структуре не отличается от предыдущего. От верхнего пласта после зачистки остались остатки фундамента позднейших построек. Как было отмечено, по всей площади были разбросаны камни, отчего иногда образовывались завалы. Остатки фундамента из сухой кладки зафиксированы в квадрате №40 и уходят в западную стенку. Развал угла помещения, вернее, его фундамент, обнаружен на пересечении квадратов №30 и №38; фрагмент выкладки обнаружен в квадрате №45. Остатки фундамента большого помещения обнаружены по направлению «северо-запад, юго-восток» (рис. 23).

При зачистке второго пласта были зафиксированы остатки фундаментов нескольких помещений позднейших этапов, которые использовались для жилых и хозяйственных построек.

Пласт насыщен находками в виде керамических обломков, стеклянной посуды. О хронологической принадлежности пласта говорит многочисленный археологический материал: позднесредневековая глиняная посуда, турецкие курительные трубки, серебряная монета турецкого чекана.

По совокупности археологического материала верхний культурный слой предварительно можно отнести к позднесредневековому периоду, т.е. к этапу присутствия на территории крепости турецкого гарнизона, а некоторая категория археологического материала свидетельствует о наличии здесь следов первых русских гарнизонов.

Таким образом, в полевом сезоне 2003г. работы проводились на площади двух раскопов. В раскопе №1 мы продолжили снятие второго пласта третьего слоя (шурф), материалы которого позволяют отнести их к рубежу нашей эры, но в то же время встречаются и более ранние находки (II – I вв. до н.э.).

В раскопе №2 снят верхний культурный слой позднесредне-

вековой эпохи, вскрыты остатки фундаментов нескольких помещений, получен многочисленный археологический материал, который подвержен первичной обработке.

4. Исследования 2004 года

В 2004 году археологическая экспедиция продолжила раскопки на территории Сухумской крепости. В прошлых полевых сезонах в южной части раскопа были вскрыты и частично изучены три культурных напластования, один из которых был отнесен нами к позднесредневековому периоду с его позднейшими постройками. С данным хронологическим предположением согласуются и материалы, найденные здесь. Следующий слой, отнесенный к эпохе раннего средневековья, изобилует древними находками; именно здесь найдены монументальные сооружения эпохи Юстиниана. Третий слой, расчищенный в отдельных частях раскопа, датируется концом дохристового летоисчисления.

В 2004 году раскопочные работы были продолжены на площади раскопа №2.

Слой II

Пласт 1. Второй культурный слой по структуре мало чем отличается от верхнего – это обильно гумусированный грунт, иногда в местах насыщения фрагментами глиняных сосудов переходящий в коричневый цвет. В заполнении пласта в большом количестве обнаружены фрагменты керамических сосудов; в основном это краснолаковая керамика и амфоры, различные как по форме, так и по составу глины.

На уровне первого пласта на глубине 135–140 м было оконтурено продолжение помещения, расчистка части которого производилась еще в прошлом полевом сезоне.

Пласт 2. Второй пласт, залегающий под предыдущим первым пластом, представляет темный гумус; иногда имеет темно-серый цвет, а в местах насыщения керамикой – темно-коричневый цвет. Мощность его достигает 35–40 см. Этот пласт также насыщен многочисленными культурными остатками. Массово представлена керамическая посуда в виде обломков пифосов, горшков, краснолаковой керамики, амфор (местного и импортного происхождения), лутериев и т.д.

На уровне этого пласта окончательное архитектурное оформление получили остатки фундамента помещения, вскрытого в верхнем (1) пласте.

Именно при расчистке этого помещения в основном был затронут второй пласт. Фундамент помещения выложен булыжными камнями на обильном известковом растворе. По всей видимости, это помещение относится к исследованному к югу от него комплексу. Помещение имеет форму неправильного прямоугольника. Размеры по внутренней части фундамента южной стены – 6м 50см, западной стены – 3м 50см, северной – 7м 50см, восточной – 7м 75см (фундамент этой стены не сохранился). Толщина фундамента – 70–75см, высота сохранившейся части – 50–70см. В юго-западном углу сохранился фрагмент пола из глиняных неправильных плиток. С восточной стороны к нему было пристроено еще одно помещение, о размерах которого судить трудно т.к. оно разрушено.

В юго-восточном углу нами исследовано детское захоронение в амфоре; судя по типу амфоры, оно впускное и относится к более позднему времени.

В завершении полевых работ 2004 года было принято решение зачистить прирезку к раскопу №1 с западной стороны, продиктованное продолжением вскрытия раннее исследованных помещений. Слой насыщен аналогичным материалом (в первую очередь, керамическим).

Рис. 24 Погребение №1

В прирезке обнаружено 4 захоронения. Погребение №1 было обнаруже-

но на площади квадрата №74 и было выполнено в небольшом керамическом ящике из черепиц; ящик был помещен в специальное помещение из булыжников на обильном известковом растворе (рис. 24). Погребение не сопровождалось никаким инвентарем; в погребальном ящике найдено несколько десятков фрагментов плохо сохранившихся младенческих костей.

Другое (второе) захоронение было обнаружено к югу от первого в квадрате №79; оно было совершено в амфоре т.н. колхидского типа с четко выраженным перехватом раннесредневековой эпохи (рис. 25). В амфору со срезанной верхней частью были уложены и закрыты камнем плохо сохранившиеся младенческие кости. Третье захоронение было совершено также в амфоре такого же типа; верхняя часть отбита. Четвертое захоронение было совершено в квадрате №84; костяк лежал на спине. Погребение безинвентарное; впускное, потревоженное, череп был передвинут и лежал в стороне, у ног. Таким образом, в этой части исследуемой прирезки обнаружено 4 захоронения, все они безинвентарные; три из них младенческие и не сопровождались каким-либо датирующим материалом, но в то же время по амфорам и черепицам, использованным в захоронениях, их можно отнести к раннесредневековому периоду. Захоронение с трупоположением, по всей видимости, относится к более позднему периоду (VIII–IX вв.).

Рис. 25. Захоронение в амфоре

В южной части при-

Рис. 26. Выкладка – пол из плинф

резки на площади квадратов №89, №94, №99 зафиксировано скопление крупных камней с фрагментами обожженных деревянных конструкций; здесь же яма от деревянного столба, а в углу прослеживается выкладка из плоских кирпичей; тут же много кусков обожженной глины.

В юго-восточной части прирезки в квадратах №99, №100 на глубине 149–153см от поверхности были зачищены лежащие в виде ступенек керамические плинфы (рис. 26), при уложении которых, как видно, не соблюдался особый порядок укладки. Поэтому говорить о функциональном назначении этой укладки сложно.

На уровне третьего слоя закончили зачистку юго-восточного угла прирезки, в результате чего оконтурился пол-вымостка из кирпичей. Пол покоится на булыжниках на обильном известковом растворе. По результатам нынешнего полевого сезона, говорить о функциональном назначении этого пола или о размере помещения не приходится т.к. зачищен только закругленный заключительный угол постройки.

1.

Глава II
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Пифосы

Судя по материалам Сухумской крепости, пифосы (табл. IX) можно отнести к массовым видам керамики, и они вполне могут быть использованы как датирующий материал. Характеристика и типология пифосов, найденных в Абхазии, предпринималась многими археологами (М.М. Трапш, Ю.Н. Воронов, О.Х. Бгажба)[465]. Как правило, эти огромные сосуды из-за их громоздкости особо не перевозились и производились на месте. Пифосы в раннесредневековое время были обязательной принадлежностью населенных пунктов. Трудность их классификации заключается в том, что на поселениях очень мало целых экземпляров. В основном мы можем иметь представление о них по профилирующим фрагментам. Из археологической литературы известно, что позднеантичные и раннесредневековые пифосы имели яйцевидное тулово, очень узкое дно и снабжались массивными венчиками. Фрагменты пифосов в основном встречались в наполнениях первого культурного слоя и первого пласта второго слоя. В квадрате №49 на уровне пласта 2 первого культурного слоя обнаружен целый пифос (рис. 8). Горловина и предплечье пифосов часто орнаментировались насечками, рельефным налепным орнаментом (табл. IX). По тесту глины, обжигу, оформлению поверхности и орнаменту пифосы Сухумской крепости можно подразделить на две хронологические группы.

Первая группа пифосов, вернее, фрагментов, относится к раннесредневековому периоду. Глина их хорошо перемешана и отмучена; они ярко-красного цвета, нормального обжига, толстостенные.

Вторая группа пифосов, найденных в культурных напластова-

[465] **Трапш М.М.** Средневековая Анакопия. Труды, том IV, Сухуми, 1975, с. 89–146; **Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х.** Материалы по археологии Цебельды. Тб., 1985, с. 74; **Бгажба О.Х.** Очерки по ремеслу Средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). Сухуми, 1977, с. 7–14.

ниях Сухумской крепости, относится к позднему средневековому времени. Они изготовлены из грубой, плохо перемешанной глины, слабо обожжены, с примесью известковых камней. Днища некоторых пифосов снабжены отверстиями-каналами (табл. IX, 23). Аналогичные пифосы встречаются и на других средневековых памятниках Абхазии (Анакопия, Замок Баграта).

2. Амфоры

Среди многочисленного материала Сухумской крепости видное место занимает амфоры, обломки которых в значительном количестве встречаются в культурных напластованиях различных слоев. Они разнообразны по форме, составу глины, выделке, времени и центрам изготовления. Их датировка, классификация и определение места изготовления возможно только после тщательного изучения всего материала. Здесь же мы ограничимся выводами, полученными после предварительного изучения.

Наиболее многочисленной группой амфор являются т.н. колхидские амфоры с перехватом: коричневоглиняные, из довольно рыхлой глины различных оттенков коричневого цвета, с большим количеством минеральных примесей (табл. X).

Ранние типы колхидских амфор датируются серединой – второй половиной IV в. до н.э. (по материалам Вани, О.Д. Лордкипанидзе). По мнению исследователей, эти амфоры повторяли форму синопских. Позже в морфологии колхидских амфор происходят определенные изменения. А к концу III–II вв. до н.э. они утрачивают сходство с синопскими и приобретают свою оригинальную форму: корпус удлиняется, горло становится коротким, на нем появляется припухлость и слабо выраженный перехват посередине тулова. Исследователи считают, что перехват первоначально был связан с заделкой технологического шва между двумя половинами амфоры. В первых веках нашей эры коричневоглиняные колхидские амфоры подвергаются некоторым изменениям. У них короткое горло, плавно переходящее в округлые плечики, возможно тулово с перехватом. Особенностью этих амфор является наличие на горле ребра. Несколько экземпляров таких амфор (верхние части), обнаруженных нами

Рис. 27. Узкогорлые амфоры из Сухумской крепости

при зачистке наполнения помещения №1 на глубине 3 м от поверхности (табл. XI, 1, 2), датируют пласт I.

Для позднеантичной и раннесредневековой эпох колхидские амфоры классического типа с ярко выраженным перехватом становятся неотъемлемым инвентарем. В данном случае в напластованиях Сухумской крепости часто встречаются амфоры с перехватом различных размеров, цвета и глин. В таких амфорах были совершены два детских погребения. Один целый экземпляр найден на полу первого помещения. Амфоры такого типа характерны для второго культурного слоя

Другая группа представлена узкогорлыми амфорами; они встречаются в нижних горизонтах второго слоя (рис. 27). Встречаются амфоры из светло-коричневой, хорошо отмученной глины. Горло цилиндрическое, изнутри гофрированное, валик выделен и слегка свисает, ручки в сечении овальные. В напластовании второго культурного слоя встречаются фрагменты светлоглиняной амфоры, в основном фрагменты стен и конической формы ножки.

В нижних напластованиях Сухумской крепости найдены красноглиняные амфоры местного производства, у которых дугообразная ручка начинается у плеч и соединяется с туловом (табл. XII). Этот тип амфор уникален и характерен для нашего региона (рис. 28). Часты находки светлоглиняных амфор с двуствольными ручками кососского происхождения, датируемые рубежом нашего летоисчисления.

Амфоры позднего типа в большом количестве встречаются в верхнем культурном слое; это в большей части округлодон-

ные, бороздчатые амфоры с очень коротким и широким горлом, с небольшими петлевидными ручками-ушками в верхней части. Амфоры эти имели, по всей видимости, специальное функциональное назначение, нежели основные типы амфор (табл. XIII, 4,5,6).

Рис. 28. Амфоры Сухумского типа

Предварительный анализ амфор Сухумской крепости позволил установить, что в позднеантичную эпоху здесь присутствовали колхидские амфоры двух разновидностей. Одни из них принадлежат хорошо известному и довольно широко распространенному типу с резким ребром под венчиком (рис. 15). Внутри горла этому ребру соответствует угловатый желобок. Но нужно отметить, что, при общем морфологическом сходстве сухумских амфор с подобными сосудами из других регионов, они выделяются некоторыми технологическими признаками. Так, у них сохраняется завиток на внутренней стороне ножки, так называемая «улитка» (табл. XIV, 11). Она образовалась в результате изготовления ножки методом спирального жгутового налепа. Такая техника формирования ножки была характерна для всех колхидских амфор эллинистического времени, а в III веке снова встречена только у амфор из Сухумской крепости. У этих амфор и горло формировалось налепной техникой, являясь особенностью Сухумских амфор.

Кроме того, сухумские амфоры выделяются и по глине – они имеют разнообразный цвет от светлого до серо-коричневого. В качестве примеси в ней использован песок с кварцем и шпатом. Все эти признаки соответствую природному сырью из района Сухума. Так что данные амфоры, по всей видимости, являются местной продукцией.

Вторая разновидность колхидских амфор из Сухумской крепости является довольно необычной. Это небольшие сосуды с

валикообразным или невыделенным венчиком, маленькими изогнутыми ручками и прямым, слабо припухлым или расширяющимся к верху горлом без ребра под венчиком. Эти амфоры изготовлялись методом вытягивания, у них нет никаких следов спирально-налепной техники. Различаются они по глине.

Таким образом, среди амфор Сухумской крепости колхидские амфоры представлены двумя морфологическими разновидностями, принадлежащими разным технологическим традициям. Некоторые из этих амфор, по всей видимости, являются местной модификацией общеколхидской формы. Другие, довольно редкие, являются местными, но из другого центра Абхазии.

В IV в. в амфорном комплексе Сухумской крепости наблюдаются существенные изменения; резко преобладают сосуды местного производства, постепенно исчезают сосуды второй разновидности, происходит формирование новой формы.

Таким образом, амфорный материал Сухумской крепости разнообразен как по форме, так и по технологии изготовления. Здесь наряду с местными встречаются амфоры южно-понтийского, средиземноморского и Северно-Причерноморского происхождения. Наиболее многочисленны местные амфоры или изготовленные на месте по импортным образцам. По всей видимости, Себастополис был центром производства колхидской, или коричневоглиняной, тары. Такое производство могло начаться здесь еще в конце IV в. до н.э. Особого размаха оно достигло в позднеантичную эпоху. Этот весьма информативный материал свидетельствует о торгово-экономических связях Себастополиса с внешним миром (табл. XV-XVIII)

3. Лутерии

В наполнении второго культурного слоя Сухумской крепости встречаются лутерии (глубокие чаши – тазы для умывания) нескольких типов (рис. 17).

Тип 1 (табл. XIX, 1,6,7,8,9). Лутерии желто-серого обжига, в изломе сиреневого цвета, иногда с черными включениями. Размеры: диаметр верхнего края – 24–25 см, глубина – 15–20 см. Этот тип импортного происхождения (Синоп).

Тип 2 (табл. XIX, 12,13,14). Лутерии ярко-красного цвета,

характерные тем, что у них слив возвышается над краем. Они местного происхождения и встречаются в других синхронных памятниках.

Тип 3 (табл. XIX, 2,3,4,5,10,11). Лутерии ярко-красного цвета со свисающим верхним краем. Поверхность иногда покрывалась ангобом.

В керамическом материале значительное место по количеству занимает кухонная посуда местного производства. Она изготовлена в основном на гончарном круге и представлена, главным образом, из обломков горшков, мисок, блюд и т.д. Многочисленную группу составляют горшки, изготовленные из недостаточно промешанной, грубой глины с различными примесями. Обожжены неровно, встречаются черепки черного, серого, желтовато-красного цвета. Горшки различаются по степени отогнутости и венчика, и по форме тулова; они в основном округлые, но встречаются и банкообразные. Среди горшков мы находили иногда одноручные, реже двуручные (табл. XXI, XXII).

Следующую группу составляют миски-блюда с широким краем, изготовленные из тщательно отмученной глины различных цветовых оттенков; по форме стенок и венчиков выделяется более десятка типов.

В культурных напластованиях второго слоя встречаются изделия, напоминающие современные сковороды с широким открытым краем, с низким и плоским дном (табл. XXII, 1).

4. Поливная керамика

Сухумская крепость дает богатый материал по средневековой поливной керамике, который в значительной степени пополняется в последние годы благодаря раскопкам Абхазского государственного университета. Поливная керамика представляет большой интерес с художественной точки зрения, являясь одновременно важнейшим источником для изучения экономики и торговых связей. В то же время она служит надежным материалом для определения датировки и стратиграфии памятника. Многочисленная и красочная поливная керамика уже давно представляет собой интерес как объект научного изучения ис-

следователей[466]. Ее массовость, достаточно большая стандартизация форм, однородность техники полива не оставляют сомнения в том, что большая часть достаточно высокохудожественной поливной посуды производилась на месте.

По установившейся традиции (Т.И. Макарова, О.Х. Бгажба), в основу типологического деления данной керамики нами положены цвет глины, цвет полива, декоративные приемы орнаментации и форма сосудов. Материалы из Сухумской крепости позволяют разделить поливную керамику на две неравнозначные по количеству группы: белоглиняную и красноглиняную.

Белоглиняная керамика в культурных напластованиях представлена небольшим количеством фрагментов (около 20 экз.). По способу орнаментации и цвету их можно объединить в один тип: это в своем большинстве белоглиняные блюда и чаши со светло-зеленой поливой с подглазурной росписью темно-вишневого цвета тоненькой кистью (табл. XXIII).

Весьма широко представлена красноглиняная поливная керамика, нами выделена большая серия чаш нескольких типов.

Тип 1. Чаша с высоким поддоном, внутренняя сторона покрыта поливой светло-коричневого цвета, а наружная поверхность – поливой светло-розового цвета; на дне изображен рисунок кольца с двумя концентрическими кругами, внутри круга следы «рачков» (табл. XXIV, рис.1).

Тип 2**.** Глубокая чаша с относительно высоким поддоном, с прямым венчиком, внутренняя поверхность покрыта поливой желтого цвета, а поверхность светло-розовой глазурью. По верхнему краю украшена двумя линиями тонкой графитью. Такая же линия проходит ниже по ребру (табл. XXIV, рис. 2). Отметим, что чаши с высокоочерченным поддоном, с хорошей поливой, некрытой с двух сторон, в Сухумской крепости многочисленны (рис. 29).

Тип 3. К этому типу мы относим серию глубоких чаш с низким кольцеобразным поддоном; обычно внутренняя поверхность покрыта поливой качественно светло-коричневого цвета. Как правило, внутренняя поверхность покрыта орнаментом в виде концентрических кругов в сочетании зигзага (табл. XXV, XXVI).

[466] **Бгажба О.Х.** Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). Сухуми, 1977.

Тип 4. Чаши средних размеров на низком толстом поддоне. Цвет поливы от серого с желтым оттенком внутри до оранжевого с красноватым оттенком (табл. XXVII).

Рис. 29. Поливная чаша с поддоном

Отдельную группу поливной керамики составляют кувшины; они чаще имеют плоское дно, грушевидное тулово и удлиненные пропорции довольно высокое горлышко со слабо отогнутым наружу венчиком и небольшие кубики (рис. 30). Цвет поливы: от светло-зеленого до темно коричневого; орнаментом в виде полос покрыты в основном горловины (табл. XXVII).

Рис. 30. Кувшин с поливой

В культурном слое Сухумской крепости встречаются светильники с поливой; они в основном двухъярусные, покрыты красновато-оранжевого, желтовато-коричневого цветов поливой (табл. XXVIII, 11-13).

5. Краснолаковая керамика

Как известно, на рубеже нашей эры в изготовлении художественно-прикладной керамики происходит замена черного и темно-коричневого лаков желто-красным или буровато-красным. Этот тип керамики получил название краснолаковой. Прежде все-

го, в Италии достигло особой высоты производство краснолаковой керамики. Именно здесь в конце I в. до н.э. возникает целый ряд крупных мастерских, производящих громадное количество керамики, предназначенной и на экспорт.

Италийская краснолаковая керамика получила широкую известность и особо ценилась во всем античном мире. Она в небольшом количестве ввозилась в города Северного и Юго-Восточного Причерноморья. Но большая ее часть доставлялась преимущественно из городов Малой Азии – Самос и Пергам.

В культурных слоях позднеантичных городов Абхазии (Себастополис, Питиунт) в значительном количестве встречается краснолаковая керамика местного происхождения. Это простые тарелки, миски, чашки, кувшины, сделанные из местной глины и покрытые глазурью местного изготовления: глазурь эта (лак) по своему качеству ниже малоазийской.

Изучение краснолаковой керамики из Себастополиса имеет большое значение, так как оно дает картину разнообразия форм и технических приемов, присущих античному керамическому производству.

Задача настоящей публикации – дать общую характеристику керамики и предварительное хронологическое определение основных, наиболее распространенных в Себастополисе ее групп.

За четыре полевых сезона работы экспедиции Абхазского государственного университета получен большой и разнообразный керамический материал; керамика в основном изготавливалась на месте, но встречается и импортного происхождения. Вся коллекция предварительно подразделена на 13 типов.

Тип 1 (табл. XXIX, 1-10). В верхних слоях Сухумской крепости представлена многочисленная коллекция низких (5–7см) и широких (22–30см) мисок с округлым, иногда вогнутым вовнутрь краем, на кольцеобразной подставке. Цвет глины от оранжевого до светло-коричневого, лак красных оттенков. У отдельных экземпляров наружная поверхность украшена рядами вертикальных рельефных полос. Такие миски встречаются в культурных слоях многих раннесредневековых и позднеантичных памятников Абхазии. Аналогичные миски найдены во время раскопок Цебельдинских могильников и в

культурных напластованиях поселений[467]. В большом количестве эта посуда обнаружена в Питиунте и датирована IV–V вв. Такие миски встречаются в Северном Причерноморье в слоях V–VI вв.[468]

Тип 2. (табл. XXIX, 11-22.) В культурных напластованиях Сухумской крепости встречается краснолаковые блюда с горизонтальным краем, с довольно толстыми стенками, иногда резные пояски на бортиках. Глина обычно светло-коричневого цвета, лак светло-красный, иногда легко стирающийся, на одном экземпляре из наших материалов на бортике имеется зигзагообразный орнамент.

Аналогичные блюда-тарелки встречаются в культурных напластованиях Цибилиума. В Питиунте такая посуда датируется концом IV – началом V вв.[469] Подобные тарелки из Херсонеса датируются также концом IV – первой половиной V вв.[470] В то же время подобные блюда из Илурата датированы более ранним периодом.[471]

Тип 3 (табл. XXX, 1-12). В верхних горизонтах второго культурного слоя Сухумской крепости встречается довольно многочисленная группа фрагментов верхних краев мисок. Миски снабжены утолщенным краем, наружная вертикальная плоскость которого украшена штампованным орнаментом различных вариаций. Они изготовлены из хорошо отмученной красно-коричневого и светло-красного цветов глины. Лак буро-оранжевого цвета. Такого типа миски в Цебельдинских могильниках найдены в сочетании с крестовидной фибулой, датируемой V в.[472]

Аналогичные миски, происходящие из слоев первой половины V в. (из комплексов Афинской Агоры), датируются так же.

---

[467] **Воронов Ю.Н.** Краснолаковая посуда Апсилии (V–VI вв. н.э.). Известия АБНИЯЛИ, XII, Сухуми, 1983, с. 38–95.

[468] **Сазанов А.З., Мокроусов С.В.** Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый Мыс. Проблемы истории, философии, культуры. Т. VII, 1999, с. 167–200.

[469] **Апакидзе А.М.** Археологические раскопки в Пицунде. Великий Питиунт. Тб. 1977, с. 3–100, табл. 92– 108.

[470] **Сазанов А.В., Мокроусов С.В.** Некоторые предварительные… . С. 167–200.

[471] **Силантьева Л.Ф.** Краснолаковая керамика из раскопок Илурата. МИА, Боспорские города, с. 2.

[472] **Воронов Ю.Н.** Краснолаковая посуда … . С. 95.

Они же встречаются и в Питиунте в слоях V в.[473] В керамических комплексах Северного Причерноморья такого типа миски обнаружены в Херсонесе и датируются последней четвертью V в.[474]

Тип 4 (табл. XXX, 13-25). Глубокие миски с невысокими, слегка вогнутыми бортиками, иногда округлыми на сгибе, с острыми краями. У некоторых экземпляров бортик в средней части доходит до предельной толщины; ниже утолщения, у самой линии перехода к стенкам, он образует глубокую выемку, с внешней стороны на сгибе бортик четко выделен ободком (рис. 31). Подставка кольцеобразная, с плоским основанием. Этот тип мисок сделан из хорошо отмученной красного цвета глины. Цвет лака от оранжевого до светло-красного. Аналогичные миски известны из культурных напластований Цибилиума[475], Илурата[476], Тиритаки[477] и датируются III в.

Тип 5 (табл. XXXI, 1-20). В накоплениях второго слоя Сухумской крепости довольно часто встречаются крупные чаши диаметром до 30 см, с узким дном, утолщенный край которых часто имеет дополнительный валик. Такие чаши обнаружены в Цибилиуме и датируются первой половинойVI в.[478] В Северном Причерноморье они бытовали в VI в.[479]

Тип 6 (табл. XXXI, 21-31). В наполнении третьего слоя в большом количестве встречаются глубокие чаши, иногда с небольшим утолщением верхнего края, сильно загнутого внутрь. Чаши изготовлены из хорошо отмученной глины, покрыты лаком оранжевого цвета. Чаши этого типа из Мирмекии исследователи относят ко времени не раньше конца I в.[480] Аналогичные чаши, найденные в могильнике близ Свиленграда в Болгарии,

---

[473] **Апакидзе А.М.** Археологические раскопки… . С. 3–100.

[474] **Сазанов А.В.** Керамические комплексы… . С. 245, рис. 12, 6–11.

[475] **Воронов Ю.Н.** Краснолаковая посуда… . С. 94, рис. 6.

[476] **Силантьева Л.Ф.** Краснолаковая керамика… . С. 298, рис. 12.

[477] **Книпович Т.Е.** Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции 1935–1940 гг. МИА, №25, 1952, с. 317.

[478] **Воронов Ю.Н.** Краснолаковая посуда … . С. 95, рис. 2, 4.

[479] **Сазанов А.В., Мокроусов С.В.** Некоторые предварительные… . С. 182, рис. 314–318; **Сазанов А.В.** Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени (материалы по археологии, истории и этнографии Таврии). Симферополь, 1994, вып. 4, рис. 6.

[480] **Книпович Т.Е.** Краснолаковая керамика… . С. 301, рис. 3, 6.

датируются монетами конца II в. А чаши этого типа из Илурата также датированы позже II в. В нашем случае эти чаши также могут быть датированы III в (рис . 31).

Тип 7 (табл. XXXII, 1-13). Этот тип представлен крупными, глубокими чашами (диаметр – 26–10 см., высота до 20 см.). Они снабжены утолщенным, чуть отогнутым краем, с внутренней стороны которого имеется бороздка. Дно на низкой кольцевидной подставке. Ближайшие аналогии имеются в материалах Цибилиума, обнаруженных с монетой VI в. В Северном Причерноморье подобные чаши датируются также VI в.[481]

Рис. 31. Краснолаковая чаша

Тип 8 (табл. XXXII, 14-24). Это неглубокие миски с широким полочковидным краем, иногда слегка свисающим венчиком (диаметр верхнего края – 18–30см, высота – 5–7см). Они снабжены также широкой низкой кольцевидной подставкой с кучовым желобком. Аналогичные керамические изделия довольно часто встречаются в апсилийских погребениях и поселениях[482]; в большом количестве они найдены в Питиунте, где датируются рубежом IV–V вв. В керамических комплексах Северного Причерноморья дата таких мисок достаточно хорошо определена – концом IV в. – первой половиной V в.[483] В Сухумской крепости они обнаружены в накоплениях второго слоя, т.е. хронологически суммарно можно отнести к V в.

Тип 9 (табл. XXXIII, 4–7). Чаши с тонкими стенками и загнутым внутрь краем. Изготовлены из хорошо отмученной глины в разрезе оранжевого цвета. Лак также оранжевого цвета. Аналогичные чаши в большом количестве обнаружены в Питиунте[484],

[481] **Сазанов А.В., Мокроусов С.В.** Некоторые предварительные... . С. 197, рис. 9.
[482] **Воронов Ю.Н.** Краснолаковая посуда ... . С. 88–96.
[483] **Сазанов А.В.** Керамические комплексы ... . С. 226–230.
[484] **Николаишвили В.В.** Отчет о полевых исследованиях 1969–1970гг. Великий Питиунт. 1975, с. 75, табл. 23.

в Крыму[485] (датируются там не ранее чем IV в.). У нас они найдены на глубине 2м от поверхности в нижних напластованиях второго слоя; суммарно датируемы V в.

Тип 10 (табл. XXXIII, 1–3). Низкие миски-сковороды с широким краем, с вогнутой внутрь закраиной (диаметр 22, 30см; высота – 3,4см). Дно широкое и плоское. Они изготовлены из коричнево-оранжевой, хорошо отмученной глины; покрыты темно-оранжевым лаком. Аналогии этой посуды нам не известны. В Сухумской крепости они встречается в небольшом количестве в нижнем пласте третьего культурного слоя в сопровождении амфор ранних форм (II–III вв.).

Тип 11 (табл. XXXIII, 14). Глубокие чаши с утолщенным узким полочковидным, слегка отогнутым и горизонтальным краем; имеют слегка округлые стенки, иногда с редким рифлением с внутренней стороны. Аналогичные чаши встречаются в Херсонесе и датируются последней четвертью V в.[486] Апакидзе А.М. относит их к типу, характерному для IV–V вв.[487]

Тип 12 (табл. XXXIV, 1–3). Значительную группу краснолаковой посуды из Сухумской крепости (Себастополиса) составляют плоские блюда с горизонтальным краем и с выступами вместо ручек, украшенными рельефным орнаментом. Они изготовлены из хорошо отмученной желтовато-красной глины с красноватым лаком. Очень часто на их бортиках мелкие рубчики и рельефные бугорки. Встречаются как блюда овальной формы с округленными стенками, так и подпрямоугольные. Аналогичная посуда довольно часто обнаруживалась здесь и в предыдущие годы[488]. Характерна она для Питиунта[489], широко распространена в Северном Причерноморье[490] и датируется там концом II в. – первой половиной III в (Рис. 32).

Тип 13 (табл. XXXIV, 6–21). В культурных напластованиях Су-

[485] **Аибабин А.Н.** Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. Симферополь, 1990, с. 15, рис. 2, 12, 5, 19.
[486] **Сазанов А.В.** Керамические комплексы … . С. 244–246, рис. 13.
[487] **Апакидзе А.М., Лордкипанидзе О.Д.** Новые материалы... . С.217, рис. *42*.
[488] **Апакидзе А.М., Лордкипанидзе О.Д.** Новые материалы… . С. 209–335.
[489] **Лордкипанидзе О.Д.** Краснолаковая керамика из раскопок Пицунды. Основные типы и их датировка. Тб., 1962, №1, с. 236, рис. 3.
[490] **Книпович Т.Н.** Краснолаковая керамика… . С. 307; **Силантьева Л.Ф.** Краснолаковая керамика… . С. 300–303, рис. 15–16.

Рис. 32. Плоские краснолаковые блюда с рельефным орнаментом

хумской крепости встречаются в большом количестве фрагменты кувшинов различных форм и качества. Отсутствие полных профилей не позволяют восстановить форму кувшинов. Кувшины из Сухумской крепости в основном были сделаны из хорошо отмученной, без примесей, глины; покрывались лаком различных цветов – от светло-красного до темно-коричневого. Исходя из форм горлышек, верхнего края и ручек, их можно подразделить на несколько видов: узкогорлые одноручные кувшины, широкогорлые – как одноручные, так и двуручные. Хронологически наши кувшины относятся к ранним типам и суммарно можно датировать их первыми веками нашей эры.

Таким образом, небольшой обзор и предварительный анализ коллекции краснолаковой керамики из Сухумской крепости (Себастополиса) позволяет выяснить картину и уровень развития керамического производства в позднеантичную и ранневизантийскую эпохи. Единичны находки краснолаковых светильников (рис. 33).

Рис. 33. Краснолаковый светильник

Как уже было показано выше, к настоящему времени наиболее ранние группы краснолаковой керамики из Сухумской крепости относятся к II–III вв. Поздние границы намечаются в

пределах *VI* в. Сложным является вопрос о центрах производства основной массы краснолаковой посуды. Несомненно, что среди краснолаковой керамики Себастополиса большое место занимают изделия местного производства. Местные мастера, в целом подражая импортным изделиям, придавали своим сосудам своеобразный характер как по форме, так и в отделке деталей; иногда для их изделий характерны грубая выделка и упрощенность формы.

Исследование Себастополиса далеко еще не закончено; каждый полевой сезон раскопок дает новые материалы и открывает новые страницы в истории города. Следовательно, изучение краснолаковой керамики Себастополиса не может быть окончательным. Наши наблюдения еще не дают возможности сделать окончательные выводы, но предварительный анализ все же позволяет поставить и частично решить ряд существенных вопросов.

Несомненно, что в позднеантичную и ранневизантийскую эпохи население Себастополиса вело активную торговлю с античным и ранневизантийским миром. Дальнейшие планомерные исследования Себастополиса, несомненно, обогатят наши знания и помогут более полно раскрыть страницы истории этого города.

6. Строительная керамика

Кровельная черепица. Кровельная черепица является одним из широко распространенных строительных материалов античных и раннесредневековых городов Причерноморья. По всей видимости, производство ее было организовано государством на месте. Несомненным свидетельством местного производства строительного материала в Себастополисе является исследованная М.М. Трапш обжигательная гончарная печь на территории Сухумской крепости[491]. По мнению М.М. Трапш, рассматриваемая обжигательная печь была в основном предназначена для производства кирпичей и черепицы и является пока единственным в своем роде памятником на территории

[491] **Трапш М.М.** Раскопки Себастополиса в районе Сухумской крепости. Труды АбИЯЛИ XXXIII–XXXIV, Сухуми, 1963, с. 236–253.

Абхазии. Находка такой крупной обжигательной печи на территории Сухума свидетельствует о широких строительных работах здесь в позднеантичное время. Несомненно, что использовалась и привозная продукция.

Во время раскопок, в течение двух лет, обнаружено большое количество фрагментов черепицы, по которым можно судить о масштабах производства, стандартах и вариантах форм.

Фрагменты черепиц различных форм найдены в развалах помещения, хотя не удалось выявить взаимное расположение плоских черепиц, калиптеров и деревянных перекрытий. В настоящее время найденные нами материалы дают возможность выделить типы плоских черепиц и калиптеров, имевших распространенность в Себастополисе.

Почти вся черепица высокого, светло-коричневого обжига; изготовлялась из хорошо отмученной глины с примесью песка; она почти покрывалась ангобом различного цвета и оттенков. Плоские черепицы представлены четырьмя типами.

Тип 1 (табл. XXXV, рис. 8). Этот тип представлен обычным типом черепицы первых веков нашей эры, которые почти без изменения повторяют форму синопских эллинистических черепиц с плавно срезанными бортами на верхних концах. Они достаточно известны как на территории Юго-Восточного, так и Северного Причерноморья[492]. Их размеры стандартны: 40 х 35 х 5. Внешняя желобчатая поверхность покрыта ангобом светло-темно-розового цвета. Обратная сторона довольно ровная, шероховатая, иногда с большим количеством прилипшего песка и мелких камней со дна формы. У некоторых черепиц борта заглажены, ангобированы, некоторые в верхних частях слегка округлены. Часто по середине, по их внешней стороне отмечаются продольные желобки. При общности формы они отличаются размерами.

Тип 2 (табл. XXXV, рис. 3). Этот тип представлен синопской черепицей. Для этого типа характерно специальное сужение нижних концов с помощью подпрямоугольных выемок с внешних боковых сторон бортов. Обычно на верхних концах борта иногда не доходят до края на 3–4см. Размеры: длина от 51,5 до 53

[492] **Гайдукевич В.Ф.** Керамическое производство и античные строительные материалы. Свод археологических источников. Москва, 1966, вып. Г–20, с. 52–59.

см; ширина по верхнему краю от 39 до 41 см; по нижнему краю от 32 до 40 см. На хорошо обработанной стороне бортиков имеются слегка видимые желобки. Глина хорошо отмучена и в равной степени обожжена, в связи с чем цветовая гамма колеблется от серого до ярко-красного. Ангоб от желтовато-серого до темно-красноватого цвета.

В этой группе выделяются два подтипа, имеющие некоторые отличия в оформлении деталей и размерах.

Подтип А (табл. XXXV, рис. 1. 1). Черепица с явно выраженным сужением к нижнему концу. Длина суженной части 15 см. Внешняя сторона заглажена тщательно, но ангоба не видно. Высота бортиков 5 см, с вогнутым вовнутрь краем. Ширина по верхнему краю 43 см, по нижнему – 32 см.

Подтип Б (табл. XXXV, рис. 2. 6–8). Плоская черепица с хорошо выраженным сужением в нижней части, верхняя же часть не срезана, а заканчивается прямым углом. Черепица изготовлена из хорошо отмученной глины, от серого до темно-красного цвета. Размеры: длина от 51 до 53см; ширина по верхнему краю от 39 до 41см; по нижнему – от 32 до 40см. Черепица покрыта ангобом от желтого до бордового цвета.

Тип 3 (табл. XXXVI, рис. 1, 2). Плоская черепица красного цвета с желтоватым ангобом отличается особенностями обработки поверхности (желтый цвет), рядом деталей нижней части. Нижняя часть черепицы данного типа отличается тем, что сужение ее начинается в 10см от края и сужается дважды, а заканчивается срезом. Он снабжен довольно высоким бортиком (6см). На поверхности бортиков, чуть ниже центра, имеется желобок.

Тип 4 (табл. XXXV, рис. 1). Обычная плоская черепица, изготовленная из хорошо отмученной и промешанной глины различного обжига, – и от этого различных цветов. Профили бортиков различной конфигурации с узким поперечным бортиком. Они в основном покрыты ангобом от светло-розового до темного цвета. Целые формы не найдены. Ширина – 40–42см, высота бортиков – 6 см.

Кроме того, в культурных слоях Сухумской крепости часто встречаются полукруглые черепицы (калиптеры); они представлены обломками и судить об их размерах трудно (табл. XXXV, рис. 9,10).

Кирпичи. В позднеантичное и ранневизантийское время в строительстве широко применялись кирпичи различных форм: прямоугольные, треугольные, квадратные и круглые. Они в основном изготавливались из хорошо промешанной глины, с большой примесью песка.

В культурных слоях Сухумской крепости кирпичи встречаются часто и принадлежат к трем типам.

Тип 1 (табл. XXXVI, рис 4,5). Кирпичи подчетырехугольной формы с округлыми углами. Лицевая сторона, как правило, украшалась врезными перекрещивающимися линиями (табл. 2, рис. 2.2). В одном из кирпичей эти линии прочерчены тремя горизонтальными линиями, а третий кирпич снабжен тремя волнообразными линиями. Этот тип кирпичей покрывался ангобом светло-оранжевого цвета. Размеры: 40 х 26 х 6; 37 х 22 х 4; 40 х 27 х 5.

Тип 2 (табл. XXXVII, рис. 1–3). Массивные прямоугольные кирпичи темно-оранжевого цвета, хорошего обжига, изготовленные из хорошо перемешанной глины с содержанием песка и мелких камешек. Этот тип кирпичей, возможно, использовался для вымостки полов. Свидетельством этого может быть то, что иногда тыльная сторона носит следы известкового раствора, а лицевая – обработана более тщательно и украшалась. Размеры: 50 х 30 х 6; 40 х 28 х 4.

Тип 3 (табл. XXXVI, 4,5). Квадратные кирпичи – «половинки», изготовленные из хорошо перемешанной глины с содержанием песка. Возможно, и этот тип применялся для вымостки полов; встречаются массивные, толстые экземпляры. Размеры: 23 х 23 х 4; 27 х 27 х 4; 17 х 17 х 5 (рис. 34).

Рис. 34. Круглые и квадратные кирпичи

Тип 4 (табл. XXXVII, 5-9). Кирпичи круглой формы хорошего обжига, красного цвета, различных размеров. Такого типа кирпичи широко применялись в строи-

тельстве в позднеантичную эпоху. Иногда встречаются кирпичи с перекрещивающимися линиями на лицевой стороне, что может свидетельствовать о применении их для укладки полов. Размеры: диаметр от 20 до 23см; толщина от 5 до 7см (рис. 34).

В культурных слоях Сухумской крепости часто встречаются фрагменты водопроводных и водоканализационных труб. Они изготовлены из хорошо промешанной, отмученной глины красного цвета хорошего обжига, с суженными концами.

Таким образом, небольшой предварительный обзор, проведенный нами, свидетельствует о масштабах строительной деятельности населения позднеантичного и ранневизантийского Себастополиса.

7. Граффити на керамике

В керамической коллекции Сухумской крепости представлена небольшая группа черепков с граффити и в том числе с разнообразными геометрическими формами, выполненных-ми в технике граффити. Знаки, нанесенные техникой граффити, очень часто служили оберегами, магическими знаками, предохраняющими продукт, помещенный в амфору или пифос, от порчи. Интересным является сообщение одного из античных авторов, в котором, наряду с практическими советами, как сохранить вино от закисания, был и такой: «Вино не может прокиснуть, если ты напишешь на сосуде или пифосе такие слова: «Вкушайте и увидите, что справедлив Господь!»

На основании граффити можно судить о распространенности грамотности среди местного населения, о некоторых продуктах, употребляемых горожанами, а также делать выводы о характере и интенсивности торговли в регионе. К сожалению, отсутствие полных сводок о граффити на античных сосудах не дает возможности использования данного вида археологических находок как полного исторического источника. В целом приведенные ниже граффити не изобилуют информативностью, но все же они в какой-то мере пополняют наши знания о населении, хозяйстве и культуре Абхазии.

В публикации учтены граффити на различных видах керамики, которые получены в ходе раскопок Сухумской крепости из

позднеантичных и раннесредневековых слоев за два полевых сезона 1999–2000 гг.

1. (Табл. XXXIX, 1.) Лигатура из трех букв процарапана на фрагменте краснолакового сосуда (кувшин?):

ипсилон – высота 3 см.

гамма – высота 2 см.

эпсилон – высота 3 см.

Эта лигатура может обозначать имя или любое подходящее слово, начинающееся с *эпсилон*, к примеру, YXuμos – вкусный, сочный. По начертанию букв эту лигатуру хронологически можно отнести к рубежу нашей эры.

2. (Табл. XXXIX, 2.) Лигатура из двух букв; процарапана на черепке желтого цвета, аккуратно:

каппа – высота 4см.

гамма – высота 3, 8см.

Знаки в виде *К* в сочетании с другими буквенными знаками встречаются часто. Возможно, это начало собственного имени или же названия продукта (например корицы).

3. (Табл. XXXIX, 3.) Лигатура из трех букв процарапана тонкими линиями на фрагменте плечика кувшина. *ню* – буквенный знак, часто встречающийся как отдельно, так и в сочетании с другими буквами. Данный знак и в буквенном сочетании, и как часть числового обозначения, широко распространен на амфорах IV–V вв. В нашем случае он сочетается с буквами *пи* и *альфа*, и говорить о том, что обозначает это незаконченное слово, не представляется возможным. Можно предполагать, что это начало собственного имени.
4. (Табл. XXXIX, 4.) Лигатура из двух буквенных знаков процарапана на плечиках желобчатой части глиняного сосуда желтого цвета. *омикрон* – высота 3 см. *мю* – высота 6 см. Такое сочетание встречается в граффити редко. Знаки в виде *М* часто имеют много вариантов написания.
5. (Табл. XXXIX, 5.) На фрагменте горлв амфоры довольно больших размеров небрежно процарапан буквенный знак *Г (гамма).* Он может обозначать начало имени собственного или же названия продукта (к примеру, пшеничной муки). Чуть выше этой буквы толстыми линиями процарапан трехлистник.

6. (Табл. XXXIX, 6.) Лигатура из трех буквенных знаков; аккуратно толстыми линиями процарапана на плечиках амфоры больших размеров.

ро – высота 3см.

о (омикрон) – высота 1см.

*у (*гамма) – высота 3см.

7. (Табл. XXXIX, 7.) На фрагменте плечиков амфоры процарапано два буквенных знака. Первый – *А (альфа)* – небрежно; высота около 4см. Буква *А* на амфорах может означать цифру, емкость, показатель количества и качества товара; альфа могла являться начальной буквой имен *Александр, Афанасий*. Иногда эта буква может являться обозначением продукта. Второй знак может обозначать буквенный знак *Н*, но его фрагментарность не дает нам утверждать это.

8. (Табл. XXXIX, 8.) Буквенный знак *Л (лямбда)* в граффити встречается в различных вариантах: в виде острого угла, угла с выступающими над вершиной концами или удлиненной вертикальной стороной. В нашем случае лямбда представлена в виде двух равных линий с выступающими над вершиной концами. Лямбда часто встречается в сочетании с другими буквенными знаками.

9. (Табл. XXXIX, 9.) На фрагменте горла амфоры II–III вв. н.э. процарапано несколько буквенных знаков и сюжетных граффити:

а) *А (альфа)* – как единичный знак, так и в сочетании с другими знаками альфа имеет несколько вариантов написания; в данном случае, в лигатуре с двумя знаками *альфа* – первая буква с правильными сторонами и горизонтальной чертой посередине. Вторая – процарапана небрежно, с одной длинной стороной;

б) лигатура из трех буквенных знаков:

буква *пи* – снабжена широко расставленными ножками, верхняя планка длинная, она даже прикрывает следующую букву;

О (омикрон) – процарапано неравномерно, толстыми линиями, высота 2см;

Л (*лямбда)* – самый длинный в сочетании буквенный знак; высота – 5 см., угол образован выступающими на вершине концами;

в) *И* – буквенный знак в виде *эта*, из-за фрагментарности трудно интерпретировать;

г) лигатура из буквы *Л* (*лямбда*) и *К* (*каппа*) процарапана тонкими линиями;

д) на фрагменте мы имеем характерное для античной традиции изображение рыб; на вершине одного из них буква *ФИ*. Возможно, эти знаки можно интерпретировать как несколько буквенных знаков *Д* (*дельта*).

10. (Табл. XXXIX, 10.) На фрагменте амфоры нанесено несколько фрагментарных знаков и одна буква *Ф* (*фи*).
11. (Табл. XXXIX, 11.) Фрагмент стенки амфоры (плечико); небрежно процарапана лигатура из двух буквенных знаков:

М (*мю*). Такое написание этой буквы в граффити античного и раннесредневекового времени встречается редко.

€ (эпсилон). Начертание этой буквы хронологически относится к раннему этапу развития греческого алфавита.

Таким образом, граффити из находок из Сухумской крепости, несмотря на фрагментарность и схематичность начертания литер, дает возможность говорить о некоторых чертах культурной жизни древнего Себастополиса. Но в то же время эта группа граффити не позволяет подойти к однозначности интерпретации; поэтому предлагаемая классификация в известной степени условна и может быть уточнена в процессе накопления материалов.

8. Монеты

Для хронологической классификации и интерпретации археологического материала важное значение имеют стратифицированные по слоям монеты. Среди найденных монет определены 12 монет (определение С.М. Шамба) (Табл. XXXVIII).

№1. Монета Котиса I (45–62гг.).

Медь. Вес – 5,1. Д = 23 мм. Гл – 1 м 40 см;

л.с.: портрет императора Клавдия в лавровом венке.

Профиль вправо. Сохранилась часть легенды. KAICAP;

об.с.: стерта.

№2. Трапезунтская городская монета.

Медь. Вес – 10,9. Д = 26. Гл – 230 см;

л.с.: бюст императора Луция Вера (161–169гг.), обращенный вправо, в лавровом венке. Сохранилась плохо читаемая часть легенды. ANTωNINO;

об. с.: бюст Митры, обращенный вправо; в кольчуге.

Протома коня вправо.

Трапезунтские городские монеты с изображением Митры – синкретического божества, объединяющего функции астральной триады – Луны, Солнца и звезд. Найдены в Сухуме и Пицунде.

№3. Юстин (518–527гг.). Константинополь, Фоллис.

Медь. Вес – 10,9. Д= 29х31 мм. Гл – 1 м 40 см;

л. с.: бюст императора, обращенный вправо, в диадеме, полудаменте и кирасе, вокруг легенда;

об. с.: М (номинал – 40 нумий). Слева звезда, справа полумесяц; сверху крест, под образом.

№4. ЮСТИН (518–527гг.).

Медь. Константинополь. Фоллис.

Вес – 18. Д = 29х31 мм. Гл – 40 см;

л.с.: бюст императора в диадеме, полудаменте и кирасе, вокруг легенда, IST; VSPP;

об.с.: М (номинал – 40 нумий), слева звезда, справа полумесяц; сверху крест, под образом ON.

№5. ЮСТИН (518–527гг.).

Медь. Константинополь.

Вес – 11,6. Д = 24. Гл – 126 см;

л.с.: бюст императора в фас, чистая легенда. ONIVSTINI;

об.с.: К (номинал – 20 нумий), слева крест, справа сверху шестиконечная звезда, полумесяц.

№6. ЮСТИН (518–527гг.).

Медь. Константинополь. 5 нумий.

Вес – 1,7. Д = 11 мм. Гл – 130 см;

л.с.: голова императора вправо с короной;

об.с.: в центре монограмма Христа. Справа €.

№7. ЮСТИН или ЮСТИНИАН.

Медь. Константинополь.

Вес – 13. Д = 30 мм. Гл – 140 см;

л.с.: бюст императора в фас (плохо читается) в диадеме и кирасе.

Легенда вокруг не сохранилась;

об.с.: М (номинал – 40 нумий), слева звезда, сверху крест, справа не сохранилось, под обрезом не сохранился.

№8. ЮСТИН (до 538/9гг.).

Медь. Константинополь.

Вес – 2,8. Д = 20 мм;

л.с.: бюст императора вправо в диадеме. Вокруг легенда DNIVSTINIANVSPPAVG;

об.с.: €г. Вокруг линейный ободок (номинал – 5 нумий).

№9. ЮСТИНИАН (527–565гг.).

Медь. Константинополь. 557 г.;

Вес – 10,4. Д = 25 мм. Гл – 135 см;

л.с.: бюст императорав фас, справа крест;

об.с.: К (номинал – 20 нумий), слева сверху крест, справа – *XXX* (тридцатый год правления), внизу звезда, слева ANNO.

№10. Константинополь. Фоллис. Медь.

Вес – 13,2. Д = 25 мм.

Легенда не сохранилась.

№11. Маврикий Тиберий (582–602гг.).

Медь. Константинополь. 602 г.;

Вес – 11. Д = 29 мм. Гл – 190 см;

л.с.: бюст императора в фас, сохранилась часть легенды;

об.с.: М (номинал – 40 нумий), сверху крест, слева TIEERS, ANNO, справа – *XX*?, в центре знак, указывающий на чекан монетного дворо №5, под образом CON.

№12. Монета османских султанов (XVII в.).

Серебро.

Вес – 0,35. Д – 15 мм.

Монеты, найденные в Сухумской крепости, несмотря на свою малочисленность, дают исключительно ценные сведения о степени развития товарно-денежных отношений. Они свидетельствуют о широких связях Себастополиса с внешним миром.

9. Греческая надпись

Интересной находкой является фрагмент известняковой плиты с древнегреческой надписью, посвященной восхвалению человека (имя его не сохранилось), взявшего на себя выполнение какой-то важной общественной обязанности.

Среди греческих эпиграфических памятников, обнаруженных на территории Абхазии, нам известны, с одной стороны, многочисленные фрагменты надписи на бронзовой плите раннеэллинистического времени (ок. III в. до н.э.)[493], с другой – ряд надписей разных жанров, относящихся к раннехристианскому периоду (IV–VI вв.) – надгробные плиты[494], посвятительная надпись на светильнике[495], надписи на мозаичном полу базилики[496]. Новая греческая надпись, найденная в 1999г. во время раскопок Сухумской крепости, может отчасти заполнить этот временной разрыв.

Надпись высечена на известняковой плите. Размер сохранившегося фрагмента 19 х 21 см., при толщине 10 см. Утрачена в основном левая часть плиты, хотя сколы имеются со всех сторон.

Надпись содержит 5 строк. Высота букв – около 17мм. Знаки достаточно симметричны, нанесены с соблюдением интервалов между буквами и строками. Некоторые буквы сохранились частично и требуют реконструкции.

Прорисовка надписи (Рис. 1,2 из третье части).

Транслитерация:

[493] **Шамба Г.К.** Эшерское городище. Тб., 1980.

[494] **Хрушкова Л.Г.** Новая октогональная церковь в Себастополисе в Абхазии и ее литургическое устройство. Литургия, архитектура и искусство Византийского мира. Труды международного конгресса византистов. СПб., 1995.

[495] **Каухчишвили Т.С.** Греческая надпись на Сухумском светильнике. Труды АБИЯЛИ, XXVII, 1957.

[496] **Каухчишвили Т.С.** Греческая надпись Бичвинтской мозаики. Великий Питиунт. Тб., 1978.

1. *]δαμ[*
2. *](α)ναγασαστ(α)[ι[*
3. *][α]ντιδιδωνου[*
4. *](υ)ασενυμι(ω)[*
5. *][α]νεμο[ς][*

В первой строке надписи сохранилось три знака, которые читаются *бан*. При этом второй знак, хотя и лишенный гасты, следует отождествлять с *альфой*, учитывая, что известен целый ряд надписей на камне, где гаста альфы не высечена.

Если предположить, что верхняя строка надписи расположена у верхней границы фрагмента, то здесь можно восстановить слово *δᾶμος (*«народ»). Это дорийская форма, соответствующая атт. *δήμος*. Тогда всю первую строку можно реконструировать как: *[τού]δάμ[ουψάφμσα]* – «остановление народа». Эту форму можно встретить в некоторых надписях, происходящих из районов древнего Причерноморья. Возможна и другая формула: *[ταύτ' ε'δοξε βουλᾶι]δαμωι]* – «так постановлено советом и народом».

Вторая строка содержит 10 знаков. Из них первый и последний, безусловно, представляют *альфу*, хотя ее гаста не просматривается. Текст этой строки может быть восстановлен как *(α)ναγασαστ(α)[ι]* и имеет в основе глагол *'άγαμαι* («восхищаться, быть в восторге»). От этого глагола известны форма аориста *'αγασάμην* и инфинитив аориста *'αγάσασται* («выразить восхищение, восхвалить»).

В форме αναγασασται можно предположить либо сочетание утраченного слова (возможно, глагола в 3 л. мн. ч. аориста) с окончанием –αν и указанного выше глагола, то есть – αναγάσασται; либо рассматривать глагол 'αναγάσασται как образованный с приставкой ava (перед гласными av), которая имеет значение усиления и повторности.

В третьей строке утрачен первый знак, который восстанавливается как *альфа*, что дает чтение 'αντιδιδωνου, восходящее к глаголу δίδωμίс с приставкой 'αντι-.

Глагол 'αντιδιδωμι означает «давать взамен, возмещать, дарить за что-либо». С этим глаголом связано существительное 'αντιδοσις (букв. «возмещение»), под которым кроется так называемая «антидоса», т.е. такая практика, при кото-

рой человек, если он не в состоянии (из-за непосильных расходов) выполнить какую-либо общественную обязанность, мог предложить более состоятельному гражданину выбор: или принять на себя эту обязанность, или обменяться имуществом. В связи с этим известны выражения: ‘αντιδίδωμι ουʹσίαν («предлагать обмен имуществом – в порядке антидосы») и ‘αντιδίδωμι τριηραρχίαν («возместить снаряжение триеры – в порядке антидосы»), а также ὶκος τριηραρχων («дом, обязанный, по своему имущественному положению, снаряжать триеру»).

Трудно сказать, какова была практика в период создания надписи, но, по всей видимости, здесь имеется в виду принятие на себя человеком какой-то важной общественной обязанности (снаряжение триер, установление памятника), что достойно большой хвалы, восхищения. Без контекста (утраченной части строки) грамматическая форма не совсем ясна.[497]

В четвертой строке надписи можно выделить два слова. От первого слова сохранился фрагмент – (υ)ασεν, что дает возможность восстановить слово [κατεσκε](***ύ***)ασεν] – аорист 3л. ед.ч. от глагола κατασκευάξω («снаряжать, оснащать, воздвигать»). Известно употребление этого глагола в таких сочетаниях: κ°τριρεις («снаряжать триеры»), κ°ιʹερόν («воздвигать храм»), κ°πόλιν («основывать город») и пр.

Глагол κατασκευάξω засвидетельствован и в эпиграфике. В надписи Аполлония, высеченной на каменной плите, этот глагол также употреблен в форме аориста: κατασκευάσενμνημεῖον («воздвиг памятник»)[498].

В надписи Агасигла из Херсонеса этот глагол сочетается со словом φρουρά – «стража, гарнизон»: φρουράν κατασκενυάξαντι – «снарядившему гарнизон».

Второе слово в этой строке *υμι* – хотелось бы восстановить как *‘υμῖν* – «вам» (дат. п. от местоимения *‘υμεῖς* «вы»). Однако

[497] Возможно, здесь мы имеем не вполне грамотную попытку образования причастия настоящего времени в форме ‘αντιδιδων (по аналогии с παιδεύων) вместо ожидаемого ‘αντιδιδούς. Тогда эту строку можно было бы восстановить как ‘αντιδιδωνου[σίαν] – «предположивший обмен имуществом (в порядке антидосы)».

[498] **Marek**, V Greek and Latin Inscriptions on stone. Praha, 1977, P. 1, 2, №5.

остаток следующего знака не дает повода восстановить знак *ню*, а скорее всего предполагает *омегу*. Из-за ограниченности выбора остается только предположить диалектную форму *ʻυμίων*, которая наряду с *ʻυμειων* встречается в надписях для род.п. мн. ч. от местоимения ʻυμεῖις.

Пятая строка сохранила часть слова: – *νεμο-*. Первая и последняя буквы его утрачены. С некоторой вероятностью можно восстановить слово *ʼάνεμο* («ветер»).

Исходя из приведенного разбора, можно предположить следующую реконструкцию надписи:

1. *[του] δάμ[ουψάφισμα]*[499]
2. *](α)ν ʼαγασατ(α)[ι][*
3. *][α]ντδίδων[*
4. *] [κατεσκε(ύ)ασενύμί(ω)[ν] [τριήρεις] [*
5. *-νεμο-*

Перевод:

1. [Постановление] народа.
2.]выразить восхищение[
3.] возмещающий[
4.] снарядил (ваши?) [триеры][500]
5.] (ветер?)[

Размещение знаков на фрагменте плиты позволяет предположить, что надпись в своем первоначальном виде состояла более чем из пяти строк. Во всяком случае, ниже пятой строки следовало бы ожидать скрепление постановления подписями.

Знаки надписи начертаны широко, свободно, но с соблюдением пропорций. Высота букв около 17мм. При такой же ширине и таком же расстоянии между строками. При этом высота букв верхней строки – 11мм, что функционально выделяет эту строку, вводящую в текст постановления.

Что касается особенностей формы знаков, то, прежде всего,

[499] Имея в первой строке дорийскую форму слова δᾶμος, соответствующую атт. δημος, есть основания реконструировать и дорийскую форму ψάφισμα (атт. ψηφισμα).

[500] Для этой строки можно предположить варианты: «снарядил гарнизон» (φρουράν), «основал храм» (ιερον), «воздвиг памятник» (μνηεῖον). Все они передаются глаголом κατασκευάξω.

следует обратить внимание на курсивные формы некоторых знаков. Так, сигма и эпсилон имеют лунарную форму *C Є*, в отличие от ранних *ω* и *E,* характерных для Эшерской надписи[501].

Омикрон и *тета* представлены в виде кругов *O Θ* и почти равны высоте строки, в отличие от ранних надписей, где эти знаки значительно меньше остальных. При этом *тета* начертана с замкнутой горизонталью *Θ*. *Омега* представлена курсивной формой *ω*. Вертикальные линии *M* и *N* равновелики и равны высоте строки. Альфа имеет не ломанную гасту, а слегка наклонную вправо *A*.

Знаки надписи не имеют серифов.

Все перечисленные особенности конфигурации знаков [Cuarducci, 1969], равно как и ряд других признаков стиля, свидетельствуют о датировке надписи II в.

Таким образом, рассмотренный текст, скорее всего, представляет «почетную» надпись или надпись о заслугах. Этот вид надписей широко представлен в древнем Причерноморье и относится к жанру декретов.

В данной надписи восхваляется заслуга человека (имя его не сохранилось), совершившего какое-то важное общественное деяние. Диапазон таких деяний примерно нами очерчен. В данном случае, имея возможность восстановления в последней строке слова «ветер», вероятнее всего предположить в качестве заслуги снаряжение триер[502].

Находка надписи II в. на территории Сухумской крепости в период возведения нового города Себастополиса свидетельствует о непрерывной традиции использования греческого языка в культурном пространстве древней Абхазии.

Данная работа является предварительной публикацией. Надпись требует дальнейшего изучения как со стороны ее текста, так и со стороны исторического и культурного контекста.

[501] **Каухчишвили Т.С.** Греческая надпись с Эшерского городища. Источниковедческие разыскания. Тб., 1985, с. 210–220.

[502] **Вертоградова В.В., Габелия А.Н.** Новая греческая надпись из раскопок Сухумской крепости. Кавказ: История, культура, традиции, языки. Материалы конференции. Сухум, 2004, с. 218–223.

Список литературы

1. Аибабин А.Н. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени – Симферополь, 1990.
2. Апакидзе А.М. Археологические раскопки в Пицунде. Великий Питиунт. Т. III. – Тбилиси, 1977.
3. Апакидзе А.М., Лордкипанидзе О.Д. Новые материалы по археологии Диоскурии – Себастополиса. – Труды АБИЯЛИ, т. XXXIII–XXXIV, Сухуми, 1963.
4. Башкиров А.С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925г. ИАБНО, вып. 4, – Сухуми, 1926.
5. Бгажба О.Х. Очерки по ремеслу Средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). – Сухуми, 1977.
6. Вертоградова В.В., Габелия А.Н. Новая греческая надпись из раскопок Сухумской крепости. Кавказ: история, культура, традиции, языки. Материалы Конференции. – Сухум, 2004.
7. Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Материалы по археологии Цебельды. – Тб., 1985.
8. Воронов Ю.Н. Краснолаковая посуда Апсилии (V–VI вв. н.э.) Известия АБНИЯЛИ, XII. – Сухуми, 1983.
9. Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии. – Сухуми, 1969.
10. Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до. н.э. – II в. н.э. (морфология). – Москва, 2003.
11. Внуков С.Ю. О выделении разновидностей коричневоглиняных амфор. Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 10, Москва – Магнитогорск, 2001.
12. Гайдукевич Г.Ф. Керамическое производство и античные строительные материалы. – САИ, вып. Г–20, М., 1966.
13. Гунба М.М., Хотелашвили М.К. Краткий отчет об археологических раскопках в Сухуме, Археологичсекие открытия 1983 года в Абхазии. – Тб., 1987.
14. Голенко К.В. Монеты из находок в Сухумской крепости. – Труды АБИЯЛИ, т. XXXIII–XXXIV, Сухуми, 1963.
15. Дундуа Г.Ф. Монетное обращение и торгово-экономические связи Бичвинты по нумизматическим данным во II

в. до н.э. – IV в. н.э. Великий Питиунт. Том II, Тб., 1975.
16. Ельницкий Д.А. Новые документы антихристианской реакции в Римской Империи в IV н.э. – СА, 1962.
17. Каухчишвили Т.С. Греческая надпись на Сухумском светильнике. – Труды АБИЯЛИ, XXVII, 1957.
18. Каухчишвили Т.С. Греческая надпись Бичвинтской мозаики. Великий Питиунт. – Тб., 1978.
19. Каухчишвили Т.С. Греческая надпись с Эшерского городища. Источниковедческие разыскания. – Тб., 1978.
20. Cuarducci, M. Epigrafia greca, II? Roma, 1969.
21. Книпович. Т.Е. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции 1935–1940 гг. – МИА, № 25, 1952.
22. Лордкипанидзе О.Д. Краснолаковая керамика из раскопок Пицунды. Основные типы и их датировка. – Тб., 1962.
23. Леквинадзе В.А. Вислая печать Константина Абазгского. Сообщения Академии Наук Грузии.
24. Леквинадзе В.А. Оборонительные сооружения Себастополиса. – СА, №1, 1966.
25. Marek, V Greek and Latin Inscriptions on stone. Praha, 1977. P. 1, 2. №5.
26. Николаишвили В.В. Отчет о полевых исследованиях 1969–1970 гг. Великий Питиунт. Том II, Тб., 1975.
27. Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый мыс; Сазанов В.А. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV–V вв. Проблемы истории, философии, культуры. Выпуск 2, 1999.
28. Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени (материал по археологии, истории и этнографии). – Симферополь, вып. 4, 1994.
29. Силантьева Л.Ф. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата. Боспорские города, II – МИА, №85, 1958.
30. Сизов В.И. Восточное побережье Черного моря. – МАК, вып. 2, 1989.
31. Трапш М.М. Древний Сухуми. – Труды, том II, Сухуми, 1969.

32. Трапш М.М. Раскопки древнего Себастополиса в районе Сухумской крепости в 1956г. – Труды АБИЯЛИ, т. XXXIII–XXXIV, Сухуми, 1963.
33. Трапш М.М. Средневековая Анакопия. – Труды, том IV, Сухуми, 1975.
34. Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причероморья (IV–VII века). – М., 2002.
35. Хрушкова Л.Г. Новая октогональная церковь в Себастополисе в Абхазии и ее литургическое устройство. Литургия, архитектура и искусство Византийского мира. Труды XVIII международного конгресса византистов. – Спб., 1995.
36. Шервашидзе Л.А., Соловьев Л.И. Исследование древнего Себастополиса. – СА, № 3,1960.
37. Шамба С.М. О чем говорят монеты. – Сухуми, 1982.
38. Шамба С.М. Монетное обращение на территории Абхазии (V в до н.э. – XIII в. н.э.). – Тб., 1987.
39. Шамба Г.К. Эшерское городище. – Тб., 1990.

Список сокращений

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
САИ – Свод археологических источников
АБИЯЛИ – Абхазский институт языка, литературы и истории.
СА – Советская археология
АБНО – Абхазское научное общество.

Список таблиц

Таб. I. Ситуационный план Сухумской крепости.

Таб. II. Сухумская крепость. Раскоп №1 – схематический план поздних построений.

Таб. III. Сухумская крепость. Раскоп №1. Остатки фундаментов поздних построек.

Таб. IV. Сухумская крепость. Раскоп №1. Остатки жилых помещении, погребения.

Таб. V. Курительные трубки (турецкие) из Сухумской крепости.

Таб. VI. Сухумская крепость. Погребения в амфоре.

Таб. VII. Сухумская крепость. Погребения в амфоре.

Таб. VIII. Сухумская крепость. Предметы быта.

Таб. IX. Сухумская крепость. Пифосы.

Таб. X. Сухумская крепость. Амфоры.

Таб. XI. Сухумская крепость. Амфоры.

Таб. XII. Сухумская крепость. Амфоры.

Таб. XIII. Сухумская крепость. Амфоры.

Таб. XIV. Сухумская крепость. Амфоры.

Таб. XV. Сухумская крепость. Амфоры.

Таб. XVI. Сухумская крепость. Амфоры.

Таб. XVII. Сухумская крепость. Амфора с граффитти.

Таб. XVIII. Сухумская крепость. Амфоры.

Таб. XIX. Сухумская крепость. Лутерии.

Таб. XX. Сухумская крепость. Горшки.

Таб. XXI. Сухумская крепость. Керамика.

Таб. XXII. Сухумская крепость. 1. Сковорода.

Таб. XXIII. Сухумская крепость. Белоглиняная поливная керамика .

Таб. XXIV. Сухумская крепость. Поливная керамика.

Таб. XXV. Поливная керамика из Сухумской крепости.

Таб. XXVI. Сухумская крепость. Поливная керамика.

Таб. XXVII. Сухумская крепость. Поливная керамика.

Таб. XXVIII. Сухумская крепость. Поливная керамика.

Таб. XXIX. Сухумская крепость. Краснолаковая керамика.

Таб. XXX. Сухумская крепость. Краснолаковая керамика.

Таб. XXXI. Сухумская крепость. Краснолаковая керамика.

Таб. XXXII. Сухумская крепость. Краснолаковая керамика.

Таб. XXXIII. Сухумская крепость. Краснолаковая керамика.

Таб. XXXIV. Сухумская крепость. Краснолаковая керамика.

Таб. XXXV. Строительная керамика из Сухумской крепости. Черепица.

Таб. XXXVI. Строительная керамика из Сухумской крепости. 1-3. Черепица. 4-8. Кирпичи.

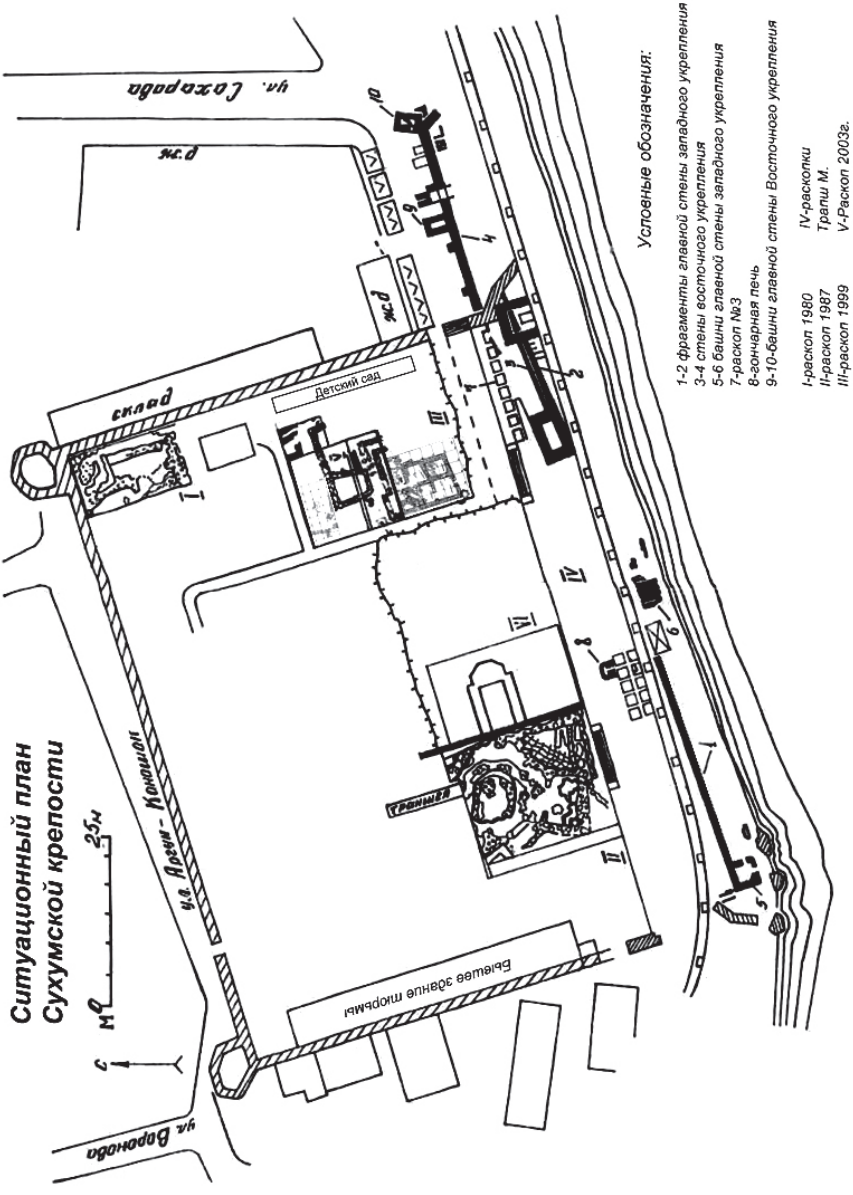
Таб. XXXVII. Строительная керамика из сухумской крепости. Кирпичи.

Таб. XXXVIII. Монеты из Сухумской крепости.

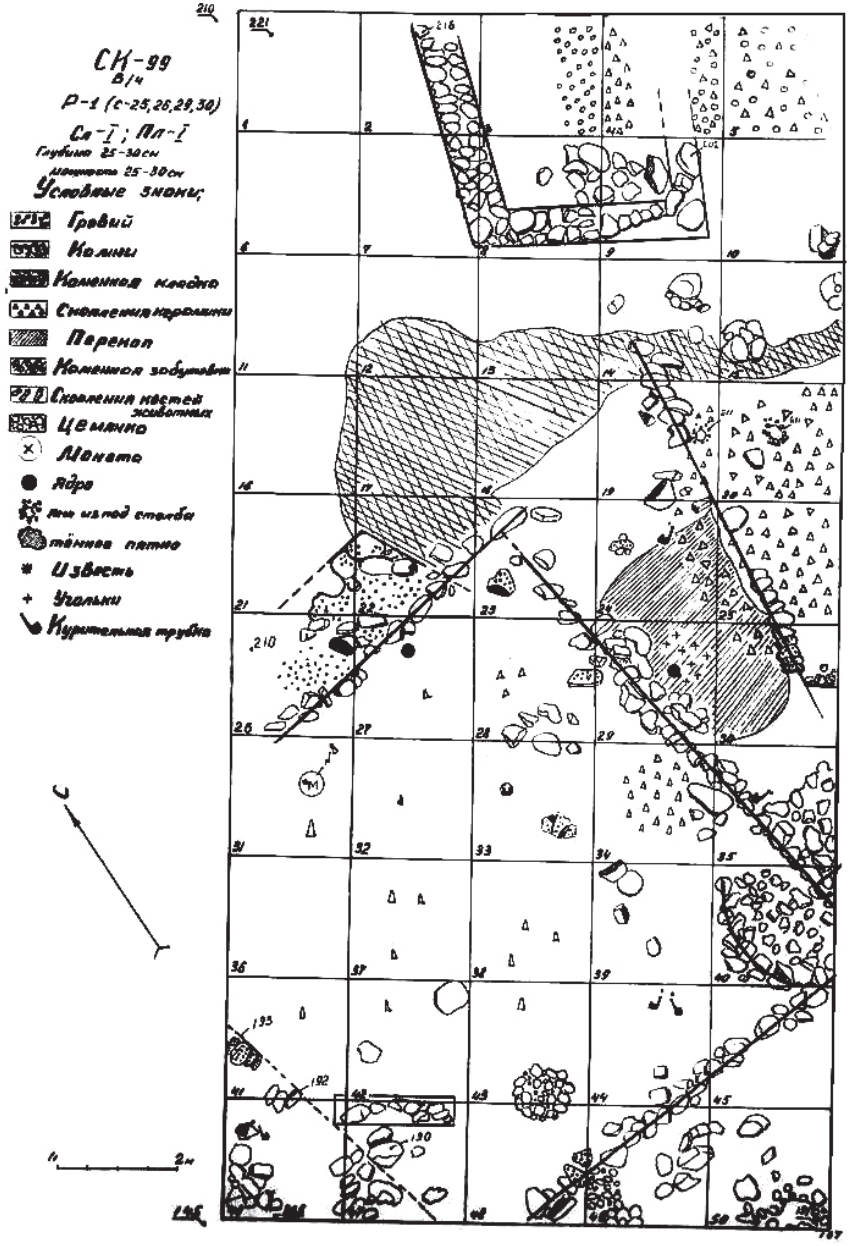
Таб. XXXIX. Сухумская крепость. Граффити.

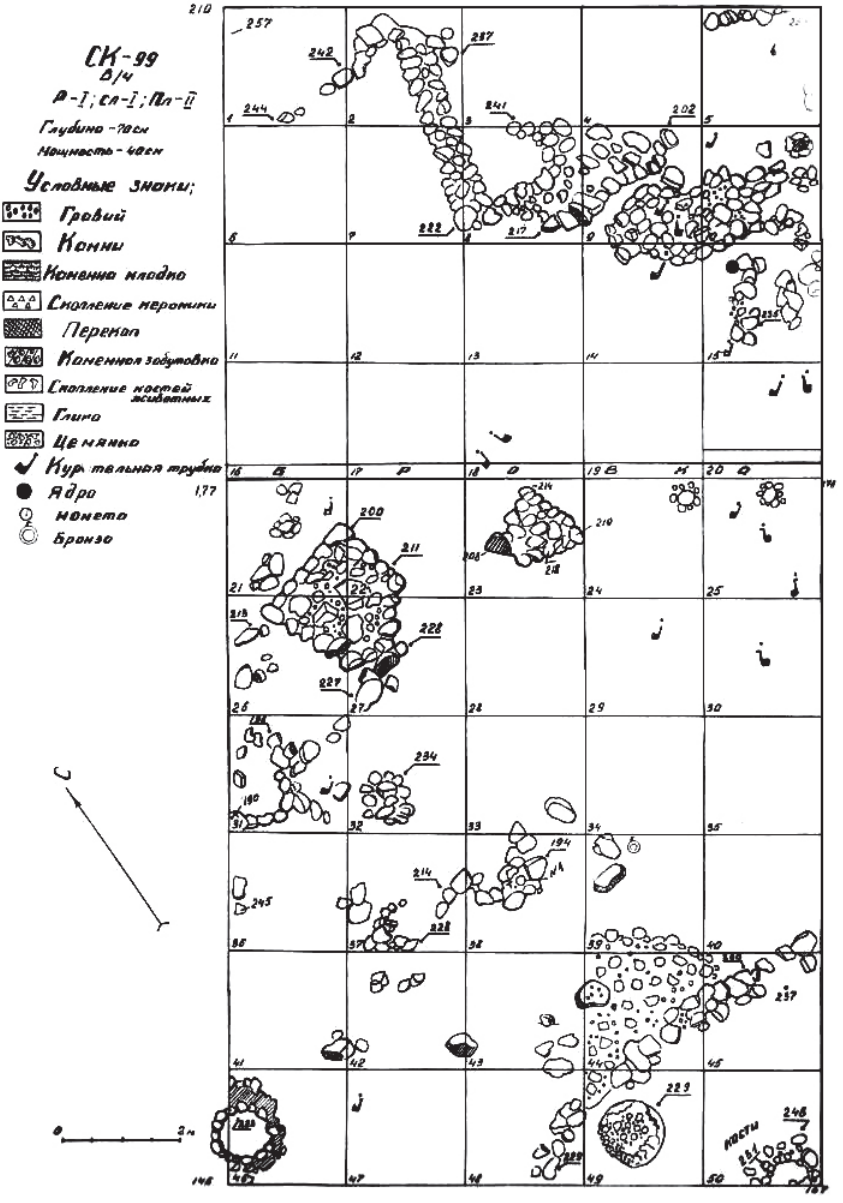
I

Ситуационный план
Сухумской крепости
25м
ул. Дзидзария - Конашени
ул. Воронова
ул. Сахарова
ул.Д.Ж.
Склад
Детский сад
Бывшее здание мэрии
Трапш
Условные обозначения:
1-2 фрагменты главной стены западного укрепления
3-4 стены восточного укрепления
5-6 башни главной стены западного укрепления
7-раскоп №3
8-гончарная печь
9-10-башни главной стены Восточного укрепления
I-раскоп 1980
II-раскоп 1987
III-раскоп 1999
IV-раскопки Трапш М.
V-Раскоп 2003г.

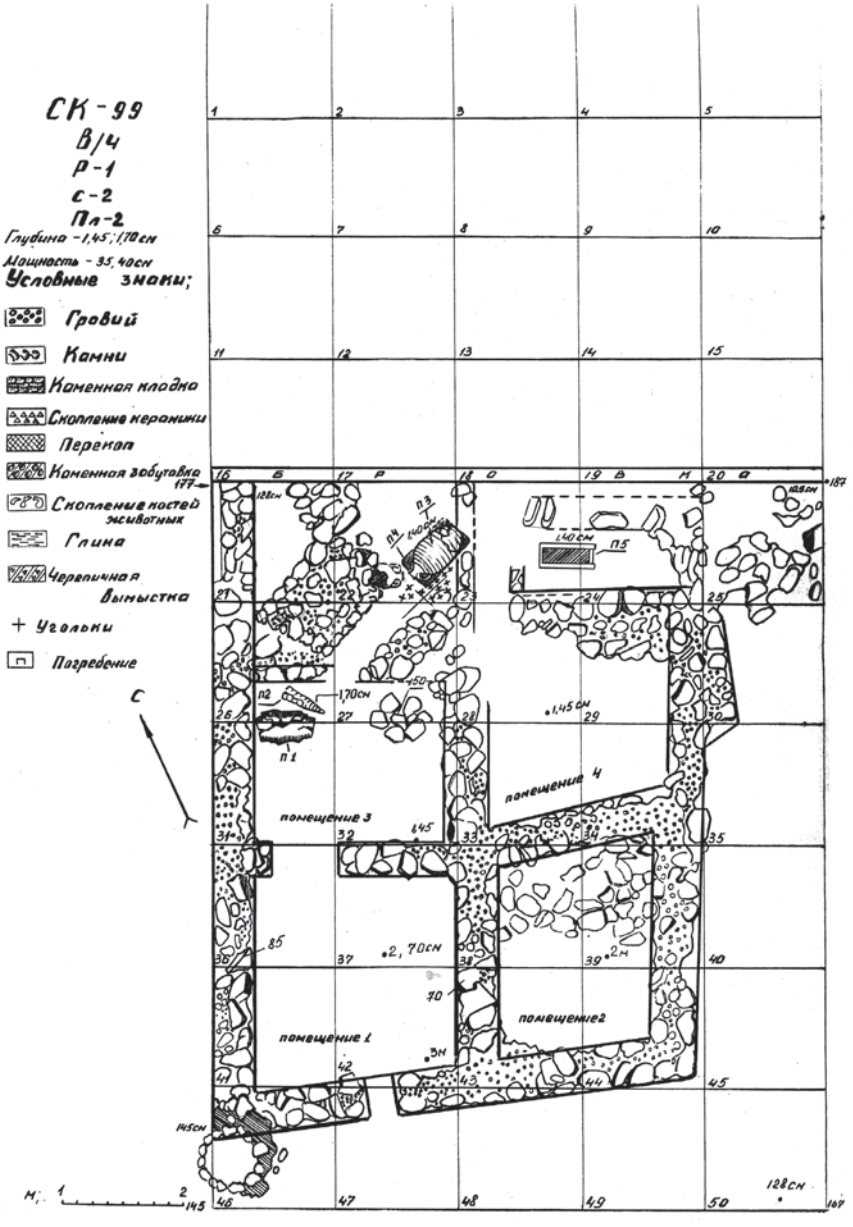
II

СК-99
В/4
Р-1 (с-25,26,29,30)
Са-I; Пл-I
Глубина 25-30 см
Мощность 25-30 см
Условные знаки:
Гравий
Мелины
Каменная кладка
Скопление керамики
Перекал
Каменная забутовка
Скопления костей животных
Цементно
Монета
Ядро
Пятно из под столбы
тёмное пятно
Известь
Угольки
Курительная трубка
2м

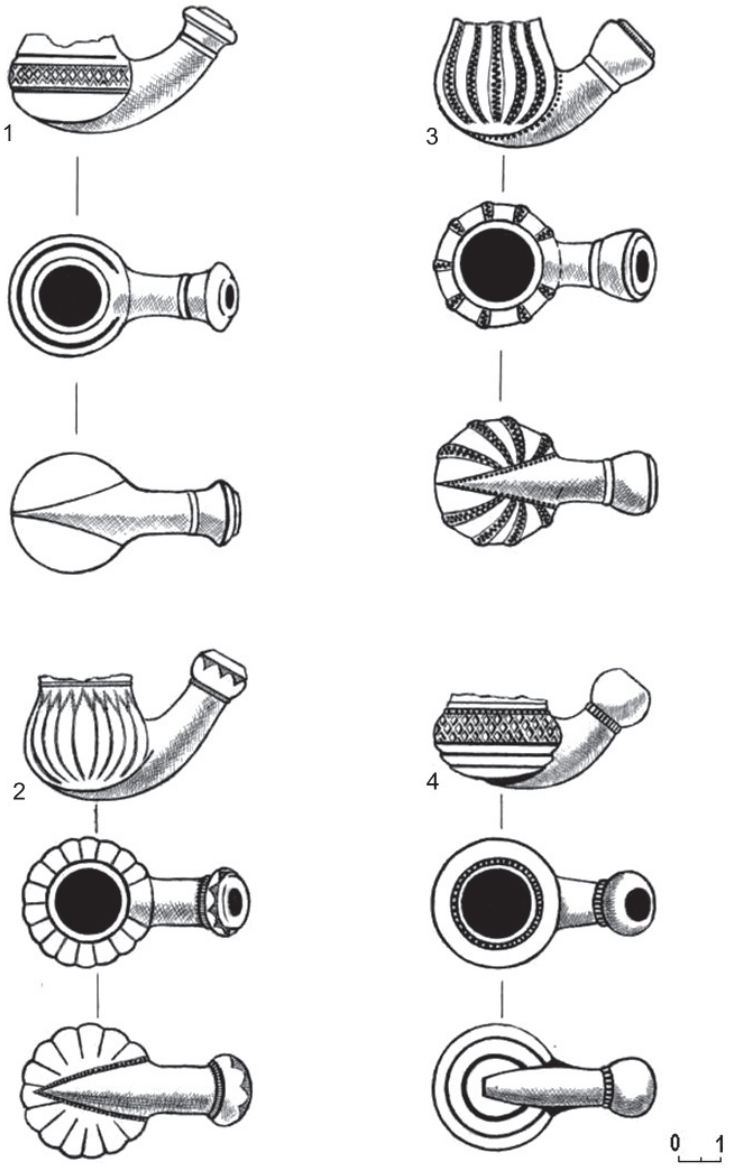
III

СК-99
Д/4
Р-I; СА-I; Пл-II
Глубина - 70см
Мощность - 40см
Условные знаки:
Гровий
Камни
Каменная кладка
Скопление керамики
Перекоп
Каменная зобутовка
Скопление костей животных
Глина
Целянка
Курительная трубка
Ядро
монета
Бронза
С
0
2м

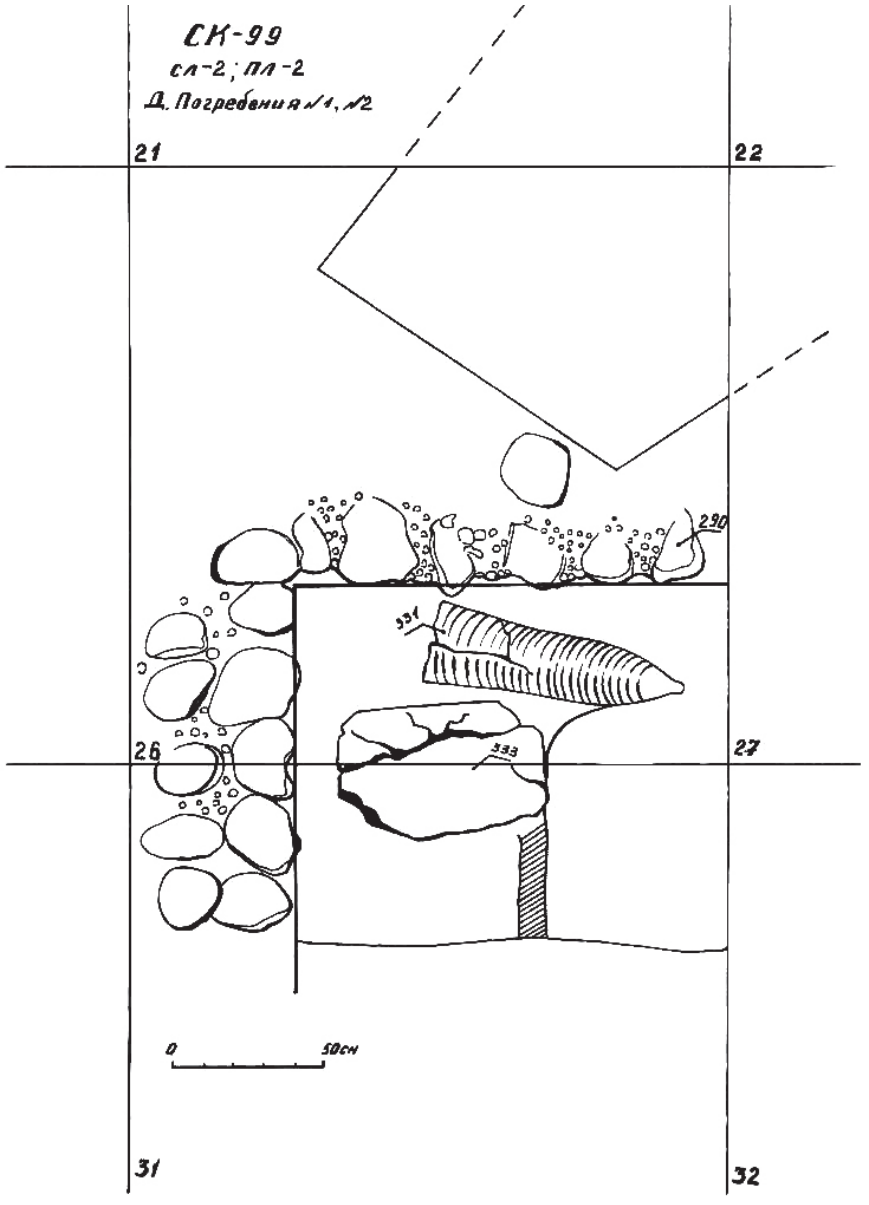
IV

СК-99
В/Ч
Р-1
С-2
Пл-2
Глубина -1,45; 1,78 см
Мощность - 35, 40 см
Условные знаки;
Гровий
Камни
Каменная кладка
Скопление керамики
Перекоп
Каменная зобутовка
Скопление костей животных
Глина
Черепичная выстилка
Угольки
Погребение
С
помещение 1
помещение 2
помещение 3
помещение 4
п1
п2
п3
п4
п5
1,70см
1,40см
1,45см
2,70см
128см
145см
м: 1 2 145

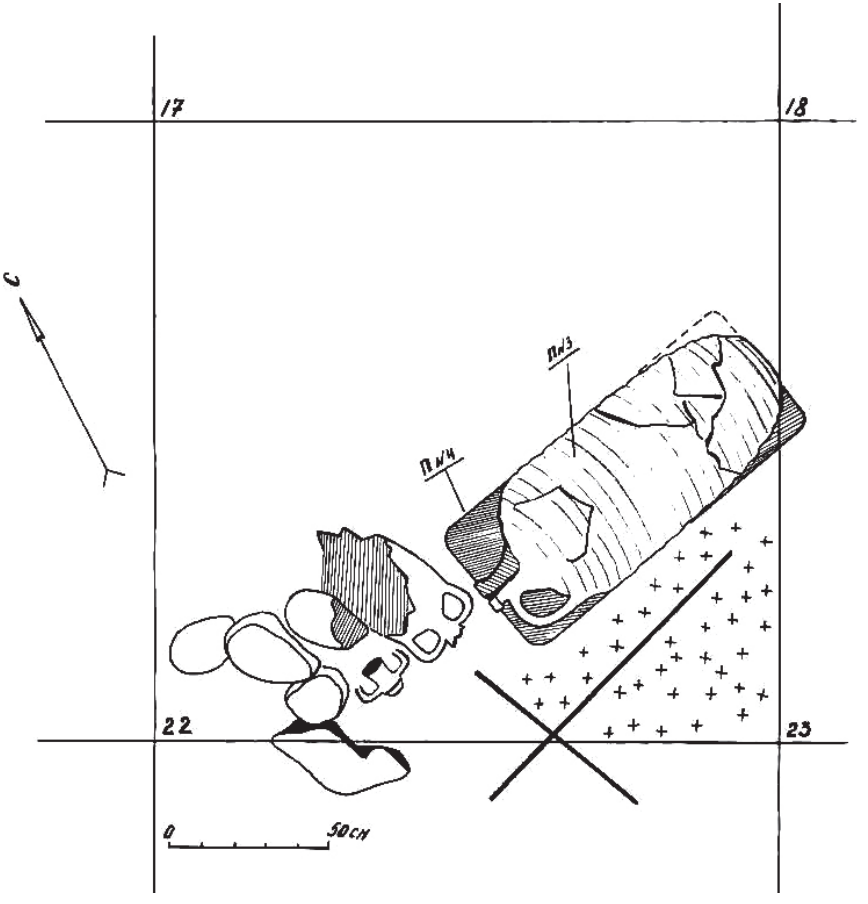
V

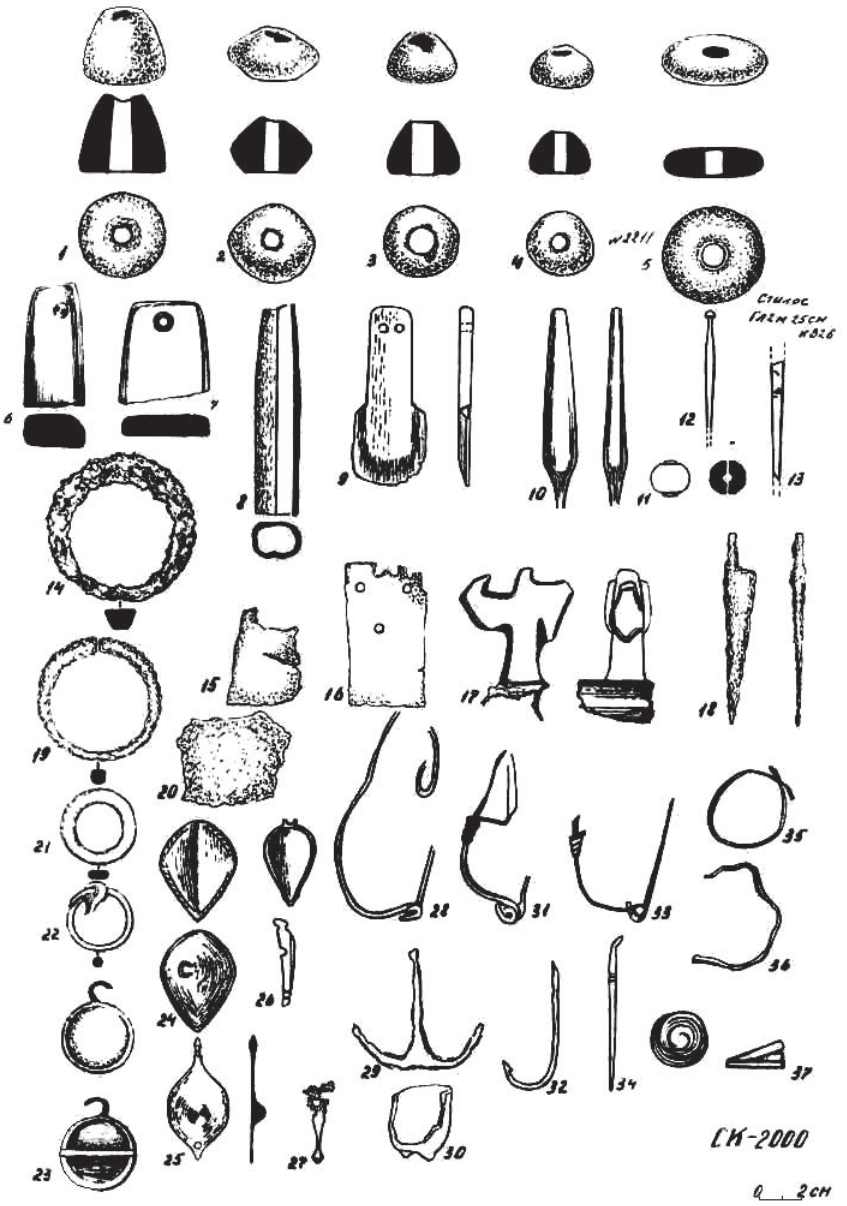
VI

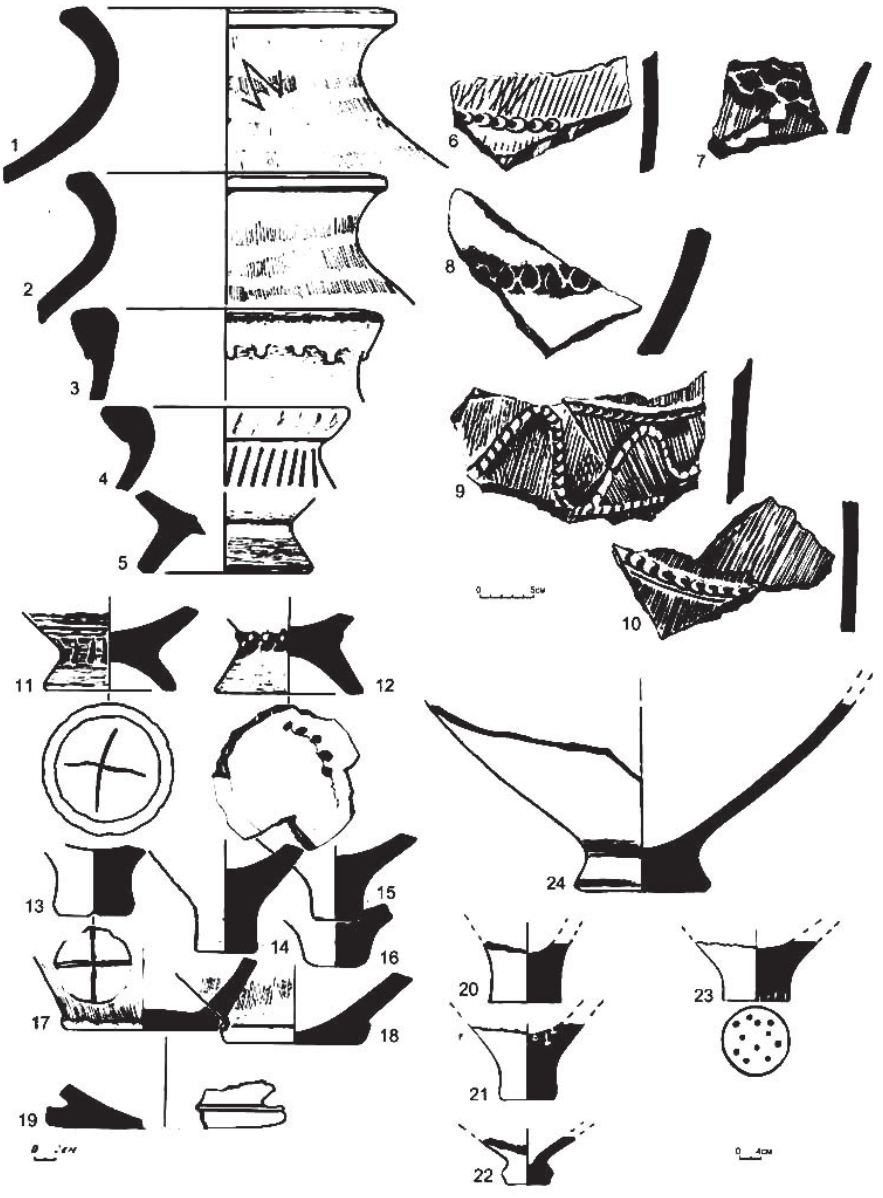
VII

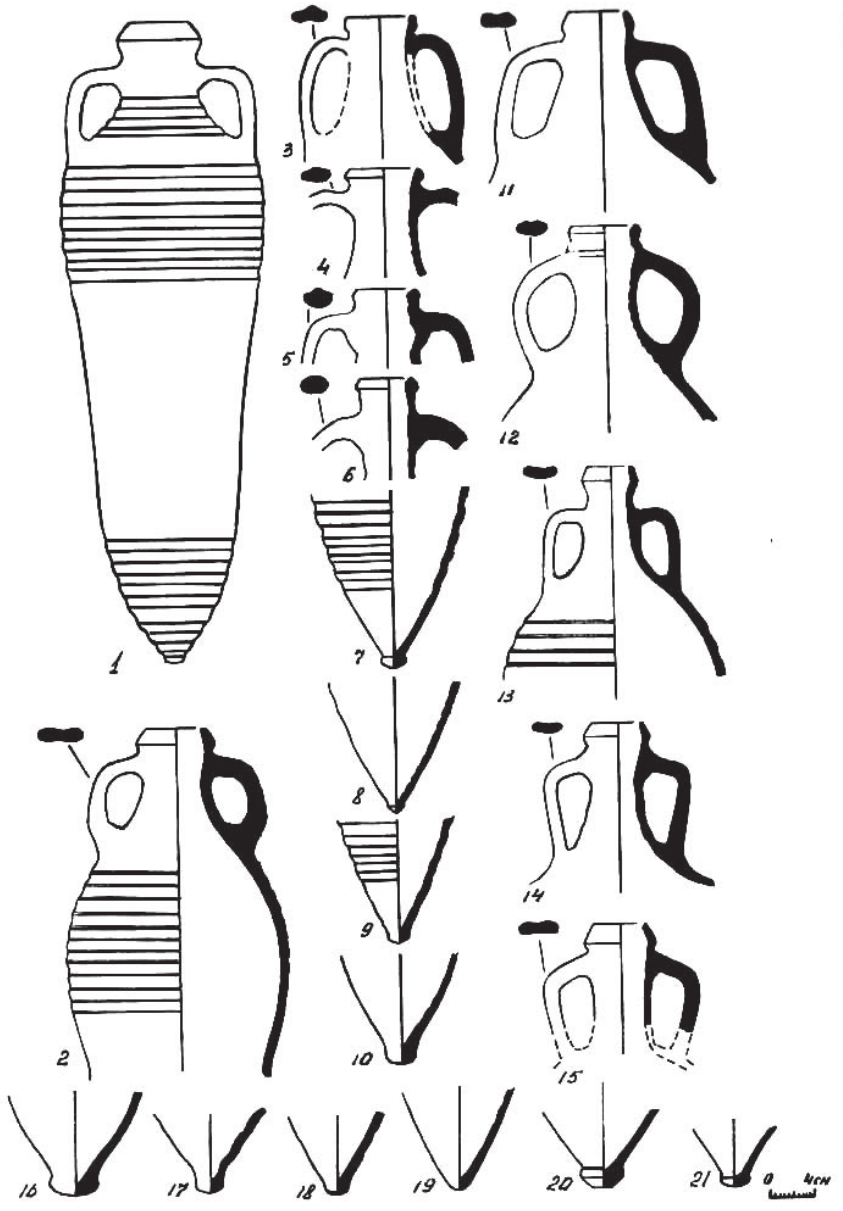
VIII

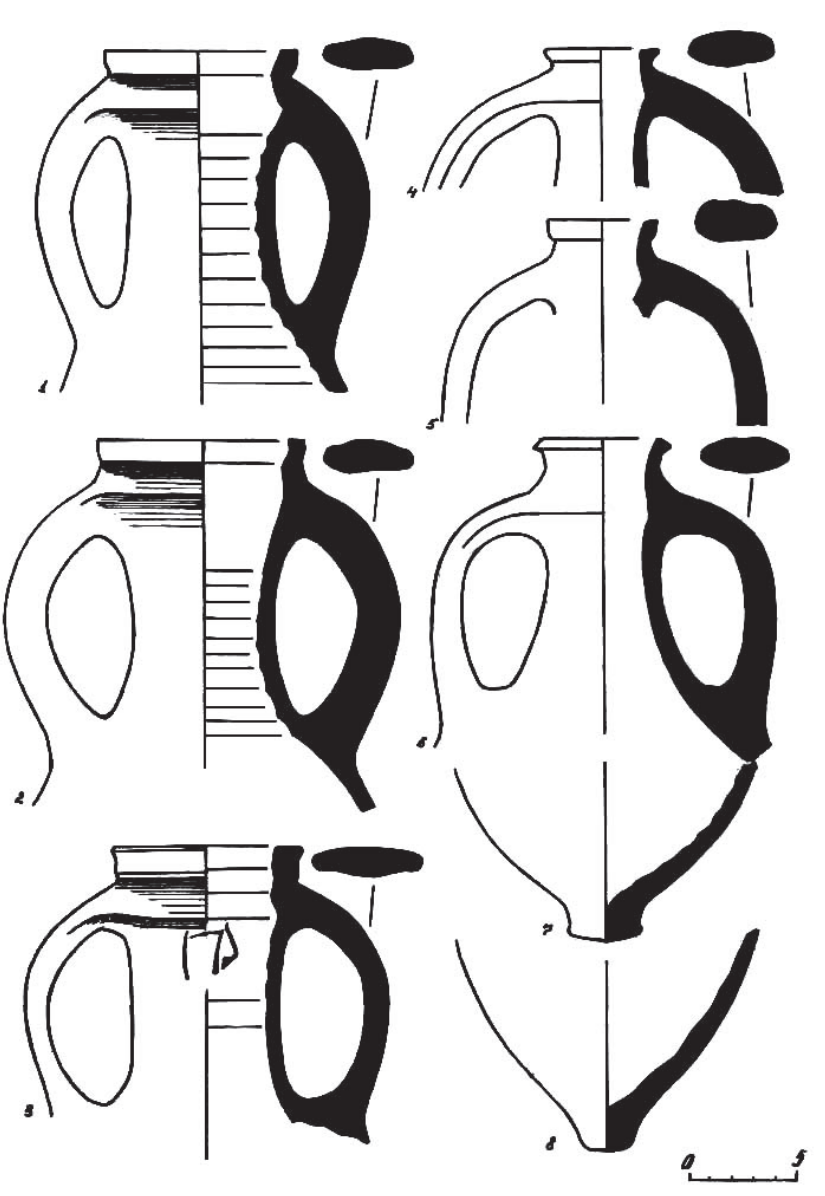
IX

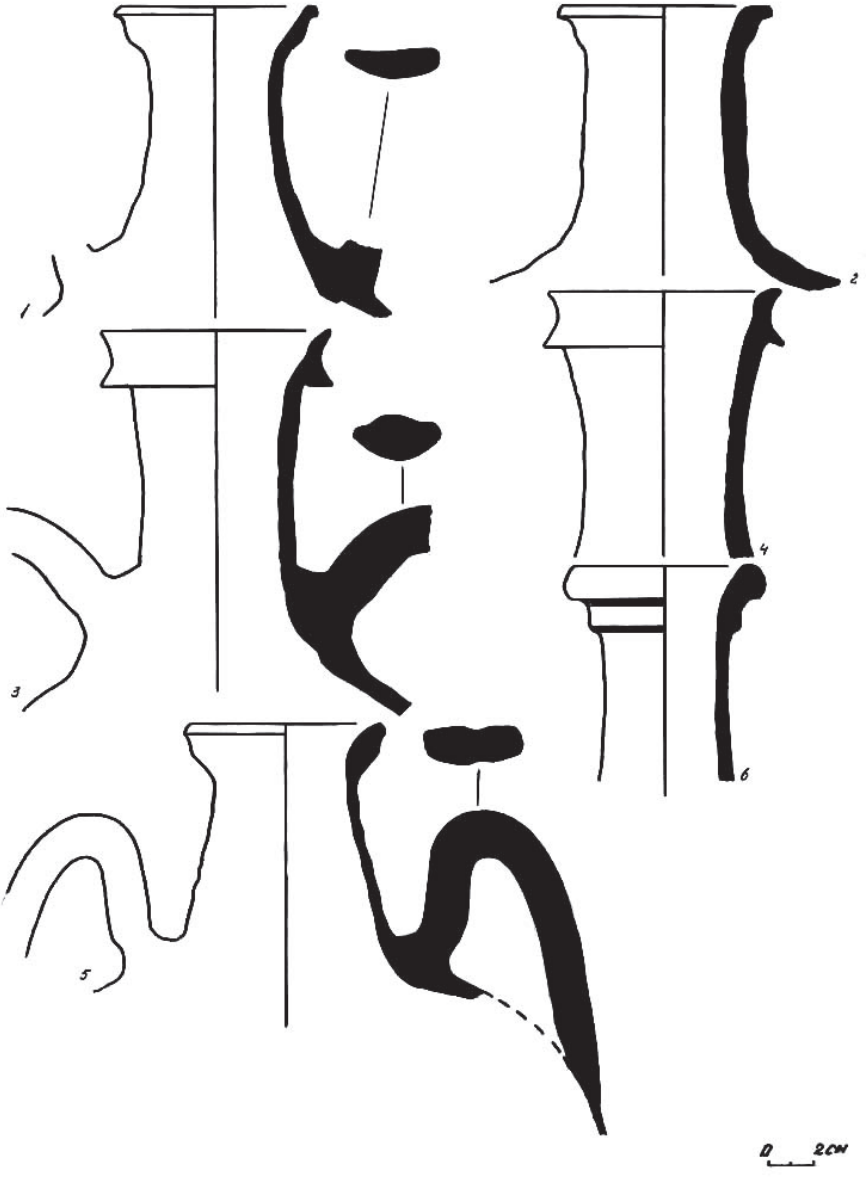
X

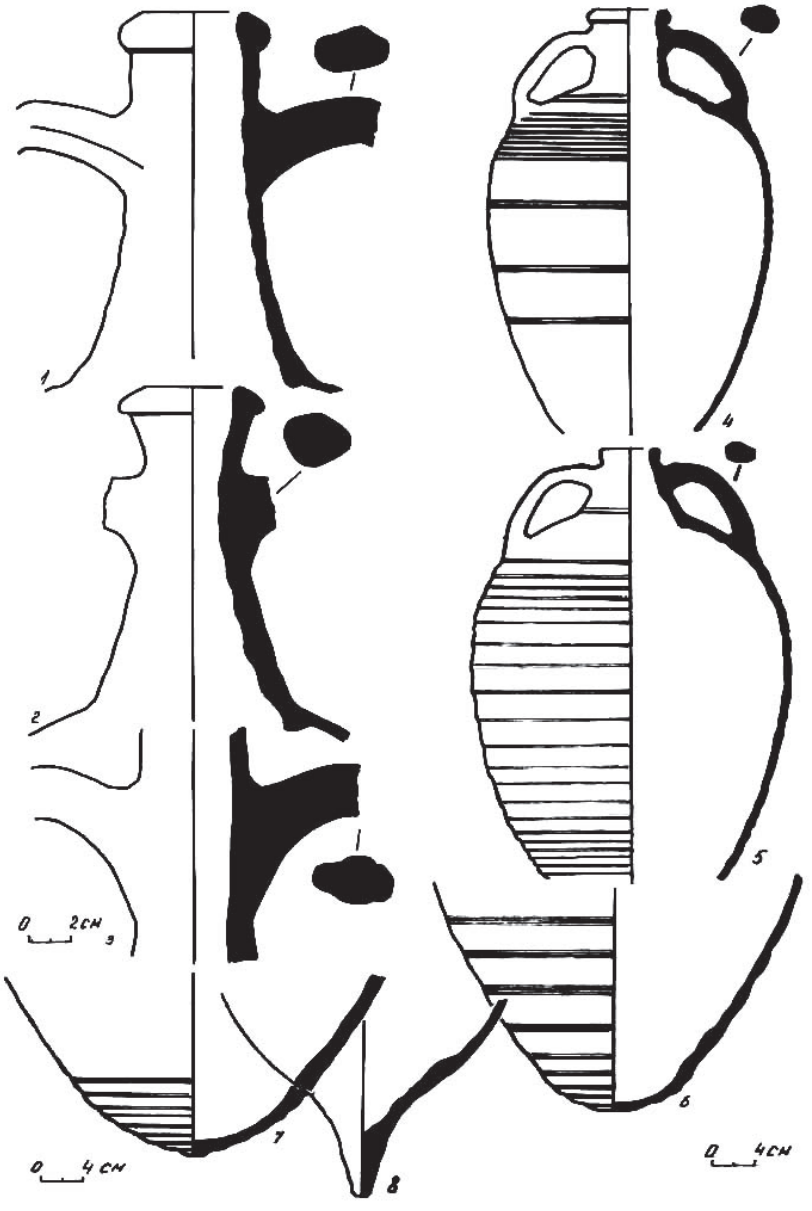
XI

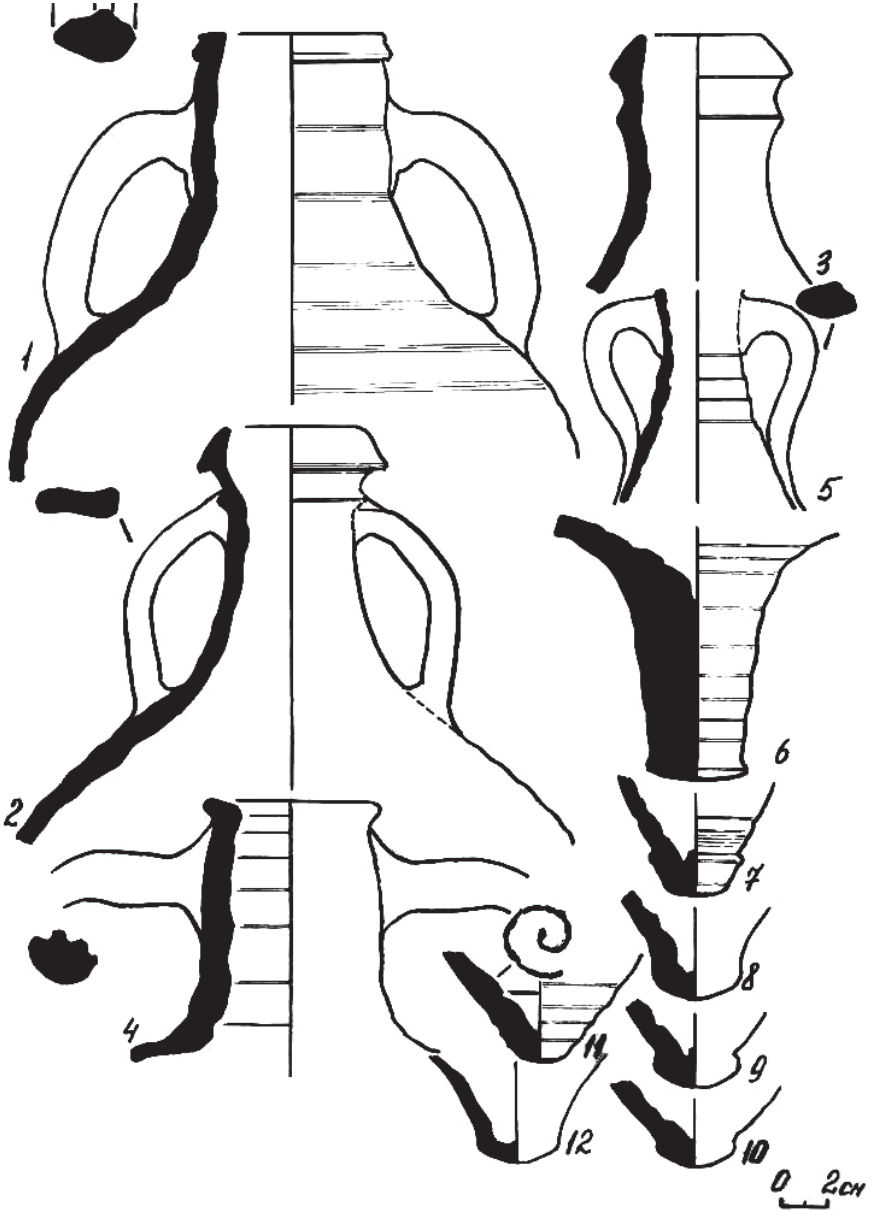
XII

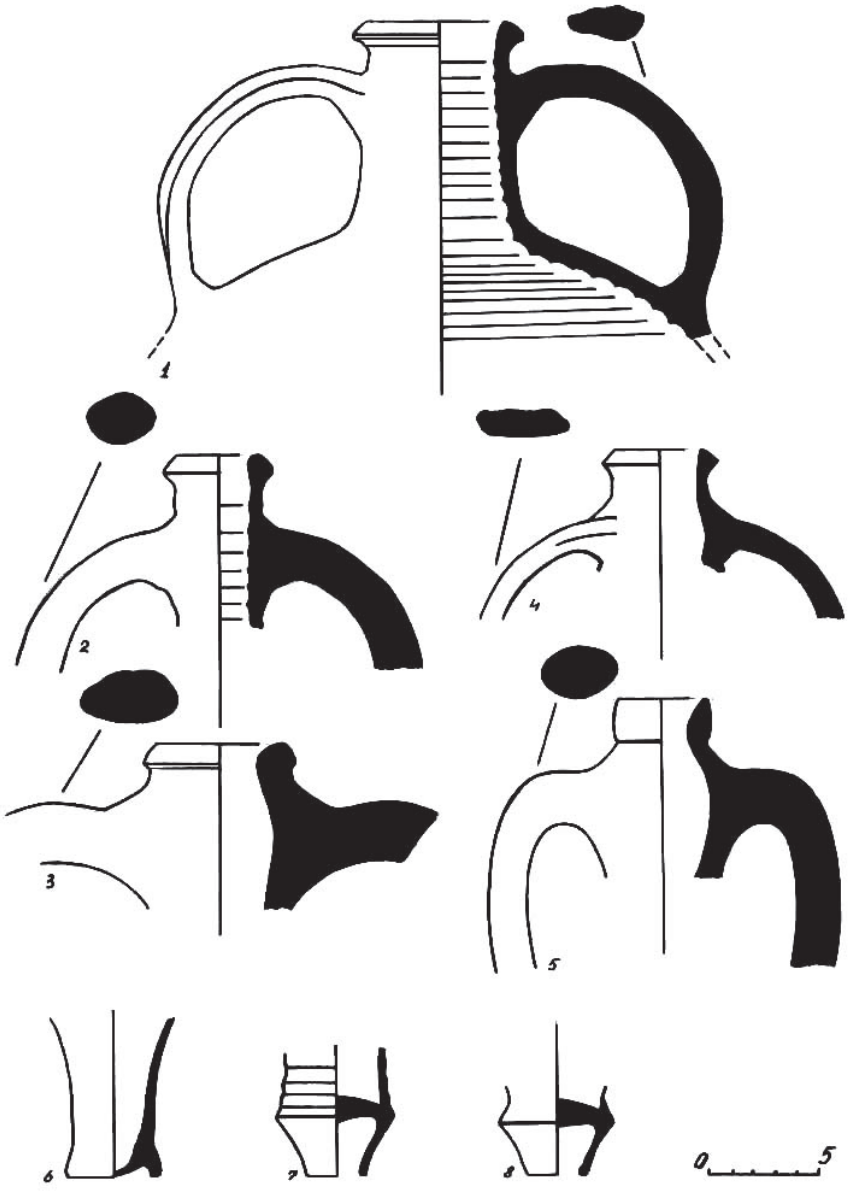
XIII

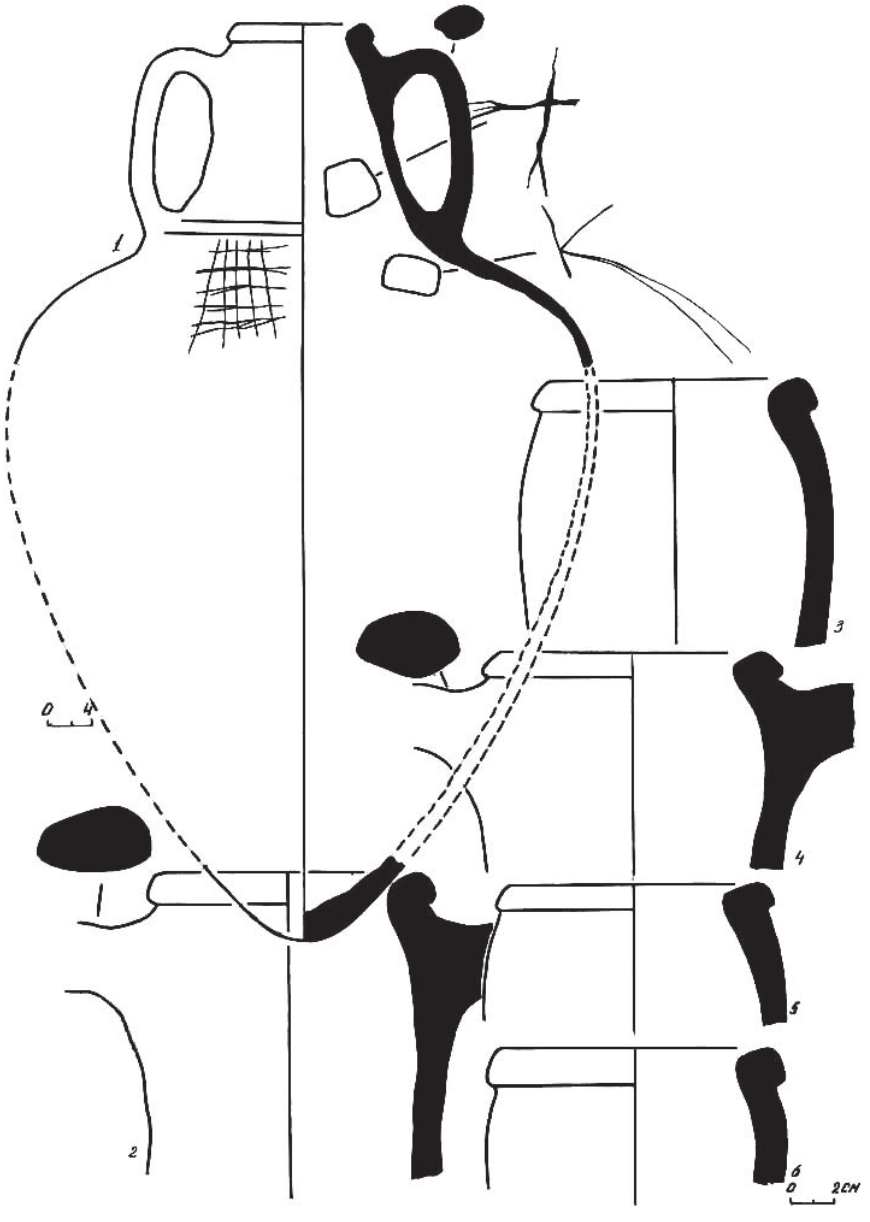
XIV

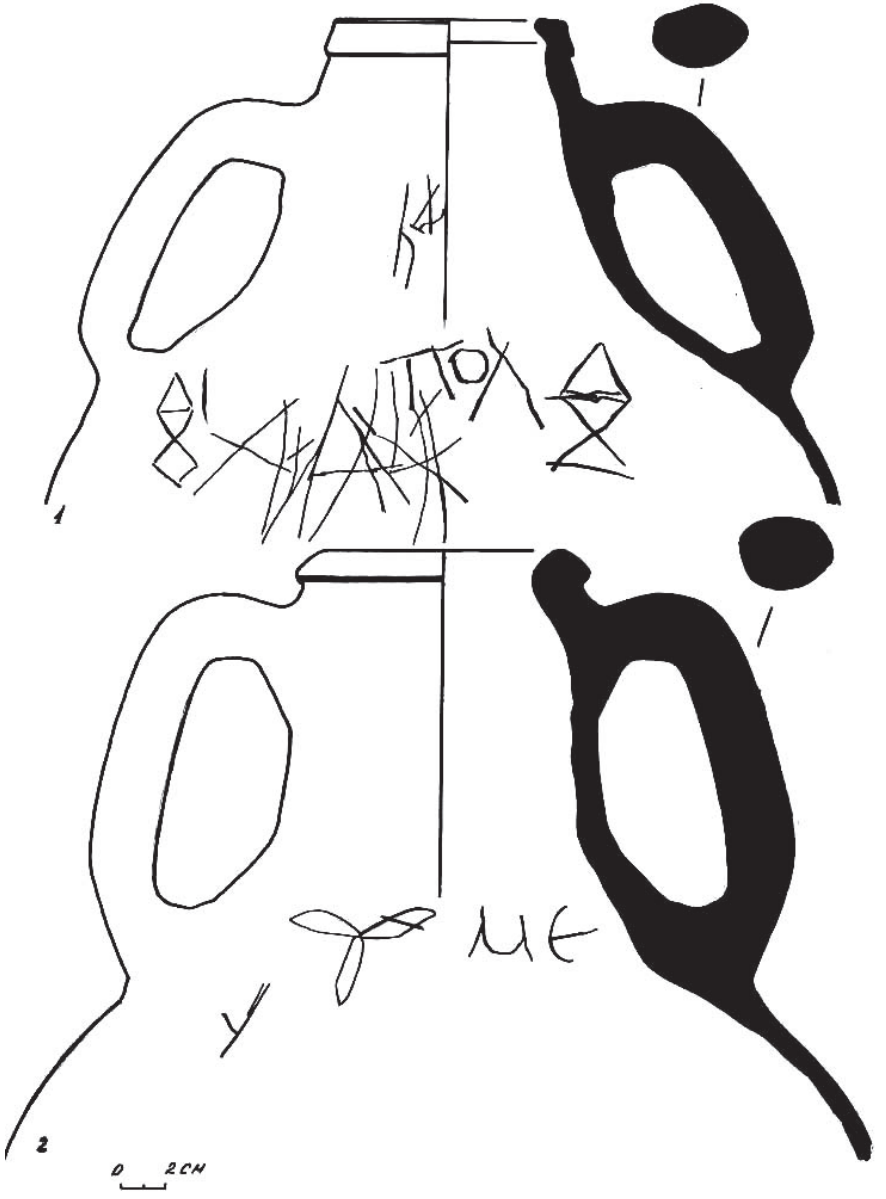
XV

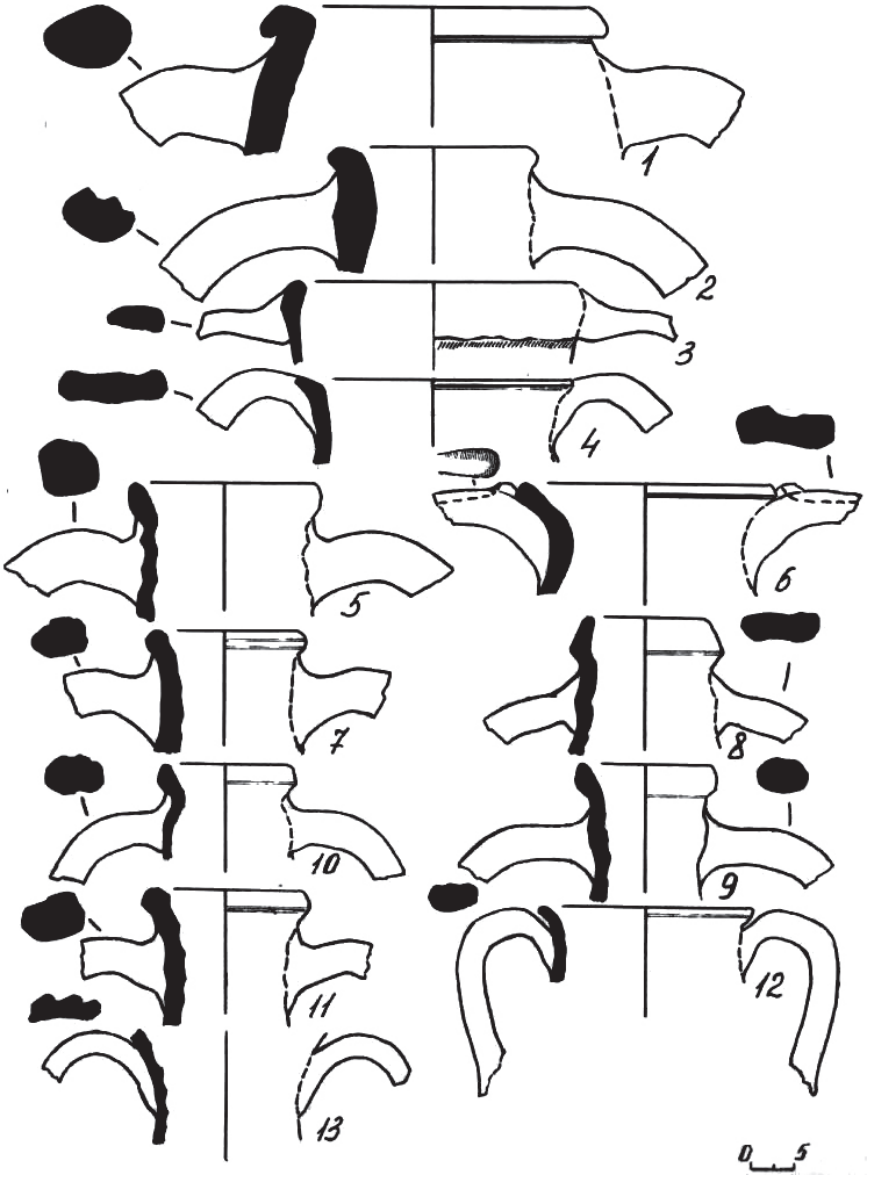
XVI

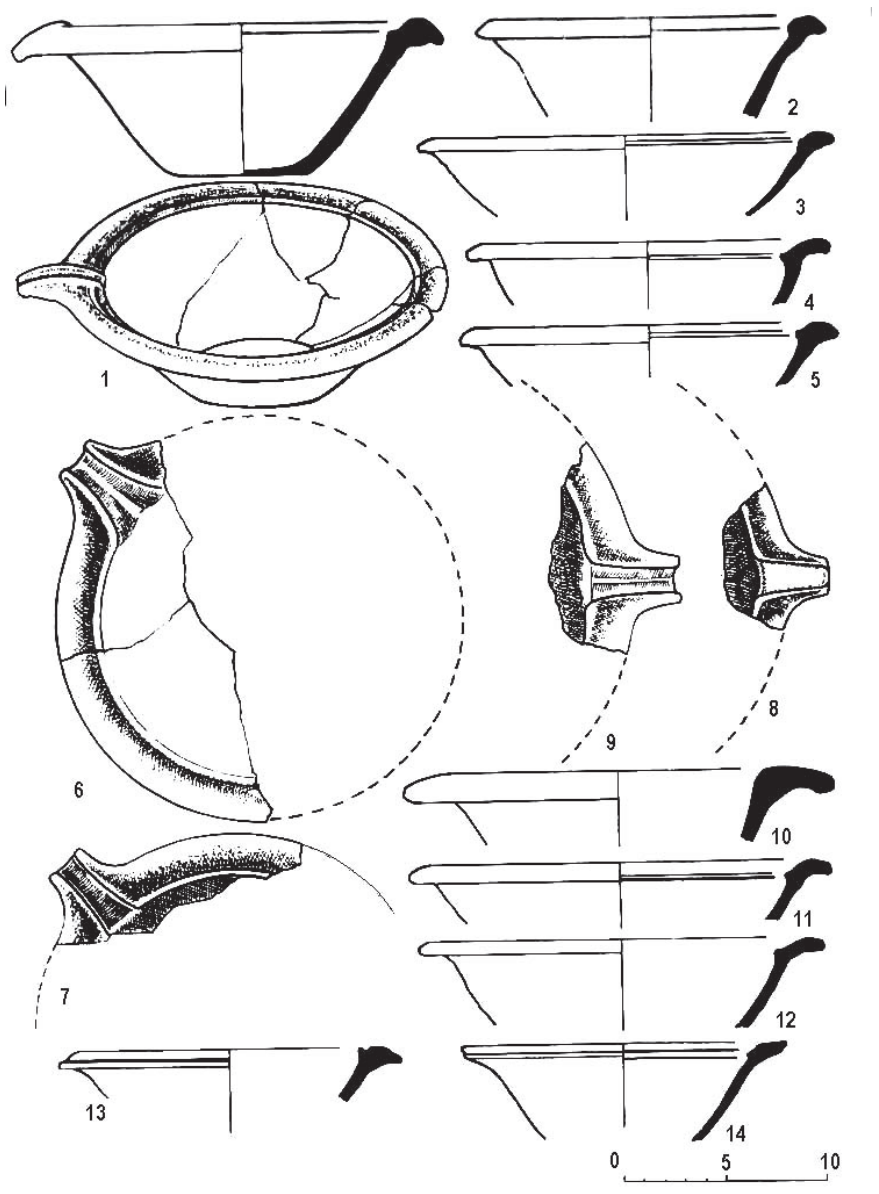
XVII

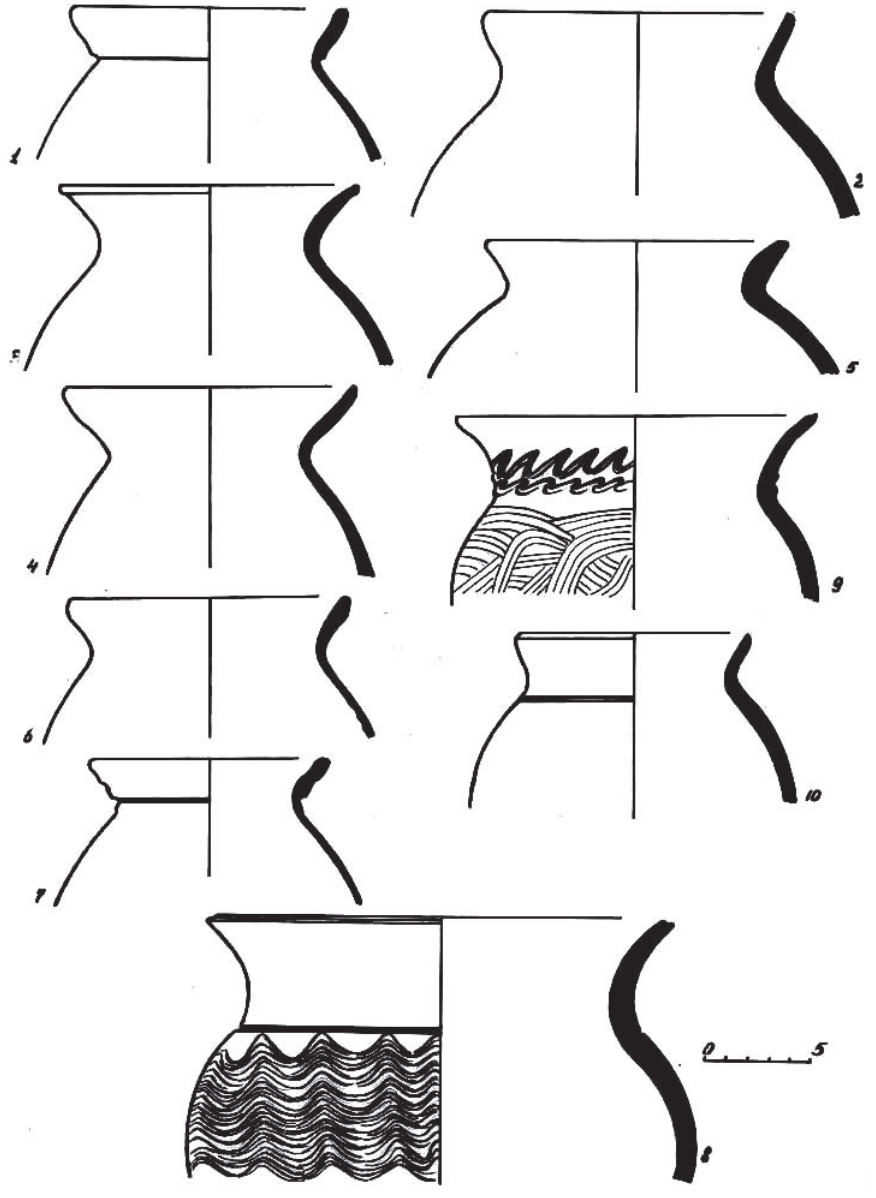
XVIII

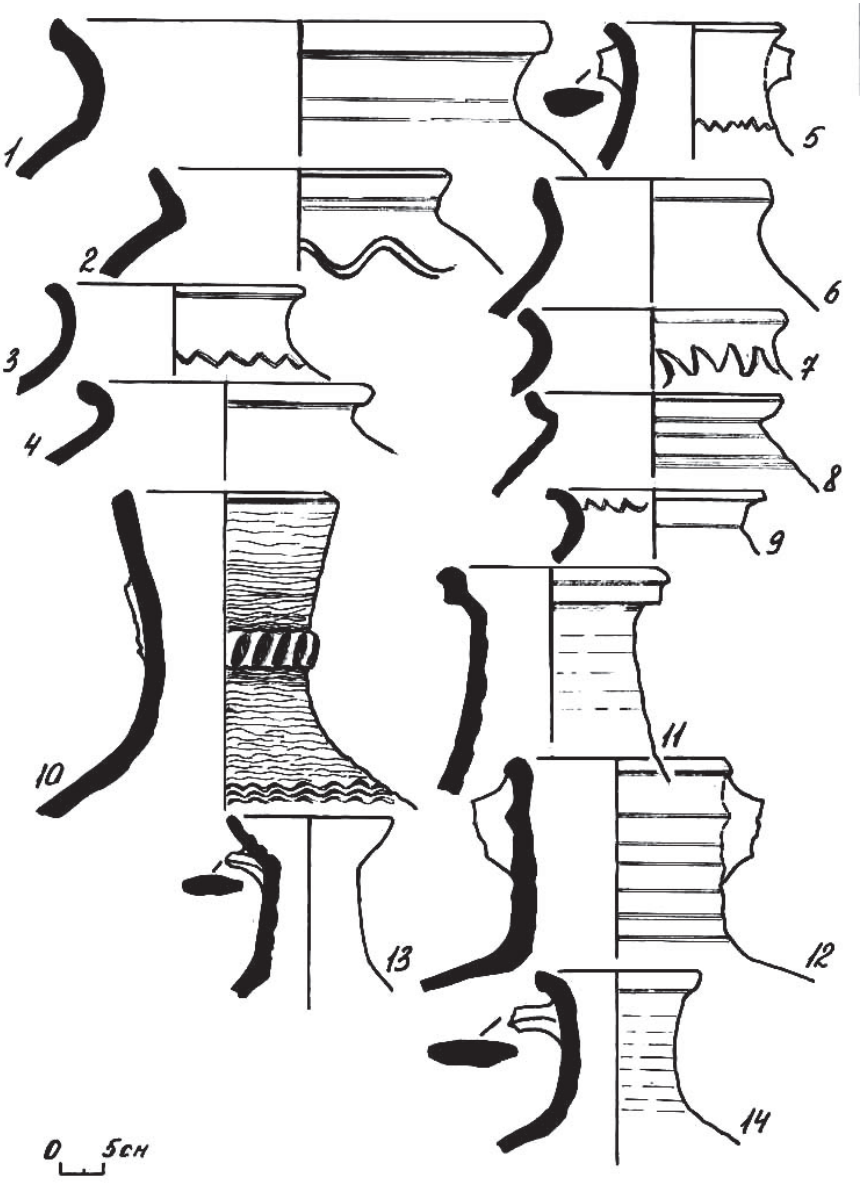
XIX

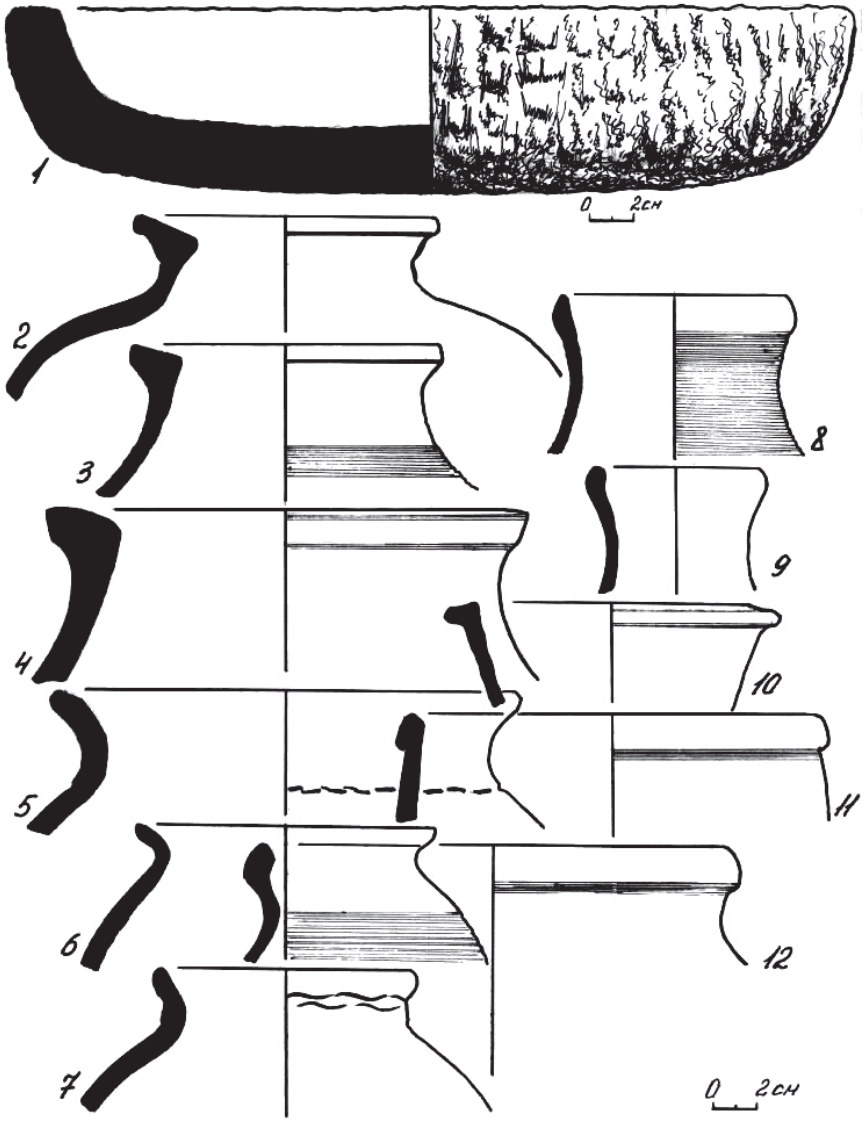
XX

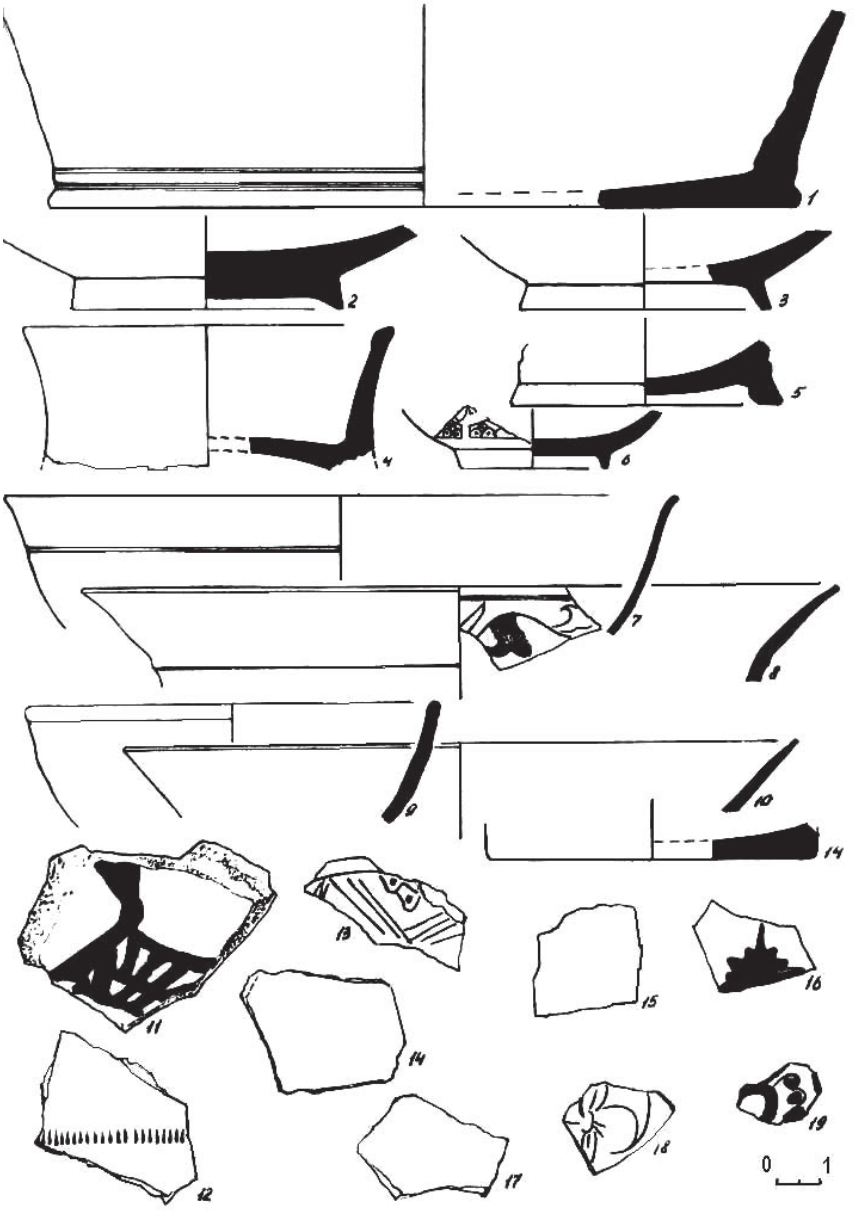
XXI

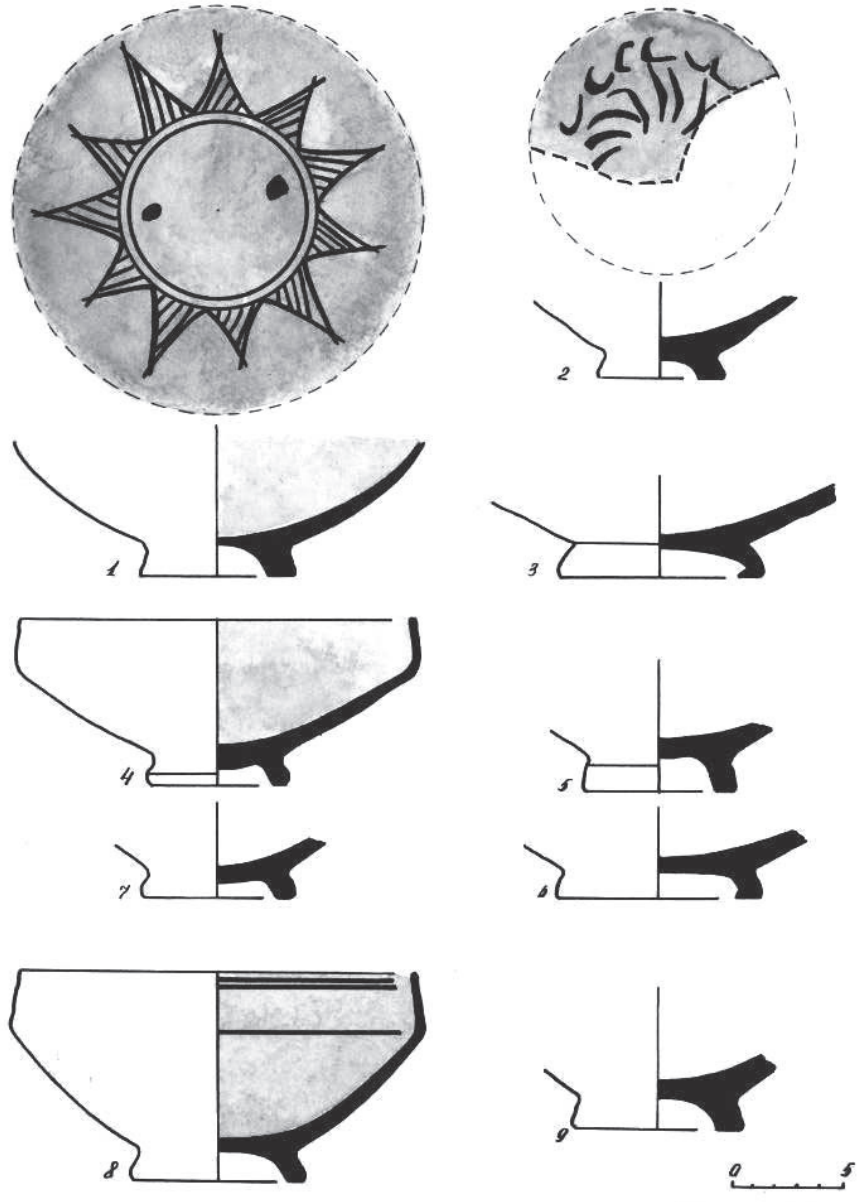
XXII

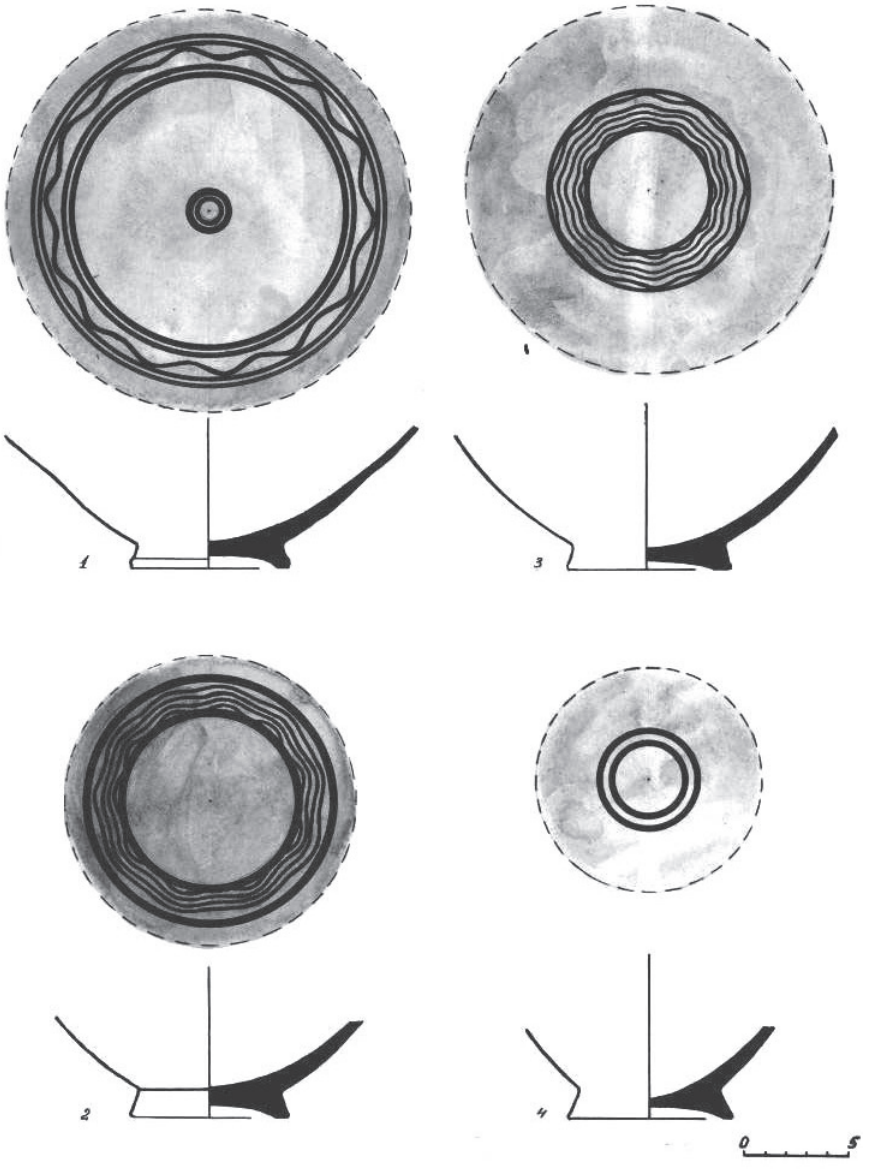
XXIII

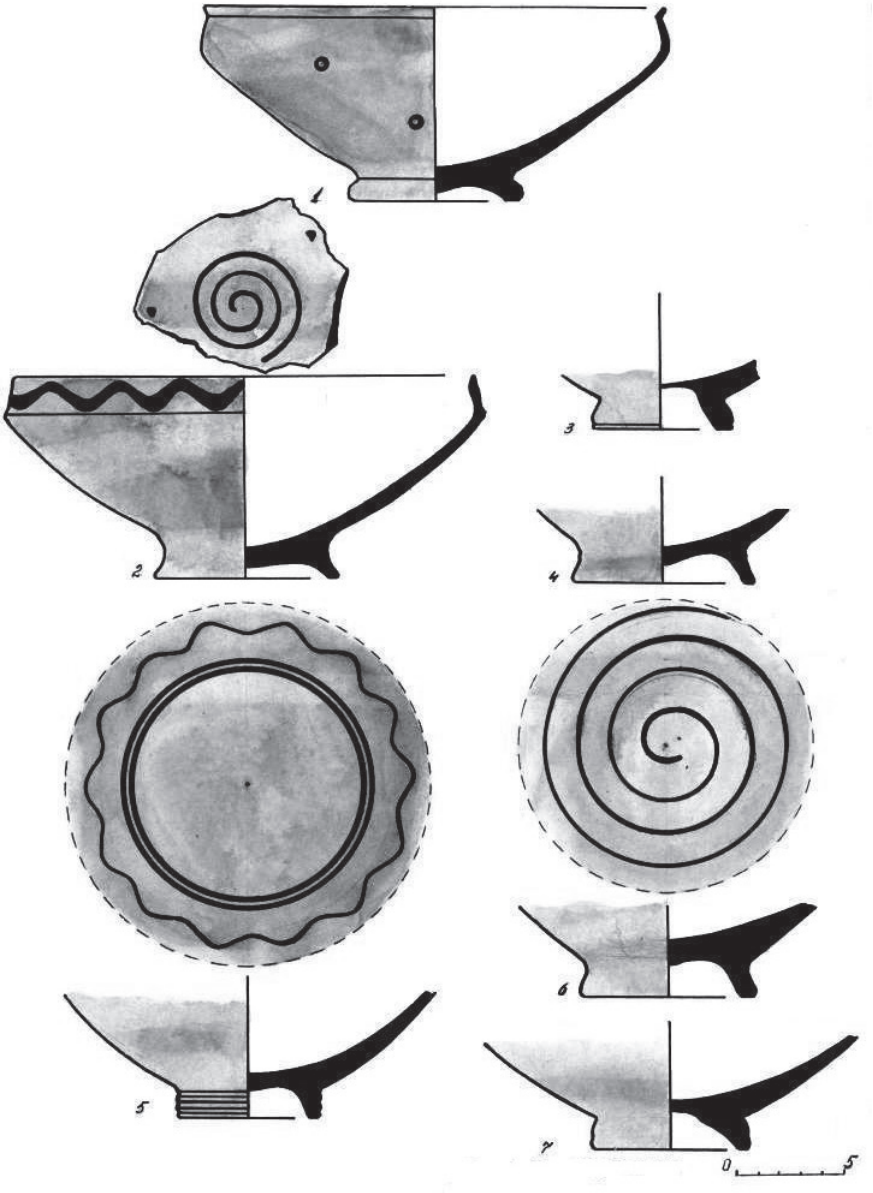
XXIV

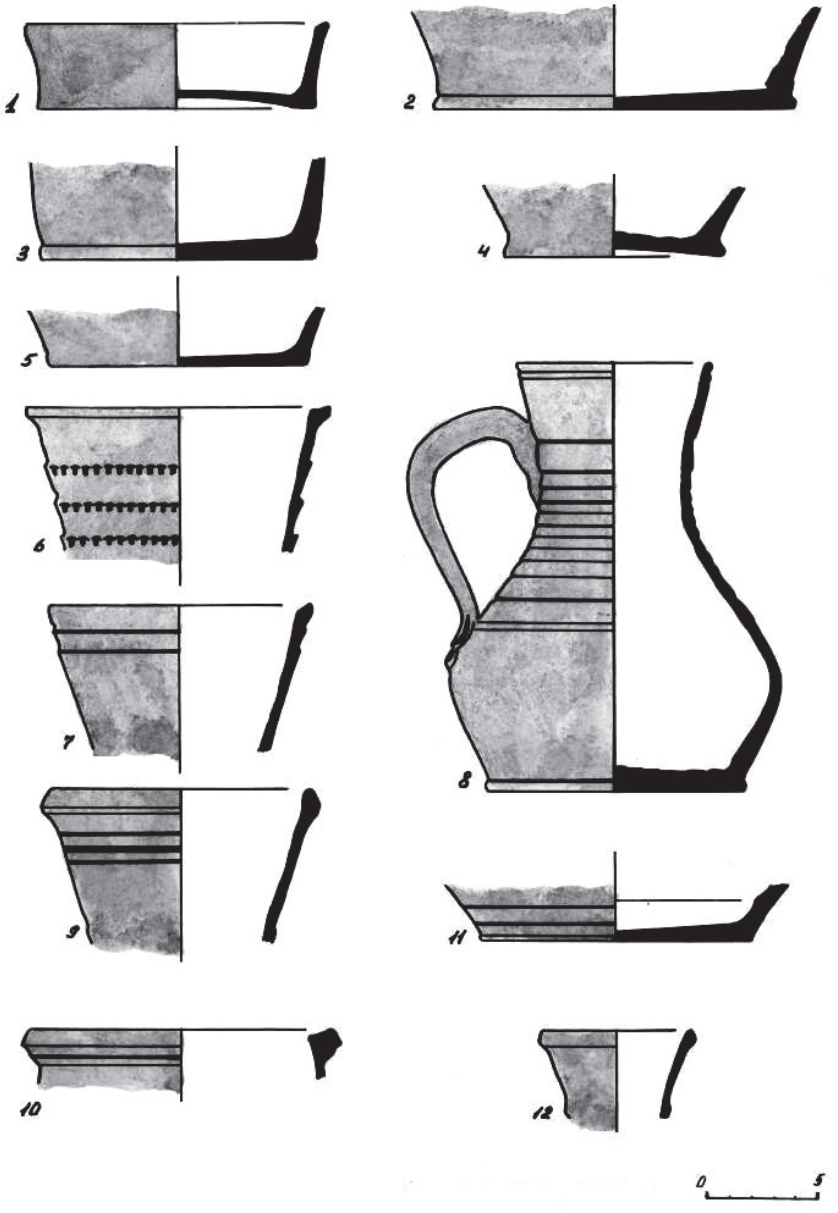
XXV

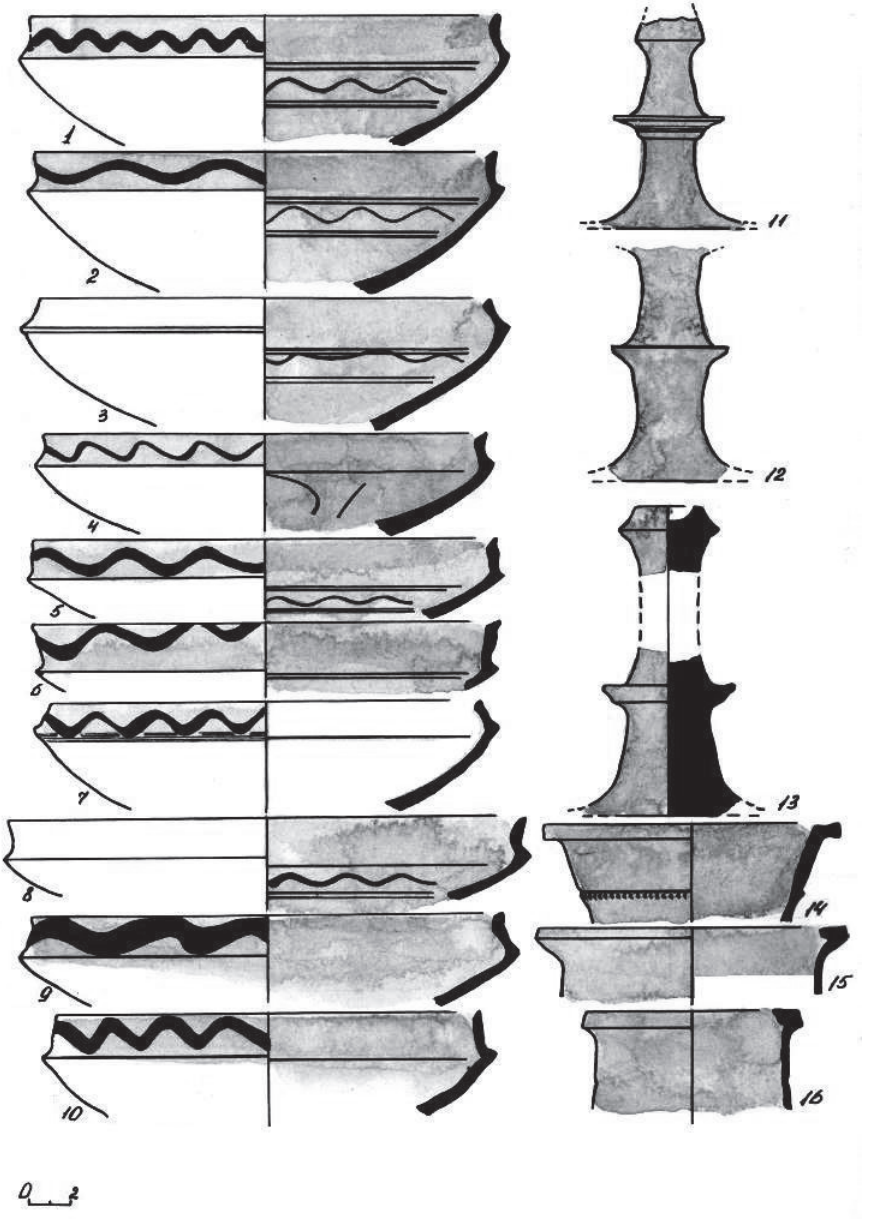
XXVI

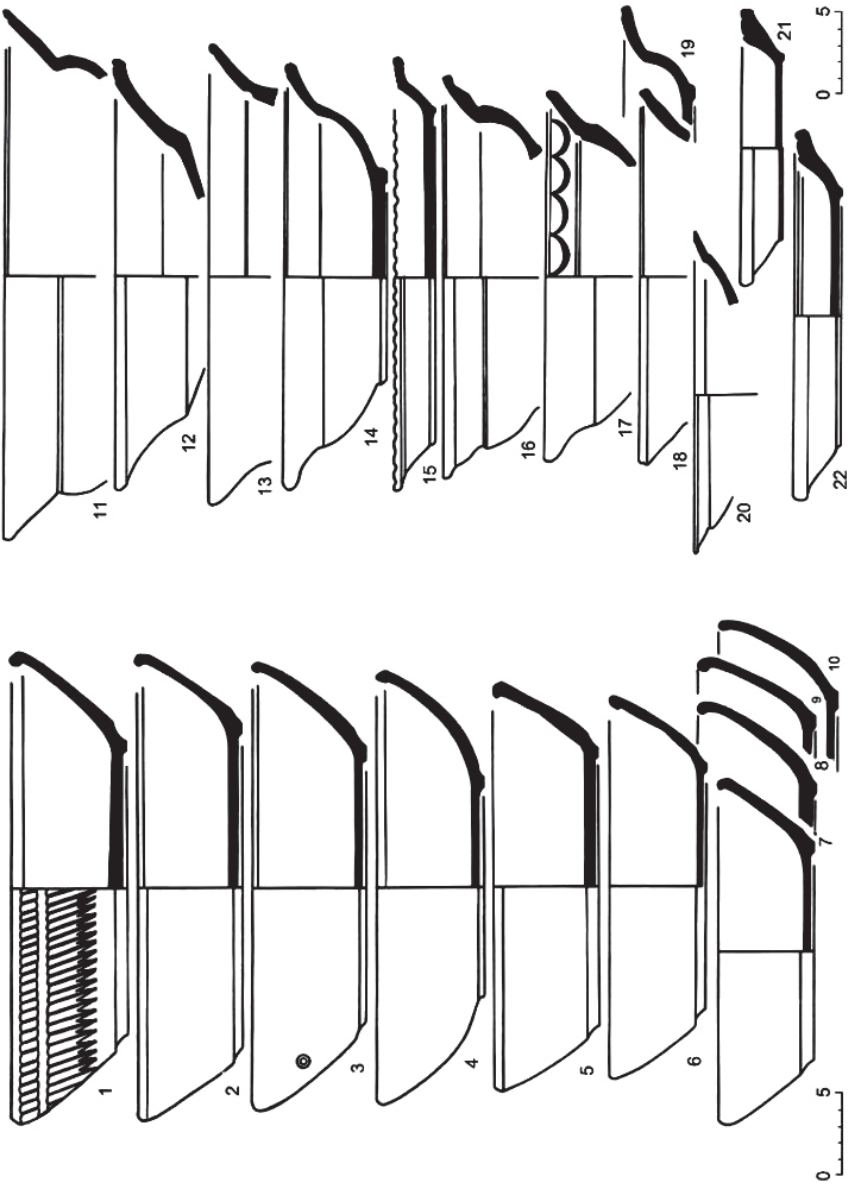
XXVII

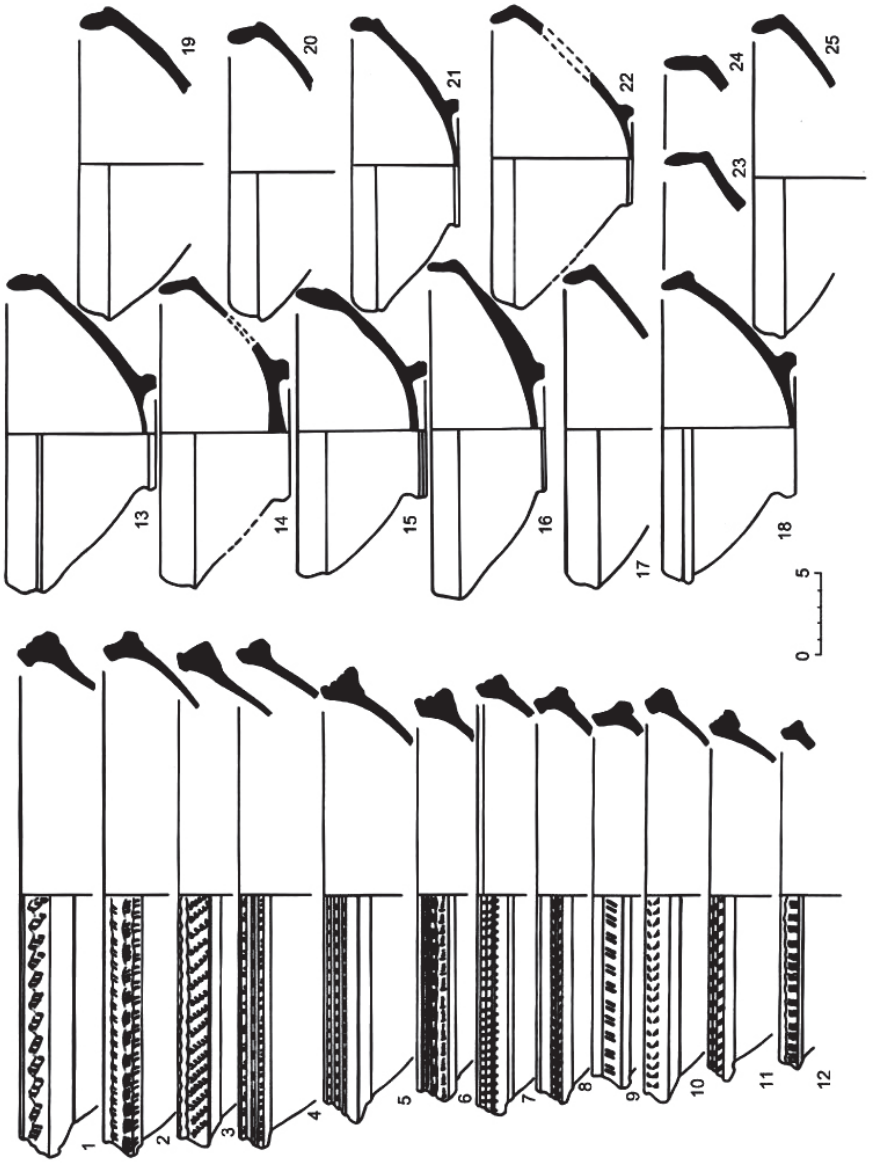
XXVIII

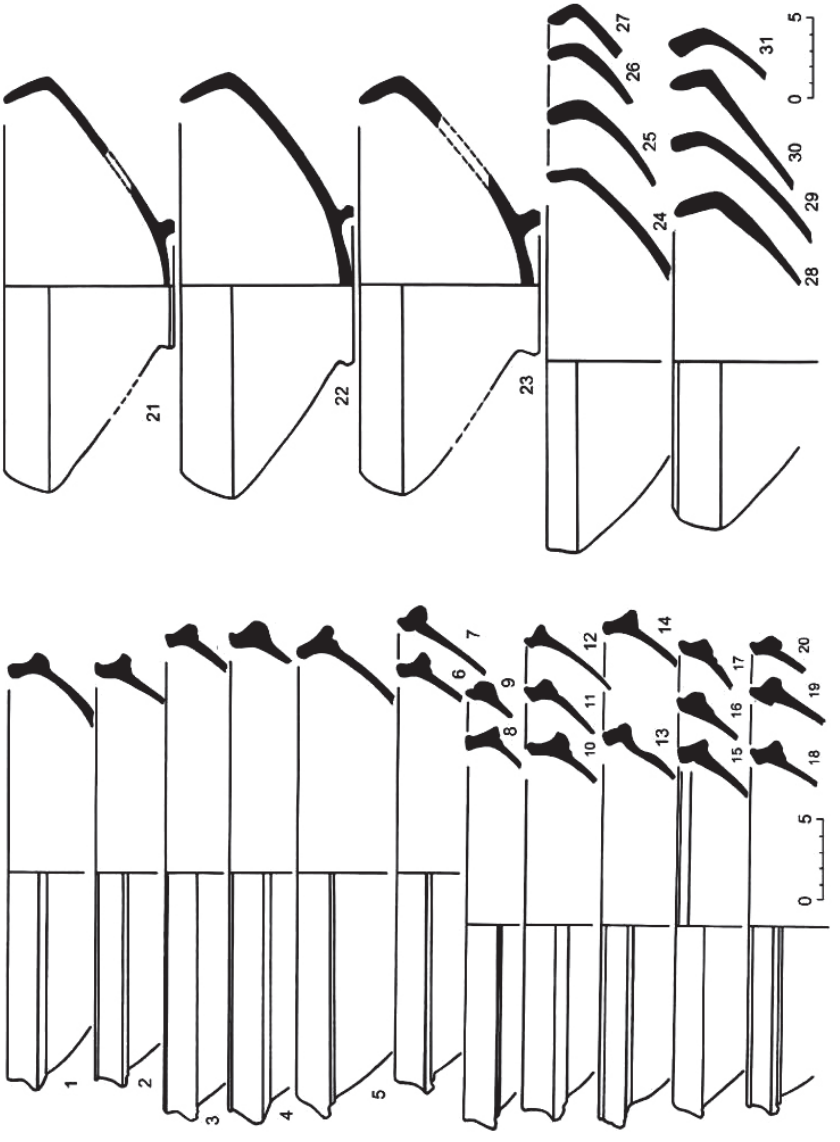
XXIX

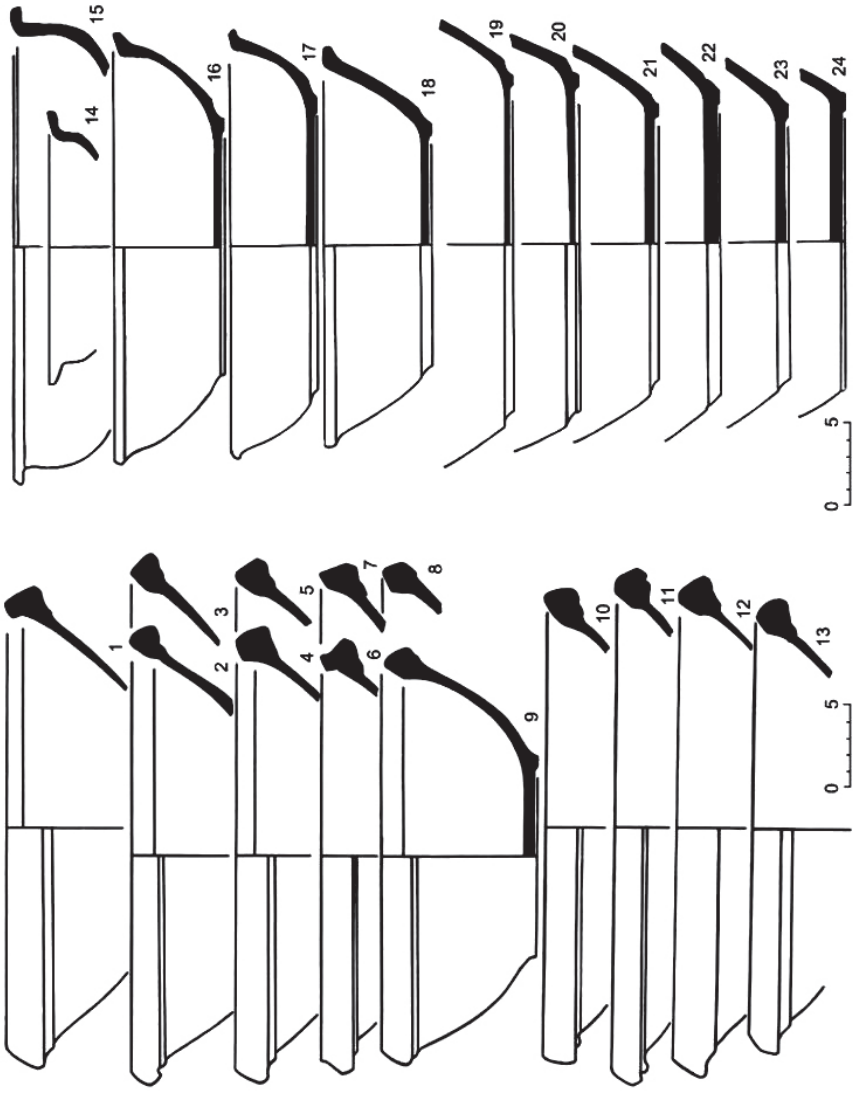
XXX

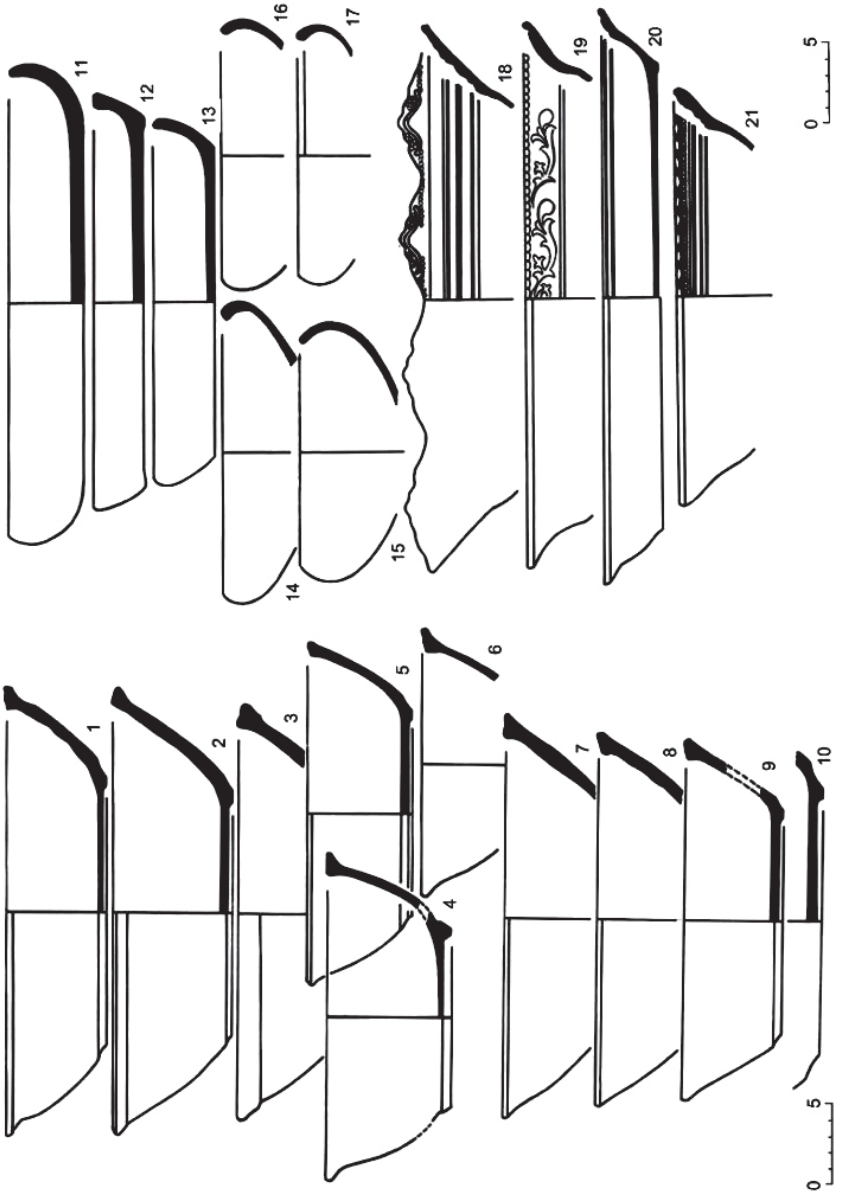
XXXI

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
0
5
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
0
5

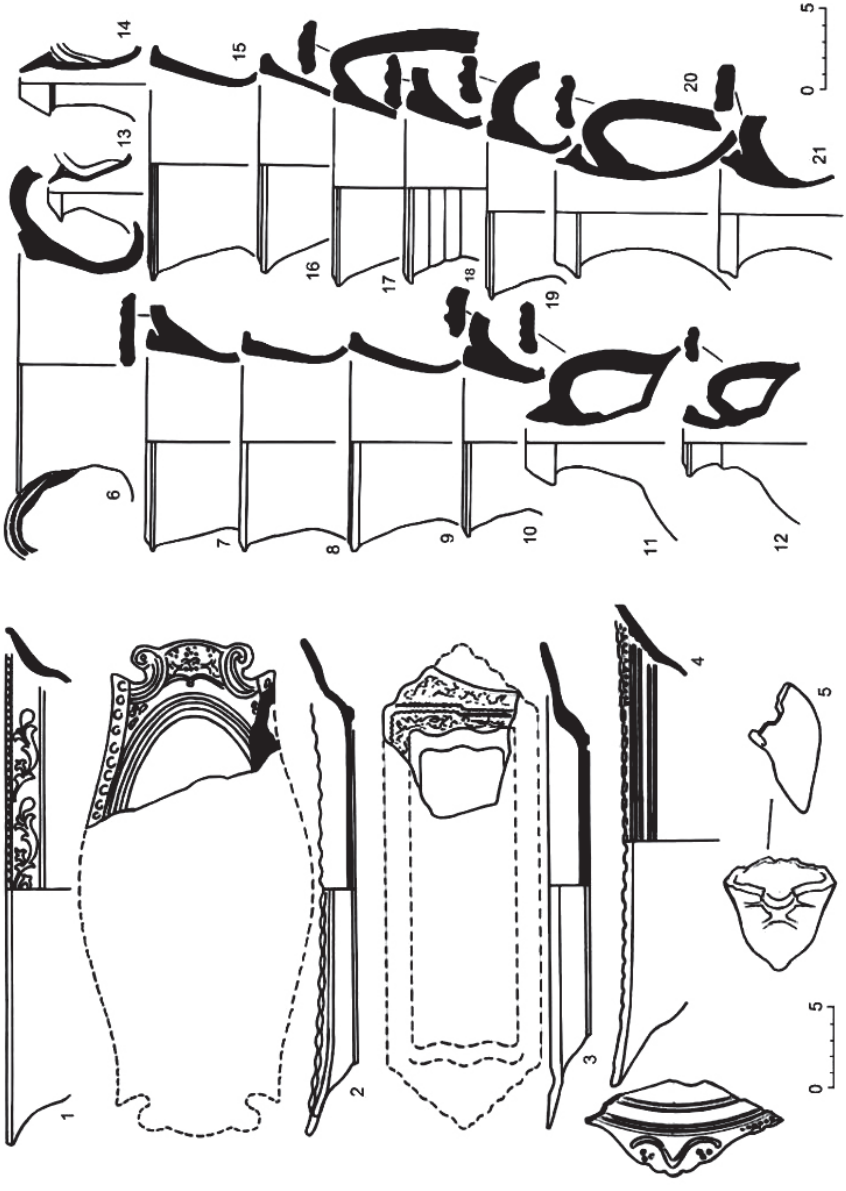
XXXII

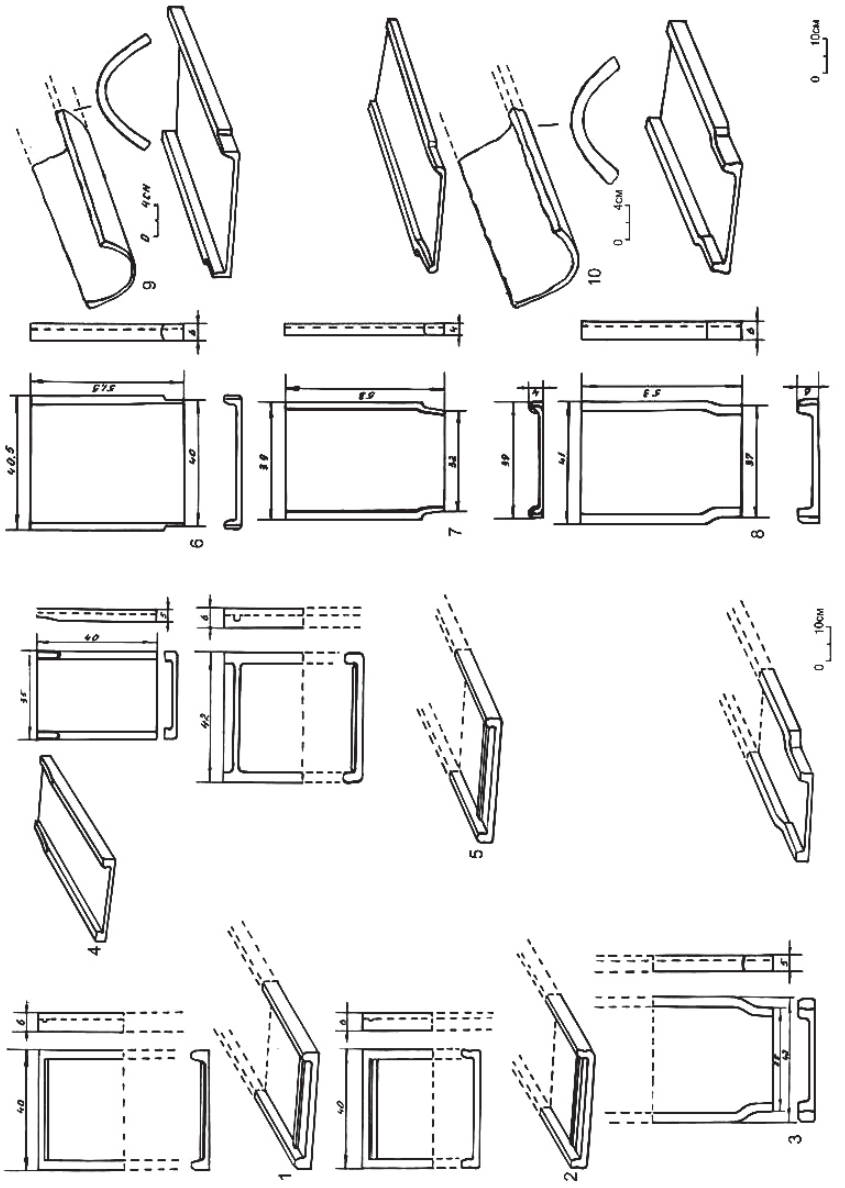
XXXIII

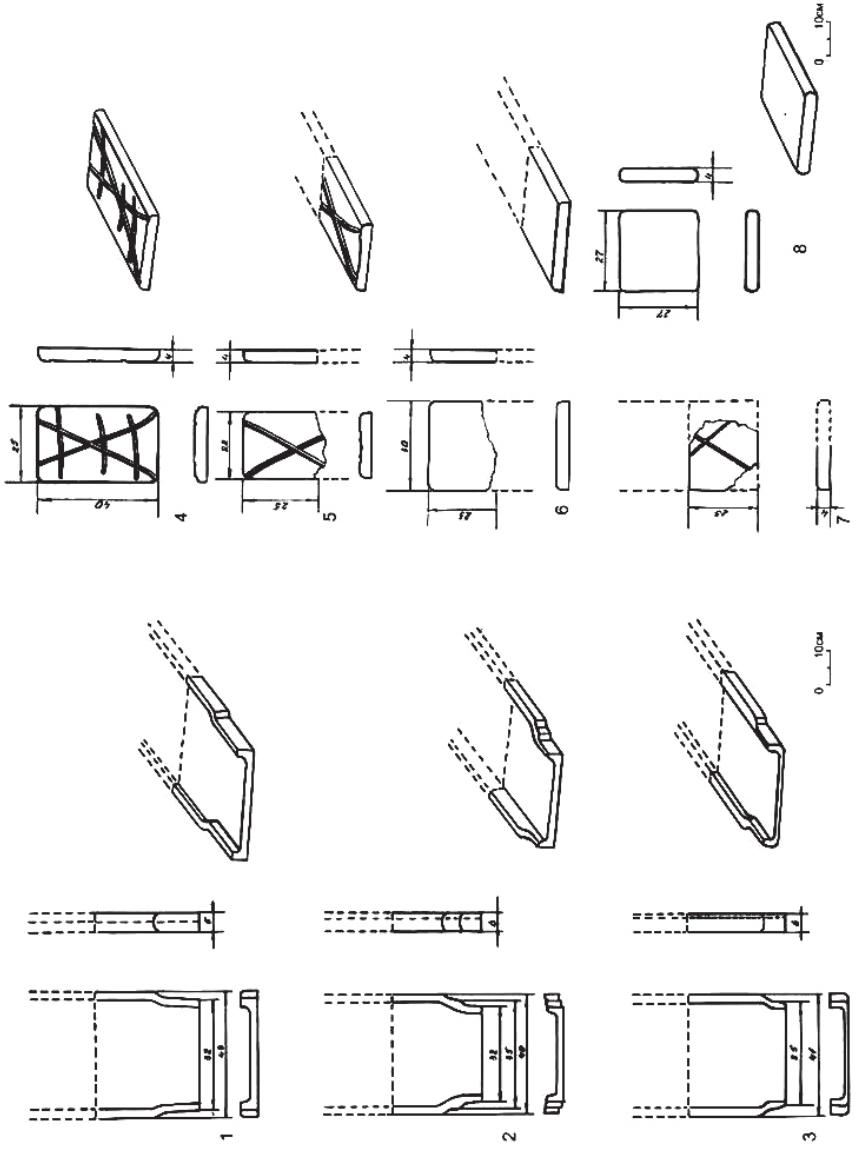
XXXIV

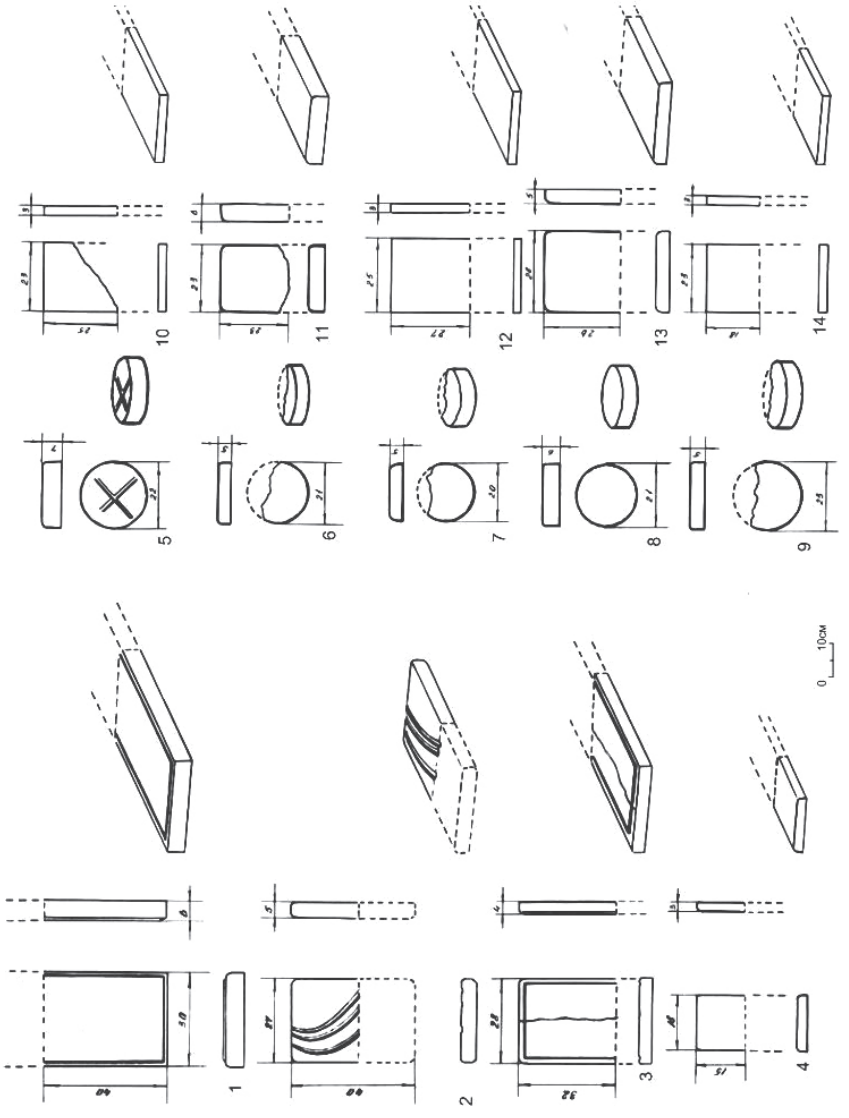
XXXV

XXXVI

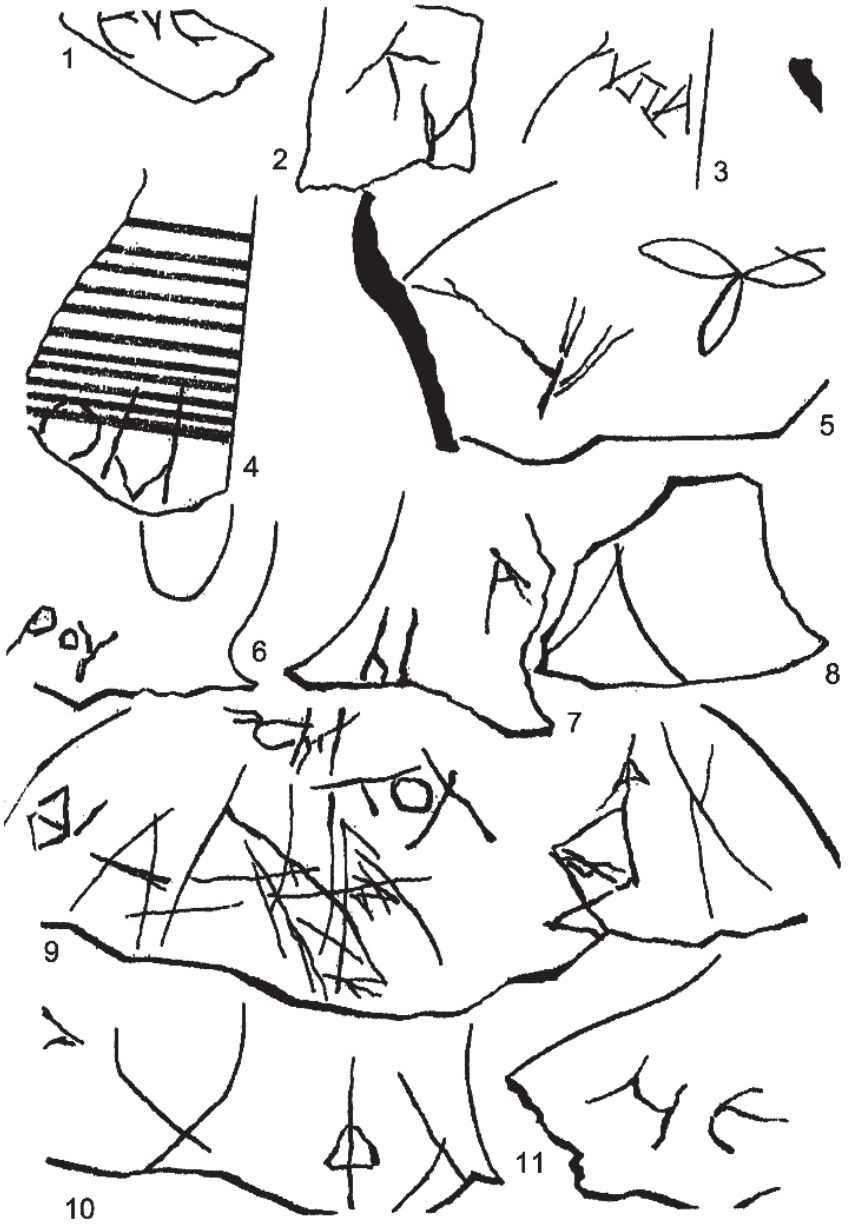
XXXVII

XXXVIII

XXXIX

Габелия Алик Николаевич

Абхазия в предантичную и античную эпохи

Научное издание

Илюстраций ***У. Бенони, И.В. Сакания***
Фотографии ***Г.А. Джаджаа , А.Р. Сакания***

Редактор ***В.И. Пейливанова***
Редактор английского текста ***Э.В. Маргания***
Корректор ***В.И. Пейливанова***
Корректор английского текста ***Г.А. Габелия***
Компьютерный набор ***М.А. Тванба***
Технический редактор ***А.Ш. Береджи***
Компьютерная верстка ***А.Ш. Береджи***

Формат 60х90 1/16. Физ. печ. лист 31.
Тираж 300 экз.

Отпечатано ООО «Алашарбага»
г. Сухум, ул. Университетская, 1